10978

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Количество пред. выдач

568	90	11/V 66

18134

Вестник Европы. Т. 1 1907.

568	8/II 66	

№2

Вестник Европы,
1907 г.
т. 1.
кн. 2 - февраль.

18134.

49 г.

№ 2

050

Коломенская общественная библиотека имени А. В. Каменщикова

3676

18134

„ДНЕВНИКЪ“

ГРАФА П. А. ВАЛУЕВА

1880-ый годъ.

Май *).

1 мая. — Первое мая! Мнѣ не до мая. Выѣзжалъ. У меня былъ новый хозяинъ печати, Абаза. Нѣтъ быстроты пріема. Впрочемъ, увидимъ.

2 мая. — Коммиссія прошеній. Ко мнѣ заѣзжали министръ внутреннихъ дѣлъ и графъ Лорисъ-Меликовъ. Sempre lo stesso.

3 мая.—Утромъ парадъ на Марсовомъ полѣ. Кажется, все было удачно. Погода великолѣпная. Затѣмъ—дома. Дописалъ XXXIV главу „Лорина“.

4 мая.—Утромъ у обѣдни. Выѣзжалъ для нѣкоторыхъ визитовъ. Былъ у Нелидовой. Она говоритъ, что слышала отъ графа Лор.-Меликова, что графъ Тотлебенъ не поѣдетъ въ Варшаву. Подробностей не знаетъ, потому что графъ Лор.-Меликовъ былъ при другихъ гостяхъ. Маковъ заходилъ ко мнѣ, но меня не засталъ.

Затѣмъ—дома. Нездоровится.

*) См. выше: январь, стр. 232.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

5 мая.—Не поѣхалъ въ государственный совѣтъ. Ко мнѣ заходилъ Маковъ. Дѣйствительно, графъ Тотлебенъ въ Варшаву не поѣдетъ, а замѣнитъ Альбединскаго въ Вильнѣ, т.-е. безъ анормальныхъ полномочій; въ Варшаву же отправится Альбединскій. Послѣдняго ждутъ сюда сегодня. Государь самъ объявилъ о томъ Макову, безъ объясненій. Кажется, однако, что государь самъ смекнулъ невозможность первой комбинаціи и не безъ труда отдѣлался отъ маневровъ графа Тотлебена, которому все-таки хотѣлось въ Варшаву. Въ Одессу назначается генералъ Дрентельнъ. Завтра, говорятъ, государь переѣзжаетъ въ Царское-Село. Императрица останется здѣсь—до времени.

6 мая. — Комитетъ министровъ. Сабуровъ былъ въ первый разъ, и безъ всякой застѣнчивости или замѣшательства. Въ первый разъ я замѣтилъ со стороны графа Л.-Меликова прямой пошибъ вліянія на дѣла. Рѣчь шла объ отклоненіи ходатайства рязанскаго земства по училищной части. Пошибъ былъ популярнически-адвокатскій за земство. Но такъ какъ дѣло было отложено, то и результатъ попытки вліянія отсрочился.

О графѣ Л.-Меликовѣ слишкомъ много говорятъ и ему слишкомъ много приписываютъ. On est en voie d'en faire un Michel I, comme successeur de Pierre IV. Cela prépare le dénoncement.

7 мая. — Выѣзжалъ. Былъ у графа Л.-Меликова, который былъ у меня, но меня не засталъ. Любопытный предметъ наблюденія и анализа. Самъ говоритъ, что у другого, на его мѣстѣ, давно вскружилась бы голова. Это признаніе—простодушный признакъ нѣкотораго круженія. Но степень его пока весьма незначительная. Много сдержанности и такта. Обстановка—адъютантская и проч.—въ стилѣ crescendo. Взглядъ на дѣла—конечно, весьма неполный, но безъ крупныхъ ошибокъ. Оцѣнка людей—безъ исключенія—поверхностная, но достаточно недовѣрія, чтобы и здѣсь предупредить крупные промахи.

Со вчерашняго дня идетъ въ судѣ дѣло Веймара. Къ сожалѣнію, допускается снова эффектная обстановка. Роздано триста билетовъ на этотъ спектакль. Газеты рисуютъ пиджаки, прическу и очки подсудимыхъ. Къ чему все это?

8 мая.—Выходилъ. У меня были Альбединскій и Дрентельнъ. Первый разсказалъ свою бесѣду съ государемъ при первой аудіенціи. Повторилось все, что было говорено при насъ о вѣнскомъ

конгрессѣ и проч., не исключая и обычное „aegritudo animi“? Второй не безъ иронiи говоритъ, что до сихъ поръ не видитъ, что̀ сдѣлано верховною коммиссiею.

9 мая.—Получилъ отъ графа Л.-Меликова увѣдомленiе, что мнѣ повелѣно предсѣдательствовать въ особомъ совѣщанiи по дѣлу о редстокистахъ-пашковцахъ. Они неудобно разрослись и распространились.

Обѣдалъ у государя. Были: Цесаревичъ и Цесаревна, великiй князь Михаилъ Николаевичъ и великая княгиня Ольга Ѳедоровна, ихъ два сына, трое великихъ князей домашнихъ, герцогиня Эдинбургская, Альбединскiй, Маковъ и я. Итого—изъ четырнадцати—одно величество и десять императорскихъ высочествъ. Рѣдко гдѣ-либо можетъ это такъ сбыться. Государь два раза говорилъ о пашковцахъ. Онъ, видимо, занятъ этимъ дѣломъ.

Утромъ великiй князь Михаилъ Николаевичъ былъ у меня. Онъ уѣзжаетъ сегодня вечеромъ въ Тифлисъ; но состоянiе императрицы таково, что онъ считаетъ не невозможнымъ, чтобы ему пришлось вернуться съ дороги.

Видѣлъ возвратившагося изъ отпуска барона Будберга. Онъ пріѣхалъ теперь черезъ Вѣну и говоритъ, que notre position politique à l'étranger est impossible.

11 мая.—Утромъ у обѣдни. Выѣзжалъ. Былъ у Абазы, который боленъ. Князь Ливенъ не пользуется большими симпатiями и, впрочемъ, мало что̀ дѣлаетъ, что̀ бы ихъ могло возбуждать.

Вчера—сообщенiе у графа Л.-Меликова по дѣлу о пашковцахъ. Онъ, Маковъ, князь Урусовъ, Побѣдоносцевъ, Кахановъ и я. Проявляется извѣстный апломбъ, но горизонтъ тѣсенъ. У Макова—genre terre à terre, по обыкновенiю. Князь Урусовъ, также по обыкновенiю, genre anguille. Корректнѣе всѣхъ былъ Побѣдоносцевъ. Заключенiя постановить было не трудно, потому что выбора не предстояло; но два часа времени лишнихъ потрачено. Странно, что постоянно выношу одно и то же впечатлѣнiе. Какъ будто я конный, а они—пѣшiе. Я у цѣли, а они еще въ дорогѣ. Кромѣ того, они какъ будто никогда не видятъ, въ чемъ дѣло, о которомъ рѣчь, соприкасается съ другими дѣлами. Напримѣръ, вчера никто не замѣчалъ, что роль, которую признали бы за синодомъ, относительно пашковцевъ, pro casu, была бы, ipso facto, признана и относительно раскольниковъ вообще.

Утромъ сообщилъ Побѣдоносцеву мое письмо 1875 г. къ епископу Леониду. Посмотримъ, что̀ онъ скажетъ.

Что за положеніе! Что за синклитъ! Что за публика! Достойна она своей печати (т.-е. прессы). Иду, вынужденъ идти, одиноко, по одному и тому же пути. Иногда другіе сходятся со мною, но не надолго. Against adze, and against time! Но, благодаря Бога, продолжаю идти.

Вечеромъ — у Сольскихъ. Принцесса Евгенія Максиміліановна Ольденбургская и Вл. Мятлевъ. Читалъ имъ главы XXXI—XXXIV „Лорина". Впечатлѣніемъ не имѣю повода быть недовольнымъ.

12 мая.—Утромъ государственный совѣтъ. Потомъ комитетъ финансовъ, въ Мраморномъ дворцѣ. Обычное разглагольствованіе при заранѣе заготовленномъ къ подписи журналѣ, который и былъ подписанъ. Дѣло въ выпускѣ новой серіи желѣзнодорожныхъ облигацій, но черезъ государственный банкъ, а не черезъ иностранныхъ банкировъ.

Выходилъ послѣ обѣда. Государь, третьяго дня переѣхавшій въ Царское-Село, сегодня былъ въ городѣ.

13 мая.—Комитетъ министровъ. Затѣмъ дома. Множество частныхъ просьбъ, по которымъ приходится писать.

Сколько различныхъ характеристичныхъ признаковъ и пріемовъ у людей! Какъ, между прочимъ, степень и родъ интеллектуальной культуры видны, или, точнѣе, слышны въ голосѣ, въ интонаціи, въ діапазонѣ, въ обрывахъ рѣчи, и т. п.

14 мая.—Выѣзжалъ. Былъ въ учетномъ банкѣ. Новая финансовая операція, повидимому, не встрѣчена сочувственно на биржѣ. Успѣхъ сомнителенъ, если министръ финансовъ не рѣшится на нѣкоторыя дополнительныя льготы, или на широкое примѣненіе моей имъ такъ упорно отвергавшейся теоріи. Увидимъ.

Приговоръ надъ Веймаромъ, Михайловымъ и друг. произнесенъ сегодня въ три часа утра. Никакихъ подробностей не знаю. Ни Макова, ни гр. Лорисъ-Меликова не видалъ.

Отправилъ къ государю журналъ совѣщанія по дѣлу о пашковцахъ.

15 мая.—Выходилъ утромъ. Остановился тамъ, гдѣ три года тому назадъ мнѣ сказывалось: a riband for a horse! Нѣчто подобное чувствовалъ и сегодня, но съ другимъ оттѣнкомъ.

Съ утра настроенъ тяжело. Телеграфъ принесъ тревожное извѣщеніе отъ старшаго сына. Богъ милостивъ.

Написалъ Сольскому, что, какъ мнѣ сдается, министръ финансовъ долженъ будетъ оправдать взглядъ моихъ „Отголосковъ“. Про его операцію говорятъ, что это—„гвардейскій заемъ“. Несовсѣмъ такъ, если у него хватитъ духа на то, о чемъ я думаю. Mundus vult decipi.

17 мая.—Вчера коммиссія прошеній. Былъ на экзаменѣ въ Николаевскомъ институтѣ.

Обѣдалъ въ Царскомъ у государя и долженъ былъ остаться для его вечерней партіи. Вернулся на почтовыхъ, ночью. Болѣе сорока лѣтъ такъ не возвращался. Между обѣдомъ и вечеромъ выходилъ въ садъ. Печальныя впечатлѣнія. Садъ запертъ. Впускъ по билетамъ. Почти никого, кромѣ часовыхъ и полицейскихъ агентовъ. Таково теперь положеніе Самодержца-Освободителя,—обожаемаго монарха, и т. д. и т. д.! Только за часовыми или въ пустынѣ онъ себя можетъ считать въ безопасности!

Замѣтилъ у озера, передъ большимъ павильономъ, бронзовую копію съ римскаго капитолійскаго гладіатора. Слѣпокъ вѣрный. Кажется, прежде его не замѣчалъ, или забылъ. На память напрашивается стихъ:

And unaveng'd! Arise ye Goths...

За обѣдомъ были Грейгъ, Маковъ, гр. Н. Игнатьевъ, Шерваль, Бехтольгеймъ,—котораго я привезъ въ городъ на тройкѣ,—и флигель-адъютантъ, котораго имя изъ памяти улетучилось.

Сегодня выѣзжалъ утромъ. Былъ у Маковскаго, для скучнаго сеанса, и у разныхъ швейцаровъ.

Опредѣленныя по процессу Веймара кары смягчены. По этому поводу сегодня въ газетахъ приторныя статьи. Нота вѣрна, но неумѣлое размазываніе или растягиваніе производитъ фальшивые звуки.

Съ княземъ Горчаковымъ случился вчера припадокъ помѣшательства. Гр. Н. Игнатьевъ говорилъ, что онъ непомѣрно ѣстъ и вообще, такъ сказать, животнится. Сегодня, говорятъ, ему лучше. Какой конецъ для героя брилліантовыхъ перьевъ и нашихъ газетъ!

18 мая.—Утромъ у обѣдни. Днемъ выходилъ. Видѣлъ Макова. Вечеромъ у Сольскихъ, на полчаса, для сообщенія отрывковъ изъ моего дневника за 1867 годъ.

Заботы по особому, частному, не оффиціальному или служебному вопросу. Трудно при этомъ работать.

19 мая.—Выходилъ утромъ. Видѣлъ у себя гр. Лорисъ-Меликова, который говоритъ, что многое раскрывается его разспросами и доказываетъ неумѣлость прежнихъ слѣдствій. Обѣдалъ на Каменномъ островѣ у принца Ольденбургскаго.

— + — въ полномъ ходу. Повторяю: что за положеніе! Связанъ по рукамъ и ногамъ. Вижу, наклоняю голову и жду. Здоровье потрясено, силы начинаютъ измѣнять. Сегодня утромъ было особенно тяжело.

20 мая.—Кавказскій комитетъ. Потомъ комитетъ министровъ. Тяжелое и непріятное засѣданіе. По весьма легкомысленно составленному проекту сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ кн. Ливена длинные толки, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ недоброхотства со стороны нѣсколькихъ членовъ. Затѣмъ вопросъ объ отмѣнѣ процентнаго сбора въ Западномъ краѣ. Самая слабая и недостойная защита министромъ внутреннихъ дѣлъ своихъ собственныхъ предположеній. Со стороны Абазы—грубый пошибъ покойныхъ Н. Милютина, Чевкина и друг. Робкое сочувствіе кн. Урусова, слабая поддержка гр. Лорисъ-Меликовымъ. Лучше всѣхъ былъ Сольскій. Дѣло кончилось отсрочкой, на которую я согласился потому, что она, по крайней мѣрѣ, не портитъ дѣла, и потому, что для меня на этотъ разъ было достаточно напомнить, какъ я выразился, „въ присутствіи покорителя Карса“, о полякахъ, павшихъ въ Болгаріи и за Кавказомъ, и сказать, что я считаю недостойнымъ брать кровь, когда она нужна, и деньги, когда не требуется крови. Мнѣ сдается, что Абазѣ не сойдетъ съ рукъ его сегодняшняя роль. Судьба должна смести его, какъ смела Н. Милютина.

21 мая.—Утромъ въ Мраморномъ дворцѣ. Видѣлъ королеву эллиновъ, но ею не былъ видѣнъ. По нездоровью великой княгини Александры Іосифовны, никакихъ формальныхъ представленій и константиновскихъ поздравленій не было. Вечеромъ у меня былъ министръ путей сообщенія по поводу своихъ затрудненій съ коммиссіею гр. Баранова.

Доходящіе до меня отголоски изъ среды власть имѣющихъ подтверждаютъ мои о нихъ мнѣнія. Пребывать въ тѣни—самое удобное и правильное.

Министръ внутреннихъ дѣлъ уѣхалъ. Надобности уѣзжать не было. Предлогъ—приволжскій край. Мотивъ—взглянуть на свои уфимскія владѣнія.

22 мая. — Императрица Марія Александровна скончалась сегодня, въ седьмомъ часу утра, и, какъ до сихъ поръ кажется, одна и безъ сознанія. Утромъ ея уже не было въ живыхъ, когда пришелъ или когда призванъ былъ докторъ Алышевскій. Дали знать въ Царское-Село. Государь пріѣхалъ, съѣхались члены семьи, и вѣсть разнеслась по городу. Въ 6 ч. вечера вышло прибавленіе къ „Правительственному Вѣстнику“, съ краткимъ о томъ извѣщеніемъ. Показались на улицахъ траурныя ливреи, и въ домахъ заговорили о предстоящихъ церемоніяхъ.

До сего дня едва ли какая-либо вѣнценосная жена умерла такъ безшумно, такъ одиноко. Всѣ предшествовавшія обстоятельства, вся современная обстановка,—даже до вчерашняго присутствія на Елагинской Стрѣлкѣ всей царской семьи, за исключеніемъ государя,—безпримѣрны...

Недостатка въ фразахъ не будетъ, но слезъ будетъ мало. Пустоты не ощутится, потому что уже при жизни почившей вокругъ нея стало пусто, и она сама ничего собою не наполняла. Какъ мать—съ благоговѣніемъ почтутъ ея память дѣти...

Ѣздилъ на Елагинъ, съ женою, смотрѣть дачу. Конечно, мы не проѣхали до Стрѣлки. На обратномъ пути я всматривался въ лица знакомыхъ и незнакомыхъ. Мысли о новопреставленной на нихъ не было замѣтно.

23 мая.—Утромъ коммиссія прошеній. Затѣмъ дома. Видѣлъ вернувшагося изъ Вѣны Мосолова. Кажется, что по римско-католическимъ дѣламъ онъ тѣмъ успѣшнѣе выполнилъ данное ему порученіе.

24 мая.—Утромъ во дворцѣ. Выносъ тѣла покойной императрицы въ большую церковь. Вечеромъ тамъ же на панихидѣ. Замирающее впечатлѣніе. Черты усопшей приняли выраженіе, напоминающее былыя, лучшія времена. Говорилъ о ней съ ген. Вердеромъ. Быть можетъ, онъ правъ, утверждая, что привязанность и преданность государю составляли и все содержаніе, и объясненіе, и оправданіе ея жизни.

Обычная пышность церемоніала, къ которой я совершенно равнодушенъ. Обычныя впечатлѣнія относительно нашего духовенства. Въ такія минуты,—когда на рубежѣ земного и вѣчнаго, священнодѣйствуя передъ гробомъ усопшаго и передъ толпою живыхъ, оно возноситъ молитвы къ Богу и напоминаетъ о Немъ своей паствѣ,—придворное духовенство стоитъ какъ будто на уровнѣ придворныхъ служителей,—ниже низкаго уровня такъ называемыхъ чиновъ Двора.

25 мая.—Два раза во дворцѣ, у обѣдни и вечеромъ на панихидѣ. Начался пріѣздъ иностранныхъ принцевъ. Церемоніальная экспедиція—est aux abois. Еще предстоитъ три дня траурной суеты.

26 мая.—Перевезеніе тѣла почившей императрицы въ Петропавловскій соборъ. Совершено при сильнѣйшей, хотя уже начинавшей стихать бурѣ, при взволнованной бурею какъ море Невѣ и по поднятому почти до разрыва Троицкому мосту, но при проблескахъ солнца и, благодаря Бога, безъ всякихъ неблагополучій. Слышалъ (мы съ женою въ крѣпость не поѣхали, такъ какъ утромъ дежурили у гроба), „que le spectacle de la procession funèbre était magnifique". Понимаю, что это великолѣпіе можетъ быть не мнимымъ, и другимъ казаться великолѣпнымъ.

27 мая.—Утромъ, съ 6 до 8 ч., въ крѣпости, съ женою, на второмъ дежурствѣ. Въ полночь предстоитъ третье. Отсутствующихъ такъ много, что съ трудомъ набирается требуемое по церемоніалу число лицъ.

Комитетъ министровъ. Видѣлъ тамъ на минуту гр. Лорисъ-Меликова. Онъ начинаетъ болѣть пошибомъ земскихъ дѣятелей и связанною съ нимъ дешевою популярностью.

28 мая.—Съ полуночи до 2 ч. утра—въ Петропавловскомъ соборѣ на дежурствѣ, съ женою, какъ и оба первые раза. Потомъ—при отпѣваніи и погребеніи. Умалчиваю о разныхъ иностранныхъ элементахъ обстановки. Все это сохранится въ газетахъ, какъ и частности обычнаго церемоніала. Государь былъ видимо взволнованъ и тронутъ въ роковую минуту послѣдняго прощанія. Изъ дѣтей—наиболѣе чувства видѣлось въ великомъ князѣ Сергіѣ. Другіе оставались вѣрными своимъ привычнымъ оттѣнкамъ. Черная масса, которую я видѣлъ ночью, на поклоненіи, искренна и полусознательна. Золоченая масса, которую видѣлъ утромъ, полуискренна, и если сознательнѣе черной, то преимущественно подъ вліяніемъ личныхъ интересовъ и соображеній.

Припоминаю и мои впечатлѣнія, и разговоръ съ Вердеромъ. Опасаюсь быть несправедливымъ. Быть можетъ, и здѣсь формула — + — объяснительный ключъ. Стараюсь припомнить, въ сферѣ дѣлъ правительственныхъ, проявленія того великодушія, которое проявлялось въ сферѣ частной жизни.

Теперь здѣсь налицо всѣ перемѣщенные, назначенные и уволенные воеводы: гр. Коцебу, гр. Тотлебенъ, Альбединскій, Гурко и Дрентельнъ, который сегодня былъ у меня, чтобы проститься. Vediam.

29 мая.—Утромъ у обѣдни. Выходилъ. Вечеромъ—на панихидѣ по умершемъ, послѣ долгой хронической болѣзни, но почти внезапно, тайномъ совѣтникѣ Гурко. Видѣлъ тамъ одну мнѣ незнакомую даму (кажется, Тимирязеву),—того русскаго типа, съ которымъ можетъ идти въ ровень развѣ только высшій англійскій, и то не совсѣмъ. Ея портретъ годился бы для моей графини Искрицкой въ „Лоринѣ“. До сихъ поръ я не знаю ни одного подходящаго для этой героини лица, кромѣ видѣнной въ Римѣ (въ 1868 г.) статуи „Фабіола“ и не помню кѣмъ написанной картины „Вѣра“ изъ „Обрыва“.

30 мая.—Утромъ въ Петропавловскомъ соборѣ. Заупокойная литургія 9-го дня при обычномъ церемоніалѣ и многочисленной обстановкѣ. Выходилъ послѣ обѣда. Встрѣтилъ барона Жомини, который говоритъ, что баденскій врачъ князя Горчакова—„ne lui donne pas plus d'un an à vivre et dit avoir depuis longtemps remarqué les premiers symptômes d'une imbécillité sénile“.

31 мая.— Утромъ у пр. Ольденбургскаго. По случаю принятія имъ званія президента „Общества международнаго права“, служился молебенъ, съ крестнымъ ходомъ по дворцу. Потомъ завтракъ и спичъ d'occasion. Принцъ видитъ въ обществѣ этомъ средство къ охраненію всеобщаго мира. Онъ при этомъ такъ искрененъ, добродушенъ и добронамѣренъ, что сегодняшняя, довольно странная въ сущности церемонія,—потому что кромѣ принца-президента общество представлялось, кажется, однимъ бар. Жомини,—вовсе не казалась странною. Все семейство принимало участіе въ крестномъ ходѣ, сыновья и внукъ несли хоругви и кресты, на всемъ лежала такая явственная печать вѣры и поклоненія Богу, что настроеніе всѣхъ присутствовавшихъ какъ-то само собою подчинялось настроенію самого добраго принца. Отвѣтный тостъ, за его здравіе, послѣ его рѣчи, поручено было предложить мнѣ, что̀ мною и было исполнено.

Іюнь.

1 іюня. — Утромъ у обѣдни въ Исакіевскомъ соборѣ. Проповѣдь. Есть успѣхъ по этой части.

Ѣздилъ на Елагинъ съ женою. Погода прекрасная. Къ сожалѣнію, мнѣ не до погоды. Мнѣ нужно было записаться у датскаго принца. Всѣ прочія особы разъѣхались. Нельзя сказать, чтобы мы были умѣлы, внимательны, или даже хотя бы просто вѣжливы въ отношеніи къ иностранцамъ, пріѣзжающимъ къ намъ изъ вѣжливости.

Продолжается пребываніе въ области décousu. Работаю, но урывками. Ощущеніе непрочности всего, что̀ меня окружаетъ, тяготитъ меня.

2 іюня. — Видѣлъ графа Шувалова. Онъ слышалъ отъ германскаго кронпринца, что ему говорили и Государь, и Цесаревичъ, и военный министръ о намѣреніи Германіи отвоевать у насъ остзейцевъ. Кронпринцъ удивленъ. Я тоже,—но тѣмъ, что ему объ этомъ говорили. Видѣлъ также Альбединскаго и гр. Лорисъ-Меликова. Послѣдній en train, d'assez belle humeur, и боекъ. Онъ положительно уменъ и умѣлъ, хотя не по общему лекалу.

3 іюня. — Утромъ въ Смольномъ. Сперва, въ малой церкви, заупокойная литургія; потомъ, въ актовой залѣ, раздача наградъ выпускнымъ воспитанницамъ разныхъ заведеній Цесаревною, которой онѣ теперь подчинены. Все императорское семейство, кромѣ великаго князя Николая Николаевича. Государь по прежнему раздавалъ свои фотографическіе портреты. Особаго церемоніала представленій Цесаревнѣ не было.

Потомъ комитетъ министровъ. Вернулся оттуда пѣшкомъ. Жена и Лиза ѣздили въ Красное-Село, къ Никсу.

4 іюня.—Утромъ выпускъ въ Николаевскомъ институтѣ. Кажется, это десятый при мнѣ.

Затѣмъ цѣлый день дома. Работа по роли публициста „Отголосковъ“. Кажется, 98-я или 99-я статья съ 1-го января 1879 г. Вечеромъ получилъ приказаніе быть завтра у государя, въ Царскомъ, въ 11 ч. утра.

5 іюня.—Призывъ, какъ я догадывался, относился къ дѣламъ министерства путей сообщенія и коммиссіи гр. Баранова. Докладъ особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Абазы,—сперва утвержденный государемъ, по докладу Абазы, хотя вице-адмиралъ Посьетъ отказалъ въ своей подписи, потомъ въ тотъ же день пріостановленный въ исполненіи вслѣдствіе письма Посьета къ государю,—теперь долженъ быть предметомъ обсужденія въ комитетѣ министровъ, вмѣстѣ съ запискою гр. Баранова, на которой онъ былъ основанъ, и съ отвѣтною запискою министра путей сообщенія, вчера государю представленною. Посьетъ просилъ государя о направленіи дѣла въ комитетъ министровъ. Государь сегодня призвалъ гр. Баранова и меня, вдвоемъ, и отдалъ намъ соотвѣтствующее приказаніе. Государь, очевидно, не замѣчаетъ le dessous des cartes. Для меня дѣло поэтому имѣетъ щекотливыя стороны. Военный министръ и гр. Лорисъ-Меликовъ завербованы стороною, которою, подъ фирмою графа Баранова, двигаетъ генералъ Анненковъ. Другая сторона—самъ министръ путей сообщенія и его министерство—весьма плохи и въ дѣлахъ путейскихъ, и въ дѣлѣ защиты. Я за нихъ вступался нѣсколько разъ собственно потому, что я врагъ интригъ и маневровъ à la sourdine.

6 іюня.—Утромъ коммиссія прошеній. У меня былъ гр. Барановъ. Оборотъ дѣла его тѣмъ болѣе затрудняетъ, что онъ не сознаетъ всѣхъ аномалій своего къ нему отношенія и всѣхъ несообразностей подписываемыхъ имъ произведеній Анненкова.

7 іюня.—Переѣхали на Елагинъ островъ, на казенную дачу. Дай Богъ въ добрый часъ.

8 іюня.—Троицынъ день... das herrliche Fest. Былъ у обѣдни на Аптекарскомъ островѣ. Заходилъ въ Ботаническій садъ—поклониться альпійскимъ розамъ.

9 іюня.—У обѣдни въ елагинской дворцовой церкви. Получилъ невозможную реплику гр. Баранова на записку Посьета.

Трудно предусмотрѣть, что будетъ завтра происходить въ комитетѣ министровъ.

10 іюня.—Происходило невообразимое представленіе ограниченности министра путей сообщенія. Это, впрочемъ, облегчило исходъ дѣла безъ битья стеколъ. А клика подготовилась. Явились и гр. Милютинъ, и гр. Лорисъ-Меликовъ. Абаза былъ злобенъ; гр. Барановъ—близоруко вспыльчивъ. Но мнѣ удалось не допустить дѣла до неудобныхъ крайностей. Chien de métier, au reste!

13 іюня.—Былъ въ городѣ. Коммиссія прошеній. Событій, къ счастью, нѣтъ.

16 іюня.—Безсобытіе продолжается. Гр. Лорисъ-Меликовъ переселился въ Царское-Село. Съ разсчетомъ ли,—или безъ разсчета и скользя по извѣстной покатости,—не знаю. Его штабъ все разростается. Къ нему теперь присоединенъ ген. Фадѣевъ. Почему, для чего,—не вѣдаю.

Министръ путей сообщенія обзавелся новымъ товарищемъ въ лицѣ т. с. Гюббенета, и хорошо сдѣлалъ. Онъ ему можетъ быть полезнымъ.

О Пушкинскомъ празднествѣ въ Москвѣ я здѣсь умолчалъ. Пересолъ былъ слишкомъ силенъ и распространяться о немъ было не по сердцу. Въ особенности возмутительны были всѣ воспоминанія о дуэли, изливавшіяся на глазахъ у дочерей и сыновей не одного Пушкина, но вѣдь и Пушкиной.

17 іюня.—Утромъ въ городѣ. Комитетъ министровъ. Обѣдалъ съ женою, на Каменномъ островѣ, у великой княгини Екатерины Михаиловны. Уныніе видно въ этомъ слоѣ. Впрочемъ, оно естественно. Какое-то общее gliding down происходитъ по всѣмъ направленіямъ.

21 іюня.—Вчера въ городѣ. Коммиссія прошеній. По прежнему продолжается затишье. Но не во мнѣ. Ищу перевода слова: restless. Оно вѣрнѣе всего обозначаетъ мое настроеніе.

22 іюня.—Видѣлъ вернувшагося изъ губерній министра внутреннихъ дѣлъ. Видѣлъ также министра финансовъ, который, повидимому, только теперь усмотрѣлъ, что у него происходило, въ теченіе полугода, въ особой коммиссіи о подушныхъ налогахъ, гдѣ онъ самъ предсѣдателемъ. Онъ говорилъ о пригото-

вленіяхъ къ московской выставкѣ будущаго года. Я дошелъ до того, про себя, что не увѣренъ въ томъ, чтобы она состоялась. — + —, etc., etc.

24 іюня. Комитетъ министровъ. Тяжелое засѣданіе. Гр. Лорисъ-Меликовъ, насвистанный, вѣроятно, гг. Фадѣевымъ и К°, настаивалъ на дачѣ обѣщанія земствамъ „не строить желѣзныхъ дорогъ, не спросясь ихъ мнѣнія“ о направленіи путей. Онъ увѣрялъ, что такимъ образомъ мы пріобрѣтемъ содѣйствіе „лучшихъ людей“ и т. п. въ стилѣ „Голоса“ и К°. Я, конечно, отстаивалъ, и отстоялъ, прерогативы и достоинство правительства. Нѣкоторые члены меня поддерживали, но слабо, нерѣшительно. Очевидно, полудиктаторъ имъ импонировалъ. Они даже не замѣтили, повидимому, безсознательной или наивной грубости, выказанной гр. Лорисъ-Меликовымъ, принимавшимъ за доказанный фактъ, что мы, т.-е. комитетъ министровъ, отклоняемъ разсудительныя ходатайства земствъ, ошибаемся въ выборѣ направленій дорогъ, и т. д. И это правительство!!

27 іюня.—Въ городѣ утромъ. Срочное засѣданіе коммиссіи прошеній. Передалъ Каханову записки ген. Фадѣева и другія произведенія въ этомъ родѣ.

Іюль.

4 іюля.—Третьяго дня былъ въ Царскомъ-Селѣ съ институтками. Обычная іюльская процедура. Сегодня обѣдалъ тамъ у государя, съ гр. Лорисъ-Меликовымъ, гр. Барановымъ, Грейгомъ, Маковымъ и Побѣдоносцевымъ. Передъ тѣмъ, какъ всегда по пятницамъ, коммиссія прошеній, а въ прошлый вторникъ былъ, по обыкновенію, комитетъ министровъ.

Настроеніе — bistre. Мнѣ, кромѣ того, нездоровится, что, однакоже, не помѣшало мнѣ вчера обѣдать, съ женою, у Дурновыхъ, на Охтѣ. Съ удовольствіемъ видѣлъ тамъ отцовскій домъ, содержимый сыномъ въ исправности, улучшаемый, но не коверкаемый по модѣ дня. Такихъ впечатлѣній мало.

Моя нервная система до того разстроена и раздражена, что сегодня, дома и въ городѣ, въ Царскомъ и на пути оттуда, мнѣ нѣсколько разъ чувствовалось, что я готовъ заплакать навзрыдъ. Тяжело и глубоко больно. Одно, что успокаиваетъ и ободряетъ—это обращеніе взора къ Небу. Въ вагонѣ я разъ десять замиралъ себя внутренно, глядя на облака. Разговоръ со спутниками не мѣшалъ. Я давно привыкъ будто бы говорить, но не думать о томъ, что говорится.

Гр. Лорисъ-Меликовъ, въ Царскомъ-Селѣ, subit largement les influences de l'atmosphère courtisanière.

9 іюля. — Вчера въ городѣ. Комитетъ министровъ. Непріятный эпизодъ по печати. Я выставленъ, конечно, не по имени, но подъ прозрачнымъ покрываломъ, въ роли лихоимца по дѣламъ горныхъ заводовъ. Въ иностранныхъ газетахъ (кажется, въ „Schlesische Zeitung“) я даже прямо названъ. И я здѣсь беззащитенъ. При данныхъ условіяхъ и общей обстановкѣ, я принужденъ выжидать, тѣмъ болѣе, что не я одинъ на сценѣ. Чтобы ударъ былъ больнѣе, ко мнѣ примѣшанъ мой сынъ, хотя ему по легкомысленнымъ поручительствамъ пришлось поплатиться именно за того аферіста, отъ котораго онъ якобы получилъ де-

нежное подношеніе. Печать мнѣ платитъ за „Отголоски“. А правительство? — + —!

21 іюля. — Молчалъ. Незачѣмъ прерывать молчаніе. Дни шли. Засѣданія въ комитетѣ министровъ и коммиссіи прошеній происходили по очереди.

Эпизодъ, о которомъ я упомянулъ 9-го числа, заглохъ. Маковъ призывалъ издателя „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Комарова, который самъ заговорилъ о случившемся, назвавъ это „позорною мерзостью“, будто бы проскочившею въ отсутствіе Комарова, при его помощникѣ Усовѣ. Авторъ статьи — Трубниковъ, двадцать разъ бывшій у меня съ просьбами и предложеніями услугъ, и будто бы уже выгнанный изъ редакціи. Но, повторяю, къ сердцу и Маковъ дѣла не принялъ, а мнѣ, коль скоро имя сына было примѣшано, слѣдовало избѣгать всякаго шума и гула. На нашей почвѣ никакой опоры нѣтъ.

Я, впрочемъ, принялъ другую мѣру. Маковъ зналъ, изъ перлюстрацій, о маневрахъ или толкахъ касательно либеральныхъ преобразованій по части печати, подъ эгидою графа Лорисъ-Меликова и двухъ Абазъ. Я ему подалъ мысль взять сразу инціативу и испросить у государя учрежденіе особаго совѣщанія, подъ *моимъ* предсѣдательствомъ. Маковъ, которому ingérence графа Лорисъ-Меликова и двуличіе Абазъ не нравились, назвалъ мою мысль „une idée lumineuse“ и привелъ ее въ исполненіе. Графу Лорисъ-Меликову сказано о томъ post factum. Ему это было явно непріятно; но дѣло закрѣплено оффиціально. Такимъ образомъ мое предсѣдательство есть косвенный отвѣтъ на клевету, съ одной, и потворство, съ другой стороны.

Слѣжу за ходомъ дѣлъ съ возрастающимъ отвращеніемъ отъ нихъ и неуваженіемъ къ главнымъ участникамъ. Они идутъ въ запуски и хитрятъ другъ съ другомъ. Выходитъ, что, несмотря на мои лѣта, на опытъ и на нѣкоторую осмотрительность, я все-таки слишкомъ часто бывалъ довѣрчивъ, податливъ, искрененъ, однимъ словомъ — *наивенъ*.

Примѣчаніе № 27. — Я имѣлъ особый поводъ желать быть оффиціально назначеннымъ предсѣдателемъ коммиссіи по дѣлу прессы. Макову было желательно не дать выхватить дѣла изъ его рукъ. Онъ имѣлъ несомнѣнныя доказательства подстольной игры начальника главнаго управленія печати, Н. Абазы, съ журналистами (особенно съ Суворинымъ), въ нижнемъ этажѣ, и съ самимъ графомъ Лорисъ-Меликовымъ, — въ верхнемъ. Впрочемъ, ни Маковъ, ни я не предусматривали послѣдствій. Я вообще не ви-

дѣлъ и не предполагалъ, до какой степени уже съузились проявленія самостоятельной воли покойнаго государя [С.-Петербургъ, 30 декабря 1881 г.].

22 іюля.—Маковъ сообщилъ разговоръ съ гр. Лорисъ-Меликовымъ. Изъ сообщенія видно, во-первыхъ, что его положеніе порядочно ударило ему въ голову, и, во-вторыхъ, что онъ теперь самъ не знаетъ въ точности, чего хочетъ, и только размышляетъ о способѣ укрѣпить за собою извѣстное личное положеніе, но покончить съ формами нынѣшней верховной коммиссіи. Онъ сознаетъ (?), что новымъ преобразователемъ Россіи по всѣмъ направленіямъ однимъ разомъ быть нельзя, хотя и высказалъ, довольно характеристично, что у него есть такія „резолюціи" на его докладахъ и запискахъ, что еслибы онъ ими захотѣлъ пользоваться, то и государственный совѣтъ, и комитетъ министровъ „полетѣли бы къ чорту" (sic). Изъ другого разговора, переданнаго мнѣ Грейгомъ, видно, что теперь исходомъ представляется учрежденіе министерства „полиціи", съ популярнымъ упраздненіемъ III-го отдѣленія. Этотъ исходъ возможенъ.

Гр. Лорисъ-Меликовъ продолжаетъ быть подъ полубезсознательно воспринимаемымъ вліяніемъ фразера Фадѣева и нѣкоторыхъ приближенныхъ членовъ верховной коммиссіи, въ особенности сенатора Ковалевскаго.

23 іюля.—Утромъ въ городѣ. Вечеромъ пріѣзжалъ Маковъ. Около гр. Лорисъ-Меликова все болѣе и болѣе сосредоточивается нѣчто вродѣ заговора противъ нормальнаго порядка законодательства и администраціи. Онъ пользуется престижемъ тѣлохранительства. — + — va crescendo.

24 іюля.—Послѣ конфиденцій Макова, сегодня—конфиденціи Каханова. Начинается походъ противъ Макова. Michel I, т.-е. гр. Лорисъ-Меликовъ, хочетъ соединить III-е отдѣленіе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отбросивъ Макову почты и телеграфы, пожалуй и съ иностранными исповѣданіями. Кахановъ предназначается быть, вѣроятно, товарищемъ. Кто изъ нихъ, при полуправдѣ, лжетъ наиболѣе или наименѣе?

25 іюля.—Въ городѣ. Коммиссія прошеній. Утромъ телеграмма отъ гр. Лорисъ-Меликова съ выраженіемъ желанія меня видѣть. Былъ у него въ 12 ч. и сидѣлъ до 2-хъ ч. Elaborate statement его предположеній и мотивовъ. Коммиссіи долѣе существовать

незачѣмъ. Временщикомъ онъ быть не намѣренъ (?). Силы нужно соединить. Для сего III-е отдѣленіе передать въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Тогда,—сказалъ я,—это вопросъ личный, ибо министромъ долженъ стать онъ самъ. Phrases à part, это было тотчасъ признано. Макову—выдѣлить почты, телеграфы, иностранныя исповѣданія и еще кое-что. Насчетъ Каханова—ни слова. Соединить полицію, губернаторовъ, земство, печать—вотъ цѣль (?). Проронённое слово о томъ, что государь сказалъ, что Маковъ хорошо знаетъ (!) часть иностранныхъ исповѣданій,—доказало мнѣ, что по существу его величество уже согласенъ и рѣшился. По предложенію гр. Лорисъ-Меликова я взялся предупредить Макова. Былъ у него. Нашелъ подготовленнымъ. Онъ тотчасъ сказалъ, что какъ только заговорятъ о перемѣнѣ, онъ тотчасъ же себя устранитъ и никакимъ затрудненіемъ, лично, не будетъ. Вечеромъ возвратилъ гр. Лорисъ-Меликову переданный имъ мнѣ проектъ всеподданнѣйшаго доклада и написалъ о результатѣ свиданія съ Маковымъ.

Итакъ,—новая перемѣна декораціи. Гр. Лорисъ-Меликовъ самъ не знаетъ, т.-е. не знаетъ отчетливо, что онъ предпринимаетъ; но, по крайней мѣрѣ, онъ теперь—сила. За Маковымъ силы не было. Думаю, что его неискренность, себялюбіе и грѣхи по уніатскимъ и т. п. дѣламъ теперь получили возмездіе. Очередь другого и другихъ—впереди.

Вечеромъ видѣлъ Грейга. Не былъ въ правѣ сообщить днемъ происходившее, но по крайней мѣрѣ подготовилъ, и при этомъ случаѣ, кажется, обезпечилъ судьбу „Отголосковъ“ на 1881 г. Иду своею дорогою и дѣлаю, что могу, одинъ. Ни на кого опереться нельзя.

Кажется, что иниціатива Макова по вопросу о печати—a précipité la crise. Гр. Лорисъ-Меликовъ все говоритъ о толкахъ въ обществѣ, о томъ, чего „всѣ“ ожидаютъ, что „всѣхъ“ тревожитъ, что „всѣ“ думаютъ. Кто эти „всѣ“? Кто говоритъ ему о „всѣхъ“? Beatus ille, qui paterna rura exercet...; но мы съумѣли и родныя мѣста превратить въ aleatoria. Снова приходитъ на память: exoriare ultor!

Примѣчаніе № 28.—Гр. Лорисъ-Меликовъ вообще рѣдко былъ правдивъ, развѣ въ видѣ хитрости; но съ этого времени онъ совершенно пересталъ говорить правду, даже своей Эгеріи—Каханову. Однимъ исключеніемъ была Эгерія-Абаза, который его совершенно забралъ въ руки. Около этого времени установились между ними предположенія о передачѣ министерства финансовъ Абазѣ, а министерства внутреннихъ дѣлъ—нѣсколько позже—

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Каханову, съ тѣмъ, чтобы самому гр. Лорисъ-Меликову занять мое мѣсто и притомъ удержать за собою верховную государственную полицію [С.-Петербургъ, 30-го декабря 1881 г.].

26 іюля. — Вечеромъ былъ Маковъ. Ему хочется быть министромъ государственныхъ имуществъ, сохраняя почты. Пожалуй, удастся. Кн. Ливенъ оказался до того не по ожиданіямъ, что я о немъ жалѣть не буду.

29 іюля. — Утромъ въ городѣ. Комитетъ министровъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ прислалъ мнѣ оффиціально, по высочайшему повелѣнію, копію съ своего доклада, и предупредилъ, что въ будущую пятницу я буду позванъ въ Царское-Село, для обсужденія дѣла при государѣ, который „предварительное согласіе“ уже выразилъ. Въ тонѣ Каханова было сегодня что-то болѣе d'obséquieux. Они, вѣроятно, находятъ, что государь мнѣ придаетъ нѣкоторое значеніе.

31 іюля. — Получилъ прямо отъ государя приказаніе быть въ Царскомъ завтра въ половинѣ двѣнадцатаго часа. Въ городѣ имѣлъ rendez-vous съ гр. Лорисъ-Меликовымъ. Потомъ видѣлъ Макова, который было заупрямился принимать почты, но, повидимому, сдался. Вечеромъ получилъ записку, въ которой онъ только заявляетъ желаніе получить рескриптъ. Это—въ порядкѣ вещей. Видѣлъ Перфильева, который пріѣзжалъ pour déverser son âme, и который довольно лихо честитъ диктаторскую коммиссію, коей онъ состоитъ членомъ. Изъ словъ гр. Лорисъ-Меликова видно, что онъ—заодно съ Цесаревичемъ. Видѣлъ Каханова, для объясненій относительно частностей исполненія. En somme, je ne vois pas encore très clair dans toute cette bagarre et suis très heureux de ne pas y jouer premier violon. Много finesse, но и много finasseries со стороны гр. Лорисъ-Меликова и Каханова.

Августъ.

3 августа.—Былъ третьяго дня въ Царскомъ-Селѣ. Аудіенція у государя втроемъ: гр. Лорисъ-Меликовъ, Маковъ и я. Съ четверть часа. Его величество началъ съ того, что мы уже знаемъ, въ чемъ дѣло, и кончилъ порученіемъ дѣло оформить, озаботясь деталями. Обѣдалъ у государя, съ гр. Лорисъ-Меликовымъ, ген. Вердеромъ, Маковымъ и Грейгомъ, который сегодня уѣзжаетъ мѣсяца на два.

Вчера Кахановъ привозилъ ко мнѣ проектъ главнаго указа о совершающейся перемѣнѣ. Я послалъ копію Макову. Сегодня Кахановъ повезъ проектъ въ Царское, къ гр. Лорисъ-Меликову.

Писалъ кн. Лобанову, —который аффектируетъ незнаніемъ англійскаго языка,—что я все-таки цитую ему стихи Шекспира:

Frailty—thy name is woman!

и подражаніе представляю по-латински:

Levitas—tibi nomen praetor!

5 августа.—Комитетъ министровъ. Въ первый разъ засѣдалъ Бунге. Передъ засѣданіемъ и послѣ онаго — частные толки о перемѣнахъ. Царьградъ на Невѣ!

8 августа.—Старшій сынъ уѣхалъ обратно на Кавказъ послѣ трехнедѣльнаго пребыванія съ нами. Дай Богъ въ добрый часъ и до добраго свиданія!

Коммиссія прошеній. Указы о новыхъ назначеніяхъ состоялись третьяго дня, въ Ропшѣ. (Зачѣмъ въ Ропшѣ?) Будутъ публикованы завтра. Переходъ министерства внутреннихъ дѣлъ изъ однѣхъ рукъ въ другія до сихъ поръ никогда не совершался при такой массѣ недоговорокъ.

На дняхъ былъ у меня Н. Абаза. Pfifficus!

9 августа.—Кахановъ былъ у меня сегодня утромъ въ новомъ званіи—товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

Во время маневровъ—неудобные эпизоды въ Ропшѣ. Графиня Клейнмихель разсказывала, сегодня, что князю Имеретинскому дано порученіе устроить мировую между великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ и государемъ. Я здѣсь запамятовалъ отмѣтить, что по поводу статей о войнѣ въ „Nouvelle Revue“ была сильная сцена между государемъ и его братомъ.

Павловскій дворецъ, говорятъ, въ восторгѣ отъ событій дня. Въ публикѣ также радуются кончинѣ III-го отдѣленія. Газеты поютъ хвалебные гимны графу Лорисъ-Меликову. Mundus vult decipi! Crescunt — + —.

10 августа.—Все одно и то же ощущеніе. Вижу, какъ другіе легко поддаются, склонны вѣрить и ожидать. Не вѣрю и не ожидаю, но жду. На мой взглядъ есть что-то несомнѣнно фатидическое въ совершающихся событіяхъ. Сбудется не то, на что разсчитываютъ и наши дѣятели, и наша жалкая печать, и наше жалкое псевдо-общество. Моя роль почти совершенно пассивная. Не жалѣю.

12 августа.—Въ городѣ. Комитетъ министровъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ—въ новомъ званіи; Маковъ—на новомъ мѣстѣ. Марковъ, новый товарищъ министра народнаго просвѣщенія—въ первый разъ въ засѣданіи комитета. Въ какой мѣрѣ новый министръ внутреннихъ дѣлъ vise à l'effet, видно между прочимъ изъ слѣдующаго. Онъ только *сегодня* принялъ министерство, но уже *вчера* доложилъ государю о назначеніи полудюжины сенаторскихъ ревизій! Онъ сообщилъ мнѣ объ этомъ съ видимымъ удовольствіемъ. Комментаріи не требуются. Между тѣмъ, иностранныя газеты говорятъ объ упраздненіи диктатуры (!?) самимъ диктаторомъ. Цинциннатъ не возвращается къ плугу, но надѣваетъ тогу. Повторяю: mundus vult decipi! А наша пресса говоритъ о великодушіи государя, будто бы упразднившаго „слово и дѣло“. И это послѣ двадцатипятилѣтія! Еще разъ: le monde veut être trompé!

14 августа.—Обѣдалъ въ Царскомъ-Селѣ. Цесаревичъ, Цесаревна, великіе князья Алексѣй и Павелъ, датскій принцъ, графъ Лорисъ-Меликовъ и я. Простился съ государемъ. Сегодня подписанъ указъ о назначеніи Мансурова управляющимъ дѣлами комитета министровъ.

Государь показался мнѣ озабоченнымъ и несовсѣмъ à son aise. Поводы къ тому есть. Il a l'air de tant soit peu subir le

vizirat du moment. Что-то не истое во всемъ положеніи и всѣхъ отношеніяхъ. Мнѣ кажется, глядя на то, что происходитъ передъ моими глазами, что я вижу представленіе исторической драмы, т.-е. полу-истинныя, полу-сочиненныя, но не подлинныя событія. Того и смотри, будетъ перемѣна декорацій.

Великій князь Николай Николаевичъ сходитъ со сцены, въ послѣдствіе статей „Nouvelle Revue“ и проч. На его мѣсто, говорятъ, назначается Цесаревичъ.

17 августа.—Видѣлъ Макова. Баронъ Веліо будетъ директоромъ полицейской части въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ, въ средѣ, окружающей графа Лорисъ-Меликова, уже виденъ разладъ. Сегодня государь уѣзжаетъ. Лишь по возвращеніи графа Лорисъ-Меликова, можно будетъ поближе всмотрѣться въ его пріемы. Vediam.

20 августа.—Государь уѣхалъ 17-го числа. Вчера былъ комитетъ министровъ. Кахановъ—на новомъ мѣстѣ. Мансуровъ интродуктованъ. Послѣ комитета министровъ—комитетъ по дѣламъ польскимъ.

22 августа.—Въ городѣ. Коммиссія прошеній. По словамъ Мансурова, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ ничто еще не приняло правильнаго теченія. Между тѣмъ, и баронъ Веліо вступилъ въ завѣдываніе линяющимъ въ департаментъ полиціи III-мъ отдѣленіемъ, но еще осматривается и знакомится.

Timeo mox imperii membra disjecta videre!

28 августа.—Дни идутъ. Imbroglio crescit! Изъ Ливадіи слышно только, что отъѣздъ оттуда графа Лорисъ-Меликова отлагается. Здѣсь правитъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, т.-е. за правленіе взялся Кахановъ. Но я начинаю опасаться, что онъ предрасположенъ къ опасной болѣзни круженія головы. Слышу, что онъ уже успѣлъ возбудить противъ себя большую часть своихъ новыхъ подчиненныхъ. Видѣлъ сегодня Макова. Онъ имѣлъ неосторожность участвовать въ обѣдѣ, данномъ прежними подчиненными Мансурову. Конечно, былъ тостъ и въ честь ему. Въ его положеніи слѣдуетъ избѣгать такихъ поводовъ къ демонстраціямъ.

30 августа.—Утромъ въ Александро-Невской лаврѣ. Honoratiores—въ весьма маломъ числѣ. Почти всѣ въ отъѣздѣ. Изъ

высочайшихъ особъ были: Цесаревичъ и Цесаревна съ ихъ старшимъ сыномъ, два Константиновича, Екатерина Михаиловна съ дѣтьми, Георгій Лейхтенбергскій и Александръ Ольденбургскій. Дипломатическій корпусъ въ составѣ трехъ пословъ (Швейницъ, Кальноки и Нигра) и разныхъ министровъ, — Китай и Японія у compris. При этомъ обычное игнорированіе ихъ присутствія. Странно! Послѣ богослуженія обычный завтракъ на расхватъ у митрополита. Изъ Ливадіи новости ограничиваются пока андреевскою лентою графу Лорисъ-Меликову, александровскою — барону Веліо и анненскою — генералу Черевину.

Одна изъ принцессъ — замѣчательное явленіе въ своемъ родѣ: unerzogen, verzogen, ungezogen und launisch, — и все это съ какимъ-то страннымъ оттѣнкомъ d'un nihilisme maussade. А мнѣ кажется qu'il y avait, et même qu'il y a encore de l'étoffe. Неблагопріятныя вліянія среды и учителей (напр., хорошо мнѣ знакомаго В. Л.) произвели смѣсь противорѣчивыхъ и искривленныхъ отраженій. Еслибы ее нужно было охарактеризовать однимъ словомъ, то я употребилъ бы слово: révolte!

Сентябрь.

1 сентября.—Вчера напечатана въ газетахъ телеграмма графа Лорисъ-Меликова, извѣщающая о высочайшемъ повелѣніи немедленно разсмотрѣть въ комитетѣ министровъ вопросъ о средствахъ для тюменской желѣзной дороги. Телеграмма основана на докладѣ, который былъ основанъ на другой телеграммѣ отъ графа Игнатьева, изъ Нижняго-Новгорода, къ графу Лорисъ-Меликову. Между тѣмъ, министръ финансовъ, нынѣ отсутствующій, шесть недѣль тому назадъ заявилъ, что средствъ теперь нѣтъ. Мотивъ перемѣны *заявленный*—нужды торговли и нужды въ заработкахъ жителей Приволжья. Мотивъ *дѣйствительный*—эффектъ—такъ явенъ и ясенъ, что распространяться о немъ не нужно. Приволжье, Тюмень, графъ Игнатьевъ, послѣдніе дни ярмарки, телеграфическій пріемъ,—все это не требуетъ комментарій. Оригинально, что даже забыли сказать или упомянуть о томъ, кому адресована телеграмма графа Лорисъ-Меликова. Какъ будто прямо въ газеты. Актъ „визирата“ безцеремонный. Такимъ образомъ не слѣдовало бы компрометтировать *престижъ* той власти, у которой испрашиваются высочайшія повелѣнія. Тюмень—въ сентябрѣ!!

Забавно, что по этому тюменскому дѣлу газеты присоединяютъ къ имени графа Лорисъ-Меликова, — побѣдителя Карса tout de même,—имя х.... Богдановича, потому что этотъ генералъ цѣлый рядъ годовъ отстаивалъ эту желѣзную дорогу. Телеграммы — la grosse pièce; сочетаніе съ Богдановичемъ—la petite.

Цесаревичъ и Цесаревна пріѣзжали сегодня изъ Петергофа на освященіе новаго отдѣла больницы душевно-больныхъ, за Удѣльной фермой. Пароходъ „Александрія“ подошелъ къ пристани противъ нашей дачи, и я видѣлъ Ихъ Высочествъ при прибытіи и при отбытіи.

Видѣлъ барона Будберга, вернувшагося на зиму. Его меньшой сынъ женится на графинѣ Тотлебенъ.

6 сентября.—Переѣхали въ городъ. Дай Богъ въ добрый часъ.

Видѣлъ графа Лорисъ-Меликова. Не искренен со мною. Я, съ своей стороны, играю флегматика. Языкъ газетъ невозможенъ; но Абаза и самъ ближній бояринъ ихъ не унимаютъ, хотя послѣдній сегодня мнѣ говорилъ о прочитанной имъ редакторамъ нотаціи. Ему возносятся самыя неприличныя похвалы на счетъ всѣхъ министровъ двадцатипятилѣтія. „Голосъ" напечаталъ сегодня, что онъ *первый* (курсивомъ) сказалъ государю, что не вся Россія крамольна. Третьяго дня тотъ же „Голосъ" заговорилъ объ упраздненіи комитета министровъ, яко бы учрежденія вродѣ III-го отдѣленія. Il est même de mauvais goût de se laisser flagorner ainsi. Скоро, пожалуй, о графѣ Лорисъ-Меликовѣ можно будетъ сказать, какъ венеціанскій посолъ о Кромвелѣ, что, благодаря газетамъ, онъ одинъ говоритъ и одинъ лжетъ. Vediam.

Видѣлъ вернувшагося, на Уралѣ бушевавшаго и въ Ливадіи 30-го августа министромъ не утвержденнаго, князя Ливена. Онъ пріѣзжалъ собственно увѣрять, что никогда ничего не говорилъ противъ меня и не критиковалъ моего управленія. Знаю, что онъ говорилъ и говоритъ. Видѣлъ также князя Урусова, который у меня встрѣтился съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ и кланялся въ три дуги по обыкновенію.

Морганатическій бракъ состоялся; но графъ Лорисъ-Меликовъ говоритъ, что не знаетъ въ точности, когда и при комъ,—только до отъѣзда въ Ливадію. Въ городѣ называютъ присутствовавшими при немъ графа Милютина и графа Адлерберга, какъ свидѣтелей, генераловъ Рылѣева и Черевина,—какъ шаферовъ.

8 сентября.—По доходящимъ до меня свѣдѣніямъ, нотація редакторамъ не произвела на нихъ ожидавшагося впечатлѣнія.

Видѣлъ сегодня графа Лорисъ-Меликова, у него. Впечатлѣніе окончательно тревожное и прискорбное. Считаю дѣло проиграннымъ, если Богъ не спасетъ. На фактахъ—вродѣ сибирской дороги, разрѣшенія газеты Аксакову и ревизіи гг. Ковалевскаго и К⁰—Россіи не вывести. Вижу слишкомъ ясно, на чемъ ѣзда въ двухъ дворцахъ. Но кромѣ этой ѣзды нужно еще многое. Этого нѣтъ.

Какъ мало мозговъ выносятъ минутный чадъ во дворцахъ, и какъ силенъ угаръ отъ этого чада!

1-го мая 1879 г. я здѣсь отмѣтилъ: not two years purchase.

Срокъ истечетъ 1-го мая 1881 года. 12-го декабря 1879 г. я записалъ: inter arma silent leges. Съ тѣхъ поръ я въ осадномъ положеніи.

10 сентября.—Вчера комитетъ министровъ. Видѣлъ тамъ графа Лорисъ-Меликова. In high spirits,—словно именинникъ. Медовый мѣсяцъ министерствованія еще въ полнолуніи. Изумительно! И за что онъ не берется! Выписалъ-было извѣстнаго Катакази для политической заграничной агентуры, но дѣло, повидимому, не уладилось. Хочетъ ввѣрить барону Веліо дѣла по заграничной прессѣ, теперь отчасти состоящія въ моемъ вѣдѣніи. Но по существеннымъ предметамъ внутренней администраціи—ничего кромѣ frou-frou. Видно, что не только на нихъ не останавливается вниманіе, но даже и нѣтъ первыхъ признаковъ пониманія ихъ сущности и значенія. Повторяю: изумительно!

Сегодня заѣзжалъ къ Побѣдоносцеву, которому смертельно хочется попасть въ члены комитета министровъ, но который притворяется, будто онъ о томъ не помышляетъ. Поѣхалъ, чтобы прямо ему сказать, что я слышалъ о его желаніи отъ Мансурова, и рѣшительно въ пользу исполненія этого желанія, но предоставляю ему самому уладить дѣло съ иниціаторомъ нововведеній, графомъ Лорисъ-Меликовымъ, или выждать, чтобы я съ нимъ это наладилъ и уладилъ. Каждодневный опытъ ведетъ къ одному: къ все большей увѣренности въ неискренности людей, а эта увѣренность ведетъ къ все большему къ нимъ пренебреженію.

Обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ, гдѣ три года не былъ. Новое помѣщеніе. Прислуга прежняя. Она меня съ большимъ радушіемъ встрѣтила, и я ей очень за то признателенъ. Въ этомъ классѣ, у курьеровъ, швейцаровъ, сторожей, камерлакеевъ и т. д., ко мнѣ болѣе искренности, нежели во всѣхъ другихъ.

13 сентября.—Вчера коммиссія прошеній. Обѣдалъ у Половцева, съ директоромъ кенсингтонскаго музея—sir Philipp Cunliffe Owen, нѣкоторыми его спутниками, англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Plunkett, бар. Будбергомъ и бар. Жомини.

Гр. Лорисъ-Меликовъ приказалъ принять въ строительное училище, сверхъ комплекта, нѣсколько молодыхъ людей, выдержавшихъ экзаменъ, и при этомъ выражался по-царски: „Если нѣтъ средствъ,—я дамъ; если тѣсно въ чертежной,—я раздвину стѣны“... Что же могутъ сказать другіе министры, которымъ подвѣдомы учебныя заведенія? Понятно, что газеты внѣ себя отъ „гуманнаго образа дѣйствій“ великаго визиря.

15 сентября.—Сегодня утромъ въ Петергофѣ, для совѣщанія у Цесаревича по предмету инструкціи ревизующимъ сенаторамъ. Результатъ былъ заранѣе извѣстенъ, и вся процедура совершенно напрасно измышлена.

It is hard to play every day a losing game, and to play it for years!

Образчикъ подготовленности: гр. Лорисъ-Меликовъ говорилъ, à propos греко-уніатовъ царства Польскаго, временъ Тимашева, о Сѣмашко тридцатыхъ годовъ! Вмѣсто г. Громеки!

Отмѣна соляного налога—родъ idée fixe. Она теперь представляется и рисуется въ видѣ финансовой мѣры, къ улучшенію финансовъ направленной. Подкладка все одна. Кричали объ упраздненіи III-го отдѣленія. Будутъ кричать объ отмѣнѣ соляного налога.

Погода была великолѣпная. Изъ cottage я прошелъ пѣшкомъ до вокзала желѣзной дороги. Солнце, почти свѣжая зелень деревъ, голубое море вдали, теплая тишь въ воздухѣ; но на сердцѣ у меня не было ни солнца, ни тепла, ни тиши. Что же далѣе? Ante portas ultor!

18 сентября.—Обвала не остановить, если его не остановитъ неземная сила. Правительство въ осадѣ, а воображаетъ, что оно само осаждаетъ, или что самобичеваніе есть способъ обороны.

20 сентября.—Изъ сегодняшнихъ газетъ видно, что гр. Лорисъ-Меликовъ, при объясненіи съ редакторами главныхъ газетъ, счелъ нужнымъ,—и счелъ себя уполномоченнымъ,—развить правительственную программу на время отъ пяти до семи лѣтъ. Здѣсь нуженъ словарь „Figaro“: — c'est raide!

21 сентября.—Выѣзжалъ утромъ. Между прочимъ, видѣлъ графа и графиню Лорисъ-Меликовыхъ. На лѣстницѣ встрѣтилъ Н. Абазу (печати), въ кабинетѣ засталъ Каханова. Ils avaient l'air préoccupés. Какъ будто вчерашній курьеръ изъ Ливадіи пріѣхалъ съ не розовымъ портфелемъ. A propos пяти — семилѣтней программы уже сказано кѣмъ-то, que cela rappelle le septennat de Mac-Mahon.

22 сентября.—Господи! благослови вѣнецъ новаго лѣта Твоея благости.

Выходилъ утромъ. Видѣлъ у себя корреспондента „Новаго Времени“ Молчанова. Онъ желалъ меня „interview“ по разнымъ вопросамъ. Воспользовался этимъ случаемъ, чтобы кое-что вы-

сказать. Изъ его же словъ виденъ поворотъ редакцій по отношенію къ графу Лорисъ-Меликову. Что-то произошло помимо аудіенціи 6-го числа. Абаза предупредилъ, кажется, о наступленіи періода строгости послѣ періода вольницы. Вчерашнее предположеніе насчетъ вѣстей изъ Ливадіи подтверждается, насколько о томъ могу судить по сегодняшнему визиту Молчанова, по вчерашнимъ физіономіямъ новаторовъ и нѣсколькимъ словамъ гр. Лорисъ-Меликова, который былъ сегодня у моей жены. Мансуровъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что популярность гр. Лорисъ-Меликова создана печатью. Лестно было бы ему услышать. Впрочемъ, he too is quite below the mark.

23 сентября. — Комитетъ министровъ. Тюменское дѣло прошло въ той формѣ, которую я вчера предложилъ управляющему министерствомъ финансовъ. Оказались tutti d'accordo. Мы разстались и разъѣхались въ 3 ч. дня. Въ 6-мъ часу я уже получилъ отъ гр. Лорисъ-Меликова оффиціальную бумагу, съ копіей телеграммы имъ о семъ событіи, отправленной въ Ливадію!

Менѣе согласны будутъ разсчитывавшіе на постройку спекулянты. Пока, дѣло начинается на казенный счетъ. У меня были, до засѣданія, и п. . . . . Богдановичъ, и понукаемый другими, но самъ менѣе усердный искатель, Губонинъ. У него было такое жалкое выраженіе лица.

28 сентября. — Все некогда, или не пишется. Положеніе нѣсколько обостряется. Чуютъ, что я вижу, понимаю и оцѣниваю. Полученныя изъ Ливадіи непріятныя указанія (по дѣламъ печати) приписываютъ будто бы написанному мною къ государю письму.

Въ городѣ распространяютъ слухъ, будто по дѣлу о сибирской желѣзной дорогѣ въ комитетѣ министровъ было столкновеніе между гр. Лорисъ-Меликовымъ и мною.

Между тѣмъ вышелъ третій нумеръ „Народной воли“, весьма злой и призывающій народъ къ „краснымъ пѣтухамъ“. „Умиротворенная“, по выраженію „Голоса“, Россія даетъ себя знать.

Характеристично, что Карновичъ просилъ меня не печатать въ „Отголоскахъ“ моей послѣдней статьи. Онъ боится Краевскаго и прочихъ. Я, конечно, согласился. Начальникъ главнаго управленія печати ѣздитъ съ визитами по журналистамъ, самъ поправляетъ ихъ неприличныя статьи и т. п. Краевскому сдѣланъ выговоръ по высочайшему повелѣнію за статью о комитетѣ министровъ. Эти господа, le duc de Kars y compris, себя отстраняютъ, а государя выставляютъ.

Кахановъ также сорвался съ ватерпаса. Его, говорятъ, уже возненавидѣли въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ за грубость, заносчивость и привязчивость. Скоро же! Какъ я былъ въ отношеніяхъ къ нему и относительно его наивенъ!

30 сентября. — Вчера государственный совѣтъ. Пустое засѣданіе; но гг. Гротъ, Побѣдоносцевъ и Стояновскій умудрились убить 3/4 часа на вопросѣ о больничномъ сборѣ въ Кронштадтѣ. Видѣлъ Абазу. Важенъ, сосредоточенъ,—однимъ словомъ, замѣтно, что человѣкъ — въ силѣ. Видна интимность съ Michel I et le caquet Нелидовой, которая также вернулась изъ-за границы и обнаруживаетъ то же самое. Она каждодневно видится съ графинею Лорисъ-Меликовою. Какъ непрочно все это!

Сегодня—комитетъ министровъ. Изъ заговариванія гр. Лорисъ-Меликова о печати, изъ того, что онъ говоритъ, и изъ того, что высказывалось послѣ засѣданія въ комитетскомъ lobby, видно, что онъ въ дѣлѣ печати ничего не знаетъ, что имъ руководитъ и орудуетъ Н. Абаза, и наконецъ, что А. Абаза, поддерживая Н. Абазу, этому орудованію пособляетъ.

МАНЧЖУРСКІЕ ОЧЕРКИ

Личныя наблюденія и замѣтки.

Окончаніе.

VII *).

Сегодня я провелъ нѣсколько часовъ въ китайской академіи и унесъ съ собой впечатлѣніе чего-то тихаго, уединеннаго и хорошаго, какъ хороша жизнь людей, ушедшихъ изъ міра ради какого-нибудь высокаго духовнаго служенія. Почти такое же впечатлѣніе уносишь въ Италіи изъ старинныхъ католическихъ монастырей.

Академія расположена на окраинѣ города и огорожена кругомъ высокой стѣной изъ сѣраго кирпича; изъ-за глухой стѣны глядятъ на пыльную улицу только причудливые контуры черепичныхъ крышъ да вершины развѣсистыхъ деревьевъ. Широкія парадныя ворота съ огромными изображеніями древнихъ воиновъ Мынь-Шэнъ-И и Мынь-Дью-И, защитниковъ входовъ, постоянно заперты, и только маленькая калитка въ высокой стѣнѣ служитъ сообщеніемъ академіи съ остальнымъ міромъ.

Внутри—небольшіе, красивые дворики, гдѣ весело зеленѣетъ трава, цвѣтутъ цвѣты, простираютъ могучія вѣтви старинныя развѣсистыя деревья. Кругомъ двориковъ—высокія сѣрыя фанзы, соединенныя между собой короткими простѣнками, въ которыхъ,

*) См. выше: январь, стр. 171.

для сообщенія между двориками, продѣланы небольшія арки. И какъ красиво, когда неожиданно передъ глазами откроется анфилада: арка и кусочекъ дворика, и еще арка и часть слѣдующаго дворика, и еще, и еще; въ одномъ дворикѣ легла густая тѣнь отъ надвинувшейся фанзы; въ другомъ — яркій солнечный лучъ выхватилъ, подчеркнулъ какую-нибудь интересную живописную подробность; еще дальше густое дерево заслонило фасадъ строенія, такъ что видна только прихотливо изогнутая крыша съ переплетающимися драконами, да куски стѣны кое-гдѣ проглядываютъ между растрепанныхъ вѣтокъ, сливая въ спокойный, мягкій аккордъ сѣрое и зеленое.

Начальникъ академіи и одинъ изъ учителей ведутъ меня отъ фанзы къ фанзѣ, между кустами ирисовъ, по прямымъ дорожкамъ, выложеннымъ сѣрымъ кирпичомъ.

Вотъ библіотека. Мы входимъ въ маленькую проходную комнату; направо и налѣво — двери; у задней стѣны, на столѣ — высокая деревянная таблица въ красивой рѣзной рамѣ. На таблицѣ — рядъ золотыхъ „дзыровъ“. Передъ таблицей — подсвѣчники для жертвенныхъ свѣчей и старинные мѣдные сосуды для возжиганія куреній.

Таблица посвящена Чю-фут-дзѣ, знаменитому комментатору Конфуція. И начальникъ академіи говоритъ мнѣ съ грустью, что онъ много хлопоталъ въ Пекинѣ о разрѣшеніи имѣть таблицу въ память самого Конфуція, но ему не разрѣшили, такъ какъ право на такую честь принадлежитъ только самымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ имперіи.

Изъ маленькой проходной комнаты направо и налѣво открываются обширныя помѣщенія. Стѣны уставлены высокими шкафами съ глухими деревянными дверцами. Въ шкафахъ — цѣлая сокровищница книгъ. Брошюры, испещренныя рядами мелкихъ замысловатыхъ знаковъ, сложены по шести, по восьми въ футляры, обтянутые синей матеріей. И начальникъ, указывая на рядъ шкафовъ, говоритъ съ гордостью: — „Это Исторія“; „это Оды“; „это комментаріи къ Менцію“...

Обогнувъ библіотеку и пройдя черезъ арку и черезъ узкій проходъ между двумя фанзами, мы выходимъ на большой дворъ. Передъ нами длинное зданіе, раздѣленное на нѣсколько частей. Въ каждой части дверь и два окна по сторонамъ. Надъ дверями висятъ большія доски съ огромными „дзырами“: это — поученія мудрецовъ и восхваленія науки.

Мы входимъ. Маленькая проходная комната съ дверями направо и налѣво. Переступивъ одну изъ этихъ дверей, мы очу-

тились въ кельѣ двухъ учениковъ. Большое, заклеенное бумагою, окно во всю наружную стѣну; подъ окномъ—широкій „канъ", покрытый циновкой. Посреди „кана" — низенькій столъ и на немъ книги, тетради, кисточки, всѣ принадлежности для письма. Два молодыхъ китайца сидятъ „на канѣ", поджавъ подъ себя ноги, и пишутъ что-то.

При нашемъ появленіи они встаютъ и кланяются, присѣдая.

Здѣсь, въ этой тѣсной кельѣ съ голыми стѣнами, почти безъ мебели, безъ обстановки, проводятъ ученики нѣсколько лѣтъ своей жизни, въ тяжеломъ непрерывномъ трудѣ.

Огромное количество „дзыровъ" было зазубрено ими въ начальной школѣ; тамъ же было заучено объясненіе „дзыровъ" — переводъ съ классическаго на современный языкъ. Потомъ ученикъ пріучился писать, стараясь группировать „дзыры" такъ, какъ они группируются въ древнихъ книгахъ. Ученику вдалбливались параллельность и симметрія построенія фразы; и когда эти два основныхъ требованія литературнаго китайскаго языка сдѣлались какъ бы инстинктивными, ученику было предложено написать сочиненіе на заданную тему. Этимъ кончался курсъ начальной школы. Этимъ же, собственно говоря, кончается и все китайское образованіе. Между юношей, окончившимъ начальную школу, и великимъ ученымъ, членомъ императорской академіи Ханлинъ въ Пекинѣ — цѣлая бездна, но суть знаній обоихъ одинакова. Кончившій начальную школу и желающій продолжать ученье будетъ упорно работать еще десятки лѣтъ, но въ сущности онъ будетъ дѣлать то же самое, чѣмъ онъ завершилъ свое начальное образованіе—писать сочиненія на заданную тему.

И два китайца, стоящіе передо мной въ маленькой, неуютной кельѣ, живутъ въ академіи уже третій годъ и все время пишутъ, пишутъ. Раннее утро застаетъ ихъ склоненными надъ длинными рядами „дзыровъ", выводимыхъ старательной рукой. Вечеромъ жестяной свѣтильникъ, въ которомъ коптитъ бобовое масло, освѣщаетъ желтымъ мерцающимъ пламенемъ листы желтой шероховатой бумаги, по которымъ скользитъ тонкая красивая рука, умѣло преодолѣвая и живописныя трудности сложныхъ буквъ, и еще большія синтаксическія трудности головоломной китайской фразы.

И такъ идетъ день за днемъ.

Каждые три дня сочиненія сдаются учителю и потомъ съ его поправками, съ его оцѣнкой, скрѣпленной большой красной мастичной печатью, возвращаются ученику. А ученикъ уже пишетъ новое сочиненіе на новую тему.

Кое-что изучается, кое-что прочитывается. Изъ библіотеки появляются на свѣтъ синіе футляры. Старыя, потрепанныя брошюры, въ которыхъ запечатлѣна мудрость вѣковъ, лежатъ раскрытыми на низенькомъ столикѣ въ студенческой кельѣ. Исторія, философія, этика. Но не жажда узнать фактъ, еще меньше стремленіе постичь общую идею, руководитъ тѣмъ, кто идетъ въ библіотеку за синимъ футляромъ. Студенту нужно разыскать гдѣнибудь на страницахъ многовѣковой книги еще неизвѣстное ему сочетаніе „дзыровъ“, чтобы, перенесенное въ его работу, оно говорило о его эрудиціи; ему нужно вычитать какое-нибудь историческое имя, событіе далекаго прошлаго, чтобы, приведенное въ формѣ сравненія, ссылки, оно украсило его сочиненіе нарядной реторической фигурой.

Науки нѣтъ; знаніе не важно. Важна литература. Важно знакомство съ литературными формами древнѣйшихъ писателей, важно умѣнье изящно, литературно, въ духѣ лучшихъ традицій, излагать все равно какія мысли.

И ученики пишутъ, пишутъ, настойчиво стремясь къ совершенству.

Съ грустной улыбкой смотрѣлъ я на двухъ китайцевъ, стоявшихъ передо мной. Они смотрятъ на меня спокойно—равнодушно. И въ этомъ спокойствіи я читалъ такъ много сознательности, что пересталъ улыбаться. О, эти блѣдные молодые люди, съ равнодушными, немного утомленными лицами, они знаютъ, къ чему стремятся, они знаютъ, чему отдали жизнь. И видя, что прямая дорога ведетъ ихъ прямо къ цѣли, видя, что цѣль становится все ближе, эти упорные труженики не могутъ не испытывать глубокаго чувства удовлетворенія, радости, можетъ быть счастья,—тихаго, спокойнаго счастья.

И мнѣ начинало казаться, что въ тѣсной кельѣ послушниковъ литературнаго стиля вовсе не такъ неуютно и сѣро. Часть большой оконной рамы, затянутой бумагой, откинута вверхъ, и въ келью глядятъ густыя вѣтки яркаго, пышнаго куста. И въ келью смотритъ весь хорошенькій дворикъ, веселый, свѣтлый, залитый солнцемъ, смотритъ своими синими ирисами, густой травой своего газона, великолѣпными декоративными „дзырами“ противоположной фанзы, повторяющими, можетъ быть, какое-нибудь особенно изысканное сочетаніе не только художественныхъ линій, но и красивыхъ словъ; смотритъ своимъ веселымъ аккордомъ сѣраго тона съ зеленымъ тономъ — густыхъ растрепанныхъ вѣтокъ и сквозящихъ между ними кирпичей.

И среди всей этой красоты, среди всей этой тихой, без-

шумной радости тоновъ, и линій, и свѣто-тѣни, мы идемъ дальше.

И опять узкіе проходы между фанзами, изящныя арки, веселые дворики съ прямыми дорожками, выложенными сѣрымъ кирпичомъ, окаймленными кустами синихъ, голубыхъ, блѣдно-лиловыхъ ирисовъ.

И опять въ глубинѣ большого двора длинное сѣрое строеніе. Оно какого-то страннаго вида. Конекъ крутой черепичной крыши по обыкновенію изогнутъ и на немъ переплетаются драконы. Но передняя стѣна какъ будто отнята; и много, много глухихъ поперечныхъ стѣнокъ, близко-близко одна отъ другой, упираясь въ глубинѣ въ глухую продольную стѣну, дѣлятъ зданіе на рядъ небольшихъ стоекъ, открытыхъ со стороны двора. Въ каждой стойкѣ — небольшой, сложенный изъ сѣраго кирпича, столъ и скамейка.

Это помѣщеніе для производства экзаменовъ.

Экзаменъ... Въ этомъ словѣ — все китайское просвѣщеніе. Правительство, являющееся традиціоннымъ тысячелѣтнимъ покровителемъ учености, совершенно не заботится о распространеніи образованія, о школахъ, учителяхъ, программахъ; все это предоставлено частнымъ лицамъ, обществамъ, учрежденіямъ, дѣйствующимъ вполнѣ самостоятельно, безъ поддержки и безъ контроля. Правительство беретъ на себя только производство экзаменовъ трехъ родовъ на три различныя ученыя степени. И такъ какъ въ Китаѣ учатся только для полученія ученой степени, то экзаменаціонныя требованія даютъ направленіе всему просвѣщенію имперіи.

Государственные экзамены, какъ средство отбора способнѣйшихъ для занятія государственныхъ должностей—одно изъ древнѣйшихъ учрежденій древняго Китая. Оно выросло изъ древняго изреченія: „Назначай способнаго и повышай достойнаго“. Великій Шунъ, четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, дѣлалъ разъ въ три года испытаніе своимъ чиновникамъ и повышалъ или понижалъ ихъ соотвѣтственно выказаннымъ знаніямъ. Въ чемъ заключались эти испытанія въ тѣ давнія времена, когда письмена были только-что изобрѣтены, когда книгъ еще не было—мы не знаемъ. Но система экзаменовъ, производимыхъ разъ въ три года, развиваясь и видоизмѣняясь, дожила до нашихъ дней. Извѣстно, что черезъ тысячу лѣтъ, въ XII-мъ вѣкѣ до начала нашей эры, при династіи Чау, экзаменующіеся должны были показать свое искусство въ музыкѣ, письмѣ, ариѳметикѣ, стрѣльбѣ изъ лука, верховой ѣздѣ, а также испытывались въ знаніи обрядовъ и церемоній.

Еще черезъ тысячу лѣтъ, при династіи Ханъ, экзамены принимаютъ другую окраску. Утвердившееся „конфуціанство“ ставитъ главными требованіями для чиновника сыновнюю почтительность и добрые нравы; поэтому къ экзаменамъ по прежней программѣ „изъ шести искусствъ“ допускаются только тѣ кандидаты, нравственность которыхъ удостовѣрена самымъ прочнымъ образомъ, и ихъ испытываютъ въ знаніи конфуціанскихъ книгъ.

И еще проходитъ тысяча лѣтъ. Династія Танговъ приноситъ съ собою золотой вѣкъ китайской литературы. Литература играетъ главную роль въ жизни; литература становится на первомъ мѣстѣ при оцѣнкѣ людей. Отъ экзаменующихся требуется прежде всего основательное знакомство съ литературою и умѣнье владѣть литературнымъ слогомъ.

На протяженіи остальной тысячи лѣтъ китайской исторіи вплоть до нашихъ дней литературныя требованія растутъ и растутъ, поглощая остальныя. „Шесть искусствъ“ заброшены. Экзаменующійся не играетъ передъ экзаменаторомъ музыки пьесы своего собственнаго сочиненія, не скачетъ верхомъ, не стрѣляетъ изъ лука. И никто не наводитъ справокъ о его добродѣтели. Вмѣсто ловкости въ воинскихъ упражненіяхъ, не важнѣе ли изученіе классическихъ одъ, съ описаніемъ борьбы древнихъ героевъ, этихъ совершеннѣйшихъ образцовъ человѣчества? И что значатъ сыновняя почтительность и семейныя добродѣтели рядомъ съ глубокимъ знаніемъ книгъ Конфуція и его безчисленныхъ комментаторовъ—этого неисчерпаемаго источника нравственнаго совершенства?

И вотъ экзаменующіеся сидятъ и пишутъ сочиненія на заданную тему, въ которыхъ должны проявить знакомство съ древними литературными образцами и умѣнье владѣть литературной формой. Только это и важно. Остальное не стоитъ вниманія.

Въ тѣсныя, неглубокія стойки длинной фанзы заглядываетъ предвечернее солнце. На полу, между старыми сѣрыми плитами, густо разрослась высокая трава. Кирпичи перегородокъ обвѣтрились и мѣстами разсыпаются. Кругомъ, на всемъ дворикѣ—дикая, своеобразная красота забытыхъ, запущенныхъ мѣстъ.

Здѣсь почти никто никогда не бываетъ. Кельи дремлютъ подъ горячими лучами солнца, заносятся снѣгомъ, зарастаютъ травой. Но разъ въ три года онѣ оживаютъ. Важный чиновникъ, большой ученый пріѣзжаетъ изъ Пекина для производства экзаменовъ. И со всего уѣзда, со всего „фу“, стекаются на этотъ дворъ, къ этому длинному старинному зданію, всѣ жаждущіе получить первую ученую степень. Ихъ много: тысяча человѣкъ,

больше тысячи. Бѣдные и богатые; почти дѣти и дряхлые, сѣдые старики. И, объединяя все это разнообразіе, на всѣ лица, на движенія, на одежды легъ одинъ и тотъ же отпечатокъ серьезности и спокойствія. Даже у юношей — ни одного быстраго движенія, ни улыбки, ни громкаго слова, ни яркаго тона одежды. Все — добровольные старички; все — свѣтскіе монахи, отрекшіеся отъ живой жизни ради жизни минувшаго, отразившейся въ классической литературѣ.

Послѣ торжественнаго жертвоприношенія Конфуцію, послѣ ряда церемоній тысячелѣтней древности, кандидаты на ученость разсаживаются по отдѣльнымъ кельямъ. И экзаменъ начинается.

Раздаются листы бумаги желтой и шероховатой, украшенной красной печатью экзаменатора. Объявляются три темы — двѣ для сочиненій въ прозѣ, одна для стиховъ. И, умеревъ для всего окружающаго, уйдя напряженной памятью въ хаосъ заученныхъ „дзыровъ“, сочетаній, литературныхъ формъ, — экзаменующіеся пишутъ почти безъ перерыва цѣлыя сутки. Выходъ изъ кельи запрещается, подъ страхомъ устраненія отъ экзамена. Вечеромъ и утромъ заключеннымъ приносятъ пищу — немного риса, чашку блѣднаго чая. Когда стемнѣетъ, зажигаютъ маленькіе фонари, обтянутые очень рѣдкой промасленной матеріей; это сравнительное новшество — ученики Конфуція писали при свѣтѣ свѣтляковъ.

А вокругъ зданія съ кельями день и ночь ходятъ помощники мандарина-экзаменатора, слѣдя за тѣмъ, чтобы строгія правила полнаго уединенія экзаменующихся не были нарушены.

Кажется, и тутъ, также какъ и вездѣ, неумолимая строгость требованій, неусыпная бдительность инспекціи не являются достаточными гарантіями. Кажется, и китайцамъ знакомо, если не слово, то понятіе „шпаргалки“, такое близкое, такое дорогое многимъ русскимъ школьникамъ. Кажется, помощники экзаменатора не вполнѣ неподкупны; кажется, въ небольшой фарфоровой чашкѣ можетъ быть принесенъ въ келью не только рисъ, но и клочокъ бумаги съ какой-нибудь цѣнной справкой. Впрочемъ, если злоупотребленія и возможны, они очень трудны, очень рѣдки. И они не мрачатъ въ глазахъ китайцевъ ореола справедливости, озаряющаго споконъ-вѣка государственные экзамены.

Черезъ сутки, листы желтой шероховатой бумаги, по которымъ правильно вытянулись ряды тщательно нарисованныхъ „дзыровъ“, собираются экзаменаторомъ. Жаждущіе ученой степени расходятся по домамъ. Черезъ двѣ, черезъ три недѣли, появляется списокъ избранныхъ, тѣхъ, чьи сочиненія оказались лучшими по литературному стилю и по изяществу начертанія

„дзыровъ“. Короткій списокъ—двадцать, двадцать-пять человѣкъ, вмѣсто тысячи жаждавшихъ.

Всеобщее сознаніе трудности попасть въ число избранныхъ служитъ главной наградой выдержавшихъ экзаменъ. Они достигли первой ученой степени „Сью-Цай“; что значитъ „Цвѣтъ Таланта“. И для нихъ, для ихъ семей день объявленія списковъ—величайшій день въ жизни.

Многіе изъ нихъ въ этотъ день даютъ себѣ обѣщаніе учиться дальше, держать экзаменъ второй степени въ главномъ городѣ провинціи, экзаменъ третьей высшей степени въ Пекинѣ, достичь предѣла человѣческой мудрости. И долгіе, долгіе годы проходятъ въ упорномъ трудѣ, уходятъ на усовершенствованіе въ томъ, что уже изучено, такъ какъ слѣдующій экзаменъ будетъ только въ состязаніи съ другими „Цвѣтами Таланта“, состязаніи, гдѣ, какъ и теперь, побѣдителями выйдутъ только двадцать человѣкъ изъ тысячи...

А неудачники первыхъ экзаменовъ — огромное большинство приходившихъ—грустно идутъ домой. Грустно, но не безнадежно. Упорствомъ и усидчивостью они возьмутъ свое. Будутъ приходить сюда три, четыре, пять разъ, посѣдѣютъ, состарятся надъ книгами, но все-таки выйдутъ изъ длинной странной фанзы побѣдителями, Сью-Цай, „Цвѣтомъ Таланта“.

Отхлынула тысячная толпа жаждавшихъ. Уѣхалъ въ Пекинъ экзаменаторъ, важный мандаринъ, большой ученый. Въ жизни нѣсколькихъ людей произошло крупное событіе. И длинная странная фанза въ глубинѣ отдаленнаго двора снова стоитъ ненужная, заброшенная, забытая. Сѣрые кирпичи перегородокъ обвѣтриваются, крошатся, обсыпаются. Невысокіе каменные столы уходятъ въ землю. Огромные „дзыры“ на стѣнахъ келій блекнутъ. И дикія могучія травы захватываютъ все, что оставлено человѣкомъ. Цѣпляясь за черепицы крутой крыши, ползутъ вверхъ цѣлые сады; гибкіе стебли опрокинулись внизъ, висятъ длинной зеленой бахромой. На полу, на столахъ, на скамейкахъ, въ щеляхъ между сѣрыми кирпичами выросли и ширятся пышные сочные букеты; какія-то цѣпкія, ползучія растенія ухватились за шероховатости стѣны, одѣли ее яркой свѣжей одеждой. А передъ фанзой, на дворикѣ—необузданный дикій ростъ нетревожимыхъ травъ; яркая зелень всевозможныхъ оттѣнковъ; толстые, сочные, упрямые стебли; листья, могуче ширящіеся во всѣ стороны. Трава... трава... цѣлая стихія травы.

Едва передвигая ноги въ густыхъ зарослях, мы идемъ дальше. Опять тѣ же залитые солнцемъ дворики, гдѣ улыбается

уютная красота хорошей, спокойной жизни. И, пройдя нѣсколько стройныхъ арокъ, мы выходимъ на главный дворъ.

Большая, высокая фанза, нарядная, съ плотно притесанными сѣрыми камнями облицовки, съ ярко выкрашенной рѣзьбой деревянныхъ частей. У входа, на спинахъ двухъ маленькихъ каменныхъ львовъ стоитъ высокая, толстая плита. Справа и слѣва тянутся изогнутыя тѣла двухъ высѣченныхъ змѣй; сверху и снизу змѣи сплетаются въ запутанныя кольца. И въ змѣиной рамкѣ тянутся ряды „дзыровъ". Это—запечатлѣнный въ камнѣ текстъ хвалебной оды, присланной императоромъ основателю академіи много лѣтъ тому назадъ.

Широко открытая дверь ведетъ съ каменной террасы въ большую пустую комнату; только у задней стѣны, на возвышеніи стоитъ золоченое кресло, да цвѣтныя доски съ золотыми дзырами украшаютъ стѣны. Это—что-то вродѣ актоваго зала для торжественныхъ собраній.

И, любезно улыбаясь, начальникъ академіи открываетъ дверь направо. Въ небольшой комнатѣ дышитъ легкій полусумракъ, вѣетъ прохладой. Вдоль стѣны тянется неизбѣжный канъ, противъ двери—обычный столикъ съ вазами и кое-какими мелочами; огромныя узорно-рѣшетчатыя окна заклеены бумагой. И все кажется такимъ удобнымъ, уютнымъ, жилымъ.

Это—квартира начальника, одна небольшая комната, гдѣ онъ спитъ, ѣстъ и работаетъ. Почти такъ же, какъ его ученики, почти такъ же, какъ маленькіе мальчики начальной школы, онъ—ученый, выдержавшій и первый, и второй экзамены, почтенный человѣкъ съ сѣдиною въ длинныхъ, свисшихъ усахъ—онъ каждый день пишетъ сочиненія и зубритъ старинныя книги изъ огромной академической библіотеки. Два раза уже ѣздилъ онъ въ Пекинъ; два раза возвращался безъ успѣха, но съ возрастающимъ упорствомъ добиться высшей ученой степени. И терпѣливо, внимательно, настойчиво онъ идетъ къ цѣли — пишетъ, пишетъ.

Мягкой, безшумной поступью, чуть слышно шурша тонкимъ синимъ шолкомъ длинныхъ одеждъ, входятъ и выходятъ и плавно движутся вокругъ стола два стройныхъ, высокихъ юноши. Они ставятъ передъ нами старинныя фарфоровыя чашки съ блѣднымъ ароматнымъ чаемъ. Это—любимые ученики, которые живутъ тутъ же, рядомъ съ учителемъ, которые занимаются подъ его постояннымъ руководствомъ; а въ рѣдкія свободныя минуты они пользуются обществомъ учителя, воспринимая изъ его устъ поученія высшей мудрости. Это—слабый пережитокъ, блѣдный от-

свѣтъ древней китайской школы, той отдаленной эпохи, когда книги были въ рѣдкость и свѣтъ познанія воспринимался учениками непосредственно отъ учителей.

И, казалось, все вокругъ носило отпечатокъ того давно минувшаго времени. Люди, поставившіе себѣ цѣлью — уйти отъ сегодняшней жизни въ сѣдую древность, сумѣли ревниво уберечь свой древній священный жизненный укладъ отъ грубаго вторженія кощунственныхъ новшествъ современности и иноземщины. Въ огромныя узорно-рѣшетчатыя окна не вставлено ни одного кусочка стекла; въ углу нельзя замѣтить грубаго и прозаическаго чернаго зонтика-дождевика; съ потолка не свѣшивается обиднымъ диссонансомъ, блестя своей желтой мѣдью, мѣщанскисамодовольная лампа „молнія“; къ чаю не было подано ни сахара, ни дешевой карамели въ пестрыхъ бумажкахъ; аляповатый американскій фаянсъ не стоялъ рядомъ съ тонкимъ, прозрачнымъ благороднымъ фарфоромъ императорскихъ заводовъ.

Все было, какъ вѣка тому назадъ, какъ въ ту счастливую эпоху, когда жили и работали авторы великихъ книгъ, безсмертныхъ, недосягаемыхъ образцовъ для грядущихъ поколѣній. Сѣдою стариной, но какой живучей, но какой прекрасной, вѣяло въ прохладномъ сумракѣ небольшой китайской комнаты, вокругъ этихъ людей, всецѣло ушедшихъ въ старину.

Большія парадныя ворота, раскрывающіяся въ торжественныхъ случаяхъ, были раскрыты передъ нами.

Начальникъ академіи, помощникъ и нѣсколько студентовъ провожали до порога.

Обернувшись, я бросилъ послѣдній взглядъ на тихую обитель служенія старинѣ.

Вечерѣло. Солнце ушло за высокую стѣну изъ сѣраго кирпича. Драконы крышъ, изогнутые въ прихотливыя кольца, еще свѣтились блѣдной позолотой надъ потемнѣвшей черепицей; пышнокруглыя вершины вѣковыхъ деревьевъ слегка подернулись желтизной и недвижно замерли въ предзакатныхъ лучахъ. А внизу, на дворикахъ, уже стоялъ прозрачный, голубоватый, задумчивый сумракъ. И было тихо, тихо.

Передо мною, въ длинныхъ голубыхъ и синихъ одеждахъ, простыхъ, облегающихъ худощавыя тѣла, падающихъ внизъ прямыми, скромными складками, стояла братія. На тонкія губы, чуть коснувшись ихъ, легла вѣжливая улыбка привѣта; но строгія желтыя лица были холодны и равнодушны; равнодушные глаза чуть теплились, но что-то говорило, что они могутъ вспыхнуть и засверкать; нѣкоторыя изъ красивыхъ, нерабочихъ рукъ пере-

бирали длинными, тонкими пальцами чотки—красные и коричневые шарики изъ благовонной мастики, нанизанные на шолковый шнуръ.

Развѣ это не были монахи, отрекшіеся отъ міра, ушедшіе отъ жизни, посвятившіе себя высокому, святому служенію? Развѣ это не была обитель—тихая, мирная, благолѣпная обитель, гдѣ храмомъ была библіотека, гдѣ святыми были великіе учителя древности, — мастера въ сложномъ искусствѣ комбинаціи письменъ, гдѣ Богомъ была совершенная, невозвратная сѣдая Древность?..

Тяжелыя, огромныя ворота съ изображеніемъ страшныхъ генераловъ Мынь-Шэнъ-и и Мынь-Дью-и, защитниковъ входовъ, глухо скрипѣли; они не привыкли запираться и отпираться. Потомъ слышно было, какъ задвигали тяжелый засовъ, какъ подымали и опускали какія-то тяжелыя доски. Монастырь баррикадировался отъ міра. Страшные генералы на створкахъ воротъ грозно смотрѣли на улицу, словно вызывая всякаго, кто отважится переступить порогъ.

А вокругъ шумѣла своими обычными шумами китайская улица.

VIII.

Мы шли въ судъ по одной изъ главныхъ улицъ города.

Было холодно; стоялъ сѣрый декабрьскій день безъ снѣга, безъ вѣтра; небо было низкое, тяжелое, угрюмое.

Мы вошли на довольно большой дворъ, гдѣ толпилось нѣсколько полицейскихъ въ грязныхъ, поношенныхъ красныхъ курмахъ съ нашитыми на нихъ черными письменами. Вышедшій навстрѣчу переводчикъ ввелъ насъ въ помѣщеніе суда.

Небольшая полутемная комната. Оконъ нѣтъ; но въ одной изъ стѣнъ—широкая дверь открыта на большое крыльцо. У противоположной стѣны—столъ, и за нимъ—три кресла. На столѣ, въ высокихъ мѣдныхъ стаканахъ—узкія деревянныя дощечки, покрытыя рядами письменъ... На стѣнахъ кое-гдѣ большія доски съ золотыми рельефными буквами.

Вошелъ судья. Высокій, представительный человѣкъ, уже немолодой; строгость и непреклонная суровость — въ длинныхъ, острыхъ чертахъ сухого, бритаго лица; въ быстрыхъ черныхъ глазахъ—умный блескъ. На шапкѣ—павлинье перо и синій полковничій шарикъ.

Послѣ краткихъ привѣтствій—сѣли. Меня посадили на сред-

нее кресло; вправо сѣлъ судья; влѣво—мой спутникъ, офицеръ, выступавшій въ качествѣ обвинителя.

Шесть полицейскихъ привели обвиняемаго. Полицейскіе стали по три съ каждой стороны отъ судейскаго стола ко входной двери. Обвиняемый, звеня кандалами, упалъ на колѣни въ дверяхъ.

Свѣтъ падалъ сзади; трудно было разглядѣть его лицо. Но видно было, что это бѣдный, оборванный, грязный, отвратительный китаецъ; часто можно встрѣтить такихъ въ далекихъ улицахъ городскихъ предмѣстьевъ.

Китаецъ обвинялся въ воровствѣ. Онъ былъ пойманъ съ поличнымъ при кражѣ изъ инженернаго склада клубка проволоки и бунта веревокъ.

Начался допросъ. Громко, грубо, рѣзко ставилъ вопросы судья. Жалобнымъ, рыдающимъ голосомъ лепеталъ подсудимый. Онъ не признавалъ себя виновнымъ, говорилъ, что это—наговоръ. Судья еще больше возвысилъ голосъ, и крикомъ, по интонаціи похожимъ на брань, убѣждалъ подсудимаго въ виновности. Подсудимый не сознавался.

Тогда, по знаку судьи, одинъ изъ полицейскихъ принесъ изъ сосѣдней комнаты грязный холщевый мѣшокъ, вытащилъ изъ мѣшка вещественныя доказательства—проволоку и веревки—и великолѣпнымъ жестомъ бросилъ ихъ на полъ передъ подсудимымъ.

Подсудимый слабо вскрикнулъ, словно пораженный неожиданностью, упалъ ницъ, сознался вину и молилъ о пощадѣ.

Этотъ конецъ судебнаго слѣдствія производилъ какое-то странное впечатлѣніе чего-то искусственнаго, почти театральнаго. И дѣйствительно, я узналъ впослѣдствіи, что все это—родъ комедіи, которую полагается разыгрывать въ такихъ случаяхъ. Китаецъ, захваченный съ поличнымъ, прекрасно зналъ, что ему будутъ предъявлены вещественныя доказательства, но сознаваться до ихъ предъявленія значило бы нарушать отъ вѣка установленный ходъ судебнаго слѣдствія, вносить безпорядокъ въ священную церемонію; а въ странѣ, гдѣ форма такъ тѣсно связана съ сущностью, не значитъ ли это оскорблять само правосудіе?

Черезъ переводчика судья спросилъ обвинителя, была ли проволока снята съ телеграфныхъ столбовъ или лежала свернутой въ клубокъ. И переводчикъ пояснилъ, что въ первомъ случаѣ подсудимому отрубятъ голову, а во второмъ—судья ограничится присужденіемъ бамбуковъ.

Обвинитель заявилъ, что проволока лежала въ складѣ свернутою въ клубокъ.

И судья, красной краской зачерчивая на бумагѣ какія-то письмена, холодно и безстрастно произнесъ приговоръ: шестьдесятъ бамбуковъ.

Полицейскіе окружили подсудимаго, подняли его, сняли съ него кандалы, заставили опустить стеганые ватные штаны—синіе, грязные, неуклюже топорщившіеся—и разложили несчастное, худое, отвратительное тѣло на камняхъ крыльца, у самой двери въ судилище.

Китаецъ дрожалъ и стоналъ жалобно и протяжно. Два полицейскихъ держали его за плечи; два другихъ сѣли на ступни его ногъ. Одинъ взялъ бамбуковую палку и, повернувшись лицомъ къ судьѣ, принялся наносить быстрые, короткіе удары по одной изъ ляжекъ преступника. И быстро, быстро, голосомъ, въ которомъ слышалось удовольствіе отъ чисто исполняемой работы, онъ считалъ удары. Послѣ десяти ударовъ кожа дала трещину, и мясо выступило красной, волнистой полоской. Казнимый стоналъ тяжело, съ перерывами.

Шестьдесятъ ударовъ были отсчитаны. Но казнь не кончилась. Оказалось, что при началѣ экзекуціи палачъ обнаружилъ на осужденномъ слѣды прежнихъ бамбуковъ. Такимъ образомъ былъ установленъ рецидивъ. И судья приказалъ дать китайцу еще сорокъ ударовъ.

И удары посыпались опять — быстрые, короткіе, сопровождаемые отрывистыми, спѣшащими звуками гортаннаго голоса.

Казнь кончилась. Осужденный, съ помощью полицейскихъ, поднялся, одѣлся. Тяжело, неловко, опустился онъ на колѣни и въ ноги поклонился судьѣ. Потомъ всталъ и осторожнымъ, неспѣшнымъ шагомъ пошелъ во-свояси. И долго еще была видна сквозь широкую, настежь открытую дверь его жалкая, неуклюжая, грязная фигура.

Мы встали. Судья, съ любезнымъ, улыбающимся лицомъ, говорилъ намъ на прощанье обычныя вѣжливости. Переводчикъ, тоже съ любезной улыбкой, передавалъ установленныя фразы. Оба они провожали насъ до воротъ.

А у воротъ, въ красныхъ, ободранныхъ курмахъ съ нашитыми на нихъ черными письменами, стояли шесть полицейскихъ, участвовавшихъ въ экзекуціи. Они смотрѣли на насъ спокойнымъ и равнодушнымъ взглядомъ. Но мнѣ показалось, что подъ этой непроницаемой маской равнодушія скрывается горячее чувство ненависти къ намъ, пришельцамъ, вторгающимся въ ихъ жизнь, любопытнымъ, желающимъ бросить нескромный взглядъ во всѣ

складки ихъ освященнаго вѣками быта. Впрочемъ, можетъ быть, это мнѣ только показалось.

Мы вышли на улицу.

— Не правда ли, какой восторгъ?—звучалъ около меня молодой, свѣжій голосъ моего спутника—одной изъ сторонъ недавняго процесса.—Судъ, можетъ быть, не особенно милостивый, но зато, конечно, правый; и уже, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно скорый. Преступленіе совершено на разсвѣтѣ, около шести часовъ утра. Теперь—двѣнадцать часовъ, и дѣло уже разобрано, и приговоръ произнесенъ, и преступникъ отбылъ наказаніе; онъ совершенно свободенъ и можетъ продолжать, какъ ни въ чемъ не бывало, прежній образъ жизни. Право, такой судъ нельзя не назвать и милостивымъ. А развѣ это не великолѣпно—эта справка о судимости на ляжкѣ преступника, неизгладимый, вѣчный слѣдъ, безпощадный обвинитель рецидивиста. И насколько это проще и вѣрнѣе, и практичнѣе справокъ при „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“ и всякихъ ухищреній антропометрическихъ бюро... Одинъ врачъ, на дняхъ, говорилъ мнѣ, что послѣ двадцати, тридцати ударовъ ткань совершенно разрушается; затѣмъ происходитъ омертвѣніе избитаго мѣста, и оно вываливается; образовавшаяся впадина заростаетъ понемногу свѣжей тканью, но слѣды остаются навсегда.

Довольно разсѣянно слушалъ я эту апологію китайскаго суда. Передъ моими глазами все еще стояли жалкія, худыя, отвратительныя ляжки грязно-коричневаго цвѣта, и по одной изъ нихъ изгибалась волнистая ярко-красная полоска.

Мы шли глухой, пустынной улицей. Кругомъ сѣрые тона сливались въ безотрадный аккордъ.

Подъ низкимъ, сѣрымъ, тяжелымъ небомъ было неуютно и холодно. Дрожь пробѣгала по спинѣ.

IX.

Уже довольно давно живу я въ моемъ китайскомъ городѣ. Много хожу; много смотрю. Стараюсь понять окружающую жизнь, вникнуть въ китайщину.

Но жизнь кругомъ такъ своеобразна, такъ богата интересными подробностями, что почти каждый день набредешь на что-нибудь еще невиданное; почти каждая прогулка даетъ какой-нибудь новый штрихъ въ сложной картинѣ китайской жизни.

На дняхъ, проходя мимо площади, гдѣ стоитъ дворецъ Джи-Фу,

я замѣтилъ что-то не совсѣмъ обычное. Передъ воротами толпились китайцы; но не было видно ни знаменъ, ни копій, не было слышно оглушительной музыки—обычной обстановки торжественнаго выѣзда сановника, собирающей къ воротамъ вѣчно любопытную толпу. Передъ дворцомъ, въ горячихъ лучахъ майскаго полудня, вмѣсто обычнаго шума и блеска была тишина и неподвижность.

Чуялось что-то тяжелое.

На площади, у самыхъ воротъ, изъ нѣсколькихъ кольевъ и циновокъ наскоро смастерили небольшую будку. Въ ней, за столомъ, покрытымъ красной матеріей, сидѣлъ чиновникъ. Передъ чиновникомъ стояли на колѣняхъ два китайца.

Шагахъ въ пятидесяти отъ будки, на простыхъ дощатыхъ носилкахъ лежалъ китаецъ. Онъ былъ совершенно голый. Смуглое сѣро-желтое тѣло закоченѣло въ какомъ-то неестественномъ натянутомъ положеніи. Голова была запрокинута. На лицѣ мой скользнувшій взглядъ замѣтилъ что-то странное, какую-то шершавость, изъѣденность. Былъ ли то слѣдъ удара по лицу? былъ ли то признакъ начавшагося разложенія? Не знаю; но въ недвижномъ зноѣ майскаго полудня я почувствовалъ тяжелый трупный запахъ.

И быстро я пошелъ прочь.

Шагахъ въ сорока отъ трупа, спиной къ нему сидѣла на землѣ женщина съ ребенкомъ на рукахъ. И когда я проходилъ, она начала кричать и причитать неистовымъ голосомъ — „голосить“.

И долго еще, пока я не свернулъ въ узкую людную улицу, слышалъ я за собою этотъ дѣланный, искусственный плачъ, этотъ пронзительный крикъ на высокихъ нотахъ.

Вечеромъ зашелъ ко мнѣ Иванъ Иванычъ — переводчикъ Джи-Фу. И короткими, неопредѣленными словами, неохотно, какъ онъ дѣлаетъ это всегда, когда я пытаюсь при его посредствѣ заглянуть поглубже въ китайскую жизнь, Иванъ Иванычъ разсказалъ мнѣ, въ чемъ было дѣло.

Ночью, два дня тому назадъ, въ деревнѣ, верстахъ въ тридцати отъ города, было совершено убійство. По закону, тѣло человѣка, погибшаго насильственной смертью, не можетъ быть предано землѣ, пока не будетъ произведено разслѣдованіе и найдена нить преступленія. Убитаго принесли въ городъ, чтобы самъ Джи-Фу могъ удостовѣрить смерть. Сюда же привели и двухъ китайцевъ, заподозрѣнныхъ въ убійствѣ. На площади, передъ тѣломъ убитаго происходилъ судъ. За носилками мужа

пришла вдова съ ребенкомъ и, сидя на площади около тѣла, она „голосила", согласно китайскому обычаю.

Вотъ и все, что я узналъ. Сухой, голый перечень внѣшнихъ фактовъ. Заглянуть поглубже, подглядѣть внутреннюю интимную сторону происшедшаго мнѣ не удалось. За кулисы Иванъ Иванычъ меня не пустилъ.

И какъ бы извиняясь за то, что онъ не вполнѣ удовлетворилъ мое любопытство, Иванъ Иванычъ вѣжливо улыбнулся и сталъ говорить самыя изысканныя любезности.

Въ ямынѣ—управленіи Джи-Фу—дворы, дворики, переходы сплетаются въ сложный лабиринтъ. Заблудиться не трудно. И разъ, проходя къ Ивану Ивановичу — переводчику Джи-Фу и личному секретарю его по сношеніямъ съ русскими—я дѣйствительно заблудился.

Стоялъ конецъ мая. Было ясное, яркое утро. Ночью прошелъ сильный дождь; и послѣ дождя все казалось такимъ свѣжимъ, чистымъ, обновленнымъ. Небо, становившееся было мутнымъ за послѣдніе жаркіе дни, теперь—словно обмытое—сіяло ровной прозрачной синевой. Сѣрыя кирпичныя стѣны, залитыя солнцемъ, подернулись золотистымъ налетомъ. А въ тѣни, въ узкихъ переходахъ между высокими стѣнами, было темно, сыро и прохладно. И свѣжо, и сочно зеленѣла весенняя листва, еще чуть влажная отъ дождя, уже обласканная утреннимъ солнцемъ.

Тѣневые переходы выводили на солнечные дворики. Кругомъ, строго соблюдая перпендикулярность линій плана, стояли фанзы. Огромныя рѣшетчатыя окна, затянутыя бумагой, ширились во всю стѣну. Выступая далеко впередъ, края крышъ бросали внизъ густыя тѣни. Между фанзами, въ короткихъ соединительныхъ стѣнкахъ были пробиты двери, однѣ—обычной формы, другія—совершенно круглыя. Черезъ нихъ я проходилъ опять въ тѣневые переходы, опять въ солнечные дворики...

Вдругъ я остановился.

Передо мной, на фонѣ сѣрой, тронутой солнцемъ стѣны, стоялъ человѣкъ. Онъ стоялъ на колѣняхъ, и руки у него были вытянуты въ стороны, и видъ у него былъ ужасный; и все это производило впечатлѣніе распятія.

Это былъ пытаемый преступникъ.

Его ноги, голыя отъ колѣнъ, были, около щиколотки, забиты въ грубую деревянную колодку. На землю положили толстую желѣзную цѣпь и поставили на нее преступника на колѣни. Ему развели руки; къ большимъ пальцамъ привязали тесемки и под-

тянули эти пальцы къ перекладинѣ невысокаго креста, укрѣпленнаго на особомъ станкѣ. Затѣмъ въ стойку креста, противъ спины пытаемаго, вбили длинный желѣзный гвоздь, заставивъ преступника изогнуть тѣло, подавая его впередъ, увеличивая напряженіе въ пальцахъ.

Одежды на китайцѣ почти не было; только грязныя синія шаравары, сползшія съ опавшаго живота, засученныя выше колѣнъ. И видно было почти все его тѣло—очень смуглое, грязное, тощее, безобразное и жалкое. Грудь, съ рѣзко обозначенными ребрами, неестественно выдвинулась впередъ; животъ ввалился; колѣна побагровѣли; тощія вытянутыя руки казались необычно длинными. Кое-гдѣ на грязной желтизнѣ кожи выступала грязная синева синяковъ и кровоподтековъ—вѣроятно, слѣды недавнихъ побоевъ. И постоянныя вздрагиванія — короткія и быстрыя — пробѣгали по распятому тѣлу, такому безмѣрно безобразному, такому безконечно жалкому.

Лицо было самымъ обычнымъ лицомъ простого, некультурнаго китайца. Но въ грубыхъ, тупыхъ, некрасивыхъ чертахъ было столько страданія, сколько никогда не приходилось видѣть на человѣческомъ лицѣ. И глаза были полны слезъ, которыя какъ будто не могли пролиться.

Кромѣ насъ никого не было на маленькомъ нарядномъ дворикѣ. На стѣнѣ одной изъ фанзъ ширилось огромное рѣшетчатое окно, и тонкія палочки рамы сбѣгались, разбѣгались, переплетались въ веселый, прихотливый узоръ. Въ короткой стѣнкѣ между двумя фанзами была пробита круглая дверь, и изъ круглой рамы глядѣли сѣрыя стѣны и изогнутыя крыши—красивая панорама съ нарядной башней кумирни на заднемъ планѣ. По одной изъ стѣнъ, почти у самаго станка пытокъ, подымалась густая свѣжая зелень, и кое-гдѣ между блестящими лапчатыми листьями распускались еще одинокіе цвѣты блѣдно-желтыхъ розъ. А на самомъ краю крутой черепичной крыши — почти ослѣпительные въ яркихъ лучахъ — плескались крыльями, и прижимались другъ къ другу, и ворковали холеные нарядно-бѣлые голуби.

И словно вторя радостному хлопанью крыльевъ, быстрыя и короткія вздрагиванья пробѣгали по распятому тѣлу — такому безмѣрно безобразному, такому безконечно жалкому.

Гулко раздаваясь между стѣнами, приближались шаги. Въ круглой рамѣ двери появился Иванъ Ивановичъ. Его широкое рябоватое лицо выразило недоумѣнье; но недоумѣнье сейчасъ же смѣнилось радостно-любезной улыбкой. И только въ глубинѣ темныхъ глазъ оставалось что-то жесткое, непріятное.

Въ рукахъ у Ивана Ивановича была фарфоровая чашка съ зернами чаумизы. Нарядно-бѣлые голуби, тяжело поднявшись съ крыши, заплескали въ воздухѣ ослѣпительными крыльями; и они опустились на кирпичный полъ у ногъ Ивана Ивановича.

Мы обмѣнялись привѣтствіями. Я сказалъ Ивану Ивановичу, что шелъ къ нему по дѣлу и, кажется, заблудился. Иванъ Ивановичъ сказалъ, что очень радъ меня видѣть, и что можно попасть къ нему и этимъ путемъ. Пропуская меня впередъ, онъ жестомъ приглашалъ пройти въ круглую дверь.

Но я медлилъ. И, указывая на распятаго, я спросилъ Ивана Ивановича, что тутъ происходило. Коротко, словно нехотя, отвѣтилъ мнѣ Иванъ Ивановичъ.

Это былъ преступникъ, совершившій убійство и грабежъ. Онъ подлежалъ смертной казни. Но по древнему закону никто не можетъ быть казненъ, если онъ не признаетъ своей вины. Улики, самыя неопровержимыя, не могутъ замѣнить сознанія. Если преступникъ не сознается, сознаніе выпытывается изъ него мученьемъ. „Иначе онъ бы не сознался“,—говорилъ Иванъ Ивановичъ, и что-то наивное слышалось въ его ровномъ голосѣ: — „а такъ навѣрно сознается“.

Спокойно-равнодушный, какъ всегда, медлительный и важный въ движеніяхъ, стоялъ Иванъ Ивановичъ среди залитаго солнцемъ дворика. Передъ нимъ короткими и быстрыми вздрагиваніями вздрагивалъ преступникъ, распятый по его распоряженію. У его ногъ нарядно-бѣлою толпой толпились голуби, которымъ онъ сыпалъ кормъ. Надъ его головой вспыхивали и погасали ослѣпительно-бѣлые взмахи крыльевъ.

Рядомъ, около обычнаго мѣста пытокъ, изъ земли, упитанной потомъ и кровью избиваемыхъ и распятыхъ, росли, цѣпляясь за стѣну, кусты блѣдно-желтыхъ розъ.

На одномъ изъ широко-лапчатыхъ яркихъ листьевъ Иванъ Ивановичъ замѣтилъ небольшого зеленаго червячка. И онъ протянулъ руку, почти касаясь головы распятаго, осторожно снялъ червячка и положилъ его въ фарфоровую чашку изъ-подъ корма голубямъ. Иванъ Ивановичъ оберегалъ свой любимый розовый кустъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ—буддистъ и вегетаріанецъ—не могъ допустить гибели червяка. Всѣхъ попадавшихъ ему на глаза червей, гусеницъ, жуковъ Иванъ Ивановичъ бережно уносилъ домой и помѣщалъ въ небольшую фарфоровую вазу. Что дѣлалось потомъ съ призрѣваемыми — этимъ Иванъ Ивановичъ не интересовался. Съ него было довольно сознанія, что онъ спасъ растеніе отъ червяка, червяка отъ птицы. И это созна-

ніе давало ему невозмутимую удовлетворенность человѣка, исполнившаго долгъ.

Спокойно-равнодушный стоялъ Иванъ Ивановичъ посреди залитаго солнцемъ дворика. Скромностью вѣяло отъ плотнаго, немного потертаго шолка его простой темно-коричневой одежды. На широкомъ рябоватомъ лицѣ застыло выраженіе удовлетворенности происходящимъ. Все шло хорошо. Будетъ выполненъ законъ правосудія: тотъ, кто долженъ быть казненъ, будетъ казненъ, но передъ тѣмъ онъ сознается въ преступленіи. Будетъ выполненъ законъ милосердія: ничтожный и вредный червякъ не будетъ здѣсь, на глазахъ, заклеванъ нарядно-бѣлой птицей. Пусть червякъ издохнетъ завтра въ своей фарфоровой тюрьмѣ; пусть, даже живой, онъ будетъ выброшенъ прислугой на грязный дворъ, по другую сторону фанзы, туда, гдѣ валяются свиньи и бродятъ куры; пусть сознаніе въ преступленіи, можетъ быть и не совершенномъ, будетъ вырвано у распятаго цѣною нечеловѣческихъ мукъ — развѣ эти маленькія подробности чисто формальнаго характера могутъ замутить чувство удовлетворенности — неизбѣжное слѣдствіе сознанія выполненныхъ законовъ, тысячелѣтнихъ законовъ, написанныхъ мудрѣйшими людьми?

Да, все идетъ хорошо. Между широкихъ лапчатыхъ листьевъ раскрываются блѣдно-желтыя розы, спасенныя отъ грозившей опасности. Въ прозрачномъ воздухѣ трепещутъ ослѣпительно-бѣлыя крылья накормленныхъ чаумизою голубей. Въ фарфоровой чашкѣ, плотно прикрытой въ защиту отъ птицъ, извивается маленькій зеленый червякъ. На крестѣ короткими и быстрыми дрожаніями вздрагиваетъ распятый для того, чтобы не былъ нарушенъ древній гуманный законъ, чтобы не былъ казненъ тотъ, кто не призналъ за собою вины.

И безстрастный, спокойный въ сознаніи исполненнаго долга, стоитъ Иванъ Ивановичъ—праведникъ и постникъ—среди нарядnаго солнечнаго дворика. И словно ослѣпительный ореолъ, трепещутъ вокругъ его лица быстрые взмахи голубиныхъ крыльевъ.

X.

На пустырь за сѣверными воротами собиралась толпа.

Изъ города быстрымъ шагомъ двигалось шествіе. Двумя длинными шеренгами по обоимъ краямъ широкой дороги шли солдаты. На потертыхъ красныхъ курмахъ были нашиты черныя буквы; вокругъ головъ обернуты большія синія косынки; широ-

кіе концы ихъ падали на плечи. Огромныя красныя знамена были свернуты; длинныя трубы опущены. Въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца сверкали высоко надъ головами фантастическіе наконечники копій.

За солдатами, тоже по краямъ дороги, ѣхали всадники-офицеры и чиновники съ бѣлыми, золотыми и серебряными шариками на черныхъ шапочкахъ. А еще дальше, въ облакахъ пыли, поднятой маленькими монгольскими лошадьми, можно было различить головы муловъ и смутныя очертанія темныхъ человѣческихъ фигуръ на тяжелой арбѣ.

Въ полной тишинѣ, въ сосредоточенной серьезности шествіе двигалось впередъ быстрымъ дѣловымъ шагомъ.

Кругомъ также молча, также серьезно собирались люди. Провожали шествіе. Впереди на пустырѣ росла толпа.

Солдаты вдвинулись въ толпу. Оттѣснили ее. Сомкнулись въ кругъ. Офицеры и чиновники стали сбоку. Въ кругъ въѣхала арба. Пустырь былъ выше дороги. И громкимъ крикомъ, рѣзкимъ щелканьемъ бичей погонщики побуждали муловъ втащить на крутизну громоздкую арбу. На арбѣ была груда человѣческихъ тѣлъ, въ безпорядкѣ сваленныхъ одно на другое. Это были преступники. Руки ихъ связаны за спиной; ноги забиты въ деревянныя колодки. Тутъ же на арбѣ сидѣло нѣсколько китайцевъ. Это были тюремщики.

Въѣхавъ въ кругъ, арба остановилась. И быстро, грубыми, рѣзкими движеніями тюремщики стали стаскивать преступниковъ съ арбы.

Въ нѣсколько секундъ дѣло было сдѣлано. Въ разстояніи шаговъ трехъ одинъ отъ другого стояло на колѣняхъ шесть человѣкъ. Косы были обвернуты вокругъ головъ; ступни ногъ какъ-то странно торчали сквозь отверстія широкой деревянной доски; веревки, впиваясь въ синіе ватные рукава грязной одежды, крѣпко связывали руки за спиной. Головы были наклонены, чтобы принять ударъ; на лицахъ нельзя было прочесть ничего, кромѣ обычнаго спокойствія и равнодушія.

Отъ движенія солдатъ, отъ возни, около арбы поднялась густая пыль. Пыль стояла въ воздухѣ и казалась красной въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца. Солдаты, народъ смотрѣли спокойнымъ, равнодушнымъ взглядомъ.

Внезапно откуда-то появился палачъ. Высокій, статный, молодой китаецъ; одѣтый — какъ всѣ, спокойно-равнодушный — какъ всѣ. Большой, широкій, слегка изогнутый мечъ былъ у него въ рукѣ; и пальцами другой руки онъ слегка притрагивался къ

острію. Рядомъ мальчикъ лѣтъ десяти-двѣнадцати держалъ ножны изъ красной кожи.

И какъ только преступники были стянуты съ арбы, брошены на колѣни, палачъ не терялъ ни секунды.

Широкій взмахъ меча; быстрый, короткій ударъ по склоненной шеѣ; упавшая, покатившаяся голова; струей хлынувшая кровь; повалившееся впередъ тѣло—одно мгновенье.

И зрители, не выходя изъ состоянія равнодушнаго спокойствія, привѣтствовали мастерской ударъ короткимъ гортаннымъ: „хау!“ (хорошо, браво). Одна за другой отскакивали головы, катились и останавливались. Одно за другимъ валились впередъ тяжелыя, неуклюжія тѣла.

И въ нѣсколько мгновеній казнь была окончена. Палачъ передалъ мечъ мальчику, державшему ножны. Около одной изъ мертвыхъ головъ кто-то зажегъ цѣлую стопу желтой мягкой бумаги; голубой дымъ струей потянулся къ небу — молитва, жертва. Изъ-за линіи солдатъ вышелъ чиновникъ съ жирнымъ, блестящимъ лицомъ. Въ рукахъ его была длинная стрѣла, съ кускомъ бумаги на остріѣ. Чиновникъ осторожно обмакнулъ бумагу въ одну изъ лужъ крови. И онъ понесъ ее въ сторону, туда, гдѣ на дорогѣ, въ красномъ паланкинѣ сидѣлъ одѣтый въ красный плащъ помощникъ Джи-Фу. Отсюда онъ издали слѣдилъ за казнью. Стрѣла — полномочіе на казнь—и окровавленная бумага — свидѣтельство о казни—исчезли за красной занавѣской паланкина.

Солдаты повернулись, сошли на дорогу, вытянулись длинными шеренгами по обѣ ея стороны.

И обычнымъ порядкомъ шествіе направилось къ городу. Только огромныя знамена были распущены и лѣниво трепыхались въ недвижномъ вечернемъ воздухѣ; и багровое передъ-закатное солнце краснымъ отсвѣтомъ играло на фантастическихъ наконечникахъ высокихъ копій, на мѣдныхъ изгибахъ длинныхъ трубъ.

На мѣстѣ казни толпа сомкнулась тѣснѣе.

Послѣ палача принялись за работу тюремщики. Маленькими топорами были разбиты деревянныя колодки. Потомъ занялись раздѣваніемъ труповъ.

Быстро, но внимательно были развязаны тесемочки, разстегнуты мѣдныя пуговки. Ничего не было порвано рѣзкимъ, спѣшащимъ движеніемъ. На пыльной землѣ лежали грязно-синія одежды. Онѣ были толстыя, на ватѣ, и потому лежали неуклюже топорщась, еще обрисовывая только-что жившее въ нихъ тѣло.

И тутъ же рядомъ, опрокинутыя навзничь, лежали обезглавленныя тѣла. Они были блѣднаго, холоднаго цвѣта, уже землистыя, желтовато-сѣрыя. И тамъ, гдѣ кончалась шея, висѣла какая-то бахрома багровыхъ клочьевъ; и съ концовъ бахромы медленно капала кровь.

Тутъ же — въ нѣсколькихъ шагахъ — лежали мертвыя головы. На шеѣ была та же красная бахрома и также капала кровь.

Багровыя лужи быстро подсыхали; на сухой, пыльной землѣ остались темныя расплывчатыя пятна.

Зажженная стопа бумаги обуглилась и медленно тлѣла; тонкой струйкой тянулся кверху голубоватый дымъ.

Вечерѣло. Зрѣлище окончилось и зрители расходились. Спокойно, равнодушно, съ серьезнымъ, дѣловымъ видомъ, не оглядываясь, въ молчаніи двигались къ городу китайцы.

А тюремщики продолжали работу. Одинъ изъ нихъ поднялъ двѣ головы — головы самыхъ важныхъ изъ казненныхъ—размоталъ косы и понесъ въ сторону, туда, гдѣ, шагахъ въ двадцати отъ мѣста казни, у самой дороги, стояло нѣсколько деревьевъ. И за косы онъ привязалъ головы къ вѣткамъ.

Потомъ тюремщики взяли казненныхъ за ноги и потащили ихъ по землѣ; и свалили въ кучу тутъ же на пустырѣ, въ едва замѣтной лощинѣ, совсѣмъ близко отъ дороги. И, скользя по землѣ, безголовыя тѣла какъ-то странно вздрагивали, и ноги были такъ неестественно подняты кверху, и кровь уже не капала, а текла съ концовъ бахромы, темнѣвшей вокругъ шеи.

Въ надвигающихся сумеркахъ тѣла, сваленныя другъ на друга, переплетающіяся членами, были фантастичны и страшны.

Тюремщики вернулись обратно туда, гдѣ брошенныя на землю грязно-синія ватныя одежды, неуклюже топорщась, обрисовывали еще очертанія тѣлъ. Тюремщики скрутили одежды въ плотные пакеты и закинули себѣ за плечи, и пошли прочь. Послѣдняя собственность казненныхъ перешла въ ихъ собственность. Завтра утромъ появится она на базарѣ.

Сумерки быстро сгущались.. Съ холма у дороги было видно, какъ смутно бѣлѣла въ лощинѣ какая-то неопредѣленная расплывчатая груда. На блѣдномъ, чуть розовомъ небѣ, между безлистыми сучьями отчетливо рисовались темные силуэты головъ.

На мѣстѣ казни змѣилась къ небу блѣдная струйка дыма.

И осторожной ползущей походкой надвигались со стороны

фанзъ предмѣстья огромныя тяжелыя туши черныхъ китайскихъ свиней. Ихъ было много. За одиночными передовыми чудовищами рисовалась въ полутьмѣ черная кишащая масса.

Свиньи всего города шли завершать казнь.

XI.

Если, пройдя, маленькую кумирню, свернуть съ главной улицы налѣво, то сейчасъ же по правую руку будетъ большой магазинъ Ли-хунъ-дью, одного изъ самыхъ богатыхъ купцовъ.

У воротъ магазина, за небольшимъ столикомъ, подъ навѣсомъ, искусно устроеннымъ изъ нѣсколькихъ бамбуковыхъ палокъ и куска синей матеріи, сидитъ старый китаецъ въ большихъ черныхъ очкахъ. И я всегда застаю его на этомъ мѣстѣ—каждый день съ разсвѣта и до сумерекъ, во всякую погоду.

На столѣ—нѣсколько старыхъ толстыхъ книгъ въ потертыхъ футлярахъ, бумага, кисти для письма, какіе-то странные старинные сосуды, какія-то старыя узенькія дощечки, отполированныя долгими годами прикосновеній.

Передъ столомъ всегда нѣсколько китайцевъ—три, четыре, иногда десятокъ, иногда цѣлая маленькая толпа.

И обыкновенно, какъ ни проходишь, старикъ говоритъ что-то. Онъ говоритъ тихимъ, ровнымъ голосомъ, не спѣша. И когда прислушаешься, чувствуешь, что онъ говоритъ просто и легко, не путаясь въ мысляхъ, не выискивая словъ; говоритъ плавными, красиво законченными фразами. И люди, стоящіе вокругъ, внимательно слушаютъ его рѣчь.

Это—прорицатель. Онъ прочелъ много старинныхъ, непонятныхъ книгъ; онъ постигъ мудрость, недоступную простымъ смертнымъ; для его взгляда нѣтъ ничего сокрытаго, и одинаково ясно видитъ онъ и прошлое, и будущее. Такъ говоритъ или такъ хотѣлъ бы сказать мой переводчикъ Миша.

А мистеръ Джонсонъ, вкусившій плодовъ международнаго шанхайскаго базара, стыдливо опускаетъ глаза, краснѣя за своихъ соотечественниковъ, и говоритъ тихимъ голосомъ: „Оставьте, это совсѣмъ не интересно; это—грубый обманщикъ, которому вѣрятъ только самые простые люди“.

Но я думалъ, напротивъ, что это очень интересно, и часто, проходя мимо лавки Ли-хунъ-дью, я внимательно вглядывался въ прорицателя.

На дняхъ я остановился около маленькаго столика. Со мной

былъ переводчикъ Миша. Передъ столикомъ стояло три или четыре китайца. Они посторонились, уступая намъ мѣсто. Одинъ, высокій, красивый, съ мужественнымъ, открытымъ лицомъ, только-что бросилъ на столъ нѣсколько узкихъ деревянныхъ дощечекъ. И, выжидая, онъ внимательно смотрѣлъ на старика.

Старикъ скользнулъ взглядомъ по дощечкамъ; наклонившись надъ бумагой, онъ сталъ быстро чертить рядъ какихъ-то замысловатыхъ гіероглифовъ. Потомъ онъ поднялъ голову, пристально посмотрѣлъ въ лицо вопрошавшему судьбу. И онъ заговорилъ тихимъ, ровнымъ, слегка гортаннымъ голосомъ.

Онъ былъ очень старъ. Желтое, сухое, какъ бы пергаментное лицо, изрѣзанное морщинами, рѣдкая сѣдая борода, длинные рѣдкіе сѣдые усы, висящіе внизъ. Изъ-за очень большихъ круглыхъ черныхъ очковъ смотрятъ еще живые, ярко блестящіе черные глаза.

Что говорилъ прорицатель? Конечно, какъ всегда, почти все осталось для меня потерянным, Миша, съ трудомъ выдѣляя то, что ему казалось возможнымъ перевести, передалъ мнѣ въ немногихъ словахъ фактическую сторону, грубый остовъ рѣчи старика. Но вся лирика его рѣчи, вся несомнѣнная для меня красота мысли и образовъ, и словъ,—все это такъ и осталось далекимъ, чужимъ, непонятнымъ.

Молодой китаецъ спрашивалъ совѣта, ѣхать ему или не ѣхать куда-то далеко, гдѣ ждала его какая-то работа, какая-то дѣятельность.

И старикъ говорилъ, что ѣхать не надо, что грядущія событія слагаются неблагопріятно для далекаго путешествія, для жизни вдали отъ родной страны. И потомъ, постепенно оживляясь, онъ говорилъ о чемъ-то долго плавными, красиво звучавшими фразами. Миша перевелъ ихъ двумя словами: „Лучше жить тамъ, гдѣ жили отецъ и мамка“. А остальное, то, что Миша не перевелъ, не сумѣлъ перевесть?.. Можетъ быть, это былъ гимнъ родинѣ, священной странѣ обожествленныхъ предковъ, гимнъ своему домашнему очагу, мирной жизни подъ покровительствомъ домашнихъ боговъ, мирной работѣ на родномъ полѣ? Я не знаю, но мнѣ кажется, что это было именно такъ—интонація голоса, взглядъ глазъ черезъ темные очки дали мнѣ убѣжденіе, что это былъ именно гимнъ.

Группа китайцевъ вокругъ столика увеличилась. Всѣ стояли молча, недвижно.

Старикъ умолкъ; собралъ со стола длинныя деревянныя дощечки; вложилъ ихъ въ высокую урну.

Молодой китаецъ, вопрошавшій судьбу, бросилъ въ мѣдную чашку нѣсколько чаховъ и пошелъ прочь спокойной, равнодушной походкой.

Послушается ли онъ предупрежденія судьбы, останется ли здѣсь, въ священной странѣ предковъ, у мирнаго домашняго очага, тамъ, гдѣ жили отецъ и мамка?

XII.

Вечерѣло... Въ небѣ не было облаковъ, и западъ не горѣлъ, а теплился ровнымъ, нѣжнымъ розовымъ свѣтомъ. Яркіе тона деревьевъ и травы становились мягче и гуще. И бѣлые маки, цѣлыя поля бѣлыхъ маковъ по склонамъ ближайшихъ холмовъ подернулись розовымъ отливомъ.

Тропинка, пролегавшая по дну лощины, повернула налѣво и круто побѣжала въ гору, по опушкѣ небольшой, рѣдкой рощи.

Кругомъ было тихо, тихо. Вдали краснѣла глиняная стѣна города, изгибались силуэты крышъ. Въ мягкомъ закатномъ свѣтѣ все казалось легкимъ, воздушнымъ, призрачнымъ.

Вдругъ что-то заставило меня обернуться. Совсѣмъ близко, въ пяти-шести шагахъ висѣла голова человѣка. Она висѣла на выдвинувшейся впередъ вѣтви дерева. Блѣдное, худощавое, совершенно юное лицо; тонкія, правильныя черты, полуоткрытые глаза, полуоткрытыя сѣрыя губы, и волосы—черные, густые, словно ставшіе дыбомъ, закинутые кверху, закрученные за зеленую, чуть изогнувшуюся вѣтку; а внизу, тамъ, гдѣ такъ странно-неожиданно кончалась шея—черные сгустки запекшейся крови... Неподвижная на блѣдно-зеленомъ фонѣ неба, красивая и гордая, слегка озаренная алыми отсвѣтами заката, мертвая голова казалась призрачной, фантастичной...

И я узналъ эту голову.

Осенью прошлаго года мнѣ нуженъ былъ разумный, смѣлый и ловкій человѣкъ для выполненія сложнаго и опаснаго порученія. Мнѣ указали на Яу-хо и обѣщали прислать его ко мнѣ.

Яу-хо пришелъ поздно ночью; или онъ уже тогда имѣлъ основаніе избѣгать встрѣчи съ китайскими властями, или онъ не хотѣлъ показать, что имѣетъ сношенія съ русскими. Высокій, стройный, съ великолѣпной гордой осанкой, Яу-хо стоялъ у двери моей комнаты. Его красивое лицо съ правильными, тонкими чертами было очень блѣдно и очень спокойно. Взоръ былъ тусклъ и равнодушенъ, но чувствовалось, что онъ можетъ вдругъ

вспыхнуть и засверкать. И было что-то страшное и въ то же время манящее въ этомъ лицѣ, интересное и, можетъ быть, трагическое...

Яу-хо служилъ раньше переводчикомъ въ одномъ изъ стрѣлковыхъ полковъ и выучился довольно свободно говорить по-русски. Но потомъ онъ „ушелъ на волю", и гдѣ онъ былъ, что онъ дѣлалъ за послѣдніе полгода—никому не было извѣстно. Яу-хо былъ молчаливъ и неохотно отвѣчалъ на вопросы, не имѣвшіе отношенія къ дѣлу. По дѣлу же онъ отвѣчалъ обстоятельно и толково. И его глубокій грудной голосъ звучалъ мягко и сильно.

Мы говорили безъ переводчика, одни, въ небольшой комнатѣ. Яу-хо быстро понялъ, чего я отъ него хотѣлъ, и принялъ на себя порученіе. Когда я началъ говорить про опасность предпріятія, онъ вскинулъ вверхъ гордую голову и посмотрѣлъ на меня такимъ открытымъ, свѣтлымъ взглядомъ, что я понялъ, что ему опасность не страшна.

Оставалась еще одна сторона дѣла. Яу-хо, отчасти посвященный теперь въ мои планы, могъ продать меня, вѣроятно, за большую сумму, могъ поставить группу людей въ очень тяжелое, опасное положеніе.

И когда я началъ подходить къ этой сторонѣ вопроса, Яу-хо понялъ меня съ полу-слова; и онъ такъ сказалъ: „Яу-хо не обманетъ", и онъ такъ посмотрѣлъ на меня, что я ему вполнѣ повѣрилъ.

Дней черезъ десять, глухой ночью, Яу-хо вернулся. Порученіе было исполнено очень хорошо, несмотря на то, что препятствія оказались сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать. И когда Яу-хо разсказывалъ о преодолѣніи препятствій, его необыкновенно блѣдное лицо оживилось, глаза сверкали, и въ задрожавшемъ голосѣ слышались рѣзкія, жесткія ноты.

И мнѣ было немного жутко въ моей комнатѣ глухою ночью, съ глазу на глазъ съ этимъ сильнымъ и отчаяннымъ человѣкомъ; и въ то же время что-то влекло меня къ нему.

Я предложилъ Яу-хо продолжать службу на очень выгодныхъ условіяхъ, но онъ не согласился. Его неудержимо влекло къ полной свободѣ, къ жизни по своей собственной волѣ, къ яркой, подвижной жизни, полной прелести необычнаго, полной упоенія опасностей.

Мы разстались друзьями. Яу-хо ушелъ, погрузился въ темную ночь, откуда онъ вышелъ. Больше я его не видѣлъ. И только иногда, поздно вечеромъ, когда всѣ кругомъ спали и было такъ ненарушимо тихо, иногда мнѣ чудилась около двери моей ком-

наты его высокая, стройная фигура, красивое, тонко очерченное лицо, такое блѣдное, такое трагическое.

И что-то жуткое подкатывалось къ сердцу.

Въ тотъ день, утромъ, проходя по городу, я встрѣтилъ процессію. По обѣ стороны улицы, длинными лентами, ѣхали солдаты, трубили въ длинныя мѣдныя трубы, везли свернутыми огромныя пестрыя знамена. Посреди улицы, весь одѣтый въ красное, ѣхалъ полиціймейстеръ города; онъ держалъ въ рукѣ изображеніе стрѣлы, красное, съ позолотой на широкихъ лопастяхъ, изображавшихъ перья.

Дальше, на огромной, тяжелой арбѣ, запряженной цѣлымъ табуномъ разнообразныхъ животныхъ—муловъ,ословъ, лошадей,—копошилось нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ человѣческихъ фигуръ, одѣтыхъ въ обычныя синія одежды. Двое изъ нихъ были преступники, приговоренные къ казни; остальные были тюремщики.

Слѣдомъ ѣхала еще арба. И на ней во весь ростъ стоялъ кто-то, высокій и стройный, гордо закинувъ кверху красивую блѣдную голову. Въ этомъ человѣкѣ, котораго везли на казнь, я сразу узналъ Яу-хо. Его ноги были забиты въ колодку, руки оттянуты назадъ и крѣпко связаны за спиной. На груди, поверхъ черной одежды, былъ накрестъ повязанъ алый шолковый шарфъ—знакъ отличія того, кто открыто признаетъ себя хунхузомъ и смѣло идетъ на смерть. Сзади, поддерживая Яу-хо, стояли два тюремщика; одинъ тюремщикъ сидѣлъ сбоку, у его ногъ.

Блѣдно, какъ и прежде, было лицо Яу-хо, и страшно, и красиво какой-то особой, жуткой и манящей красотой. Надо лбомъ, на передней части головы, которую китайцы тщательно брѣютъ, у Яу-хо отросли длинные густо-черные волосы. И эти волосы, прядями нависшія на бѣлый лобъ, и тонкія, благородныя черты юнаго, безусаго, безбородаго лица дѣлали Яу-хо совершенно похожимъ на женщину.

Вмѣсто обычнаго спокойствія — на блѣдномъ лицѣ былъ экстазъ. Глаза ярко сверкали; вздрагивали раздувшіяся тонкія ноздри; колыхались пряди волосъ. Яу-хо съ увлеченіемъ говорилъ что-то, бросалъ кругомъ въ толпу короткія, отрывочныя фразы. И въ его глубокомъ грудномъ голосѣ звучали рѣзкія и жесткія ноты. Тѣло его безпрерывно вздрагивало; и руки, крѣпко связанныя на спинѣ, пытались высвободиться, сдѣлать широкій, великолѣпный, властный жестъ надъ головами обступившей повозку толпы...

Яу-хо обернулся въ мою сторону; глаза наши встрѣтились. Онъ сразу узналъ меня.

„Здравствуй, капитанъ!“—крикнулъ онъ радостнымъ, экзальтированнымъ голосомъ. И, не дожидаясь моего отвѣта, онъ продолжалъ:—„Кантами (казнь)... голова долой... Яу-хо-хунхузъ (онъ гордо кивнулъ подбородкомъ на знакъ отличія—алый шолковый шарфъ, крестомъ повязанный на груди). Яу-хо не хочетъ служить... Яу-хо хочетъ волю, жить самъ... Хунхузъ—хорошо... Хунхузъ—капитана нѣтъ... Хунхузъ—деньги—много, много... ханшъ—много, много... Бабушки—много, много... Хунхузъ—хочетъ дѣлаетъ... Капитанъ, капитанъ, Яу-хо восемь человѣкъ убилъ... Хорошо... А теперь—кантами—голова долой... Прощай, капитанъ!..“

Медленно тащилась тяжелая, громоздкая арба. Погонщикъ понукалъ животныхъ рѣзкими гортанными криками и щелкалъ надъ ними длиннымъ бичомъ.

По обѣ стороны улицы стояла толпа людей съ тупыми и равнодушными лицами. И, словно щелканье исполинскаго бича, летѣли надъ бритыми лбами острыя, рѣзкія, яркія слова приговореннаго къ смерти хунхуза.

Смѣлый, великолѣпный и гордый стоялъ Яу-хо, поддерживаемый тюремщиками. И, глядя на его высокую стройную фигуру въ длинной черной одеждѣ, перекрещенной на груди алымъ шарфомъ, на его блѣдное вдохновенное лицо, на тонкій, прямой носъ, на глубокіе сверкающіе глаза, на бѣлый высокій лобъ, отѣненный прядями изогнувшихся черныхъ волосъ,—можно было подумать, что это—женщина необыкновенная, манящая и страшная, что это — сама муза Трагедіи, стоящая надъ толпой, на помостѣ колесницы...

Медленно тащилась тяжелая, громоздкая арба. По сторонамъ ѣхали солдаты. Раздавались звуки длинныхъ мѣдныхъ трубъ... Глазѣли тупыя, равнодушныя лица...

На ближайшемъ перекресткѣ шумная свадебная процессія остановилась, чтобы дать дорогу...

Въ ясной неподвижности лѣтняго вечера, выдѣляясь на блѣдной зелени неба, висѣла передо мной голова Яу-хо.

Можетъ быть, это была неожиданность впечатлѣній, можетъ быть, это было то невѣрное, то фантастичное, что всегда несетъ съ собою вечерній часъ,—но, на зло несомнѣнности, какъ-то не вѣрилось этой смерти.

Закатъ чуть розовилъ блѣдное лицо, на которомъ снова лежало обычное выраженіе спокойствія. И казалось, что полуза-

крытыя вѣки вскинутся надъ спокойными и глубокими глазами, что изъ полуоткрытыхъ губъ зазвучитъ глубокій грудной голосъ—густой и мягкій...

Яу-хо, сильный и смѣлый человѣкъ! Тебѣ было тѣсно въ рамкахъ застывшей жизни твоего народа. Ты неудержимо захотѣлъ свободы, и полноты жизни, и радости жизни. Ты захотѣлъ опасностей и приключеній, и свиста пули, и блеска ножа, и много денегъ, и много женщинъ и много шумнаго веселья.

Ты томился по трагическому въ жизни, и пошелъ за нимъ, и нашелъ его. Кажется, сама муза Трагедіи, страшная и манящая,—забытая богиня поблекшихъ эллиновъ,—коснулась своей роковой рукой молодого варвара далекой восточной страны.

Пусть теперь собаки и свиньи грызутъ гдѣ-нибудь тутъ неподалеку твое непогребенное тѣло—сильное и стройное; пусть твоя мертвая красивая голова, похожая на трагическую маску, виситъ у дороги, привязанная къ вѣтви дерева волосами, точно поднявшимися дыбомъ отъ ужаса,—ты прожилъ короткую, но яркую и полную жизнь, хунхузъ Яу-хо, сильный и смѣлый человѣкъ...

И совершенно неожиданно для самого себя, подчиняясь какому-то порыву, я выдернулъ изъ петлицы большую темно-красную розу—первую розу этого лѣта,—которую я несъ въ городъ съ точно опредѣленнымъ назначеніемъ. И, подойдя къ Яу-хо, я положилъ ему розу за ухо. Голова дрогнула и закачалась. Отъ прикосновенія къ холодной кожѣ холодъ подкатилъ къ сердцу. И мнѣ вдругъ стало страшно; и я быстрыми шагами пошелъ, почти побѣжалъ мимо рощи, по дорожкѣ туда, гдѣ на блѣдно-зеленомъ, почти бѣломъ небѣ отчетливо рисовались прихотливые силуэты городскихъ крышъ.

Этотъ вечеръ, который я долженъ былъ провести въ большомъ и веселомъ обществѣ, я провелъ одинъ дома.

Въ моемъ маленькомъ садикѣ, подъ тополями было такъ тихо, тихо. Пришла ночь—теплая, недвижная. И ярко горѣли звѣзды.

Я думалъ о сильныхъ людяхъ и о трагическомъ въ жизни. И порою мнѣ начинало казаться, что изъ густой листвы тополей на меня глядитъ красивое блѣдное лицо Яу-хо...

XIII.

Сумрачно и сѣро въ тѣсной, невысокой комнатѣ. Бумага рѣшетчатыхъ оконъ закоптѣла и скудно пропускаетъ сѣрый хо-

лодный свѣтъ. Закоптѣли стѣны. Покрылись не то пылью, не то гарью длинныя, узкія картины. И какой-то особый запахъ—сладкій и пряный—стоитъ въ недвижномъ, душномъ воздухѣ.

Канъ, покрытый грязной потертой циновкой, занимаетъ почти всю комнату, оставляя только узкій проходъ противъ двери.

На канѣ—три китайца. Двое уже накурились опіума и лежатъ, закрывши глаза, опустивъ головы на жесткія, туго набитыя подушки; и неуклюже топорщатся ихъ грязныя ватныя куртки. Третій—еще молодой человѣкъ—только приступаетъ къ куренію. У него длинное блѣдное лицо и большіе усталые глаза; и онъ смотритъ на меня немного грустно и немного застѣнчиво.

Неспѣшно, медленными, апатичными движеніями приготовляетъ онъ все, что нужно. Передъ нимъ на канѣ горитъ желтымъ пламенемъ маленькая мѣдная лампа. Тутъ же лежитъ трубочка; на конецъ бамбуковой палочки надѣта фарфоровая чашка, края которой сближаются вверху, оставляя только маленькое отверстіе на самой макушкѣ. На длинную стальную иглу надѣваетъ китаецъ небольшой кусочекъ коричневой смолы; онъ мягчитъ смолу надъ пламенемъ лампы и скатываетъ ее пальцами въ шарикъ. Потомъ онъ кладетъ шарикъ въ отверстіе фарфороваго чубука и прокалываетъ шарикъ нагрѣтой иглой.

Китаецъ ложится на канъ, пододвигая подъ голову жесткую грязную подушку. Онъ подставляетъ чубукъ къ самому огню маленькой лампы. Смола плавится и кипитъ, покрываясь мелкими пузырьками пѣны. Длиннымъ вдыханіемъ китаецъ тянетъ въ себя дымъ черезъ бамбуковую палочку. И отъ фарфороваго чубука подымается голубая струйка—такая тонкая, такая прямая—и тянется кверху; и вдругъ, словно ослабленная, она начинаетъ волною изгибаться изъ стороны въ сторону, и, не дотянувшись до потолка, расплывается въ сѣромъ слѣпомъ воздухѣ.

Китаецъ нагрѣваетъ иглу и снова протыкаетъ каналъ въ заплывшемъ шарикѣ. И снова, подставивъ чубукъ къ самому огню, онъ тянетъ въ себя сладкій, острый и одуряющій дымъ. И когда, послѣ нѣсколькихъ длинныхъ вдыханій, въ маленькомъ углубленіи на верхушкѣ чубука не останется ничего, кромѣ легкаго коричневаго налета, китаецъ кладетъ трубку.

Онъ лежитъ теперь на грязномъ широкомъ канѣ неподвижною, неуклюжею фигурой, такъ же, какъ два его товарища; и такъ же некрасиво топорщится его толстая ватная куртка. Но глаза его открыты; и они смотрятъ куда-то неподвижнымъ взглядомъ, безъ выраженія, словно мертвымъ.

Сквозь большія рѣшетчатыя окна скупо льется сѣрый хо-

лодный свѣтъ. На канѣ три маленькія лампы, похожія на лампадки, горятъ блѣднымъ, словно мертвымъ, пламенемъ. Со стѣны, съ одной изъ закоптѣлыхъ картинъ, смотритъ старый, поблекшій богъ. На половинѣ высоты комнаты дымъ повисъ густою сѣрою тучею. И такъ тихо, такъ тихо кругомъ, словно вся жизнь замерла, словно весь міръ исчезъ куда-то, и осталась только эта тѣсная сѣрая комната, эти три человѣческія фигуры, неуклюже растянувшіяся на грязной циновкѣ широкаго кана.

Для нихъ, вкусившихъ чаръ опіума,—жизни, дѣйствительно, не было, міръ, дѣйствительно, исчезъ куда-то, и передъ ихъ неглядящими глазами стояли фантастическія картины, нарисованныя возбужденнымъ воображеніемъ.

Въ эту комнату, тѣсную и грязную, люди приходили для того, чтобы покупать одно изъ самыхъ цѣнныхъ благъ—освобожденіе отъ жизни. Люди знали, что освобожденіе это покупается дорогою цѣной—цѣной расшатыванія тѣла, цѣной сокращенія жизни. Но жизнь казалась имъ такою безъисходно-скучной, такою безпросвѣтно-сѣрой, что они безъ колебаній отдавали длинные тяжелые годы, покупая себѣ право жить какой-то другой жизнью, странной, яркой, непохожей на настоящую.

Какой другой, лучшей жизнью жили теперь эти три человѣка, купившіе забвеніе окружающаго? и какія красоты видѣли ихъ неглядящіе глаза, мертвые для повседневности?..

И мнѣ рисовалась другая картина. Другіе, болѣе близкіе люди, въ другой, болѣе близкой странѣ, покупали освобожденіе отъ жизни. Слышался шумъ и пьяный говоръ русскаго кабака, видѣлись неглядящіе глаза, то тупо застывшіе, то ярко разгорѣвшіеся отъ видѣнья того, чего нельзя было видѣть трезвымъ глазомъ.

И еще, одна за другой, длинной вереницей рисовались картины опьяненія. Опьянялись виномъ, опьянялись любовью, опьянялись искусствомъ,—опьянялись грубо и безобразно, опьянялись изящно и утонченно.

Подъ низкимъ потолкомъ полутемной фанзы, въ облакѣ сѣраго дыма мнѣ чудилось хорошо знакомое лицо. Тонкія черты были недвижны, вдумчивые острые глаза пристально смотрѣли впередъ, на бритыхъ губахъ бродила насмѣшливая улыбка. Это былъ Боделэръ. И, казалось, онъ повторялъ самую близкую, самую дорогую свою мысль, основу своего творчества: „Люди должны опьяняться. Чѣмъ?—не все ли равно! Искусствомъ, виномъ иль любовью—люди должны опьяняться“.

И тутъ же, застилая бритое лицо, похожее на лицо католи-

ческаго монаха, рисовались немного грубыя черты не то библейскаго патріарха, не то русскаго мужика. Строгій и суровый, осудившій въ себѣ творческій экстазъ, добившійся цѣною неимовѣрныхъ усилій трезваго взгляда на жизнь, великій писатель земли Русской клеймилъ всякій дурманъ, уча, что люди одурманиваются для заглушенія совѣсти, одурманиваются для зла, одурманиваются послѣ зла...

Въ тѣсной, грязной комнатѣ, гдѣ подъ низкимъ потолкомъ густымъ облакомъ повисъ дымъ, гдѣ стоялъ какой-то особенный одуряющій запахъ—сладкій и пряный—длинной вереницей, одна за другой проходили картины.

Вошелъ еще курильщикъ. На канѣ блѣднымъ желтоватымъ свѣтомъ зажглась еще одна маленькая лампа. Еще разъ медленно, вялыми движеніями была продѣлана процедура закуриванья.

И опять голубая струйка потянулась кверху—такая тонкая, такая прямая, такая смѣлая въ своемъ стремленіи, и вдругъ вздрогнула, качнулась—и уже съ меньшей увѣренностью попыталась снова идти кверху, и, обезсиленная, снова закачалась изъ стороны въ сторону все безпорядочнѣе, все растерянѣе. И, словно отчаявшись, отрекшись отъ высоты, она круто изогнулась, поползла въ сторону, безъ вѣры, безъ силы, униженная, покорно пресмыкающаяся, и расплылась, разсѣялась въ сѣромъ, слѣпомъ воздухѣ. И еще, и еще потянулись блѣдныя голубыя струйки; и всѣ были сначала такими сильными и прямыми, такими неудержимыми въ стремленіи; и всѣ кончали слабыми, жалкими, въ униженіи и отреченіи.

И казалось, что здѣсь была вся жизнь—смѣлость молодыхъ порывовъ, надрывающая грусть незавершенности. Развѣ эти струйки не были похожи на этихъ людей—прежде сильныхъ, здоровыхъ, теперь жалкихъ, слабыхъ, больныхъ? И развѣ это были люди—эти живыя привидѣнія безъ воли, безъ страсти, съ блѣдными, изможденными, желтовато-зелеными лицами, съ тупымъ и грустнымъ выраженіемъ выцвѣтшихъ глазъ, съ вялыми и сонными движеніями?..

Въ тѣсной, неуютной комнатѣ сжигались не только маленькіе шарики золотисто-коричневой смолы; здѣсь сжигалась жизнь.

Изъ бамбуковыхъ трубокъ упорно тянулись кверху тонкія голубыя струйки...

И, можетъ быть, это не жизнь горѣла, а курился ѳиміамъ, совершалась жертва всесожженія въ честь того страшнаго и соблазнительнаго бога, котораго эллины называли Діонисомъ, во славу экстатическаго, оргійнаго начала жизни. Можетъ быть,

здѣсь раздвигались какія-то земныя рамки, порывались какія-то извѣчныя путы, и человѣкъ, освобожденный отъ жизни, ставшій выше жизни, заглядывалъ въ страшныя и манящія бездны потусторонняго?..

Темнѣло. На канѣ маленькія лампы, похожія на лампадки, горѣли мерцающимъ желтымъ свѣтомъ. Неподвижно лежали курильщики. Ихъ фигуры, слабо освѣщенныя, уходили во тьму, и, сливаясь съ тьмой, онѣ казались огромными, безпредѣльными и странными, фантастическими.

Китайцы лежали какъ мертвые. И, можетъ быть, они были, дѣйствительно, мертвыми людьми, сжегшими жизнь; можетъ быть, они были болѣе живыми, чѣмъ живые, живыми другой, настоящей, высшей жизнью...

Приходили новые курильщики,—съ такими же блѣдными, какъ будто виноватыми лицами, съ такими же неподвижными взглядами выцвѣтшихъ глазъ, съ такими же медленными, сонными движеніями.

Къ низкому потолку темной, душной комнаты опять подымались тонкія, прямыя струйки, и уклонялись въ сторону, и загибались дугой. Казалось, кто-то ставилъ огромные вопросительные знаки надъ неразрѣшимыми вопросами жизни.

Александръ Ротштейнъ.

МЕЖДУ СВѢТОМЪ И ТЬМОЙ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Сергѣй Ивановичъ, проживъ до осени въ деревнѣ, вернулся въ Петербургъ и теперь возвращался съ кладбища домой. Вечеромъ, какъ сообщала ему въ запискѣ Сима, она должна быть у него. Вотъ только сейчасъ, выйдя за ворота кладбища, гдѣ онъ только-что склонялся у памятника своей угасшей любви, и сдѣлавъ порядочное пространство пѣшкомъ, онъ вспомнилъ объ этомъ, въ вихрѣ крутящихся вокругъ него снѣжинокъ, которыя преслѣдовали его и слѣпили ему глаза.

И когда онъ вспомнилъ о Симѣ, его сердце вдругъ радостно забилось, а кладбище, съ его часовней и лампадой, съ его тихой грустью, съ его призраками и фантомами, осталось гдѣ-то далеко и потомъ совершенно исчезло изъ его сознанія.

Сима не могла встрѣтить его, и это его огорчало. Потомъ онъ обрадовался этому. Онъ могъ зато спокойно отправиться къ Катюшѣ, весь отдавшись тому молитвенному мистическому настроенію, которое охватывало его всегда въ этой высокой, свѣтлой часовнѣ. Но теперь онъ съ трепетомъ ждалъ свиданія. Вѣдь, какъ долго онъ не видался съ Симой! Цѣлое лѣто и всю осень. Она ѣздила заграницу. Онъ тоже прежде уѣзжалъ заграницу и часть времени проводилъ съ нею. Но въ послѣднее лѣто обстоятель-

*) См. выше: январь, стр. 14.

ства измѣнились. Онъ долженъ былъ откликнуться на зовъ старухи матери, передъ которой до сихъ поръ трепеталъ, какъ малый ребенокъ, сохранивъ къ ней чувство какого-то холоднаго уваженія и почтительности,—чувство, всегда живущее почему-то въ дѣтяхъ, не пользовавшихся материнской любовью и баловствомъ. Мать устала, очевидно, кулачествовать въ деревнѣ, да и политическія обстоятельства такъ круто измѣнились, что кулачеству приходилъ конецъ. Мужики—эти безсловесные, покорные, „освобожденные рабы", изъ подъ власти помѣщиковъ перешедшіе подъ власть становыхъ, земскихъ и кулаковъ, вдругъ осмѣлѣли, озвѣрѣли, стали дерзки и страшны. И старуха испугалась. Всю свою жизнь она не признавала сына, игнорировала, не желала знать его интимной жизни; но теперь онъ ей былъ нуженъ, и она потребовала его къ себѣ. И онъ бросилъ мечты объ отдыхѣ, о поѣздкѣ заграницу и отправился по ея зову въ деревню, гдѣ хотѣлъ прожить недѣли двѣ-три, а прожилъ до конца глубокой, глухой осени. Такъ вотъ съ нимъ бывало всегда: только лѣнивый не пользовался его трудомъ, его временемъ, его услугами.

Но на этотъ разъ, однако, онъ призвалъ всю силу своей воли и уѣхалъ отъ матери, не согласившись на ея дѣловую комбинацію, по которой онъ долженъ былъ бросить службу, оставить Петербургъ и поселиться въ имѣньи, получивъ полную довѣренность на веденіе ея дѣлъ.

Онъ уѣхалъ изъ деревни, выдержавъ бурную, безобразную сцену. По обычаю старыхъ временъ, старуха бранила его какъ мальчика, угрожала ему лишеніемъ наслѣдства, потомъ плакала и выдвигала впередъ свою старость, свою слабость, свои болѣзни. Потомъ проклинала его. Все это, къ ея удивленію, его совершенно не тронуло. Онъ колебался, нервничалъ, не желалъ ссоры, просилъ извиненія, но все-таки уѣхалъ. Ужъ очень его тянуло туда, на старое пепелище. Его тянуло вновь посѣтить могилу Катюши, поплакать и пострадать у ея гроба, и его тянуло къ Симѣ, которую онъ такъ любилъ и такъ давно не видѣлъ.

И теперь, шагая по густому снѣгу, онъ старался разобраться въ этомъ двойственномъ чувствѣ къ двумъ женщинамъ — одной ушедшей изъ его жизни и другой вошедшей въ нее — и разобраться не могъ. Онъ только-что тяжко терзался на могилѣ Катюши, а вотъ теперь бодро шагаетъ впередъ, въ предвкушеніи радостнаго свиданія съ Симой.

II.

Все болѣе и болѣе волновался Сергѣй Ивановичъ; подходя къ дому, онъ заторопился, словно сдѣлался легче, и ему было легко идти. Скорѣе бы быть дома! Но извозчика брать не хотѣлось. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые стараются продлить періодъ предвкушенія; изъ тѣхъ людей, у которыхъ бываетъ мало счастливыхъ минутъ жизни, и потому именно они и стараются создать къ этой счастливой минутѣ возможно длинный прологъ и послѣ этой минуты таковой же эпилогъ, составленный изъ цѣпи сладкихъ воспоминаній, переживаній, картинъ и образовъ.

И душа его походила теперь на комнату передъ праздниками—все было въ какомъ-то хаотическомъ безпорядкѣ, все чистилось, прибиралось, украшалось въ ожиданіи прихода желаннаго, давно ожидаемаго гостя—счастья.

Дома онъ узналъ, что никто еще не приходилъ. Тогда онъ принялся нервно шагать по комнатамъ, зорко присматриваться къ вещамъ, переставливать на столахъ то одну, то другую вещицу, чтобы во всемъ былъ праздничный порядокъ, удобство для глаза, равновѣсіе.

Сима опаздывала. Она всегда опаздывала. Микробъ опаздыванія жилъ въ ея организмѣ. Сергѣй Ивановичъ къ этому долженъ былъ бы привыкнуть, но до сихъ поръ онъ не привыкъ къ этому. Онъ вездѣ зажегъ электричество и, утомившись ходить, сѣлъ въ глубокое кресло въ кабинетѣ и сталъ читать газету, попавшуюся ему подъ руку. На первомъ листѣ газеты ему бросилась въ глаза ея дата—октябрь,—и онъ вдругъ самъ себѣ удивился. Какъ удивительно долго онъ прожилъ въ деревнѣ!

Онъ бросилъ газету и подошелъ къ окну. Снѣгъ огромными мокрыми хлопьями валился съ неба, точно небо было крышей огромнаго петербургскаго дома, съ которой невѣдомые дворники сгребали лопатами снѣгъ.

Сергѣй Ивановичъ прижался лбомъ къ окну. Холодъ стекла нѣсколько освѣжилъ его. На улицахъ Петербурга было сумрачно, глухо, пустынно и темно, какъ на улицахъ какого-то захолустнаго города. Кое-гдѣ мелькали огни электрическихъ фонарей, но другія улицы были погружены въ тьму. Что-то тревожное, тяжелое, удушливое царило въ этихъ городскихъ артеріяхъ. Глухо стучали молотки, заколачивая наскоро смастеренными

ставнями окна магазиновъ. Городъ готовился къ чему-то необычайному, къ чему-то небывалому, въ чемъ было что-то общее съ смутнымъ ожиданіемъ грандіозной катастрофы, свѣтопреставленія. Разъѣзжали войска небольшими отрядами, медленными, размѣренными шагами ходили пѣшіе патрули. Кое-гдѣ горѣли костры на перекресткахъ и быстро гасли, шипя и распуская запахъ гари и дыма отъ мокраго снѣга, не дававшаго имъ разгораться.

Прохожихъ почти не было. Рѣдкіе пѣшеходы шли ускоренными шагами, точно спасались отъ настигавшей ихъ опасности, шли не оглядываясь, стараясь не обращать на себя вниманія, и, дойдя до своихъ обиталищъ, скрывались въ темныхъ подворотняхъ и подъѣздахъ.

Эта картина города, объятая томленіемъ передъ неизвѣстными еще ужасами грядущей революціи, запечатлѣлась въ воображеніи Сергѣя Ивановича за весь этотъ день, который онъ провелъ въ Петербургѣ.

Какъ хорошо, что онъ въ Петербургѣ! Вѣдь опоздай онъ на-день, на-два выѣздомъ изъ деревни, ему бы не попасть сюда, потому что вдругъ забастовали всѣ желѣзныя дороги. Уже нѣсколько дней какъ не выходили газеты. Та, которую онъ только-что читалъ, была старая. Постепенно, по раіонамъ, гасло электричество, прекращалось дѣйствіе водопровода, прекратился подвозъ жизненныхъ продуктовъ.

Что-то грозное, какъ историческая Немезида, поселилось въ этомъ безмолвномъ городѣ, еще такъ недавно такомъ благонравномъ и благочинномъ.

III.

А Сима все еще не ѣхала.

Ему было жутко и больно, что она должна была въ такой опасный день ѣхать къ нему по этимъ страшнымъ улицамъ. Но другого выхода не было. Онъ не могъ поѣхать къ ней, потому что тамъ, у нея, онъ чувствовалъ себя всегда стѣсненнымъ, въ особенности въ присутствіи мужа. Когда-то онъ былъ съ нимъ хорошъ, но теперь ему было трудно смотрѣть въ глаза этому человѣку, который велъ себя по отношенію къ Сергѣю Ивановичу до сихъ поръ въ высшей степени корректно, какъ будто между ними ничего не произошло, хотя ему должно же было быть извѣстно о романѣ Сергѣя Ивановича съ его женой. Да

и что бы они могли сказать другъ другу въ присутствіи этого человѣка?

Сергѣй Ивановичъ, не отрываясь, смотрѣлъ на улицу и прислушивался къ мягкому топоту лошадей, изрѣдка раздававшемуся подъ окномъ. Вотъ, вотъ—это должно быть Сима. Но топотъ исчезалъ вдали, промчавшись мимо окна. Иногда хлопала дверь подъѣзда, и тогда Сергѣй Ивановичъ тревожно выжидалъ шаговъ по лѣстницѣ, но и это было обманчиво.

Ему вспомнилась пьеса „Patrie“, которую онъ видѣлъ въ чудной обстановкѣ въ Парижѣ. Тамъ революціонный Брюссель, бывшій во власти герцога Альбы, съ протянутыми по темнымъ улицамъ цѣпями, съ патрулями и часовыми, съ заколоченными домами, походилъ ужасно на теперешній Петербургъ.

Сергѣю Ивановичу надоѣло смотрѣть на улицу, и онъ отошелъ отъ окна къ своему излюбленному креслу и взялся за газету. Въ его квартирѣ еще горѣло электричество, но какъ-то тускло, красно, вздрагивая словно въ предсмертныхъ судорогахъ.

„Ахъ, только бы оно не погасло!—мелькало въ его головѣ.—Этого еще не хватало бы!“—Но онъ вспомнилъ, что горничная Маша—въ предвидѣньи „непредвидимаго“, по ея выраженію,—запаслась керосиномъ, заправила старыя лампы и накупила много свѣчей. Онъ вспомнилъ даже, что она жаловалась на страшную дороговизну свѣчей и все старалась обратить его вниманіе на то, что вотъ какая она предупредительная, потому что нынѣче уже всѣ свѣчи распроданы и даже за „рубль не купишь одной свѣчки“. Она же, вмѣстѣ съ лакеемъ и кухаркой, наполнила водой все, что имѣло емкость въ домѣ: графины, миски, кубы, кастрюли, ванну,—все это на случай „непредвидимости“.

И вдругъ, въ глаза Сергѣю Ивановичу метнулся мелкій газетный шрифтъ—это былъ небольшой клочокъ провинціальной хроники. Сначала онъ ничего не понялъ. Чѣмъ-то близкимъ и знакомымъ повѣяло отъ этого шрифта. Ну, да... „Поросли“—вѣдь это же имѣнье матери, гдѣ онъ провелъ лѣто. „Крестьяне подожгли усадьбу... вырубили старый паркъ... пожаръ не обошелся безъ несчастій съ людьми... Владѣлица имѣнья получила тяжкіе ожоги, что, имѣя въ виду болѣе чѣмъ преклонный возрастъ, представляетъ серьезную опасность жизни... Домъ разграбленъ, драгоцѣнныя вещи изъ стариннаго фарфора, мебели и прочее, отчасти растащены, отчасти погибли при тушеніи пожара... Власти блистали своимъ отсутствіемъ. Войска были на усмиреніи аграрнаго движенія въ сосѣднемъ уѣздѣ“...

Строки мелькали передъ глазами Сергѣя Ивановича безъ значенія, безъ смысла, безъ связи... Потомъ постепенно начинала появляться связь, и весь тяжелый ужасъ выступилъ во всеоружіи реальности изъ-за этихъ ровныхъ, одинаковыхъ, равнодушныхъ строкъ. Въ былыя времена такая исторія заняла бы столбца два крупнаго шрифта въ газетѣ, съ отдѣльнымъ заглавіемъ, эффектными подзаголовками, надлежащими комментаріями. А теперь это—„хроника“, мелкій шрифтъ, обычное явленіе въ ряду цѣлаго сонма такихъ-же явленій.

Но Сергѣю Ивановичу некогда было раздумывать объ этомъ. По старой безсознательной привычкѣ анализировать малѣйшее движеніе души, непроизвольная мысль мелькнула въ его сознаніи: онъ остался удивительно, неестественно холоденъ къ этому извѣстію. Оно его поразило, это вѣрно; но ни ощущенія жгучей боли, ни ощущенія горя и тоски онъ не чувствовалъ. Одеревенѣлъ онъ, что-ли, за послѣднее время? Ну, пусть онъ не любилъ мать, подъ гипнозомъ тяжелаго угнетенія которой онъ такъ долго прожилъ, но, вѣдь, обыкновенное человѣческое чувство должно же было заговорить? Но оно молчало. Дѣйствовало только сознаніе обычнаго ритуала, полагавшагося въ подобныхъ случаяхъ. Нужно было что-то сдѣлать, какъ-нибудь проявить себя. Онъ подошелъ къ письменному столу и написалъ телеграмму Петру Петровичу. Горничная скоро вернулась: депешу не принимаютъ. Общая забастовка началась — поѣзда уже не ходили, станціи кишѣли войсками, телеграфы перестали дѣйствовать.

А Симы все еще не было.

У Сергѣя Ивановича кружилась голова и отъ только-что прочитаннаго извѣстія, и отъ всего этого замиранія общественной жизни, и отъ того, что Симы до сихъ поръ не было. Въ комнатѣ было свѣтло, за окнами царила тьма, но, вѣдь, и въ квартирѣ можетъ мгновенно погаснуть свѣтъ. И отъ сознанія этого ему дѣлалось жутко. Меньше всего его тревожила мысль о судьбѣ матери.

Торопливые шаги по коридору прервали его мысли. Это Иванъ шелъ отворять двери.

Наконецъ-то!

Сима вошла радостная, оживленная, мокрая отъ липкаго снѣга, несмотря на то, что была подъ вуалью. Но она пріѣхала въ открытомъ экипажѣ, и ее всю запорошило.

Иванъ ушелъ, а Сергѣй Ивановичъ быстро принесъ полотенце и слѣдилъ за тѣмъ, какъ Сима вытирала лицо. Она походила на умывающуюся кошечку. Движенія ея были граціозны.

Она была все та же Сима, какою онъ ее зналъ до его отъѣзда въ деревню. Нѣтъ, что-то новое было въ ней, что-то новое въ глазахъ, въ которыхъ свѣтилась какая-то серьезность, до сихъ поръ несвойственная ей, и около губъ появилось новое выраженіе, которое появляется у людей, задумывающихся надъ вопросами жизни. Только у очень, очень молодыхъ людей, въ особенности у молоденькихъ женщинъ, не бываетъ этой складки.

— Ну, здравствуй! — сказала она, входя въ гостиную и осматривая ее, точно ища въ ней что-нибудь новое.

Она протянула ему обѣ свои руки, и онъ поцѣловалъ ихъ, но не долго задержалъ въ своихъ рукахъ и выпустилъ.

Она мелькомъ скользнула по немъ взглядомъ. Какая-то тѣнь пробѣжала у нея по лбу. Она сѣла на диванъ, потомъ перешла на кресло. Онъ пододвинулъ ей скамеечку подъ ноги. Она взяла коробочку спичекъ и вертѣла ихъ въ рукахъ. Потомъ положила коробку на столъ и принялась вертѣть цѣпь, которая была на ней надѣта.

Оба чувствовали неловкость. Надо было что-то говорить, спрашивать, чѣмъ-то интересоваться. Непремѣнно надо было говорить. Но слова не шли на языкъ, а гдѣ-то застревали въ сознаніи, да и сознаніе плохо работало. И отъ того, что сознаніе плохо работало и что слова не шли съ языка, обоимъ дѣлалось неловко.

Они такъ давно не видались и имъ такъ о многомъ хотѣлось переговорить, что обиліе матеріала мѣшало имъ сдѣлать выборъ, и оттого они молчали.

Молчаніе было неестественнымъ, чудовищнымъ въ эту минуту.

Онъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, проговорилъ:

— Я тревожился, что ты такъ долго не ѣхала.

Ей вдругъ показалось страннымъ, что онъ ей говоритъ „ты“. Она попробовала сказать ему мысленно „ты“, но въ сознаніи ея это прозвучало дико. Отвыкла она отъ него что-ли?

И она отвѣтила, избѣгая мѣстоименія:

— Я ѣхала кружнымъ путемъ. На улицахъ войска—я боялась задержки. Да и дома меня задержали.

— Кто? Всеволодъ Григорьевичъ?

Она молча кивнула головой.

— Онъ не хотѣлъ пускать меня.

— Въ виду чего?

— Въ виду этого времени.

— Скажите, какая заботливость!—иронически улыбнувшись, отвѣтилъ онъ.

Она чуть-чуть повела бровью.

— Онъ очень сдѣлался заботливъ въ послѣднее время,—суховато сказала она.

Ему была непріятна эта защита мужа, да и вообще, какъ глупо это вышло, что они заговорили прежде всего о мужѣ. Все какъ-то не складывалось въ этотъ вечеръ.

Она встала и прошлась по комнатѣ, останавливаясь у картинъ и портретовъ, которые были ей давно знакомы.

— Ничего новаго не прибавилось?—спросила она.

— Гдѣ?

Она хотѣла отвѣтить: „у тебя“, но это какъ-то не вышло. А вышло просто:

— Здѣсь, въ гостиной?

— Какъ видишь, ничего.

Опять помолчали.

Заговорила она:

— Ну, какъ прошло лѣто?

— У меня? Да какъ же оно могло пройти? Скучно, нудно, вяло... Тоскливо прошло. Все рвался сюда, къ тебѣ...

— Да-а?—протяжно сказала Сима.—А что тамъ тоже политика?

— Конечно. Аграрные безпорядки, толки о думѣ, пожары, рубки лѣсовъ и прочее.

Ему хотѣлось сообщить о несчастьи, приключившемся съ матерью, но что-то помѣшало ему. Она, пожалуй, уйдетъ, изъ уваженія къ его горю. Но горя-то никакого не ощущалось, и онъ не хотѣлъ, чтобы она ушла.

— Еслибы я еще просидѣлъ тамъ нѣсколько дней,—сказалъ онъ,—я бы не попалъ сюда: какъ разъ наступила бы забастовка желѣзныхъ дорогъ.

Иванъ, въ сопровожденіи Маши, внесъ на столикѣ чай. На столикѣ кипѣлъ подъ огнемъ спиртовой лампочки серебряный чайникъ.

— А у васъ все еще Иванъ-да-Марья служатъ?—вдругъ вырвалось у нея.

Онъ улыбнулся.

— Да,—сказалъ онъ,—и, отвѣчая, соображалъ, что его непріятно поразило въ ея вопросѣ.

— У „васъ“?—переспросилъ онъ, наконецъ догадавшись.

— Ну... у тебя,—нехотя сказала она.

Онъ занялся чаемъ. Молчали.

Взявъ отъ него чашку, Сима поставила ее на столикъ и, по-

дойдя къ нему, быстрымъ движеніемъ положила ему на плечо руку.

— Что съ тобой?—спросила она искреннимъ, прежнимъ тономъ, и почувствовала, какъ ледъ, сковавшій ихъ рѣчи и отношенія, вдругъ раздался.

Онъ провелъ рукой по лбу, снялъ ея руку съ плеча и поцѣловалъ ее. Онъ хотѣлъ привлечь ее на колѣни, но она чуть уловимымъ движеніемъ стана уклонилась отъ этого.

Онъ выпустилъ ея руку.

— Со мной — ничего, — отвѣтилъ онъ. — А я хотѣлъ тебя спросить о томъ же.

Она сѣла въ кресло противъ него, взяла со столика чашку и, отпивъ глотокъ, вновь поставила ее.

— „Ахъ, если любитъ кто кого, зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко“?—продекламировала она. — Ты находишь во мнѣ перемѣну?—сказала она, и это *ты* ужъ не рѣзало ей уха.

Онъ оглядѣлъ всю ея тонкую фигурку, гибкую и изящную, въ которой былъ стиль молодого сложенія англійскихъ женщинъ. Ея красивое платье свѣтло-соломеннаго цвѣта, съ квадратнымъ вырѣзомъ на тонкой шейкѣ и съ свѣтло-оранжевой бархатной отдѣлкой, кое-гдѣ давало очень красивое пятно на зеленомъ фонѣ кресла.

— Огромную,—сказалъ онъ, оторвавшись отъ созерцанія.

— Да-а? Какую же?

— Я не знаю,—протяжно проговорилъ онъ.—Это трудно сразу опредѣлить. Чего-то не хватаетъ въ нашихъ отношеніяхъ или, напротивъ, что-то въ нихъ лишнее.

— А я знаю,—сказала она.

— И что же это?

— Ты одичалъ въ деревнѣ. Отвыкъ отъ женскаго общества.

Сима опять принялась за чай.

Онъ нехотя улыбнулся, но, встрѣтивъ ея ласковый взглядъ, весь расцвѣлъ.

— Можетъ быть и это,—согласился онъ.—Но ты? Ты жила заграницей, и ужъ, конечно, одичать не могла. А и въ тебѣ есть что-то, чего я не узнаю,—какъ будто подмѣнили мою Симу. Оригиналъ убрали, а дали копію, въ которой и рисунокъ не тотъ, и колоритъ поблѣднѣе...

— Развѣ я подурнѣла?—съ испугомъ спросила она.

— Ахъ, нѣтъ, не то! Я не про видимое говорю. Ты—красавица... Я знаю, ты будешь спорить: это дѣлаетъ честь твоей скромности, если она искренна. Ахъ, нѣтъ! Дай договорить.

Ты — красавица, — упрямо говорилъ онъ, — для меня ты больше, чѣмъ красавица. Въ тебѣ есть то, чего нѣтъ въ остальныхъ: твоя душа красивая.

Она засмѣялась.

— Душа красивая? — переспросила она. — Въ чемъ ты видишь эту красоту? Въ томъ, что я измѣняю мужу и живу во лжи?

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее. Раньше ей не приходили въ голову такія мысли, или она ихъ тщательно скрывала, но она во всякомъ случаѣ не высказывала ихъ.

Ему сдѣлалось вдругъ жутко отъ этихъ ея словъ и отъ какого-то новаго выраженія, появившагося на ея лицѣ, и еще отъ того, что ихъ отношенія въ это первое свиданіе послѣ долгой разлуки никакъ не могли наладиться. Какъ будто что-то постороннее попало въ колесо, и оно періодически останавливается.

Онъ отвѣтилъ ей, и въ голосѣ его прозвучала грусть:

— Ты раньше не говорила такъ.

Сима усмѣхнулась.

— Что изъ этого слѣдуетъ?—спросила она.

— Очень многое, можетъ быть; а для меня одно: ты любила меня.

— А теперь?

— Нѣтъ.

Ей показалось, что, можетъ быть, онъ правъ. Но это не приходило ей въ голову до настоящаго момента. Неужели это такъ? И она принялась молча анализировать свои чувства.

Развѣ ей не пріятно сидѣть здѣсь съ нимъ, въ этой уютно-милой комнатѣ? Развѣ ей не пріятно смотрѣть на него, любоваться его утомленнымъ лицомъ и грустнымъ взоромъ, слушать его усталый голосъ? И на всѣ эти вопросы она отвѣтила утвердительно. Но тогда—въ чемъ же дѣло? Трещина въ отношеніяхъ есть, это несомнѣнно, какъ бываетъ такая трещина въ дорогой хрустальной вазѣ, незамѣтная для глазъ, но обнаруживающаяся при легкомъ ударѣ, неправильнымъ звономъ. Сима ѣхала сюда и очень волновалась отъ предстоящаго свиданія съ нимъ, попрежнему вдвоемъ, но теперь сидитъ уже спокойная, уравновѣшенная, такою, какою она бываетъ съ мужемъ. И это вдругъ поразило ее. „Привычка свыше намъ дана—замѣна счастію она“,—прозвучало у нея въ душѣ. Такъ неужели уже привычка? Но привычка у нея уже есть, это—привычка къ мужу. Зачѣмъ же еще одна? И не исключаетъ ли одна другую?

Она вдругъ прервала свои разсужденія.

— Такъ зачѣмъ же я здѣсь, по-твоему?—спросила она.

— Я не знаю. Можетъ быть—по привычкѣ.

Этотъ отвѣтъ поразилъ ее совпаденіемъ съ ея мыслями. Она даже вздрогнула.

Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ грустный, подавленный. Онъ началъ пить чай, но скоро оставилъ его. Онъ прошелся по мягкому ковру комнаты и потомъ сѣлъ. Онъ не зналъ, что̀ съ собой дѣлать. Говорить не хотѣлось. Думать—тоже. Подойти къ ней и ласково обнять и поцѣловать ее? Это казалось невозможнымъ. Что-то мѣшало этому. Но что̀ же, что̀? Отвѣта не находилось. Положеніе становилось глупымъ, невыносимымъ. Гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ души или сознанія, всплывали образы: Катюши, лежащей въ нѣдрахъ города мертвыхъ, гдѣ надъ ея могилой вихрь снѣжинокъ крутится въ холодной бѣлой пляскѣ; сына, который забралъ у него деньги и исчезъ невѣдомо куда и невѣдомо зачѣмъ; матери, которая, можетъ быть, уже лежитъ бездыханная въ своей далекой усадьбѣ, среди залы съ портретами предковъ, а можетъ быть—въ какой-нибудь ригѣ, накрытая рогожей, потому что домъ, вѣроятно, сожженъ и разграбленъ.

Вотъ ушедшіе изъ его жизни образы. Когда-то милые и дорогіе, игравшіе въ его существованіи громадную роль. Они исчезли. Онъ остался одинъ, на распутьи, какимъ-то выморочнымъ существомъ съ больными и горькими воспоминаніями о прошломъ, съ неопредѣленными надеждами на будущее. Что̀ же, жаль ему этихъ исчезнувшихъ образовъ? Да, въ эту минуту—въ особенности. Какъ Лермонтовскій демонъ, онъ готовъ крикнуть трагическія въ жизни каждаго человѣка слова: „Опять одинъ!“

И то счастье, которое онъ такъ тщательно строилъ, такъ заботливо выводилъ, вдругъ заколебалось, пошатнулось, затемнилось въ одно мгновенье. Почему? Почему?

IV.

Онъ не находилъ отвѣта.

Удары судьбы сыпались на него одинъ за другимъ. Онъ ихъ принималъ пассивно, почти равнодушно, не чувствуя въ себѣ ни озлобленія, ни элемента борьбы и протеста. Но послѣдній ударъ вдругъ поднялъ въ душѣ его крикъ озлобленія. Вѣдь это было послѣднее, чѣмъ поманила его судьба, что̀ посулила ему въ его жизни и что̀ теперь собирается безжалостно отнимать.

— Ну, что̀ жъ! —разведя руками, сказалъ онъ.—Если такъ,

то такъ. Я ничего не могу сдѣлать. Если у тебя появились угрызенія совѣсти...

Ея тонъ тоже повысился.

— Ты ищешь ссоры?—спросила она.

Онъ пожалъ плечами.

— Зачѣмъ? Развѣ я не вижу безъ ссоры, что наши отношенія на исходѣ? Это такъ ясно! Я даже скажу—отчего. Мы взяли сразу слишкомъ высокую ноту и не выдержали. Развѣ я не правъ? Намъ казалось, что нашему роману не будетъ конца, что наше чувство будетъ расти безпредѣльно. Какой вздоръ! Оказывается, фантазія безграничнѣе чувства. У чувства—свой предѣлъ. Мы сразу поднялись на высоту, теперь приходится спускаться...

Онъ потеръ лобъ нервнымъ движеніемъ руки. Сима воспользовалась этой паузой. Она видѣла, что Сергѣй Ивановичъ сильно волнуется, даже захлебывается отъ нервныхъ сжатій горла.

— Говори за себя,—сказала она.

Лучъ надежды блеснулъ въ глазахъ Сергѣя Ивановича.

— За себя? Почему за одного себя? Именно за себя-то я и не долженъ говорить. Я люблю тебя попрежнему, какъ въ первый день нашей любви. Но ты? Развѣ ты—та? Развѣ такъ приходятъ къ человѣку, котораго любишь и съ которымъ полгода не видѣлась? Нѣтъ, нѣтъ... съ тобой что-то приключилось. Покорилъ ли тебя мужъ, или у тебя новое увлеченіе—не знаю. Постой! Но что ты не та—это я знаю.

Она передернула плечами.

— Какъ это скучно!—сказала она.—Вѣчные упреки, ссоры, сцены, даже въ первый день свиданья.

Съ тоской во взорѣ она оглядѣла комнату, и онъ подмѣтилъ этотъ взглядъ и пришелъ отъ него въ отчаяніе. Эта женщина начала скучать съ нимъ. Этотъ одинъ признакъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Онъ понялъ, что его пѣсенка спѣта, и съ безуміемъ отчаянія, какъ всѣ слабовольные люди, рѣшилъ, что не стоитъ бороться, что надо все сразу однимъ ударомъ порвать...

Съ нимъ произошла перемѣна, противостоять которой онъ не имѣлъ силъ. Голова его закружилась, и онъ точно покатился съ горы.

— Да, это скучно!—возвысивъ голосъ, сказалъ онъ.—Скучно! А мнѣ, ты думаешь, весело? Весело два года урывками искать свиданія съ тобой? Прятаться по норамъ, какъ кроту? Весело ждать тебя часами и потомъ, когда хочется говорить, хочется любить,—прерывать свиданія, потому что тебѣ надо ѣхать. Ве-

село вѣчно выпрашивать, вымаливать эти свиданія? Весело скрывать отъ всѣхъ свою любовь изъ-за того, что честь и достоинство г. Прудникова должны быть охранены, о чемъ ты такъ свято заботишься. Вотъ его ты любишь! Да, да! Потому что ты считаешься съ его спокойствіемъ, съ его репутаціей, со всѣмъ! Нѣтъ, ужъ позволь мнѣ договорить до конца. И это называется, что ты меня любишь? Но если ты меня любишь, какъ я это понимаю, и какъ это понимаютъ всѣ, кто дѣйствительно любитъ, такъ отчего ты не бросишь мужа и не скажешь открыто всему свѣту, что меня любишь?

— Этого никогда не будетъ, — сказала она рѣзко, — и это я тебѣ уже говорила. Напрасно ты возвращаешься къ этому вопросу.

— Вотъ видишь, вотъ видишь!—чуть не радостно заговорилъ Сергѣй Ивановичъ.—Тебѣ сдѣлалось скучно, и ты выбрала меня, чтобы поиграть со мной въ незаконную любовь. Я—твой капризъ. Всякій капризъ кратковременъ. Капризъ кончился, и я тебѣ болѣе не нуженъ. А я, какъ дуракъ, подчинялся этому капризу и сдѣлался игрушкой въ твоихъ рукахъ. Конечно, я самъ виноватъ. Я не виню тебя. Мнѣ надо было это видѣть и понять съ самаго начала.

— Ты эгоистъ,—сказала она спокойнымъ тономъ.

Онъ всплеснулъ руками.

— Вотъ оно! Великое слово! Ну, конечно, я люблю тебя, потому что это доставляетъ мнѣ наслажденіе, ну и прочее. Еслибы я любилъ не эгоистически, то радовался бы тому, что тебя любитъ, кромѣ меня, еще мужъ и, можетъ быть, еще кто-нибудь?...

— Сергѣй!...

Теперь онъ испугался. Какъ у всѣхъ слабовольныхъ людей, у него была боязнь результата того, къ чему онъ въ данную минуту стремился. Повидимому, онъ стремился въ этотъ вечеръ къ разрыву. Подъ вліяніемъ ли отвычки отъ Симы, или печальныхъ размышленій на могилѣ Катюши, или трагическаго извѣстія о судьбѣ матери — онъ самъ не зналъ доподлинно, отчего,—но весь этотъ романъ съ Симой и его увлеченіе, его и ея отношенія къ нему показались ему вдругъ ничтожными, мелкими, въ особенности на этомъ мрачномъ фонѣ замершаго въ политической забастовкѣ города. Обрывки мыслей мелькали въ его головѣ, мыслей, которыя и раньше приходили ему въ сознаніе, но которыя онъ усердно гналъ отъ себя: всѣ живутъ грандіозными событіями; всѣ тревожно прислушиваются къ чему-то

грозному и тяжелому, жѣлѣзной поступью шествующему изъ тьмы временъ. Надвигается что-то огромное, великое, неизбѣжное, и прорвавшійся, наконецъ, изъ искусственно сооруженныхъ плотинъ грозный вешній потокъ уже мчится безудержно, неся съ собою обломки этихъ загражденій; онъ крутитъ и ломаетъ все, что попадается ему на пути, все то, что непрочно стоитъ, все то, что подгнило. Бывшіе строители стараются еще укрѣпить возведенныя ими преграды, но гибнутъ, обезсиленные въ борьбѣ съ могучей стихійной силой; новые разрушители стараются облегчить потоку его работу по сносу пришедшихъ въ негодность зданій. Но работа кипитъ съ обѣихъ сторонъ, работа тяжелая, трагическая, въ которой съ обѣихъ сторонъ гибнутъ люди, гибнутъ убѣжденія, гибнетъ весь старый укладъ. Тяжелыя тучи нависли надъ Россіей; грозная ночь спустилась на родину. Ночь, за которой скоро настанетъ утро, можетъ быть свѣтлое, розовое, блестящее утро, съ сіяющими новой зарей небесами; а можетъ быть утро будетъ хмурое, больное, рожденное этой бурной ночью. Долго, долго длится эта ночь, чреватая великими событіями. А онъ живетъ среди этой ночи, живетъ передъ восходомъ солнца и старается заградить себя отъ жизни толстыми стѣнами, укрыться за ними, чтобы не видѣть этихъ событій страшной ночи, чтобы не думать о грядущемъ восходѣ солнца. Для него все осталось попрежнему. Мать его погибла въ дыму пожара; сынъ его ушелъ отъ него въ невѣдомую даль съ невѣдомыми цѣлями. По каждому изъ нихъ прошелся ударъ жизни. Но потокъ не захватилъ его въ его уютномъ оазисѣ, въ которомъ онъ тщательно укрывался съ любимой женщиной. Но вотъ и любимая женщина, повидимому, уходитъ отъ него. Онъ остается одинъ. И жгучая тоска охватила его душу.

— Ты уходишь?—спросилъ онъ у Симы.

Она молча взглянула на него.

— А что же мнѣ дѣлать?—сказала она наконецъ и направилась къ передней.

— Сима!—вдругъ горестно воскликнулъ онъ, быстро подойдя къ ней и обнимая ее.

Слезы стояли въ его глазахъ.

— Сима,—говорилъ онъ, тяжело дыша,—за что ты покидаешь меня? — Я люблю тебя. Я люблю тебя, какъ любилъ раньше. За что ты хочешь сдѣлать меня несчастнымъ, глубоко несчастнымъ?

— Ты самъ себя такимъ хочешь сдѣлать. Я пріѣхала къ тебѣ послѣ долгой разлуки; какъ ты встрѣтилъ меня? Какъ бы мы могли хорошо провести вечеръ, а вмѣсто того...

На ея глазахъ тоже навернулись слезы.

Она сѣла на стулъ; онъ сталъ около нея на колѣни и цѣловалъ ея руки. Ему хотѣлось сказать ей что-нибудь нѣжное, глубокое, сильное, что сразу вновь вернуло бы ее къ нему, покорило бы ее. Но ничего не выходило. Зловѣщая забастовочная ночь, безъ огней, безъ движенія, чреватая невѣдомыми угрозами, глядѣла въ окно. И ему сдѣлалось стыдно заниматься любовными вопросами въ такую ночь. Любовь мѣшала ему отдаться политическому теченію, а политическое теченіе мѣшало теперь отдаться всецѣло любви. И онъ очутился на распутьи, половинчатымъ человѣкомъ, у котораго чувство находилось въ скрытой борьбѣ съ совѣстью. Онъ шелъ по какому-то скорбному пути и чувствовалъ себя жителемъ большого города съ большой, но, увы, утомленной и обезсиленной душой. Изъ этой таинственной ночи слетались въ его сознаніи черныя мысли и усаживались вокругъ него, и тогда ему казалось, что онъ окруженъ невидимыми и злыми воронами.

V.

И онъ положилъ голову на колѣни Симочки и глухо, беззвучно заплакалъ. Что-то въ родѣ презрѣнія къ самому себѣ подымалось со дна его души. Отчего, отчего онъ не можетъ увлечься тѣмъ, чѣмъ увлекаются теперь всѣ,—даже дѣти? Всѣ чего-то непремѣнно ждутъ, чего-то величественнаго и грандіознаго, а онъ занятъ только вопросомъ узкимъ, личнымъ—почему къ нему измѣнилась Сима. И онъ сталъ жалокъ и противенъ самъ себѣ, какъ никогда.

Онъ поднялся, обнялъ Симу и поцѣловалъ ее. Она прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ и обнимала его, но оба чувствовали, что въ эту грозную ночь что-то порвалось въ ихъ чувствѣ, а началось что-то новое, то, что, губитъ всякую любовь:—анализъ. И чѣмъ горячѣе были поцѣлуи, тѣмъ настойчивѣе въ каждомъ изъ нихъ мелькала мысль—поскорѣе разойтись, чтобы отдаться своимъ мыслямъ, этому всеразрушающему анализу.

И они простились, торопливо, спѣшно.

Онъ хотѣлъ ее провожать, она наотрѣзъ отказалась. Зачѣмъ? У нея экипажъ и надежный кучеръ. Онъ быстро домчитъ ее, да и на улицахъ—мертвая тишина и безмолвіе.

Она взяла съ него слово, что онъ пріѣдетъ къ нимъ.

— Всеволодъ давно спрашивалъ о тебѣ и хочетъ тебя видѣть. Пріѣзжай на дняхъ.

Онъ обѣщалъ, они разстались.

Сергѣй Ивановичъ остался одинъ. Электричество вдругъ сдѣлалось темнымъ, покраснѣло и погасло.

Онъ усѣлся въ свое любимое кресло. Мыслей въ головѣ не было, или, напротивъ, ихъ было такъ много, что онъ не зналъ, за какую зацѣпиться его расшатанному сознанію.

Онъ взглянулъ въ окно, за которымъ темнѣла осенняя холодная ночь, и ему сдѣлалось жутко. У этого окна, ранней весной, два года тому назадъ, стояла его Катюша, уже безнадежно больная, приговоренная. Окно было открыто въ ту пасхальную ночь. Это была первая пасхальная ночь, въ которую Катюша, слабая и умирающая, но все еще держащаяся на ногахъ, не могла поѣхать къ заутрени. Небо было почти черное, звѣзды слабо мерцали на немъ. По улицамъ шли люди со свѣчами въ рукахъ; несли и везли куличи и пасхи. Раздавался радостный перезвонъ колоколовъ. Сергѣй Ивановичъ тоже не поѣхалъ къ заутрени, чтобы не оставлять Катюшу одну. Ему было грустно, такъ грустно, что хотѣлось рыдать; но рыдать нельзя было, чтобы не подать Катюшѣ повода подумать о ея безнадежности. Онъ подошелъ къ ней и обнялъ ее—не очень нѣжно — опять-таки, чтобы она не подумала, что онъ опечаленъ ея болѣзнью; но вся душа его страдала тяжко и все въ ней стонало и ныло отъ душевной боли. А Катюша смотрѣла на это далекое небо, безмолвно, тревожно, съ нѣмымъ вопросомъ, какъ бы загадывая о томъ, что скрывается за этимъ пологомъ и за этими звѣздами. И широко раскрывая блѣдный ротикъ, она жадно вдыхала въ себя воздухъ, въ которомъ было что-то весеннее, и голова ея словно кружилась отъ радости.

— Ахъ, — сказала она,—я не могу надышаться! Мнѣ хочется вдохнуть въ себя эту весну. Зелени, цвѣтовъ хочется, какъ будто я ихъ никогда, никогда больше не увижу. Есть уже почки, трава, милый?

— Есть,—отвѣтилъ онъ, глотая слезы.

— Пошли завтра куда-нибудь за-городъ. Пусть привезутъ. Мнѣ хочется зелени, весны... А лѣтомъ повези меня заграницу, какъ только мнѣ станетъ лучше. Хорошо?

Онъ кивнулъ головой.

— Конечно...

И на другое утро онъ послалъ за цвѣтами въ магазинъ. Но Катюшѣ не хотѣлось цвѣтовъ изъ магазина, а „настоящихъ“ цвѣтовъ съ полей, почекъ съ деревьевъ. Тогда онъ послалъ въ Петергофъ. Горничная привезла нѣсколько вѣтокъ съ поч-

ками, какіе-то мелкіе бѣленькіе цвѣточки и нѣсколько вѣтвей ели.

Его не было дома, когда она привезла все это; но когда онъ увидѣлъ вѣтви ели на кровати Катюши среди цвѣтовъ, ему вдругъ сдѣлалось жутко и страшно.

„Какая дура эта Маша!“ — съ озлобленіемъ подумалъ онъ.

Въ глазахъ Катюши стояли слезы.

Она молча указала ему на вѣтви ели пальцемъ и грустно, грустно улыбнулась.

Онъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ, но потомъ ему показалось, что онъ нашелся, и онъ сказалъ:

— Вѣчно зеленая, вѣчно юная хвоя—символъ юности и здоровья.

Она покачала головой.

— Есть и другой символъ.

Онъ постарался перемѣнить разговоръ и быстро убралъ вѣтви съ постели, вынесъ ихъ на кухню и вполголоса выбранилъ горничную.

Нѣсколько дней спустя, въ холодное, ясное весеннее утро Катюши не стало. Онъ остался одинъ, и ему показалось, что жизнь его кончена. Первое чувство, которое овладѣло имъ, была безконечная, огромная, безпросвѣтная печаль. Потомъ имъ овладѣло чувство негодованія противъ нелѣпой и безжалостно-тупой и жестокой судьбы, которой для чего-то нужно было взять отъ него эту чудную молодую жизнь, сломать ихъ союзъ и оставить его одинокимъ въ жизни. Но когда же явилась въ его существованіи Сима? Зачѣмъ она явилась? Онъ не умѣлъ отвѣтить на эти вопросы. Катюша была знакома съ Симой, но никогда онѣ особенно дружны не были. Катюша не любила ея мужа, этого Всеволода Григорьевича, котораго она считала сухимъ человѣкомъ—бюрократомъ, карьеристомъ и неискреннимъ человѣкомъ.

Да, какъ же явилась въ его жизни Сима?

Она явилась со связкой бѣлыхъ лилій на послѣднюю панихиду Катюши. Она положила эти лиліи въ гробъ Катюши, и это—Богъ знаетъ, почему—тронуло до глубины души Сергѣя Ивановича.

Онъ не могъ забыть этой картины, и съ этимъ образомъ красивой Симы съ огромной связкой бѣлоснѣжныхъ лилій въ рукахъ онъ уѣхалъ лѣтомъ заграницу. Тамъ онъ только изрѣдка вспоминалъ о Симѣ съ какимъ-то болѣзненно-благодарнымъ чувствомъ, но сердце его не билось отъ этого учащеннѣе.

Онъ много путешествовалъ съ Мишей, стараясь какъ-нибудь

залечить свое горе. Но это ему не удавалось. Миша плохо утѣшалъ его, потому что былъ всегда замкнутымъ и скрытнымъ, холодно-равнодушнымъ къ нему.

Вернулись они поздно осенью, и Миша поступилъ въ университетъ.

Въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, нежданно-негаданно, явилась вдругъ къ нему Сима одна, безъ мужа, красивая, молодая, изящная.

Онъ былъ очень смущенъ этимъ визитомъ, но она спокойно усѣлась на диванѣ и начала болтать, какъ будто въ этомъ позднемъ и странномъ визитѣ не было ничего страннаго.

Ему было даже непріятно, что она сѣла въ уголокъ на диванѣ, на любимое мѣстечко Катюши, и даже въ ея позѣ. Что-то прошло по его душѣ тревожное, и онъ не могъ настроить себя на настоящій тонъ, и все спрашивалъ себя: зачѣмъ она пріѣхала?

А она спрашивала его:

— Что, милый, все еще тоскуете?

Онъ молча кивнулъ головой, и слезы заволокли его глаза.

„Какой странный вопросъ!—подумалъ онъ:—вѣдь прошло всего семь мѣсяцевъ со смерти Катюши".

И при этой жгучей мысли онъ не удержался и заплакалъ.

Семь мѣсяцевъ! Уже! Какъ могъ прожить онъ это время?

А Сима положила руку на его руку и сказала:

— Не надо, милый... Не надо. Вы себя погубите. Прошлаго не вернешь. Надо выѣзжать, бывать въ обществѣ. Развѣ Катюша будетъ довольна, если и вы заболѣете?

Ему вдругъ сдѣлалось радостно, что Сима говоритъ о Катюшѣ такимъ тономъ, какъ будто о живой, какъ будто гдѣ-то существующей, и съ такимъ убѣжденіемъ, какъ будто вѣритъ, что Катюша не будетъ довольна его грустью.

— Пріѣзжайте ко мнѣ. Въ четвергъ? Хорошо?

Онъ обѣщалъ.

Въ четвергъ онъ къ нимъ не поѣхалъ, и черезъ недѣлю Сима опять пріѣзжала къ нему и привезла ему цвѣтовъ.

Это его чрезвычайно тронуло.

Затѣмъ... Затѣмъ онъ уже не помнитъ, сколько разъ была она у него и онъ у нихъ, и потомъ вдвоемъ съ ней вмѣстѣ онъ ѣздилъ въ театръ, потому что Всеволодъ Григорьевичъ вѣчно былъ занятъ, а на ихъ дружбу смотрѣлъ одобрительно и даже поощрительно. По крайней мѣрѣ, Всеволодъ Григорьевичъ былъ свободнѣе, да и Сима не скучала. Окончательное сближеніе произошло заграницей слѣдующимъ лѣтомъ, гдѣ они нечаянно

или преднамѣренно—онъ до сихъ поръ разобраться въ этомъ не можетъ—встрѣтились.

Ихъ любовь составилась изъ случайныхъ и намѣренныхъ встрѣчъ, изъ обмѣна значительныхъ и незначительныхъ словъ, изъ мимолетнаго, случайно упрочившагося каприза съ одной стороны и изъ тягостей одинокаго существованія—съ другой; изъ красоты бѣлыхъ лилій на гробѣ покойной подруги, изъ участія къ горю ближняго, изъ благодарности къ добрымъ движеніямъ души, изъ прозы и скуки семейнаго существованія Симы, изъ вѣчнаго абсентэизма ея мужа, изъ мелочного вниманія къ Симѣ Сергѣя Ивановича, изъ мелкихъ штриховъ и красочныхъ пятенъ всякаго нелегальнаго романа, словомъ, изъ того, что̀ Шанфоръ такъ удачно опредѣлилъ словами: l'échange de deux fantaisies...

VI.

Мысль Сергѣя Ивановича утомилась на этомъ анализѣ его увлеченія и перелетѣла въ далекую усадьбу.

Вотъ его мать лежитъ теперь въ агоніи. Можетъ быть, ея уже нѣтъ среди живыхъ. Мать! Это слово въ настоящемъ его значеніи всегда было ему странно, чуждо. Никогда они не были близки другъ другу. Никогда! Мать, считавшаяся красавицей и имѣвшая въ молодости громадный успѣхъ у мужчинъ, рано и противъ своей воли вышла замужъ за нелюбимаго и стараго человѣка. Когда у нея родился Сергѣй, она тяжко заболѣла послѣ его родовъ и лишилась своей обаятельной красоты. Ребенокъ сдѣлался нелюбимымъ, порой ненавистнымъ. Потомъ умеръ его отецъ. Сергѣй росъ одинокимъ на рукахъ нянекъ и гувернантокъ, изрѣдка допускаемый на глаза матери, все болѣе и болѣе охлаждавшейся къ нему. Никакой близости между ними не было. Это было тяжелое, суровое время его дѣтства и юности. Онъ росъ какъ растеніе, лишенное свѣта материнской заботливости и тепла материнской любви. И когда онъ выросъ одинокимъ и оскорбленнымъ, онъ сталъ тянуться къ свѣту и теплу женской ласки. Человѣкъ, не знавшій дѣтской поры любви, человѣкъ безъ молодости, ребенокъ, не испытавшій материнскихъ ласкъ, становясь большимъ, всегда дѣлается крайне чувствительнымъ къ женской ласкѣ, которой онъ жаждетъ, какъ жаждетъ влаги путникъ въ пустынѣ. И во всякой женщинѣ, оказавшей ему такую ласку, онъ видитъ не только любовную, но и материнскую ласку.

Гдѣ теперь Миша? Что съ нимъ? Кто онъ? Вотъ еще загадка жизни, которую онъ не въ силахъ разрѣшить... Но мысли были прерваны звономъ телефона.

Сергѣй Ивановичъ вздрогнулъ—до того это было неожиданно, среди этой темной забастовочной ночи. И телефоны бастовали. Но, очевидно, дѣйствіе ихъ возстановилось.

Онъ кинулся къ аппарату.

— Алло!

— Это вы, Сергѣй Ивановичъ?

— Я.

— Поздравляю! Манифестъ вышелъ. Завтра будетъ объявлена конституція! Двухпалатная система. Отвѣтственность министровъ. Контроль и утвержденіе росписи. Поздравляю.

Это сообщалъ ему одинъ изъ пріятелей банка, въ которомъ онъ служилъ.

Сергѣй Ивановичъ сначала ничего не понялъ,—такъ онъ въ своихъ мечтахъ былъ далекъ отъ грозныхъ событій дня. Потомъ онъ сдѣлалъ передъ телефономъ радостное лицо, какъ будто его корреспондентъ могъ его видѣть, и отвѣтилъ:

— Ну, слава Богу! Это вѣрно?..

Отвѣта онъ не получилъ. Сообщеніе прервали. Сергѣй Ивановичъ очень обрадовался этому послѣднему обстоятельству. Въ душѣ онъ не ощущалъ никакой радости. Онъ понималъ разсудкомъ, что радоваться должно, но и только. Нѣтъ, положительно, онъ не находилъ въ себѣ элементовъ политическаго дѣятеля и даже просто гражданина.

Было уже поздно. Сергѣй Ивановичъ побродилъ еще безцѣльно по кабинету, прошелся по другимъ комнатамъ и отправился въ спальню. Спать не хотѣлось. Думы его не прекращались, а толпились въ мозгу, пронизывали сознаніе, сыпались на него, какъ осенніе листья въ вѣтреный пасмурный день. И отъ этихъ мыслей кружилась голова, спать не хотѣлось.

Какой странный день! Утромъ онъ бродилъ по оцѣпленному войсками городу, который ему казался не столицею русскаго государства, а вооруженнымъ Ляояномъ передъ сраженіемъ съ японцами. Это—на окраинахъ. На центральныхъ улицахъ, съ магазинами, заколоченными наглухо, наскоро состряпанными щитами и ставнями, столица походила на выморочный городъ, по которому прошла чума. Потомъ Сергѣй Ивановичъ вспомнилъ, какъ онъ провелъ остатокъ этого дня на кладбищѣ, потомъ какія мысли его волновали, какъ онъ радостно шелъ домой на первое свиданіе послѣ долгой разлуки съ Симой, и что изъ этого

вышло. Для одного дня слишкомъ много! Извѣстіе о печальной судьбѣ матери, тяжелыя и сладкія воспоминанія прошлаго, почти разрывъ съ настоящимъ и наконецъ сообщеніе о свободѣ и конституціи. И вотъ теперь онъ лежитъ въ постели, безъ мыслей, оттого что ихъ слишкомъ много, спокойный оттого, что слишкомъ взволнованъ, и странно равнодушный ко всему, что произошло въ этотъ полный событій день.

И когда ночь на 17-е октября стала хмуро разсвѣтать, онъ заснулъ, наконецъ, тревожнымъ сномъ.

VII.

Нѣсколько дней спустя, къ Сергѣю Ивановичу зашелъ его товарищъ по службѣ, тотъ самый, который телефонировалъ ему о появленіи манифеста освобожденія.

Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ на излюбленномъ креслѣ, хмурый, недовольный, выбитый изъ колеи. Ему все это время было не по себѣ. Съ Симой онъ эти дни не видался, къ ней не явился. Какъ будто и по отношенію къ ней наступила въ его душѣ реакція, что-то въ родѣ равнодушія. Было ли оно дѣланнымъ, выработаннымъ или искреннимъ—онъ самъ еще не зналъ. Но его не тянуло къ Симѣ съ той интенсивностью, какъ прежде. Извѣстій изъ усадьбы онъ не получилъ до сихъ поръ. Желѣзнодорожное сообщеніе еще не возстановилось, телеграммы принимались съ оговорками и безъ ручательства за своевременную доставку. Вездѣ было неспокойно; манифестъ не вызвалъ успокоенія,—напротивъ, расшевелилъ страсти. Въ обѣщанія правительства никто уже болѣе не вѣрилъ, оно было дискредитировано. Темныя силы всюду подымались, поощряемыя, по общему убѣжденію, тѣмъ же правительствомъ, которое объявило „пять свободъ“ и тотчасъ же, испугавшись, принялось за организацію тайной реакціи. Тяжело было жить. Доносились вѣсти о готовящихся погромахъ, а потомъ и о самыхъ погромахъ.

Сергѣй Ивановичъ встрѣтилъ своего товарища съ кислой улыбкой; какъ онъ некстати! Зачѣмъ онъ пришелъ? Сергѣю Ивановичу не хотѣлось ни думать, ни говорить, а тутъ нужно было угощать его завтракомъ и произносить слова, и не безразличныя слова, общепринятыя и общеустановленныя, а слова со значеніемъ, съ политической окраской, потому что иныхъ словъ уже не говорили.

„Ахъ, какъ это скучно!“—подумалъ Сергѣй Ивановичъ.

Но дѣлать было нечего.

Они прошли въ столовую.

— У насъ не работаютъ, — сказалъ гость. — Не до того... Вяло собираются, посидятъ, поговорятъ, расходятся. Расходятся съ увлеченіемъ. Я подумалъ—зайти къ вамъ поболтать. Вы ничего не имѣете противъ?

— Наоборотъ, очень радъ, Михаилъ Дмитріевичъ.

Отъ этого Михаила Дмитріевича Сергѣй Ивановичъ нѣсколько зависѣлъ въ своихъ дѣлахъ и по службѣ. И какъ только онъ сказалъ, что очень радъ его приходу, такъ тотчасъ же его посѣтила преступная мысль:

„Если мать умерла, то вѣдь я дѣлаюсь наслѣдникомъ и мое матеріальное положеніе сильно измѣнится. Какъ хорошо было бы тогда бросить службу, ни отъ кого не зависѣть, уѣхать куда-нибудь и имѣть право и возможность не бесѣдовать вотъ съ этимъ Ладинымъ и не улыбаться ему такъ благовоспитанно".

Но Сергѣй Ивановичъ сейчасъ же понялъ, сколько преступнаго и подлаго въ этой мысли купить свое спокойствіе смертью матери; ему сдѣлалось противно, и онъ показался себѣ безчестнымъ пошлякомъ.

А Ладинъ говорилъ, говорилъ безъ конца. Онъ говорилъ о современной анархіи Россіи, о зарожденіи и мобилизаціи партій, о политическихъ перспективахъ, о митингахъ, о неизбѣжности наступающей реакціи, о двухъ правительствахъ, образовавшихся въ Россіи, о правительствѣ правительственномъ и о правительствѣ революціонномъ. Словомъ, о томъ, что было много разъ говорено въ газетахъ, когда онѣ выходили. Теперь онѣ все еще не выходили. Ладинъ говорилъ съ упоеніемъ, съ увлеченіемъ, точно опьяненный, и закрывалъ иногда глаза, какъ бы прислушиваясь къ патетическимъ мѣстамъ своей рѣчи. И Сергѣй Ивановичъ долженъ былъ изъ приличія вставлять реплики или улыбаться, или дѣлать въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ жесты, и эти реплики, и эти улыбки, и эти жесты его особенно утомляли. Ладинъ добивался отъ него политическаго credo, и Сергѣй Ивановичъ натуживался, чтобы придумать такое credo, но хорошо, что Ладинъ, упоенный собственнымъ credo и рѣчами, не выслушивалъ его и на всѣхъ парахъ мчался дальше.

Охотнѣе всего Сергѣй Ивановичъ просто выставилъ бы этого непрошеннаго гостя изъ своей квартиры, но сдѣлать онъ этого не могъ уже изъ одного чувства элементарнаго приличія.

И онъ покорно слушалъ Ладина.

Отъ этой напряженности и отъ этихъ насильственныхъ улы-

бокъ ему сдѣлалось скучно, такъ скучно, что захотѣлось зѣвать и плакать.

А Ладинъ все говорилъ и говорилъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе прочитывать на службѣ нѣсколько газетъ подъ-рядъ отъ доски до доски и размѣчалъ статьи краснымъ и синимъ карандашомъ, уснащая ихъ восклицательными и вопросительными знаками, иногда по нѣскольку вперемежку. Въ это время всѣмъ, кто бы ни приходилъ къ нему за справкой, онъ только мычалъ что-то изъ-за газеты, а потомъ, если пришедшій очень надоѣдалъ ему, то махалъ свободной рукой, словно желалъ отогнать назойливую муху. Такимъ образомъ онъ выработалъ себѣ цѣлый арсеналъ словъ новаго правопорядка и высыпалъ ихъ на собесѣдника, жонглируя ими, какъ блестящими стеклянными шарами. Онъ былъ старше Сергѣя Ивановича и лѣтами, и по службѣ—въ банковомъ учрежденіи.

— Я вамъ удивляюсь, — сказалъ Ладинъ, изложивъ ему свое политическое credo:—какъ можно въ *такое время*,—онъ подчеркнулъ интонаціей эти слова,—сидѣть дома и не выйти съ своими убѣжденіями на улицу? Мы долго молчали. Теперь нужно говорить, говорить громко и властно... На площадяхъ кричать...

— О чемъ?

Ладинъ высоко поднялъ правую бровь, что служило признакомъ слегка презрительнаго удивленія.

— О чемъ?! О свободѣ. О народной свободѣ. Вы понимаете? Молчать преступно въ наше время. Кто держитъ себя индифферентно, тотъ совершаетъ преступленіе. Надо говорить.

— Хорошо, кому есть что говорить.

Правая бровь Ладина поднялась еще выше.

— А вамъ—нечего?

— Я не чувствую въ себѣ темперамента быть борцомъ. А говорить слова на вѣтеръ, такъ, чтобы только потрясать воздухъ—я не хочу и не умѣю.

Ладинъ пожевалъ губами, не найдясь сразу, что отвѣтить.

— Потрясать воздухъ?! Но бываютъ эпохи такого застоя, когда всякое потрясеніе полезно,—нашелся онъ.—И если тысячи будутъ потрясать воздухъ, то чѣмъ болѣе будетъ воздушныхъ колебаній, тѣмъ скорѣе всколыхнется застоявшійся воздухъ. А если будетъ такихъ потрясеній десятки тысячъ, то еще лучше. Э! да знаете что?

— Что именно?

— Пойдемте-ка мы съ вами на митингъ!

Сергѣй Ивановичъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности. Ему

идти на митингъ! Это показалось ему такимъ для себя далекимъ и дикимъ. Онъ, конечно, слыхалъ о многочисленныхъ и разнообразныхъ митингахъ, происходившихъ до и послѣ 17-го октября въ Петербургѣ, но ему какъ-то и въ голову не приходило посѣтить хотя бы одинъ изъ нихъ.

— На митингъ? Да зачѣмъ я пойду?

— Ахъ, не возражайте. Это такъ интересно, такъ захватываетъ. Даже васъ захватитъ. Ну, я васъ прошу. Сегодня вечеромъ митингъ въ медицинской академіи.

— Какой же митингъ? Чей? — стараясь показаться заинтересованнымъ, спросилъ Сергѣй Ивановичъ.

Но Ладинъ не могъ объяснить этого. Не все ли ему равно — чей, разъ онъ вообще ни на одномъ не присутствовалъ? Кажется, это соединенный митингъ нѣсколькихъ группъ.

Онъ такъ пристадъ къ Сергѣю Ивановичу, что тому ничего другого не оставалось, какъ согласиться.

Очень вяло и очень неохотно онъ далъ свое согласіе, и точно сдѣлалъ подарокъ дѣтски увлеченному политикой Ладину. Сергѣй Ивановичъ не вѣрилъ въ его серьезное увлеченіе политическими дѣлами, потому что давно зналъ Ладина: Ладинъ одно время увлекался оперой съ совершенно такими же пріемами, какъ теперь политикой. Онъ тогда накупилъ себѣ десятки книгъ и по нимъ изучалъ вопросы гармоніи, контрапункта, инструментовки. Онъ бѣгалъ слушать пять разъ „Дубровскаго“ и четыре раза „Валькирію“. Онъ бредилъ музыкой и могъ говорить только о ней. Потомъ вдругъ все это слетѣло съ него разомъ, и онъ увлекся живописью.

Сергѣй Ивановичъ заглянулъ въ окно. Петербургъ безмолвствовалъ. Стояла сѣрая густая мгла. Электричество не горѣло, конки не ходили. Было жутко и печально.

— Хорошо, пойдемте, — сказалъ онъ, досадливо пожавъ плечами и зная, что все равно отъ Ладина не отдѣлаешься.

Ладинъ радостно засмѣялся и даже взвизгнулъ отъ удовольствія.

— Вотъ и чудесно! Вы увидите, васъ захватитъ, васъ временно захватитъ! Да какъ еще! Живого человѣка не могутъ не захватывать политическія событія. Не могутъ! Или я долженъ буду васъ признать живымъ трупомъ.

VIII.

Академія была погружена во тьму, и только нѣсколько оконъ въ главномъ зданіи за рѣшеткой тускло свѣтились. Должно быть, керосиновыми лампами или свѣчами, за отсутствіемъ электричества, была освѣщена комната, назначенная для митинга.

— Да гдѣ же входъ?

Ладинъ старался казаться вполнѣ посвященнымъ въ дѣло и съ авторитетнымъ видомъ подошелъ къ рѣшеткѣ.

— Вамъ куда?—спросилъ его одинъ изъ студентовъ, толпившихся группой у входа. Здѣсь были курсистки, рабочіе, даже гимназисты старшихъ классовъ.—На митингъ?

— Да.

— Такъ это не здѣсь.

— Не здѣсь?

— Нѣтъ. Митингъ на Нижегородской улицѣ.

Было темно, сыро и грязно. Рѣзкій вѣтеръ проносился надъ городомъ, и въ вѣтрѣ этомъ чувствовались ледяныя струйки. Сергѣй Ивановичъ провѣрялъ себя. Не подымается ли въ его душѣ интересъ къ митингу? Не чувствуетъ ли онъ какого-либо политическаго подъема? Но нѣтъ. Все молчало въ немъ, если не считать какого-то смутнаго чувства, скорѣе стѣснительнаго и непріятнаго. Но Ладинъ мчался вихремъ на Нижегородскую улицу, словно камни тротуара горѣли подъ его ногами.

Въ огромныхъ воротахъ стояла толпа у растворенной калитки. Кто-то стоялъ у калитки и опрашивалъ подходившихъ. Все шли больше мастеровые и рабочіе. „Кто-то“ имѣлъ видъ импозантный и совершалъ пропуски въ калитку съ сознаніемъ важности политическаго момента.

— Здѣсь митингъ?

— Какой?—вопросилъ контролеръ.—Здѣсь митингъ ювелирныхъ мастеровъ и подмастерьевъ.

Сергѣю Ивановичу сдѣлалось смѣшно.

Ладинъ казался растерянным.

— А гдѣ же митингъ студентовъ и рабочихъ? Общій митингъ? Ахъ, Боже мой, вѣдь уже поздно! Мы и то къ началу не поспѣемъ.

Привратникъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія, и они повернули опять къ академіи.

Никто ничего не зналъ; кучки студентовъ, курсистокъ, ра-

бочихъ, мастеровыхъ, людей неопредѣленныхъ профессій въ котелкахъ и мѣховыхъ шапкахъ бродили вокругъ и около, переговариваясь, перекидывались шуточками, отыскивая мѣсто митинга. Кое-гдѣ упорно увѣряли, что митингъ въ академіи.

Ладинъ ужасно волновался и отъ этой безтолковщины, и оттого, что они пропустятъ начало митинга, и оттого, наконецъ, что „вотъ русская интеллигенція никакъ не умѣетъ ничего организовать, ни въ чемъ установить порядка".

Наконецъ нашли входъ. За окнами освѣщенной аудиторіи или залы, выходившей на дворъ, виднѣлись силуэты, наполнявшіе помѣщеніе; эти китайскія тѣни то останавливались, то двигались по помѣщенію; иногда надъ силуэтами головы подымался силуэтъ руки съ шапкой. Было холодно и сыро; въ сѣняхъ, въ которыя попадали черезъ небольшія двери, разгуливалъ вѣтеръ. Но, по требованію вахтера, Ладинъ и Сергѣй Ивановичъ должны были раздѣться, причемъ вахтеръ требовалъ, чтобы они свои шапки засунули въ рукава пальто. Калошъ они все-таки не сняли, несмотря на настояніе сторожа. Здѣсь висѣло по меньшей мѣрѣ больше тысячи всевозможныхъ одеждъ.

По узкой витой лѣстницѣ двигалась толпа въ чаяніи попасть на митингъ.

— Какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній! — захлебываясь отъ радости, проговорилъ Ладинъ, приведшій себя въ экстатическое состояніе. — И посмотрите — никто не толкается, никто никого не обгоняетъ, чинно, благородно. Вотъ что значитъ свобода! Ни полиціи, ни городовыхъ, и „честью" никого не просятъ. А? Что вы скажете?

Но Сергѣй Ивановичъ ничего не могъ сказать, потому что образовался заторъ, и толпа не могла двинуться ни впередъ, ни назадъ.

Кто-то жалъ его сзади и извинялся. Онъ нажималъ на передняго и тоже извинялся. Кромѣ того, жали и давили съ боковъ.

Безучастный къ цѣли предпринятаго паломничества, лѣнивый, усталый и раздражительный, онъ въ душѣ проклиналъ Ладина, потащившаго его сюда.

Въ аудиторіи мѣста шли амфитеатромъ. Входившихъ размѣщали кого куда попало. Но въ порядкѣ, безъ шума, суеты и грубыхъ словъ. Настроеніе царило благоговѣйное, восторженное, точно люди собрались для священнодѣйствія въ храмъ.

Сергѣю Ивановичу сдѣлалось легче.

На каѳедрѣ стоялъ, опершись на столъ, какой-то рабочій или мастеръ и говорилъ рѣчь.

Онъ говорилъ о политической забастовкѣ:—Политическая забастовка—новое орудіе революціи, и Россія первая открыла изумленной Европѣ это могущественное орудіе борьбы—съ эксплоатаціей народнаго труда, съ одной стороны, и съ деспотизмомъ стараго режима—съ другой.—Ораторъ говорилъ довольно складно, какимъ-то высокимъ, выкрикивающимъ голосомъ, порой, въ патетическихъ мѣстахъ, доходившимъ до крикливаго фальцета, но дѣлалъ неправильныя ударенія на словахъ.

— Забастовка,—говорилъ онъ,—это, братья-граждане, парàличъ страны, прекращеніе всѣхъ ея жизненныхъ отправленій (желѣзныя дороги, банки) и прекращеніе духовныхъ потребностей (нѣтъ газетъ, увеселеній и пр.). И вотъ, когда все забастовало, это значитъ—страна пришла къ мысли о самоубійствѣ. Еслибы можно было себѣ представить, что забастовка продлится только мѣсяцъ, то это есть гибель страны. Съ тѣмъ вмѣстѣ и гибнетъ, стало быть, правительство. Но правительство никогда не пожелаетъ погибнуть, товарищи! Оно дорого цѣнитъ свою жизнь. И оно пошло на уступки. Свобода вырвана нами у стараго рéжима. Теперь пойдемъ дальше. Прежде всего выйдемъ на улицу и, набравъ въ широкую грудь воздуху, крикнемъ: „свобода“! Для чего крикнемъ? Для того, чтобы освободить грудь. Долго, товарищи, крикъ этотъ стоялъ въ горлѣ, и нельзя было крикнуть. А теперь крикнемъ. Но не станемъ безчинствовать. Забастовка—не безчинство, не возстаніе, а прòтестъ...

Онъ говорилъ „парàличъ“, „прòтестъ“, но никто не замѣчалъ неправильности его говора и не особенной ясности рѣчи. Всѣ слушали жадно, потому что это было ново, и потому что являлось потребностью каждаго если не наговориться, то наслушаться такихъ рѣчей, за которыя раньше полагался прямой путь въ Якутскую область.

— Прòтестъ. Но не будемъ брать съ собой на улицу несогласныхъ, колеблющихся, робкихъ. Къ чему? Нашему дѣлу они не помогутъ. смущеніе и соблазнъ произведутъ. Обойдемся! Приневоливать никого не надо, потому—теперь свобода! И не будемъ, товарищи, зря тратить силы по мелочамъ, вступать въ неравный бой съ полиціей и войсками. У нихъ оружіе, а у насъ—голыя руки. Нельзя идти съ голыми руками на оружіе. Это гибель зря.

— А у насъ сила убѣжденія и вѣра въ святое дѣло освобожденія!—крикнулъ кто-то.

Ораторъ замигалъ глазами и вглядѣлся въ толпу, стараясь отличить говорившаго, словно это помогло бы ему. Онъ сразу

не нашелся, что̀ отвѣтить. Видимо, рѣчь его была заготовлена раньше и текла свободно, пока его не прерывали. Но, подумавъ немного, онъ сказалъ:

— Вотъ именно. Оно такъ и есть. Первоначально объединимся. Пущай свобода станетъ лозунгомъ каждаго, его второй душой. Выждемъ. Объединимся. Часъ торжества настанетъ, товарищи. И когда свобода проникнетъ въ сознаніе массъ, тогда все само собою образуется и наши притѣснители положатъ оружіе сами.

Здѣсь раздалось шиканье, свистки, невообразимый гамъ и шумъ. Толпа волновалась. Предсѣдатель-рабочій звонилъ въ колокольчикъ. Голосъ его охрипъ. Онъ убѣждалъ присутствующихъ не волноваться.

— Дайте каждому высказаться! Почему не сказать, чего думаешь? Свобода слова, товарищи, для каждаго. И ради этой свободы...

Слово „свобода“, видимо, было дорого здѣсь всѣмъ и каждому и повторялось на всѣ лады и возможно чаще. Въ немъ была особо сладкая мелодія. Такъ иногда хочется безъ конца повторять музыкальный мотивъ, который пришелся по душѣ и залегъ въ ухо.

Ладинъ былъ, видимо, опьяненъ всей этой картиной и всѣми этими рѣчами. Сергѣй Ивановичъ тоже слушалъ съ любопытствомъ. Его захватила эта новая атмосфера митинга. Въ рѣчахъ ораторовъ ничего не было для него ни новаго, ни оригинальнаго, потому что все это давно уже и на разные лады повторялось ежедневно въ газетахъ. Но обстановка дѣйствовала несомнѣнно. И какъ-то странно ему было чувствовать и сознавать, что всѣ дѣла личныя, которыя ему казались такими близкими, важными и огромными: охлажденіе къ нему Симы, исчезновеніе Миши, смерть матери и даже память о Катюшѣ, какъ-то сразу потускнѣли, поблѣднѣли и точно стерлись изъ его жизни.

Первый ораторъ сошелъ съ каѳедры, полуразсерженный, полусмущенный. Тишина, благодаря звонку предсѣдателя и его успокоительнымъ рѣчамъ, возстановилась.

На каѳедру взошелъ совсѣмъ молодой человѣкъ.

Сергѣй Ивановичъ протиснулся впередъ, чтобы разглядѣть его лицо, и вдругъ сильно вздрогнулъ.

— Что̀ съ вами?—спросилъ его Ладинъ.

— Ни... чего,—еле могъ выговорить Сергѣй Ивановичъ.—Ничего.

— Интересно, что̀ скажетъ этотъ, въ отвѣтъ на рѣчи этого

постепеновца? — захлебываясь отъ превкушаемаго наслажденія, продолжалъ Ладинъ.

— Шш!.. Шш!..—раздалось вокругъ нихъ.

Всѣ примолкли.

На каѳедрѣ стоялъ Миша.

IX.

Да, это былъ несомнѣнно онъ. Сергѣй Ивановичъ его, конечно, тотчасъ же узналъ изъ-за моря головъ и несмотря на тусклое освѣщеніе зала. Да, это былъ Миша. Но Миша преображенный, возмужалый, съ ненавистью во взорѣ, съ выросшими усиками на верхней губѣ, въ ореолѣ какого-то возбужденія, почти экстаза.

— Товарищи!—громко, безъ всякой робости началъ онъ.— Прошу вашего вниманія на нѣсколько минутъ. Я—бывшій студентъ, а нынѣ рабочій. Такой же, какъ всѣ мои товарищи. Я—наборщикъ. Въ такую эпоху, какую переживаетъ наше отечество, стыдно заниматься теоріями, хотя бы и научными; нужна не теорія,—активность. Вотъ я бросилъ лекціи и пошелъ въ наборную. Наборная, гдѣ печатается газета, та же каѳедра, но только не для ограниченнаго круга людей, а для широкихъ массъ. Но одной теоріи, одной каѳедры, говорю я,—мало. Нужно дѣйствіе. Вотъ тотъ, который говорилъ до меня, призывалъ васъ къ выжиданію, выдержкѣ, спокойствію. Смѣшно—въ такое время, когда льется братская кровь...

Раздались бурные апплодисменты.

Звонокъ предсѣдателя снова зазвонилъ.

— ...Когда льется братская, народная кровь,—говорить о спокойствіи! Онъ звалъ васъ на улицу—я не понялъ, собственно, для чего? Я тоже зову васъ на улицу. Но не для того, чтобы платонически передъ городовымъ крикнуть: „свобода“, а для того, чтобы ее завоевать активно. Будетъ литься кровь? Что жъ! пусть льется. Безъ крови нигдѣ еще и никогда не завоевывалась свобода. Въ кровавой борьбѣ зарождалась она у всѣхъ народовъ и во всѣхъ странахъ. Вѣрьте, и у насъ безъ этого не обойдется. Гдѣ бой—тамъ кровь. Погибнутъ люди? Вѣрно! Но это будутъ не обыкновенные люди, а борцы за настоящую, а не призрачную свободу. Это будутъ герои. Невѣдомые, незамѣтные, но несомнѣнно герои. И безъ помощи героевъ, этихъ лучшихъ людей народа, не родится истинной свободы.

— А вы пойдете?—крикнулъ кто-то.

Предсѣдатель схватился за звонокъ, но Миша спокойнымъ жестомъ остановилъ его. На его блѣдномъ лицѣ горѣли зловѣщимъ фанатическимъ пламенемъ большіе черные глаза.

— Я пойду!—твердо сказалъ онъ.—Я буду говорить и дѣйствовать здѣсь. Я буду говорить и дѣйствовать въ Москвѣ, вездѣ, гдѣ я буду нуженъ. Довольно словъ, довольно рабства. „Свобода объявлена“! Вздоръ! Мы ей не вѣримъ. Государственная Дума? Обманъ! Я ему не вѣрю. Намъ не нужно такой Думы. Намъ нуженъ настоящій парламентъ, а не бюрократическое представительство изъ богатыхъ и чиновныхъ людей. Кто пойдетъ на эту удочку, тотъ—врагъ своего отечества. Вы говорите: нужно объединиться. Вѣрно! Но объединиться нужно съ оружіемъ въ рукахъ, съ бомбами, со штыками. Вы говорите: нужно выйти на улицу. И еще разъ—вѣрно! Но для чего? Для того, чтобы строить баррикады и чтобы водрузить на нихъ красныя знамена революціи. Революція нужна, вооруженное возстаніе нужно, бой, кровавый бой нуженъ. И если весь народъ выйдетъ на баррикады, то не перестрѣлять всего народа! Тогда вѣдь некѣмъ управлять будетъ. Погибнутъ тысячи, десятки тысячъ. Пусть сотни тысячъ погибнутъ, но вѣдь останутся милліоны. Ради этихъ милліоновъ обездоленныхъ, засѣченныхъ, эксплоатируемыхъ, нищихъ, безправныхъ, голодныхъ, безземельныхъ, стоитъ пролить кровь,—кровь враговъ и угнетателей и кровь защитниковъ-героевъ. Итакъ, я зову васъ на активную борьбу. Встанемъ дружно за правое дѣло! Намъ не нужно подачекъ изъ милости. Мы не хотимъ свободы въ видѣ подарка изъ преступныхъ и грязныхъ рукъ чиновниковъ, сотни лѣтъ угнетавшихъ Россію. Мы вырвемъ эту свободу сами, съ оружіемъ въ рукахъ, на баррикадахъ, всю цѣликомъ. Такая свобода будетъ драгоцѣннѣе, потому что за нее будетъ заплачено драгоцѣнной народной кровью. Да, товарищи, пойдемъ на улицу. И какъ только мы рѣшимся крикнуть: свобода!—такъ тотчасъ же возьмемся за оружіе и будемъ отстаивать ее до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія. Я предлагаю открыть сборъ на боевую организацію революціонныхъ дружинъ...

Нельзя себѣ представить, что поднялось въ этомъ собраніи. Толпа съ дикими выкриками, наэлектризованная этой необузданной рѣчью, бросилась къ каѳедрѣ. Звонокъ полетѣлъ со стола. Предсѣдатель хрипло что-то выкрикивалъ; его не было слышно,—только можно было догадываться, по движенію его губъ, что онъ что-то говорилъ.

Одинъ Миша стоялъ еще у каѳедры, возвышаясь надъ толпой. Его взоръ сіялъ все тѣмъ же фанатическимъ блескомъ. Губы его были полураскрыты, лицо смертельно блѣдно. Къ нему протягивались сотни рукъ съ кошельками. Откуда-то появилось блюдо. На него сыпались мѣдь, серебро, золото, бумажки.

Сергѣй Ивановичъ стоялъ растерянный, слезы затуманили его глаза, онъ вѣрилъ и не вѣрилъ, что это его сынъ. Ему было жутко и радостно, горестно и весело. Для него было ясно, что смерть витала уже надъ головой этого мальчика, котораго они съ Катюшей такъ любили, холили и лелѣяли. Да, онъ выйдетъ на улицу и найдетъ на ней смерть. Онъ не изъ тѣхъ, которые играютъ словами. И ему было тяжело думать объ этомъ. Но ему было радостно сознавать, что вотъ здѣсь, на митингѣ, передъ тысячной толпой — его сынъ, его Миша, и что онъ говоритъ передъ этой толпой, и толпа его слушаетъ внимательно и напряженно, и апплодируетъ ему. Это было радостно, безотчетно радостно. Онъ даже не могъ бы сказать—почему.

— Это какой-то фанатикъ! — сказалъ Ладинъ. — И ему не сдобровать.

Они выходили, слѣдуя за толпой. Толпа ихъ выносила съ митинга. Въ группахъ этой разношерстной толпы раздавалось обсужденіе только-что слышанной рѣчи.

— Это фанатикъ,—повторилъ Ладинъ.

И Сергѣю Ивановичу хотѣлось крикнуть ему и всѣмъ этимъ людямъ:

— Это мой сынъ!

Но онъ воздержался.

Миша уже исчезъ. Тщетно всматривался Сергѣй Ивановичъ въ проходившихъ мимо него; онъ не могъ отыскать среди нихъ Мишу. Ему хотѣлось подойти къ нему, обнять его, сказать ему, какъ онъ его любитъ. Что изъ того, что онъ по дряблости своей натуры, по своему глубокому равнодушію къ этимъ вопросамъ, поднятымъ ходомъ событій въ Россіи, не можетъ идти вслѣдъ за своимъ сыномъ, не можетъ сочувствовать его пропагандѣ и зову на активный бой? Но онъ все-таки любитъ его и гордится, гордится имъ.

— Хорошо говорилъ этотъ юноша! — повторилъ Ладинъ, какъ бы вызывая его на обмѣнъ мыслей.

И опять Сергѣю Ивановичу захотѣлось крикнуть:

— Это мой сынъ. Поймите это.

Они шли уже по улицѣ домой.

— Вы не раскаиваетесь, что я васъ затащилъ на митингъ?— спросилъ Ладинъ.

— Нисколько, напротивъ. Я вамъ очень благодаренъ. Это очень интересно.

— Вотъ видите. Нужно организоваться въ партіи, въ союзы. Нельзя стоять въ сторонѣ отъ этого движенія. Кто не вступаетъ въ партію, тотъ совершаетъ преступленіе передъ родиной.

Сергѣй Ивановичъ промолчалъ.

— Вы не согласны съ этимъ?—настаивалъ Ладинъ.

— Конечно, согласенъ. Но я еще не чувствую въ этомъ потребности. Слишкомъ долго насъ заставляли *не* думать. Я отвыкъ думать самостоятельно, и теперь, когда насъ отпустили на свободу—я шатаюсь.

Ладинъ взглянулъ на него съ сожалѣніемъ, смѣшаннымъ съ презрѣніемъ.

— Бывайте на собраніяхъ, на митингахъ. Пріучайтесь. Слишкомъ бурно и быстро проносится потокъ, и вамъ не устоять противъ его теченія. Или онъ захватитъ васъ съ собой, или собьетъ съ ногъ и утопитъ.

X.

Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ въ отдѣленіи вагона перваго класса и смотрѣлъ унылымъ и безнадежнымъ взглядомъ въ окно. Уже съ недѣлю, какъ пришло письмо управляющаго имѣніемъ матери. Оно шло долго, какими-то кружными путями, чуть ли не черезъ Швецію и Финляндію, имѣло на себѣ множество почтовыхъ штемпелей и было ужасно грязно. Можетъ быть, его гдѣ-нибудь распечатывали и читали, потомъ подклеивали.

Управляющій сообщалъ, что во время послѣднихъ аграрныхъ безпорядковъ крестьяне разгромили усадьбу его матери, сожгли службы, немало причинили вреда и самому дому, который стоитъ теперь съ ободранной крышей, поломанными оконными переплетами, битыми стеклами и выломанными дверями. Паркъ порубленъ и отчасти выжженъ. Но все это—полбѣды. Бѣда въ томъ, писалъ управляющій, что „матушка ваша, почтеннѣйшая Елена Васильевна, сильно испугавшись и простудившись во время разгрома, а также задохнувшись въ дыму пожара, скончалась на другой день къ вечеру въ страшныхъ мученіяхъ. Ее похоронили на сельскомъ кладбищѣ. Петръ Петровичъ Камчатскій облегчалъ ея страданія, но спасти ее уже не было никакой возможности.

Предвидѣть нападеніе, конечно, было возможно; я и предвидѣлъ его, для чего писалъ въ уѣздъ и въ губернію, прося немедленной помощи; но помощь подоспѣла не во-время, на другой день около пяти часовъ вечера, такъ какъ власти и войска заняты были прекращеніемъ безпорядковъ въ экономіи сосѣдняго уѣзда извѣстнаго вамъ Ивана Ивановича Лысогорова, предводителя дворянства".

Управляющій писалъ еще много. Онъ вызывалъ Сергѣя Ивановича въ имѣнье, чтобы совмѣстно съ нимъ все привести къ ясность и порядокъ, а также чтобы хлопотать объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, такъ какъ Елена Васильевна скончалась „безо всякаго завѣщанія", насколько ему извѣстно, и Сергѣй Ивановичъ является, такимъ образомъ, единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ.

Онъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на поля, бѣжавшія мимо него. Стоялъ ноябрь мѣсяцъ; зима приходила и уходила; никакъ не могла она установиться. Теперь, въ день его отъѣзда, стояла глухая, слезливая какъ старость, безсильная мокрая осень. Поля были напоены холодной влагой распустившагося снѣга. Чернѣли деревушки — какія-то скользкія, сырыя, точно подгнившія поганки въ лѣсу. Небо было тяжелое, похожее на рядъ сѣрыхъ больничныхъ одѣялъ, наложенныхъ другъ на друга и съ оборванными краями; деревья осклизлыя, жалкія, мокрыя, гнулись подъ напоромъ рѣзкаго, холоднаго вѣтра. На горизонтѣ чернѣли хвойные лѣса, казавшіеся изгородью, а черныя галки и вороны, пролетая надъ полями и деревнями, исчезали въ этой сѣрой больничной густотѣ, странно сливаясь съ небомъ.

Все за окномъ наполнялось густой мглою. Вскорѣ и поля, и деревья, и лѣса, и деревни слились въ одну компактную массу. Надвигались зимнія сумерки, похожія на ночь.

Сергѣй Ивановичъ сталъ думать; не напряженно, не настраивая свои мысли, а предоставляя имъ свободно и капризно измѣняться по тѣмъ внутреннимъ законамъ мышленія, которые въ сущности никому не извѣстны. И въ сознаніи его мелькалъ рядъ образовъ и лицъ съ рѣчами и безъ рѣчей, съ яркой окраской, а иногда лишь съ однимъ контуромъ, какъ силуэты. Но въ концѣ концовъ мысль его въ сотый разъ наткнулась на образъ матери и на немъ остановилась.

Бѣдная старуха! Ей было семьдесятъ-три года. Она знала крѣпостныя времена. Эти времена и, конечно, то, что она родилась отъ поколѣнія крѣпостниковъ, сдѣлали ее жестокою. Она привыкла къ чужому труду, привыкла смотрѣть на людей какъ на безсловес-

ныя машины для этого труда, какъ на рабовъ, обреченныхъ служить господамъ; вѣдь волъ обреченъ тащить плугъ? онъ за это получаетъ кормъ. Но „этихъ скотовъ“ освободили. Она помнила эпоху „эмансипаціи“. Ея властной, надменной душѣ эта эпоха нанесла глубокую и точащую рану, которая уже больше не заживала. Она исповѣдывала „строгіе принципы семейной жизни“. Но и ихъ она понимала по-своему: сынъ для нея былъ тѣмъ же крѣпостнымъ, и къ нему она примѣняла тѣ же принципы — всю безграничную волю и эгоизмъ, доходившій до безсердечія. И когда сынъ, какъ и мужики, „эмансипировался“, она гордо замкнулась въ самой себѣ, не признала его брака, не признала своего внука, не признала права сына на самостоятельное рѣшеніе своей судьбы. И она доживала свой вѣкъ такимъ же обломкомъ, выброшеннымъ океаномъ ея жизни, и такъ же безцѣльно, какъ теперь онъ, „догнивала“ свой вѣкъ. И послѣ каждой бури жизни выбрасываются на поверхность вотъ такіе обломки, никому и ни для чего не нужные, которымъ суждено бороздить волны стихіи.

Но чѣмъ больше онъ думалъ о своей матери, тѣмъ больше проникался къ ней уваженіемъ. Она, по крайней, мѣрѣ была цѣльнымъ человѣкомъ и исповѣдывала одну идею. Такъ до конца жизни—до трагическаго конца жизни—она прожила съ своими убѣжденіями и ни разу не пошатнулась. Она не понимала новыхъ вѣяній, она ихъ отрицала. Она умерла съ крѣпостническими взглядами на жизнь, умерла непримиренной съ новымъ режимомъ. Иногда, когда ей становилось не въ моготу, она шла въ старинный залъ съ колоннами, гдѣ жили ея предки; въ этомъ залѣ между колоннами стоялъ портретъ Николая I. И она садилась у этого портрета въ широкое кресло съ полупившейся золоченой спинкой и долго созерцала благородныя черты „незабвеннаго“. Это созерцательное состояніе она называла „отдохновеніемъ подъ сѣнью незабвеннаго“, эпохой котораго она увлекалась. Да, цѣльная была женщина его мать.

А онъ? Вѣдь и онъ теперь явно не сочувствуетъ тому, что происходитъ. Разумомъ онъ понимаетъ, что Россія вышла изъ тѣхъ пеленокъ, въ которыхъ ее такъ долго, такъ властно и такъ жестоко держалъ проклятый полицейско-бюрократическій режимъ, не дававшій свободно развиваться ея спеленутому организму. Онъ отлично понималъ, что если народъ обнищалъ, что если мужикъ теменъ и дикъ, что если хроническія голодовки обезсиливаютъ Россію, то всему этому виной невозможный старый режимъ. Но вотъ идетъ на смѣну новый режимъ. Почему

же онъ какъ-то робко жмется къ сторонкѣ и не чувствуетъ въ своей душѣ ни священнаго негодованія къ угнетателямъ своей родины, ни радостнаго увлеченія къ ея новоявленнымъ освободителямъ? Онъ сочувствуетъ освободительному движенію, но больше „par acquit de conscience", изъ приличія, изъ вѣжливости.

Сергѣю Ивановичу сдѣлалось жутко. Печальная улыбка легла на его губы. Мысли его перешли къ представителю третьяго поколѣнія—къ Мишѣ. Что такое Миша? И самый этотъ вопросъ, ребромъ поставленный имъ себѣ, и удивилъ, и огорчилъ его. Какъ! Такъ, значитъ, и онъ не знаетъ своего сына? Но тогда зачѣмъ же онъ обвинялъ покойную мать, которая тоже не знала своего сына? И неужели же таковъ законъ, что люди одного поколѣнія никогда не понимаютъ людей другого поколѣнія? Онъ Мишу считалъ одно время человѣкомъ сухимъ, никого не любящимъ. Потомъ онъ сталъ думать, что Миша матеріалистъ, когда тотъ потребовалъ отъ него „сумму денегъ". И Сергѣй Ивановичъ думалъ, что изъ его индифферентизма, изъ его спокойнаго равнодушія выработались въ сынѣ, какъ эволюція этихъ душевныхъ свойствъ, эгоизмъ и сухость. И что же онъ увидѣлъ тогда, на митингѣ? Какого-то истерическаго юношу съ какими-то взвинченными идеями объ общемъ благѣ народа. Что тутъ общаго съ эгоизмомъ и сухостью? Человѣкъ, который убѣжденно говоритъ, что онъ пойдетъ на борьбу съ правительствомъ ради освобожденія родины. Онъ и деньги, и жизнь свою отдастъ для этой цѣли. Но вѣдь это именно то, что, кажется, называется героизмомъ? Или же это слова? Поза? Рисовка?

И Сергѣй Ивановичъ тщетно ломалъ себѣ голову. Такъ не знать своего сына! Да почему же наконецъ? Вѣдь онъ любилъ же его, воспиталъ его. Почему же онъ не всмотрѣлся ближе въ эту душу, почему онъ не попытался проникнуть въ самую глубь этой замкнутой души?

Но эти самые истеричные энтузіасты, какъ Миша, развѣ они, дѣйствительно, спасутъ Россію и выведутъ ее на новый путь? Нѣтъ, только въ будущемъ способно народиться новое поколѣніе людей, и то только если реформы будутъ широки и искренни. „А намъ всѣмъ приходится жить въ сумеркахъ передъ разсвѣтомъ. Мы — люди сумеречные, вотъ какъ эти осенніе вечера, слезливые, больные и нудные. Но за этими вечерами таится свѣтъ яркаго солнца, яркаго лѣтняго дня. Оно будетъ свѣтить другимъ людямъ и освѣщать другія дѣла". И тутъ Сергѣю Ивановичу вспомнились слова провинціальнаго врача, Петра Петровича: „Повѣрьте, — говорилъ онъ, — наша революю-

ція—это хроническій катарръ. Это не диссентерія, которая проходитъ кратко и бурно. Или унесетъ съ собой человѣка, или человѣкъ выздоровѣетъ. А это—скучный, вялый и длительный процессъ, съ которымъ много возни. Мелкота людей и безсиліе ихъ передъ крупными историческими событіями—вотъ трагизмъ нашей жизни. Мы — люди, управляемые жизнью. Тогда какъ жизнь должна управляться людьми въ организованныхъ обществахъ".

Съ этими мыслями Сергѣй Ивановичъ уснулъ. Онъ спалъ тяжелымъ, кошмарнымъ сномъ. Въ Москвѣ было пустынно, вымороčно, и она казалась городомъ наканунѣ какихъ-то великихъ событій. Трудно было опредѣлить, почему ему такъ казалось, но что-то предчувствовалось, что-то зрѣло въ этомъ спокойствіи, въ этомъ затишьи передъ бурей.

XI.

Въ „Поросляхъ", куда Сергѣй Ивановичъ пріѣхалъ передъ вечеромъ, его ожидала картина, которая поразила его.

Какъ ни рисовался въ его воображеніи разгромъ, онъ никакъ не могъ себѣ представить такого дикаго разрушенія, такого вандальскаго нашествія.

Домъ стоялъ обугленный, какъ головешка, но все-таки уцѣлѣвшій въ своихъ главныхъ линіяхъ. Отъ службъ и конюшенъ остались одни стропила и обгорѣвшія бревна, словно покрытыя сине-стальной чешуей. Въ саду, за главнымъ домомъ, въ образцовомъ порядкѣ, подъ временно и наскоро выстроеннымъ навѣсомъ сложены были предметы и вещи внутренняго убранства и обихода: поломанные старинные стулья и диваны, столы, шкафы, канделябры, люстры, картины. Портретъ „незабвеннаго", сильно обожженный, пакатанный на скалку, ютился въ углу, а старинная роскошная рама его по кусочкамъ была собрана и сложена въ кучку. Здѣсь же были и вещи материнскаго гардероба, и ея кровать, и тумбы краснаго дерева съ золотомъ, и ковры, и книги, и какіе-то искусственные цвѣты.

Управляющій водилъ Сергѣя Ивановича по этимъ обломкамъ прошлаго и жалостно приговаривалъ:

— Вотъ, извините, все, что осталось. Были ли деньги, бумаги, цѣнности—установить невозможно. Если и были, то, конечно, хранились въ банкѣ, въ губерніи. Не извѣстно ли вамъ, было ли завѣщаніе?

— Не знаю въ точности.

— Впрочемъ, это безразлично. Вы—единственный наслѣдникъ. Матушку вашу вынесли сюда. Она задыхалась отъ своей болѣзни, отъ испуга и отъ гари. Никто не хотѣлъ тушить пожаръ; ежели кто и не грабилъ, то боялся. А грабили, Сергѣй Ивановичъ, извините, прямо возмутительно. То-есть, не то что грабили,—это бы еще ничего,—а просто уничтожали—дико, безсмысленно. Паркъ-то, чудный нашъ паркъ—рубили и жгли. Огромныя деревья и сейчасъ лежатъ невывезенныя. Я вамъ приготовилъ комнату у себя. Неважно, но что же дѣлать! Быть можетъ, потомъ переѣдете въ губернскій, пока всѣ формальности не закончатся? Вѣдь это мѣсяца два-три пройдетъ, я думаю. А здѣсь, извините, что же дѣлать-то?

Сергѣй Ивановичъ ничего не отвѣтилъ.

Онъ былъ пораженъ картиной разрушенія. Изъ поколѣнія въ поколѣніе накапливались здѣсь богатства,—и вотъ теперь что отъ всего этого осталось? Жалкіе обломки!

Онъ простился съ управляющимъ до ужина и вышелъ въ паркъ. Надвигались зимнія сумерки. Было холодно и мозгло. Онъ пошелъ по главной аллеѣ. Толстыя, вѣковыя деревья тамъ и здѣсь преграждали ему путь, словно баррикады. Онъ взбирался на нихъ и перескакивалъ черезъ нихъ, двигаясь все дальше и дальше.

Отъ миѳологической богини остался одинъ пьедесталъ съ отколотымъ угломъ. Онъ вспоминалъ эту богиню, стоявшую здѣсь еще не такъ давно въ своей стыдливой наготѣ, въ ту дождливую осень, когда онъ жилъ еще въ плѣну у маменьки. Тогда ему казалось, что злые атеисты подвергли бичеванію мраморное тѣло богини, потому что тѣло это было покрыто зелеными полосами плѣсени и сырости. А теперь она лежитъ повержена въ прахъ, и рядомъ съ кускомъ ея шеи валяется обломокъ ея колѣна, а желѣзный обручъ, стягивавшій когда-то ея ногу, лежалъ здѣсь же, изогнутый, почти красный отъ насѣвшей на него ржавчины и похожій на змѣю.

Что-то вдругъ шарахнулось отъ него за кустомъ, и онъ увидѣлъ темный силуэтъ мужика съ топоромъ въ рукѣ. Ему не сдѣлалось отъ этого страшно. Напротивъ, мужикъ зашагалъ отъ него въ сторону гигантскими шагами, прямо черезъ чащу, не выбирая дороги.

Сергѣй Ивановичъ усмѣхнулся. Когда-то такого мужика затравливали псами, устраивали на него охоту, пороли на конюшнѣ и ссылали въ Сибирь или сдавали въ солдаты. Потомъ

его просто ловили на мѣстѣ преступленія съ понятыми и отдавали въ руки слѣдователя и судили „по закону". И при этомъ, все-таки, вѣроятно, келейно пороли. А теперь? За всѣ эти обиды этотъ самый мужикъ изболѣвшій, изголодавшійся, вооружился огнемъ и топоромъ и пошелъ противъ своихъ угнетателей и эксплоататоровъ своего труда. И на него высылаютъ теперь казаковъ, цѣлые отряды,—но это уже не помогаетъ.

Сергѣй Ивановичъ шагалъ, одолѣваемый этими мыслями, по направленію къ дому.

Становилось темно, становилось жутко.

И когда онъ увидѣлъ сквозь чащу деревьевъ красноватый огонекъ флигеля управляющаго, то ему сдѣлалось почти весело.

Управляющій ждалъ его съ ужиномъ. Разоренный флигель тотчасъ же послѣ разгрома былъ возобновленъ. Теперь въ этихъ небольшихъ комнатахъ было уютно, чисто, свѣтло. Шумѣлъ на столѣ самоваръ, и молодая дѣвушка Ѳеня, бывшая въ услуженіи у покойной Тихменевой, возилась съ посудой и закуской.

Управляющій иногда умильно взглядывалъ на Ѳеню, и Сергѣй Ивановичъ замѣтилъ это, но не показалъ виду.

Онъ совершенно не зналъ этого управляющаго, котораго покойная мать держала въ черномъ тѣлѣ и никогда не показывала гостямъ. Она принимала его доклады раннимъ утромъ на задней террасѣ, когда всѣ въ домѣ спали, а иногда поздно вечеромъ занималась въ своемъ будуарѣ его отчетами.

Сергѣй Ивановичъ, конечно, встрѣчался съ нимъ во время своего пребыванія въ усадьбѣ, но не приглядывался къ нему.

Теперь ему захотѣлось ближе ознакомиться съ нимъ. Управляющій былъ сынъ дьякона. Онъ не кончилъ курса семинаріи и предпочелъ совершенно оставить духовную карьеру, найдя по протекціи отца мѣсто управляющаго у Тихменевой. Это было лѣтъ двадцать тому назадъ. Сначала никакъ не могли у него наладиться отношенія съ помѣщицей, и нѣсколько разъ онъ былъ на волоскѣ, чтобы уйти отъ нея. Но потомъ отношенія какъ-то незамѣтно сгладились. Дѣятельность управляющаго пришлась ему по вкусу—дѣла было не особенно много, главнымъ образомъ потому, что всѣми дѣлами вѣдала самолично хозяйка имѣнья; жалованье было не особенно большое; но управляющій и не имѣлъ никакихъ особенныхъ потребностей; онъ былъ въ нихъ очень ограниченъ, былъ холостой и не тратилъ даже того, что получалъ. А когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, умеръ его вдовецъ-отецъ и оставилъ ему небольшое состояньице, скопленное за много лѣтъ службы въ уѣздномъ городѣ при церкви и

при прогимназіи, то онъ могъ бы и совершенно бросить мѣсто. Но къ этому времени онъ уже такъ свыкся съ своей должностью, что ему это даже ни разу не пришло и на умъ.

— Такъ вотъ, Сергѣй Ивановичъ, какія дѣла пошли!—проговорилъ онъ, обращаясь къ новому владѣльцу и угощая его ужиномъ.—Извините, это уточка съ брюквой,—Ѳеня приготовляла. Можетъ, не любите? Она вѣдь не особенная мастерица.

Сергѣй Ивановичъ конфузился.

— Это очень вкусно,—смущенно говорилъ онъ и ѣлъ, хотя ему вовсе не хотѣлось ѣсть. — Очень вкусно! Такъ это Ѳеня... Это та Ѳеня, что служила у матушки?

— Какъ же, — предупредительно отвѣтилъ управляющій,— это та самая Ѳеня, которая замѣстила провинившуюся Агашу.

Сергѣй Ивановичъ старался припомнить Агашу и ея вину. Онъ, наконецъ, вспомнилъ и, чтобы что-нибудь сказать, спросилъ:

— А что же Агаша?

Управляющій ухмыльнулся многозначительно.

— Агаша, извините, живетъ у Петра Петровича съ того времени. Не знаю достовѣрно, я врагъ сплетенъ, а такъ поговариваютъ, будто она у него, извините, экономкой и даже больше. Такъ что будто бы Петръ Петровичъ женится на ней.

Сергѣй Ивановичъ не зналъ, что сказать, и помолчалъ.

— А гдѣ же Петръ Петровичъ?—спросилъ онъ.

— Они теперь—въ губерніи. Тамъ, извините, теперь образуются партіи разныя политическія, клубы, что-ли. Такъ они большое участіе принимаютъ въ этомъ движеніи. Такъ что, полагать надо, они сдѣлаются членомъ Думы, депутатомъ, что-ли.

— А вы вѣрите, что Дума будетъ?

— Какъ-же-съ, ежели объявлено.

— А вы какъ относитесь къ Думѣ?

Вопросъ, видимо, засталъ управляющаго врасплохъ. Онъ помахалъ руками въ воздухѣ, склонилъ голову на бокъ и послѣ продолжительной паузы смущенно отвѣтилъ:

— Да какъ вамъ сказать, Сергѣй Ивановичъ? Я не политикъ. Происхожденія, извините, духовнаго; отецъ много работалъ и обезпечилъ свое и мое существованіе; я доволенъ своимъ положеніемъ. Образованіе я получилъ, извините, малое и въ вопросахъ сихъ не освѣдомленъ, такъ какъ вопросы сіи свѣтскаго порядка. Сказать хотя бы о свободѣ личности, то таковой дѣйствительно мало, какъ и неприкосновенности. Любой становой при всякомъ, извините, случаѣ такъ прикасается къ лицу, что даже до выворачиванья скулъ. Никакихъ гарантій.

Сергѣй Ивановичъ думалъ, что управляющій шутитъ или иронизируетъ, но онъ говорилъ совершенно серьезно.

— Теперь скажемъ касательно аграрнаго вопроса, земли. Земли, дѣйствительно, у мужика мало. И черезполосицы, и все. Это, извините, вѣрно. А только недоумѣваю объ одномъ. Хорошо, землю дайте, сколько угодно, скажемъ столько, сколько нужно, и даже сверхъ мѣры. Такъ вѣдь этого, извините, мало. Нужны еще орудія обработки. Какъ я буду обрабатывать землю, ежели у меня нѣтъ ни сохи, ни плуга, ни быковъ, ни лошади, ни иного скота. Ни даже, извините, сѣмени для обсѣмененія полей? Ни денегъ на покупку онаго. Скажемъ больше: знаній нѣтъ—какъ вести обширное хозяйство, культуры нѣтъ.

— Такъ что же нужно, по-вашему?

— Я такъ думаю, извините мое невѣжество, что свѣтъ нуженъ. Свѣтъ просвѣщенія. А земли сколько даже угодно. Земли больше, чѣмъ нужно.

— Да что вы!—вскрикнулъ Сергѣй Ивановичъ.

— Вы меня не поняли. То-есть, земли, которою можно надѣлить крестьянъ. Свободныхъ земель.

— Откуда же?

— А очень просто. Любой помѣщикъ, по нынѣшнимъ временамъ, за милую душу отдастъ свои земли. Кому, извините, охота сидѣть на землѣ, когда васъ, скажемъ, грабятъ, рубятъ и жгутъ. Да вотъ вамъ—Залѣсовы—на что исконные помѣщики, а только послѣ случая съ вашей матушкой—царствіе ей небесное!—и тѣ вошли въ банкъ крестьянскій съ ходатайствомъ о продажѣ. А Лысогоровъ, Иванъ Ивановичъ—„пущай, говоритъ, крестьяне землю берутъ; дайте мнѣ, говоритъ, деньги, хотя бы малыя, и я со всѣмъ своимъ удовольствіемъ переѣду въ Петербургъ, въ государственный совѣтъ служить“. Евгенія Петровна—онѣ къ тому времени вернулись—такъ даже въ ладоши захлопали и окончательно помирились съ супругомъ, послѣ случая съ Агашей. И такъ, извините, всѣ. Господа помѣщики бѣгутъ съ земли, а не то чтобы что! А только, вотъ, что будутъ дѣлать мужики со всей этой землей, безъ орудіевъ, скота и всякаго инвентаря? Да вотъ и вы, Сергѣй Ивановичъ, развѣ вы будете здѣсь сидѣть? Да вы, извините, навѣрное продадите землю мужикамъ. Кликните только кличъ. Пущай правительство скажетъ: кто хочетъ продать землю? Ни одного помѣщика на мѣстахъ не останется. Всѣ удалятся. И аграрнаго вопроса—какъ не бывало. Можетъ, я что глупое сказалъ, извините; я, вѣдь, человѣкъ съ малымъ образованіемъ.

Но слова малообразованнаго человѣка имѣли свое дѣйствіе. Сергѣй Ивановичъ, ѣдучи сюда, дѣйствительно, не зналъ, что ему дѣлать съ наслѣдствомъ, и послѣ словъ управляющаго его словно осѣнило. Конечно, продать, продать землю хоть за грошъ мужикамъ и уѣхать отсюда.

Онъ пробылъ въ усадьбѣ съ недѣлю, знакомясь съ своимъ наслѣдствомъ, съ описями, отчетами и остатками послѣ разгрома. Управляющій оказался человѣкомъ добросовѣстнымъ и знающимъ.

Покончивъ со всѣми дѣлами на мѣстѣ, Сергѣй Ивановичъ отправился въ губернскій городъ, гдѣ было отдѣленіе крестьянскаго банка, и принялся хлопотать о продажѣ. Онъ побывалъ у нотаріуса, въ судѣ, у адвоката, и хлопоталъ о вводѣ его во владѣніе, объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства. Все это брало много времени, но, благодаря его связямъ и тому, что всѣ знали его мать и его семейное положеніе, ему удалось все устроить скорѣе, чѣмъ онъ думалъ. Въ отдѣленіи государственнаго банка лежало болѣе, чѣмъ на семьдесятъ тысячъ бумагъ покойной Тихменевой, вслѣдствіе чего Сергѣй Ивановичъ рѣшилъ землю не продавать, а просто раздать въ даръ крестьянамъ. И это взяло много хлопотъ, чуть ли еще не больше, чѣмъ еслибы онъ затѣялъ продажу земли банку. Власти отнеслись не особенно сочувственно къ его желанію подарить землю мужикамъ.

— Это развратъ, — говорили ему. — Помилуйте, крестьяне васъ жгли и грабили, были, такъ сказать, причиной смерти вашей матушки, а вы, какъ бы въ награду за это, отдаете имъ землю. Это — дурной примѣръ. Это какъ бы даетъ имъ поводъ думать, что и съ сосѣдними экономіями можно поступить такъ же. Помѣщики испугаются и отдадутъ все, лишь бы спасти свою жизнь.

Но Сергѣй Ивановичъ на этотъ разъ твердо стоялъ на своемъ. Не высокая гражданская идея, не страхъ безпорядковъ руководили имъ, а просто чувство невыносимой скуки отъ всей этой возни съ землей, которая ему не была нужна. У него есть свое небольшое состояніе отъ отца, есть теперь капиталъ отъ матери. Онъ одинокъ — у него больше, чѣмъ ему нужно. Сынъ ушелъ отъ него; жениться онъ не думалъ. Въ любовь Симы онъ извѣрился. Вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ онъ въ этихъ краяхъ, а онъ получилъ всего два письма отъ Симы, коротенькихъ, равнодушныхъ и наполненныхъ свѣдѣніями о Всеволодѣ Григорьевичѣ. Удивительно интересно ему было читать о ея мужѣ! И читая эти строки, написанныя тонкимъ, неровнымъ почеркомъ, онъ съ

каждой буквой убѣждался, что Сима никогда и никого въ сущности не любила, какъ только Всеволода Григорьевича. Романъ съ нимъ былъ, очевидно, мимолетнымъ капризомъ, съ которымъ она не знала теперь, какъ бы приличнѣе кончить. Но онъ зналъ. Онъ реализуетъ всѣ свои капиталы, развяжется съ землей, уѣдетъ въ Петербургъ, чтобы покончить служебныя дѣла съ банкомъ, дождется весны и уѣдетъ заграницу, рѣшительно все ликвидировавъ на родинѣ, гдѣ онъ себя чувствуетъ чужимъ, вымочнымъ, никому ненужнымъ, ни къ чему негоднымъ, ни для чего неприспособленнымъ. Участь незавидная, но что же дѣлать! Онъ человѣкъ восьмидесятыхъ годовъ, какъ его называлъ Петръ Петровичъ. То-есть, человѣкъ съ ущемленной волей, воспитанный въ деспотизмѣ и равнодушіи къ общественному благу. Тѣмъ лучше, если такіе люди уйдутъ изъ Россіи и очистятъ путь другимъ, болѣе нужнымъ и болѣе сильнымъ.

И при мысли о своей эмиграціи, онъ приходилъ въ радужное настроеніе. Ужъ одно то, что онъ отдѣлается отъ Ладина и всѣхъ своихъ сослуживцевъ! Ужъ одно то, что онъ не будетъ видѣть Симы въ обществѣ ея мужа, съ которымъ она, по странному капризу, требовала отъ него дружескихъ, пріятельскихъ отношеній! Ужъ одно то, что онъ не будетъ видѣть Симу у себя, Симу, сидящую какъ на иголкахъ и вѣчно торопящуюся домой, гдѣ ее ждетъ Всеволодъ Григорьевичъ. Злая судьба лишила его Катюши, лишила его сына теперь лишаетъ его Симы. Зато она наградила его благосостояніемъ матеріальнымъ. Ну, что-жъ! Бороться онъ никогда не умѣлъ, и не теперь, на склонѣ лѣтъ, начинать борьбу. Надо покориться. Чего ему будетъ жаль, это— Катюшиной могилы. Но въ концѣ концовъ—„мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій“... Въ послѣднее время онъ всячески старался сбрасывать съ себя все тяжелое, все суровое, все печальное, что наваливала на него жизнь. Вотъ только какъ онъ будетъ пользоваться жизнью? „Ну, тамъ видно будетъ!“—утѣшалъ онъ себя неопредѣленнымъ утѣшеніемъ всѣхъ безвольныхъ людей.

XII.

Въ декабрѣ Сергѣй Ивановичъ возвращался изъ деревни. Московское вооруженное возстаніе только-что кончилось. Обо всѣхъ этихъ ужасахъ онъ читалъ въ газетахъ и наслушался достаточно разговоровъ отъ очевидцевъ, бѣжавшихъ въ глубь провинціи.

Въ Москвѣ ему пришлось остановиться для нѣкоторыхъ дѣлъ. Москва имѣла странный видъ отвоеваннаго отъ непріятеля города. На улицахъ было пусто. Городовые съ ружьями густо разставлены были по Москвѣ и производили странное впечатлѣніе. Конные разъѣзды попадались на каждомъ шагу. Вечеромъ нельзя было выходить на улицу; на вокзалахъ обыскивали пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ. Строгій надзоръ былъ установленъ въ отеляхъ. Всѣ имѣли какой-то подавленный, сконфуженный видъ; всѣ опасались другъ друга, и больше молчали, если приходилось сталкиваться съ глазу на глазъ. Но политическая жизнь кипѣла. Общество, еще недавно молчавшее, вдругъ заговорило. Заговорило съ тѣмъ обиліемъ словъ, которое всегда слѣдуетъ послѣ долгаго молчанія,—и съ тѣмъ отсутствіемъ чувства мѣры, съ той страстностью и гиперболичностью, которыя являются естественнымъ послѣдствіемъ долгаго и тяжелаго гнета. Образовывались политическія партіи, всевозможныя теченія, взаимно противоположныя, сталкивавшіяся между собою, не хотѣвшія уступать другъ другу даже въ мелочахъ. Нужно было много труда, чтобы во всемъ этомъ разобраться. Но среди этихъ политическихъ ручейковъ забился ключъ, который съ упорствомъ и силой пробивалъ себѣ путь, ширился, углублялся и росъ.

Въ сторонѣ всего этого взбаломученнаго движенія стоялъ Сергѣй Ивановичъ со своей унылой душой, походившей на испорченный музыкальный инструментъ, лишенный струнъ. Онъ думалъ только объ одномъ,—какъ бы скорѣе прикончить дѣла и уѣхать.

Онъ сидѣлъ у окна гостинницы и смотрѣлъ на улицу. Лакей принесъ ему чай, свѣжій московскій калачъ и сырую газету. Сергѣй Ивановичъ разсѣянно пробѣжалъ столбцы и вдругъ, какъ тогда, въ Петербургѣ, въ день всеобщей забастовки, вниманіе его было остановлено мелькнувшимъ именемъ. Что-то дрогнуло въ его сердцѣ, какъ будто оборвалась какая-то струна. Тогда остановило его вниманіе материнской усадьбы, теперь—его собственное имя: Истоминъ.

Онъ вчитался внимательнѣе:—да, да, это Миша. Строчки забѣгали въ его глазахъ. Онъ въ волненіи отложилъ газету въ сторону, потомъ снова взялъ ее,—и теперь уже не оставалось никакого сомнѣнія: въ числѣ жертвъ московской революціи былъ Михаилъ Истоминъ, наборщикъ, бывшій студентъ. Въ длинномъ спискѣ онъ значился раненнымъ и находящимся на излеченіи въ тюремной больницѣ.

Сергѣй Ивановичъ сильно заволновался. Волненіе отразилось

на его ногахъ; онъ не могъ сразу встать. Сердце колотилось въ груди, и онъ ощущалъ, почти слышалъ ухомъ его глухіе удары. Онъ снова взялся за газету, въ десятый разъ прочиталъ знакомое и дорогое имя.

Миша! Его милый, нѣжный мальчикъ, ходившій когда-то въ кудряхъ! Миша, о которомъ такъ болѣло сердце его незабвенной Катюши. Тотъ Миша, который былъ ему такъ дорогъ при жизни жены, который отошелъ на второй планъ во время увлеченія его Симой и который лежитъ теперь, можетъ быть, умирающій въ тюремной больницѣ.

Сергѣй Ивановичъ прислушался къ своему внутреннему чувству. Что-то билось и клокотало въ груди. Въ ушахъ стоялъ шумъ, голова кружилась, глаза были горячи, словно налиты кипяткомъ, но слезъ не было. Тревожное, нервное, болѣзненное настроеніе овладѣло имъ.

Онъ быстро одѣлся и вышелъ.

Пріѣхавъ къ градоначальнику, онъ долго ждалъ, пока его приняли и выслушали его просьбу. Одни смотрѣли на него сочувственно, а дама въ черномъ, которая была тоже въ числѣ просительницъ, услыхавъ его просьбу, — расплакалась; нервы у всѣхъ были взвинчены; другіе смотрѣли на него съ недовѣріемъ и обидно оглядывали его; нѣкоторые—съ презрѣніемъ, очевидно какъ на отца, не сумѣвшаго воспитать сына; но большинство—съ торопливымъ безразличіемъ, потому что всѣ были очень заняты. Его послали въ канцелярію генералъ-губернатора. Здѣсь онъ потерялъ много времени, и отсюда отправили его къ слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ. Слѣдователь отсутствовалъ, и Сергѣю Ивановичу пришлось ни съ чѣмъ вернуться домой.

На другой день, послѣ ужасной, безсонной ночи, онъ принялся вновь за хлопоты; побывалъ вторично у слѣдователя, потомъ у прокурора и наконецъ уже къ вечеру получилъ разрѣшеніе на свиданіе съ сыномъ.

Но тюремная больница была уже заперта—и рѣшительно никого не допускали для свиданій. Ему пришлось издалека возвращаться назадъ. Извозчики не хотѣли везти, опасаясь „положенія“, по которому позже десяти часовъ вечера нельзя было появляться на улицѣ. Одинъ взялся доставить его за баснословную цѣну въ гостинницу. Они поѣхали, но постоянно натыкались на разъѣзды и патрули, которые ихъ останавливали и опрашивали. Сергѣй Ивановичъ вынималъ паспортъ, прокурорское разрѣшеніе, объяснялся, волновался. Одинъ городовой, вооруженный ружьемъ, чуть не отправилъ его для почевки въ уча-

стокъ. Но, въ концѣ концовъ, все обошлось, и поздно вечеромъ Сергѣй Ивановичъ пріѣхалъ наконецъ въ гостинницу.

И эту ночь Сергѣй Ивановичъ не спалъ. Опять черныя мысли усаживались вокругъ него, и ему казалось, что онъ окруженъ злыми воронами. А что если Миша уже умеръ? Но онъ не хотѣлъ допускать даже этой мысли; онъ гналъ ее отъ себя, какъ гонятъ иногда привязавшійся назойливый мотивъ.

XIII.

Послѣ долгихъ, утомительныхъ и раздражающихъ формальностей, Сергѣя Ивановича наконецъ допустили до свиданія.

Начальникъ, отъ котораго зависѣлъ допускъ, оказался человѣкомъ мягкимъ. Онъ взглянулъ на исхудалое, осунувшееся, пожелтѣвшее какъ пергаментъ лицо Сергѣя Ивановича, на его ввалившіеся отъ горя и безсонной ночи глаза, на его безкровныя губы и дрожавшую челюсть, на его впавшіе виски съ сильно посѣдѣвшими волосами, — и его взяла жалость. Вотъ этотъ человѣкъ, стоящій передъ нимъ въ безсильной позѣ просителя, убитъ горемъ. Но горе еще впереди. Ужасное, злое горе. Михаилъ Истоминъ доживаетъ послѣдній день, можетъ быть — послѣднія минуты. Онъ приговоренъ. Приговоренъ не судомъ людскимъ, а Божьимъ. Не судьи приговорили его къ смерти, а врачи.

Начальникъ ничего не сказалъ объ этомъ Сергѣю Ивановичу, а просто, отобравъ отъ него бумагу прокурора, разрѣшилъ ему свиданіе даже безъ свидѣтелей.

Миша лежалъ на больничной койкѣ, въ грубомъ больничномъ бѣльѣ, и голова его покоилась на плоской, какъ блинъ, и грязноватой подушкѣ. Лицо его было блѣдно-желтое, словно покрытое тонкимъ слоемъ воска, и такъ же блестѣло, какъ воскъ. Хмурое утро зимняго дня глядѣло черезъ высокое окно, забранное толстой рѣшеткой, и бросало на его лобъ, на линію обострившагося носа и на сухія, запекшіяся губы голубовато-сѣрые, холодные блики. Волосы, точно слипшіеся, плотно прилегали къ головѣ и были всклокочены на вискахъ отъ безпрерывныхъ, безпокойныхъ движеній, которыя Миша дѣлалъ головой. Глаза его сдѣлались огромными, и черные круги, охватывавшіе ихъ и углублявшіе ихъ, увеличивали это впечатлѣніе огромности. Худыя, почти желтыя, костлявыя руки были высвобождены изъ-подъ одѣяла и нервно искали что-то на груди, какъ-то непроизвольно задерживаясь за рубаху. Грудь была полуоткрыта.

Когда-то здоровая, богатырская грудь теперь впала, ввалилась, словно ее придавили, притиснули камнемъ. На шеѣ, на тонкой цѣпочкѣ, висѣлъ образокъ и красное эмалевое яичко, которое подарила ему въ послѣднюю Пасху Катюша. Очевидно, онъ не разставался съ этими дорогими ему реликвіями даже въ послѣднее время, когда сдѣлался атеистомъ и революціонеромъ.

Эта подробность, которую не могъ не замѣтить Сергѣй Ивановичъ, такъ потрясла его, что онъ чуть не разрыдался.

Увидѣвъ подошедшаго къ нему отца, Миша широко открылъ глаза, метнулся головой въ сторону, и судорожно-болѣзненная улыбка тронула его губы.

И въ горестномъ ужасѣ отецъ искалъ смысла въ этомъ горячечномъ взорѣ и въ этой блѣдной улыбкѣ. Мучительно хотѣлось узнать ему, какой смыслъ таился въ этомъ взорѣ и этой улыбкѣ. Прощеніе, примиреніе, озлобленіе или тоска по загубленной жизни? И вдругъ ему показалось, что ничего этого не было, а было въ нихъ выраженіе равнодушнаго спокойствія. И отъ этого равнодушнаго спокойствія, отъ этого нежеланія жить, Сергѣю Ивановичу сдѣлалось страшно.

— Миша!—прошепталъ онъ, стараясь овладѣть собою.

— Папа, здравствуй! — хриплымъ голосомъ проговорилъ больной.

Свѣтлый лучъ радости освѣтилъ душу Сергѣя Ивановича.

Давно-давно Миша пересталъ называть его „папой“, и говорилъ ему при обращеніи „отецъ“, а чаще всего ничего не говорилъ.

— Миша, мальчикъ мой, родимый! Что съ тобой... зачѣмъ?

Но онъ почувствовалъ сразу всю неумѣстность, всю безтактность этихъ вопросовъ. И тщетно онъ старался мыслью поймать что-то бродившее въ сознаніи, чтобы сказать сыну что-нибудь достойное его предсмертнаго состоянія, что-нибудь огромное, цѣнное, важное. Но всѣ мысли, всѣ слова звучали такъ болѣзненно-банально передъ величіемъ смерти, надвигавшейся къ койкѣ Миши, что Сергѣй Ивановичъ въ безсиліи опустился на табуретъ, закрылъ лицо руками и беззвучно зарыдалъ.

И тутъ онъ оказался слабымъ, и тутъ, въ эту страшную и торжественную минуту, онъ не сумѣлъ овладѣть собой.

— Оставь, папа!—услышалъ онъ надъ собой голосъ, который показался ему голосомъ тѣни, а не человѣка.—Все прошло. Нашелъ меня—спасибо. Ты не думай, я въ сознаніи. Въ полномъ сознаніи. Это не страшно. Я умру, скоро умру... но это не страшно.

— Миша, родной, мальчикъ мой! Не говори такъ... не говори много. Ахъ, ты, Боже мой! Развѣ ты такъ плохо себя чувствуешь?

— Безнадежно. Пусто вездѣ. Въ головѣ, въ груди. Это ничего; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Право, лучше, папа.

Сергѣй Ивановичъ жадно вглядывался теперь въ искаженныя страданіемъ черты лица Миши. Какъ будто ему навѣки хотѣлось запечатлѣть эти мученическія черты.

— Мнѣ говорить не трудно,—продолжалъ Миша.—Дай поговорить!—вдругъ жалобнымъ, чисто дѣтскимъ звукомъ вырвалось у него.—Дай попить. Сохнетъ въ горлѣ.

Дрожащими руками Сергѣй Ивановичъ взялъ со столика стаканъ и подалъ ему.

„Можно ли? Можетъ, вредно?“ — промелькнуло у него въ мысляхъ. Но онъ тотчасъ же почувствовалъ всю нелѣпость этихъ сомнѣній. Теперь ему все можно.

Миша жадно прильнулъ губами къ стакану, на донышкѣ котораго оставалось немного мутной отъ лимона воды. И голосъ его сталъ чище, прозрачнѣе.

— Одинъ крикнулъ: „а вы пойдете?“ —заговорилъ онъ, точно былъ увѣренъ, что отецъ знаетъ, о чемъ онъ говоритъ. — И я отвѣтилъ: „я пойду“. И я пошелъ. Меня взяли на баррикадѣ... тогда взяли баррикаду. Я истекалъ кровью. Сопро... сопротивляться я не могъ. Я раненъ въ животъ и въ грудь. Я доказалъ, что пойду...

Онъ остановился; съ большими, мучительно болѣзненными усиліями, онъ сдѣлалъ вздохъ и заговорилъ снова.

Сергѣй Иваповичъ не останавливалъ его. Не все ли равно теперь? Что Миша умираетъ, это же ясно. Если ему доставляетъ удовольствіе—пусть говоритъ.

— До тѣхъ поръ,—говорилъ Миша,—пока меня не спросили, пойду ли я, я и самъ не зналъ... Но когда спросили и я отвѣтилъ, я уже зналъ, что навѣрно пойду. Ну, вотъ... Не я одинъ, насъ много. И будетъ еще больше.

Онъ замолчалъ.

Молчаніе длилось долго, становилось зловѣщимъ. Съ трепетнымъ страхомъ вглядывался Сергѣй Ивановичъ въ лицо Миши. И одинъ вопросъ мучилъ его до такой степени, что онъ не могъ не спросить:

— Миша, зачѣмъ ты пошелъ, мой любимый?

— Зачѣмъ? Ахъ, папа, такъ без... безпросвѣтно было жить, такъ скучно!.. Кругомъ загорѣлась новая, свѣтлая жизнь. А я ка-

зался себѣ мертвецомъ, никому ненужнымъ. И такъ захотѣлось подвига! Вѣдь подвигъ, папа, это все въ жизни. Подвига хотѣлось. И вотъ, я лежу здѣсь. Это не дорогая цѣна за подвигъ. И мамѣ всю жизнь хотѣлось подвига. Только она была слабая, больная и очень мучилась этимъ. Я усталъ...

Онъ закрылъ глаза и впалъ въ забытье. Очевидно, что-то огромное, тяжкое, страшное стало передъ его больнымъ, кошмарнымъ воображеніемъ, потому что онъ дѣлалъ усиленныя движенія руками, чтобы отстранить отъ себя это что-то грозно на него надвигавшееся. Но руки его были слабы и еле подымались отъ груди.

Въ лихорадочномъ бреду онъ заговорилъ:

— Новая жизнь!.. Россія хочетъ новой жизни. Новой жизни... Новая жизнь покупается смертью. Цѣна недорогая... А мы... э... эфемериды. Онъ сказалъ: иди! Кому-нибудь надо. Я ухожу, ухожу... Уйди! Зачѣмъ же сейчасъ?..

Онъ пробормоталъ еще нѣсколько словъ и вдругъ открылъ глаза. Туманъ холоднаго, хмураго утра прошелъ. Тамъ, за оголенными деревьями, черныя вѣтви которыхъ рисовались на переплетѣ чугунной рѣшетки, желтый лучъ блѣднаго зимняго солнца робко побѣждалъ бѣлесоватую мглу, осилилъ ее, пробрался черезъ окно въ эту палату тюремной больницы и ласково легъ на грудь умиравшаго.

— Это солнце? — въ безпамятствѣ, слабымъ голосомъ, въ которомъ звучали нотки неземной радости, спросилъ Миша.

Сергѣй Ивановичъ вздрогнулъ.

Вѣдь именно такъ спрашивала его въ послѣднія минуты жизни Катюша, которой тоже блеснуло въ глаза солнце, тоже блѣдное и робкой солнце, но зарождавшейся весны.

Это странное совпаденіе произвело на него больное впечатлѣніе.

И онъ отвѣтилъ Мишѣ, какъ тогда отвѣтилъ Катюшѣ:

— Да, милый, это солнце.

Миша пробормоталъ еще нѣсколько словъ. Рубашка его раздвинулась, и Сергѣй Ивановичъ увидѣлъ, что грудь его забинтована широкимъ марлевымъ бинтомъ.

Миша сильно закашлялся.

Прибѣжала сидѣлка, подставила тазъ, который достала подъ кроватью, къ его губамъ. Миша кашлялъ и выплевывалъ въ тазъ сгустки запекшейся крови. Одной рукой сидѣлка поддерживала его лобъ, другой держала тазъ.

Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ безпомощно, безсильно опустивъ

руки. Все болѣло и стонало въ его надорванной душѣ. Онъ боялся поднять глаза, боялся прислушиваться къ этому хриплому свисту, вырывавшемуся изъ груди его сына.

И когда онъ, наконецъ, поднялъ эти глаза, подъ властнымъ вліяніемъ какого-то страннаго чувства, задѣвшаго его душу точно ледянымъ крыломъ, то онъ увидѣлъ, какъ сидѣлка двумя пальцами одной руки придерживала вѣки Миши.

Лицо Миши было теперь сѣрое, безжизненное.

— Что это? Что? — казалось Сергѣю Ивановичу, что онъ крикнулъ, но слова эти вышли изъ его горла шопотомъ.

И тѣмъ же торжественнымъ шопотомъ прозвучалъ отвѣтъ сидѣлки:

— Кончился.

Она подержала еще вѣки Миши, пока они не застыли, потомъ широко перекрестилась и поцѣловала его въ лобъ.

Машинально, подражательно сдѣлалъ тѣ же движенія и Сергѣй Ивановичъ въ полномъ безсознаніи совершившагося. Лобъ Миши показался ему холоднымъ какъ слоновая кость.

Откуда-то пришелъ врачъ, косо оглядѣлъ Сергѣя Ивановича, ничего не сказалъ, поднялъ вѣки Миши, вглядѣлся въ нихъ и сказалъ сидѣлкѣ:

— Предупредите служителей, чтобы вынесли въ покойницкую. Пусть скажутъ смотрителю. Есть родственники? Вы?—обратился онъ къ Сергѣю Ивановичу.

— Я... отецъ.

Врачъ вдругъ смягчился.

— Надо благодарить судьбу. Все равно повѣсили бы или безсрочная каторга. Жизнь юноши была загублена. Лучше такъ.

Онъ поклонился и вышелъ изъ палаты.

Скоро силуэтъ его исчезъ въ длинномъ корридорѣ.

XIV.

— Вы говорите объ автономіи окраинъ? Какой вздоръ!

— Почему вздоръ? — выдержаннымъ и слегка надменнымъ тономъ спросилъ Всеволодъ Григорьевичъ своего оппонента.—Почему вздоръ, Александръ Ивановичъ?

Прудниковъ оглядѣлъ Александра Ивановича корректнымъ взоромъ; но въ самой глубинѣ его зрачковъ притаилось полупрезрительное выраженіе, никому не замѣтное, кромѣ Симы.

Ужъ Сима-то знала хорошо своего мужа, и въ ея красивыхъ

глазахъ мелькнулъ злобный огонекъ. Raccommodage съ мужемъ уже кончился нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и теперь она была въ періодѣ увлеченія Александромъ Ивановичемъ.

Многочисленные поклонники Серафимы Николаевны диву давались, когда распространился слухъ объ этомъ увлеченіи. Ничего особеннаго не было въ Александрѣ Ивановичѣ, кромѣ полноты тѣла и веселости нрава. Но Серафима Николаевна была „un monde en formation“, какъ ее удачно назвалъ Александръ Ивановичъ, и всѣ элементы, изъ которыхъ этотъ новый мірокъ долженъ былъ сложиться, находились еще въ расплавленномъ состояніи, бродили, кипѣли, кристаллизовались и испарялись, подчиняясь какому-то невѣдомому закону, и никто не зналъ, во что отольется, какія формы приметъ эта ярко-горящая звѣздочка.

Александръ Ивановичъ и Всеволодъ Григорьевичъ не любили другъ друга. Первый не могъ любить мужа Симочки уже по одному тому, что онъ былъ мужемъ; кромѣ того, онъ не любилъ его за то, что Прудниковъ былъ очень серьезнымъ, очень дѣловитымъ человѣкомъ, а это Александру Ивановичу казалось невѣроятно скучно. Менѣе всего въ жизни онъ переносилъ скуку и искренно удивлялся Симѣ, какъ она можетъ коротать дни („и ночи“,—прибавлялъ онъ въ интимномъ разговорѣ) съ такимъ черствымъ сухаремъ, „который можно разгрызть только хорошенько помочивши въ чаѣ“. Всеволодъ Григорьевичъ платилъ ему антипатіей за его вѣчное балагурство, благёрство и „неумныя выходки“, а въ глубинѣ души и за то, что имъ увлекалась жена. Впрочемъ, къ послѣднему обстоятельству онъ уже сталъ понемногу привыкать за шесть лѣтъ супружеской жизни, и въ спокойныя минуты спокойно говорить съ ней о ея увлеченіяхъ. Это вообще было оригинальное супружество.

На настойчивый вопросъ Всеволода Григорьевича Александръ Ивановичъ отвѣтилъ:

— Потому вздоръ-съ, что окраинамъ автономія не нужна.

— Вотъ какъ!

— Именно-съ. Финляндія ее имѣетъ. И даже не автономію, а конституцію. Царство Польское не имѣетъ автономіи ни въ Австріи, ни въ Германіи. Почему оно должно имѣть у насъ? Если мы дадимъ Польшѣ автономію, то этимъ подымемъ австрійскую и нѣмецкую Польшу и вызовемъ европейскую войну. Горючаго матеріала много. Можетъ быть, устроить армянское царство?

Всеволодъ Григорьевичъ передернулъ плечами.

— Хотя бы и такъ, — вѣжливо сказалъ онъ. — По моему,

государство не должно вмѣшиваться во внутреннія дѣла своихъ народностей. Это равносильно вотъ чему: я служу въ министерствѣ, какъ вамъ извѣстно, Александръ Ивановичъ. Я хожу на службу и исполняю свои обязанности со свойственнымъ мнѣ усердіемъ и добросовѣстностью. Такъ вотъ министерство пусть и требуетъ отъ меня исполненія моихъ повинностей. Но страшно бы было, еслибы мое начальство стало слѣдить, что у меня дѣлается дома, почему у меня служитъ лакей, а стулья разставлены такъ, а не иначе. Я бы сказалъ начальству: это не ваше дѣло. Вы вправѣ отъ меня требовать исполненія служебныхъ обязательствъ, но не больше. Остальное—дѣло внутренняго распорядка...

Всеволодъ Григорьевичъ говорилъ спокойно, методично, логично. Александру Ивановичу дѣлалось все скучнѣе и скучнѣе, и ему хотѣлось крикнуть: „Довольно, довольно, все давно понялъ“. Но онъ, конечно, не крикнулъ.

А Всеволодъ Григорьевичъ продолжалъ:

— Вотъ почему, разъ мы коснулись армянскаго вопроса, я не понимаю, почему армяне не могутъ соорганизоваться во что угодно и какъ угодно, если они будутъ исправно платить подати, исполнять воинскую повинность и вообще нести всѣ обязанности гражданина.

Въ глазахъ Александра Ивановича забѣгали веселые огоньки.

— Все это разговоры... (эта фраза шокировала Всеволода Григорьевича, который криво, но вѣжливо улыбнулся). Армяне терпѣть не могутъ другъ друга; каждый готовъ перегрызть горло другъ другу. Это мнѣ напоминаетъ анекдотъ.

Всеволодъ Григорьевичъ приподнялъ къ потолку свои взоры съ выраженіемъ: „Ахъ, опять анекдотъ!“—но тотчасъ же превратился въ слухъ и вниманіе къ гостю, со всей свойственной ему корректностью.

— Послушаемъ,—сказалъ онъ.

— Одинъ армянинъ, Карапетъ, очень угодилъ Богу, — началъ Александръ Ивановичъ.—Не могу вамъ сказать, Всеволодъ Григорьевичъ, какъ и чѣмъ, но это все равно. Вотъ Богъ и говоритъ ему: „Карапетъ! Ты мнѣ очень угодилъ, и проси у меня, чего хочешь. Но знай: все, что ты у меня попросишь, я тебѣ дамъ, но брату твоему дамъ вдвое“. Хорошо. Задумался Карапетъ и говоритъ: „Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ подумать до завтра“.—„Подумай, Карапетъ“,—говоритъ Богъ.—Вотъ Карапетъ приходитъ завтра и говоритъ:—„Я надумалъ, Господи, что просить у тебя“. — „Отлично, — говоритъ Богъ,—сказывай“.—„Господи!—взмолился Карапетъ:—выколи мнѣ глазъ“.

Всѣ сидѣвшіе въ гостиной засмѣялись, но прежде всѣхъ и громче всѣхъ самъ Александръ Ивановичъ. Даже Всеволодъ Григорьевичъ удостоилъ анекдотъ блѣдной улыбкой. Весело хохотала и Сима, благодарнымъ взоромъ смотря на Александра Ивановича. Дѣйствительно, въ скучный политическій разговоръ онъ внесъ живительную струю веселой шутки. Сима уже давно скрывала скуку и втайнѣ позѣвывала, но теперь ей стало весело.

Когда смѣхъ умолкъ, Всеволодъ Григорьевичъ сдѣлалъ резюме:

— Анекдоты, какъ бы они забавны ни были, ничего не доказываютъ,—сказалъ онъ.

— Да, да, конечно,—согласился Александръ Ивановичъ, которому политика была противна.—Но, господа, для удовлетворенія нашего почтеннаго хозяина, я весьма откровенно заявляю, что я плохой политикъ и мало что понимаю въ этихъ вопросахъ. Догадываюсь: вы хотите спросить,—обратился онъ къ Всеволоду Григорьевичу,—зачѣмъ я суюсь въ такомъ случаѣ?

— Помилуйте, я и не думалъ...

— Это все равно. Мое credo заключается въ слѣдующемъ: я хочу видѣть Россію вполнѣ оправившеюся послѣ злосчастной войны, съ возрожденной арміей и флотомъ, съ сытымъ и просвѣщеннымъ мужикомъ, съ обезпеченнымъ рабочимъ, съ сильной интеллигенціей, съ порядочнымъ правительствомъ, съ хорошими законами и настоящей культурой. Это—программа либеральная, не правда ли? Но вотъ какъ этого всего достигнуть—не знаю. Не политикъ я. Мы—наканунѣ открытія Думы. Прекрасно, если Дума все это намъ дастъ,—да благо ей будетъ и да многолѣтняя она будетъ на земли. Если для этого нужна автономія народностей—привѣтствую и это. Политикой я никогда не занимался и заниматься не способенъ. А посему умолкаю.

Въ гостиную вошелъ Сергѣй Ивановичъ. Кое-кто переглянулся. Сима страшно растерялась, но на одно мгновеніе—и переглянулась съ мужемъ. Всеволодъ Григорьевичъ всталъ и привѣтливо, съ обычной своей корректностью, пошелъ ему навстрѣчу.

Сергѣй Ивановичъ былъ знакомъ со всѣми. Онъ поцѣловалъ руку Симы, поздоровался со всѣми и, выбравъ уголокъ, усѣлся въ сторонкѣ.

У него былъ растерянный, взвинченный, взволнованный видъ. Онъ сильно постарѣлъ, окончательно посѣдѣлъ и похудѣлъ ужасно. Нездоровьемъ и угнетеньемъ вѣяло отъ всей его сутуловатой, сгорбленной фигуры.

Зачѣмъ онъ пришелъ сюда? Онъ и самъ не умѣлъ отвѣтить

на этотъ вопросъ. Два съ половиною мѣсяца послѣ своего возвращенія изъ Москвы, гдѣ онъ похоронилъ сына, онъ провелъ взаперти у себя, ликвидируя дѣла. Ему ни съ кѣмъ не хотѣлось видѣться, ни съ кѣмъ говорить, ни съ кѣмъ встрѣчаться. И вдругъ въ этотъ весенній вечеръ его неудержимо потянуло вонъ изъ дому.

Но куда идти? Онъ растерялъ всѣ свои знакомства, всѣ связи. Съ Симой романъ кончился съ того памятнаго осенняго вечера, когда они такъ странно свидѣлись послѣ долгой разлуки и такъ странно разстались. Романъ! Какъ странно, какъ дико звучало для него теперь это слово. Онъ — герой романа! Это былъ какой-то чадъ, какой-то угаръ, что-то совершенно неестественное и нелѣпое. Развѣ жизнь — романъ? Жизнь — крестъ, наложенный на плечи, который надо нести до неизвѣстнаго пункта Голгоѳы, неизвѣстное количество времени съ неизвѣстною цѣлью. И когда настанетъ часъ, надо сложить этотъ крестъ, чтобы отдать душу... Богу, дьяволу или ни тому, ни другому, а Небытію. Такъ несла свой крестъ Катюша, такъ несъ его Миша и такъ несетъ его онъ. До романовъ ли тутъ! Только бы время было передохнуть.

Но его вдругъ потянуло къ Симѣ, и онъ пошелъ.

— Давно, давно васъ не видѣли, — ласково говорилъ ему Всеволодъ Григорьевичъ, съ горькимъ недоумѣніемъ вглядываясь въ его жалкую фигуру.

Всеволодомъ Григорьевичемъ владѣло сложное чувство. Онъ когда-то дружилъ съ Истоминымъ, потомъ они разошлись безъ сценъ и рѣзкостей изъ-за его явнаго увлеченія Симой. Теперь Всеволоду Григорьевичу было жалко этого жалкаго человѣка и досадно за него, что онъ такъ поддался ударамъ судьбы, обнаруживъ слабость духа и воли. И неужели же Сима, съ ея больной фантазіей и развращеннымъ воображеніемъ, могла увлекаться вотъ этимъ желтымъ, какъ пергаментъ, человѣкомъ съ дикоблуждавшими взорами?

— Да, давно,—глухимъ голосомъ отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ.—Очень давно.

Отъ долгаго молчанія ему хотѣлось говорить. Нѣкоторые изъ присутствующихъ незамѣтно наблюдали за Симой, кое-что зная изъ ихъ отношеній. Но Сима давно уже оправилась. Ей было до боли жалко Сергѣя Ивановича, и она участливо и заботливо глядѣла на него и мягко говорила съ нимъ. Но сердце ея молчало и прежняго чувства и въ поминѣ не было. Оно улетучилось, какъ дымъ, за время его лѣтняго пребыванія въ имѣніи матери, а послѣднее свиданіе осенью порвало все и навсегда.

Неожиданно для самого себя, онъ вдругъ заговорилъ.

И всѣ вдругъ притихли и прислушались. Въ выраженіи лица Сергѣя Ивановича, въ самомъ звукѣ его голоса, въ его нервной манерѣ было что-то до такой степени глубокое и серьезное, что нельзя было отнестись легкомысленно къ его желанію говорить. Всѣмъ чувствовалось, что онъ скажетъ нѣчто значительное.

— Пока взойдетъ солнце, роса глаза выѣстъ!.. Что дѣлать съ собой всѣмъ этимъ людямъ? Переходъ слишкомъ крутъ и требуетъ слишкомъ много жертвъ. Вотъ и изображайте это переходное время съ этими переходными людьми. Ихъ много. Не я же одинъ! Ихъ — поколѣніе. При прежнемъ режимѣ имъ было узко, тѣсно, не по себѣ; при новомъ—они оказались неприспособленными, лишними. И прежде писали о „лишнихъ людяхъ", но это было не то. Вотъ поколѣніе истинно лишнихъ людей. Ихъ много. Они привыкли брюзжать, критиковать. А критическій умъ не можетъ быть творческимъ. Онъ слишкомъ анализируетъ, а творчество требуетъ синтеза. Пусть всѣ эти люди уйдутъ. И когда они уйдутъ, очистится поле дѣйствія.

— Я хотѣлъ бы сказать...

— Вы скажете позже,—рѣзкимъ, повышеннымъ тономъ остановилъ собесѣдника Сергѣй Ивановичъ.

Онъ сознавалъ всю безтактность затѣяннаго разговора, сознавалъ, что ставитъ присутствующихъ въ неловкое положеніе, но что-то властнѣе его толкало его на эту выходку.

— Но... надо жить! Кто-то сказалъ эти два нелѣпыхъ слова, и вотъ мы живемъ. Зачѣмъ надо, кому надо? Кому нужна моя жизнь? Изъ моей жизни ушло все, все, что было мнѣ дорого...

Сима невольно отвернулась и опустила взоры на коверъ. Голосъ Сергѣя Ивановича дрогнулъ.

— Вокругъ меня—безплодная пустыня. Говорятъ: взойдетъ солнце. Оно будетъ не для меня. Потому что солнце свѣтитъ живымъ, а не мертвымъ. Солнце мертвыхъ — другое солнце и свѣтитъ иначе. Я былъ въ городѣ мертвыхъ. Тамъ тишина, покой, вѣчный покой. Говорю вамъ—насъ много. То-есть, лишнихъ людей. Намъ нужно уйти. И хотя насъ цѣлое поколѣніе, но эвакуація совершится скоро. Что такое поколѣніе передъ лицомъ времени? Мы...

Онъ запнулся, потомъ вдругъ надорваннымъ высокимъ голосомъ, въ которомъ чувствовались слезы, сказалъ:—Мы эфемериды... подёнки. Жизни нашей—день, и этотъ день прошелъ...

Онъ закрылъ глаза рукой, потомъ встряхнулъ головой и оглядѣлъ присутствующихъ.

Всѣ старались не глядѣть на него, потому что всѣ были смущены и всѣми овладѣло жуткое чувство.

— Простите... — уже спокойнымъ голосомъ, составлявшимъ рѣзкій контрастъ съ прежнимъ, сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—Я что-то наговорилъ здѣсь. Мнѣ не слѣдовало бы показываться въ обществѣ. Ради Бога, простите меня!

Онъ всталъ, сдѣлалъ общій поклонъ и пошелъ къ дверямъ. Всеволодъ Григорьевичъ кинулся за нимъ.

— Куда вы?—мягко остановилъ онъ его, взявъ за руку.— Посидите съ нами.

Сима тоже встала и догнала ихъ.

— Я провожу его,—шепнула она мужу,—оставь насъ.

Тотъ отошелъ.

Они вышли въ будуаръ. Здѣсь Сима остановила Сергѣя Ивановича и сказала ему своимъ милымъ, ласково зазвучавшимъ голосомъ:

— Сергѣй... что съ тобой?

Она не нашла ничего другого, что бы сказать ему.

— Ты боленъ? Ты въ скверномъ настроеніи?

Онъ желчно улыбнулся.

— Въ отличнѣйшемъ. Все такъ идетъ прекрасно: Кати нѣтъ, Миша умеръ, ты ушла, и такой просторъ вокругъ, что прямо не знаешь, куда себя дѣть. Нѣтъ, отчего мнѣ быть не въ духѣ? Тучи проходятъ, впереди солнце, какъ вы всѣ тамъ обсуждаете. Прости, что нарушилъ своимъ дикимъ появленіемъ ваши политическіе разговоры. Нѣтъ, нѣтъ, я чувствую себя прекрасно. Вы освободили меня отъ всѣхъ путъ, отъ всѣхъ долговъ: благодарности, преданности, любви. Я—одинъ—и на свободѣ. Теперь освобождаю себя отъ матеріальныхъ путъ: землю отдаю крестьянамъ, обстановку продаю и тогда сдѣлаюсь похожимъ на воздушный шаръ—безъ всякаго багажа и груза. Можетъ быть, залечу подъ облака высоко-высоко, къ самому солнцу... Ахъ, прости, я опять заговариваюсь.

— Ты боленъ, Сергѣй. Тебѣ надо поѣхать заграницу. Встряхнуться, полечиться. Ты поѣдешь—да? Возвращайся—вся жизнь у тебя впереди.

Она говорила участливо, нѣжно, какъ говоритъ любящая мать съ больнымъ ребенкомъ. Она даже погладила его по плечу.

Но онъ отстранился отъ нея.

— Оставь меня, Сима! — наружно спокойно проговорилъ онъ. — Если я сказалъ, что я освободился — такое ужъ освободительное время!—усмѣхнулся онъ,—то я освободился отъ всего.

Отъ всѣхъ *обмановъ*. — Онъ голосомъ подчеркнулъ послѣднія слова. — И отъ тебя въ томъ числѣ.

— Развѣ я тебя обманывала?

Онъ поморщился.

— Ахъ, ты меня не поняла! — сказалъ онъ. — Не ты меня обманывала, а ты была моимъ самымъ жестокимъ обманомъ жизни. И вся жизнь состоитъ изъ обмановъ. Ты была красивымъ обманомъ — и только. Иди въ свою говорильню. Теперь время словъ. Наше время было временемъ безмолвія. Печать молчанія была на устахъ нашихъ. Отъ долгаго молчанія захотѣлось говорить. Наступилъ часъ. Нынѣшніе люди будутъ людьми слова. Они будутъ говорить. Но ихъ вѣкъ будетъ кратокъ — они тоже лишь политическіе эфемериды. А потомъ будутъ люди дѣла. Тогда настанетъ счастливое для Россіи время. Ну, а теперь прощай.

Онъ нагнулся, поцѣловалъ ей руку и исчезъ.

Выйдя изъ подъѣзда, онъ не взялъ извозчика, а пошелъ пѣшкомъ. Стоялъ бѣлый весенній вечеръ, томительно блѣдный, безцвѣтный, въ которомъ очертанія таяли и сливались съ его бѣлесоватой мутью.

По улицѣ гремѣли колеса извозчичьей пролетки. Кто-то кричалъ:

— Стой, стой!

Звукъ колесъ остановился.

Сергѣй Ивановичъ поднялъ голову.

Къ нему съ распростертыми объятіями бѣжалъ Петръ Петровичъ. Въ коляскѣ оставалась сидѣть дама.

Сергѣй Ивановичъ машинально взглянулъ на нее. Что-то знакомое мелькнуло ему въ ея фигурѣ. На головѣ ея неловко сидѣла шляпка съ блѣдными розами.

— Здравствуйте, здравствуйте, Сергѣй Ивановичъ! — заговорилъ Петръ Петровичъ, тряся ему руку съ такой энергіей, словно хотѣлъ оторвать ее и унести съ собою. — Вотъ встрѣча! Кто это, думаю, шагаетъ такъ задумчиво въ весенній вечеръ по стогнамъ Петрограда? Эге, да это самъ Сергѣй Ивановичъ!

— Почему „самъ“?

— Ну, это такъ. Дайте-ка посмотрѣть. Тц! Э-э-э! Нехорошо-съ...

— Что нехорошо? — досадливо спросилъ Сергѣй Ивановичъ, которому эта встрѣча была почему-то очень непріятна.

— Видъ нехорошъ-съ. Помните, въ паркѣ у маменьки — царствіе ей небесное! — я говорилъ: taedium vitae? А теперь это

прогрессировало. Вамъ бы на вольный воздухъ, на кислыя воды или на теплыя моря. Что, больны? — озабоченно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего.

— А что же? — Но Петръ Петровичъ вдругъ вспомнилъ о трагической судьбѣ Миши и смутился.—Да-а! — протянулъ онъ и постарался перемѣнить разговоръ. — Чреватое время, да-а... А я выбранъ въ Думу. Вотъ оно какъ! Не шутите-съ.

Веселый тонъ не выходилъ у него; его смущало мрачное, строгое и холодное выраженіе лица Сергѣя Ивановича, который стоялъ передъ нимъ съ такимъ видомъ, какъ будто желалъ вырваться изъ тисковъ. Онъ не зналъ, какой тонъ взять съ Петромъ Петровичемъ и что ему сказать. И не нашелъ ничего лучшаго, какъ указать на коляску.

— Но... васъ ждетъ дама, Петръ Петровичъ...

— Это не дама,—отвѣтилъ тотъ, засмѣявшись:—это... Агаша. Помните Агашу?..

— Какъ-же, какъ-же,—торопливо проговорилъ Сергѣй Ивановичъ и сталъ прощаться. — Простите, мнѣ некогда, я очень тороплюсь.

Веселый, жизнерадостный Петръ Петровичъ былъ нѣсколько озадаченъ. Онъ думалъ встрѣтить другой пріемъ. Но онъ пожалъ руку и на ходу, направляясь къ пролеткѣ, говорилъ:

— Я-то думалъ, что умъ у меня не государственный,—онъ ошибся. Избрали! Поклонись же, Агаша! Ну, ужъ вашъ Питеръ! Чудовищный городъ. Развѣ это весна? Развѣ это вечеръ? Поддѣлка! Поддѣлка подъ весну и подъ вечеръ. Прощайте! Увидимся?

Но колеса уже загремѣли снова, а высокій, хотя и согнувшійся въ спинѣ силуэтъ Сергѣя Ивановича сливался съ свѣтотьмою весенняго вечера и скоро совсѣмъ исчезъ въ немъ, точно растаялъ въ этой бѣлесоватой полумглѣ.

Вал. Свѣтловъ.

ИВ. АЛ. ГОНЧАРОВЪ

И

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ

„Лѣтопись“ — „Автобіографія“ — Переписка.

I.

15-го сентября 1906 года исполнилось пятнадцать лѣтъ со дня смерти Ивана Александровича Гончарова. День этотъ ничѣмъ не былъ отмѣченъ въ нашей печати; не появилось, — какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, — ни воспоминаній о личности покойнаго писателя, ни статей, посвященныхъ выясненію его историко-литературнаго значенія. Между тѣмъ, для изученія его творчества и для его біографіи сдѣлано гораздо менѣе, чѣмъ въ отношеніи кого-либо другого изъ выдающихся представителей „группы беллетристовъ сороковыхъ годовъ“. Особенно это нужно сказать объ его біографіи, несмотря на то, что для пониманія сущности художественнаго творчества Гончарова болѣе, чѣмъ какого-либо другого писателя, необходимо знаніе его личной жизни и окружавшей его среды.

По опредѣленію самого Гончарова, процессъ художественнаго творчества заключается въ созданіи „правдоподобія природы и жизни“, въ ихъ отраженіи [1]). Онъ относилъ себя къ категоріи художниковъ, у которыхъ преобладаетъ „безсознательное

[1]) Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова. Спб. 1899, т. I, стр. 48.

творчество", т.-е. которые больше всего увлекаются,—какъ это было замѣчено о немъ еще Бѣлинскимъ,—„своею способностью рисовать" (I, 36—37). Здѣсь сказывается „невидимое для самого художника, инстинктивное воплощеніе перомъ-кистью тѣхъ или другихъ эпохъ жизни, которыхъ судьба поставила его участникомъ или свидѣтелемъ" (I, 78), отраженіе ихъ въ „изображеніяхъ, сценахъ, мелкихъ явленіяхъ и т. д." (I, 39). При этомъ художникъ не даетъ въ своихъ произведеніяхъ „правды дѣйствительности", не переноситъ въ нихъ явленій „цѣликомъ изъ жизни", а создаетъ *подобія* этой правды, „т.-е. наблюдаемая имъ правда отражается въ его фантазіи". Наряду съ *фантазіей* Гончаровъ ставитъ здѣсь еще любовь къ изображаемому, которую художникъ можетъ имѣть лишь къ тому, что онъ хорошо знаетъ, что „непосредственно наблюдалъ вблизи" (I, стр. 48; XII, 162).

Эти теоретическія воззрѣнія явились у Гончарова, какъ результатъ его наблюденій надъ самимъ собою, надъ собственнымъ творчествомъ, и выражены въ статьѣ: „Лучше поздно, чѣмъ никогда", написанной имъ тогда, когда уже былъ законченъ циклъ его трехъ романовъ, т.-е. когда былъ исполненъ главный трудъ жизни его, какъ художника. „Pro domo sua" онъ говоритъ:—„Напрасно нѣкоторые предлагали мнѣ задачи для романа: „Опишите такое-то событіе, такую-то жизнь, возьмите тотъ или другой вопросъ, такого-то героя или героиню!"—Не могу, не умѣю! *То, что не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ*, чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ,—то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунтъ, какъ есть своя родина, свой родной воздухъ, друзья и недруги, свой міръ наблюденій, впечатлѣній и воспоминаній,—и я писалъ только то, *что переживалъ, что мыслилъ, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ* — словомъ, писалъ и *свою жизнь, и то, что къ ней прирастало*" [1]).

Собственная личность писателя, его психологія и жизнь, и—говоря словами Тэна—среда и историческій моментъ составляютъ главное содержаніе произведеній Гончарова. „Я *самъ*,—говоритъ онъ,—и *среда*, въ которой я родился, воспитывался, жилъ—все это, помимо моего сознанія, само собою отразилось силою рефлексіи у меня въ воображеніи" (I, 39).

Впечатлѣнія дѣтства и юности всегда сильны, глубоки, оставляютъ наиболѣе замѣтные слѣды въ духовной жизни человѣка, налагаютъ неизгладимую печать на его интеллектуально-

[1]) I, 90. Курсивъ автора.

моральный обликъ. И на творчествѣ Гончарова сильнѣе всего отразилась среда, которая окружала его на родинѣ, въ Симбирскѣ, гдѣ онъ родился, провелъ первыя десять лѣтъ жизни, служилъ нѣкоторое время по окончаніи университетскаго курса и куда онъ пріѣзжалъ, какъ въ годы своего ученья въ Москвѣ — на каникулы, такъ и впослѣдствіи изъ Петербурга. И затѣмъ, постоянно живя въ Петербургѣ, онъ не порывалъ своихъ отношеній къ Симбирску: переписка съ жившими здѣсь родственниками и пріѣздъ послѣднихъ въ столицу связывали его съ любимой „Обломовкой“, давшей главный матеріалъ для его произведеній и „снабдившей его на всю жизнь запасомъ рѣзко опредѣленныхъ, художественныхъ цѣлостныхъ впечатлѣній“ [1]). Даже во время своего путешествія на „Палладѣ“, за тысячи верстъ отъ родины, въ *чужой* средѣ, онъ вспоминаетъ *свое*: — „Увижу новое, чужое, и сейчасъ въ умѣ прикину на свой аршинъ... Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго я бы ни заѣхалъ, *я всюду унесу почву родной Обломовки*, и никакіе океаны не смоютъ ея“ (V, 81).

Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,

— они не могли изгладить изъ его памяти близкаго его сердцу края. „Да Богъ съ ними — „этими воплями природы“, этими „спящими силами, ядовито издѣвающимися надъ гордой волей человѣка“; однообразныя картины родного Поволжья милѣе и ближе. Онѣ ласковѣе относятся къ человѣку, не раздражаютъ, не грозятъ ему ежеминутно гибелью, въ нихъ есть что-то даже материнское“.

На мѣстный, провинціальный характеръ своихъ персонажей указываетъ самъ Гончаровъ: — „Можетъ быть, оттого, между прочимъ, мои лица не кажутся другимъ такими, какими я разумѣлъ ихъ, что всѣ эти портреты, типы — *слишкомъ мѣстные*, вышедшіе изъ небольшого приволжскаго угла, и потому не всѣмъ, живущимъ на разбросанныхъ пространствахъ Россіи, близко извѣстны, и, наконецъ, развѣ и потому еще, что въ нихъ сквозитъ много *близкаго и родного автору*, и замѣтно пробивается кровная его *любовь* къ нимъ. — Да, можетъ быть, и такъ: дѣйствительно много личнаго, интимнаго, т.-е. своего, и себя самого, вложено авторомъ туда!“ (I, 79).

---

[1]) *Е. А. Соловьевъ.* И. А. Гончаровъ. Біографическій очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. С.-Петербургъ, 1895, стр. 11.

Особенно это относится къ главнымъ произведеніямъ Гончарова — „Обломову“ и „Обрыву“, „куда уложилась и вся (его) собственная, и много другихъ жизней“ (I, 89).

Отмѣчаемая критикой „яркая жанровая колоритность“ [1]) перваго изъ этихъ романовъ обусловлена наблюденіями автора надъ „обломовщиной“, т.-е. „беззаботнымъ житьемъ-бытьемъ, бездѣльемъ и лежаньемъ“, „картиной сна и застоя“, которую видѣлъ онъ вокругъ себя въ дѣтствѣ и которую нашелъ въ родномъ городѣ по окончаніи курса въ университетѣ“ (XII, 67).

Еще болѣе тѣсную связь съ Симбирскомъ имѣетъ его „Обрывъ“. Въ трехъ верстахъ отъ города находится *Киндяковка*, — имѣніе, принадлежавшее во времена Гончарова помѣщику Киндякову. Сохранилось извѣстіе, подтверждаемое и Г. Н. Потанинымъ [2]), что Гончаровъ, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ изъ Петербурга, провелъ лѣто на дачѣ, въ усадьбѣ Киндякова, не говоря уже о томъ, что бывалъ здѣсь и ранѣе, такъ какъ Киндяковская роща является лучшимъ мѣстомъ для загородныхъ прогулокъ симбирскихъ жителей. Эта усадьба, рядомъ съ деревней, на опушкѣ лѣса, съ садомъ по скату къ Волгѣ и страшнымъ обрывомъ [3]), и является мѣстомъ дѣйствія романа „Обрывъ“. Здѣсь именно — „съ одной стороны, Волга съ крутыми берегами и Заволжьемъ; съ другой — широкія поля, обработанныя и пустыя, овраги, и все это замыкается далью синѣвшихъ горъ. Съ третьей стороны, видны села, деревни и часть города (VIII, 72). „Обрывъ“ задуманъ авторомъ въ 1849 году, когда онъ, послѣ четырнадцатилѣтняго отсутствія, пріѣхалъ повидаться съ родственниками на Волгу. „Тутъ, — разсказываетъ онъ, — хлынули ко мнѣ старыя, знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившій патріархальный бытъ, и вмѣстѣ новые побѣги, смѣсь молодого со старымъ. *Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ* [4]), *воспоминанія дѣтства* — все это залегло мнѣ

---

[1]) *С. А. Венгеровъ.* Біографическій очеркъ: „И. А. Гончаровъ“, предпосланный 1-му тому сочиненій Гончарова, стр. 24.

[2]) *Г. Н. Потанинъ.* Воспоминанія объ И. А. Гончаровѣ. „Историческій Вѣстникъ“, 1903 г., № 4, стр. 117.

[3]) Кромѣ страшныхъ разсказовъ объ *обрывѣ*, сохранилась легенда о трагической судьбѣ женщины, связанная съ большой, круглой каменной *бесѣдкой*, которая, полуразвалившись, до сихъ поръ стоитъ въ Киндяковской рощѣ.

[4]) *Родной воздухъ* нужно понимать здѣсь въ буквальномъ смыслѣ „воздухъ нагорнаго берега Волги“, особенности котораго Гончаровъ постоянно помнилъ. „На Мадерѣ,—разсказываетъ онъ въ „*Фрегатѣ Палладѣ*“,— я чувствовалъ ту же *свѣжесть и прохладу* волжскаго воздуха, который пьешь, какъ чистѣйшую ключевую воду“... (V, 117). Въ „Обрывѣ“, Райскій, по пріѣздѣ на родину, нашелъ „воздухъ

въ голову и почти мѣшало кончать „Обломова“ (I, 38). На него, „какъ будто сонъ, слетѣлъ весь планъ романа“ (I, 53). На первомъ планѣ явилась во весь ростъ *Бабушка*, потомъ *Вѣра*, *Райскій*, послѣ *Марѳинька*, *Козловъ* съ женой... дворня, садъ съ обрывомъ“ (I, 48). Лица первой части этого романа вышли, по объясненію автора, блѣдны потому, что, описывая ихъ, онъ „торопился и смотрѣлъ дальше въ глубину романа“. „Меня влекли, — продолжаетъ онъ, — уже близкія мнѣ лица и мѣста, гдѣ я родился и выросъ: и тѣ лица — *бабушки и внучекъ*, *всего провинціальнаго люда* и дворни — и вся обстановка, по отзывамъ всѣхъ, вышли у меня живѣе“ (I, 56).

При такомъ значеніи событій личной жизни Гончарова для его творчества, одною изъ задачъ исторіи литературы является безпристрастное изученіе „всей суммы данныхъ, въ которыхъ жилъ и развивался писатель“ [1]).

И только недостаточность объективныхъ данныхъ этого рода ставитъ изслѣдователей въ необходимость широко и даже почти исключительно пользоваться „автобіографическимъ наслѣдствомъ, даннымъ въ его сочиненіяхъ“ [2]). Но какую бы высокую цѣнность ни имѣлъ этотъ матеріалъ, пользованіе только имъ однимъ не можетъ дать точныхъ выводовъ объ отношеніи творчества Гончарова къ конкретной жизни, — объ отношеніи *былого* къ *думамъ*, Wahrheit къ Dichtung.

Въ его произведеніяхъ мы имѣемъ дѣло не съ конкретными фактами, а съ обобщеніями, не съ жизнью, въ ея непосредственномъ проявленіи, а съ ея художественнымъ синтезомъ. Правда, Гончаровъ далъ ключъ для пониманія его творчества въ статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ и въ „Воспоминаніяхъ“. Но первая статья представляетъ собою критическій разборъ авторомъ своихъ произведеній, — разборъ, съ которымъ во многомъ можно не соглашаться. „Воспоминанія“ имѣютъ несомнѣнное автобіографическое значеніе. Но если вообще автобіографія не замѣняетъ біографіи, то это особенно нужно сказать объ автобіографіи Гончарова, которая является результатомъ того же самаго художественнаго творчества, объясненію котораго могли бы служить біографическія данныя. Во вступленіи ко второй части „Воспоминаній“, озаглавленной „На родинѣ“, авторъ объяс-

свѣжій, *прохладный*, отъ котораго, какъ отъ лѣтняго купанья, пробѣгаетъ по тѣлу дрожь бодрости“ (VIII, 72).

[1]) *Евг. Ляцкій*. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Критическіе очерки. Спб. 1904, стр. 243.

[2]) Тамъ же, стр. 36.

няетъ: — „Это не мемуары какіе-нибудь, гдѣ обыкновенно описываются историческія лица, событія, и гдѣ требуется строгая фактическая правда... Это и не плодъ только моей фантазіи, потому что тутъ есть и правда, и, пожалуй, если хотите, все правда. Фонъ этихъ замѣтокъ, лица, сцены, большею частью, типически вѣрны съ натурой, а иныя взяты прямо съ натуры... По одной какой-нибудь выдающейся чертѣ въ характерѣ той или другой личности, или событія, фантазія старается угадывать или дорисовывать остальное... Все описываемое въ нихъ не столько *было*, сколько—*бывало*. Другими словами, я желалъ бы, чтобы въ нихъ искали не голой правды, а *правдоподобія*, и буду доволенъ, если таковое найдется“ (XII, 45—46).

Такимъ образомъ, авторъ „Воспоминаній“ имѣлъ цѣлью дать не фактическую правду, которая нужна его біографу, а лишь правду типическую, художественную,—а это „не одно и то же“ (I, 81). А потому съ „историческими событіями и лицами“ онъ обращается довольно свободно. Такъ, въ названномъ очеркѣ „На родинѣ“ фигурируетъ, между прочимъ, нѣкто Бравинъ, предводитель дворянства, другъ Якубова-Трегубова, „веселый собесѣдникъ и юмористъ“. Авторъ разсказываетъ, что послѣ 14 декабря 1825 года, Бравина, какъ предсѣдателя масонской ложи, отвезли въ Петербургъ, забравъ его переписку. „Бравинъ былъ въ перепискѣ съ заграничными масонами и, вѣроятно, былъ не чуждъ не однѣхъ только всѣмъ открытыхъ, благотворительныхъ, но и политическихъ цѣлей, какія входили въ секретный кругъ дѣятельности, какъ видно, иностранныхъ и русскихъ масонскихъ ложъ“... На вопросъ Гончарова о пребываніи его въ Петербургѣ, Трегубовъ сообщилъ ему, что Бравина „продержали тамъ около полугода, потомъ отпустили.—Воротился весь синій, даже почернѣлъ: его, слышно, подвергли тамъ секретно тѣлесному наказанію“. Далѣе, говоря о томъ, что послѣ 14 декабря „всѣ напуганные масоны и не-масоны, тогдашніе либералы, вслѣдствіе крутыхъ мѣръ правительства, приникли, притихли, быстро превратились въ ультра-консерваторовъ, даже шовинистовъ, и при всякомъ случаѣ заявляли о своей преданности престолу и отечеству“,—авторъ продолжаетъ:—„Напримѣръ, Бравинъ хвастался мнѣ, что брильянты отъ пожалованнаго ему, уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ 14 декабря, перстня онъ раздѣлилъ между нѣсколькими своими дочерями, чтобы у каждой осталось воспоминаніе о „милости“.“—Въ общемъ, въ изображеніи Гончарова, Бравинъ производитъ впечатлѣніе довольно ничтожной фигуры. Между тѣмъ, подъ этимъ псевдонимомъ описанъ имъ

князь М. М. Баратаевъ, замѣчательный человѣкъ своего времени. Дѣйствительно, веселый, общительный, онъ въ то же время былъ „любитель наукъ", избранный—за сочиненіе „Нумизматическіе факты грузинскаго царства"—членомъ Французской академіи и другихъ европейскихъ академій. Какъ общественный дѣятель, онъ сдѣлалъ у себя на родинѣ много полезнаго. Учредитель симбирской масонской ложи „Ключъ къ добродѣтели", онъ находился въ сношеніи съ нѣкоторыми членами общества „соединенныхъ славянъ", прикосновенными къ возстанію 14 декабря. „Знакомство это было причиною вызова его въ Петербургъ и ареста Баратаева, черезъ три недѣли выпущеннаго" [1]).

Описывая испугъ и пришибленность провинціальнаго общества тридцатыхъ годовъ, нашъ авторъ освѣщаетъ личность Баратаева-Бравина односторонне, останавливаясь на нѣкоторыхъ чертахъ его характера, подчеркивая ихъ съ особенною рельефностью, при чемъ сознательно или безсознательно грѣшитъ противъ *исторической правды*. Для біографа же Гончарова имѣетъ огромную цѣнность правда *фактическая*, и въ данномъ случаѣ—правда о Баратаевѣ, съ которымъ, какъ съ однимъ изъ немногихъ близкихъ къ Трегубову людей, онъ часто встрѣчался въ Симбирскѣ, и общеніе съ которымъ, какъ съ человѣкомъ глубоко образованнымъ и проникнутымъ гуманно-прогрессивными идеями, не могло не оказать вліянія на впечатлительнаго юношу.

Можетъ быть, ближе къ фактической правдѣ разсказъ Гончарова о симбирскомъ губернаторѣ, при которомъ онъ служилъ и который описанъ имъ подъ именемъ Льва Михайловича *Угличкаго*. Это—Алексѣй Михайловичъ *Загряжскій*, бывшій губернаторомъ въ Симбирскѣ въ 1831—1835 годахъ. По словамъ мѣстнаго бытописателя, „Загряжскій былъ очень недуренъ собою, строенъ, всегда щеголь, воспитанія свѣтскаго, хорошій актеръ и неисправимый ловеласъ. Избалованный дешевыми побѣдами, онъ задумалъ устроить интригу съ дочерью одного изъ наиболѣе уважаемыхъ лицъ симбирскаго общества, и даже, какъ говорятъ, ходилъ къ ней на свиданіе, нарядившись старухой, причемъ такъ хорошо загримировался, что самъ отецъ, встрѣтивъ случайно эту старуху, не узналъ, кто она, и указалъ ей, какъ пройти къ дочери. Самъ же виновникъ началъ хвастаться своею интригою, дворянство узнало и дружно ополчилось противъ него; стали грозить ему общимъ скандаломъ и даже кулачною рас-

[1]) Статья *П. Петрова* о князѣ М. М. Баратаевѣ въ „Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ" С. А. Венгерова. Т. II, стр. 125.

правою. Положеніе Загряжскаго, не только какъ губернатора, но и какъ человѣка, оказалось невозможнымъ, и онъ долженъ былъ далеко не почетно удалиться изъ Симбирска“ [1]).

II.

При скудости свѣдѣній о жизни Гончарова,—на что жалуются всѣ его біографы,—пріобрѣтаютъ существенное значеніе даже второстепенныя данныя, служащія къ характеристикѣ его личности и среды, въ которой онъ „родился, воспитывался и жилъ“. Предлагаемая статья и имѣетъ цѣлью сообщить нѣкоторые матеріалы этого рода. Это—„Лѣтописецъ“, который велся въ семьѣ Гончаровыхъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, автобіографія И. А. Гончарова и шесть его писемъ.

У племянника И. А. Гончарова, Александра Николаевича Гончарова, сохранилась рукописная книга, въ четверть листа, въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, съ мѣдной застежкой [2]). Большую часть ея занимаетъ списанная Иваномъ Ивановичемъ Гончаровымъ, дѣдомъ писателя, „Книга, глаголемая о вольной страсти и о распятіи на крестѣ и о тридневномъ воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа“ и другіе списки произведеній религіозной литературы. Въ началѣ ея, на нѣсколькихъ листахъ, помѣщается „Лѣтописецъ“, т.-е. запись по годамъ о фактахъ политической жизни, рѣдкихъ явленіяхъ природы и особенно о семейныхъ событіяхъ. „Лѣтописецъ“ былъ начатъ тѣмъ же Иваномъ Ивановичемъ Гончаровымъ и затѣмъ продолжался другими лицами, которыя отмѣчали, впрочемъ, исключительно выдающіеся случаи изъ семейной жизни. Записи этихъ продолжателей „Лѣтописца“ сдѣланы не такъ тщательно, какъ записи перваго автора, и при томъ съ нарушеніемъ хронологическаго порядка.

Начало его относится къ 1732 году, подъ которымъ записано „знаменіе на небѣ“, повидимому—сѣверное сіяніе. Записи этой категоріи (напримѣръ, о сильной грозѣ), а равно и о политическихъ событіяхъ (о войнѣ съ Турціей, о бунтѣ „вора и разбойника Емельки Пугачева“) очень кратки и не представляютъ интереса ни въ отношеніи самыхъ фактовъ, ни въ смыслѣ характеристики ихъ автора. Интереснѣе—записи о семейныхъ

[1]) *П. Мартыновъ.* Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Симбирскъ, 1898, стр. 316—317.

[2]) Книга эта въ текущемъ (1906) году передана А. Н. Гончаровымъ въ музей симбирской архивной коммиссіи.

событіяхъ: онѣ даютъ свѣдѣнія о предкахъ И. А. Гончарова,—о которыхъ до настоящаго времени ничего не было извѣстно даже симбирскимъ старожиламъ,—о его родителяхъ, кое-что о немъ самомъ, и хотя отчасти характеризуютъ среду, въ которой протекло его дѣтство. Вотъ записи этого рода съ 1733 по 1851 гг.—in extenso:

„1733.—Генваря 13 дня, Иванъ Ивановъ сынъ Гончаровъ [1]) (женился) на второй женѣ Ѳедорѣ Ѳеодоровой дочери Москвитиновой вторымъ законнымъ бракомъ. Годовъ ей было 15 лѣтъ и одинъ мѣсяцъ.

1734.—Ноября 25 дня родился сынъ Николай.

1735.—Мая 16 дня оный сынъ Николай умре.

1737.—Февраля 3 дня родилась дочь Анна.

1738.—Октября 28 дня родилась дочь Прасковья.

— Того же года ноября (?) дочь Анна скончалась.

1739.—Генваря 13 дня дочь Прасковья скончалась.

1741.—Августа 13 дня, на память преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника, родилась дочь Наталія. Тезоименитство ея августа 26 числа.

— Того же года ноября 5 дня вышеписанная дочь Наталія скончалась.

1742.—Октября 17 числа родился сынъ Димитрій, а именинникъ того же мѣсяца 26 числа.

Пожалованъ я изъ полковыхъ писарей во аудиторы 1738 года іюня 28 дня, а изъ аудиторовъ въ поручики 1742 года марта 18 дня и поручицкій патентъ данъ отъ военной коллегіи іюля 16 числа 1743 года, за подписями господъ фельдмаршала князя Долгорукова, генераловъ-лейтенантовъ Степана Игнатьева, Петра Измайлова, генерала-майора Ивана Козлова и секретаря Стефана Тарасова, и за государственной печатью, подъ № въ военной коллегіи 476, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 866.

1745.—Апрѣля 6 дня изъ поручиковъ пожалованъ въ капитаны: изъ государственной военной коллегіи къ господину изъ совѣтниковъ кавалеру и оренбургскому губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву указъ полученъ въ Оренбургѣ, чрезъ новопожалованнаго въ поручика Ивана Тимашева, мая 4 числа подъ № военной коллегіи 2.922.

1746.—Генваря 12 дня капитанскому чину получилъ я въ Оренбургѣ, чрезъ господина подполковника Сулимовскаго, патентъ, данный отъ государственной военной коллегіи 1745 года августа 10 дня, за подписями господъ фельдмаршала князя Долгорукова, генерала-лейтенанта Степана Игнатьева, генерала-маіора Ивана Козлова, оберъ-секретаря Аврама Навроцкаго, секретаря Стефана Тарасова, за государственною печатью, подъ № военной коллегіи 236, коллегіи иностранныхъ дѣлъ 405.

1753.—Мая 7 дня преставилась теща Авдотья Андреевна и погребена въ Т. (названіе неразборчиво) крѣпости. Отъ роду ей было 63 года.

---

[1]) Дѣдъ писателя.

1754 года августа 22 дня родился Александръ Ивановъ Гончаровъ [1]).

1759 года декабря 4 числа жена моя Васса Стефанова преставилась съ сего свѣта, отыде въ вѣчное блаженство и погребена въ Симбирскѣ, у Троицы, въ Николаевъ день.

Родитель мой, Иванъ Лаврентьевъ сынъ Гончаровъ [2]), преставился 1767 года апрѣля 20 дня, т.-е. Ѳеодора Трихины.

1789 года апрѣля 26 дня скончался братъ Григорій Ивановичъ Гончаровъ, а погребенъ у сошествія Святаго Духа, подъ горою.

1790 года февраля 7 дня скончался родитель нашъ Иванъ Ивановичъ, а погребенъ того же февраля 9 числа у сошествія Св. Духа, подъ горою.

1800 года февраля 28 дня скончалась Ильи Иванова Гончарова жена Евдокія Иванова дочь, а погребена марта 1 числа у сошествія Св. Духа, подъ горою.

1803 года декабря 2 числа Александра Иванова Гончарова жена, Елизавета Александровна, скончалась; погребена въ оградѣ Всѣхъ Святыхъ, на кладбищѣ. Жизни ея было отъ роду 42 года и 3 мѣсяца. Замужемъ жила 27 лѣтъ и 3 мѣсяца.

1804 года сентября 23 дня Александръ Ивановъ Гончаровъ женился на второй женѣ, Авдотьѣ Матвѣевнѣ Шахториной [3]); лѣтъ было Гончарову 50, а Авдотьѣ Матвѣевнѣ 19 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ.

1806 года мая 19 дня родилась дочь Елена. Житія ея было 15 недѣль.

1807 года апрѣля 2 числа матушка Варвара Ивановна скончалась по полунощи въ 7 часу, а погребена на кладбищѣ, 3 числа, у сошествія Святаго Духа. Родилась въ 1725 году. Жизни ея было 81 годъ и 4 мѣсяца.

1808 года декабря 1 дня родился сынъ Николай [4]); тезоименитство его декабря 6 дня.

1810 года марта 10 дня родилась дочь Марія; скончалась августа 6 дня того же года.

1812 года іюня 6 дня родился сынъ Иванъ, а именинникъ іюня 24 дня [5]).

1815 года мая 14 дня родилась дочь Александра [6]), а именинница 18 дня мая.

1818 года генваря 11 дня родилась дочь Анна, тезоименитство ея февраля 3 числа.

1819 года сентября 10 жизнь окончилъ Александръ Ивановичъ. Житія его было на свѣтѣ 65 лѣтъ.

1820 года генваря 26 числа отправленъ въ Москву Николай Александровичъ, а опредѣлился въ коммерческое училище для ученія февраля 14 дня.

---

[1]) Отецъ писателя.—Г. Н. Потанинъ ошибочно называетъ его въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (op. cit., стр. 99 и 100) Александромъ *Ильичемъ*.

[2]) Прадѣдъ писателя.

[3]) Мать писателя.

[4]) Старшій братъ писателя, учитель симбирской гимназіи.

[5]) Нашъ Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

[6]) Сестра писателя, по мужу—Кирмалова.

1822 года іюля 8 числа отправленъ Ваничка въ Москву, а опредѣлился въ коммерческое училище августа 6 дня [1]).

1833 года марта 14-го скончался Илья Ивановичъ Гончаровъ.

Женился Николай Александровичъ Гончаровъ въ 1842 году апрѣля 26-го.

Родился первый сынъ у него Александръ 1843 года апрѣля 16-го, въ 12 часовъ, а именины его 30 августа. Второй сынъ, Владиміръ, родился 6 сентября 1844 года, по-полудни въ 6 часовъ, а именины 15 іюля.

1851 года 11 апрѣля на пасху, въ среду, скончалась Авдотья Матвѣевна Гончарова на 65 году отъ рожденія, урожденная Шахторина, отъ удара, а погребена 13 апрѣля на кладбищѣ Всѣхъ Святыхъ".

Отсюда видно, что уже дѣдъ И. А. Гончарова, по своему общественному положенію, принадлежалъ не столько къ купечеству, сколько къ кругу служилаго дворянства, такъ какъ, состоя на военной службѣ въ Оренбургскомъ краѣ, при Ив. Ив. Неплюевѣ, онъ изъ полковыхъ писарей дослужился до офицерскихъ чиновъ—поручика, а затѣмъ и капитана [2]). Это былъ человѣкъ хорошо грамотный, любознательный, интересовавшійся рѣдкими явленіями природы и общественною жизнью, любитель религіозной литературы. Религіозный элементъ вообще занималъ видное мѣсто въ жизни Гончаровыхъ. Отмѣчая дни рожденія новыхъ членовъ семьи, они обыкновенно указываютъ и дни ихъ „тезоименитства" (при чемъ любимое имя было у нихъ „Иванъ", полученное и писателемъ); при сообщеніи о смерти того или другого лица, сообщается и то, при какой церкви оно погребено. Даты записанныхъ событій сопровождаются иногда указаніемъ святыхъ, память которыхъ празднуется въ тѣ дни.

Прадѣдъ и дѣдъ Ивана Александровича отличались долголѣтіемъ; отецъ его умеръ 65-ти лѣтъ. Насколько можно заключать изъ вышеприведенныхъ данныхъ „Лѣтописца", дѣдъ его былъ

---

[1]) *Е. А. Соловьевъ* дѣлаетъ неосновательное предположеніе, что Гончарова въ Москвѣ „помѣстили въ одно [изъ среднихъ заведеній, *предназначенныхъ, разумѣется, исключительно для дворянъ*" (Op. cit., стр. 11—12). — Отмѣтимъ здѣсь кстати и другое ошибочное утвержденіе того же автора:—„Гончаровъ—*помѣщикъ*, владѣлецъ столькихъ-то и столькихъ-то душъ, и не думаетъ даже по окончаніи университета приняться за агрономію или вообще сельское хозяйство" (Тамъ же, стр. 17).—Въ дѣйствительности Гончаровъ помѣщикомъ никогда не былъ и *душами* не владѣлъ. Въ этомъ отношеніи онъ далеко не такая противоположность *разночинцу, купцу* Полевому, какъ это представляется автору. (Ср. тамъ-же, стр. 18).

[2]) Этимъ, вѣроятно, и объясняется тотъ фактъ, что „ничего спеціально купеческаго не было ни въ воспитаніи Гончарова, ни въ окружавшей его обстановкѣ". *Е. А. Соловьевъ*, op. cit., стр. 5.

женатъ три раза; при чемъ второй разъ онъ женился на очень молодой дѣвицѣ — 15 лѣтъ и 1 мѣсяца. Въ какомъ возрастѣ вступилъ онъ въ третій бракъ — съ Вассой Степановной — изъ записей не видно (указано только время ея смерти), но, очевидно, уже человѣкомъ пожилымъ. Не молодымъ женился второй разъ на матери писателя, Авдотьѣ Матвѣевнѣ Шахториной, и отецъ его, Александръ Ивановичъ: ему было 50, а невѣстѣ— $19^1/_2$ лѣтъ.

Запись подъ 1812 годомъ съ несомнѣнностью устанавливаетъ не только годъ, но и день рожденія Ивана Александровича—6 іюня, который до сихъ поръ не былъ точно извѣстенъ [1]). Впервые же достовѣрно устанавливается „Лѣтописцемъ“ и время смерти его отца — 10 сентября 1819 года, т.-е. когда Ивану Александровичу было болѣе семи лѣтъ [2]).

Пользуясь нашими матеріалами, считаемъ не лишнимъ указать на одну неточность въ „Воспоминаніяхъ объ И. А. Гончаровѣ“ у Г. Н. Потанина, въ которыхъ находимъ слѣдующій разсказъ: — „Только въ 1853 году я узналъ (вновь, послѣ перерыва) нѣчто о Гончаровѣ. Я посѣтилъ Трегубова и тутъ же замѣтилъ, что старикъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Какъ только завидѣлъ меня, живо поднялся съ креселъ, побѣжалъ навстрѣчу и восторженно заговорилъ:

„— Плаваетъ! Иванъ мой плаваетъ въ восточныхъ моряхъ! Понимаете мою радость?

„— И его, и вашу понимаю, Николай Николаевичъ. Онъ еще въ дѣтствѣ о морскомъ путешествіи вздыхалъ.

„— А вы и это помните?—прибавилъ онъ съ умиленіемъ.— Ахъ, какой вы славный! Садитесь, смотрите: вотъ онъ. Изъ Японіи прислалъ мнѣ подарокъ.

„Я взглянулъ на портретъ Ивана Александровича и не узналъ, — онъ лѣтъ на десять помолодѣлъ! Морская жизнь и свобода сильно повліяли, какъ на физическое его здоровье, такъ

---

[1]) *С. А. Венгеровъ*, въ статьѣ о Гончаровѣ, въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Ефрона (т. IX, стр. 200), говоритъ:—„Въ біографическихъ статьяхъ о Гончаровѣ указывается, что онъ родился 6 іюня 1813 года. Это невѣрно. Душеприказчику и старинному другу Гончарова, М. М. Стасюлевичу, въ точности извѣстно, что метрическое свидѣтельство Гончарова сгорѣло во время пожара Москвы (?) въ 1812 году: слѣдовательно, онъ родился не позже сентября этого года“.—*А. М. Скабичевскій* относитъ его рожденіе къ 6 *іюля* 1812 г. (Исторія новѣйшей русской литературы. Спб. 1891, стр. 143).

[2]) *А. М. Скабичевскій* замѣчаетъ: — „Отца Гончаровъ лишился рано, когда ему было три года“ (Тамъ же).—Тоже у *С. А. Венгерова*, въ статьѣ при I томѣ Сочиненій Гончарова, стр. 3,—и въ „Воспоминаніяхъ“ *Г. Н. Потанина*, стр. 100.

и на расположеніе духа. Передо мною сидѣлъ свѣжій и бодрый мужчина съ веселою думою на лицѣ. Онъ отростилъ усы, дипломатическія бакенбарды котлетами и устроилъ прямой проборъ волосъ посрединѣ головы. Правая рука его покоилась на какомъ-то морскомъ инструментѣ.

„— Старуха наша [1]) уѣхала въ Ардатовъ,—говорилъ Трегубовъ,—къ дочери, погостить, а я тутъ отъ скуки день и ночь смотрю на него... А вы читали Ваню моего въ „Морскомъ Сборникѣ“?

„— И въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ читалъ. Кто теперь не читаетъ прекрасныхъ писемъ Гончарова?

„Лицо старика сіяло отъ такой похвалы“ [2]).

Въ дѣйствительности такая сцена не могла имѣть мѣста, такъ какъ Авдотья Матвѣевна умерла 11 апрѣля 1851 года. По словамъ самого Г. Н. Потанина, она „годъ только жила послѣ своего Николая Николаевича (Трегубова), оба преставились на пасху“ [3]). Фрегатъ же „Паллада“ снялся съ якоря въ Кронштадтѣ 7 октября 1852 года, т.-е. когда ни матери Гончарова, ни его „крестнаго“ не было въ живыхъ.

Встрѣчаются въ этомъ разсказѣ и другіе анахронизмы. Гончаровъ прибылъ въ Японію въ августѣ 1853 года. Едва-ли его „подарокъ“ оттуда могъ быть полученъ въ Симбирскѣ въ томъ же году. Далѣе, въ 1853 году описаніе путешествія Гончарова не печаталось ни въ „Морскомъ Сборникѣ“, ни въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Наконецъ, еслибы Трегубовъ былъ живъ во время путешествія своего любимаго „крестника“, то послѣдній не написалъ бы о немъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, такихъ строкъ: — „Ахъ, еслибы ты сдѣлалъ хоть четыре морскія кампаніи..., то-то бы порадовалъ меня!“ — говаривалъ онъ часто въ заключеніе нашихъ бесѣдъ... Еслибы онъ предвидѣлъ, что современемъ я сдѣлаю пять кампаній—да еще кругомъ свѣта!“ (XII, 62).

III.

Кружокъ симбирской интеллигенціи, группировавшійся вокругъ мѣстнаго статистическаго комитета, въ 1867 году, заду-

---

[1]) Т.-е. мать Ивана Александровича.

[2]) Op. cit., стр. 117—118.

[3]) Тамъ же, стр. 123.

мавъ издать „Сборникъ историческихъ и статистическихъ матеріаловъ о Симбирской губерніи“ (который затѣмъ и вышелъ въ 1868 году), обратился къ старшему брату И. А. Гончарова, Николаю Александровичу, бывшему въ то время учителемъ симбирской гимназіи, съ просьбой получить біографическія свѣдѣнія о его знаменитомъ братѣ отъ него самого. Послѣдній, въ отвѣтъ на письмо брата, прислалъ собственноручно написанную *автобіографію*, въ которой онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Въ концѣ этой рукописи находится такая, характерная для нашего автора, приписка:—„Исполняя сообщенное мнѣ тобою, любезный братъ Николай Александровичъ, требованіе симбирскаго губернскаго начальства моей біографіи, для помѣщенія, вмѣстѣ съ другими писателями—уроженцами Симбирска, въ „Памятной книжкѣ“, *я включилъ сюда все, что можетъ быть напечатано обо мнѣ; болѣе ничего не нужно,* и я повторяю тебѣ мою покорнѣйшую просьбу не прибавлять и не измѣнять ничего, а передать этотъ листокъ, какъ онъ есть. Надѣюсь, что просьба моя будетъ уважена. Убавить можно, если что окажется лишнимъ. Сердечно тебѣ кланяюсь. И. Гончаровъ. 29 декабря 1867 года“.

Въ этой, неоднократно повторенной, „покорнѣйшей просьбѣ“ сказалась присущая Гончарову боязнь, какъ бы не сдѣлалась достояніемъ печати интимная сторона его жизни,—боязнь безцеремоннаго вторженія постороннихъ въ его частную жизнь, нашедшая литературное выраженіе, спустя 22 года, въ послѣдней, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ (1889 г., мартъ), его статьѣ: „Нарушеніе воли“ [1]).

Желаніе автора было въ точности исполнено издателями, и въ названномъ „Сборникѣ“ была помѣщена его автобіографія, безъ какихъ бы то ни было дополненій или измѣненій, безъ подписи автора и безъ вышеприведенной приписки. „Сборникъ“ этотъ представляетъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость, и автобіографія Гончарова остается неизвѣстной его біографамъ и не упоминается даже въ подробномъ указателѣ литературы А. В. Мезіеръ [2]). Между тѣмъ, помимо

[1]) Нельзя согласиться съ мнѣніемъ Е. А. Соловьева, который замкнутость Гончарова въ послѣдніе годы его жизни объясняетъ тѣмъ, что онъ „былъ глубоко оскорбленъ пріемомъ, сдѣланнымъ его роману („Обрывъ“). Нелегко переносить неудачу 60 лѣтъ... Естественно поэтому, что онъ ушелъ въ себя“. Op. cit., стр. 75.— Стремленіе „уйти въ себя“, замкнутость, очевидно, составляли природное свойство Гончарова. Еще до напечатанія „Обрыва“, наканунѣ 1868 года, онъ боится, какъ бы его земляки не напечатали о немъ чего-нибудь лишняго.

[2]) „Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно“. Спб. 1902 г., ч. II, стр. 63.

заключающихся въ ней фактическихъ данныхъ, она представляетъ интересъ, какъ документъ, который содержитъ въ себѣ *все*, что, по мнѣнію Гончарова, могло быть о немъ напечатано въ то время. Мы воспроизводимъ ее здѣсь по рукописи автора, которая въ настоящее время принадлежитъ г. М—ву:

„И. А. Гончаровъ родился въ Симбирскѣ въ 1812 г.; первоначальное образованіе получилъ въ дѣтствѣ въ небольшихъ частныхъ пансіонахъ и, между прочимъ, у одного священника за Волгой, въ помѣщичьемъ селѣ. Здѣсь, у жены священника, нѣмки [1]), принявшей православіе, онъ положилъ основаніе изученію французскаго и нѣмецкаго языковъ, а найденныя въ библіотекѣ священника сочиненія Ломоносова, Державина и другихъ, также описанія нѣкоторыхъ путешествій заронили въ немъ первыя — охоту къ чтенію, а послѣднія — желаніе, конечно, тогда еще неясное и безсознательное, видѣть описанныя въ путешествіяхъ дальнія страны. До поступленія въ московскій университетъ, не руководимый почти никѣмъ въ выборѣ чтенія, онъ читалъ все, что попадалось подъ руку, между прочимъ произведенія французскихъ беллетристовъ господствовавшей тогда школы, и переводилъ на русскій языкъ романъ „Атаргюль“, отрывокъ изъ котораго былъ помѣщенъ въ журналѣ „Телескопъ“ за 1832 г. Но скоро, однако, онъ отрезвился отъ вліянія современной французской литературы, какъ чтеніемъ образцовъ англійской и нѣмецкой литературъ, такъ и знакомствомъ съ древними историками и поэтами въ университетѣ, въ словесномъ отдѣленіи, слушая съ жадностью увлекательныя лекціи исторіи иностранныхъ литературъ, исторіи изящныхъ искусствъ и археологіи—профессоровъ Шевырева и Надеждина, римскихъ и греческихъ древностей—Снегирева и Ивашковскаго; исторіи всеобщей и русской — Каченовскаго и Погодина, русской словесности — профессора Давыдова. Продолжая изучать новѣйшіе языки, между прочимъ англійскій, а также древній латинскій и отчасти греческій, и руководствуясь лекціями ученыхъ и даровитыхъ профессоровъ, Гончаровъ, систематически, съ помощью критическаго анализа, изучилъ образцовыя произведенія иностранныхъ и отечественныхъ писателей. Между тѣмъ, съ другой стороны, живое непосредственное вліяніе на общество Карамзина и Пуш-

[1]) Біографы Гончарова ошибочно называютъ ее *француженкой*: А. М. Скабичевскій, op. cit., стр. 145; *Е. А. Соловьевъ*, op. cit., стр. 11; *С. А. Венеровъ*, Соч. Гончарова, т. I, стр. 3.

кина, бывшаго тогда въ зенитѣ своей славы, не могло не подѣйствовать благотворно и на кругъ молодыхъ студентовъ московскаго университета, въ томъ числѣ и на него.

„Кончивъ курсъ, Гончаровъ въ 1835 году перешелъ на службу въ Петербургъ, въ министерство финансовъ, гдѣ вскорѣ занялъ должность переводчика иностранной переписки, и продолжалъ заниматься литературою, т.-е. читать, переводить, дѣлать извлеченія, преимущественно изъ нѣмецкихъ и англійскихъ писателей, для себя, въ видѣ упражненій, пока безъ намѣренія печатать. Онъ сблизился съ нѣкоторыми домами, любившими литературу, и пробовалъ силы въ домашнихъ сборникахъ, составляемыхъ изъ сочиненій небольшого круга друзей. Около двухъ тогдашнихъ журналовъ, „Библіотеки для чтенія“ и „Отечественныхъ Записокъ“, группировалось все, что было даровитаго въ литературѣ. Гончаровъ познакомился съ нѣкоторыми изъ литераторовъ, сначала просто въ качествѣ любителя, а потомъ отдалъ на судъ Бѣлинскаго первый свой романъ „Обыкновенная исторія“, который былъ помѣщенъ въ возобновленномъ, послѣ смерти Пушкина, подъ редакціею Панаева и Некрасова, журналѣ „Современникъ“ въ 1847 г. Въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ въ томъ же журналѣ легкій юмористическій очеркъ „Иванъ Саввичъ Поджабринъ“. Въ 1849 году, въ изданномъ подъ редакціею „Современника“ литературномъ сборникѣ, напечатанъ былъ отрывокъ изъ романа „Обломовъ“, подъ заглавіемъ „Сонъ Обломова“.

„Въ 1852 году бывшимъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія неожиданно предложено было Гончарову мѣсто секретаря при начальникѣ экспедиціи, снаряженной правительствомъ для обозрѣнія россійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ и для заключенія торговаго трактата съ Японіей. Онъ съ радостью принялъ предложеніе, которое вдругъ пробудило его завѣтную, почти покинутую мечту о дальнемъ путешествіи. По возвращеніи, послѣ двухъ съ половиной лѣтъ плаванія по морямъ и путешествія отъ Охотскаго моря черезъ Сибирь, Гончаровъ въ 1855 и 1856 годахъ напечаталъ описаніе этого путешествія по частямъ въ „Морскомъ Сборникѣ“, „Современникѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“, а въ 1857 году издалъ отдѣльною книгою въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Фрегатъ Паллада“, которое въ 1862 году вышло вторымъ изданіемъ, всего въ числѣ шести тысячъ экземпляровъ. Между тѣмъ, онъ перешелъ на службу министерства народнаго просвѣ-

щенія на должность цензора въ 1856 году [1]), которая почти не оставляла ему свободнаго времени для прочихъ занятій. Усидчивая работа вмѣстѣ съ петербургскимъ климатомъ вредно подѣйствовали на его здоровье и принудили прибѣгнуть къ пособію минеральныхъ водъ.

„Во время четырехмѣсячныхъ каникулъ заграницею онъ успѣлъ докончить давно начатый романъ „Обломовъ“, который появился въ печати въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1859 г. и въ томъ же году отдѣльной книгой, а потомъ, въ 1862 году, вторымъ изданіемъ. Въ 1862 году, Гончаровъ назначенъ былъ главнымъ редакторомъ газеты министерства внутреннихъ дѣлъ „Сѣверная Почта“, а въ слѣдующемъ—перешелъ на должность члена совѣта того же министерства по дѣламъ печати. Послѣ романа „Обломовъ“ онъ напечаталъ три отрывка изъ неоконченнаго и неизданнаго романа „Райскій“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Современникѣ“, подъ заглавіемъ „Софья Николаевна Бѣловодова“, „Портретъ“ и „Бабушка“.

На этомъ заканчивается автобіографія.

IV.

„Гончарова уже нѣтъ; и если вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ и его переписка, то что же отъ него останется? Вѣдь „Обломовъ“—это уже не Гончаровъ, а исторія“.
„Недѣля“, 1891 г., № 38.

Изъ шести, хранящихся въ музеѣ симбирской архивной коммиссіи, писемъ И. А. Гончарова, писанныхъ имъ изъ Петербурга въ 1849—1866 гг., одно адресовано къ его знакомому, Василью Матвѣевичу Лазаревскому, а остальныя пять—къ родственникамъ, къ сестрѣ, Александрѣ Александровнѣ Кирмаловой, и членамъ ея семьи, интересы которыхъ онъ принималъ близко къ сердцу. Въ послѣднихъ онъ говоритъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, даетъ сестрѣ практическіе совѣты относительно образованія и дальнѣйшей судьбы ея дѣтей; высылаетъ при нихъ программы учебныхъ заведеній, книги и журналы, покупки и т. п., вообще проявляетъ много вниманія, любви и заботъ къ сестрѣ и ея дѣтямъ. Изрѣдка касается онъ и своей служебной и литературной

[1]) Ср. далѣе письмо Гончарова къ сестрѣ, отъ 20-го апрѣля 1856 года.—Въ біографическихъ очеркахъ переходъ его въ цензурное вѣдомство неправильно относится къ 1858 году: *С. А. Венгеровъ*, въ „Энциклопедическомъ словарѣ“, т. IX, стр. 201; *А. М. Скабичевскій*, op. cit., стр. 155, и *Е. А. Соловьевъ*, op. cit., стр. 67.

дѣятельности и упоминаетъ о другихъ писателяхъ. Письма эти написаны вполнѣ *по-гончаровски*, неторопливо, спокойно, ровно, обстоятельно и съ значительной долей юмора. Къ нимъ вполнѣ приложима сдѣланная имъ самимъ характеристика писемъ писателей:—„Писатель по натурѣ своей словоохотливъ, изліятеленъ; его тянетъ къ перу тамъ, гдѣ онъ (я говорю о письмахъ) не связанъ ни содержаніемъ, ни планомъ, ни техникой. Онъ не стѣсняется. Мысль и воображеніе играютъ что хотятъ, какъ въ разговорѣ наединѣ, онъ пишетъ вольно, съ плеча, сверкая нечаянно то умомъ, то фантазіей, то юморомъ“ (II, 233).

Письма эти пожертвованы ихъ владѣльцами и наслѣдниками автора общественному учрежденію и потому перестали уже быть частной собственностью. Они докладывались въ засѣданіяхъ архивной коммиссіи, и часть одного изъ нихъ даже напечатана въ журналахъ этой коммиссіи. На опубликованіе другихъ писемъ къ Кирмаловымъ письменно выражено согласіе ихъ послѣдней собственницей, Екатериной Михайловной Кирмаловой. Все это, казалось бы, даетъ намъ право напечатать ихъ полностью. Но мы воздерживаемся отъ этого изъ извѣстнаго піэтета къ желанію Гончарова, выраженному въ упомянутой статьѣ „Нарушеніе воли“ (II, 213—240).

Высказывая въ этой статьѣ пожеланіе, чтобы его письма не печатались послѣ его смерти, авторъ, между прочимъ, дѣлаетъ такую оговорку:—„Прошу имѣть въ виду, что я отнюдь не ратую за умолчаніе писемъ quand même; я только противъ выворачиванія автора наизнанку, что не можетъ не портить цѣльности его образа и характера, не разочаровывать его почитателей и притомъ несправедливо. Потомъ—я противъ обремененія прессы ненужнымъ, лишнимъ балластомъ, только утомляющимъ читателя, и особенно, конечно, противъ всякихъ злоупотребленій, нескромностей и беззастѣнчивыхъ противъ автора писемъ поступковъ“ (II, 234); равно какъ и противъ опубликованія такихъ писемъ, которыми *задѣваются за живое другія личности* (II, 234).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гончаровъ указываетъ и средство „не становиться въ щекотливое положеніе нарушителей воли“ покойнаго писателя. Это—„не объявлять писемъ и бумагъ преждевременно, по крайней мѣрѣ, пока еще живы современники автора и корреспонденты, и потомъ не всегда цѣликомъ, а печатать въ *извлеченіяхъ*, выпискахъ тѣ письма, которыя, кромѣ общеинтереснаго, изобилуютъ интимными и семейными подробностями“ (II, 238). Онъ ничего не имѣетъ противъ „*ссылокъ* на письма

извѣстныхъ дѣятелей, *извлеченій*, *выписокъ* для всѣхъ интересныхъ" (II, 223) [1]). Такими ссылками и извлеченіями изъ писемъ Гончарова мы и ограничимся.

Въ *первомъ* (хронологически) изъ этихъ писемъ, отъ 17-го декабря 1849 года, писанномъ къ сестрѣ и ея мужу, говорится о двухъ гипсовыхъ статуэткахъ—самого Гончарова [2]) и Булгарина, которыя были куплены Иваномъ Александровичемъ въ Петербургѣ и высланы Кирмалову. „Смотри-ка, смотри: эхъ, какъ тебя дернуло, Михайло Максимовичъ: цѣлый листъ написалъ! да какъ силъ стало? Зачѣмъ ты денегъ-то прислалъ? Вѣдь я же тебѣ подарилъ обѣ статуэтки. Особенно *себя* я не продаю: я только покупаю *его*, т.-е. *себя*... фу-ты, какъ неловко сказать!—Деньги-то я свистнулъ, а тебѣ... Въ самомъ дѣлѣ, я пришлю тебѣ на нихъ еще статуэтку, выберу, чья позанимательнѣе: хороши статуэтки Кукольника и Соллогуба тоже, а Брюлловская незанимательна и при томъ ихъ двѣ: прежняя и новая. Не знаю, которая похожа. Я съ Брюлловымъ только однажды обѣдалъ въ одномъ домѣ, но это давно, и не знаю, на которую онъ похожъ. Только пришлю не вдругъ, не вскорѣ, потому что пересылка ужасно хлопотлива: ящикъ, клеенка, надо умѣть завернуть—да чортъ знаетъ что [3]). Ни я, ни Филиппъ, дѣлать этого не умѣемъ, все надо просить контору Языковъ и К°, а я въ послѣднее время ужъ очень часто просилъ ее, и потому подожду. Булгарина вышла тоже другая статуэтка: старая свинья разворчалась за свое безобразіе, какъ будто художникъ виноватъ, и начала блевать на него хулу изъ своего подлаго болота—„Сѣверной Пчелы",—что-де и всѣ труды художника никуда не годятся, да и дорого-то онъ продаетъ и т. п. Художникъ передѣлалъ его, и онъ тотчасъ же началъ толковать, что художникъ очень хорошій и статуэтки продаются какъ нельзя дешевле. Фу, ты мерзавецъ какой! А ты его въ поэты произвелъ! Экъ махнулъ! Булгаринъ поэтъ! Сказалъ бы ты здѣсь это хоть на улицѣ, то-то бы хохоту было. Новая статуэтка его похожа на человѣка и довольно благовидна, отъ того на Булгарина и не схожа. Прежняя,

---

[1]) Въ этомъ видитъ „существо мысли Гончарова" и такой близкій къ нему человѣкъ, какъ М. С., редакторъ журнала и авторъ его некролога въ „Вѣстникѣ Европы" (1891 г., № 10, стр. 864). Ср. „Спорный вопросъ"—*Евг. Ляцкаго* (приложеніе къ его выше цитированной книгѣ, стр. 247—264).

[2]) Статуэтка Гончарова также находится въ музеѣ симбирской архивной коммиссіи.

[3]) Хотя Гончаровъ—далеко не Обломовъ, но здѣсь нельзя не видѣть чисто Обломовской черты—боязни хлопотъ.

которая у тебя, какъ каррикатура (вѣдь это все каррикатуры), выражаетъ его, какъ нельзя болѣе. Булгаринъ имѣетъ рѣдкое свойство—походить наружно и на человѣка, и вмѣстѣ на свинью. Художникъ схватилъ это, какъ нельзя лучше—и, кромѣ свиньи и человѣка, изобразилъ и Булгарина. Это одно изъ лучшихъ его произведеній; ты береги эту статуэтку, хотя прежняя еще продается, но, можетъ быть, Булгаринъ потребуетъ, чтобъ и форму сломали, тогда негдѣ будетъ взять".

Въ концѣ письма Гончаровъ сообщаетъ, что съ новаго года Кирмаловы будутъ получать опять „Современникъ".

Второе письмо—къ сестрѣ—помѣчено 5 мая, безъ указанія года; оно относится къ 1851 году, такъ какъ написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ извѣстія о смерти матери. Извѣстно, какая важная роль въ творчествѣ Гончарова принадлежитъ образу женщины, „давнымъ давно заронившей въ душу писателя много тепла и свѣта на всю послѣдующую жизнь" [1]). „Мать любила насъ,—говоритъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ",—не тою сентиментальною, животною любовью, которая изливается въ горячихъ ласкахъ, въ слабомъ потворчествѣ и угодливости дѣтскимъ капризамъ и которая портитъ дѣтей. Она умно любила, слѣдя неослабно за каждымъ нашимъ шагомъ, и съ строгою справедливостью распредѣляла поровну свою симпатію между всѣми нами четырьмя дѣтьми. Она была взыскательна и не пропускала безъ наказанія или замѣчанія ни одной шалости, особенно, если въ шалости крылось зерно будущаго порока" (XII, 57—58).

Ту же *справедливость* матери вспоминаетъ онъ прежде всего, какъ только узнаетъ объ ея смерти:

„Да,—пишетъ онъ сестрѣ,—кончина нашей матери должна тебѣ отозваться тяжелѣе, нежели всѣмъ намъ. Ты вообще дружнѣе всѣхъ насъ была съ нею, а любовь ея къ твоимъ дѣтямъ и попеченія о нихъ сблизили васъ еще тѣснѣе. Старушка никогда не показывала предпочтенія никому изъ насъ, но, кажется, тебя она любила больше всѣхъ, и за дѣло: ты ей не дѣлала даже мелкихъ непріятностей своимъ характеромъ, какъ мы, напримѣръ, съ Анютой часто дѣлали невольно... Больно и мучительно, какъ подумаешь, что ея нѣтъ больше, но у меня недостаетъ духа жалѣть, что кончилась эта жизнь, въ которой оставались только одни страданія и болѣзненная, томительная старость. Живи она еще десять лѣтъ, она бы все мучилась

[1]) *Евг. Ляцкій*, op. cit., стр. 189.

вдвойнѣ: за всякое наше горе и за то еще, что она не можетъ пособить ему.—При томъ жизнь ея, за исключеніемъ неизбѣжныхъ человѣческихъ слабостей, такъ была прекрасна, дѣло ея такъ было строго выполнено, какъ она умѣла и могла, что я, послѣ первыхъ невольныхъ слезъ, смотрю покойно, съ нѣкоторой отрадой на тихій конецъ ея жизни, *и горжусь, благодарю Бога за то, что имѣлъ подобную мать. Ни о чемъ и ни о комъ у меня мысль такъ не свѣтла, воспоминаніе такъ не свято, какъ о ней*".

Въ концѣ письма онъ вновь возвращается къ воспоминанію о матери, совѣтуя сестрѣ слѣдовать ея примѣру, при воспитаніи дѣтей:—„она тебя любила больше всѣхъ. Я это третьяго года замѣтилъ; а кто изъ насъ можетъ пожаловаться, что отличали тебя, а насъ обижали?"

Свойственная Гончарову дѣловитая практичность сказалась въ этомъ письмѣ въ совѣтахъ, которые онъ даетъ сестрѣ относительно выбора учебнаго заведенія для ея сыновей:

„Меня ужасно огорчаетъ,—пишетъ онъ,—твое затруднительное положеніе насчетъ дѣтей. Я ужъ писалъ тебѣ, что лучшіе корпуса здѣсь: 1) горныхъ инженеровъ, 2) полевыхъ инженеровъ и 3) инженеровъ путей сообщенія. Всѣ прочіе корпуса приготовляютъ молодыхъ людей только въ военную службу; выпускаютъ изъ нихъ лѣтъ 17 и 18 мальчиковъ въ армейскіе полки; ты этого не захочешь, да и въ эти корпуса трудно попасть. Изъ горнаго корпуса посылаютъ на 6 лѣтъ на службу въ Сибирь, въ мѣдные, желѣзные и прочіе заводы; въ этотъ корпусъ легче попасть, нежели въ другіе; платятъ тамъ по 300 цѣлковыхъ въ годъ. Изъ корпуса полевыхъ инженеровъ выпускаютъ по крѣпостямъ для построекъ; учатъ военной строительной части, т.-е. строить крѣпости, мосты, подводить мины и проч. Въ корпусѣ путей сообщенія учатъ проводить и поддерживать шоссе, желѣзныя дороги, строить разныя публичныя зданія. Въ эти два корпуса труднѣе попасть. Есть еще артиллерійское училище, но изъ него и изъ другихъ выпускаютъ въ военные, въ офицеры, которые будутъ потомъ требовать поддержки, а тебѣ надо готовить дѣтей такъ, чтобы они сами могли справляться потомъ безъ домашней поддержки. Для этого я все-таки думаю, что лучше въ гимназію отдать, а потомъ въ университетъ, потому что, оттуда вышедши, онъ можетъ годиться на все: если не чиновникомъ, такъ учителемъ, пожалуй, хоть и въ военную, если есть охота. А если есть дарованія, такъ можетъ идти и выше. Даже еслибъ онъ и не попалъ изъ гимназіи въ уни-

верситетъ, такъ одного гимназическаго воспитанія будетъ достаточно, чтобъ достать кусокъ хлѣба, потому что окончившій курсъ въ гимназіи все-таки вдесятеро будетъ больше знать, нежели выпущенный изъ корпуса. Вотъ мои мысли объ этомъ".

Этотъ взглядъ о преимуществахъ университетскаго образованія былъ впослѣдствіи выраженъ Гончаровымъ въ печати, а именно въ первой части его „Воспоминаній" (XII, 5—7).

Того же вопроса касается онъ и въ *третьемъ* письмѣ—отъ 20 апрѣля 1856 года—къ сестрѣ же, которая послѣдовала его совѣту и отдала сыновей въ гимназію, откуда старшій изъ нихъ поступилъ уже въ университетъ. Желая, чтобы и младшіе его племянники шли тою же дорогой, Гончаровъ пишетъ:—„Университетское образованіе все-таки лучшее. Теперь особенно, опять всѣмъ позволили вступать въ университетъ, и, конечно, многіе будутъ этимъ пользоваться, и образованіе въ обществѣ распространится замѣтно. Впереди всегда будутъ университетскіе, какъ были до сихъ поръ, и въ военной [1]), и въ статской службѣ. Людямъ мало образованнымъ будетъ невыгодно. Пусть же всѣ трое твои идутъ по этому пути".

Затѣмъ онъ говоритъ о своей службѣ по цензурному вѣдомству и упоминаетъ объ описаніи путешествія на фрегатѣ „Паллада".

„Если ты читаешь газеты, то, вѣроятно, уже прочла, что я давно (sic) опредѣленъ въ новую должность, которая состоитъ въ томъ, что я сижу дома и читаю и утро, и ночь, и хорошее, и вздоръ.—Съ Анненковымъ (Павломъ Васильевичемъ) я послалъ сестрѣ, Аннѣ Александровнѣ, еще по двѣ брошюры своихъ путевыхъ записокъ, напечатанныхъ въ февралѣ и въ мартѣ въ журналахъ. И ты получишь отъ нея обѣ статьи. Когда-нибудь, лежа въ постели съ этими книгами, услышишь, какъ неистово завоетъ буря на дворѣ, хотя такая, въ какую я пріѣхалъ къ тебѣ, и представишь себѣ, какъ братъ твой испытывалъ все это на моряхъ—право испугаешься".

Служба же и литературныя дѣла занимаютъ видное мѣсто и въ *четвертомъ* письмѣ, писанномъ 1 декабря 1858 года къ тому же лицу:

„Виноватъ, что такъ долго не отвѣчалъ на твое письмо... Но я очень занятъ, и вотъ едва удосужился сказать тебѣ нѣсколько словъ. Я только и дѣлаю, что читаю: журналовъ при-

[1]) Ср. XII, 5:—„Даже, говорятъ, въ военное время, напримѣръ въ крымскую кампанію, главнокомандующій войсками, князь Горчаковъ, свидѣтельствовалъ, что прошедшіе курсъ университетскаго образованія были и отличными, изъ ряда вонъ выходящими офицерами".

бавилось множество, а съ ними и много дѣла цензорамъ... Теперь я занятъ печатаньемъ своего романа въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Первая часть выйдетъ въ январѣ, а послѣдняя—въ апрѣлѣ. Взялъ я за него десять тысячъ рублей серебромъ, уступивъ за эту же сумму право печатать и отдѣльно 3.500 экземпляровъ. Когда выйдетъ отдѣльно, пришлю и тебѣ экземпляръ, но это случится въ концѣ будущаго года [1]).

Изъ этого же письма видно, что въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ своихъ молодыхъ родственниковъ Гончаровъ въ своей жизни игралъ роль „практическаго дяди“ (I, 40), которую въ романѣ приписалъ Петру Ивановичу Адуеву. Объ одномъ изъ нихъ онъ пишетъ сестрѣ:

„Ему дали штатное мѣсто помощника секретаря, и онъ получаетъ теперь 350 руб. сер. жалованья. Конечно, это еще немного, и онъ безъ твоей помощи не обойдется, но все же станетъ на квартиру, столъ, чай и сахаръ. А черезъ годъ, вѣроятно, будетъ получать рублей 500. Его любятъ на службѣ; начальникъ его, встрѣчаясь со мной, всякій разъ хвалитъ его усердіе и говоритъ, что всѣ его любятъ въ сенатѣ, и что онъ можетъ научиться дѣлу и будетъ полезенъ и себѣ, и службѣ. Но пріучить его къ обществу порядочныхъ людей мнѣ не удалось. Съ знакомыми онъ дѣйствуетъ по-бараньи, склонивъ голову внизъ, какъ будто хочетъ бодаться. Если ему и удается иногда побѣдить деревенскую застѣнчивость, то онъ придетъ въ чужой домъ, не скажетъ почти ни слова, вернетъ хвостомъ и уйдетъ. И добро бы я знакомилъ его съ чопорными, модными домами, а то люди простые, умные и ласковые. Зовутъ обѣдать, въ ложу приглашаютъ, приглашаютъ по вечерамъ, есть отличные молодые люди, а онъ на все по-бараньи отвѣчаетъ. Конечно, все это дѣлали пока для меня, а потомъ, познакомясь съ нимъ покороче, стали бы дѣлать и для него, но онъ предпочитаетъ сидѣть въ своемъ гнѣздѣ, у какой-то чухонки или нѣмки-хозяйки, съ какими-то студентами. И самъ похожъ на недозрѣлаго студента. Я толковалъ ему, что карьера дѣлается не въ одной службѣ, но и въ обществѣ. Онъ не слушаетъ, и я оставилъ его: пусть дѣлаетъ, какъ самъ знаетъ, онъ не маленькій, лишь бы не пенялъ на меня. Я сдѣлалъ, что могъ“.

Пятое письмо отъ 15-го мая—неизвѣстно какого года—писано къ племянникамъ Кирмаловымъ. Узнавъ, что одна изъ его сестеръ и другіе родственники находятся въ Москвѣ и пробу-

[1]) Рѣчь идетъ о романѣ „Обломовъ“.

дутъ тамъ продолжительное время, Гончаровъ „ощутилъ радость, даже отдумалъ ѣхать въ Карлсбадъ, тѣмъ болѣе, что на границѣ не покойно, а за границею къ русскимъ не ласковы, и придумалъ пріѣхать въ Москву, пожить тамъ съ мѣсяцъ“ съ ними, а потомъ „сплыть до Симбирска, пробыть тамъ недѣлю, послѣ на недѣлю заѣхать въ Хухорево [1]), посмотрѣть на всѣхъ (нихъ)... и воротиться къ августу домой“, въ Петербургъ. Но затѣмъ оказалось, что сестра пробудетъ въ Москвѣ только до 23-го мая. „Еслибъ, — продолжаетъ Гончаровъ, — я былъ свободенъ, я бы ухватилъ мѣшокъ и завтра же очутился въ Москвѣ, а то надо сказать министру, да взять бумагу, да распорядиться насчетъ оставляемаго дома, и дня три пройдетъ, пока соберешься. А мнѣ именно и хотѣлось въ Москвѣ погулять съ вами, отдохнуть, потомъ пріятно не одному ѣхать дорогу до Нижняго и отъ Нижняго до Симбирска!.. Я даже и министру сказалъ, что я едва-ли поѣду за-границу, а скорѣе на Волгу, въ отвѣтъ на что его превосходительство одобрительно кашлянулъ“.

Наконецъ, въ послѣднемъ, *шестомъ*, письмѣ, подписанномъ 1866 годомъ, безъ означенія числа и мѣсяца, Гончаровъ увѣдомляетъ В. М. Лазаревскаго, что днемъ своего отъѣзда за-границу онъ назначилъ 29-е мая. При этомъ онъ выражаетъ надежду на удовольствіе сообщества Лазаревскаго „до Берлина, а можетъ быть и далѣе“. — „Я избралъ воскресенье, — пишетъ онъ, — между прочимъ потому, что въ этотъ же день отправляется и мой домохозяинъ съ семействомъ, г. Устиновъ. Я бы окончательно былъ доволенъ, еслибы и ваши дѣла позволили выѣхать въ этотъ день и вамъ“.

На этомъ мы и оканчиваемъ выписки изъ писемъ Гончарова, ограничившись извлеченіемъ изъ нихъ данныхъ, дополняющихъ его біографію и характеризующихъ его личность, не касаясь при этомъ заключающихся въ нихъ „интимныхъ и семейныхъ подробностей“, изъ уваженія къ его pudeur (II, 240), хотя — должны замѣтить — въ нихъ нѣтъ ничего такого, что *бросало бы тѣнь на характеръ автора* (II, 221).

М. Суперанскій.

[1]) *Хухорево* — имѣніе Кирмаловыхъ въ ардатовскомъ уѣздѣ симбирской губерніи.

ЗОЛОТОЕ ДНО

ПОВѢСТЬ.

I.

Валя, — а въ гимназіи Валеріанъ Локустовъ, — долбилъ латинскую грамматику, сидя у себя въ комнатѣ на подоконникѣ. Завтра—переэкзаменовка, и если „чехъ“ не провалитъ, да еще батюшка черезъ недѣлю не влѣпитъ единицы—Валя перейдетъ въ пятый классъ. Впрочемъ, „чехъ“ страшнѣе... батюшку всегда можно умилостивить, а къ „чеху“ „ни на какой свиньѣ не подъѣдешь“. И мальчикъ долбитъ, затыкая уши, зажмуривая глаза, предъ которыми мелькало столько искушеній.

Но глаза невольно раскрывались, упиваясь теплотой майскаго вечера, который уже задернулъ полъ-неба оранжевымъ пологомъ съ багряными тучками на закатѣ. Возлѣ окна, покачиваясь на тоненькой кленовой вѣткѣ, назойливо свиститъ трясогузка; она выпятила черный жилетъ на сѣрой груди и дразнила Валю круглымъ, мигающимъ глазомъ. Разодѣтыя въ бѣлое, подстриженныя яблони, приличными рядами, точно институтки, спускаются къ рѣкѣ; но вдругъ вѣтеръ вноситъ въ эти ряды безпорядокъ: рядъ за рядомъ вздрагиваетъ, качается, и вихремъ летятъ съ яблонь блѣдно-розовые лепестки... Свернувшись, подобно легкому покрывалу, крутясь, несутся они съ горки, чтобы сгрудиться внизу, у поперечной дорожки. Бѣлыя колонны „перистиля“ синѣютъ въ тѣни и отсвѣчиваютъ розовымъ со стороны заката. На рѣкѣ яркій полукруглый слѣдъ отъ парома горитъ золотомъ и мягкими исчезающими тонами приближается къ береговой тѣни. Стекла въ избушкѣ стараго Дормидонтыча занялись полымемъ; но самъ онъ стоитъ возлѣ, точно длинная мрачная тѣнь въ своемъ не-

измѣнномъ черномъ армякѣ, и властно кричитъ уткамъ, которыя уплыли за паромомъ по огненному полукругу:

— Куда, непосѣды! Ворочай, непорядливыя! Непокорныя!

Плавнымъ зигзагомъ поворачиваютъ утки на знакомый призывъ и несутъ къ берегу розовое сіянье на своихъ бѣлыхъ крыльяхъ.

Валя забылъ „чеха“, забылъ „батьку“, придавилъ грудью истрепанную грамматику и, высунувшись изъ окна, смѣется: онъ такъ любитъ эти прилагательныя своего лучшаго друга, прилагательныя, которыя непремѣнно начинаются съ отрицательной частицы.

А солнце уже успѣло спрятаться за холмъ, вѣтеръ улетѣлъ дальше, трясогузка собиралась на ночлегъ, вечерній туманъ поднимается надъ рѣкою и надъ его дрожащей пеленой еще сверкаютъ на томъ берегу кресты городскихъ церквей.

Оглушительно крякая, утки идутъ на ночлегъ; двигаются онѣ медленно, съ перевалочкой, и притворяются, будто вовсе не замѣчаютъ въ державной десницѣ Дормидонтыча длиннѣйшей хворостины.

А тѣни изъ розовыхъ стали лиловыми, въ потемнѣвшемъ воздухѣ рѣзче выдѣлились группы яблонь въ своемъ нарядѣ, строчки въ грамматикѣ сдѣлались неразборчивы. Изъ города прилетѣлъ мягкій призывъ angelus'a... Струя нагрѣтаго воздуха вдругъ быстро пронеслась мимо и по дорогѣ дунула въ лицо Вали. Онъ вздохнулъ, закрылъ глаза и весь потянулся къ этому ласковому дыханію весны.

Въ ту же минуту изъ „конторы“, крошечной комнаты, находившейся подъ лѣстницей, донесся до него голосъ ихъ экономки Василисы. Тонъ голоса у Васи былъ обиженный, преисполненный претензіи,—значитъ, она говорила или съ крестьяниномъ, или съ рабочимъ. Этимъ она проявляла свое превосходство или считала такую рѣчь за признакъ хорошаго тона.

— Чего же ты еще?—говорила Вася своимъ нѣвучимъ низкимъ голосомъ южанки:—вѣдь по семь гривенъ въ день, такъ? А ты въ девять утра сталъ...

— Да, вить, не четвертакъ же... Слѣдоваетъ больше,—возражалъ кто-то робко, малоубѣдительно.

— И ничего больше не слѣдоваетъ,—повторила Вася,—ступай, ступай... Только мнѣ и дѣла, что съ вами разговаривать.

— Да, вить, не четвертакъ же...

Хлопнула дверь конторы; голосъ, не переставшій протестовать, замиралъ въ отдаленіи; съ бокового крыльца или, какъ

говорилось, „съ задняго парада“, мелькнула плотная фигура Василисы, сопровождаемая какой-то тѣнью,—и все смолкло.

Валя, вертѣвшій въ рукахъ карандашъ, тутъ же, на зеленой краскѣ подоконника, принялся за математическое вычисленіе и скоро пришелъ къ выводу, что тѣнь съ малоубѣдительнымъ голосомъ была права, что Васька ее обсчитала.

Тогда мальчикъ спрыгнулъ съ окна и пошелъ разыскивать экономку, радуясь подъ благовиднымъ предлогомъ хоть на время покинуть общество великихъ классиковъ.

На заднемъ дворѣ жизнь кипѣла ключомъ. Солидной поступью возвращались громадныя альпійскія коровы съ бархатными глазами; между ихъ ногъ „стрѣляли“ исхудалыя за зиму свиньи съ полинялой щетиной; блеяли овцы, вздрагивавшія только-что остриженнымъ тѣломъ; телята осенняго выводка, впервые видавшіе весну, не могли еще къ ней привыкнуть и глупо радовались ея приволью. Изъ коровника прошелъ Никита, держа ножками внизъ только-что родившагося теленка; тотъ терся мокрой головкой о сермягу, точно желая найти на груди у человѣка потерянное тепло матери.

Но главное движеніе сосредоточивалось возлѣ молочной, куда скотницы сносили бѣлыя ведра съ молокомъ. Часть изъ нихъ, подъ наблюденіемъ Василисы, опоражнивалась въ бедоны, предназначенные для отправки въ городъ; часть шла въ сепараторы.

Дормидонтычъ вываживалъ передъ конюшней стараго „Котика“, на которомъ сейчасъ вернулся механикъ со станціи. Пожелтѣвшая, влажная шерсть „Котика“ особенно оттѣняла бѣлыя пятна первобытнаго цвѣта на мѣстѣ хомута и черезсѣдельника.

Поодаль, въ почтительной, даже, если говорить правду, рабской позѣ, сидѣлъ Барбосъ и, поднявъ правое ухо (лѣвое было давно оторвано), вѣрнопреданно подстерегалъ всякое движеніе Дормидонтыча.

Вася металась своей подпрыгивающей, сорочьей походкой и по сѣнямъ, и по крыльцу; успѣвала одновременно наблюдать и за бедонами, и за сепараторомъ, и въ то же время, не умолкая, болтала съ Дормидонтычемъ.

— У меня такой характеръ, что я люблю, чтобы у меня все было,—стрекотала она, наслаждаясь приливомъ самолюбиваго хвастовства;—если у меня чего нѣтъ, я всегда куплю, всегда куплю... А зато ужъ если есть—то надолго! Не люблю я вещи портить, не люблю! Зонтикъ, напримѣръ... У другихъ—годъ, много—два, а у меня—восемь! Восемь лѣтъ—и новёхонекъ!

Торжествующе смотрѣла Вася на Дормидонтыча и чувство-

вала себя особой умной, значительной, которой отведено почетное мѣсто въ мірозданіи.

Дормидонтычъ поправлялъ спутанную гриву „Котика“ и вынималъ изъ сбруи кусочекъ березовой коры, прикрѣпленный къ ремешку и замѣнявшій наглазникъ: на старости лѣтъ лошадь становилась пугливой.

— Это такъ, — отвѣчалъ онъ, — чего зря добро травить... Это глядя, у кого какая природа... У моей природы, напримѣръ...

Но такъ и осталось неизвѣстнымъ, какая природа у Дормидонтыча: онъ увидалъ Валю, и улыбка поплыла съ его лица навстрѣчу молодому другу.

— А утки-то, дѣдушка, тебя перестали слушаться, — по обыкновенію началъ дразнить его мальчикъ.

Старикъ не на шутку нахмурился.

— Ужо, погоди, послѣ Петрова дня станутъ послушны, — мрачно возразилъ онъ, точно пернатая аудиторія могла обнять весь ужасъ этой угрозы, — какъ ихъ къ господскому столу на жарковье...

Пришелъ Никита съ ручной телѣжкой, поставилъ на нее бедоны и покатилъ внизъ, къ парому.

— Смотри, ничего не забудь по списку! — вдогонку крикнула ему Василиса и, усмѣхнувшись, прибавила: — Хлопотъ! Гостей, гостей-то сколько у насъ будетъ! Къ первому наварить да напечь... Зато розовое платье надѣну... Вотъ, и ему уже четвертое лѣто, а никто не подумаетъ... Надо только на рукава матерію оставлять.

И снова она весело засмѣялась. Скромныя радости, которыми она умѣла украшать повседневность обыденной жизни, создавали въ Локустовскомъ домѣ атмосферу мѣщанскаго довольства, уюта, которымъ безсознательно проникались всѣ его обитатели.

— А у меня еще переэкзаменовки, — вздохнувъ, пожаловался Валя.

— Не лѣнитесь, — тенденціозно отвѣчала Вася и стала запирать молочную.

— А вѣдь рабочему и вправду слѣдуетъ больше, — недружелюбно сказалъ мальчикъ.

— Какому рабочему? — спросила Василиса, и какъ всегда, когда разговоръ касался меньшей братіи, лицо ея стало вдругъ сухое, почти враждебное.

— А вотъ тому... Вы сейчасъ его разсчитывали... Если онъ сталъ съ девяти утра...

— Фу ты, какой ариѳметикъ! — смѣясь, прервала его Василиса.

— Во-первыхъ, не ариѳметикъ, а математикъ,—важно поправилъ ее тотъ.

— А я не хочу ни во-первыхъ, ни во-вторыхъ...

Она подошла къ колоколу, висѣвшему посреди̇нѣ двора, и стала звонить „на ужинъ".

— Вы не смѣете не хотѣть разговаривать! — вспылилъ Валя.—Вотъ я дѣдушкѣ скажу!

— А вы не въ свое дѣло не мѣшайтесь... Я не дѣзу къ вамъ, когда вы по цѣлому часу передъ зеркаломъ вихоръ примазываете,—и вы ко мнѣ не лѣзьте.

Валя вспыхнулъ и отвернулся, чтобы скрыть это отъ глазъ экономки. Оскорбленіе было невыносимо, тѣмъ болѣе, что самъ потерпѣвшій не могъ не признать всей законности ядовитой насмѣшки: дѣйствительно, у Вали правая половина волосъ на головѣ какъ-то нелѣпо кудрявилась, и онъ не мало времени употреблялъ на то, чтобы привести ее въ приличный видъ... Но какъ могла проникнуть въ эту тайну Вася?

Однако, Валя не допустилъ себя промолчать и секунды: это значило бы признать свое пораженіе.

— Всѣ люди причесываются,—возразилъ онъ какъ бы небрежно,—а вотъ эксплоатировать народъ—это... это...

— Ахъ, проповѣдникъ какой, вы на амвонъ ступайте!— сказала Вася.

Сказала—и съ независимымъ видомъ направилась къ дому, подпрыгивая на ходу своей сорочьей походкой.

— Ну, хорошо же! — бросилъ ей вдогонку мальчикъ, побагровѣвъ отъ гнѣва.

Онъ рѣшилъ немедленно все разсказать дѣду. Но его не было дома.

Пріѣхавъ съ поля, Степанъ Михайловичъ отправился на болото, гдѣ сегодня производились опыты съ конными граблями, которыя онъ пытался приспособить особымъ усовершенствованьемъ спеціально для кочковатой мѣстности.

Эти грабли давно уже занимали собой вниманіе сосѣдей и служили предметомъ гордости семейства Локустовыхъ. На дняхъ привезли ихъ изъ города на паромѣ, а сегодня пріѣхалъ механикъ, чтобы все окончательно наладить.

Валя зналъ, что въ такое время дѣдъ не любилъ, чтобы ему мѣшали дѣти; но онъ былъ не въ силахъ ждать: оскорбленіе требовало отместки.

Быстро сбѣжалъ онъ по сѣнокосу къ узенькой полоскѣ лѣса, точно сторожившаго болото. Стволы елей высились кверху обнаженные, покрытые лишаями блѣдно-сѣраго мха; мшистыя бородавки, точно подушки, лежали на лужайкахъ, покрытыхъ черной прогнившей листвою; иногда узенькій просвѣтъ воды отражалъ въ себѣ зеркальную лазурь неба. Валя, знавшій здѣсь каждый кустикъ, прыгалъ осторожно съ бородавки на бородавку, и мокрая земля таинственно хлюпала подъ его ногами. Иногда каблукъ его упирался въ малахитово-зеленый пень, празднично разукрашенный вѣнками брусники, и пень разлѣзался въ мочалу, разсыпался мокрымъ прахомъ. Гдѣ-то начиналъ ухать филинъ, за нимъ послышался жалобный стонъ козодоя; сумерки сгущались, мохнатыя вѣтви елей начинали казаться непреодолимой преградой.

Но, къ счастью, уже свѣтлѣла опушка, оттуда уже доносились крики дѣда.

На опушкѣ было еще свѣтло, и хотя въ глубинѣ синяго неба зажигались первыя звѣзды,—западъ горѣлъ еще янтарными переливами заката. На этомъ яркомъ фонѣ рѣзко чернѣли поднятыя вверхъ грабли, похожія на ребра допотопнаго ископаемаго; силуэтъ Никиты, подобно вылитому изваянію, неподвижно высился на узкихъ козлахъ. Возлѣ копошился механикъ съ тонконосой масленкой въ рукахъ. Тутъ же стоялъ дѣдъ въ обычной позѣ—съ откинутой назадъ головой, съ заложенными за спину руками, въ дворянской фуражкѣ, изъ-подъ которой выбивались еще густыя кудри. Антонъ, старшій братъ Вали, любимецъ дѣда, валялся на копнѣ свѣже-скошеннаго сѣна.

Съ огорода поднимались къ дому поденщицы; проходя мимо дѣда, онѣ отвѣшивали ему низкіе поклоны; но старику некогда было отвѣчать на нихъ: онъ былъ взволнованъ, и отборныя ругательства его властнаго голоса такъ и растекались по воздуху.

— Нѣтъ, какъ онъ, каналья, повернулъ, а!—кричалъ Степанъ Михайловичъ, какъ бы призывая всѣхъ во свидѣтели:—еще немножко—и винтъ пополамъ!

Никита сидѣлъ все время неподвижно, точно это не къ нему относилось. Рабочіе привыкли къ брани помѣщика, тѣмъ болѣе, что она скорѣе входила въ систему хозяйничанья, чѣмъ была выраженіемъ гнѣва. Лицо дѣда при этомъ не было сердитымъ. Его глаза подъ высокимъ и узкимъ лбомъ сохраняли холодный блескъ стали, и только одутловатыя щеки, точно падавшія на шею, слегка тряслись, да подпрыгивалъ широкій подбородокъ.

Но вдругъ взглядъ его упалъ на подходившаго внука. Онъ

пріостановилъ потокъ педагогическаго сквернословія и нетерпѣливо спросилъ его:

— Что такое? Тебѣ нужно что-нибудь?

— Дѣдушка...—началъ быстро Валя и вдругъ замолчалъ: то, что сейчасъ казалось такъ просто, теперь невозможно было выговорить,—слова застревали въ горлѣ, не шли съ языка... Образъ Васи пріобрѣталъ голубиную непорочность, а собственная душа казалась чернѣе сажи.

Дѣдъ встрепенулся...

— Что-нибудь случилось?

Онъ повернулъ къ дому; Антонъ вскочилъ съ сѣна и пошелъ за нимъ слѣдомъ.

„Но вѣдь, все-таки, она обсчитала...“—подумалъ Валя, и началъ поспѣшно, путаясь, излагать свои недоумѣнія.

— Что такое? Какой работникъ? Какой разсчетъ?—спрашивалъ дѣдъ, у котораго безпокойство уступало постепенно мѣсто гнѣву.

Наконецъ, онъ и вопросы пересталъ задавать. Багровое облако появилось у него на толстой шеѣ, выступавшей изъ плотно застегнутаго воротника коломенковой тужурки, затѣмъ оно окрасило лобъ и отвислыя щеки. Валя, для храбрости шедшій все время сзади, не видалъ этихъ грозныхъ признаковъ; но неожиданное молчаніе не предвѣщало ничего хорошаго.

Но вотъ дѣдъ остановился, подпустилъ къ себѣ поближе оратора и, смѣривъ его худую, нескладную фигуру, медленно отчеканилъ:

— Ступай домой...

— Но, дѣдушка,—пытался протестовать Валя.

— Ступай домой, говорю я... И если ты еще когда-нибудь... когда-нибудь...

Валя пересталъ протестовать,—дѣдъ подавлялъ его своей властностью. Откинутая голова въ дворянской фуражкѣ, сѣдыя кудри, широкая грудь, холодный взглядъ сѣрыхъ глазъ, отъ сдержаннаго гнѣва налитыхъ кровью, были такъ повелительны при всемъ своемъ кажущемся спокойствіи, что мальчикъ, опустивъ глаза, прошелъ мимо старика и скрылся на тропинкѣ.

Изъ чувства товарищества, Антонъ не захотѣлъ покинуть опальнаго брата и еле поспѣвалъ своей коренастой, неуклюжей фигурой за его длинными ногами.

— Вотъ и вышелъ оселъ!—сказалъ онъ, наконецъ, догнавъ брата.—Чего лѣзешь? Онъ и такъ сердитъ, а ты... Фу, оселокъ...

Валя ничего не отвѣтилъ. Помимо мальчишескаго страха,

который всегда овладѣвалъ имъ, когда дѣдъ сердился, въ его душѣ начиналась какая-то раздвоенность, чувство неудовлетворенія, безсознательная тревога.

— И право, оселокъ! — продолжалъ Антонъ, принявшій къ сердцу пораженіе Вали.—Тебѣ-то какая печаль? Чего ради доносить...

— Доносить...—Валя презрительно улыбнулся.—Это не доносъ, когда человѣкъ хочетъ исправить гадость... Васька обсчитываетъ—на нее и кричать надо... Вѣдь онъ хозяинъ, значитъ, это его дѣло.

— Ну, да, онъ хозяинъ,—убѣжденно повторилъ Антонъ,—вотъ онъ и не любитъ, чтобы мѣшались; да еще... ты!

— А развѣ можно было молчать, когда эта Василиса...

Братья поднялись на гору.

На освѣщенномъ балконѣ уже былъ накрытъ ужинъ, мелькали тѣни домашнихъ, прислуги.

— Куда-же ты, а ужинать?—удивился Антонъ, когда Валя пошелъ мимо дома, наверхъ, въ гору.— Вонъ уже Марѳа и баба Ева.

— Я не буду ужинать,—пробормоталъ Валя.

— У тебя завтра чехъ?—продолжалъ выражать свое участіе Антонъ.

— А чортъ съ нимъ!—отвѣчалъ неблагодарный, повертывая на тропинку, ведущую къ мѣсту, которое называлось у нихъ „гротомъ".

Въ дѣйствительности, это была яма, вырытая въ крутомъ откосѣ горы, откуда нѣсколько лѣтъ назадъ добывали песокъ для построекъ. Теперь земля тамъ была покрыта сѣномъ, нависшій сводъ подпертъ бревномъ и доскою. Посрединѣ росла старая береза, пощаженная рабочими, блѣдный стволъ которой, освобождаясь постепенно отъ почвы, отмѣчалъ на себѣ время своего освобожденія. И теперь еще можно было наблюдать, какъ твердѣла нѣжная кора, появляясь на свѣтъ божій изъ-подъ земли, какъ она переходила изъ сѣрой въ бѣлую, а наверху шелушилась тоненькими атласистыми чешуйками. У ея ствола стоялъ большой ящикъ, изображавшій столъ со шкапомъ; а около помѣщался маленькій,—съ успѣхомъ замѣнявшій стулъ.

Отсюда открывалась чудная перспектива на паркъ, на домъ съ его бѣлымъ „перистилемъ", на садъ, спускавшійся правильными рядами къ рѣкѣ, по которой двигался паромъ, оставляющій на водѣ непрерывные правильные полукруги. Городъ, стоявшій у воды, маячилъ въ сумеречномъ туманѣ золотыми точками рѣдкихъ огней.

Надъ ямой, точно пытаясь заглянуть туда, трепетала обнявшаяся съ березой ольха, которая едва держалась полуобнаженными корнями, грозя ежеминутно сорваться. Другіе кустарники, раньше окружавшіе яму, уже лежали внизу, оторванные отъ родной земли.

„Гротъ“ находился въ полной собственности Вали. Онъ открылъ его, омеблировалъ, поставилъ подпорки и приходилъ сюда читать, любоваться закатомъ, рѣкою.

Сегодня мальчикъ принесъ въ „гротъ“ новое чувство, всей важности котораго онъ не умѣлъ понять, и которое затронуло въ душѣ его струны, дотолѣ еще не звучавшія.

Валя долго смотрѣлъ вдаль съ неопредѣленной тупой болью въ душѣ, и одиночество не умиротворяло его, какъ бывало. Ему хотѣлось пойти „наверхъ“, къ сосѣдямъ Панцыревымъ, и разсказать свои недоумѣнія; но пришлось бы говорить о дѣдѣ... а онъ выросъ въ тискахъ семейнаго патріотизма, который исключалъ всякую возможность критики. Власть Степана Михайловича считалась неоспоримой, авторитетъ несомнѣннымъ; обиходъ жизни— самый цѣлесообразный. И знакомые, безсознательно, признавались постольку, поскольку являлись славословящимъ хоромъ въ этомъ обиходѣ; но стоило только кому-нибудь изъ нихъ (какъ это было съ Панцыревыми, къ которымъ Валя бѣгалъ безъ разрѣшенія) стать въ противорѣчіе съ традиціями семьи,—хозяинъ чувствовалъ охлажденіе, и мало-по-малу, естественнымъ ходомъ событій; близость исчезала.

И эти семейныя традиціи были такъ сильны у Вали, что онъ не рѣшался разсказать свои недоумѣнія Панцыревымъ, съ которыми, къ тому же, дѣдъ уже давно поддерживалъ только оффиціальныя отношенія.

А мальчику такъ хотѣлось говорить!

И вдругъ онъ увидалъ Марѳу, свою двадцатилѣтнюю сестру. которая, незамѣченная имъ, уже подходила къ „гроту“.

— Ты чего, Валикъ, не ужиналъ?—спросила Марѳа.

— Дѣдъ на меня разсвирѣпѣлъ, Мара, — отвѣчалъ тотъ, со вздохомъ.

Марѳа на жалобу не обратила вниманія: дѣдъ не любилъ Валеріана, и въ семьѣ привыкли къ легкимъ несправедливостямъ, которыми ознаменовывалось его неровное отношеніе къ внукамъ.

— Но разсуди,—взволнованно продолжалъ Валя:— онъ разсердился, что я вмѣшиваюсь; но когда Васька обсчитываетъ...

Марѳа, которая уже беззаботно повалилась подъ березу, вдругъ привстала на локтѣ.

— Что такое? — спросила она, поворачивая къ брату свое некрасивое, широкоскулое лицо съ прекрасными сѣрыми глазами: — откуда ты узналъ про Василису?

Валя, снова путаясь и снова захлебываясь, передалъ маленькую сценку съ рабочимъ и свой разговоръ съ дѣдомъ. Со снисходительнымъ презрѣніемъ вспомнилъ онъ и обидную насмѣшку Василисы; но теперь она больше уже не играла роли: мысли его перешли въ область высшаго порядка.

— За что тутъ сердиться, Мара?—кончилъ Валя, бросаясь рядомъ съ сестрой на сѣно: — онъ долженъ быть доволенъ... Неужели онъ станетъ терпѣть, чтобы у насъ обсчитывали?

Глубокая тѣнь омрачила лицо Марѳы. Она помолчала нѣкоторое время и потомъ отвѣтила, стараясь казаться какъ можно равнодушнѣе:

— Конечно, ты мѣшаешься не въ свои дѣла. А вѣдь латынь-то еще не сдана?

Валя съёжился и посмотрѣлъ на сестру съ укоромъ; онъ ожидалъ отъ нея иного отвѣта; онъ хотѣлъ бы говорить много-много, хотѣлъ бы понять все, сразу и—успокоиться отъ грызущаго чувства... Но Марѳа точно не замѣтила произведеннаго впечатлѣнія и поспѣшно встала съ сѣна.

— Совѣтовала бы я тебѣ идти спать,—сказала она еще,—вѣдь чехъ не пощадитъ.

И поспѣшно скользнула внизъ, точно опасаясь продолжать бесѣду.

Проходя въ свою комнату черезъ балконъ, гдѣ еще сидѣлъ дѣдъ со своей сестрой, Евой Михайловной, Марѳа надѣла на лицо маску обыденнаго равнодушія, какъ то привыкла дѣлать при старшихъ; а между тѣмъ, она была глубоко взволнована.

Она сама, приблизительно въ возрастѣ Вали, также подняла знамя бунта, не желая покоряться деспотической власти дѣда; но только у нея пробужденіе самосознанія началось съ болѣе личныхъ, эгоистическихъ мотивовъ. Еще она не кончила курса гимназіи, когда дѣдъ, у котораго входило въ систему, чтобы никакая хозяйственная сила не пропадала даромъ, рѣшилъ, что внучка должна освободить Василису отъ молочнаго хозяйства; но тутъ натолкнулся на рѣшительное сопротивленіе.

— Никогда, никогда я не стану у васъ хозяйничать,—заявила Марѳа съ твердостью, которая была удивительна для такого подростка.

— Что же, ты намѣрена у меня сидѣть на шеѣ?—скрывая свое изумленіе, сказалъ дѣдъ.

— Нѣтъ... я уѣду,—отвѣтила дѣвочка.

— Ты думаешь, я стану содержать тебя?—сурово проговорилъ Степанъ Михайловичъ:—такъ знай заранѣе: отъ меня не получишь ни копѣйки.

— Я знаю,—отвѣчала Марѳа.

И немедленно послѣ этого разговора она начала копить деньги, для осуществленія своей мечты. Это была не ребяческая игра, а настоящее дѣло серьезнаго человѣка. Деньги, которыя выдавали ей на извозчика, на лакомства, какъ подарокъ на именины, она прятала въ копилку; и если результаты экономіи выходили не особенно блестящи, то во всякомъ случаѣ это было не отъ ея расточительности. Благодаря помощи Евы Михайловны, Марѳа поступила на фельдшерскіе курсы. Черезъ два года она поѣхала на мѣсто съ больной заграницу и теперь могла продолжать учиться на свои средства.

За эти два года между нею и дѣдомъ шла глухая, никому невидимая борьба. Старикъ не могъ простить такого явнаго пренебреженія его желаніями; но въ то же время втайнѣ началъ уважать энергичную дѣвушку; а Марѳа все болѣе отчуждалась отъ него и еще отъ Антона, его любимца. Она сторонилась брата именно потому, что онъ былъ любимецъ, здоровый, краснощекій и, какъ ей казалось, безъ Бога въ душѣ. Валя, напротивъ, съ дѣтства былъ предметомъ ея нѣжной заботливости. Она предчувствовала и въ немъ тотъ духъ протеста, который сдѣлалъ ея жизнь трудной. Она вѣрила, что Валя, подобно ей, сумѣетъ сбросить съ себя цѣпи семейнаго деспотизма и вступитъ въ жизнь свободнымъ человѣкомъ. Она желала этого и боялась въ одно и то же время, зная, что тогда жить ему станетъ труднѣе.

И вотъ, этотъ моментъ наступилъ, наступилъ раньше, чѣмъ она ожидала. Марѳа испугалась за брата. Ей вдругъ захотѣлось отсрочить тягостное время, оградить нѣжную душу своего любимца отъ опасныхъ вопросовъ и той пытки безысходности, которая слѣдуетъ за невозможностью ихъ разрѣшенія.

И взволнованная дѣвушка стояла передъ окномъ, вглядываясь во мракъ ночи, и мучительно шептала:

— Но развѣ это возможно? Развѣ возможно?

II.

За недѣлю до перваго іюня, всѣ въ Локустовкѣ были заняты приготовленіями къ пріему гостей.

Степанъ Михайловичъ любилъ ослѣплять сосѣдей не только широтой культурныхъ задачъ, блескомъ практическихъ приспособленій, но и гостепріимнымъ хлѣбосольствомъ. Онъ упивался лестью гостей, всеобщимъ признаніемъ его превосходства.

Раньше Локустовка, или „золотое дно", какъ называютъ теперь имѣніе, была просто дачей съ громаднымъ помѣщичьимъ домомъ. Съ незапамятныхъ временъ этотъ клочокъ, въ числѣ прочаго несмѣтнаго количества десятинъ, принадлежалъ дворянамъ Панцыревымъ, которые стали сильно бѣднѣть послѣ освобожденія крестьянъ. Панцыревы, вообще, не любили хозяйничать, а пошли больше по ученой части. Одинъ изъ нихъ, товарищъ Грановскаго, жилъ всегда въ Москвѣ, крестьянъ держалъ на оброкѣ. Сынъ его, учитель гимназіи, освободилъ крестьянъ съ землею безъ выкупа, и случилось такъ, что его наслѣдники получили уже только громадный домъ съ флигелями, да нѣсколько сотъ десятинъ, въ которыя входилъ и лѣсокъ, и болота, и клочки вспаханной земли, сплошь перерѣзанной дорогами. Два брата раздѣлились и смотрѣли на свое имѣніе какъ на дачу. Только когда младшій женился на Евѣ Михайловнѣ Локустовой, Степанъ Михайловичъ началъ журить его за то, что онъ оставляетъ такой чудесный уголокъ безъ вниманія. Тогда зять отдалъ ему имѣніе въ аренду; а молодые ѣздили туда только на лѣто. Но недолго пришлось пожить вмѣстѣ этой парѣ: Панцыревъ внезапно скончался, оставивъ женѣ въ наслѣдство землю и огромный домъ, а Ева Михайловна, которой минуло тогда 28 лѣтъ, отдала все брату.

— Я все равно ничего здѣсь не сумѣю сдѣлать, — говорила она, — а ты станешь веселѣе работать, когда это будетъ твое.

— Глупое дитя! — покровительственно, какъ всегда, возразилъ Степанъ Михайловичъ: — вѣдь ты еще замужъ выйти захочешь...

— Я? Замужъ? — повторила Ева Михайловна и улыбнулась.

Больше она не прибавила ничего: но братъ понялъ, что она никогда не забудетъ своего кратковременнаго счастья.

Съ тѣхъ поръ про хуторъ, переименованный изъ Панцыревки въ Локустовку, и пошла слава. Его узнали въ губерніи, а въ городѣ всякій мальчишка могъ указать на холмѣ за рѣчкой красивый домъ со сверкающими ясными окнами и закругленной бѣлой колоннадой подъѣзда, который называли „перистилемъ".

Домъ Панцыревыхъ, старинное барское гнѣздо, съ лежанками, боковушами, сѣнниками, былъ заново передѣланъ; всѣ чуланчики, закоулки уничтожены. Изъ двадцати-четырехъ колоннъ, поддерживавшихъ въ залѣ хоры, устроили изящную колоннаду подъѣзда, спускающуюся къ рѣкѣ двумя красивыми полукругами, и сѣрое заброшенное зданіе, на которое въ городѣ раньше никто не обращалъ вниманія, теперь эффектно выдѣлялось на фонѣ густой зелени столѣтняго парка.

И вокругъ тоже закипѣла жизнь. Внизу, около рѣки, гдѣ было всегда болото, вытянулись длинныя и узкія грядки огородовъ съ особой системой дренажа, спеціально придуманной Степаномъ Михайловичемъ. На горѣ раскинулся молодой садъ, поливаемый гидравлическимъ насосомъ; „горбы“, гдѣ раньше невозбранно паслась крестьянская скотина, распахивались подъ просо и пшеницу; ржавые отъ гнилости „залоги“ прорывались канавами, и вскорѣ на нихъ появилась зеленая щетка гибкой лозы.

Теперь все удавалось Степану Михайловичу, тогда какъ до этого судьба не баловала его своими улыбками.

Родители его, довольно богатые помѣщики, не сумѣли оправиться послѣ освобожденія крестьянъ, и молодой Локустовъ вошелъ на арену жизни невооруженный капиталомъ. Онъ храбро ринулся въ аттаку за счастьемъ; но всегда случалось такъ, что въ концѣ концовъ эта аттака бывала отбита.

Кончивъ курсъ университета, Степанъ Михайловичъ пошелъ въ мировые посредники, стремясь осуществить самую широкую программу; но ихъ скоро упразднили. Недолго побылъ онъ и на службѣ въ интендантствѣ, гдѣ собирался примѣнять принципы кооперації,—его начальника засудили за воровство, и самъ онъ долженъ былъ давать показанія... Женился по любви на дочери фабриканта спичекъ, — тесть разорился, а молодая жена скоро умерла, оставивъ ему единственнаго сына. Послѣ этого Локустовъ много лѣтъ служилъ управляющимъ у богача Харитонова, примѣняя на практикѣ свою собственную систему утилизаціи негодныхъ земель; но и тутъ, какъ разъ, ливень проливался на болото, которое было уже почти осушено, или засуха испепеляла степь, почти оплодотворенную снѣговой водой...

Это „почти“, точно насмѣшка, сопровождало всякое начинаніе Степана Михайловича. Онъ усталъ превозмогать невзгоды, неудовлетворенное честолюбіе изгрызло его душу; а потому, приступая къ осуществленію своей программы на поляхъ Локустовки, онъ рѣшилъ изгнать это проклятое „почти“ силой разсчета, ма-

тематической предусмотрительности. Тѣмъ болѣе, что у него тогда былъ помощникъ въ лицѣ женатаго сына, имѣвшаго уже маленькую дочь Марѳу.

И Степанъ Михайловичъ старался развернуть свои таланты, удовлетворить честолюбіе. Онъ скрывалъ довольную улыбку, когда сосѣди въ глаза называли его „культуртрегеромъ“; но въ глубинѣ души находилъ, что это слово не охватываетъ всей его дѣятельности... Ему хотѣлось словечка посильнѣе...

Вѣдь онъ научилъ туземцевъ строить финляндскіе колодцы съ крышей; онъ ввелъ впервые посѣвъ бѣлотурки; онъ поставилъ на границѣ своего парка деревянный сарай съ надписью: „пожарное депо“. И внутри сарая, дѣйствительно, хранились пожарныя приспособленія, а снаружи стоялъ столбъ съ колоколомъ, предметомъ вожделѣній всѣхъ деревенскихъ мальчишекъ. Наконецъ, отъ хутора къ городу ходилъ паромъ („настоящее благодѣяніе для крестьянъ“, какъ говорили домашніе), на которомъ ежедневно доставлялись въ городъ бедоны съ молокомъ, овощи, битая птица...

И Локустовка богатѣла, украшалась; земля тучнѣла отъ удобреній, давая обильные урожаи; болота высыхали, выращивая чудесные овощи; а затѣмъ,—что̀ съ особенной завистью замѣчали бѣднѣвшіе сосѣди, — имѣніе начинало мало-по-малу округляться.

Крестьяне деревни Панцыревки, старинной вотчины Панцыревыхъ, единственный представитель которыхъ жилъ еще на верху во флигелѣ, сначала отнеслись равнодушно къ перемѣнѣ владѣльца; но вскорѣ это отношеніе начало радикально измѣняться. Оказалось, что ихъ поля съ полями Локустова представляли истинный хаосъ черезполосицы. Раньше никто не замѣчалъ этого; но когда землемѣры отдѣлили землю крестьянъ, безалаберно отмѣренную учителемъ Панцыревымъ, отъ земли, принадлежащей Степану Михайловичу,—деревенскіе обыватели поняли, что это дѣло вовсе не такъ маловажно, какъ оно представлялось имъ вначалѣ. Дороги, не внесенныя на планъ, были всѣ распаханы, отчего ближайшій выходъ къ рѣкѣ отрѣзанъ, выгонъ загороженъ, прямая дорога къ парому занята огородомъ.

Нѣсколько разъ міръ подстерегалъ Еву Михайловну, когда она проходила деревней къ своему деверю, Георгію Павловичу Панцыреву, и пытался объяснить ей свою обиду. Она изумлялась, терялась, не знала, что̀ отвѣтить.

— Я скажу брату, онъ разберетъ, — бормотала она. — Конечно, это ужасно... Неужели къ водѣ нѣтъ выхода?... Я поговорю... Вы приходите къ намъ...

И она, дѣйствительно, говорила; но только не брату, котораго побаивалась, а племяннику Алексѣю.

— Нелѣпыя претензіи, — отвѣчалъ Алексѣй: — сколько имъ отецъ сдѣлалъ, а они... Пускай приходятъ, у насъ все по закону...

Крестьяне пришли. Степанъ Михайловичъ вышелъ къ нимъ съ землемѣромъ, показалъ имъ старые планы, свое размежеванье—все выходило ясно, какъ на ладони.

— Вотъ моя земля, вотъ ваша, видите, — говорилъ онъ,— я вашего не хочу; но и своего мнѣ отдавать не изъ чего.

— Съ испоконъ вѣку у насъ къ выгону дорога велась,— твердили свое крестьяне,—а теперь, ни къ выгону, ни къ рѣчкѣ...

— Велась,—а теперь поведется иначе,—спокойно отвѣчалъ Локустовъ.—Вы отъ меня много добра видѣли... Что могу—то дѣлаю; а ужь больше не требуйте...

Крестьяне недоумѣвали отъ такой постановки вопроса; но, наконецъ, поняли, что новый сосѣдъ ничего не уступитъ. Они перестали подстерегать Еву Михайловну на деревенской улицѣ; только въ праздники вслѣдъ ей неслась тихая брань; да однажды какой-то пьяный ей крикнулъ:

— Утопила ты насъ, барыня сахарная!

Ева плохо понимала, въ чемъ дѣло, но упрекъ приняла близко къ сердцу: ея нѣжная душа такъ всегда стремилась къ тому, чтобы всѣмъ было хорошо! Побуждаемая этимъ добрымъ чувствомъ, она отдала имѣнье брату, и вдругъ — кто-то страдаетъ отъ этого! Нерѣшительная, робкая по природѣ, Ева боялась всего на свѣтѣ: кошекъ, собакъ, всякой заразы. Мышь заставляла ее испускать истерическіе крики... Боялась она кого-нибудь обезпокоить, обидѣть, причинить непріятность; а тутъ вдругъ —вся деревня на нее негодуетъ.

Чистенькая, худенькая, всегда въ корсетѣ, въ бѣломъ воротничкѣ и манжетахъ, съ блѣдными руками и прозрачнымъ лицомъ, обрамленнымъ волосами такими свѣтлыми, что ранняя сѣдина была въ нихъ почти незамѣтна, Ева, дѣйствительно, походила на „сахарную“, какъ мѣтко назвалъ ее пьяный мужикъ.

Читая ли старинныхъ французскихъ классиковъ, передавая ли средневѣковый пылъ Страделлы на своемъ дѣвическомъ піанино съ пожелтѣвшими клавишами, она много думала о несправедливости крестьянъ. Она жаловалась на нихъ своему деверю Георгію Павловичу; но тотъ отмалчивался такъ тенденціозно, что она, наконецъ, рѣшила поговорить съ братомъ.

Она выбрала моментъ, когда Степанъ Михайловичъ былъ въ духѣ, и робко сказала:

— Степушка, что это все крестьяне ропщутъ? Чѣмъ это я ихъ погубила? Ужасно мнѣ непріятно... Такъ хочется какъ-нибудь помочь... Поправить...

Локустовъ посмотрѣлъ на нее сверху внизъ, какъ смотрятъ снисходительные родители на заболтавшихся дѣтей.

— Ева, моя „первая женщина"!—отвѣчалъ онъ шутливо,—ты хочешь говорить о дѣлѣ, то-есть о томъ, чего не понимаешь...

— Но, голубчикъ, они все толкуютъ, что мы ихъ въ конецъ обездолили...

Степанъ Михайловичъ начиналъ терять терпѣніе. Его лицо съ узкимъ лбомъ и отвислыми щеками порозовѣло, стальные глаза пріобрѣли блескъ неестественнаго спокойствія.

Ева, видѣвшая это, поняла, что онъ начинаетъ сердиться.

— Пока я здѣсь хозяинъ, я никому не стану отдавать отчета,—сказалъ онъ медленно,—но я всегда помню, что имѣнье—твое.

— Что ты! Что ты!—воскликала Ева.

— И если ты находишь, что надо его вести иначе,—бери и управляй.

— Степушка, какой ты... уже обидѣлся!—исполненная раскаянія, повторяла Ева, и Степанъ Михайловичъ снисходительно принялъ ея извиненія.

Что она можетъ понять? И стоитъ ли объяснять ей, что уступать нельзя, ни шагу, ни пяди,—иначе пострадаетъ вся его планомѣрно задуманная работа.

Съ тѣхъ поръ Ева никогда не начинала разговора о крестьянахъ; а къ Панцыревымъ стала ходить не черезъ деревню, но въ обходъ, полями...

Такимъ образомъ, Локустовка продолжала безпрепятственно округляться. Всякіе клинушки, откосы, балочки, о которыхъ раньше не думали окрестные помѣщики, скупались за безцѣнокъ; на рѣкѣ выросла мельница; у глинянаго оврага пріютился кирпичный заводъ, гдѣ на каждомъ кирпичѣ полностью повторялась фамилія хозяина; питомникъ славился за предѣлами губерніи; а до локустовскихъ парниковъ далеко было даже архіерейскимъ.

Но вдругъ, какъ громовый ударъ среди яснаго неба, внезапно разразилась трагедія надъ Локустовскимъ домомъ, и снова чуть не разрушилось зданіе, которое съ такимъ успѣхомъ воздвигалъ Степанъ Михайловичъ: внезапно умеръ молодой хозяинъ Алексѣй Степановичъ; а вслѣдъ за нимъ послѣдовала обезумѣв-

шая жена его, черезъ часъ послѣ преждевременнаго рожденія Валеріана... Несчастіе усложнилось массой потрясающихъ подробностей, которыя могли рѣшительно повліять на судьбу семьи; но дѣдъ собралъ всѣ свои силы для борьбы и устоялъ. Роковые дни пронеслись грознымъ вихремъ, не пошатнувъ налаженныхъ устоевъ.

Ева Михайловна осталась въ домѣ хозяйкой; но не надолго, пока не прошелъ первый ужасъ отъ катастрофы. По тому, какъ она забывала связку съ ключами, то въ передней, то на кухнѣ; по тому, какъ она обращалась съ прислугой, опасаясь причинить ей какую-нибудь непріятность,—Степанъ Михайловичъ увидалъ, что изъ этой „первой женщины“ толку не будетъ... При чужихъ онъ отзывался о сестрѣ какъ о рѣдкомъ чудномъ созданіи; но въ тайникахъ души своей презиралъ ее, какъ никчёмнаго человѣка, не умѣющаго приложить къ жизни данныя Богомъ силы. И то, что она отдала ему имѣнье, служило для него главнымъ доказательствомъ.

Зато экономка, приглашенная замѣнить Еву Михайловну, оказалась настоящимъ сокровищемъ.

Быстротой, мелкостью движеній, спѣшнымъ говоркомъ, Василиса очень напоминала сороку. И ходила она вприпрыжку, точно перескакивала съ вѣтки на вѣтку; и смотрѣла искоса круглымъ сверкающимъ взглядомъ, обведеннымъ рѣсницами, какъ пеленою. Въ ея легкомысленной страсти къ пустякамъ, къ яркимъ тряпочкамъ, къ сверкающимъ побрякушкамъ было тоже что-то сорочье. И въ то же время, она умѣла „обращаться съ людьми“, и „выдать“, и „требовать“, и „разсчитываться“.

Въ дни семейныхъ торжествъ Василиса была на высотѣ неоспоримой. Она умѣла внести въ хозяйничанье маленькія радости, пустяшные сюрпризы, которые скрадывали пошлость обыденности, придавая теплоту и уютъ домашнему обиходу. И всѣ безсознательно цѣнили Василису больше всего за эту черту. Она же гордилась популярностью Степана Михайловича, и также любила при гостяхъ поговорить о культурной дѣятельности Локустова, о паромѣ, о пожарномъ депо или финляндскихъ колодцахъ.

Теперь она искренно была увлечена усовершенствованіемъ въ конныхъ грабляхъ, для демонстрированія которыхъ былъ приглашенъ почти весь городской чиновный людъ.

III.

Къ двумъ часамъ дня Локустовскіе гости начали собираться, и весь домъ загудѣлъ какъ улей.

Кромѣ званыхъ, пріѣзжали и незваные—были всѣмъ рады. Илья Ильичъ Прохоровъ привезъ съ собой еще собственныхъ гостей изъ Киселевки.

— Пріѣхали... не топить же мнѣ ихъ,—пояснялъ онъ, трясясь отъ смѣха всѣмъ своимъ тощимъ тѣломъ, — вотъ и получите!

— Вы ужъ извините, что я въ тужуркѣ, — говорилъ одинъ изъ гостей:—пріѣхалъ покупать плужки—одолѣли крестьяне!—да вотъ этотъ аспидъ, вмѣсто станціи, сюда меня и завезъ... Я и не думалъ попасть на этакое торжество прогресса...

— Милости просимъ!—привѣтливо говорилъ хозяинъ, и отходилъ, чтобы привѣтствовать другихъ.

А балконъ постепенно наполнялся народомъ, все больше плотнымъ, осанистымъ, съ красными шеями, съ кадыками, съ громкимъ голосомъ и увѣренной походкой.

Огромный столъ уже былъ раздвинутъ; тамъ стучали тарелками, звенѣли серебромъ; Василиса, въ розовомъ платьѣ съ модными рукавами, которые ярко выдѣлялись на вылинявшемъ лифѣ, перебрасывалась, какъ мячикъ, изъ парниковъ на кухню, изъ кухни въ оранжерею или въ кладовую; но въ то же время она успѣвала привѣтствовать гостей и уже издали кричала каждому, сгорая безкорыстнымъ тщеславіемъ:

— А у насъ сегодня „вышни“! Вышни у насъ будутъ! И сколько много, кабы кто зналъ...

Гостямъ становилось весело, и отъ вишень, и отъ сорочьей походки Василисы, и отъ ея модныхъ рукавовъ.

Въ перистилѣ, среди бѣлыхъ колоннъ съ трельяжемъ наверху, обвитымъ дикимъ виноградомъ, ставились круглые столики для молодежи, и франтоватые старики, — предводитель съ прокуроромъ,—отвоевывали тамъ себѣ мѣста, вызывая этимъ на протестъ молодыхъ людей. Дѣвицы смѣялись въ унисонъ; но такъ-называемая молодежь, въ лицѣ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, не особенно защищала позицію, занимая среднее положеніе на ступенькахъ балкона: оттуда было удобно наблюдать, какъ тароватая Василиса таскаетъ къ закусочному столу коробки консервовъ всевозможныхъ формъ и размѣровъ. Увѣнчаться все это

должно было хрустальнымъ боченкомъ съ зернистой икрой; но осторожная Вася держала ее пока на ледникѣ, потому что у стола уже прогуливался благообразный старичокъ казначей—съ иконописнымъ лицомъ и бородой патріарха: гроза всѣхъ хозяекъ, почтенный „Палъ Палычъ“ умѣлъ такъ быстро подчищать закуски, что малѣйшая разсѣянность домашнихъ оставляла другихъ гостей уже передъ остатками. Наученная горькимъ опытомъ, Василиса не торопилась даже раскупоривать коробки съ консервами; а молодежь, которой была понятна причина этой осторожности, весело посмѣивалась.

Не смѣялся только развѣ судебный слѣдователь Похвистневъ, у него была своя забота—отсутствіе аппетита, которое при данныхъ обстоятельствахъ было такъ обидно! Онъ прогуливался передъ балкономъ для моціону, глаза его стали какіе-то тусклые, стеклянные... Онъ какъ бы смотрѣлъ ими внутрь себя, чуть ли не въ желудокъ, подстерегая тамъ таинственное движеніе соковъ...

Въ самомъ разгарѣ хозяйственнаго вдохновенія Василисы, въ то время, какъ она несла въ рукахъ чуть ли не дюжину бутылокъ вѣеромъ, кто-то ударилъ въ ладоши у самаго ея уха.

Она вздрогнула, оглянулась и радостно воскликнула:

— Ахъ... Амурчикъ!—и вся зардѣлась.

— Только крылышекъ не хватаетъ! — далъ свой обычный отвѣтъ тотъ, кого называли Амурчикомъ, и, галантно принявъ изъ рукъ Васи часть бутылокъ, поставилъ ихъ на столъ.

— А я боялась, вы опоздаете,—сказала она.

Амурчикъ, или Василій Петровичъ Дулѣбовъ, приходился кузеномъ Локустову. Онъ былъ уже солиднаго возраста, но такой кругленькій, уютный, съ такой розовой лысиной и смѣющимися заплывшими глазками, что къ нему очень подходило его прозвище, на которое онъ всегда откликался съ видимымъ удовольствіемъ.

— Я-то никогда не опаздываю,—отвѣчалъ онъ,—а ужъ кулебяка ваша подгоритъ: Флегонтъ Тимоѳеевичъ еще только поспѣваетъ.

Флегмонтъ Тимоѳеевичъ Полуэхтовъ—вершитель судебъ и первый сановникъ города Богородска, такъ что роптать ие приходилось. Вася только вздохнула.

— Весь городъ у васъ сегодня...—сказалъ Дулѣбовъ, оглядывая съ высоты балкона массу гостей, гулявшихъ въ саду:—что же не видно молодой хозяйки?

— Марѳа у Панцыревыхъ,—отвѣчала Вася.

— Значитъ, и мамзель Шовенъ будетъ? И съ женихомъ?.. А, вонъ и мадамъ прокурорша...

Онъ сдѣлалъ томное лицо и проговорилъ, передразнивая эту даму:

— „Я не злая... Я даже не сердитая; но я только до безумія люблю правду...“ Похоже?

Василиса благодарно хохотала.

— Ну! Кулебяка спасена! — воскликнулъ вдругъ Дулѣбовъ, приставивъ къ глазамъ руку козырькомъ:—идетъ паромъ, идетъ!

Онъ сошелъ со ступенекъ, улыбаясь всѣмъ, кого видѣлъ. По пути встрѣтилъ Валю, задержалъ его руку въ своей и, смѣясь, спросилъ:

— А, говорятъ, твоя Дамка сдохла?

— Да, умерла, — хмуро отвѣтилъ Валя, который очень жалѣлъ свою собаку:—что же тутъ смѣшного?

— Ну, ну,—примирительно возразилъ Дулѣбовъ,—ты вѣдь такъ любилъ ее...

— А еслибы я не любилъ, вы бы не смѣялись?—спросилъ, отходя, мальчикъ.

Дулѣбовъ еще разъ засмѣялся и, оживленный, доброжелательный, пошелъ къ пристани.

Оттуда уже поднимался къ нему навстрѣчу Флегонтъ Тимоѳеевичъ съ сыномъ Тимоѳеемъ Флегонтовичемъ. Старикъ шелъ медленно; его слабыя ноги едва могли поддерживать тяжесть тучнаго тѣла съ тонкими костями, на которыхъ висѣли дряблые, залитые жиромъ, мускулы.

Зато Тимоѳей Флегонтычъ былъ, по выраженію Василисы, „точно игрушечка“. Подвижный, хотя тоже полный, онъ парадировалъ передъ дамами въ брюкахъ съ туго обтянутыми бедрами и въ такомъ коротенькомъ моднѣйшемъ вестончикѣ, что прокурорша, дама не злая, но любящая правду, замѣтила своей сосѣдкѣ:

— Но вѣдь онъ неприличенъ, милая, — и больше уже не смотрѣла въ ту сторону.

Сосѣдка, молоденькая супруга второго судьи, смолчала, нисколько не согласная съ этимъ, и скоро присоединилась къ кружку, который развлекался остротами именно этого „милаго Тимоши“.

Старикъ Полуэхтовъ взошелъ на балконъ, и тамъ сразу стало будто тѣснѣе. Всѣ задвигались, каждый уступалъ ему лучшее мѣсто. Флегонтъ Тимоѳеевичъ, привычный къ почету, здоровался неторопливо, точно священнодѣйствуя, подавалъ палецъ... Но, встрѣтивъ пасмѣшливый взоръ секретаря Воздвиженскаго, мимо

котораго хотѣлъ-было пройти къ болѣе чиновному лицу, онъ остановился, протянулъ тому свою жирную узкую длань и снисходительно проговорилъ:

— Простите, батенька, показалось, будто мы въ городѣ видались...

Покончивъ съ обрядомъ здравствованья, старикъ занялъ мѣсто во главѣ стола возлѣ хозяина.

Больше некого было ждать; гости разсаживались, изъ кухни выносили кулебяку, покрытую узорнымъ полотенцемъ; Василиса поставила на столъ икру, въ затуманившемся отъ тепла хрустальномъ боченкѣ. Слѣдователь шелъ за ней съ расцвѣтшимъ лицомъ и прояснившимся взоромъ: давно желанный аппетитъ, наконецъ, появился...

Однако, мѣсто у икры уже было занято: старичокъ казначей разставилъ несокрушимыя локти угломъ и уже работалъ надъ хрустальнымъ боченкомъ, игнорируя обжигающіе взгляды Василисы.

— Батюшка, Никаноръ Иванычъ, перцовочки, а?—говорилъ Степанъ Михайловичъ, глядя на него зелеными глазами; но благообразный старичокъ въ обманъ не давался.

— Спасибо... я уже...—бормоталъ онъ, запуская ложку все глубже.

Приходилось покориться.

За обѣдомъ разговоръ шелъ нейтральный, не касаясь ни общей, ни мѣстной политики, такъ какъ Степанъ Михайловичъ, въ качествѣ либерала-патріота, принималъ у себя представителей разныхъ партій.

Дулѣбовъ, какъ всегда, былъ душой общества за столомъ, также какъ „милый Тимоша“ у молодежи въ перистилѣ.

Амурчикъ, веселый, благожелательный, съ розовой лысиной, со слегка-заостренными ушами, напоминавшими изображенія сатировъ, занималъ въ эту минуту общество насмѣшками надъ сосѣдкой Анной Панцыревой: дѣвица окончила въ Парижѣ курсъ юридическихъ наукъ и не могла добиться въ Россіи права практики.

— Жертва соціальныхъ условій некультурной родины, съ отчаянія собирается промѣнять идею равноправности на законный бракъ,—говорилъ онъ.

Валя смотрѣлъ на Марѳу, и ему казалось, что оба они измѣняютъ Аннѣ, его безконечно дорогой Нанни, слушая безъ протеста эти насмѣшки; но Марѳа сидѣла совершенно равнодушно; зато лицо Евы Михайловны выражало страданіе—она тоже любила Панцыревыхъ.

— А женихъ кто?—поинтересовалась прокурорша.

— Такъ... Изъ тѣхъ, кто міръ перевернуть хочетъ... Во всякомъ случаѣ, богатства имъ не прибавитъ.

— А правду разсказываютъ,—съ другого стола заговорилъ Тимоѳей Флегонтовичъ, — что старикъ Панцыревъ, когда время полоть, обращается къ своей поденщицѣ такъ: „будьте любезны, мамзель Акуля, пройдитесь съ заступомъ по огороду“... А мамзель Акуля отвѣчаетъ: „не хочу!“?

Партія „милаго Тимоши“ разразилась хохотомъ; за столомъ солидно улыбались. Ева Михайловна съ безпокойствомъ оглядывалась; она съ минуты на минуту ждала появленія тѣхъ, надъ которыми насмѣхались.

— Панцыревскіе крестьяне хлопочутъ объ обществѣ трезвости,—продолжалъ младшій Полуэхтовъ,—это тоже, вѣроятно, дѣло тѣхъ?..

Онъ сдѣлалъ волнообразное движеніе вверхъ и вправо.

Глаза Амурчика внезапно загорѣлись зеленоватымъ блескомъ: онъ состоялъ акціонеромъ мѣстнаго пивоваренаго завода.

— О, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, стараясь потушить этотъ блескъ, —это ужъ самостоятельное проявленіе самосознанія... Тамъ, на горѣ, не занимаются такими пустяками... тамъ презираютъ путь малыхъ дѣлъ... тамъ...

Глаза Евы Михайловны умоляюще поднялись на гостя.

— Тамъ,—оборвала она его, краснѣя такъ, что кожа подъ ея свѣтлыми волосами точно засвѣтилась, — тамъ живутъ очень хорошіе люди, Василій Петровичъ.

Валя готовъ былъ броситься на шею своей милой, бѣленькой бабѣ Евѣ! Амурчикъ выслушалъ замѣчаніе, потупивъ голову, какъ настоящій послушный мальчикъ, и чтобы лучше подчеркнуть сходство, произнесъ затѣмъ, слегка присюсюкивая:

— Pardon, больше никогда не буду.

Потомъ засмѣялся и поманилъ къ себѣ пальцемъ босоногую дѣвчонку, принесшую груду дессертныхъ тарелокъ.

— А ну-ка, Христя, скажи, почему Адама и Еву выгнали изъ рая?

Христя фыркнула, застыдилась, укрыла лицо расшитымъ рукавомъ и оттуда, выглядывая лукавымъ глазкомъ, отвѣчала:

— Потому что они не платили за квартиру.

Всѣ смѣялись, кромѣ Флегонта Тимоѳеевича: онъ находилъ легкомысленнымъ пріучать народъ къ насмѣшкамъ.

Въ это время изъ-за угла балкона появились Панцыревы. Впереди шелъ высокій старикъ Георгій Павловичъ подъ-руку

со своей невѣсткой Вѣрой; а сзади нихъ два сына—старшій, уже женатый, Владиміръ, и младшій—Борисъ, товарищъ Антона.

— Простите, вы еще не кончили,—сказалъ старикъ, когда обѣдающіе шумно поднялись ему навстрѣчу.

— О, ничего... ничего... вѣдь это только мороженое,—какъ можно любезнѣе возражалъ Степанъ Михайловичъ.

И всѣ старались дѣлать то же.

Панцыревъ теперь рѣдко видалъ общество сосѣдняго Богородска; но раньше, когда онъ былъ предсѣдателемъ уѣздной управы, ему приходилось постоянно встрѣчаться со всѣми. Затѣмъ онъ покинулъ это мѣсто изъ-за принципіальныхъ недоразумѣній съ властями, и Тимоѳей Флегонтычъ, господинъ въ узкихъ брюкахъ и коротенькомъ смокингѣ, былъ назначенъ на его мѣсто.

Локустовка была отдѣлена отъ флигеля, гдѣ жили Панцыревы, только недлинной улицей деревни; но между домами этими никогда не существовало близости,—напротивъ, съ каждымъ годомъ отчужденіе становилось все больше, и только тактичность обоихъ стариковъ, державшихся всегда на линіи строгой вѣжливости, давала возможность поддерживать внѣшнее знакомство.

Панцыревъ еще сейчасъ не потерялъ красоты, которой славился въ молодости. Его высокій лобъ, голубые глаза, тонкій овалъ, нѣжная кожа, ласковая улыбка прекрасныхъ устъ, слабая походка наклоненной впередъ изящной фигуры — все это привлекало къ нему великодушныя женскія сердца. Невѣстка старика, Вѣра, обожала его, заботилась о немъ больше, чѣмъ о своемъ мужѣ.

Гости привѣтствовали его съ сострадательнымъ сочувствіемъ. Жена ветеринара, полька, прошептала съ восхищеніемъ:

— Какой хорошенькій старушекъ!

Двѣ дѣвицы, слышавшія это восклицаніе, чуть не задохлись отъ сдержаннаго смѣха и убѣжали въ залу. Оттуда доносились отрывки ихъ разговора:

— Давайте пѣть.... Вотъ это: „Грустно мнѣ, родитель дорогой“... Помнишь?

— Помню... Только дальше не знаю...

— Ну, давайте изъ „Рогнѣды“... „Застонало сине море...“ А дальше какъ?

— Кто его знаетъ...

— Что же Анна не пришла? — освѣдомилась у Панцырева Ева Михайловна.

— Нанни въ гамакѣ валяется,—отвѣчалъ тотъ:—говоритъ, ей лѣнь сдвинуться...

Съ приходомъ Панцыревыхъ, на балконѣ стало томительно скучно. Разговоръ изъ веселаго сталъ тяжелый, тягучій... Начали говорить о предметахъ отвлеченныхъ, даже поучительныхъ, какъ то почему-то всегда бывало у Локустовыхъ при Георгіи Павловичѣ, и культурное вліяніе Степана Михайловича на округу составляло одну изъ главныхъ темъ.

Развалившись въ садовомъ креслѣ, старый Полуэхтовъ разсуждалъ о пользѣ пожарнаго депо для крестьянъ и говорилъ такъ, точно полемизировалъ съ невидимымъ оппонентомъ.—А паромъ? Какъ онъ способствуетъ обмѣну продуктовъ между городомъ и деревней... Благодѣяніе для края!

Молодые Панцыревы, предвидя скуку подобныхъ разговоровъ, ушли съ Марѳой къ рѣкѣ; а Георгій Павловичъ вѣжливо слушалъ, и, по своей привычкѣ, вертѣлъ въ рукахъ четки, то нанизывая ихъ на пальцы, то сбрасывая внизъ съ легкимъ трескомъ. Дома онъ ходилъ съ козырькомъ надъ глазами, и теперь они слезились, щурились, непривычные къ яркому свѣту.

Полуэхтовъ, поговоривъ о паромѣ, перешелъ на бѣлотурку, которая въ прошломъ году дала такой блестящій урожай.

— Никто не догадался ее здѣсь посѣять,—продолжалъ онъ полемизировать съ невидимымъ противникомъ,—а вотъ результаты... У вашего дѣда,—обратился онъ неожиданно къ Георгію Павловичу,—чуть ли не весь уѣздъ былъ подъ пахотью, а до бѣлотурки никто не додумался...

Ему точно нравилось, вспоминая величіе предковъ Панцыревыхъ, доказывать настоящее бездѣйствіе и бѣдность ихъ потомковъ. На этотъ разъ Флегонтъ Тимоѳеевичъ дѣлалъ это съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что въ воздухѣ носилось нѣчто, предсказывавшее возможность ихъ возрожденія. Въ городѣ поговаривали, что теперь неудобно уже имѣть назначеннаго предсѣдателя, что съ Панцыревымъ поступили не корректно, что пришло время его реабилитировать. И многочисленное семейство Полуэхтовыхъ, взявшее въ полонъ весь уѣздъ, начинало ненавидѣть Георгія Павловича, котораго раньше забывали.

Наконецъ наступило время отъѣзда на болото. Солидные люди размѣстились въ экипажахъ, остальные приготовились идти пѣшкомъ.

— Ты съ нами, Тото?—спросилъ Полуэхтовъ сына, усаживаясь на дрожки, подъ которыми сейчасъ же согнулись рессоры.

— Иду, иду,—отвѣчалъ Тимоѳей Флегонтычъ, окруженный дамами.

— Тото, голубчикъ мой, лошадка!—проговорилъ акцизный, глядя ему вслѣдъ.

Это было нелѣпо, но такъ неожиданно нелѣпо, и въ своей нелѣпости, все-таки, такъ шло въ данную минуту къ младшему Полуэхтову, что всѣ вокругъ неудержимо расхохотались.

— Да, смѣйтесь, смѣйтесь, — ядовито замѣтилъ старичокъ казначей, — однако, лошадка эта ѣздитъ на васъ, а не вы на лошадкѣ.

Старичокъ, сытый, удовлетворенный, теперь имѣлъ на лицѣ ироническую улыбку и былъ склоненъ критиковать человѣчество.

— Что и говорить, козыри!—со вздохомъ согласился судья.— Вы знаете уже объ ихъ послѣдней штукѣ? — обратился онъ къ Панцыреву.—Разскажите, батюшка Андрей Васильевичъ!

Андрей Васильевичъ, богатый землевладѣлецъ, одѣтый попростяцки въ чуйку со сборками и въ картузъ, пожалъ плечами.

— Надоѣло,—отвѣчалъ онъ,—въ городѣ ужъ всѣмъ разсказалъ... Надоѣло! Однимъ словомъ, на выставкѣ моя корова должна была получить первую медаль, а „Тото“ телеграфировалъ, что она поражена туберкулезомъ. Конечно, такому лицу вѣру дали, пошли запросы въ коммиссію, переписка и все прочее... А пока что—выставкѣ конецъ, и медаль присудили папашѣ Полуэхтову.

— Ловко! сказано, козырь!

— Конечно, ловко... Смѣло ужъ учень, — вяло соглашался Андрей Васильевичъ,—но самое главное впереди... Представьте, потомъ подходитъ ко мнѣ, за руки беретъ, извиняется... „Простите, молъ, въ заблужденіе меня ввели злонамѣренные люди“... Я, знаете, не нашелся...

— Вотъ вы бы изъ этого корреспонденційку тиснули, — сказалъ казначей Владиміру Панцыреву.

Тотъ только поморщился.

— Я, знаете ли, только затылокъ почесалъ, — прибавилъ Андрей Васильевичъ.

— Напрасно, я бы...

— И ни вы бы, и никто бы! Охота себѣ на шею всѣхъ Флегонтовъ навязывать! Сынъ проститъ—племянничекъ взыщетъ.

— Не смѣйте ругать „милаго Тимошу“... Онъ такой душка!— поддѣлываясь подъ женскій голосъ, запищалъ акцизный.

— Да ужъ, дамы отъ него безъ ума! Какъ одѣвается-то... Визитка вродѣ фигаро...

— На засѣданіяхъ,—перебилъ акцизный,—онъ ходитъ обыкновенно съ засунутыми въ карманъ руками и, стоя, имѣетъ

привычку облокачиваться объ столъ... Причемъ еще спиною къ публикѣ. Картина! Этимъ онъ протестуетъ противъ гласности.

— Силы много взяли эти Полуэхтовы: — куда ни плюнь — все ими занято.

— Ну, теперь, господа, позвольте и мнѣ даръ слова, — сказалъ доселѣ молчавшій слѣдователь. — Позвольте васъ спросить: вѣдь вы же ихъ и выбираете?

— Да, не выбери... Сила-то у нихъ! Это вотъ Георгій Павловичъ виноватъ! Онъ стоялъ у власти, онъ видѣлъ, что ее у него хотятъ вырвать... Онъ не боролся, а сейчасъ же отошелъ...

— А вы развѣ поддерживали? — вмѣшался за отца вспыльчивый Владиміръ: — вы же потомъ всѣхъ Полуэхтовыхъ и повыбирали.

— А вы зачѣмъ ушли?

— Нельзя было не уйти.

— Ну, вотъ, а намъ нельзя было не выбирать. Время было такое, всѣ боялись показаться неблагонамѣренными.

— Развѣ можно было тогда бороться? Мнѣ вопросъ о покупкѣ плужковъ провалили. И кто же старался? Дулѣбовъ! „За что, говорю, вы были противъ?“ — „Эхъ! — отвѣчаетъ — надоѣло мнѣ все, осточертѣло! И въ соборъ хожу, и свѣчи ставлю, а все либераломъ считаютъ“. — „Да я-то причемъ?“ — „Васъ опровергать все же благонадежнѣе“. И хохочетъ, и по плечу дружелюбно хлопаетъ...

— Да, было ихъ времячко, только уже проходитъ. Тотошу подожгли уже два раза; да и перестали — все застраховано. Теперь красавчикъ нашъ за умъ взялся, началъ послѣднее время торговлю. И шкуры, и медъ, и воскъ... На биржѣ чай съ маклерами пьетъ, на пальцѣ широкое кольцо съ меркуріемъ носитъ...

— И скажите вы мнѣ, братцы, — снова заговорилъ акцизный, какой ноньче дворянинъ пошелъ? Раньше дворянинъ расточалъ, чтобы пріобрѣсть уваженіе, а теперь? Вотъ нашъ: должаетъ въ магазинахъ, неблаговидно торгуетъ, въ карты ничего не проигрываетъ, денегъ взаймы не даетъ, обѣдами не кормитъ...

— Кормятъ! — мрачно подхватилъ казначей. — Голодомъ гостей морятъ... Нашъ скандалистъ, Горѣлко, булку къ нимъ съ собой принесъ и при всѣхъ грызъ... Ничего, точно не замѣтили.

— А вотъ же, уважаютъ? Чудеса!.. Всюду они выбраны, вездѣ грѣютъ руки... Этакіе канальи, а весь уѣздъ покорили.

— Только нынче это все къ дѣламъ прошедшимъ начинаетъ относиться... Не поддержали мы васъ тогда, Георгій Павловичъ, виноваты, струсили... Зато теперь...

— Ну, нѣтъ, увольте!—рѣзко за отца отвѣтилъ Владиміръ.

Онъ также служилъ раньше въ земствѣ въ качествѣ третьяго элемента, и также принужденъ былъ уйти. Теперь онъ занимался переводами, мелкой литературной работой, корреспондировалъ въ столичныя газеты и сохранялъ къ обывателямъ Богородска неугасимую ненависть.

— Нѣтъ, нѣтъ,—съ чувствомъ подхватилъ Василій Петровичъ:—снова просить васъ будемъ, Георгій Павловичъ.

Старикъ слабо улыбнулся.

— Моя-то пѣсенка спѣта,—отвѣтилъ онъ,—слабъ я сталъ, зрѣніе испортилось; а вамъ дай Богъ... дай Богъ.

Пройдя лѣсъ, компанія уже выходила къ болоту, на которомъ, точно подушки, были брошены мягкія плоскія кочки; а между ними блестѣла вода, отражая въ своемъ неподвижномъ зеркалѣ зарю заката.

Группа гостей суетилась съ хозяиномъ возлѣ граблей, на которыхъ возсѣдалъ Никита въ ярко-желтой рубахѣ.

— Однако, кажется, начинается,—замѣтилъ Василій Петровичъ, прибавивъ шагу.

Акцизный сказалъ, нагибаясь къ Георгію Павловичу:

— Говорятъ, граблямъ присуждена уже первая награда. А вы удивляетесь, что Полуэхтовы вездѣ выбраны.

И онъ съ улыбкой направился къ центральной группѣ.

IV.

Валя не пошелъ вмѣстѣ съ гостями смотрѣть грабли, потому что онъ ждалъ Анну Пацыреву, и теперь ему скучно было идти туда безъ своей милой Нанни.

Валя не помнилъ времени, когда бы онъ не преклонялся передъ Анной, какъ передъ высшимъ существомъ, когда бы не боготворилъ ее, не благоговѣлъ передъ нею.

Первая встрѣча съ Анной осталась единственнымъ воспоминаніемъ его младенческихъ лѣтъ. Было это лѣтомъ, въ разгаръ священнодѣйственнаго транса Василисы—во время варки варенья. Валя канючилъ пѣнки, вертясь около тарелки, и куксилъ. Наконецъ, рѣшивъ добыть силой то, въ чемъ ему отказывали, онъ сунулъ въ тарелку свое лицо; но тутъ же отпрянулъ съ обожженными губами и заревѣлъ во все горло. Предпріимчивый Антонъ подбѣжалъ къ брату и, со всей дѣловитостью, свойственной его характеру, принялся слизывать съ его лица сладкія пѣнки, смѣ-

шанныя съ горькими слезами. И вдругъ чей-то гармоническій смѣхъ присоединился къ громкому хохоту Марѳы... Валя открылъ глаза, и сквозь радугу, которой солнце украсило его мокрыя рѣсницы, онъ впервые увидалъ тонкую фигуру Анны, капризный изломъ бровей на ея лицѣ съ сверкающими, брильянтовыми глазами. Онъ передохнуть не успѣлъ отъ изумленія, какъ вдругъ неизъяснимая радость озарила его пятилѣтнее сердце. Радость эта растворила въ себѣ и гнѣвъ, и стыдъ... Онъ закричалъ, закрылъ мокрое, облизанное лицо руками и бросился въ кусты.

Съ тѣхъ поръ эта дѣвушка вошла въ жизнь маленькаго Вали; увидѣть ее—стало предметомъ его мечтаній.

Дѣдъ, послѣ недоразумѣній съ крестьянами, еще больше разошелся съ семействомъ Панцыревыхъ, и не любилъ, чтобы домашніе часто посѣщали ихъ; оттого Антонъ почти никогда не бывалъ тамъ; но Марѳа не слушалась дѣда, и Валя слѣдовалъ ея примѣру. Часто прибѣгалъ онъ туда съ салфеткой, въ которой находились всякіе кренделькн и прянички, которые такъ искусно умѣла печь Василиса. Запыхавшись, краснѣя, трепеща отъ восторга, причины котораго не подозрѣвали старшіе, онъ хотѣлъ бы весь міръ повергнуть на столъ, вмѣстѣ съ этимъ скромнымъ приношеніемъ. И семейство, не избалованное кулинарными произведеніями единственной кухарки-нянечки, со смѣхомъ набрасывалось на приношеніе малыша. Только одна Анна, къ великому огорченію Вали, разсѣянно ломала прянички своими тонкими пальцами, и рѣдкій кусочекъ попадалъ ей въ ротъ...

Валя не забылъ ее, когда она, окончивъ гимназію, поѣхала въ Парижъ учиться, жадно ловилъ всякое извѣстіе о ней, трепеталъ отъ радости, когда она пріѣзжала на каникулы. Всякая героиня во вновь прочитанной повѣсти казалась ему постольку достойной вниманія, поскольку она могла походить на его Нанни. Недавно онъ прочелъ „Короля Лира“, и теперь въ мечтахъ его Анна слилась неразрывно съ образомъ Корделіи, и онъ украшалъ живую фигуру своей Ани, Нанни, Наннины, всѣми добродѣтелями поэтическаго образа.

Когда гости уѣхали на болота и Василиса начала водворять порядокъ въ домѣ, приготовляя все къ вечернему чаю, Валя рѣшилъ провѣдать Анну.

Но сначала онъ пробрался къ клумбѣ, на которой красовалась первая швейцарская роза, благоухающая, огромная, величиной съ чайную чашку. Мальчикъ подрѣзалъ ее у самаго корня и побѣжалъ на хуторъ.

Миновавши свой паркъ, деревенскую улицу, на которой онъ

зналъ каждый камешекъ и каждую собаку, Валя скоро проникъ черезъ полуразрушенный заборъ, замысловатой каменной кладки, въ аллею желтой акаціи, куда выходила галерейка стараго флигеля. Островерхія окна галерейки съ готическими розами, застекленными разноцвѣтнымъ стекломъ, сохраняли еще на себѣ печать древней помѣщичьей замысловатости; но само зданіе было ветхо, съ обвалившейся штукатуркой, искривленнымъ крыльцомъ.

Здѣсь, въ тѣни развѣсистой липы, сидѣла Агаѳья Степановна, или по просту „нянечка“, и о чемъ-то дружелюбно бесѣдовала съ двумя крестьянами.

Нянечка считалась самымъ значительнымъ лицомъ въ домѣ Панцыревыхъ. Она была тѣмъ шкворнемъ, который поддерживалъ хозяйственный экипажъ ихъ отъ окончательной поломки.

Маленькая, живая, съ круглой головкой въ повойникѣ, повязанномъ темнымъ канаусовымъ платочкомъ, кончики котораго торчали надъ ея макушкой, въ пестрой шали трехугольникомъ, заколотой на груди огромной булавкой, — она и стряпала, и смотрѣла за огородомъ, и покупала кое-что у крестьянъ, и — увы!—иногда вымогала у нихъ „помочь“... То приходило время огородъ полоть, то деревья окопать или воды привезти въ засуху... И всѣ должны были соглашаться весело, сразу,—иначе нянечка сердилась, журила, упрекала...

— Вѣдь это все, все наше!—говорила она тогда, протягивая руки и подпрыгивая, чтобы охватить побольше пространства:— вѣдь на десятки верстъ все здѣсь было наше, и все мы вамъ чуть не даромъ отдали.

Крестьяне, добродушно улыбаясь, рѣдко отказывали въ помощи, снисходя исключительно къ просьбамъ нянечки и забывая о господахъ, которые даже не подозрѣвали ея столь преступныхъ ухищреній.

Благодаря ей, черезъ Локустовскій перевозъ иногда доставлялись въ городъ и Панцыревскіе овощи; благодаря ей, и садъ приносилъ съ каждымъ годомъ больше дохода, и все беззаботное семейство кое-какъ кормилось этими доходами.

Сейчасъ нянечкѣ, очевидно, удалось уломать въ чемъ-то несогласныхъ гостей, и она съ довольнымъ лицомъ прощалась съ ними.

— И что такое телѣга навозу?—говорила она радостнымъ голосомъ:—а вѣдь какъ безъ него плохо...

Тутъ старушка замѣтила Валю, посмотрѣла на розу въ его рукахъ, осталась довольна ею и, не дожидаясь вопроса, благосклонно сказала:

— Иди ужъ, иди... Оба сидятъ въ Эоловой арфѣ.

Мальчикъ прошелъ черезъ дворъ въ садъ, поднялся на гору къ бесѣдкѣ, построенной также въ старинномъ барскомъ стилѣ; каменные столбы сохраняли еще на облупившейся штукатуркѣ слѣды какихъ-то амуровъ; полукруглый потолокъ еще изображалъ собою небо съ золотыми звѣздами; а сломанная эолова арфа на крышѣ пѣла легенды о былomъ въ осеннія ночи... Нянечка давно требовала, чтобы эту бесѣдку разобрали на ремонтъ флигеля, потому что кирпичъ нынче дорогъ, а ужъ такого кирпича, какъ на колоннахъ, нигдѣ не достанешь... Но смирный старикъ осмѣлился тутъ же предерзко противорѣчить всесильному министру: онъ дорожилъ этой бесѣдкой, такъ какъ здѣсь, по преданію, часто работалъ другъ ихъ семьи, знаменитый профессоръ Грановскій.

Къ двумъ каменнымъ столбамъ бесѣдки была привязана сѣтка гамака, и тамъ лежала Анна, свернувшись въ клубочекъ, прижимаясь блѣдной щекой къ маленькой шолковой подушечкѣ. Шлейфъ ея платья изъ мягкой сѣрой матеріи падалъ граціозными складками на пыльныя плиты. Она держала локти на колѣняхъ и читала какую-то бумагу, сильно приблизивъ ее къ близорукимъ глазамъ. На ступенькѣ, рядомъ съ нею, сидѣлъ ея женихъ, Скобельцынъ.

Валя, подходившій неслышно по травѣ, остановился, увидѣвъ Анну. Ему казалось, что нѣтъ на свѣтѣ лица прекраснѣе, чѣмъ лицо его Нанни. Онъ не могъ наглядѣться на ея высокій лобъ подъ волною пепельныхъ волосъ, на полуоткрытый ротъ, придававшій что-то дѣтское ея строгимъ чертамъ и смягчавшій стальной блескъ ея глазъ. Брови ея поднимались вверхъ смѣло; но на серединѣ вдругъ обламывались и падали внизъ безпомощно; за ними точно также поднималось вверхъ перламутровое вѣко съ темными рѣсницами, рѣзко выдѣляя огненный зрачокъ голубого глаза, въ которомъ иногда сверкала стальная энергія... Все лицо ея, вся фигура, узкая и высокая, представлялась олицетвореніемъ порыва, страсти, умѣряемой какой-то пренебрежительной, меланхолической лѣностью.

Анна страдала какой-то сердечной болѣзнью, и эти полураскрытыя губы, такъ мило смягчавшія рѣзкость прелестнаго лица, составляли предметъ вѣчнаго безпокойства ея близкихъ, такъ какъ служили признакомъ неправильнаго дыханія.

Валя смотрѣлъ на Анну и не могъ насмотрѣться... Онъ удивлялся, почему никто не ходитъ сюда наслаждаться такимъ очарованьемъ, почему разговоры окружающихъ не наполнены дифирамбами этой прелести!

Наконецъ, вѣтка хрустнула подъ каблукомъ мальчика. Анна вздрогнула, повернула голову и улыбнулась ему, не мѣняя позы.

— Что же вы не пришли къ намъ, Нанни?—сказалъ Валя, чувствуя, по обыкновенію, какъ волна счастья, поклоненія и состраданія заливаетъ ему душу.

— А тебя развѣ за мной послали?—спросила она.

— Конечно...—солгалъ мальчикъ и прибавилъ, обращаясь къ Скобельцыну:—и васъ ожидали... Хоть бы теперь...

— Скучно ужъ очень, Валикъ...

Она зѣвнула, закинувъ руку съ бумагой за голову.

— И „милый Тимоша“ у васъ? И старый Полуэхтовъ?

— Да...—съ сердечнымъ сокрушеніемъ долженъ былъ согласиться Валя.

Анна засмѣялась, взглянувъ на жениха сіяющими глазами.

— Еслибы „милый Тимоша“ зналъ, что этотъ документъ у меня... Вотъ бы вознегодовалъ... Будетъ имъ хлопотъ...—И Анна еще разъ засмѣялась, радостно, слегка насмѣшливо: ей нравилось вспоминать, что она—докторъ правъ; что, несмотря на свою физическую слабость, на болѣзнь сердца, на недостатокъ средствъ, она все-таки кончила курсъ, и всѣ сомнѣнія, всѣ предостерегающія покачиванія родственниковъ и знакомыхъ не помѣшали ей довести до конца свое дѣло. Она чувствовала себя сильной, ученой, вооруженной на борьбу съ неправдой, она гордилась этимъ и слегка насмѣхалась надъ этой гордостью.

Встрѣтивъ просительный взглядъ мальчика, Анна безсознательно глубоко вздохнула, стараясь захватить какъ можно больше воздуха.

— Амурчикъ тоже у васъ?—проговорила она жалобно.—И длинный прокуроръ съ супругой, любящей правду?.. И они уже называли меня „мамзель Шовенъ“? И уже насмѣхались надъ моими юридическими познаніями?...

Валя все ниже опускалъ свою голову.

— Пощади, малышъ... Зачѣмъ я пойду?..

— Но баба Ева будетъ такъ рада... И потомъ... Вѣдь у насъ сегодня—свѣжія вишни!

— А, вишни!—повторила необычайно серьезно Анна и вдругъ опять начала смѣяться.

Важная бумага скользнула на землю, а дѣвушка, легкая, граціозная, быстро выскочила изъ гамака.

— Вишни, а ты такъ долго молчалъ, злодѣй!..

— Анна, документъ...—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Скобельцынъ и поднялъ бумагу.

— Ай-ай! — виновато извинялась она. — Возьми, Валикъ, отнеси его ко мнѣ въ будочку... да, смотри, осторожно: вѣдь это „дѣло", глупый мальчикъ...

— А знаете, Нанни, уже на васъ были доносы... за совѣты крестьянамъ.

Анна поморщилась и взяла у него розу.

— Знаю, дитя мое, знаю... И на этотъ счетъ уже развлекались сегодня ваши гости? Ну, ступай, ступай, отнеси...

Она повернула Валю къ дому, и пока онъ исполнялъ порученіе, успѣла исправить легкій безпорядокъ своего туалета: закрутила потуже узелъ волосъ на затылкѣ, встряхнула мягкія складки сѣраго платья, перетянула кушакомъ тонкую талію; а розу, это почтительное приношеніе, приколола къ корсажу.

— И все безъ зеркала!—смѣясь, воскликнулъ Скобельцынъ.

Она улыбнулась, взяла его шаловливо за обѣ руки, заглянула ему въ глаза и сказала:

— Ну, вотъ... Зачѣмъ же мнѣ зеркало?

И припала къ его плечу.

Они стояли высоко, на ступенькахъ бесѣдки, передъ столѣтнимъ кленомъ. За тонкими кружевами его зубчатыхъ листьевъ мягко трепетали длинныя, опущенныя вѣтви плакучей березы; а внизу, нетронутымъ еще ковромъ, спускалась къ деревнѣ густая зелень луга. И все сейчасъ было пронизано оранжево-янтарнымъ эѳиромъ заката, въ которомъ золотистыми искорками суетились пчелы... И вдругъ прозрачная сѣтка дождя, неуловимая, какъ пыль, обрызгала ихъ неожиданно изъ дымчатой тучки... Солнце прорѣзало тучку радугой, вѣтеръ развѣялъ ее черезъ мгновеніе; но два смѣющихся лица оказались мокрыми; а на пепельныхъ и черныхъ волосахъ блестѣли капельки, замѣтныя потому, что отражали въ себѣ солнце.

Отъ всего этого получилось впечатлѣніе такой чарующей, такой захватывающей поэзіи, такой гармоніи молодыхъ сердецъ съ природой, что дыханіе Анны участилось, въ груди ея закололо, и ощущеніе безграничнаго счастья этой минуты слилось таинственно съ идеей смерти... далекой ли, близкой ли, все равно! Неминуемой смерти всѣхъ живущихъ созданій, молодыхъ и старыхъ, счастливыхъ и несчастныхъ...

И какъ всегда, это острое чувство осталось глубоко на днѣ души Анны, хотя на мгновеніе оно охватило собою все существо ея. Но она не позволила ему подняться, испортить очарованіе минуты, и сказала такъ же весело, какъ будто черная тѣнь предчувствія не обожгла сейчасъ ея душу:

— Хорошо какъ сегодня, Кирилка!

Онъ наклонилъ голову къ своему плечу и поцѣловалъ лежащую на немъ руку. Въ это время Валя появился на порогѣ флигелька.

— Ну, теперь давай бѣжать... Кто кого?—крикнула ему Анна, сбѣгая со ступенекъ.

— Вамъ нельзя! Вамъ нельзя!—въ испугѣ закричалъ мальчикъ и, кубаремъ скатившись съ крыльца, преградилъ ей дорогу.

— Ахъ, ты, непочтительный юноша!—сказала Анна, нѣжно положивъ ему на плечо узкую руку.

Такъ шли они нѣкоторое время.

Валя едва шевелилъ плечами; ему казалось, что онъ несетъ на себѣ необычайную драгоцѣнность, хрупкую и неизъяснимо прекрасную, которой онъ можетъ лишиться при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи.

Анна задумчиво спускалась внизъ, не подозрѣвая, какое она доставляетъ счастье своему юному кавалеру. Она не любила бывать у Локустовыхъ, и уже давно, съ первымъ проблескомъ сознанія, сократила свои посѣщенія; но отецъ, обладавшій какой-то особенной деликатной изящностью души, просилъ не прерывать совсѣмъ отношеній, и она шла теперь, готовая покорно перенести эту маленькую непріятность. Внизу ея мягкаго сѣраго платья путались какія-то оборочки, зубчики, фестончики, которые оттягивали матерію книзу и пышно облегали ноги. Все это волочилось по землѣ, цѣплялось за траву, задѣвало торчащіе корни, пока, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія Скобельцынъ не воскликнулъ, смѣясь:

— Боже мой, неужели нельзя взять въ руки всѣ эти юбки!

Анна, смѣясь, граціозно приподняла платье и такъ прошла всю пыльную деревенскую улицу; но, пройдя паркъ и замѣтивъ вдали возвращающуюся компанію, пріуныла, сжалась, пошла тише, капризно опираясь на пятки, и, наконецъ, почти упала на скамейку.

— Устала,—сказала она, глубоко вздохнувъ.

— Уже?—удивился Скобельцынъ:—такъ скоро?

— Устала ждать скуки... А впрочемъ, идемъ! Но торжество прогресса, кажется, уже кончилось?

Обѣ партіи встрѣтились у балкона.

Дѣдъ, сердитый до-нельзя и соотвѣтственно этому крайне сдержанный, прежде всего увидалъ свою первую розу у корсажа mademoiselle Панцыревой. Онъ взглянулъ на опустошенный кустъ, потомъ на внука; но Валя гордо выдержалъ гнѣвный

взглядъ: какъ вѣрный рыцарь, онъ еще и не то готовъ былъ претерпѣть за свою прекрасную даму.

А дама здоровалась съ гостями со свойственной ей небрежной граціей, въ прическѣ, которая, дѣйствительно, была сдѣлана на скорую руку, въ домашнемъ платьѣ, поражавшемъ дамъ новомодностью парижскаго покроя, въ широкомъ кожаномъ поясѣ, который—увы!—не скрылъ отъ недружелюбно-проницательныхъ взоровъ бѣленькую тесемочку, откуда-то незаконно выбившуюся на свѣтъ божій...

Около дѣда кружился Антонъ, озабоченный, сочувствующій, исполненный негодованія. Увидавъ Марѳу, которая вышла изъ своей комнаты навстрѣчу Аннѣ, онъ подбѣжалъ къ ней.

— Нѣтъ, ты себѣ представить не можешь, какой свинья этотъ Никита! Сколько разъ приказывали ему поворачивать не такъ круто...

— Да что же тамъ случилось?—нетерпѣливо спросила Марѳа. Она была такъ рада поболтать съ Анной, но рано вернувшіеся гости помѣшали этому.

— Ну, конечно, онъ поломалъ,—говорилъ Антонъ, безсознательно повторяя жесты и манеру дѣда:—три зуба сломалъ, свинья! Дѣдушка золъ... какъ...—Антонъ понизилъ голосъ:—И понятно: вѣдь ему медаль должны были дать...

Акцизный подслушалъ эту фразу и, тихонько фыркнувъ, переглянулся со слѣдователемъ.

— И дадутъ, вотъ увидите,—шепнулъ онъ ему, смѣясь:—вѣдь старый Полуэхтовъ предсѣдатель...

Шепнулъ—и тотчасъ же присоединился къ хору утѣшителей, который составился на балконѣ вокругъ Степана Михайловича. Всѣ хвалили идею усовершенствованія, говорили о „роликахъ“, о „велосипедномъ колесѣ“, ругали неловкаго Никиту... и скрывали въ глазахъ огонекъ загорѣвшейся насмѣшки.

Хозяинъ принималъ утѣшенія со спокойствіемъ философа, хотя жилы на лбу его торчали какъ веревки, вѣки тяжело нависли надъ покраснѣвшими бѣлками, а огромный подбородокъ и взбухшая шея, точно взошедшее тѣсто, лѣзли изъ-подъ воротника рубахи; но силой желѣзной воли онъ сдерживалъ свой гнѣвъ и равнодушно возражалъ:

— Ничего не подѣлаешь... грубая сила... отсутствіе культурныхъ работниковъ...

— Ну, я бы, по крайней мѣрѣ, вычелъ эти три зуба изъ его собственныхъ,—сказалъ Дулѣбовъ и первый захохоталъ; но, взглянувъ въ сторону, гдѣ стояла Анна съ Марѳой, онъ притворился сконфуженнымъ и, низко кланяясь, сказалъ:

— Добрый вечеръ, мамзель Шовенъ! Простите, что я позволилъ себѣ при васъ такъ негуманно выражаться... Не вчините мнѣ иска за это.

— О, не безпокойтесь!—отвѣтила Анна:—я начинаю только тѣ дѣла, которыя надѣюсь выиграть.

— А это...

— А здѣсь,—она красивымъ жестомъ обвела рукою,—здѣсь у васъ все защитники и ни одного прокурора...

— Но Марѳа Алексѣевна всегда можетъ сойти за него...

— Спасибо,—отвѣчала Марѳа:—я взялась бы за что-нибудь покрупнѣе.

— Знаю, знаю,—съ равнодушной усмѣшкой замѣтилъ Дулѣбовъ:—вы съ дѣтства стремились къ великому... Но чтобы Анна Георгіевна... Маленькая Нанни... Такая хрупкая... такая...

И Амурчикъ восхищеннымъ взоромъ оглядѣлъ Анну. Онъ долженъ былъ сознаться, что она вноситъ съ собой очарованіе! И было такъ грустно думать, что эта обаятельная, безсильно гнущаяся дѣвушка, съ такимъ оригинальнымъ изломомъ бровей и брильянтовыми глазами, окончила юридическій факультетъ и борется сейчасъ за право практики.

И Дулѣбовъ воскликнулъ съ искреннимъ порывомъ доброжелательства:

— Бросьте вы дѣло путятинцевъ, mademoiselle Нанни! Не смотрите, что новыя вѣянія... А вотъ „милый Тимоша“ возьметъ, да ихъ выпоретъ за это...

Тонкіе пальцы Анны, перебиравшіе вишни, поставленныя передъ нею преданной рукою Вали, вдругъ дрогнули и лицо ея, какъ то случалось часто, внезапно покрылось смертельной блѣдностью; но она подавила свое волненіе и спокойно отвѣтила:

— Вы слишкомъ вѣруете во всемогущество господъ Полуэхтовыхъ.

Дулѣбовъ схватилъ за полу проходившаго мимо прокурора.

— Ну, вотъ... скажите этой прелестной упрямицѣ... Вы уже получили доносы?

Прокуроръ, которому больше нравились женщины полныя и здоровыя, не захотѣлъ вступать въ продолжительныя пренія.

— Вѣдь Анна Георгіевна сама должна знать законы,—отвѣчалъ онъ сухо,—а также статью 406^{9}, по которой женщинамъ запрещается судебная практика.

— Однако, въ Сибири...—начала-было Марѳа; но Дулѣбовъ перебилъ ее, галантно улыбаясь:

— Протестую! Мамзель Нанни, послушайтесь совѣта ста-

рика, не простирайте такъ далеко своихъ домогательствъ? Они, дѣйствительно, пахнутъ Сибирью...

— У васъ ужъ слишкомъ изощренное обоняніе, — громко сказалъ Скобельцынъ.

Скобельцынъ былъ высокъ, строенъ, одѣвался изысканно, говорилъ спокойно и, не мигая глубоко сидящими черными глазами, смотрѣлъ въ лицо собесѣднику. Слова его пришлись какъ разъ во время случайной общей паузы; всѣ на него оглянулись; но онъ вынесъ эти взгляды почти незнакомыхъ людей совершенно свободно.

Валя, который перенесъ часть благоговѣнія и на избранника своей Нанни, съ злорадствомъ замѣчалъ, какое впечатлѣніе производило на гостей его свободное спокойствіе. Оно было замѣчено, несомнѣнно; но отъ этого увеличилось только недружелюбіе.

— Грѣшенъ, батюшка, грѣшенъ, — отвѣчалъ Амурчикъ, изображая простеца, тогда какъ зеленые огоньки замелькали въ его глазахъ,—чую всякую дичинку, издалека чую...

— Что-же, иногда и подстрѣливаете? — спросилъ Скобельцынъ.

Дулѣбовъ только расхохотался, какъ бы приглашая всѣхъ оцѣнить остроту.

А Флегонтъ Тимоѳеевичъ вскинулъ глаза на говорившаго и поманилъ къ себѣ толстымъ, несгибающимся пальцемъ хозяина. Когда ухо Степана Михайловича получилось въ уровень съ его губами, онъ спросилъ:

— Кто таковъ?

Степанъ Михайловичъ отнялъ ухо отъ губъ Полуэхтова и, приставивъ теперь свои губы къ его уху, отвѣтилъ:

— Женихъ Панцыревой.

Полуэхтовъ поднялся, желая заговорить съ заинтересовавшимъ его человѣкомъ; но холодный взглядъ темныхъ глазъ Скобельцына возмутилъ душу Флегонта Тимофеевича. Онъ круто повернулся и сказалъ хозяину:

— Что-жъ, пожалуй, и по домамъ пора... Жаль, что грабельки-то сломались... Повидимому, штука остроумная...

Степанъ Михайловичъ только рукой махнулъ. Онъ зналъ, что завтра весь городъ начнетъ смѣяться надъ его граблями. Это была все та же „почти удача“, которая увѣнчивала всѣ его начинанія.

Но по виду онъ оставался совершенно спокойнымъ и, улыбаясь, прощался съ гостями.

Анна, переглянувшись со своими, также встала. Тогда су-

пруга прокурора, вниманіе которой уже давно было поглощено тесемочкой, бѣлѣвшей на ея платьѣ, наконецъ не выдержала.

— Милочка, не сердитесь только на меня,—подъ шумокъ шепнула она ей:—у васъ все время тесемочка сзади...

И бѣдная Нанни, храбро выдерживавшая нападенія мужчинъ, покраснѣла до слезъ отъ этого неожиданнаго укола.

Дѣдъ проводилъ Панцыревыхъ до ограды парка, а потомъ направился къ конюшнямъ...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся на балконъ замѣтно успокоенный. Нѣсколько человѣкъ, самыхъ близкихъ, еще сидѣли у стола, допивая остатки винъ и ликеровъ.

— Теперь и онъ меня будетъ помнить, каналья,—сказалъ Степанъ Михайловичъ, отдуваясь и глядя на гостей съ выраженіемъ удовлетворенія:—и отъ меня получилъ...

— Подкупилъ его кто, не иначе, — замѣтилъ Дулѣбовъ:— сразу три зуба, а?

— На кочку наткнулся... Но вѣдь въ этомъ все дѣло, что ролики должны подниматься... Ладно! Судиться мнѣ съ нимъ, что-ли? Сейчасъ я просто отколотилъ его. Завелъ подальше отъ свидѣтелей въ сушильню и отколотилъ... Пусть жалуется теперь...

Говоря такъ, старикъ случайно встрѣтился глазами съ горящимъ взоромъ Вали.

Оба внука сидѣли рядомъ. Въ то время, какъ сонный видъ Антона говорилъ только объ утомленіи, острый взглядъ Валеріана скрестился неожиданно съ возбужденными глазами дѣда, и во взорѣ младшаго внука онъ впервые замѣтилъ то же выраженіе тоскливаго недоумѣнія, съ которымъ раньше глядѣла на него Марѳа.

Торжествующій отблескъ мести еще озарялъ лицо Степана Михайловича; но въ душѣ его уже просыпалось неопредѣленное безпокойство: онъ почувствовалъ у себя въ домѣ, въ этой неприступной крѣпости семейнаго авторитета, еще одного протестанта.

Валя твердо выдержалъ взглядъ дѣда, только вѣки его слегка дрогнули; дрогнули, но не опустились... Это было важное мгновеніе въ его жизни: онъ покинулъ торную дорогу дѣтства, чтобы выступить на тяжелый путь самосознанія.

И мгновеніе это пролетѣло для всѣхъ незамѣченнымъ. Сильно опьянѣвшіе гости хохотали, одобряли поведеніе хозяина, разсказывая аналогичные случаи... Дѣдъ тоже пилъ много; но голова его, по обыкновенію, оставалась совершенно свѣжей.

Наконецъ, все было выпито; шатающіеся, красные, гости начали разыскивать свои шапки.

— Прочь съ дороги!—раздался вдругъ изъ комнаты голосъ судебнаго слѣдователя.

— Съ кѣмъ это онъ?—удивился Степанъ Михайловичъ и, въ сопровожденіи Дулѣбова, пошелъ на голосъ.

Крики продолжались.

Торопясь и слегка припадая на ногу, Локустовъ вошелъ въ переднюю и какъ разъ во-время: слѣдователь стоялъ передъ зеркаломъ, ругательски ругая собственное изображеніе, которое, какъ онъ утверждалъ, загораживаетъ ему дорогу.

— Пошелъ вонъ, наконецъ! — кричалъ онъ пронзительно-жалобно, въ то время какъ изъ глубины зеркала непріязненно наступала на него сутуловатая, растрепанная фигура, съ болтающимся моноклемъ на широкой тесьмѣ и невидящими глазами.

Степанъ Михайловичъ сдѣлалъ шагъ впередъ; но Дулѣбовъ схватилъ его за руку.

— Ой, погодите! Такая комедія...

И онъ присѣлъ, заглушая свой хохотъ.

— Ну, такъ я тебѣ морду намну!—мрачно рѣшилъ слѣдователь и уже поднялъ вверхъ карающую десницу.

— Ну, бить зеркалъ у меня не полагается,—сказалъ Степанъ Михайловичъ, спокойно зажимая тонкую кисть гостя въ свой могучій кулакъ, въ то время какъ Дулѣбовъ, наконецъ, разразился громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ.

Долго глядѣлъ на нихъ слѣдователь остеклѣвшими глазами, пока самъ не началъ тихонько смѣяться.

— Фу ты... а я думалъ, это дверь...—пробормоталъ онъ и пошатнулся.

V.

Въ эту ночь Валѣ приснился такой сонъ. Блуждалъ онъ въ чудномъ замкѣ съ высокими залами, посреди множества празднично одѣтыхъ людей. Но когда онъ входилъ въ какую-нибудь роскошную залу—тамъ темнѣли яркія люстры; закрывая свои чашечки, цвѣты задерживали благоуханіе; а люди отворачивались отъ него, сохраняя для другихъ ласковыя улыбки... А между тѣмъ—Валя зналъ это!—здѣсь находилось что-то, что должно принадлежать ему по праву. И это—именно та высокая, могучая фигура, закутанная въ покрывало, которая также отворачивалась отъ него при встрѣчахъ.

И всякій разъ при этомъ Валя чувствовалъ, какъ болитъ его сердце...

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, Валѣ удалось подойти къ таинственной фигурѣ, откинуть покрывало съ ея лица и близко встрѣтиться съ ея строгими, пронизывающими глазами. Онъ молилъ ее признать его, онъ умолялъ ее не отталкивать его... И послѣ долгой, мучительной паузы, когда глаза одного пронзительно устремлялись въ глаза другого,—Валя съ радостнымъ стономъ упалъ въ объятія незнакомца. Онъ побѣдилъ! И онъ узналъ...

Да, это былъ дѣдъ! Но только не тотъ дѣдушка дѣтскихъ дней, грузный и сердитый, съ сюртукомъ, пропахнувшимъ запахомъ сигары, и съ неправильнымъ ногтемъ на указательномъ пальцѣ... Это былъ символъ, это была лучшая часть души дѣда, это была любовь его,—и объятія этой любви казались такъ теплы!

— Но вдругъ это только сонъ? — ужаснулся Валя, полупросыпаясь...

Увы! уже ночь и день, на рубежѣ разсвѣта, протягивали другъ другу руки, во дворѣ пѣли пѣтухи, скрипѣли ворота. Но Валя, даже полуоткрывъ глаза, еще видѣлъ ясно эту чудную фигуру стоящей посреди его комнаты, въ лиловомъ сумракѣ разсвѣта... Она медлила здѣсь, точно и ей не хотѣлось разставаться.

Онъ поспѣшилъ закрыть глаза, чтобы удержать видѣніе; но было поздно! Фигура исчезла, и мальчикъ, вздыхая, сѣлъ на постель.

Этотъ сонъ подчеркнулъ ему фактъ реальной жизни: дѣдъ ему чужой, дѣдъ его не любитъ, и нужно что-то сказочное, героическое, чтобы завоевать лучшую часть его сердца, тотъ очищенный символъ, который явился ему во снѣ, какъ откровеніе.

Дѣйствительно, Степанъ Михайловичъ не любилъ своего младшаго внука. Онъ стоялъ передъ нимъ, какъ вѣчное, неизгладимое воспоминаніе о великой семейной бѣдѣ, о непоправимомъ несчастіи. Внукъ этотъ достался ему дорогой цѣной: жизнь матери была отдана взамѣнъ; и еще: родился онъ въ день смерти отца и сразу сталъ дважды сиротою.

Развѣ можно забыть такой день!

Старикъ видѣлъ и теперь передъ собою лицо беременной невѣстки, въ то время какъ въ столовую объѣздчики вносили изуродованное тѣло его сына. А этотъ крикъ несчастной женщины, когда одинъ изъ нихъ сказалъ ей:

— Бѣдная ты головушка. Сирота ты горемычная...

А другой:

— Не трожь, пускай поголоситъ...

Потомъ неохотно, глядя въ сторону, прибавилъ:

— Ведмѣдь помялъ...

Потомъ прибѣжалъ истерзанный Дормидонтычъ, кинулся въ ноги и кричалъ:

— Родный! Прости, не углядѣлъ я, окаянный... Далъ дитю твоему погибнуть...

Слава Богу, хоть этого не слышала та, которая мучилась родами въ сосѣдней комнатѣ.

Можно было сказать, что Валеріанъ потерялъ до рожденія не только отца, но даже и мать, потому что нельзя было назвать живымъ то несчастное созданіе, которое безъ памяти металось по кровати и, умирая, давало жизнь другому.

— Сынъ... сынъ,—безъ всякой радости, даже будто съ удивленіемъ сказала, наконецъ, акушерка,—и живой...

— Сынъ,—повторилъ Степанъ Михайловичъ,—живой... дитя смерти...

Напрасно акушерка подносила ему крошечное существо, которое скромно пищало, точно извиняясь за неумѣстное появленіе на свѣтъ божій; Степанъ Михайловичъ даже не взглянулъ на внука... Къ нему подошла восьмилѣтняя Марѳа, смотрѣвшая съ недѣтскимъ участіемъ въ глаза дѣда. Она даже схватила его руку и прижалась къ ней горячими губами; но онъ машинально отдернулъ ее, не замѣтивъ горестнаго упрека на грустномъ лицѣ дѣвочки.

Тогда Ева Михайловна приняла младенца въ свои теплыя объятія.

Лежа въ колыбели, мальчикъ привыкъ видѣть склоненное надъ нимъ кроткое лицо съ свѣтлыми волосами. Къ кормилицѣ онъ шелъ только тогда, когда бывалъ голоденъ, а въ остальное время не сходилъ съ рукъ своей милой бабы Евы. „Баба“— было первое слово, которое онъ научился лепетать; словамъ „отецъ“ и „мать“ его не учили, — напротивъ, даже избѣгали произносить ихъ при немъ.

Подростая, Валеріанъ не сумѣлъ ничѣмъ завоевать любви дѣда. Онъ росъ хилымъ, задумчивымъ... Волоса его кудрявились съ одной стороны, съ другой лежали плоскими прядями; правый глазъ отливалъ голубымъ, лѣвый—имѣлъ коричневатый оттѣнокъ; черты лица его были тонки, овалъ изященъ; но, глядя на его слабую фигуру, дѣдъ предчувствовалъ, что это ему не помощникъ.

Зато Степанъ Михайловичъ нахвалиться не могъ своимъ старшимъ внукомъ!

Жизнерадостный крѣпышъ, съ ловкой практической смѣткой, Антонъ съ раннихъ лѣтъ помогалъ дѣдушкѣ по хозяйству,

серьезно, безъ дѣтской шаловливости, съ полнымъ сознаніемъ долга.

Антонъ весь состоялъ изъ конкретнаго, Валеріанъ былъ весь отвлеченіе. Оба были пылко привязаны къ дому, ко всему окружающему, но по совершенно различнымъ мотивамъ.

Антонъ любилъ деревья, потому что подъ ними лѣтомъ тѣнь, а зимой ими можно истопить печи; лошадь — потому что на ней можно кататься, возить снопы, покорять ее своей волѣ. А Валя, глядя на дерево, думалъ, весело ли ему, когда его качаетъ вѣтеръ? А когда на немъ шелестѣли листья, онъ догадывался, что дерево разговариваетъ... Онъ жалѣлъ лошадь, когда ее впрягали въ телѣгу, и ржаніе ея принималъ какъ жалобу.

Онъ ревѣлъ изъ-за всякаго пустяка, тогда какъ Антонъ — съ восторгомъ хвалился дѣдъ — никогда не плакалъ.

Однажды Степанъ Михайловичъ увидалъ изъ кабинета, какъ во дворѣ старая Леди понесла Антона. Сначала старикъ бросился на помощь, но остановился, залюбовавшись девятилѣтнимъ внукомъ: Антонъ, съ зацѣпленной въ стремени ногой, волочился по землѣ; но не кричалъ, а только упирался свободной ногой въ землю и старался, натягивая возжи, повернуть лошадь въ аллею, подальше отъ дома. И старая, добрая Леди скоро уступила.

Дѣдъ не спрашивалъ потомъ, откуда на лицѣ Антона столько царапинъ; онъ съ гордостью поглядывалъ на нихъ и думалъ: „Этотъ будетъ человѣкомъ!“

Съ малыхъ лѣтъ, Антонъ исполнялъ задачи, казалось, непосильныя для такого ребенка. Онъ провожалъ на хуторъ воза съ хлѣбомъ; онъ очищалъ топчакъ отъ шелухи, онъ отсчитывалъ сотни огурцовъ, которые переправлялъ въ городъ на продажу.

Валя не помнилъ времени, когда бы ему не ставили въ примѣръ старшаго брата; онъ привыкъ съ почтительнымъ изумленіемъ относиться къ его дѣловитости. Былъ періодъ, когда и онъ, увлеченный тщеславіемъ, рѣшилъ подражать Антону; но потомъ съ насмѣшливой горечью вспоминалъ эти неудачныя попытки, презираемыя старшими.

У Вали все выходило неудачно: возъ никогда благополучно не добирался до хутора, огурцы пропадали у него между пальцами, и рабочіе говорили, сострадательно гладя его по головкѣ:

— Куда тебѣ, братикъ... далеко куцому до зайца.

Наконецъ, Валя рѣшилъ, что не сравняться ему въ доблести съ Антономъ, и навсегда покончилъ хозяйственныя попытки; но отъ этого не чувствовалъ себя хуже.

Марѳа учила его грамотѣ; баба Ева играла ему грустныя мелодіи, которыя онъ внимательно слушалъ, притаившись въ складкахъ ея темнаго капота и глядя снизу вверхъ на ея глаза, отуманенные воспоминаніями. А затѣмъ у него былъ чудный другъ, старый Дормидонтычъ, это свѣтлое воспоминаніе дѣтства!

Молочный братъ Степана Михайловича, Дормидонтычъ не имѣлъ на хуторѣ опредѣленной профессіи, но просто „состоялъ при хозяйствѣ“, съ аккуратной преданностью выполняя разнообразныя приказанія. Только уходъ за птицей находился въ его полномъ вѣдѣніи и составлялъ предметъ его неусыпныхъ попеченій.

Въ продолженіе цѣлаго дня примѣнялъ Дормидонтычъ къ пернатымъ питомцамъ массу педагогическихъ ухищреній. Онъ вѣчно укорялъ ихъ въ лѣности, въ буйствѣ, въ непокорности. Валя съ младыхъ ногтей дополнялъ собою эту пеструю компанію индюковъ, утокъ, цесарокъ, цыплятъ, собакъ и поросятъ, безсознательно впитывая въ себя любовь ворчливаго старика ко всякой живой твари.

— Конопляночка ты моя, сирая,—ласкалъ старикъ Валю и, желая пригладить его волосы, только еще больше ерошилъ ихъ своей мозолистой рукой,—воробышекъ ты мой упадшій...

Когда мальчикъ прижимался къ нему, загрустивъ отъ такой печальной ласки, дѣдъ начиналъ критиковать свое пернатое царство.

По его мнѣнію, послѣ воли птица разбаловалась... Ужъ на что индюшка дура, да и та нынче все норовитъ по-своему... а ужъ о гусяхъ и говорить нечего! Разнаглились! Утки-то, утки! Лѣнтяйки, другого имъ и слова нѣтъ... Но вотъ курица — про курицу грѣхъ сказать дурное...

— Курочка — кладъ! Курочка сама безпокоится о дѣткахъ, сама корму ищетъ; спать не ляжетъ, пока всѣхъ не пересчитаетъ цыплятокъ... А утка, гляди: все-то ей лѣнь, все-то ей жарко... Думаешь, она бѣгать не умѣетъ? Притворяется!.. За то собаки у насъ хорошія, что и говорить, услужливыя... рачительныя!

И онъ ломалъ краюху хлѣба на кусочки.

— Ты! пошелъ!—кричалъ онъ Барбосу, который, вытянувъ хвостъ и морду, зигзагами подходялъ къ его рукамъ. — Вишь, Валинька, хитрый какой: притворяется, что голодный! Врешь, братъ, поваръ тебя любитъ, бока-то, бока у тебя расперло... А вотъ, Жучка! На, Жученька...

Хлѣбъ летѣлъ по направленію къ грязной сѣрой Жучкѣ. Она

сначала сторонилась отъ удара, затѣмъ жадно хватала кусокъ оскаленными зубами и отходила къ забору.

— Жри!—благосклонно поощрялъ ее старикъ:—ты скромная, честная... Ты дѣтокъ носишь, щеночковъ...

Жучка, низкопоклонно присѣдая, торопливо проталкивала въ горло неразжеванныя корки; тогда какъ обманщикъ Барбосъ, съ однимъ поднятымъ ухомъ, умильно смотрѣлъ на нее и, сидя въ почтительномъ отдаленіи, слегка шевелилъ пыль обрубкомъ своего хвоста.

Сначала Валю ужасало, когда Дормидонтычъ, съ тѣми же методическими приговариваньями, ловилъ птицу, предназначенную въ жертву мамонѣ, и, придерживая клювъ, чиркалъ ей ножомъ по горлу. Мальчикъ плакалъ, отказывался отъ жаркого; но и тутъ авторитетъ старика восторжествовалъ.

— Глупенькій, чего ты?—уговаривалъ его Дормидонтычъ:—птица любитъ, чтобы ее рѣзали... тогда зачѣмъ ей и на свѣтѣ жить? Вѣдь ей положенъ предѣлъ,—чего ей надо? Нагулялась, нагрѣлась на солнышкѣ, дѣтокъ повыводила—ступай на другую работу—въ печку! Пусть Валинька полакомится...

И Валинька лакомился, забывая недавнія сомнѣнія.

Такъ проходили годы.

Съ радостной дѣтской безсознательностью воспринималъ мальчикъ отовсюду впечатлѣнія, иногда поражая домашнихъ внезапными причудливостями характера, которыя сглаживались мягкой рукой бабы Евы. Иногда Валя инстинктивно чувствовалъ отчужденіе дѣда; но мысль его не останавливалась надъ этимъ. Какъ всякій ребенокъ, онъ считалъ, что все на свѣтѣ чудесно, что лучше его близкихъ никого нѣтъ въ мірѣ, что самое прекрасное мѣсто на земномъ шарѣ—его родная Локустовка съ ея бѣлымъ „перистилемъ“, съ ея полями, съ ея рѣчкой, за которой виднѣется тусклая панорама города.

Раньше все казалось такъ цѣльно, такъ просто... и вотъ, цѣльность эта нарушена, а простота обратилась въ трудную сложность.

VI.

На слѣдующее утро послѣ неудавшагося „торжества прогресса“ Валя проснулся съ какой-то новой тяжестью въ душѣ.

Дѣдъ, который ему сегодня снился, такъ противорѣчилъ дѣйствительному, вчерашнему дѣду. Валя чувствовалъ нѣчто вродѣ обожанія къ опоэтизированному образу, и ему даже было стыдно передъ нимъ за то, что вчера случилось...

Онъ хотѣлъ разсказать Марѳѣ свой сонъ, однако умолчалъ о немъ, точно боясь потревожить величественное видѣніе. Но зато не могъ удержаться, чтобы не спросить, какого она мнѣнія о вчерашнемъ?

— Ты еще глупый парнишка,—отвѣтила ему сестра съ дѣланной беззаботностью,—точно ты не зналъ, что дѣдушка дерется.

— Я видѣлъ... Иногда онъ толкалъ, когда сердился... Но чтобы завести въ сарай, подальше отъ свидѣтелей, и побить... и только потому, что онъ сильнѣе...

— Пока помѣщики будутъ имѣть возможность драться безнаказанно, они и будутъ драться,—сказала Марѳа, уходя отъ непріятнаго разговора.

— Помѣщики... Но вѣдь это дѣдъ, нашъ дѣдъ,—протестовалъ Валя; но Марѳа ушла, ничего не отвѣтивъ.

Долго Валя бродилъ одиноко, стараясь ни съ кѣмъ не встрѣчаться, потому что мятежныя мысли его казались ему святотатствомъ. Онъ представлялъ себѣ, какъ бы огорчилась баба Ева, заглянувъ сейчасъ въ его душу, и ему было жаль до слезъ милую старушку.

Наконецъ мальчику стало не подъ силу выдерживать одиноко эту первую борьбу, и онъ пошелъ черезъ деревню къ Панцыревымъ.

Онъ засталъ семью за обѣдомъ.

Георгій Павловичъ, какъ вегетаріанецъ, ѣлъ кашу и зеленые бобы, приготовленные Вѣрой; остальные довольствовались неприхотливой нянечкиной стряпней, которую уничтожалъ съ должнымъ аппетитомъ только одинъ румяный Борисъ, товарищъ Антона по гимназіи. Анна, по обыкновенію, съ полураспущеннымъ жгутомъ пепельныхъ волосъ, изъ которыхъ торчали черепаховыя шпильки, только размазывала пищу по тарелкѣ.

— А, Валикъ!—сказалъ Владиміръ:—долго ли длилось у васъ еще торжество прогресса?

Валя, густо покраснѣвъ, поздоровался со всѣми. Хотя онъ именно пришелъ говорить объ этомъ, но теперь смутился. Было какъ-то очень свѣтло въ столовой, всѣ оффиціально сидѣли за столомъ, а Скобельцынъ пристально взглянулъ на него своими узкими серьезными глазами.

— Торжество прогресса кончилось очень поздно,—отвѣчалъ онъ какъ можно развязнѣе и все чувствуя присутствіе Скобельцына не такъ, какъ всѣхъ остальныхъ.

— И кончилось, кажется, пораженіемъ?—продолжалъ Владиміръ, выпивая большую рюмку водки.

— Кого?—смѣясь, подхватилъ Борисъ.

— Болѣе слабаго, конечно,—отвѣтилъ Владиміръ, не умѣвшій подавить въ себѣ антипатіи, которую онъ чувствовалъ къ Локустову.

— Дѣти, дѣти!—тихонько остановилъ ихъ Георгій Павловичъ, и четки нервно запрыгали въ его рукѣ.

Всѣ замолчали. Валя поглядѣлъ на старика.

— Значитъ, вы уже знаете?—спросилъ онъ.

— Намъ сегодня крестьяне разсказали, какъ имъ Никита жаловался,—отвѣтилъ Владиміръ и снова выпилъ большую рюмку водки.

Вѣра взглянула на него укоризненно; лицо Владиміра передернулось; но онъ сердито выдержалъ ея взглядъ и налилъ себѣ еще дрожащей рукою. Вѣра отвела отъ него свой взоръ и съ безпокойствомъ обратила его на свекра: она такъ боялась, чтобы старикъ, котораго она обожала, не замѣтилъ возрастающей неумѣренности мужа; но Георгій Павловичъ, занятый своими мыслями, ничего не видѣлъ.

— Значитъ, и вы осуждаете?—потупясь, съ багровымъ румянцемъ на щекахъ, заговорилъ Валя.—Но вы чужіе... а съ моей стороны осуждать стыдно... Но что же дѣлать, я понимаю, это не только стыдно, это...

Онъ хотѣлъ сказать „преступно“, но постыдился.

Зато онъ съ увлеченіемъ разсказалъ о поступкѣ Василисы съ рабочимъ, о полтинникѣ, о томъ, что она назвала его „ариѳметикъ“... Вѣдь это прямо какая-то глупая наивность, не правда ли?..

Затѣмъ опять говорить стало тяжело... Какъ объяснить, что дѣдъ сердился на него, а не на Василису? Съ Василисой онъ попрежнему въ хорошихъ отношеніяхъ, хотя мошенничество ея раскрыто... Или дѣдъ не повѣрилъ ему?

Валя бросалъ полуслова, не договаривая, путаясь... Онъ старался высказать все, облегчить свою душу и въ то же время не оскорбить свѣтлое видѣніе, которое посѣтило его ночью. Онъ еще надѣялся, что туча пронесется мимо, унося его сомнѣнія, и тайная мечта, которая манила его во снѣ, наяву осуществится.

Старшіе слушали юношу съ глубокимъ сочувственнымъ вниманіемъ и разгадали въ этихъ отрывистыхъ полусловахъ его душевную муку.

Когда онъ умолкъ, разстроенный, подавленный тяжестью такой серьезной ноши, неожиданно упавшей ему на плечи, глаза всей семьи невольно обратились къ жениху Нанни.

Въ каждомъ кружкѣ есть такой человѣкъ, на котораго обращаютъ взоры въ нужную минуту, и Скобельцынъ привыкъ быть такимъ человѣкомъ. Когда онъ былъ студентомъ, на сходкахъ всегда смотрѣли въ ту сторону, гдѣ онъ находился; а когда онъ начиналъ говорить, въ толпѣ происходило движеніе, и часть слушателей, освобождаясь отъ заботы рѣшать за себя, заранѣе отдавала рѣшеніе вопроса въ его руки. Когда онъ вступилъ на широкое поле жизни—вокругъ него тотчасъ же составилась группа, въ которой доминировала его воля.

И теперь, неожиданная постановка жизнеразности въ душѣ юноши побудила всѣхъ обратить свои взоры на Скобельцына.

— Мнѣ не съ кѣмъ поговорить,—прибавилъ еще Валя, какъ бы извиняясь передъ нимъ и съ острымъ удовольствіемъ сознавая, что этотъ значительный человѣкъ—есть избранникъ его Нанни.

— Какъ, а Марѳа?—спросила она.

— Марѳа почему-то не хочетъ со мной разговаривать... Она говоритъ, что разъ есть люди, которые позволяютъ себя бить, то всегда найдутся такіе, которые будутъ это дѣлать... И что разъ есть помѣщики...

— Что-жъ, она права,—перебилъ его Владиміръ.

— Права!—возмутился Валя.—Но вѣдь не всѣ же... вотъ и вы помѣщики...

Громкій хохотъ покрылъ его слова.

— Да онъ просто какой-то льстецъ придворный!..

— Онъ имѣетъ виды на нашу протекцію! — послышались возгласы посреди хохота; не смѣялась одна нянечка, державшая въ рукахъ блюдо съ киселемъ. Покачивая своей круглой головкой такъ, что кончики шолковаго платка задрожали, будто собираясь улетѣть, она строго сказала:

— Глупые, чего смѣетесь? Развѣ это смѣшно, что изъ такихъ богатыхъ въ бѣдняковъ обратились? Какіе они помѣщики, Валинька! Только что были когда-то.

И взявъ обѣими руками блюдо изъ-подъ жаркого, она демонстративно удалилась. Но хохотъ только усилился.

— Были когда-то, были,—повторяла молодежь и смѣялась.

— Да, были; но не сумѣли удержаться на столь высокой позиціи,—сказалъ Владиміръ,—и это только подтверждаетъ проповѣдь Марѳы.

— Но тогда... развѣ нельзя иначе?—пробормоталъ Валя, съ недоумѣніемъ глядя на раскраснѣвшіяся лица семьи.

— Надо самому наблюдать жизнь и учиться, родной мой,—

отвѣчалъ Скобельцынъ:—нигдѣ нѣтъ готоваго отвѣта, потому что только выстраданное вами можетъ удовлетворить васъ.

Онъ замолчалъ; но глаза Вали продолжали требовать у него немедленнаго разрѣшенія своихъ сомнѣній.

— И, ради Бога, не считайте себя несчастнымъ!—прибавилъ онъ.—Напротивъ... то, что вы сейчасъ переживаете, есть счастье... Я радъ за васъ...

— А я жалѣю малыша!—скептически улыбаясь, возразилъ Владиміръ.

— Почему? Неужели лучше жить однимъ зоологическимъ инстинктомъ?

— И вы спрашиваете? — воскликнулъ Владиміръ дрогнувшимъ голосомъ. — Все это красиво только въ теоріи... „Per aspera ad astra“... А во что это превратится на практикѣ? „Astra“ такъ и останется торчать въ небѣ; а пока-что, здѣсь, на землѣ, намъ останутся обглоданныя кости да ободранныя стѣны... Да еще, пожалуй, зудъ неразрѣшимаго противорѣчія между запросами „ненасытнаго духа“ и тѣми скудными способами его удовлетворенія, которые доступны человѣку. Поэтому, вотъ, надо искоренять въ такихъ желторотыхъ первыя попытки къ рефлексіи и протесту.

— То-есть, убивать живого бога борьбы,—подхватилъ Скобельцынъ,—мѣшать воплощенію добра въ человѣкѣ.

— Это ужь мистицизмъ... Все равно, слопаетъ окружающая зоологія... Лучше учить борьбѣ реальной, за себя.

— Это и будетъ борьба за себя, если онъ рано пріучится смотрѣть на жизнь, какъ на участіе въ историческомъ созиданіи.

— Тогда его заѣстъ или рефлексія, или стремленіе къ совершенству... и онъ спрячется въ одну изъ этихъ ловушекъ, чтобы избѣжать борьбы. Надо научить его мириться съ относительнымъ, иначе онъ станетъ негоденъ для жизни.

Горечь звучала въ словахъ Владиміра; онъ вспомнилъ свои молодые годы, свое непримиримое отношеніе къ обществу и тотъ грубый отвѣтъ, который дала жизнь на его идеальные запросы.

— Вы говорите о слабыхъ, а я говорю о сильныхъ, — отвѣтилъ Скобельцынъ:—что ломитъ слабаго, то укрѣпляетъ сильнаго.

Пока шелъ споръ, Анна поглядывала на Валю, лицо котораго становилось все грустнѣе. Наконецъ, она улыбнулась, и капризный изломъ ея бровей дрогнулъ отъ этой улыбки.

— Начинай, Валикъ, начинай! — сказала она, лаская его своимъ блестящимъ взглядомъ. — Вотъ, они говорятъ, что весь

прогрессъ состоитъ изъ борьбы между идеей справедливости и зоологическимъ инстинктомъ... Значитъ, борись съ ними и побѣждай!

Появилась нянечка и со сварливымъ видомъ начала убирать со стола. Она еще больше разсердилась, увидавъ, что почти у всѣхъ тарелки остались чистыми.

— И не ѣдятъ ничего, прости, Господи, меня, грѣшную!— бормотала она.

Однако, количество киселя значительно уменьшилось, и одинъ Борисъ еще прилежно работалъ ложкой.

— Вотъ, одинъ только и есть умникъ изъ васъ,—сказала нянечка, благосклонно потрепавъ его по плечу:—этотъ не пропадетъ.

Всѣ засмѣялись; румяное лицо Бориса расплылось въ широкую улыбку.

А Валя сидѣлъ совсѣмъ разочарованный. Спѣша сюда, онъ такъ вѣрилъ, что здѣсь найдетъ отвѣтъ на мучившіе его вопросы и утолитъ свою новорожденную скорбь. И вотъ, онъ пришелъ, спросилъ и въ отвѣтъ получилъ много противорѣчивыхъ, отвлеченныхъ разсужденій, въ которыхъ не могъ разобраться. По привычкѣ, онъ вѣрилъ больше Скобельцыну, чѣмъ Владиміру; но не могъ вывести изъ его словъ никакого практическаго заключенія.

Жизнь мальчика, ставшаго юношей, продолжала усложняться.

VII.

У бабы Евы въ комнатѣ былъ балконъ, со всѣхъ сторонъ увитый виноградомъ, въ которомъ она ежегодно прорѣзала окошечки, чтобы оттуда, тихонько выглядывая, любоваться на прекрасный божій міръ. Окошечки прорѣзывались такъ хитро, что ничей нескромный взоръ не могъ проникнуть на балконъ и подсмотрѣть тамъ хозяйку. И комната ея находилась въ сторонѣ; никакая торная перекрестная дорожка не вела мимо ея балкона ни на кухню, ни къ погребу или къ оранжереѣ.

Здѣсь баба Ева могла спокойно сидѣть, предаваясь размышленіямъ и милымъ, далекимъ воспоминаніямъ. Изъ окошечка она видѣла паркъ, полукруглый изломъ рѣки съ постепенно суживавшимися берегами, часть городской слободы съ маячащими крестами церквей и щетку тростниковъ на болотѣ. Здѣсь же она слушала шелестъ листвы, прибой воды и щебетанье птицъ

ранней зарею. Это былъ ея уголъ, спокойный, невозмутимый; это было то, что она цѣнила больше всего въ жизни.

Послѣ смерти любимаго мужа, Ева Михайловна мечтала укрыться отъ жизни, уйти отъ ея волненій, предаться всецѣло прошлому, его незабвеннымъ воспоминаніямъ.

Но жизнь не хотѣла ее забыть и продолжала сыпать на нее свои удары. Пришлось перенести ей весь ужасъ безвременной смерти племянника, принять младенца отъ его умирающей жены и проводить около него безсонныя ночи.

И рѣдко удавалось ей наслаждаться уединеннымъ созерцаніемъ въ тиши укрытаго балкончика!

Сколько безпокойства доставлялъ ей болѣзненный Валя! День и ночь больной ребенокъ видѣлъ надъ собой ея прозрачное лицо, обрамленное свѣтлыми волосами; ея руки, обыкновенно небрежно брошенныя на колѣни, тогда неутомимо мыли, переворачивали, растирали слабое тѣльце.

Она не позволяла даже Марѳѣ помогать себѣ.

— Это лучшія минуты моей жизни, — извинялась она; — мнѣ, душечка, хочется для него все самой дѣлать, все самой...

— Но вѣдь вы такъ любите быть спокойной, — говорила Марѳа.

— Я? Спокойной?—удивлялась Ева Михайловна; но потомъ прибавляла съ улыбкой:—Ахъ, но вѣдь это тогда, когда вы всѣ здоровы.

Къ счастью, Валя поздоровѣлъ, благодаря тщательному уходу, и баба Ева нѣкоторое время могла вдоволь насладиться уединеніемъ; но тутъ подоспѣла борьба дѣда съ Марѳой.

— И въ кого ты такая?—огорченно говорила Ева Михайловна Марѳѣ: — только въ дѣда... Мы всѣ мягкіе, а вы оба, какъ два кремня, царапаете другъ друга.

Наконецъ, время примирило брата съ внучкой, и опять въ домѣ воцарилось мирное спокойствіе. Но теперь Валя начинаетъ нарушать его... Что сталось съ ея деликатнымъ, добрымъ, услужливымъ мальчикомъ? Точно какой-то злой волшебникъ подмѣнилъ его!

Валя сталъ нервенъ, ядовитъ, иногда прямо грубъ. Онъ подхватывалъ чью-нибудь фразу, начиналъ издѣваться надъ ней, выворачивать на всѣ лады. Недавно онъ услышалъ, какъ Василиса сказала пріѣзжему купцу, торговавшему у нихъ полдюжины бычковъ:

— Дешево отдавать намъ невыгодно: вѣдь у насъ и рабочимъ полагается мясо.

Съ тѣхъ поръ ей отъ Вали не стало проходу.

— А что сегодня подается рабочимъ на обѣдъ?—любознательно допытывался онъ при встрѣчѣ:—коровій глазъ подъ зеленымъ соусомъ?

— Вотъ, я дѣдушкѣ скажу,—отвѣчала Василиса.

— Или нѣтъ... Сегодня — чудесныя маринованныя телячьи ноздри съ естественной начинкой,—продолжалъ онъ.

Василиса кричала, жаловалась.

Антонъ иногда хохоталъ, принимая это просто за мальчишескія выходки; дѣдъ пересталъ не только говорить, но даже смотрѣть въ сторону младшаго внука; Марѳа страдала, опасаясь своимъ вмѣшательствомъ поселить въ душѣ его еще бо́льшую смуту. Одна Ева Михайловна, въ простотѣ душевной, пыталась повліять на него нравоученіями; но всякія нѣжныя слова теперь отскакивали отъ его окаменѣвшаго сердца.

— А зачѣмъ она вретъ?—холодно возражалъ онъ:—рабочимъ даютъ мясо! Ха! ха! Соленый ободранный черепъ...

Онъ становился невыносимъ, чувствовалъ это, но ничего не могъ съ собой подѣлать: непривычная раздвоенность сознанія угнетала его, нарушая душевное равновѣсіе. И никто не могъ сказать ему такого слова, которое помогло бы на чемъ-нибудь успокоиться. То, мимо чего онъ раньше проходилъ равнодушно, теперь вызывало въ его душѣ боль, переходившую въ злостную насмѣшку. Для того, чтобы справиться съ собой, ему нужно было сорвать злобу на чемъ-нибудь, грубо, по-мальчишески.

Фальшь ихъ помѣщичьей жизни кидалась ему въ глаза на каждомъ шагу. Напримѣръ, землянки, въ которыхъ жили рабочіе, были темны и сыры; когда оттуда выходили ребятишки, они щурились отъ непривычнаго свѣта. А рядомъ съ землянками уже много лѣтъ стоялъ срубъ избы, и когда пріѣзжали гости, дѣдъ, обходя съ ними свое образцовое хозяйство, непремѣнно указывалъ на срубъ.

— А вотъ,—говорилъ онъ,—это для рабочихъ. Только еще не успѣли кончить.

И такъ какъ постоянно случались другія, болѣе необходимыя постройки, то сруба никакъ не могли отдѣлать.

А эти безмолвныя, босыя фигуры, которыя простаивали терпѣливо у „задняго парада“ съ разсвѣта до полудня, чтобы потомъ услышать обиженный голосъ Василисы:

— Ступайте, сегодня работы нѣтъ.

А ругательства дѣда, которыя точно смазывали весь хозяйственный механизмъ, ругательства безъ гнѣва, чисто педагоги-

ческаго свойства. Онъ умѣлъ кричать и казаться при этомъ столь недосягаемо могучимъ, что самые дерзкіе рабочіе, искушенные глубочайшимъ презрѣніемъ къ хозяину вообще, сдавались, парализованные силой его громового сквернословія.

Въ домѣ никто не оспаривалъ законности такого педагогическаго воздѣйствія; одна Марѳа пыталась подчеркнуть его, обращаясь къ рабочимъ и къ прислугѣ съ преувеличенной вѣжливостью. Валя же теперь избѣгалъ дѣда; онъ чувствовалъ себя при немъ крайне неловко... Ну, вотъ, точно въ церкви съ новыми сапогами на ногахъ: и ничего не болитъ, а стоять невыносимо... Отношеніе къ дѣду еще не опредѣлилось, и Валя думалъ о немъ съ какой-то виноватой неловкостью.

И чего бы ни коснулось теперь пробудившееся сознаніе юноши—вездѣ его постигало разочарованіе. Даже милый старый Дормидонтычъ, этотъ вѣрный другъ его дѣтства! И тутъ Валя, къ своему великому огорченію, открылъ, что Дормидонтычъ имѣетъ наблюденіе надъ рабочими и что черезъ него дѣдъ знаетъ всѣ ихъ помыслы. Никто не считалъ старика доносчикомъ, потому что никакія дѣянія, совершаемыя въ нѣдрахъ Локустовки, не практиковались; Дормидонтычъ, конечно, не „доносилъ“, а „докладывалъ“. Когда же Валя, однажды, попытался рѣзко упрекнуть его за это, то старикъ не только не отрекся, но даже отвѣтилъ съ гордостью:

— А какъ же дѣдинькѣ не знать, что̀ у его дѣется? На то онъ и хозяинъ.

Мракъ сгущался все сильнѣе въ отравленной душѣ Вали; и изъ-за этой мятущейся души баба Ева теряла свое дорогое спокойствіе. Она не могла уже блаженно наслаждаться красотами природы, глядя черезъ балконное окошечко на міръ божій; она теперь все придумывала, какъ бы помочь своему любимцу, какъ облегчить тяжелый ростъ его молодой души.

Она втайнѣ сердилась на Марѳу, такъ какъ начала подозрѣвать, что это ея непокорность дѣйствуетъ на Валю такъ заразительно.

Однажды Ева Михайловна осторожно намекнула на это внучкѣ, но послѣдняя только улыбнулась въ отвѣтъ.

— Милая моя бабочка,—возразила она,—вѣдь вы очень удивитесь, если я скажу вамъ, что главная виновница всего—вы, а не я...

Баба Ева не только удивилась, но даже испугалась.

— Конечно,—продолжала Марѳа:—ваша участь всегда была у меня передъ глазами... Я жалѣла васъ съ тѣхъ поръ, какъ

начала себя понимать; дѣдъ согнулъ васъ, обезличилъ, и я боялась, что со мной будетъ то же... Оттого я такъ рано начала сопротивляться... и совершенно сознательно!

— Но? все-таки, при чемъ здѣсь я?..

— О, я объясню вамъ...

— И почему ты думаешь, что онъ меня обезличилъ?

— Какъ же, онъ все у васъ взялъ, вы отъ него теперь зависите... Вы, такая хорошая, не знаете, что такое свобода, счастье...

— Я не знаю!—воскликнула Ева Михайловна, и лицо ея озарилось внутреннимъ сіяніемъ. — Ахъ, дитя, да я счастливѣе васъ всѣхъ! Вѣдь я знала такую любовь... такую любовь... Да...

Она вздохнула, взглянула черезъ балконное окошечко на прекрасную панораму и, проводивъ благосклоннымъ взглядомъ желтокрылую капустницу, пролетавшую мимо, тихо докончила:

— Богъ научилъ меня счастью... Я знаю, самое тяжелое у меня назади, оно уже обратилось въ сладкое воспоминаніе...— Старушка посмотрѣла на большой портретъ мужа.—Нѣтъ, моя дѣвочка, я не несчастна! Развѣ не огромное счастье видѣть васъ всѣхъ здоровыми? Развѣ не счастье сознавать, что я дала твоему дѣду возможность развернуть свою энергію...

— Вотъ, вотъ,—рѣзко сказала Марѳа:—это и есть ваша вина...

— Это? Вина?—повторила Ева Михайловна, и лицо ея выразило столько изумленной печали, что Марѳа пожалѣла о своей рѣзкости.

— Нѣтъ, объясни мнѣ, я не понимаю,—сказала баба Ева послѣ продолжительнаго молчанія.

— Хорошо, я скажу... — отвѣчала Марѳа съ нѣкоторымъ усиліемъ. — Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ больше сожалѣю, зачѣмъ вы подарили ему эту землю...

Первый разъ въ жизни Евѣ Михайловнѣ приходилось выслушивать такой упрекъ. Первый разъ въ жизни она встрѣтила человѣка, который не только не восхищался ея поступкомъ, но даже осудилъ его. Знакомые называли ее въ глаза „святой“, „ангеломъ“, за глаза—„юродивой“, „нелѣпой“; но эти противорѣчивыя оцѣнки свидѣтельствовали, все-таки, объ ихъ преклоненіи передъ ея необычайнымъ безкорыстіемъ. И вотъ, черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ факта, которымъ она если и не гордилась, то во всякомъ случаѣ привыкла сознавать всю его значительность, — ея внучка, ея Марочка, ставитъ вопросъ на какую-то новую точку зрѣнія, переворачиваетъ вверхъ дномъ ея міросозерцаніе.

— Почему же, Марѳа, почему?—спрашивала она упавшимъ голосомъ.

Марѳа обняла ее и поцѣловала.

— Моя маленькая бѣленькая бабочка,—сказала она нѣжно,—вотъ я и огорчила васъ, а вѣдь вы ничѣмъ, ничѣмъ не виноваты. Вся ваша вина въ томъ, что вы слишкомъ хотѣли добра своему семейству.

— Конечно, хотѣла... И въ чемъ же здѣсь бѣда?

— Въ чемъ?—Марѳа помолчала и, тщательно подбирая слова, проговорила: — въ томъ, что вы дали возможность почти вдвое увеличить подарокъ.

— Но дѣдушка трудится и для васъ...

— А если мы не хотимъ!—пылко воскликнула Марѳа:—то-есть, я... а теперь, повидимому, и Валя... Если мы поняли, что эти лишнія сотни десятинъ вѣдь не съ луны же падаютъ? Откуда онѣ? О, я помню, какъ приходили крестьяне и упрекали васъ... Я была крошкой, а помню... Вы-то развѣ забыли?

Нѣтъ, баба Ева не забыла; но она помнитъ это лишь какъ всякая добрая женщина, которой жаль огорченныхъ людей. Она ничего не обобщала.

А Марѳа нагнулась надъ ней и, блестя своими глубоко сидящими глазами, прошептала:

— Я знаю, за что умеръ нашъ отецъ... и все-таки дѣдъ продолжалъ послѣ этого прибавлять десятину къ десятинѣ...

Ева Михайловна вздрогнула, красныя пятна запестрѣли на ея блѣдномъ лицѣ.

— Не смѣй такъ говорить! — крикнула она: — ты должна уважать дѣда...

— За что?—спокойно спросила Марѳа.

— Какъ за что?—старушка растерялась:—за все... Онъ—твой дѣдъ, старшій въ родѣ, онъ заботится о васъ... наживаетъ...

— Плохіе аргументы, моя бабочка! Мнѣ жаль огорчать васъ; но разъ уже мы начали, договоримъ до конца... Конечно, онъ—мой дѣдъ; но мало ли дѣдушекъ на свѣтѣ... А насчетъ заботъ... О, я старалась освободить его отъ нихъ по мѣрѣ силъ... А что онъ наживаетъ—ну, пусть ему это проститъ милосердый Богъ; я же, грѣшница, прощать не смѣю.

— Боже мой, что ты говоришь!

Бѣленькая, тоненькая Ева Михайловна затрепетала, глядя на свою темнокожую, ширококостую внучку съ суровымъ взглядомъ. Это уже было не „упрямство“, не „непослушаніе“, а нѣчто го-

раздо серьезнѣе: она ниспровергала весь ихъ жизненный строй, отрѣзывала себя на вѣки отъ семейства.

— И тебѣ не страшно такъ говорить?—сказала баба Ева, глядя съ состраданіемъ на бунтовщицу.

— Нисколько,—равнодушно отвѣтила та:—для меня семейные фетиши всегда мало значили... но мы никогда не говорили съ тобой, какъ равныя... Я не могу понять, почему надо любить человѣка, чуждаго по духу, только потому, что онъ случайно оказался дѣдомъ?

— Случайно! — повторила окончательно возмущенная Ева Михайловна:—но вѣдь эти чувства коренятся глубоко въ душѣ человѣческой... Твой отецъ имѣлъ ихъ къ своему отцу и передалъ ихъ тебѣ... Все это не подлежитъ критикѣ; это свято! и сама деликатность...

— Я тоже признаю деликатность, но только по отношенію ко всѣмъ безъ различія... Однако, почему при мнѣ насмѣхаются надъ Панцыревымъ, который также „старшій въ родѣ“? Почему меня не учатъ цѣнить добро вездѣ, гдѣ оно встрѣчается; а учатъ только уважать поступки родныхъ, не вдаваясь въ ихъ оцѣнку? Вѣдь это, по семейному, считается первой добродѣтелью?

— Тяжело тебѣ будетъ жить! — вмѣсто отвѣта, вздохнула Ева Михайловна:—нѣтъ у тебя въ характерѣ ни мягкости, ни всепрощенія.

— Ни всепрощенія, ни прощенія, ни снисходительности, ни примиренія... ни чуточки! Ни капельки! Я имѣю несчастіе смотрѣть и на своихъ открытыми глазами.

— Развѣ мало добра дѣлаетъ твой дѣдъ?

— Какое добро? Я его не вижу... Паромъ, за который берутъ по копѣйкѣ? Пожарное депо, куда лошадей должны поставлять крестьяне? Или знаменитыя грабли, которыя чуть не получили субсидію? Да... всѣ эти „культурныя задачи“ приносятъ не только денежную выгоду... они еще дѣлаютъ славу благотворителя, благодѣтеля уѣзда.

Ева Михайловна уже плакала.

Вотъ она, эта мирная, дорогая семья, которой была отдана ея любовь!.. И откуда могло случиться, что Марочка...

— Это все вліяніе Панцыревыхъ, — прошептала баба Ева сквозь слезы:—Антонъ не ходилъ къ нимъ...

— Да, да, Антонъ не ходилъ, и остался примѣрнымъ внукомъ! Конечно, онъ никогда не нарушитъ семейнаго равновѣсія... Но, моя бабочка, что же это за равновѣсіе, которое такъ опасается провѣрки?

— Богъ тебѣ судья, Мара; но если ты все это говоришь и Валѣ...

— Нѣтъ!—горячо перебила ее Марѳа: — я не повинна въ томъ, что глаза его начинаютъ раскрываться, я сама все время старалась оградить его: не сладко ходить съ открытыми глазами! Но ничего не подѣлаешь: люди, которые будутъ видѣть, уже родятся зрячими, и нѣтъ силы, которая могла бы имъ закрыть глаза. А я давно угадала, что нашъ Валька рожденъ зрячимъ. Я боялась этого и любила его за это.

— Бѣдный мальчикъ... Онъ столько теряетъ... вся радость юности отошла отъ него,—попыталась разжалобить Марѳу Ева Михайловна, но упрямая дѣвушка, презрительно улыбнувшись, возразила:

— Онъ выиграетъ больше потомъ отъ сознанія своего человѣческаго достоинства.

На этомъ разговоръ оборвался.

Марѳа скоро уѣхала на медицинскіе курсы; Ева Михайловна даже была довольна этимъ: она радовалась, что Валя останется безъ ея вліянія. Но, несмотря на отсутствіе сестры, дѣла юноши не поправлялись, а наоборотъ, шли все хуже да хуже.

Мѣсяцы черной, глухой и безпросвѣтной тоски наступили для Вали послѣ свадьбы Анны, когда она уѣхала съ мужемъ заграницу. Онъ точно осиротѣлъ, точно потерялъ самое лучшее, самое дорогое, что у него еще оставалось въ жизни. Это былъ періодъ наивысшаго отчаянія, періодъ смятенія и одиночества, во время котораго мужавшая душа его отбросила все старое и, обѣднѣвъ, не могла найти ничего взамѣнъ.

Окружающая жизнь представлялась Валѣ непріятельскимъ станомъ, гдѣ онъ, въ качествѣ слабосильнаго противника, могъ метать лишь изрѣдка отравленныя стрѣлы насмѣшекъ. Домашніе, слыша его смѣхъ, грубый и дерзкій, не подозрѣвали, какое безпросвѣтное отчаяніе мертвитъ его душу.

Докторъ, къ которому въ концѣ концовъ обратилась встревоженная Ева Михайловна, успокоилъ ее: онъ объяснилъ всѣ его мальчишескія выходки ненормальностями, которыя иногда сопровождаютъ быструю возмужалость юношей.

VIII.

Наконецъ Анна вернулась погостить къ роднымъ.

Но даже это радостное событіе не нашло достойнаго отклика

въ измученной душѣ Вали. Онъ пришелъ къ ней неловкій, исхудалый, вытянувшійся, съ обострившимся носомъ и впавшими разноокрашенными глазами. Принужденность его манеръ, какой-то скорбно-вызывающій взглядъ, направленный въ лицо собесѣдника, порывистыя движенія, срывающійся голосъ — все это печально изумило Анну, которая его искренно любила.

Вспомнила она своего деликатнаго, ласковаго Валика прежнихъ дней и не удержалась отъ безплоднаго вопроса:

— Что съ тобой, милый?

Онъ какъ-то дернулъ плечомъ, криво улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ... Его заледенѣвшая душа не могла сразу оттаять.

Случайно взоръ его упалъ на большой портретъ надъ письменнымъ столомъ, который Анна привезла съ собою.

— Кто это у васъ? — спросилъ Валя, чтобы не подчеркивать своего молчанія.

— Это?

Анна пристально взглянула на юношу и потомъ особеннымъ, тенденціознымъ тономъ проговорила:

— Это большой писатель, передъ которымъ я преклоняюсь.

Въ голосѣ Анны звучала такая задушевность, такое довѣріе, что горячая волна прежняго радостнаго обожанія вдругъ прихлынула къ сердцу юноши.

А съ полотна смотрѣлъ на него высокій красивый человѣкъ съ нервнымъ лицомъ и острыми глазами. Тонкая, маленькая, почти женская рука держала брошюру, на которой виднѣлось слово „Prawda“.

Отъ смущенія, Валя такъ долго и такъ благоговѣйно вглядывался въ это сильное лицо, что оно вдругъ точно ожило для него, и онъ почувствовалъ себя неловко подъ его острымъ взглядомъ. Казалось юношѣ, что кто-то избранный, безпристрастный, наблюдаетъ за нимъ, раскрывая властнымъ взоромъ тайники его души, исполненной злобы.

— Тебѣ онъ нравится?—спросила Анна.

— Конечно.... еще бы! — съ прежней непринужденностью воскликнулъ Валя.

— Почему же такъ категорически?—Она улыбнулась полураскрытымъ ртомъ.—Развѣ ты, малышъ, такъ мнѣ вѣришь?

Конечно, вѣритъ, попрежнему, безъ всякихъ сомнѣній... Такъ хотѣлъ сказать Валя, но только потупился.

Анна посмотрѣла долгимъ взглядомъ на портретъ.

— Это большой человѣкъ,—сказала она, — сильный, цѣльный... Онъ учитъ свободѣ своихъ скованныхъ братьевъ; но рѣчи его еще во многомъ—слова будущаго... Вотъ почему толпа не научилась произносить его имя.

Голосъ Анны оборвался, потому что она хотѣла скрыть его дрожь.

— У него умеръ сынъ, — продолжала она, глядя на портретъ лучистыми глазами: — онъ устроилъ ему гражданскіе похороны... и въ этого отца, шедшаго за гробомъ сына, изувѣры начали бросать каменья! Можешь себѣ представить, что дѣлалось у него на душѣ? Скорбь его должна была удвоиться, и неизвѣстно, о комъ онъ долженъ былъ скорбѣть больше—о сынѣ, или о несчастныхъ, которые бросали въ него каменья.

Глаза Анны то зажигались, то потухали, брови дрожали въ своемъ капризномъ изломѣ.

— Еслибы я была поэтомъ, я бы его взяла въ герои, — прибавила она.

Валя смотрѣлъ то на нее, то на портретъ, и въ тайникахъ его сознанія мракъ понемногу уступалъ чувству гордости, удовлетворенія: Нанни раскрывала ему завѣтныя мечты, говорила съ нимъ какъ со взрослымъ другомъ. Онъ жадно ловилъ ея слова, и впечатлѣніе простора, возрожденія, необъятной полноты жизни вдругъ осіяло его опустошенную душу.

— И вѣдь это не разсказъ изъ древней исторіи,—продолжала она, заражаясь его настроеніемъ, — это настоящее! Онъ живъ. Онъ, вѣроятно, часто вспоминаетъ... Понимаешь, Валикъ, онъ вспоминаетъ! Эти злобныя лица, эти жесты... А толпа безмолвныхъ наблюдателей, этихъ ни холодныхъ, ни горячихъ, которые только смотрѣли... Они не побивали, они не защищали... среда теплыхъ, служащая для разведенія микробовъ, кисель, протоплазма... Ихъ я ненавижу! Тѣ, которые камни бросали, принимали хоть грѣхъ на душу; а эти — насытили любопытство и ушли...

Она помолчала.

— Что должна была чувствовать его душа? Конечно, онъ все понимаетъ, и оттого ему чуждъ обыкновенный гнѣвъ... но, все-таки, мнѣ кажется, что всякій разъ, при воспоминаніи, онъ долженъ страдать.

Валя смотрѣлъ на ея вздрагивавшія покатыя плечи, на узкій затылокъ, изящно поддерживавшій узелъ пепельныхъ волосъ, на дрожавшій изломъ бровей,—и ему жалко было эту милую безпомощность, которая такъ ясно выступала при волненіи. Онъ боялся въ такіе минуты сердечнаго припадка.

— И онъ остался неотомщеннымъ!—прибавила Анна.—Ты понимаешь, какая месть достойна такого страданія? Еслибы я могла, я бы воспѣла все это такъ ярко и такъ могуче, что люди пришли бы и поклонились ему.

Анна тихонько прошлась по комнатѣ, потомъ глубоко вздохнула, улыбнулась.

— Валь, мой, Валь!—сказала она затѣмъ уже другимъ голосомъ:—надо достойно тратить свои силы! А ты? чѣмъ ты занимался это время? Я слышала, ты дразнишь свою Ваську „соленой коровьей ноздрей“? Да? Развѣ это не шутовство?

— Когда я такой безсильный!..—пробормоталъ юноша, густо краснѣя.

— А это мальчишество дѣлаетъ тебя сильнѣе? Или отъ этого соленая ноздря измѣнитъ свой вкусъ?

Наступила пауза, мучительная для Вали.

— Ахъ, мой дружокъ, міръ такъ широкъ,—всякая крупица, всякое зернышко ему нужно! Не трать характера на глупости, а сберегай силу, чтобы потомъ серьезно бороться.

Тутъ она сдѣлала премилую гримасу и подняла верхнюю губу такъ, что даже обнажилась ея блѣдная, безкровная десна.

— Да, малышъ, это я проповѣдую борьбу! Я, которую вѣтеръ съ ногъ валитъ.

Она засмѣялась, выпрямилась и подняла руки съ длинными рукавами, упавшими книзу, точно собиралась летѣть.

— Что жъ, я слабая, — прибавила она, иронически вздыхая, — но и я боролась... Сколько я хлопотала теперь, чтобы мнѣ разрѣшили практиковать; но ничего не добилась... Все-таки, я не уступлю! Я буду вести дѣла, вотъ и все!—Анна радостно вздохнула.—И ты такъ дѣлай! Приготовляй себя для борьбы и не истрачивайся по мелочамъ.

Потомъ она взяла голову Вали въ обѣ руки и поцѣловала его въ лобъ.

Валя ушелъ отъ Анны, очарованный новыми горизонтами и той спокойной гармоніей, которую она пробудила въ его душѣ. Чего не достигла баба Ева путемъ кроткихъ нравоученій, то сдѣлала Нанни разсказомъ объ одномъ изъ избранниковъ жизни. Этотъ разсказъ точно откинулъ передъ Валей завѣсу, которой скрывалась отъ него благородная сторона дѣйствительности; онъ вдругъ увидѣлъ яркую полосу свѣта и бодро устремился туда, предчувствуя широкую, неизвѣданную радость.

Весь просіявшій, возрожденный, перепрыгивалъ Валя съ борозды на борозду, пока, наконецъ, не укрылся въ гротикъ и

сталъ оттуда глядѣть на паркъ, на садъ, какъ выздоровѣвшій, возвращенный къ жизни послѣ тяжкой болѣзни. Какъ долго смотрѣлъ онъ на все это холодными, незрячими глазами, не замѣчая той красоты, которая раньше согрѣвала его сердце.

Наступила глубокая осень, а онъ даже забылъ посмотрѣть на пышное увяданье любимаго парка.

Ярко горѣли въ кровавомъ блескѣ заката лапчатые листья кленовъ; за ними скромно трепетали оранжевыя березки; мрачный букъ пестрѣлъ коричневато-желтыми тонами, а его посѣдѣлый стволъ обвивала красная лоза дикаго винограда. И все это увяданье, эта легкомысленно раскрашенная смерть,—еще рѣзче подчеркивались темно-зеленымъ боромъ, стоявшимъ въ неизмѣнно величавой задумчивости за стѣною парка. Около бора, покинувъ подругъ, пріютилась высокая, стройная березка. Она сотрясалась отъ вѣтра и роняла свои оранжевые листья на темную ель у опушки, и они сверкали на ея мрачномъ бархатѣ, какъ золотыя украшенія.

Валя смотрѣлъ и не могъ наглядѣться. Онъ терялъ столько счастливыхъ минутъ за эти мѣсяцы опустошающей злобы! И теперь преисполнялся радости, благоговѣнія, благодарности, клянясь, что будетъ достоинъ довѣрія Нанни. Душа его закипала жаждой реальной борьбы; ему хотѣлось отдать свою скромную жизнь въ жертву великому; онъ мечталъ отомстить! отомстить невѣжеству за скорбнаго отца, въ котораго толпа бросала каменья... Какъ отомстить, въ какіе доспѣхи одѣться для этого,—его юная семнадцатилѣтняя душа еще не знала; но она чувствовала себя на пути къ выздоровленію...

Анна также долго сидѣла у себя одна, думая о томъ хвастливомъ обѣщаніи, которое у нея сорвалось при Валѣ.

Она обѣщала бороться?

Нанни могла только улыбнуться теперь, припоминая эту фразу. Уже почти два года, какъ она старается освободить крестьянъ изъ тисковъ „милаго Тимоши“, который умѣетъ все дѣлать съ чрезвычайной юридической осторожностью; но Полуэхтовы—вездѣ, и въ земствѣ, и въ администраціи, и въ судѣ... Это—непроницаемая стѣна общихъ интересовъ хищной семьи, о которую разбиваются всѣ ея усилія. Уѣхавъ, она не оставляла борьбы и храбро переносила улыбочки и скрытыя насмѣшки чиновниковъ. Ей казалось даже, вдали, что дѣло будто налаживается; но когда она вернулась, то увидала, что все осталось попрежнему. Только два раза за это время о ней справлялся урядникъ... Непроницаемая стѣна Полуэхтовыхъ не давала бреши; Анна боя-

лась сознаться даже самой себѣ, что эта борьба ей не по силамъ.

Она просидѣла за бумагами, „какъ настоящій юристъ“, до поздней ночи, пока, наконецъ, нянечка не пришла ей дѣлать постель.

Въ домѣ всѣ сами исполняли эту обязанность, только Анна, обожаемая старушкой, не смѣла безъ нея ложиться.

И особа, окончившая курсъ юридическихъ наукъ въ Парижѣ, особа, отстаивавшая свои адвокатскія права передъ министромъ, ждала всегда нянечку, чтобы та перекрестила ее и закутала въ мягкое шолковое одѣяло.

Но и этимъ не кончался день.

Нянечка становилась на колѣни у кровати и, крестясь на образокъ въ углу, начинала шептать молитвы, перечисляя поименно Господу Богу всѣхъ своихъ присныхъ.

Анна наслаждалась, съ одѣяломъ, закрывавшимъ ей ухо, и молитва нянечки наполняла безмятежнымъ спокойствіемъ ея душу.

Сегодня она перебила старушку.

Улыбнувшись и сверкнувъ яркимъ зрачкомъ подъ изогнутой бровью, она сказала:

— Теперь, нянечка, вспоминай каждый разъ Валю... Я его люблю.

Нянечка послушно исполнила просьбу. Это былъ первый „чужой“, котораго она поминала въ своихъ молитвахъ.

Юл. Безродная.

ОБРАЩЕНІЕ
БЛ. АВГУСТИНА

ОЧЕРКЪ.

Исторія обращенія Бл. Августина выходитъ далеко за предѣлы біографическаго и церковно-историческаго интереса. Это—одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ въ исторіи человѣческой души, въ особенности эллинской „psyche“, такъ давно искавшей разгадку земной жизни въ ея загробномъ продолженіи. Обращеніе Августина завершаетъ собою этотъ долгій религіозно-философскій процессъ и образуетъ раздѣлъ между античной культурой и христіанской, соединяя въ себѣ обѣ и принося старую въ жертву новой.

I.

Въ той части римской Африки, въ которой до Рима господствовали пунійская раса и культура, родился—на склонѣ римскаго величія, въ 354 г., Аврелій Августинъ, величайшій изъ уроженцевъ Африки. Его можно также назвать величайшимъ сыномъ своего вѣка по тому значенію, которое имѣетъ для потомства его личность и оставленное имъ наслѣдіе.

Съ дѣтствомъ Августина совпало, послѣ реакціи Юліана, окончательное торжество христіанства,—но язычество еще не было побѣждено; оно еще до конца вѣка господствовало въ школахъ. Въ самой семьѣ Августина проявился этотъ антагонизмъ между язычествомъ и христіанствомъ. Его отецъ, по имени Патрицій, небогатый землевладѣлецъ въ городкѣ Тагастэ въ Нумидіи—

нынѣ Сукъ-Арасъ—былъ язычникъ; его мать, Моника (Monnica), была благочестивая христіанка, но лишь подъ-конецъ жизни мужа ей удалось убѣдить его принять крещеніе.

Почти всѣмъ, что̀ намъ извѣстно о жизни Августина, мы обязаны ему самому. Въ вѣкъ оскудѣнія исторіографіи Августинъ изобразилъ въ формѣ *исповѣди* (Confessiones) исторію своей жизни до принятія имъ крещенія въ Миланѣ, въ 387. Это оригинальное, неподражаемое твореніе не можетъ устарѣть. Это—памятникъ высокаго религіознаго лиризма, непрерывная молитва—на подобіе псалмовъ. Среди этихъ молитвъ, въ неразрывной связи съ ними, разсѣяны автобіографическія данныя. Историку Августина нельзя отрывать біографическій матеріалъ отъ его религіозной основы безъ ущерба для пониманія самого жизнеописанія и личности Августина, ибо тотъ фактъ, что авторъ облекъ разсказъ о своей жизни въ форму исповѣди, господствуетъ надъ всѣми другими ея фактами. Августинъ не имѣлъ въ виду дать читателямъ историческое повѣствованіе. Онъ совершалъ въ своей „Исповѣди“ великій религіозный актъ, ради котораго и рѣшился подвергнуть обзору и оцѣнкѣ свою прошлую жизнь. Самый подборъ фактовъ,—ибо далеко не о всѣхъ событіяхъ своей прошлой жизни повѣствуетъ намъ Августинъ,—обусловливался цѣлью, которую онъ имѣлъ въ виду. Его разсказъ обращенъ къ Богу, котораго онъ такъ долго искалъ и наконецъ нашелъ. Но зачѣмъ же было излагать всевѣдущему Богу исторію своей жизни? И Августинъ нерѣдко, разсказавши о какомъ-нибудь фактѣ, оговаривается словами: „вѣдь тебѣ, Господь, это извѣстно“. Онъ и излагаетъ не событія своей жизни, а свои прегрѣшенія и заблужденія, вызвавшія эти событія или проявившіяся въ нихъ; онъ излагаетъ ихъ не для того, чтобъ *оправдаться* [1]), а чтобы покаяться въ нихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ „Исповѣдь“, преслѣдуетъ еще другую цѣль—прославленіе Бога и возблагодареніе Его. Августинъ благодаритъ Бога за величіе Его твореній, за снисхожденіе и благодѣянія, ему оказанныя, за то, что Господь, несмотря на всѣ его заблужденія, былъ для него благимъ Провидѣніемъ, осѣнилъ благо-

[1]) Въ этомъ заключается коренное различіе между „Исповѣдью“ Августина и исповѣдью Руссо, которую такъ часто и *всуе* съ нею сопоставляютъ, не понимая различій. Руссо не только оправдывается въ своихъ „порокахъ“, но *рисуется* ими, съ любовью и сентиментальностью изображая ихъ. Августина читатель могъ бы обвинять въ противномъ, т.-е. въ преувеличеніи грѣховнаго характера нѣкоторыхъ его дѣйствій или помысловъ; надо помнить, что это—исповѣдь учителя церкви, который болѣе чѣмъ кто-либо содѣйствовалъ пробужденію въ христіанахъ сознанія грѣха.

датью и привелъ къ познанію истины. Такъ вся жизнь Августина, насколько она разсказана въ „Исповѣди", является повѣстью о его отпаденіи отъ Бога, блужданіи въ грѣхѣ и спасеніи. Поэтому повѣсть о жизни Августина и оканчивается на его крещеніи, которое должно было смыть всѣ совершенные до того грѣхи.

Разсказъ Августина о его жизни есть такимъ образомъ религіозный актъ—покаяніе предъ Богомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—покаяніе на народѣ. Прерывая свое повѣствованіе (II, 5), Августинъ восклицаетъ: „Но кому же я это разсказываю? не Тебѣ, Господь мой, но предъ ликомъ Твоимъ я разсказываю это моему роду—человѣческому роду, какъ бы ни было незначительно число тѣхъ, кому попадется въ руки это писаніе! И зачѣмъ? для того, чтобы я и каждый изъ читателей памятовали слова: „Изъ глубины бездны Господь, взываю я къ Тебѣ"!

Этотъ подвигъ Августина представится намъ въ надлежащемъ свѣтѣ, если мы его сопоставимъ съ древне-христіанскимъ обычаемъ публичнаго и гласнаго покаянія. Нравственный уровень древнихъ христіанскихъ общинъ былъ очень высокъ: онѣ не терпѣли въ своей средѣ людей, явно нарушавшихъ божественный законъ, и лишали ихъ общенія съ собою и причастія (communio). Снова войти въ общину можно было только послѣ публичнаго покаянія, которое, въ случаѣ одного изъ трехъ тяжкихъ преступленій—прелюбодѣянія, убійства и идолопоклонства—продолжалось всю жизнь; лишь на смертномъ одрѣ эти грѣшники удостоивались причастія.

Приносившіе покаяніе были у всѣхъ на виду; имъ отводилось особое мѣсто внѣ церкви или внутри ея; а въ послѣднемъ случаѣ имъ вмѣнялось въ обязанность покидать церковь въ извѣстный моментъ богослуженія. Съ теченіемъ времени на востокѣ стали различать четыре разряда кающихся, и лишь послѣднему было дозволено присутствовать при причащеніи прихожанъ, не принимая въ немъ участія. Епископамъ предоставлялось опредѣлять число лѣтъ, которое каждый изъ кающихся долженъ былъ провести въ томъ или другомъ разрядѣ.

Публичное покаяніе было въ то время не только карою для лицъ, ее заслужившихъ, но проявленіемъ общаго благочестія. Древне-христіанскія общины, окруженныя язычниками, представляли собой тѣсно сплоченную семью, которая принимала сердечное участіе въ своихъ падшихъ членахъ. Стоявшіе передъ входомъ въ церковь кающіеся умоляли входящихъ въ нее молиться за нихъ, и собравшіеся прихожане общей молитвой под-

держивали усердіе кающихся. Такимъ образомъ, публичное покаяніе становилось для обѣихъ сторонъ источникомъ религіознаго подъема. Поэтому нерѣдко и такія лица, которыя по каноническимъ правиламъ не обязаны были подвергнуться публичному покаянію, добровольно ему подвергались. Такое добровольное покаяніе поощрялось авторитетными въ церкви лицами. Такъ карѳагенскій епископъ Кипріанъ хвалилъ и ставилъ въ примѣръ другимъ тѣхъ, кто принималъ на себя публичное покаяніе изъ-за грѣховъ, совершенныхъ только въ помыслахъ. Нѣкоторые случаи добровольнаго покаянія, произведшіе особенно глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ, сохранились въ памяти послѣдующихъ поколѣній. Такъ епископъ Нектарій, увлекавшійся ученіемъ одной изъ христіанскихъ сектъ, бросился въ одеждѣ кающагося грѣшника къ ногамъ римскаго епископа Зефирина и своимъ раскаяніемъ растрогалъ до слезъ стоявшій кругомъ народъ.

Другой случай относится ко времени Августина. Римская аристократка Фабіола, потомокъ древнѣйшаго рода Фабіевъ, развелась съ мужемъ изъ-за прелюбодѣянія съ его стороны и еще при жизни его вышла замужъ за другого. Такой бракъ не считался грѣхомъ въ восточной части имперіи, отчасти и въ западной. Самъ Августинъ недоумѣвалъ, признавать ли его запрещеннымъ по св. Писанію. Но Фабіола пришла къ убѣжденію, что она совершила грѣхъ, и однажды Римъ съ изумленіемъ увидалъ ее въ пасху передъ Латеранскимъ соборомъ въ числѣ кающихся. По описанію хорошо знакомаго съ ней Іеронима, самъ епископъ и весь народъ плакали отъ умиленія при видѣ блѣднаго лица, окоченѣвшихъ рукъ грѣшницы, глубоко наклонившей покрытую прахомъ и пепломъ шею. Іеронимъ прибавляетъ, что Фабіола изумила римлянъ не столько добровольнымъ покаяніемъ, какъ самымъ способомъ его.

Было, однако, два разряда лицъ, для которыхъ обрядъ публичнаго и гласнаго покаянія могъ имѣть болѣе тяжкія послѣдствія, чѣмъ для другихъ — духовенство и замужнія женщины. Такъ какъ духовныя лица за такіе проступки, которые влекли за собою публичное покаяніе, лишались сана, то публичное покаяніе представлялось для нихъ двойною карою и какъ бы противорѣчило принципу non bis in idem (не два раза за одно и то же). Кромѣ того, частое примѣненіе этой кары могло подрывать уваженіе къ духовенству; поэтому римская церковь, всегда особенно внимательная къ интересамъ іерархіи, перестала подвергать духовныхъ публичному покаянію, ссылаясь на апостольскую традицію. Впрочемъ, другія апостольскія церкви держались

въ этомъ отношеніи иной традиціи. Во всякомъ случаѣ, можно считать неоспоримымъ, что епископы, пресвитеры и діаконы, по крайней мѣрѣ съ IV или V вѣка, въ нѣкоторыхъ церквахъ уже не понуждались къ публичному покаянію [1]).

Что касается до избавленія замужнихъ женщинъ отъ публичнаго покаянія въ случаѣ нарушенія ими брака, то дошедшее до насъ объ этомъ извѣстіе прямо указываетъ и мотивы такого избавленія.

„Наши отцы, правда, воспретили выводить на народъ запятнавшихъ себя прелюбодѣяніемъ женъ, — которыя или сами покаялись въ этомъ изъ благочестія, или инымъ способомъ были въ этомъ уличены,—для того, чтобы не подвергать ихъ смертной опасности; но они повелѣли лишать ихъ причастія, пока не пройдетъ срокъ ихъ покаянія".

Здѣсь покаяніе сохраняетъ публичный характеръ, но оно лишается главнаго своего признака—оглашенія грѣха, вызвавшаго покаяніе.

Указанныя исключенія являются признакомъ измѣнившихся нравовъ; а это было слѣдствіемъ измѣненія самого состава христіанскаго общества, въ которое вошло послѣ торжества церкви множество полуязычниковъ и равнодушныхъ. То, что раньше способствовало подъему нравовъ, теперь становилось поводомъ къ соблазну. При такихъ условіяхъ оглашеніе своего грѣха на публичномъ покаяніи женою одного изъ діаконовъ константинопольской церкви послужило поводомъ для патріарха Нектарія, современника Августина, отмѣнить совсѣмъ въ своей метрополіи публичное покаяніе.

Другія церкви не послѣдовали его примѣру. Августинъ вездѣ говоритъ о публичномъ покаяніи, какъ о существующемъ обычаѣ. Онъ и самъ къ нему призываетъ: „Если грѣхъ заключалъ въ себѣ не только тяжкое преступленіе, но и послужилъ соблазномъ для другихъ, то пусть согрѣшившій не отказывается—если по мнѣнію епископа это будетъ на пользу церкви—принести покаяніе предъ лицомъ многихъ, или даже всей общины, и изъ чувства стыда не прибавляетъ къ смертоносной ранѣ еще и высокомѣріе".

Что же побудило Августина, не совершившаго тяжкаго грѣха, подвергнуть себя такому покаянію предъ всѣмъ родомъ человѣческимъ? Почему человѣкъ не кается въ своихъ грѣхахъ?—спрашивалъ еще Сенека, и отвѣтилъ: потому, что онъ еще погруженъ въ немъ. О своемъ снѣ можетъ разсказывать только тотъ,

[1]) Frank, Die Bussdisciplin, p. 472.

кто проснулся; покаяніе есть первый признакъ выздоровленія. Исповѣдь Августина была также какъ бы слѣдствіемъ пробужденія отъ долгаго тяжелаго сна и признакомъ полнаго выздоровленія, т.-е. всецѣлаго обращенія къ христіанскому Богу. И чѣмъ глубже былъ совершившійся въ немъ внутренній переломъ, чѣмъ полнѣе его отреченіе отъ прежнихъ убѣжденій, стремленій, надеждъ и образа жизни, чѣмъ дальше разстояніе между прежними заблужденіями и новою вѣрой, тѣмъ пламеннѣе было его желаніе дать отчетъ себѣ и другимъ о томъ, что онъ пережилъ.

Но не одна потребность въ покаяніи—„эта великая тайна“, по глубокому замѣчанію Оригена,—побудила Августина написать свою „Исповѣдь“. Публичное покаяніе въ грѣхахъ называлось у древнихъ христіанъ греческимъ словомъ—exomologesis; римляне, по неимѣнію латинскаго слова, пользовались тѣмъ же выраженіемъ. Слово exomologesis встрѣчается у 70-ти толковниковъ въ смыслѣ благодаренія и восхваленія Бога; по замѣчанію Іеронима, оно соотвѣтствуетъ еврейскому слову. Въ Новомъ Завѣтѣ оно имѣетъ два значенія—исповѣдь и восхваленіе Бога, съ преобладаніемъ перваго значенія. Тертулліанъ примѣняетъ его для обозначенія публичнаго покаянія; у Августина это выраженіе встрѣчается только одинъ разъ. Но смыслъ его вошелъ въ понятіе *исповѣди*. Исповѣдь (confessio), говоритъ Августинъ [1]), бываетъ двойная—исповѣдь грѣховъ и восхваленіе. Когда намъ плохо въ тревогахъ нашихъ, мы исповѣдуемъ грѣхи наши; когда намъ хорошо, мы, восхищаясь благочестіемъ, исповѣдуемъ хвалу Божію.

Но случайно мы находимъ это опредѣленіе исповѣди у Августина въ его толкованіяхъ на псалмы. Самая „Исповѣдь“ его представляетъ подобіе псалма и усыпана вставками изъ псалмовъ. Какъ въ псалмахъ, черезъ нее проходитъ постоянно антитеза между величіемъ Божіимъ и сознаніемъ человѣческаго ничтожества; какъ въ псалмахъ, въ „Исповѣди“ чередуется восторженное восхваленіе Господа съ плачемъ сокрушеннаго сердца, призывающаго Его на помощь. Исповѣдь Августина есть торжественный „Te Deum laudamus“, и необыкновенно величественно звучитъ латинская рѣчь автора въ этихъ частяхъ „Исповѣди“, не поддаваясь переводу,—нѣчто среднее между поэзіей и прозою.

Словами псалмопѣвца начинаетъ Августинъ свою „Исповѣдь“: „Magnus es, Domine, et valde laudibilis; magna virtus tua et sapientiae tuae non est numerus.—Великъ Ты, Господь, и весьма

[1]) Confessio gemina est: aut peccati aut laudis. Enar. in. Ps. 29.

достохваленъ, велика Твоя мощь и мудрость Твоя необъятна", продолжая затѣмъ: „и желаетъ восхвалять Тебя человѣкъ, малая частица Твоего творенія, человѣкъ, носящій въ тѣлѣ мертвость свою и печать грѣха своего, и доказательство того, что *Ты гордымъ противишься*—и все-таки же человѣкъ, малая частица Твоего творенія, желаетъ восхвалять Тебя; Ты самъ внушаешь ему наслажденіе въ Твоей хвалѣ, ибо Ты сотворилъ насъ для того, чтобы мы шли къ Тебѣ, и наше сердце пребываетъ въ тревогѣ, пока не найдетъ покоя въ Тебѣ". Но безъ помощи Божіей человѣкъ не можетъ найти этого покоя. „Кто мнѣ дастъ — восклицаетъ Августинъ—успокоиться въ Тебѣ? Кто сдѣлаетъ, чтобы Ты сошелъ въ сердце мое и наполнилъ его упоеніемъ, чтобы я позабылъ мое зло и объялъ Тебя, мое единственное благо? Что Ты для меня? Сжалься надо мною и дай мнѣ возможность выразить это словами! Что я для Тебя, чтобы Ты повелѣлъ мнѣ любить Тебя, и гнѣваешься на меня, и грозишь мнѣ ужасными бѣдствіями, если я не буду любить Тебя? А развѣ не любить Тебя уже не малое есть бѣдствіе? Скажи же мнѣ по милости Твоей, Господь Богъ мой, что Ты для меня? *Скажи душѣ моей: Я спасеніе твое.* Скажи такъ, чтобы я слышалъ. Вотъ я стою предъ Тобою, Господь мой, и прислушиваюсь къ Тебѣ. Отверзни уши мои и скажи душѣ моей: Я спасеніе твое".

Какъ въ понятіи „эксомологезы" сливаются восхваленіе Бога и покаяніе передъ Нимъ, такъ въ „Исповѣди" Августина одно переходитъ въ другое. Почти каждая изъ книгъ, на которыя распадается эта „Исповѣдь", начинается снова такой „эксомологезой":—„Я хочу вспомнить мое прежнее нечестіе и плотскую порчу души моей не потому, чтобы оно было мнѣ дорого, но для того, чтобы я полюбилъ Тебя, Господь мой. Изъ любви къ Твоей любви я это дѣлаю, перебирая нечестивые мои пути въ горечи воспоминаній моихъ, чтобы Ты сталъ мнѣ сладокъ, Ты услажденіе необманчивое, услажденіе блаженное и прочное; собирая воедино разсѣянныя и растерзанныя части души моей, когда я, отвернувшись отъ Тебя, погибалъ въ пестротѣ мірской".

А начиная пятую книгу, Августинъ молитъ словами псалмопѣвца: „Пріими жертву моей исповѣди изъ устъ моихъ, которыя Ты сотворилъ и заставилъ говорить для прославленія имени Твоего; исцѣли кости мои для того, чтобы и онѣ молвили: Господь, кто подобенъ Тебѣ? Тотъ, кто исповѣдуется предъ Тобою, не поучаетъ Тебя тому, что въ немъ происходило, ибо и скрытное сердце не можетъ укрыться отъ взора Твоего и жесткость че-

ловѣка не въ силахъ оттолкнуть руку Твою; но Ты, если хочешь, смягчаешь ее, сжалившись надъ нею или въ гнѣвѣ Твоемъ...

„Пусть восхваляетъ Тебя душа моя, чтобы любить Тебя, и пусть исповѣдуетъ Тебѣ милости Твои, чтобы восхвалять Тебя“.

Въ эту „Исповѣдь“ вложенъ Августиномъ разсказъ о его жизни... Форма исповѣди вполнѣ гарантируетъ вѣрность изложенныхъ въ ней фактовъ и искренность повѣствователя. Но разсказъ его, однако, не простой дневникъ, въ который событія вносятся по мѣрѣ того, какъ они переживаются, и въ томъ освѣщеніи, которое они имѣли въ свое время. События изложены Августиномъ послѣ его *пробужденія* и въ томъ освѣщеніи, въ которомъ они ему представлялись вслѣдствіе происшедшаго въ немъ перелома. Поэтому и въ автобіографіи Августина нужно отмѣтить неизмѣнную черту всякихъ повѣствованій объ *обращеніи* грѣшниковъ — тенденцію усилить контрастъ между прошлымъ, проведеннымъ въ мірской суетѣ, и *новой жизнью*. Но если въ житіяхъ святыхъ это обыкновенно вытекало изъ желанія агіографа окружить святого болѣе яркимъ сіяніемъ — у Августина это вытекало изъ самаго существа *исповѣди* (эксомологезы), имѣвшей цѣлью прославить Господа, милующаго грѣшника, и выразить глубину раскаянія. Поэтому и самообвиненіе Августина нужно сводить на надлежащую мѣру, какъ это просвѣчиваетъ изъ самаго разсказа.

Но еще большее значеніе имѣетъ для критической оцѣнки „Исповѣди“ другое обстоятельство. Переломъ въ убѣжденіяхъ Августина, приведшій его къ крещенію, произошелъ въ 386 году, — „Исповѣдь“ же была написана имъ въ 400 году, когда онъ уже былъ епископомъ. Эти четырнадцать лѣтъ прошли не безслѣдно для убѣжденій Августина. О совершившейся въ немъ эволюціи мы можемъ судить по его сочиненіямъ и письмамъ, написаннымъ въ этотъ промежутокъ. Они-то указываютъ, что въ „Исповѣдь“ проникли воззрѣнія, которыя Августинъ себѣ усвоилъ уже *послѣ* своего крещенія.

Рѣшающее значеніе въ духовной жизни Августина, а затѣмъ въ его богословіи пріобрѣли сложившіяся въ немъ воззрѣнія на происхожденіе грѣха изъ злой воли человѣка и въ соотвѣтствіи съ этимъ на благодать, какъ источникъ спасенія. Но эти воззрѣнія назрѣвали у него постепенно. Самъ онъ относитъ въ своемъ сочиненіи о *предназначеніи* рѣшительный моментъ къ началу своего епископата (395), и вѣрность этого заявленія подтверждается тѣмъ, что въ его первомъ сочиненіи послѣ принятія епископскаго сана, обращенномъ къ его миланскому другу

Симплиціану въ 396 или 397 г., уже проявилось его новое ученіе [1]). Этотъ преобладающій въ жизни Августина фактъ и можно считать главнымъ побужденіемъ для обнародованія его „Исповѣди". Подъ вліяніемъ его новыхъ убѣжденій ему стала ясна его собственная жизнь, стало понятно его обращеніе и явилась неудержимая потребность, для вящаго прославленія Господа, обнаружить всю глубину своего грѣха и на собственномъ опытѣ доказать предъ всѣмъ человѣчествомъ истину постигнутой имъ догмы.

Новая фаза въ развитіи Августина всего сильнѣе отразилась на роли, которую онъ отвелъ въ своемъ обращеніи—философіи. Благодѣтельное ея вліяніе въ его жизни померкло для него при яркомъ свѣтѣ божественной благодати, засіявшей для него многіе годы спустя послѣ его крещенія.

Въ самой „Исповѣди" и въ сочиненіяхъ, написанныхъ послѣ крещенія, сохранились, однако, слѣды того сильнаго вліянія, которое философія на самомъ дѣлѣ имѣла на него.

Это вліяніе мы замѣчаемъ уже съ первыхъ словъ „Исповѣди". Основнымъ положеніемъ Платоновской философіи было признаніе безсмертія души и отсюда выводъ, что душа человѣка существовала уже до его рожденія на землѣ. Этимъ объяснялъ Платонъ способность души человѣка постигать божественныя истины—душа *вспоминала* о нихъ. Въ періодъ своего увлеченія платонизмомъ Августинъ вполнѣ раздѣлялъ это ученіе [2]), и въ началѣ „Исповѣди" мы находимъ слѣды его.

Какое болѣе торжественное начало можно было дать этой „Исповѣди": „Ты, Господь, вѣченъ и нѣтъ ничего въ Тебѣ смертнаго; Ты *былъ* до начала вѣковъ и до всего, о чемъ можно сказать, что оно *когда-то* было; Ты господинъ всего, что Ты создалъ; въ Тебѣ неизмѣнныя причины всѣхъ вещей, подлежащихъ измѣненію; въ Тебѣ вѣчный разумъ (Платоновскія идеи) всего, что неразумно и преходяще! Скажи же мнѣ, молящему Тебя, Господь, полный милости, скажи мнѣ (misericors misero), предшествовало ли моему минувшему младенчеству иное бытіе, или мое существованіе началось въ утробѣ моей матери? *былъ* ли я

[1]) См. объ этомъ замѣчательную статью Лооса въ III изд. „Богословской Энциклопедіи" Герцога, заключающую въ себѣ выясненіе этого важнаго вопроса. Сочиненіе de div. quaest. — относятъ къ 396-7. Его время опредѣляется тѣмъ, что въ препроводительномъ письмѣ къ Симплиціану Августинъ еще не упоминаетъ о смерти ихъ общаго друга, архіепископа Амвросія, умершаго въ 397 году.

[2]) См. Saliloq, II, 20, 35, и 20, 34. De Quant. An., Въ своихъ *отреченіяхъ* Августинъ осуждаетъ эти мѣста.

гдѣ-нибудь раньше и *былъ* ли кѣмъ-нибудь? ибо у меня нѣтъ никого, кто могъ бы мнѣ это сказать".

Каясь словами псалмопѣвца въ своей грѣховности, Августинъ продолжаетъ: „И все же позволь мнѣ обратиться къ Твоему милосердію, дозволь мнѣ говорить, ибо не съ человѣкомъ я говорю, который будетъ смѣяться надо мною; вѣдь я только то хочу сказать, Господь, откуда я сюда пришелъ, въ эту жизнь полную смерти, или лучше *сказать*—въ эту живую смерть?"

Эти слова свидѣтельствуютъ о прошломъ вліяніи философіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, что это вліяніе миновало и уступило мѣсто христіанскимъ воззрѣніямъ. Бывшій неоплатоникъ, вѣрившій въ существованіе души до рожденія, въ „Исповѣди" рѣшается только на робкій вопросъ: „былъ ли я гдѣ-нибудь раньше и былъ ли я кѣмъ-нибудь?"

Но онъ знаетъ, что съ минуты вступленія въ жизнь онъ былъ всегда предметомъ благодѣяній своего Творца. Первой утѣхой его было молоко матери. „Но ни мать моя, ни кормилица моя не сами наполняли груди свои,—Ты черезъ нихъ давалъ мнѣ дѣтскую пищу".

Такъ начинается первый христіанскій эпосъ, повѣствованіе о земномъ странствованіи и заблужденіяхъ грѣшной души и о ея спасеніи.

Описывая свое младенчество по разсказамъ взрослыхъ и по своимъ наблюденіямъ надъ другими, Августинъ слѣдитъ за постепеннымъ проявленіемъ жизни въ грудномъ ребенкѣ. Появляется въ младенцѣ улыбка, сначала во снѣ, потомъ наяву, появляется еще немощное стремленіе дать выраженіе своимъ желаніямъ, посредствомъ плача, крика и нетерпѣливыхъ движеній, чтобы взрослые исполняли эти желанія. Августинъ разсказываетъ, какъ онъ самъ наблюдалъ зависть въ грудномъ ребенкѣ, который, не умѣя еще говорить, смотрѣлъ, блѣдный и со злобою во взорѣ, на другого ребенка, бравшаго грудь его матери. Это зрѣлище приводитъ его къ восклицанію: „Кто напомнитъ мнѣ грѣхи моего младенчества, ибо никто не свободенъ отъ грѣха предъ Тобою, даже ребенокъ, проживший хоть одинъ день на землѣ: только дѣтскіе члены по слабости безгрѣшны, но не сердце дѣтей.

„Горе грѣхамъ человѣка. Ты слышишь это Господь и жалѣешь о немъ, ибо Ты создалъ человѣка, но грѣха въ немъ не сотворилъ!"

Въ этихъ словахъ—все ядро ученія Августина о грѣхѣ и благодати: это категорическое сужденіе о грѣховности новоро-

жденнаго ребенка въ „Исповѣди“ уже предвѣщаетъ неизбѣжную долголѣтнюю борьбу Августина противъ пелагіанства.

Но вскорѣ наступилъ и для Августина возрастъ, когда онъ могъ уже въ самомъ себѣ наблюдать проявленіе порока. Онъ кается, что очень часто обманывалъ дядьку, учителей и родителей изъ любви къ забавамъ: тайкомъ бралъ, что ему нравилось, со стола родителей или изъ кладовой—изъ жадности или чтобы на это купить у другихъ дѣтей ихъ игрушки, которыя вѣдь и имъ доставляли удовольствіе. А играя съ ними, какъ часто онъ обманомъ присвоивалъ себѣ побѣду, самъ побѣждаемый тщеславной жаждой отличиться! Самъ же онъ терпѣть не могъ и жестоко осуждалъ, если уличалъ кого-нибудь изъ товарищей въ томъ, что онъ продѣлывалъ съ другими; если же его самого въ этомъ уличали и осуждали, онъ бывалъ болѣе склоненъ впадать въ ярость, чѣмъ уступать.

Это ли, спрашиваетъ Августинъ, дѣтская невинность?—и затѣмъ указываетъ, что тѣ самыя продѣлки, на которыя пускаются дѣти изъ-за орѣховъ и игрушекъ, съ обманомъ родителей и учителей, впослѣдствіи производятся изъ-за золота, помѣстій и рабовъ, съ обманомъ властей и правительства.

Скоро наступилъ и школьный возрастъ. Августинъ признается, что онъ неохотно учился. Онъ *не понималъ* пользы ученія и, несмотря на это, подвергался частымъ наказаніямъ. „Такъ уже это было заведено предками, проложившими стезю бѣдствій, по которой насъ, бѣдныхъ сыновъ Адама, понуждали идти съ великимъ трудомъ и горемъ“. Особенно казалось обиднымъ маленькому Августину то, что взрослые, и даже сами его родители, желавшіе ему добра, смѣялись надъ нимъ, когда его въ школѣ наказывали.

Съ горечью замѣчаетъ Августинъ, что его такъ строго наказывали за предпочтеніе ученію игры въ мячъ.—Но развѣ не такія же игры то, что взрослые называютъ своими „дѣлами“? и развѣ въ ихъ состязаніяхъ у проигравшихъ желчь не разливается сильнѣе, чѣмъ она проявлялась у него во время его игры въ мячъ?

Осуждая неразумную жесткость въ воспитаніи, Августинъ видитъ, однако, новый грѣхъ съ своей стороны въ непослушаніи родителямъ и учителямъ, и признаетъ, что безъ принужденія онъ не сталъ бы учиться. Но онъ не одобряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ побужденій, изъ которыхъ исходило это принужденіе, ибо сводитъ ихъ на желаніе обезпечить дѣтямъ въ будущемъ довольство, которое на самомъ дѣлѣ есть оскудѣніе, и—славу, которая на

самомъ дѣлѣ есть позоръ. Благодѣтелемъ своимъ Августинъ считаетъ лишь Господа, который направилъ на пользу заблужденіе тѣхъ, кто понуждалъ его къ ученію, а его заблужденіями, отвращавшими его отъ ученія, воспользовался для того, чтобы покарать его за ранніе грѣхи.

Но охота къ ученію сама пришла Августину, когда онъ научился грамотѣ и его стали заставлять читать и учить наизустъ главную учебную книгу того времени—Энеиду Виргилія—и когда онъ могъ оплакивать Дидону, „покончившую жизнь кровавымъ булатомъ“. Но и пробудившаяся въ мальчикѣ охота къ ученію въ глазахъ Августина является новымъ грѣхомъ, ибо для него особенно жалокъ тотъ, кто оплакиваетъ смерть Дидоны, умершей изъ-за любви къ Энею, и не горюетъ о самомъ себѣ. Осуждая тогдашній способъ преподаванія, Августинъ предусматриваетъ, что противъ него поднимутъ крики тѣ, кто этимъ торгуетъ, и обезоруживаетъ ихъ вопросомъ: правда ли, что Эней на самомъ дѣлѣ былъ въ Карѳагенѣ? на что менѣе ученые отвѣтятъ, что это имъ неизвѣстно, болѣе же ученые—сознаются, что это—небылица.

„Грѣшилъ я—добавляетъ Августинъ—тѣмъ, что предпочиталъ эти пустяки болѣе полезнымъ познаніямъ, или, лучше сказать, тѣ любилъ, а эти ненавидѣлъ: ибо одинъ и одинъ—два, два и два — четыре—было для меня ненавистнымъ припѣвомъ; зато деревянный конь, полный вооруженныхъ мужей, пожаръ Трои и самая тѣнь Креузы пріятно ласкали мое суетное воображеніе“.

Августинъ самъ удивляется, почему ему было также ненавистно преподаваніе греческаго языка, хотя оно касалось тѣхъ же предметовъ. „И Гомеръ вѣдь искусно сочиняетъ такія басни и доставляетъ суетное удовольствіе, но онъ для меня въ дѣтствѣ былъ горекъ“. Августинъ объясняетъ это тѣмъ, что трудность изученія этого языка портила всю прелесть греческихъ поэтическихъ сказаній, и опять-таки потому, что его принуждали угрозами и наказаніями твердить неизвѣстныя ему слова. Плохіе школьные успѣхи въ греческомъ языкѣ имѣли немалое вліяніе на его образованіе. Они задержали его знакомство съ греческой патристикой и философіей, съ которой онъ познакомился позднѣе окольнымъ путемъ чрезъ переводы. Но еще болѣе, чѣмъ нецѣлесообразные пріемы тогдашняго преподаванія, возмущало Августина его вредное вліяніе на нравственность возрастающаго поколѣнія. „О, горе тебѣ, потокъ людского обычая! кто устоитъ противъ тебя? когда же ты изсякнешь? долго ли еще ты будешь ввергать

сыновъ Евы въ великую и страшную пучину?"—восклицаетъ Августинъ по поводу того, что его заставляли читать о „Юпитерѣ громовержцѣ и прелюбодѣѣ". Конечно, онъ ни къ тому, ни къ другому не способенъ, но все это сочинено для того, чтобъ ссылаться на его авторитетъ при подражаніи ему. Но кто изъ учителей въ ихъ ученомъ нарядѣ прислушивается къ трезвому голосу такого же, какъ они, рожденнаго отъ плоти человѣка, сказавшаго: „сочинилъ это Гомеръ и людское перенесъ на бога; я бы предпочелъ, чтобы онъ божественное перенесъ на человѣка". Августинъ добавляетъ къ этимъ знаменательнымъ словамъ Цицерона: „вѣрнѣе было бы сказать, что Гомеръ это сочинилъ, приписывая преступнымъ людямъ божественныя свойства, для того, чтобы преступленія не считались преступленіемъ, и чтобы всякій, ихъ совершившій, могъ думать, что онъ подражаетъ не негодяямъ, а небеснымъ богамъ".

Въ подтвержденіе своей мысли Августинъ приводитъ извѣстную сцену изъ комедіи Теренція, въ которой юноша, подъ впечатлѣніемъ картины, изображавшей Данаю подъ золотымъ дождемъ, заявляетъ о своей готовности подражать Юпитеру. Августинъ прибавляетъ, что онъ осуждаетъ не слова поэта—эти „драгоцѣнные сосуды, но вино заблужденія, которое намъ подносилось въ нихъ опьяпѣвшими учителями, и если мы не желали пить его, то подвергались побоямъ, не имѣя возможности взывать къ болѣе трезвому судьѣ".

Школьныя невзгоды содѣйствовали развитію въ Августинѣ религіознаго чувства. „Я встрѣчалъ людей, — говоритъ онъ въ своей „Исповѣди",—знавшихъ Тебя, Господь, и научился у нихъ, по мѣрѣ моего пониманія, что Ты великое существо, которое можетъ незримо для насъ слышать насъ и оказывать намъ помощь. Мальчикомъ я началъ молиться Тебѣ, помощь и прибѣжище мое (пс. 17, 3), и взывалъ къ Тебѣ лепечущимъ языкомъ, прося Тебя съ немалымъ трепетомъ, чтобы мнѣ, мальчику, не досталось побоевъ въ школѣ". Имя Христа, по выраженію Августина, онъ всосалъ съ молокомъ матери; онъ слышалъ и о вѣчной жизни, и однажды, ребенкомъ, сильно страдая отъ болей въ желудкѣ и близкій къ смерти, онъ умолялъ мать, чтобъ она его окрестила. Но припадокъ скоро прошелъ, и крещеніе было отложено. Августинъ сожалѣетъ объ этомъ въ своей „Исповѣди", и полагаетъ, что душа его была тогда бы лучше обезпечена отъ грѣха: онъ не одобряетъ людей, говорящихъ, какъ ему и теперь часто приходится слышать: „Оставьте его, пусть дѣлаетъ, что хочетъ, вѣдь онъ еще не крещенъ"—„Вѣдь не говорятъ же,—

прибавляетъ онъ: — оставьте его, пусть наноситъ себѣ новую рану, вѣдь онъ еще не выздоровѣлъ". Но его мать—объясняетъ онъ—предвидѣла, какія волны искушенія нахлынутъ на него въ юношескомъ возрастѣ, и она желала приберечь это средство для болѣе зрѣлаго возраста.

Опасенія матери скоро оправдались. Школа въ Тагастэ была начальной школой; слѣдующую ступень обученія представляла школа риторики. Ради нея пришлось отправить маленькаго Августина въ сосѣдній городъ Мадауру. Можетъ быть, подъ вліяніемъ этой школы язычество долго держалось въ Мадаурѣ, и много лѣтъ спустя жители этого города обратились къ бывшему ученику ихъ школы, въ то время уже вліятельному епископу, за содѣйствіемъ въ какомъ-то дѣлѣ,—чѣмъ воспользовался Августинъ для призыва горожанъ въ христіанство, въ то же время величая ихъ своими „родителями". Риторика, это главное искусство увядавшей античной цивилизаціи, преподавалась, конечно, въ Мадаурѣ по старымъ пріемамъ и образцамъ. Между прочимъ, на конкурсѣ была дана задача, „немало встревожившая" Августина, преисполнивъ его честолюбія и вмѣстѣ съ тѣмъ страха потерпѣть позоръ и побои. Надо было произнести рѣчь, выражавшую гнѣвъ и сѣтованія Юноны по поводу того, что другіе боги допустили Энея высадиться въ Италію. Рѣчь должна была передать въ прозѣ слова, которыя Виргилій вложилъ въ уста Юнонѣ, но которыхъ, какъ прибавляетъ Августинъ, она никогда не произносила. Та рѣчь должна была быть признана лучшей, въ которой сильнѣе всего было бы выражено чувство гнѣва и горя, и въ соотвѣтствующихъ словахъ. Краснорѣчивѣйшій изъ отцовъ церкви, конечно, отличился въ этомъ состязаніи. Но этотъ успѣхъ его теперь не радовалъ. Онъ кается въ своей „Исповѣди", что всуе потратилъ на такіе пустяки посланныя ему Богомъ способности. Почему именно ему было суждено — обращается онъ къ Господу — вызвать больше похвалъ, чѣмъ многіе изъ его сверстниковъ и товарищей. „Что мнѣ было до этого? Развѣ все это не дымъ и туманъ? Развѣ не было ничего другого для упражненія моего ума и рѣчи?"

Скоро, на шестнадцатомъ году, вернулся Августинъ изъ Мадауры. Отецъ, цѣня его способности, желалъ, чтобы онъ продолжалъ занятія, и хотѣлъ его послать въ Карѳагенъ, хотя содержаніе тамъ сына превосходило его скудныя средства. Всѣ хвалили за это его отца, говоря, что многіе гораздо болѣе богатые люди не приносили такихъ жертвъ для своихъ дѣтей. Но родной сынъ Патриція иначе судилъ объ этомъ, упрекая отца

въ честолюбіи и въ равнодушіи къ его религіозному развитію, лишь бы онъ сталъ краснорѣчивъ и ученъ. Но сборы сына при скудныхъ средствахъ затянулись, и Августинъ около года провелъ дома безъ всякаго дѣла. Тутъ къ нему и подступили искушенія. Пылкій темпераментъ, вліяніе товарищей и обычное въ этихъ случаяхъ хвастовство толкнули его на путь увлеченій. Отецъ не удерживалъ его; онъ, напротивъ, радовался признакамъ ранней возмужалости сына и мечталъ о его женитьбѣ и о внукахъ. Совсѣмъ иначе отнеслась къ этому мать; она много и откровенно говорила съ сыномъ; особенно просила она его никогда не нарушать святости брака. „Это самъ Господь говорилъ со мною черезъ ея уста; но я не зналъ этого, и все это считалъ бабьими толками. Онъ выражаетъ сожалѣніе, что его тогда не женили, направивъ его страсти на законный путь. Но это помѣшало бы отправленію его въ высшую школу, и потому въ этомъ отношеніи родители были вполнѣ согласны,—отецъ потому, что „вовсе не думалъ о Богѣ“, мать же, наоборотъ, надѣялась, что ученость не только не послужитъ къ ущербу благочестія, но посодѣйствуетъ его приближенію къ Богу.

Къ этому времени бездѣлья относится случай, разсказанный Августиномъ, важный не самъ по себѣ, но по тѣмъ разсужденіямъ, на которыя онъ его вызвалъ. Невдалекѣ отъ отцовскаго виноградника стояло грушевое дерево, покрытое обильными плодами, но не заманчивыми ни видомъ, ни вкусомъ. И тѣмъ не менѣе, однажды компанія молодежи, въ которой участвовалъ Августинъ, поздно засидѣвшись за своими забавами, отправилась въ ненастную ночь къ этому дереву; они сбили съ него и унесли съ собою громадное количество грушъ, которыя они не стали ѣсть, а кинули свиньямъ.

Принося въ этомъ покаяніе, Августинъ восклицаетъ: „Предъ Тобою, Боже, сердце мое,—пусть оно скажетъ, чего оно тамъ искало; пусть оно Тебѣ скажетъ, что я всуе поступилъ дурно и что причины моего злодѣянія не было иной, какъ любовь ко злу (malitia). Гадка была она, но я любилъ ее; мнѣ нравилась гибель моя, мнѣ нравилась грѣховность моя, и не то, чего ради я грѣшилъ, а самый грѣхъ мой мнѣ былъ любъ“.

Этотъ случай наводитъ Августина на глубокій вопросъ о происхожденіи зла и грѣха въ человѣкѣ.

Перебравъ всевозможные предметы, которые могутъ привлекать человѣка, онъ замѣчаетъ, что когда доискиваешься причины какого-нибудь преступленія, то считаешь вѣроятнымъ только такое объясненіе, которое предполагаетъ желаніе пріобрѣсти какой-либо

изъ такихъ предметовъ, или страхъ лишиться его. Даже про того человѣка, котораго называли выше всякой мѣры злымъ и жестокимъ, сказано, что онъ проявлялъ эти качества ради того, чтобы „рука не отвыкала и духъ не ослабѣвалъ“. Значитъ, даже самъ Катилина былъ злодѣемъ изъ любви не къ злодѣйствамъ, а къ тому, ради чего онъ ихъ совершалъ.

„Такъ что же—спрашиваетъ Августинъ—было для меня привлекательнаго въ этомъ воровствѣ? Ибо если я и отвѣдалъ отъ этихъ грушъ, то вкусными ихъ сдѣлало для меня лишь самое воровство“.

Очевидно, этотъ случай потому такъ занималъ Августина, что онъ для него представлялъ аналогію съ исконнымъ фактомъ грѣховной исторіи человѣчества и могъ служить ему объясненіемъ грѣхопаденія. Анализируя описанный имъ фактъ, Августинъ сводитъ его на высокомѣріе, на стремленіе равняться съ Господомъ („*уподобиться Богу*“, какъ говорилъ змій Евѣ). „Такъ что же для меня было привлекательнаго въ этомъ воровствѣ?—еще разъ восклицаетъ Августинъ.—Въ чемъ я пожелалъ поровняться съ своимъ Господомъ, хотя бы и грѣховно и превратно? О, великій порокъ, извращеніе жизни и глубина смерти! Захотѣлось того, что было запрещено, захотѣлось лишь изъ-за того, что оно было воспрещено!“

Но Августинъ указываетъ помимо этическаго еще на другой мотивъ—психологическій. Онъ признается, что одинъ никогда бы этого не сдѣлалъ, его увлекало товарищество. Если бы его привлекалъ вкусъ плодовъ, онъ бы и одинъ пошелъ за ними. Очевидно, удовольствіе заключалось въ „товариществѣ сообща грѣшившихъ“ (consortium simul peccantium). Это, такъ сказать, первый проблескъ изученія коллективной психологіи, психологіи толпы. Углубляясь въ психическое вліяніе сообщества, Августинъ указываетъ на то, что человѣкъ въ одиночествѣ рѣдко смѣется и въ заключеніе восклицаетъ: „О, враждебная въ своемъ вліяніи дружба, непрослѣдимое искушеніе духа, возникающая изъ забавы и шутки страсть нанести вредъ, жажда чужого ущерба безъ всякой для себя выгоды и безъ всякой вражды, лишь потому, что сказано: *пойдемте, сдѣлаемте!* стыдишься не быть безстыднымъ!“

„Кто разрѣшитъ мнѣ—заключаетъ Августинъ—эту сложную загадку? Она не красива, и я не хочу вникать въ нее. Я удалился отъ Тебя, мой Боже, въ моей юности и слишкомъ долго блуждалъ вдали отъ Тебя“.

II.

Наконецъ, Августинъ попалъ въ Карѳагенъ. Со свойственнымъ ему пыломъ кинулся онъ въ новую для него жизнь большого города. Августинъ начинаетъ исторію своего пребыванія въ Карѳагенѣ, нравы котораго съ такимъ ужасомъ описалъ современный ему марсельскій пресвитеръ Сальвіанъ—словами: „Я прибылъ въ Карѳагенъ, и со всѣхъ сторонъ меня обступилъ омутъ преступной любви; я еще не любилъ, но любилъ любовь; я искалъ, что полюбить, любя любовь; любить и быть любимымъ было для меня слаще при обладаніи предметомъ любви, и тогда покрытая гноемъ душа моя бросилась въ міръ плоти, жаждущая соприкосновенія съ чувственной матеріей; но если бы въ явленіяхъ плоти не было души, они не могли бы быть предметомъ любви".

Мы видимъ, какъ строго Августинъ относился къ шалостямъ своего дѣтства; онъ имѣлъ цѣлью выставить на видъ прирожденную человѣку склонность къ грѣху. Понятно, что онъ въ своей „Исповѣди" еще безпощаднѣе каралъ себя за увлеченія своей юности, тѣмъ болѣе, что ему труднѣе всего было побороть въ себѣ чувственность, и въ ней онъ видѣлъ главное зло въ человѣкѣ. Поэтому не удивительно, что страстныя самообличенія Августина подали многимъ поводъ преувеличивать мѣру его юношескихъ страстей. Даже Момсенъ, характеризуя Августина, говоритъ, что во всей древности нѣтъ ничего подобнаго „познаваемому нами изъ „Исповѣди" образу человѣка, упоеннаго сначала дикой оргіей жизни (wildem Lebenssaumel), а затѣмъ воспылавшимъ въ немъ религіознымъ энтузіазмомъ". Но „Исповѣдь", думается намъ, не столько отражаетъ въ себѣ африканскую оргію жизни, сколько поражаетъ совершенно невѣдомымъ классической древности аскетическимъ идеализмомъ. Во всякомъ случаѣ, блужданія Августина были очень непродолжительны.

Его любовь скоро остановилась на женщинѣ, которой онъ сохранялъ преданность до перелома въ его жизни, и такъ какъ у него уже лѣтомъ 372 года родился сынъ, то это показываетъ, какъ кратковременно была у него пора страстей, которыя онъ такъ ярко описываетъ. Конечно, съ точки зрѣнія, которую Августинъ усвоилъ себѣ послѣ своего обращенія, и эта связь была грѣховна; но римское законодательство признавало за моногаміей, въ которую вступилъ Августинъ, юридическій характеръ, обезпечивая до нѣкоторой степени наслѣдственныя права дѣтей отъ

такой связи, не предоставляя, впрочемъ, женѣ званія и гражданскихъ правъ мужа и допуская легкое и произвольное расторженіе связи [1]).

Другимъ искушеніемъ въ Карѳагенѣ были для Августина театральныя зрѣлища. Ничто такъ не было противно въ языческую эпоху христіанамъ, какъ театры и цирки, полные языческихъ образовъ и воспоминаній о мученикахъ. Ничто потомъ не вызывало такого негодованія со стороны христіанскихъ моралистовъ, какъ эти очаги земныхъ страстей и школы разврата. Можно себѣ, однако, представить, какое сильное впечатлѣніе производили античныя драмы, разыгранныя хорошими актерами, на юношу Августина, такъ недавно еще проливавшаго слезы надъ судьбою Дидоны.

Но въ своей „Исповѣди“ онъ съ неодобреніемъ анализируетъ чувства, влекущія людей смотрѣть драмы, которыя никто бы изъ нихъ не хотѣлъ самъ пережить. Ему кажется страннымъ, что люди извлекаютъ изъ театральныхъ зрѣлищъ скорбь, и что самая скорбь доставляетъ имъ удовольствіе! Развѣ это не жалкое безуміе? Если имъ самимъ приходится испытывать страданія, они называютъ это бѣдствіемъ (miseria); если же сострадаютъ другимъ, то это называютъ состраданіемъ (misericordia); но какое же можетъ быть состраданіе въ вымышленныхъ случаяхъ? вѣдь зритель приглашается не для того, чтобъ оказать кому-либо помощь, но чтобъ вынести страданіе, и онъ тѣмъ благосклоннѣе къ актеру, чѣмъ сильнѣе тотъ заставилъ его страдать! Если же эти былыя или вымышленныя бѣдствія такъ представлены на сценѣ, что зритель не испытываетъ страданія, онъ скучаетъ и уходитъ съ укоромъ; если же страдаетъ, то внимательно слушаетъ и доволенъ!

Итакъ, слезы и страданіе доставляютъ удовольствіе. Но, можетъ быть, удовольствіе доставляетъ въ этомъ случаѣ не страданіе, а состраданіе? Августинъ оговаривается, что онъ осуждаетъ не состраданіе, а вредные для души мотивы его. Онъ самъ и теперь не лишенъ состраданія; но тогда ему въ театрѣ доставляло удовольствіе, когда любящіе достигали своей цѣли съ помощью преступленій, и онъ огорчался, если они лишались другъ друга; въ обоихъ же случаяхъ онъ испытывалъ удовольствіе. Теперь же онъ жалѣетъ того, кто можетъ находить удовольствіе въ зрѣлищѣ преступленія, хотя бы и вымышленнаго, и онъ считаетъ истиннымъ лишь такое состраданіе, которое предпочитаетъ, чтобы не было и поводовъ къ страданію.

---

[1]) Loos—Августинъ въ Herzog: Theol. Encycl.

Искушеніемъ признавалъ Августинъ въ своей „Исповѣди“ и самыя занятія свои въ области риторики, въ виду злоупотребленія ею въ процессахъ форума — у него навсегда осталось въ виду этого недовѣріе къ адвокатскому краснорѣчію. Но онъ самъ скоро занялъ видное мѣсто „въ школѣ риторовъ“ и „кичился высокомѣрно“.

Среди всѣхъ этихъ искушеній скоро проснулся прирожденный Августину идеализмъ. Поводомъ къ этому послужила недошедшая до насъ книга Цицерона.—„Гортензій“, которой онъ приписываетъ происшедшую въ немъ перемѣну. Онъ отмѣчаетъ, что онъ эту книгу купилъ на деньги, присланныя ему матерью. Ему было тогда 19 лѣтъ, отецъ его уже два года предъ тѣмъ умеръ, но онъ получилъ возможность остаться въ Карѳагенѣ, благодаря поддержкѣ Романіана, богатаго гражданина Тагастэ.

Книга Цицерона, „языкомъ котораго почти всѣ восхищаются болѣе, чѣмъ его образомъ мысли“, —должна была послужить Августину стилистическимъ образцомъ, но „не языкъ“, а содержаніе книги имъ овладѣло.

„Гортензій“ заключалъ въ себѣ, по словамъ Августина, наставленіе къ философіи; почти всѣ философскія системы были въ этой книгѣ указаны и разобраны; Августинъ, однако, находилъ наслажденіе не въ изложеніи той или другой философской школы, „а только въ томъ, что это наставленіе возбуждало въ немъ и зажигало любовь къ самой мудрости и желаніе любить ее, ея искать и достигнуть, ее крѣпко обнять и удержать“.

Описывая впечатлѣніе, которое на него произвелъ „Гортензій“ Цицерона, Августинъ говоритъ: „Эта книга преобразила мое сердце и обратила къ Тебѣ самому, Господи, молитвы мои, и измѣнила мои помыслы и желанія; опостыла для меня вдругъ всякая суетная надежда, и я жаждалъ съ невѣроятною страстью безсмертной мудрости, и сталъ я подниматься, чтобы вернуться къ Тебѣ“.

„Какъ я пылалъ, Богъ мой, какъ я пылалъ желаніемъ подняться надъ всѣмъ земнымъ къ Тебѣ!“—говоритъ онъ далѣе и восклицаетъ словами Іова:—„ибо у Тебя мудрость“; философія же значитъ лишь любовь къ мудрости. Эти слова вѣрно выражаютъ позднѣйшій взглядъ Августина, но до этого сознанія ему было еще далеко. Между нимъ и тѣмъ Богомъ, къ которому обращались въ „Исповѣди“ молитвы, стало—и долго стояло — манихейство.

Что же такое манихейство и чѣмъ оно привлекло къ себѣ Августина?—Не входя здѣсь подробно въ разсмотрѣніе перваго вопроса, мы должны, однако, на немъ остановиться для выясненія второго вопроса. Самъ Августинъ относится въ своей „Испо-

вѣди“ уже вполнѣ отрицательно къ манихейству и выставляетъ на видъ лишь слабыя и нелѣпыя стороны этого ученія, а это можетъ вызвать недоумѣніе, чѣмъ же такое ученіе могло прельстить Августина?

Манихейство, какъ своей космологіей, такъ и своей этикой, коренилось въ религіи Зороастра. И оно также объясняло происхожденіе міра изъ борьбы двухъ началъ, свѣта и тьмы, и призывало человѣка къ служенію первому изъ нихъ. Но оно пошло далѣе и изъ своего этическаго дуализма вывело аскетизмъ, дошедшій, какъ въ буддизмѣ, до отрицанія самой жизни. Находясь въ сферѣ дѣйствія христіанства, манихейство заимствовало изъ него представленія о Богѣ, о Христѣ и о св. Духѣ, но отвело Христу какое-то фантастическое, служебное мѣсто въ міровой борьбѣ добра со зломъ, и отождествило Параклета съ основателемъ секты—Манесомъ.

Сохранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ древнія представленія пареизма о благотворномъ значеніи небесныхъ свѣтилъ, манихейство представляло странную смѣсь матеріалистическихъ и этическихъ убѣжденій. Происхожденіе жизни во всѣхъ органическихъ существахъ—отъ растенія до человѣка—объяснялось тѣмъ, что частица свѣта была захвачена царствомъ тьмы. Жизнь, такимъ образомъ, представлялась плѣненіемъ свѣтлаго начала, а смерть—его освобожденіемъ. Отсюда—цѣлый рядъ этическихъ требованій, въ особенности воздержанія, для того, чтобы не быть виновникомъ новаго плѣненія свѣтлой частицы въ оковахъ міра. Въ то же время манихеяне сохранили отъ временъ Зендавесты суевѣрное уваженіе къ жизни, доходившее до того, что они считали грѣхомъ не только убивать животныхъ для пищи, но даже воспрещали „совершеннымъ“ снимать плоды или рвать овощи для пищи.

Когда Августинъ сошелся въ Карѳагенѣ съ манихеянами, онъ былъ очень молодъ. Его литературно-риторическое образованіе лишало его возможности критически относиться къ ихъ космологическимъ бреднямъ. Его подкупала самоувѣренность, съ которой они постоянно толковали объ „истинѣ“, причемъ ихъ организація давала имъ возможность обнадеживать непосвященнаго, что онъ постепенно познаетъ истину; манихеяне различали въ своей средѣ „послушниковъ“ (auditores) и „избранныхъ“, или вполнѣ посвященныхъ, признавая обязанностью первыхъ служить вторымъ. Кромѣ того, у него оказались точки соприкосновенія съ манихеянами. Послѣдніе отвергали Ветхій Завѣтъ, находя заключавшіяся въ немъ повѣствованія о жизни патріарховъ, въ

особенности о ихъ многоженствѣ, недостойными божественнаго памятника; Августина же отталкивало отъ него его классическое образованіе и его увлеченіе риторикой. Чрезвычайно затрудняло тогда Августина понятіе о Богѣ; онъ никакъ не могъ подняться къ представленію о Немъ, какъ о существѣ, стоящемъ внѣ матеріальнаго міра и сотворившемъ его; при такихъ условіяхъ онъ относился снисходительно къ пантеистическимъ представленіямъ манихеянъ. Но всего сильнѣе привлекалъ къ манихеянамъ Августина начавшій въ немъ развиваться этическій идеализмъ. При всей страстности своей натуры онъ сталъ чувствовать раздвоеніе въ себѣ, желаніе подняться надъ чувственнымъ міромъ: ученіе манихеянъ, что цѣль индивидуальной жизни есть усовершенствованіе, стремленіе къ истинѣ, которое достигается путемъ освобожденія души отъ оковъ плоти, вдохновляло его на подвигъ; а ихъ ученія о двойственности въ натурѣ человѣка, о борьбѣ въ немъ двухъ противоположныхъ началъ зла и добра утѣшало Августина. Онъ находилъ успокоеніе въ мысли, что не онъ самъ, не *его* воля, есть источникъ зла, а чуждая ему, враждебная сила его плоти.

Девять лѣтъ находился Августинъ—по его признанію—подъ вліяніемъ манихеянъ—съ 19-го по 28-ой годъ; насколько онъ проникся ихъ убѣжденіями, мы не знаемъ, но что сближеніе съ ними было очень тѣсное, объ этомъ мы можемъ судить по нѣсколькимъ даннымъ. У Августина былъ товарищъ дѣтства и школы, съ которымъ онъ послѣ близко подружился; ихъ тѣсно соединяла общность стремленій. Этого друга—Августинъ его не называетъ—онъ совратилъ въ манихейство. Другъ этотъ сильно заболѣлъ горячкой. Когда онъ лежалъ въ забытьи, близкій къ смерти, надъ нимъ совершили обрядъ крещенія. Августинъ не придалъ этому значенія, полагая, что убѣжденія, которыя онъ въ него вселилъ, превозмогутъ въ его душѣ вліяніе обряда, которому онъ подвергся въ безсознательномъ состояніи. Больной, однако, пришелъ въ себя и, казалось, выздоровѣлъ; при первой возможности Августинъ, не отходившій отъ его постели, сталъ подшучивать надъ его крещеніемъ, въ надеждѣ, что и тотъ присоединится къ шуткамъ. Но тотъ пришелъ отъ него въ ужасъ, какъ отъ врага, и сталъ съ неожиданною рѣшительностью требовать отъ Августина, чтобъ онъ прекратилъ этотъ разговоръ, если хочетъ быть его другомъ. Августинъ смутился и замолчалъ, отложивъ свою попытку повліять на него до полнаго возстановленія силъ. Но больной скончался отъ новаго приступа горячки во время отсутствія Августина.

И помимо этого Августинъ въ своемъ кружкѣ не разъ отстаивалъ манихейство: однажды, во время споровъ объ этомъ предметѣ, его другъ Небридій выставилъ доводъ противъ манихейскаго дуализма, тогда уже произведшій сильное впечатлѣніе на Августина и другихъ слушателей:—Зачѣмъ было началу свѣта вступать въ борьбу съ началомъ тьмы? Если начало тьмы въ состояніи въ этой борьбѣ нанести ущербъ началу свѣта, то послѣднее не можетъ считаться божественнымъ; если же оно божественно, то ни оно само, ни его эманаціи не могли быть побѣждены, плѣнены, осквернены силами тьмы, чтобъ нуждаться въ освобожденіи и спасеніи. Лишь впослѣдствіи Августинъ призналъ эту аргументацію достаточною для освобожденія души отъ гнета манихейства.

Насколько Августинъ поддался манихейству и удалился отъ христіанства, можно судить по его разрыву изъ-за этого съ матерью. Когда онъ возвратился въ Тагастэ, она не позволила ему жить у нея и раздѣлять съ нею трапезу изъ-за „богохульственныхъ заблужденій“ его. Но ее утѣшило и примирило съ сыномъ сновидѣніе, которое она имѣла. Печальная и убитая горемъ, она стояла у деревяннаго столба и увидѣла подходившаго къ ней юношу въ сіяніи, весело улыбавшагося ей. Онъ спросилъ ее о причинѣ ея скорби и ежедневныхъ слезъ, и узнавъ, что она оплакиваетъ потерю сына, велѣлъ ей успокоиться и внимательно осмотрѣться — и тогда она увидитъ, что сынъ ея стоитъ тамъ, гдѣ и она, что на самомъ дѣлѣ она и увидѣла. Когда мать разсказала Августину про это сновидѣніе, онъ пытался истолковать сонъ въ томъ смыслѣ, что и она будетъ раздѣлять его убѣжденіе; но мать не замедлила возразить: „Нѣтъ, мнѣ не было сказано, гдѣ онъ—тамъ и ты,—а гдѣ ты, тамъ и онъ“.

Не вполнѣ успокоившись, мать обращалась съ просьбой ко всѣмъ, кого она считала способнымъ переубѣдить сына. Такъ она обратилась и къ одному епископу, начитанному въ св. Писаніи, съ просьбою вступить въ пренія съ сыномъ и опровергнуть его заблужденія. Епископъ отказывался, находя, что ея сынъ слишкомъ увлеченъ новизной ереси и въ своей самоувѣренности неподатливъ на совѣты, смущая съ своей стороны, по ея же словамъ, многихъ неопытныхъ коварными вопросами. „Оставь его,—прибавилъ онъ,—только моли о немъ Господа; посредствомъ чтенія онъ самъ убѣдится въ ихъ заблужденіяхъ и ихъ нечестіи“. И въ утѣшеніе онъ разсказалъ ей, что его самого мать въ дѣтствѣ отдала манихеянамъ, и онъ не только перечиталъ всѣ ихъ книги, но и переписывалъ ихъ для нихъ, и однако безъ всякаго

вліянія со стороны убѣдился, какъ надо остерегаться этой секты и удалился отъ нея. Когда же мать Августина не переставала упрашивать и обильными слезами старалась убѣдить его, чтобы онъ повидался съ ея сыномъ и вступилъ съ нимъ въ пренія, епископъ почти съ сердцемъ сказалъ ей: „Ступай себѣ; по истинѣ, сынъ, внушающій такія слезы, не можетъ погибнуть“. И мать потомъ часто вспоминала объ этихъ словахъ, которыя она приняла, какъ голосъ съ неба. Окончивъ—по современному выраженію—курсъ риторики въ карѳагенской высшей школѣ, Августинъ вернулся въ свой родной городъ и сдѣлался тамъ учителемъ риторики, предмета, который, какъ мы видѣли, въ Тагастѣ не преподавался. Онъ жилъ въ это время въ домѣ Романіана и сблизился тамъ съ родственникомъ Романіана, молодымъ Алипіемъ, съ которымъ его потомъ всю жизнь связывала тѣсная дружба. Но „дороже всего дорогого въ жизни“ былъ для него тогда тотъ молодой человѣкъ, котораго онъ совратилъ въ манихейство. Съ его смертью жизнь въ Тагастѣ стала для Августина невыносима. Прекрасный памятникъ поставилъ Августинъ своему безыменному другу, описывая свое горе и размышляя о понесенной утратѣ: „Какимъ горемъ омрачилось сердце мое! вездѣ кругомъ себя я видѣлъ только смерть; родина стала для меня мученіемъ, а отцовскій домъ невыносимымъ; все, въ чемъ онъ принималъ участіе вмѣстѣ со мною, стало для меня источникомъ невыразимаго горя. Вездѣ искали его глаза мои, а онъ не являлся и я возненавидѣлъ все кругомъ меня, такъ какъ его тамъ не было и мнѣ никто не могъ сказать — вотъ онъ идетъ, — какъ прежде во время его отсутствія. Я сталъ для самого себя загадкой, и когда я спрашивалъ душу свою, почему она такъ печальна и такъ смущаетъ меня, я не получалъ отвѣта. И когда я ей говорилъ: надѣйся на Господа, она не слушала меня, и была права, ибо истиннѣе и лучше былъ дорогой ей человѣкъ, котораго она утратила, чѣмъ тотъ призракъ, на котораго ей совѣтовали уповать. Однѣ слезы были мнѣ сладки, и только онѣ остались мнѣ послѣ друга, утѣхи души моей“.

Мучителенъ былъ для Августина, кромѣ самаго горя, и тотъ разладъ, который оно вызвало въ немъ. Ему опротивѣла жизнь, даже дневной свѣтъ сталъ для него невыносимъ, — и въ то же время онъ чувствовалъ, что эта ненавистная жизнь ему дороже, чѣмъ другъ, котораго онъ потерялъ; онъ не зналъ, согласился ли бы онъ отдать за друга свою жизнь, какъ по преданію — если оно вѣрно — Орестъ и Пиладъ хотѣли умереть другъ за друга; но въ немъ пробудилось какое-то чувство, которое этому

воспротивлялось, и такъ же тяжко, какъ отвращеніе къ жизни, его угнеталъ страхъ смерти. Ему казалось, что чѣмъ сильнѣе онъ любилъ друга, тѣмъ болѣе онъ ненавидѣлъ смерть, унесшую его, какъ самаго жестокаго врага. Онъ удивлялся, что другіе люди живутъ, когда тотъ, котораго онъ любилъ вѣчною любовью, умеръ, и онъ еще болѣе удивлялся тому, что онъ самъ живетъ послѣ смерти того, кто былъ его другимъ „я“. „Мнѣ была ужасна жизнь,—говоритъ Августинъ,—потому что я не хотѣлъ на половину жить, и я потому, можетъ быть, боялся умереть, чтобы не умеръ со мною всецѣло тотъ, кого я такъ сильно любилъ“. Мучило Августина и то, что онъ не находилъ успокоенія въ религіи. Онъ зналъ, что найдетъ тамъ облегченіе и исцѣленіе, но онъ не хотѣлъ искать его тамъ и не могъ (non volebam et non valebam), тѣмъ болѣе, что—такъ обращается онъ въ своей „Исповѣди“ къ Богу—„Ты не былъ для меня нѣчто опредѣленное и прочное. Не Ты это былъ, когда я размышлялъ о Тебѣ, а суетный призракъ, и мое заблужденіе было моимъ Божествомъ“. И когда онъ пытался вознести свою душу къ Божеству, чтобы найти въ Немъ успокоеніе, она витала въ пустомъ пространствѣ и снова подавляла его своимъ горемъ. Августинъ оставался самъ съ собою въ своемъ несчастіи не въ силахъ такъ жить и не въ силахъ найти выхода. „Ибо куда бы сердце мое ушло отъ сердца моего? куда бы я могъ самъ отъ себя бѣжать? вѣдь повсюду я бы послѣдовалъ за собою! И все-таки я бѣжалъ съ родины. Глаза мои не такъ бы стали искать его тамъ, гдѣ не привыкли его видѣть, и изъ Тагастэ я удалился въ Карѳагенъ“.

Прошли годы. Манихеянинъ сталъ христіаниномъ, и въ своей „Исповѣди“ Августинъ разрѣшаетъ мучившую его такъ долго загадку: почему эта скорбь такъ легко овладѣла имъ и проникла въ самую глубь его души?—„Потому—говоритъ онъ, что я излилъ душу мою на песокъ пустыни и полюбилъ смертнаго, какъ будто онъ безсмертенъ“... „Я бѣдствовалъ и бѣдствуетъ всякій, кто связанъ любовью съ преходящими явленіями, и разрывается его сердце, утрачивая ихъ, и онъ чувствуетъ свою бѣдственность, которою онъ страдалъ еще до утраты ихъ“.

Теперь Августинъ обрѣлъ ту твердую опору, въ которой душа его находила успокоеніе: „Блаженъ—говоритъ онъ — тотъ, кто любитъ Тебя и друга *въ Тебѣ*, а недруга ради Тебя; ибо только тотъ не теряетъ никого изъ дорогихъ, для кого они всѣ дороги въ Томъ, Кого нельзя утратить“.

И начавъ съ проявленія глубокаго человѣческаго горя, Августинъ въ своей эксомологезѣ поднимается до прославленія *Того*,

у Кого человѣкъ находитъ успокоеніе и исцѣленіе: „Куда бы ни обратилась душа человѣка, вездѣ она обрѣтаетъ горе, кромѣ Тебя, хотя бы она нашла прекрасное *внѣ* Тебя". И потому, душа моя, истомленная призраками, *тамъ* уготовь себѣ обитель—и ты ничего не утратишь; *тамъ* снова процвѣтетъ родина твоя и исцѣлятся всѣ недуги твои". Въ заключеніе, Августинъ пытается вознести духъ человѣка на такую высоту, съ которой горе и несовершенство ему должны представиться не только неизбѣжнымъ зломъ, но необходимымъ условіемъ міровой гармоніи. Чѣмъ быстрѣе возникаютъ къ жизни явленія міра, тѣмъ сильнѣе они спѣшатъ къ небытію — таковъ ихъ удѣлъ. Они—части міра, которыя не могутъ существовать одновременно, но, чередуясь и слѣдуя другъ за другомъ, какъ слова въ рѣчи,—они образуютъ жизнь вселенной. И еслибы человѣкъ въ своей плоти былъ способенъ обнять цѣлое и не былъ бы, по справедливой карѣ, обреченъ въ мірѣ на ограниченную роль, онъ захотѣлъ бы, чтобы все настоящее скорѣе миновало для того, чтобы лучше любоваться красотою цѣлаго. И потому Августинъ заканчиваетъ поученіемъ: „Если тебѣ нравятся явленія плоти, то восхваляй за нихъ Господа и любовь свою обрати на Создателя для того, чтобы не навлечь на себя гнѣва тѣмъ, что̀ тебѣ нравится; если ты полюбилъ души, то люби ихъ въ Богѣ, ибо онѣ измѣнчивы и только въ Немъ могутъ найти опору. Все благое, что̀ вы любите,—отъ Него; но насколько оно съ Нимъ—оно сладко, а безъ Него и то, что̀ отъ Него, по справедливости станетъ горькимъ. Нѣтъ покоя, гдѣ вы его ищете; блаженную жизнь вы ищете въ области смерти; нѣтъ ея тамъ, ибо какъ могла бы быть блаженная жизнь тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ жизни?"

Вспоминая о горѣ, испытанномъ при вѣчной разлукѣ съ другомъ, Августинъ приписываетъ свой переѣздъ въ Карѳагенъ нежеланію оставаться тамъ, гдѣ его постигла эта утрата. Въ сочиненіи, написанномъ въ 386 г., Августинъ приводитъ другой мотивъ для своего перемѣщенія въ Карѳагенъ — желаніе болѣе виднаго поприща (illustrioris) для своей дѣятельности.

III.

Вернувшись въ Карѳагенъ, Августинъ втянулся въ свою обычную обстановку и обычныя занятія. Подготовившись въ Тагастэ, онъ выступилъ теперь въ Карѳагенѣ, этомъ центрѣ африканскаго краснорѣчія, учителемъ „искусства краснорѣчія". „Я

торговалъ—выражается онъ въ своей „Исповѣди“—побѣдоносной болтовней, самъ побѣжденный страстями“. — Онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ: ибо онъ и въ этомъ періодѣ свѣтскаго краснорѣчія ставилъ истину выше успѣха и презиралъ или цѣнилъ искусство риторики лишь какъ средство обезпечить за правдой торжество надъ неправдой. „Я желалъ имѣть добрыхъ учениковъ и безъ обмана научалъ ихъ вводить въ обманъ другихъ не для того, чтобы они губили невинныхъ, но при случаѣ спасали отъ гибели виновныхъ“.

Тѣмъ не менѣе, онъ взиралъ потомъ на свою жизнь въ Карѳагенѣ, какъ на двойное заблужденіе: „Я поддавался соблазну и самъ вводилъ въ соблазнъ, былъ обманываемъ и самъ обманывалъ—открыто въ наукахъ, которыя называютъ благородными (liberales), тайно—подъ покровомъ ложной религіи; высокомѣрный въ наукѣ, суевѣрный въ религіи, тщеславный во всемъ; вездѣ добиваясь суетной популярности; жаждущій рукоплесканій въ поэтическихъ состязаніяхъ и вѣнковъ въ театрѣ, увлекаясь вздорными зрѣлищами цирка и разнузданностью страстей; надѣясь очиститься отъ страстей посредствомъ услугъ такъ называемымъ „избраннымъ“ и „святымъ“, принося имъ пищу для того, чтобы они, вкусивъ отъ нея, давали свободу заключеннымъ въ нихъ ангеламъ и богамъ—для моего спасенія. Вотъ что я продѣлывалъ съ моими друзьями, мною и вмѣстѣ со мною обманутыми. Пусть смѣются надо мною высокомѣрные люди, которые еще не поражены и не сокрушены Тобою, Господи, разрѣши мнѣ лишь исповѣдывать предъ Тобою позоръ мой *во славу Твою* (Пс. 105, 47) и дозволь мнѣ, умоляю Тебя, прослѣдить теперь въ памяти моей все прошлое плутаніе заблужденій моихъ и принести Тебѣ жертву“. Слова Августина о „состязаніяхъ въ поэзіи“ нужно понимать буквально. Оскудѣніе поэтической литературы въ IV вѣкѣ отразилось лишь на качествѣ, а не на количествѣ произведеній; поэзія входила въ составъ „благородныхъ искусствъ“, обязательныхъ для образованнаго человѣка, и отличалась отъ краснорѣчія лишь знаніемъ метрики и умѣньемъ пользоваться отцвѣтшей миѳологіей. Немудрено, что и Августинъ выступилъ участникомъ въ состязаніи на премію за лучшее стихотвореніе, предназначенное для публичнаго произнесенія въ театрѣ. Съ этимъ связанъ эпизодъ, интересный для культурной исторіи того времени и указывающій на силу язычества въ Карѳагенѣ еще въ семидесятыхъ годахъ IV вѣка. Одинъ изъ „гаруспексовъ“, т.-е. гадателей по внутренностямъ животныхъ, прислалъ спросить его, сколько онъ ему заплатитъ за побѣду въ состязаніи? Авгу-

стинъ, относившійся съ отвращеніемъ къ жертвоприношеніямъ животныхъ, отвѣтилъ, что „еслибы даже вѣнокъ побѣдителя былъ изъ вѣчнаго золота, то онъ не дозволилъ бы убить хотя бы *муху* изъ-за своей побѣды". Въ этомъ безусловномъ уваженіи ко всякой жизни нельзя не видѣть вліянія манихейскаго ученія; это уваженіе къ жизни укоренилось въ Августинѣ такъ глубоко, что онъ потомъ всегда ратовалъ противъ смертной казни не только еретиковъ, виновныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, но и простыхъ преступниковъ.

Приводя свой отвѣтъ гаруспексу, Августинъ мотивируетъ его тѣмъ, что тотъ собирался своими жертвоприношеніями обезпечить ему содѣйствіе *демоновъ*, но въ то же время обвиняетъ себя въ томъ, что принесъ демонамъ въ жертву самого себя. Это самообвиненіе было вызвано тѣмъ, что онъ въ это время вѣрилъ въ астрологію и сильно занимался ею. Не честолюбіе и не праздное любопытство, какъ другихъ, привлекали Августина къ астрологіи, которую онъ потомъ презиралъ, какъ суевѣріе и богохульство, но то самое, что увлекло его въ манихейство,—потребность найти оправданіе во внѣшней независимой отъ него силѣ, въ судьбѣ,—противъ укоровъ совѣсти, которые вызывались начавшимся въ немъ разладомъ между его наклонностями и страстями—и пробудившимся въ немъ идеальнымъ стремленіемъ подняться надо всѣмъ этимъ въ область вѣчной мудрости и истины! Августинъ одержалъ побѣду и безъ содѣйствія гаруспекса, и былъ увѣнчанъ самимъ проконсуломъ. Это былъ тогда опытный и уважаемый врачъ. Августинъ сблизился съ нимъ и со вниманіемъ слушалъ его рѣчи, интересныя и серьезныя, безъ фразъ, и полныя живыхъ мыслей. Этотъ старецъ предостерегъ его отъ астрологіи. Узнавъ, что Августинъ посвящаетъ много времени изученію астрологическихъ книгъ, проконсулъ далъ ему совѣтъ бросить ихъ и посвящать время и трудъ болѣе полезнымъ занятіямъ. Онъ разсказалъ ему, что и онъ въ юности изучалъ астрологію и хотѣлъ сдѣлать изъ нея постоянную свою профессію, но потомъ предался медицинѣ, убѣдившись въ суетности астрологіи и не желая, какъ честный человѣкъ, извлекать средства къ жизни изъ обмана другихъ. „Ты же—говорилъ онъ Августину—избралъ риторику средствомъ къ жизни, астрологіей же занимаешься лишь по охотѣ; тѣмъ болѣе ты долженъ мнѣ повѣрить, что это обманъ". Когда же Августинъ его спросилъ, почему такъ часто сбываются предсказанія астрологовъ, проконсулъ сталъ объяснять это чутьемъ судьбы, широко распространеннымъ въ мірѣ. „Какъ часто бываетъ,—говорилъ онъ въ по-

ясненіе,—что вопрошающій, открывъ наугадъ страницу поэта, находитъ въ ней стихъ, замѣчательно соотвѣтствующій обстоятельствамъ дѣла; такъ неудивительно, если душа человѣка, не сознавая, что въ ней происходитъ, высказываетъ не по разсчету, а подъ вліяніемъ какого-то высшаго чутья, то, что вполнѣ подходитъ къ обстоятельствамъ и дѣйствіямъ вопрошающаго".

Интересъ къ астрологіи привелъ Августина къ занятіямъ математикой и астрономіей, входившими въ число „благородныхъ искусствъ",—а отсюда онъ перешелъ къ эстетикѣ. Къ этой области относится первое обнародованное имъ сочиненіе—„О красотѣ и гармоніи", написанное имъ 26-ти или 27-ми лѣтъ въ двухъ или трехъ книгахъ. „Тебѣ это извѣстно, Господь,—восклицаетъ наивно Августинъ въ своей „Исповѣди";—я это забылъ, ибо его у меня нѣтъ и оно, неизвѣстно какъ, пропало".

Сочиненіе это было вызвано вопросами, которые ставилъ Августинъ въ своемъ дружескомъ кружкѣ: что влечетъ насъ къ явленіямъ міра, какъ не красота? что же такое красота? Августинъ сводилъ красоту къ цѣльности, а гармонію—къ соотвѣтствію частей или части къ цѣлому. Такую же математическую подкладку, какъ эстетикѣ, давалъ онъ и этикѣ, сводя добродѣтель на единство, а порокъ на двойственность, т.-е. разладъ. Впослѣдствіи эти опредѣленія его не удовлетворяли. Онъ упрекалъ себя за то, что его духъ былъ направленъ лишь къ тѣлесному: что для него имѣли значеніе лишь *линіи*, *краски* и *величины*, и что это ему мѣшало постигнуть свойство духа.

Августинъ посвятилъ свое сочиненіе Гіерію, жившему въ Римѣ ритору, прославленному за то, что онъ, будучи сирійцемъ по происхожденію, а по образованію грекъ, въ совершенствѣ овладѣлъ латинскимъ краснорѣчіемъ и былъ очень свѣдущъ во всемъ, что касалось философіи. Августину были извѣстны только нѣкоторыя „слова" его, которыя ему очень нравились. Почему же онъ посвятилъ ему свое сочиненіе? Поставивъ этотъ вопросъ, Августинъ отвѣчаетъ, что онъ ему нравился потому, что другіе люди его чрезвычайно хвалили, и слѣдовательно онъ его полюбилъ больше за расположеніе къ нему тѣхъ, кто его расхваливалъ, чѣмъ за то, что вызывало эту похвалу. Ибо еслибы эти самые люди вмѣсто хвалы порицали его, онъ не воспылалъ бы такимъ расположеніемъ къ нему, хотя бы лицо осталось то же самое и заслуги его были бы тѣ же. „Такъ—восклицаетъ Августинъ—любилъ я тогда людей, руководясь людскимъ мнѣніемъ"

„Гіерія—продолжаетъ Августинъ—я такъ любилъ, что очень

желалъ походить на него, и такъ хвалилъ, какъ желалъ бы, чтобы меня хвалили. Того же самаго, однако, — прибавляетъ онъ — нельзя было бы сказать о какомъ-нибудь актерѣ, хотя бы я къ нему относился съ такой же похвалой и расположеніемъ. Ибо я предпочелъ бы остаться совершенно неизвѣстнымъ, чѣмъ пріобрѣсти такую славу, и сдѣлаться ненавистнымъ, чѣмъ заслужить такое расположеніе, какъ актеръ. Какъ объяснить такую неравномѣрность оцѣнки въ одной и той же душѣ? Отчего происходитъ, что я въ другомъ цѣню то, что мнѣ самому противно и ненавистно? Глубокая тайна—человѣкъ!"

Съ полнѣйшимъ разочарованіемъ относится въ „Исповѣди" Августинъ къ попыткѣ снискать одобреніе и поддержку со стороны своего знаменитаго современника: „Я считаю чѣмъ-то важнымъ, если мое *разсужденіе* и мои занятія станутъ извѣстны этому мужу. Еслибы онъ ихъ одобрилъ, они бы еще пуще процвѣли; если же бы онъ ихъ не одобрилъ, моему суетному сердцу, не имѣвшему опоры въ Тебѣ, была бы нанесена глубокая рана. И все-таки я часто и охотно размышлялъ о красотѣ и гармоніи, о чемъ ему писалъ съ удовольствіемъ. Такъ я блуждалъ въ своемъ высокомѣріи и еще не понималъ, что вся суть—въ Твоемъ искусствѣ, Всемогущій, ибо Ты одинъ творишь чудесное".

Съ такимъ же разочарованіемъ взиралъ Августинъ потомъ на всѣ свои успѣхи въ этомъ періодѣ; и мы узнаемъ о нихъ только благодаря разочарованію, съ которымъ онъ о нихъ упоминаетъ. Такъ, мы узнаемъ, что онъ на двадцатомъ году жизни принялся одинъ читать и понялъ сочиненіе Аристотеля „о десяти категоріяхъ", объ изученіи котораго его учитель, карѳагенскій риторъ, и „другіе, считавшіеся учеными, говорили съ надменною важностью"... Товарищи Августина, читавшіе эту книгу съ лучшими профессорами при помощи не только устныхъ комментаріевъ, но и рисунковъ, съ трудомъ ее понимали и не могли ничего ему сообщить, до чего онъ самъ не дошелъ.

„Но къ чему мнѣ это послужило?"—восклицаетъ Августинъ въ „Исповѣди"; онъ признаетъ это даже препятствіемъ для своего богопознанія, ибо, полагая, что все сущее подходитъ подъ общія категоріи, онъ подводилъ подъ нихъ и понятіе о Богѣ, хотя Онъ *Единъ* и *Неизмѣненъ*.

„Къ чему послужило мнѣ—спрашиваетъ далѣе Августинъ,—что я прочелъ и усвоилъ себѣ всю доступную мнѣ литературу благородныхъ искусствъ, будучи негоднымъ рабомъ дурныхъ страстей? Какіе я сдѣлалъ успѣхи въ краснорѣчіи и діалектикѣ, въ геометріи, музыкѣ (теоретической) и ариѳметикѣ, извѣстно Тебѣ,

Господь мой, ибо и быстрота соображенія, и острота разума—Твои дары!"

Основнымъ его заблужденіемъ, изъ котораго онъ выводитъ тщетность всѣхъ своихъ усилій и успѣховъ, все еще было манихейское представленіе о Богѣ, котораго Августинъ принималъ за свѣтлое и безпредѣльное тѣло—такъ сказать, разлитый въ безпредѣльномъ мірѣ свѣтлый эѳиръ, а себя—за частицу его.

Но приближался уже для Августина моментъ освобожденія. У него давно уже появились сомнѣнія относительно манихейскихъ доктринъ. Особенно наводили его на сомнѣнія ихъ фантастическія представленія о роли небесныхъ свѣтилъ въ спасеніи человѣка. Августинъ былъ хорошо знакомъ съ вычисленіями астрономовъ, высчитывавшихъ впередъ „сроки и размѣры" солнечныхъ и лунныхъ затменій. Въ области астрономіи господствовали законъ и мѣра; равноденствіе и повороты солнца на зиму и на лѣто совершались съ неизмѣнной точностью, и въ этой области не было мѣста для манихейскихъ миѳовъ.. Манихеяне же сообщали ему о своихъ миѳахъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о законахъ, открытыхъ астрономами. Когда Августинъ обращался съ своими недоумѣніями къ манихейскимъ старцамъ, они отвѣчали уклончиво и обнадеживали его, что всѣ его недоумѣнія разрѣшитъ имѣющій прибыть въ Карѳагенъ ихъ ученый епископъ Фаустъ. Долго ожидалъ Августинъ пріѣзда Фауста; наконецъ, какъ онъ самъ отмѣтилъ, на 29-мъ году его жизни пріѣхалъ въ Карѳагенъ тотъ, кто столь многихъ уловилъ въ сѣти своего краснорѣчія.

И Августину онъ понравился, но его интересовалъ не столько драгоцѣнный сосудъ, который ему подносили, сколько его содержаніе. А Августину пришлось услышать лишь давно знакомыя ему вещи, которыми онъ былъ пресыщенъ; онѣ стали для него не лучше оттого, что были лучше сказаны, не истиннѣе оттого, что были краснорѣчиво изложены, и самъ ораторъ не сталъ мудрѣе оттого, что имѣлъ внушительный видъ и благородно выражался. Августинъ убѣдился, что лица, указывавшія ему на Фауста, плохо понимали дѣло и считали его мудрымъ только потому, что наслаждались его рѣчью. Августинъ желалъ, но долго не имѣлъ случая вступить съ Фаустомъ въ бесѣду и высказать ему свои недоумѣнія, но скоро убѣдился, что Фаустъ былъ несвѣдущъ въ наукахъ, за исключеніемъ грамматики, да и ту зналъ не лучше другихъ. Начитанность его ограничивалась нѣсколькими рѣчами Цицерона, очень немногими произведеніями Сенеки и поэтовъ, и нѣкоторыми изъ манихейскихъ сочиненій, получше и по-латыни написанныхъ.

Самъ же Фаустъ оказался честнымъ и искреннимъ человѣкомъ, который не старался вводить Августина въ заблужденіе и открыто признался, что не въ состояніи удовлетворить его любознательности. Кончилось тѣмъ, что Августинъ сталъ самъ его посвящать въ кругъ тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ преподавалъ на каѳедрѣ риторики, и читать съ нимъ тѣ сочиненія, о которыхъ тотъ наслышался, или которыя самъ Августинъ считалъ для него подходящими.

Такъ Августинъ потерялъ всякую надежду добиться истины въ манихействѣ, но не хотѣлъ порвать съ нимъ, пока не найдетъ чего-либо лучшаго.

Съ этимъ переломомъ въ настроеніи Августина совпала и большая перемѣна въ его жизни. Друзья совѣтовали ему переселиться въ столицу имперіи, увѣряя, что его талантъ доставитъ ему тамъ больше выгодъ и почета. Августинъ признавался, что онъ былъ неравнодушенъ къ этимъ соображеніямъ, но что главнымъ и „почти единственнымъ побужденіемъ для него было безмѣрное и позорное своеволіе“ карѳагенскихъ учениковъ; „насильно врываются они въ аудиторію тѣхъ преподавателей, на курсы которыхъ не были записаны, и какъ бѣшеные нарушаютъ установленный въ интересахъ слушателей порядокъ. Съ поразительной дикостью совершаютъ они разныя беззаконія, которыя подлежали бы наказанію, еслибы не терпѣлись обычаемъ“.

Въ Римѣ же, какъ увѣряли Августина знатоки дѣла, школьная дисциплина несравненно лучше поддерживалась, учащіеся были скромнѣе и вовсе не допускались въ аудиторіи безъ разрѣшенія читающаго тамъ профессора. „Чего я самъ не дѣлалъ, будучи ученикомъ,—прибавляетъ Августинъ,—я не хотѣлъ терпѣть отъ другихъ“.

Переѣздъ въ Римъ встрѣтилъ, однако, неожиданное препятствіе—нежеланіе матери Августина отпустить сына. До послѣдней минуты она его удерживала, и даже, когда онъ отправился въ гавань, она сопровождала его съ намѣреніемъ или вернуть его, или отправиться съ нимъ. Августинъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ обману. Онъ съ большимъ трудомъ упросилъ мать провести ночь въ часовнѣ блаженнаго Кипріана, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ корабль, и тайкомъ уѣхалъ, оставивъ мать въ слезахъ и молитвахъ о томъ, чтобы Господь не допустилъ его отъѣзда. Упреки, которые себѣ дѣлалъ въ „Исповѣди“ по этому поводу Августинъ, умѣрялись тѣмъ, что во всѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла онъ видѣлъ благое дѣйствіе Провидѣнія. Оно направило ко благу дикую ярость тѣхъ, кто нарушалъ его по-

кой, суетные помыслы друзей и его собственное стремленіе къ мнимому счастью; оно не услышало слезныхъ молитвъ его матери для того, чтобы исполнить ея самое задушевное желаніе—привести его къ христіанству.

Августинъ нашелъ пріютъ въ домѣ одного изъ манихеянъ, которыхъ въ Римѣ было „множество“. Но прежде всего ему пришлось принести дань нездоровому климату этого города. Онъ захворалъ тяжелой болѣзнью и долго находился на краю могилы; тѣмъ не менѣе, онъ не подумалъ въ эти тяжелыя минуты, какъ въ дѣтствѣ, о крещеніи. Онъ былъ дальше отъ христіанства, чѣмъ тогда. Мы узнаемъ по этому поводу, что онъ не вѣрилъ въ спасеніе на крестѣ, такъ какъ, по-манихейски, считалъ Христа эманаціей свѣтлаго начала и не допускалъ воплощенія.

Выздоровѣвши, Августинъ сталъ собирать учениковъ въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, и черезъ нихъ началъ пріобрѣтать извѣстность. Но въ Римѣ оказалось другое неудобство со стороны учениковъ для вольнопрактикующаго учителя. Случается, говорили Августину, что молодые люди, чтобы не заплатить гонорара профессору, вдругъ, сговорившись, переходятъ къ другому, не сдержавъ уговора и, изъ жадности къ деньгамъ, пренебрегая справедливостью.

Въ виду этого, Августинъ, узнавъ, что изъ Милана обратились къ римскому префекту Симмаку съ просьбою пріискать для города преподавателя риторики и отправить его туда на казенный счетъ, сталъ добиваться черезъ своихъ знакомыхъ манихеянъ этого мѣста. По прочтеніи пробной лекціи, Августинъ былъ одобренъ Симмакомъ и переселился въ Миланъ.

IV.

Пребываніе въ Миланѣ имѣло рѣшающее вліяніе на дальнѣйшее развитіе Августина. Въ Карѳагенѣ онъ въ теченіе девяти лѣтъ держался манихейства, и его міровоззрѣніе не измѣнялось—здѣсь, въ Миланѣ, онъ пережилъ въ теченіе трехъ лѣтъ, послѣ глубокой душевной тревоги, полнѣйшій кризисъ. Этому содѣйствовали—помимо того, что перемѣна жительства порвала его личныя сношенія съ манихеянами—вліяніе философіи и встрѣча съ однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей христіанства—миланскимъ архіепископомъ Амвросіемъ.

Разочаровавшись въ манихействѣ, Августинъ поддался вліянію философской секты академиковъ, т.-е. скептиковъ. Онъ объ-

ясняетъ это тѣмъ, что когда онъ отчаялся найти дальнѣйшее удовлетвореніе въ манихейскомъ ученіи, то сталъ относиться равнодушно даже къ тѣмъ сторонамъ его, которыми онъ думалъ довольствоваться, если не найдетъ ничего лучшаго. И тутъ ему пришла мысль, что самыми умными изъ философовъ были академики, которые утверждали, что надо во всемъ сомнѣваться, такъ какъ человѣку не дано постигнуть истину. Въ другомъ сочиненіи, написанномъ много раньше „Исповѣди", онъ говоритъ: „Когда я освободился отъ манихеянъ, особенно послѣ переѣзда черезъ море, долго управляли моей ладьей, боровшейся среди моря со всѣми вѣтрами, академики".

Но еще сильнѣе, чѣмъ общій скептицизмъ, подорвалъ связь между манихействомъ и Августиномъ христіанскій архіепископъ. Къ этому Амвросію явился Августинъ, „не сознавая—говоритъ онъ въ своей „Исповѣди",—что я былъ приведенъ къ нему Тобою, Господи, для того, чтобъ онъ меня сознательно привелъ къ Тебѣ". Интересный моментъ въ исторіи представляетъ собою эта встрѣча двухъ главныхъ учителей ранней католической церкви—могущественнаго архіепископа и полуязыческаго ритора, которые такъ мало понимали другъ друга. Какъ мѣтко изображаетъ Августинъ, съ своей мірской точки зрѣнія, впечатлѣніе, произведенное на него Амвросіемъ! Самъ стремясь къ счастію, онъ считалъ Амвросія „счастливымъ человѣкомъ за почетъ, оказываемый ему высшими властями"; „лишь безбрачіе его казалось мнѣ слишкомъ тяжелымъ удѣломъ".

Съ своей стороны, и Амвросій не оцѣнилъ молодого ритора, но принялъ его „съ отеческою благосклонностью". За это расположеніе „полюбилъ" его Августинъ, но не „какъ учителя истины". Августинъ усердно посѣщалъ проповѣди Амвросія, но, какъ риторъ, желая испытать молву о его краснорѣчіи. Какъ знатокъ дѣла, онъ сопоставлялъ христіанскаго епископа съ манихейскимъ епископомъ Фаустомъ, котораго онъ призналъ пустоцвѣтомъ, и пришелъ къ выводу, что въ краснорѣчіи Амвросія было больше „учености" (eruditior), но краснорѣчіе Фауста было привлекательнѣе и занятнѣе. Содержаніемъ же проповѣдей Амвросія Августинъ вначалѣ не интересовался и относился къ нимъ равнодушно. Но *постепенно* его стало занимать и содержаніе проповѣдей. Его радостно поразилъ принципъ, усердно проводимый Амвросіемъ въ его проповѣдяхъ: что буква *убиваетъ, а духъ* животворитъ. Примѣненіе этого принципа къ текстамъ св. Писанія освѣтило послѣднее новымъ свѣтомъ для Августина. Это тотъ самый методъ *аллегорическаго* толкованія, которымъ нѣкогда

стоики пытались внести философскій и этическій смыслъ въ языческую миѳологію. Методъ этотъ былъ уже Филономъ примѣненъ къ Ветхому Завѣту, а затѣмъ—на христіанской почвѣ—Оригеномъ. Съ помощью этого метода, многіе разсказы, дававшіе манихеянамъ желанный поводъ подрывать авторитетъ Ветхаго Завѣта,—напр., многоженство патріарховъ, разсказъ о томъ, какъ патріарху Іакову удалось обманомъ присвоить себѣ право первородства и т. п.,—получали символическій или пророческій смыслъ. Въ особенности важно было для Августина, что этимъ методомъ устранялось главное препятствіе, которое находилъ Августинъ на пути богопознанія въ разсказѣ о сотвореніи человѣка. Какъ часто смущали его манихеяне, и потомъ смущалъ онъ самъ христіанъ утвержденіемъ, что если человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божьему, то надо представлять себѣ и Бога въ человѣческомъ образѣ.

Августинъ, признававшій католическую вѣру совершенно беззащитною протизъ возраженій манихеянъ, убѣдился, что ее можно смѣло защищать; но то, что она въ состояніи выставить ученыхъ защитниковъ, ему тогда казалось еще недостаточнымъ для того, чтобы послѣдовать за ней. Католическая церковь представлялась ему хотя и не побѣжденной, но далеко еще не побѣдительницей.

Сколько разъ Августинъ, послѣ того какъ передъ нимъ раскрылась эта новая перспектива, желалъ имѣть случай побесѣдовать съ Амвросіемъ, посвятить его въ свои недоумѣнія и получить отвѣтъ на свои вопросы. Но самая общедоступность архіепископа препятствовала этому. Онъ былъ почти цѣлый день окруженъ толпой посѣтителей, обращавшихся къ нему со своими дѣлами. Въ этихъ случаяхъ можно было разсчитывать лишь на краткій отвѣтъ съ его стороны. Немногіе часы отдыха Амвросій проводилъ за чтеніемъ св. Писанія. И тутъ всякій могъ къ нему войти безъ доклада. Сколько разъ Августинъ надѣялся застать его ничѣмъ незанятымъ, но такой случай не представлялся. Когда же Амвросій сидѣлъ, наклонившись надъ св. Писаніемъ, то молча, то читая тихимъ голосомъ, который у него легко уставалъ, Августинъ, хотя и долго у него просиживалъ, не рѣшался нарушить его чтенія или размышленій. Пріѣздъ матери, прибывшей въ Миланъ со вторымъ своимъ сыномъ, Навигіемъ, могъ бы, казалось, содѣйствовать сближенію между Амвросіемъ и Августиномъ. Какъ усердная христіанка, она посѣщала всѣ проповѣди архіепископа, и какъ озабоченная мать обратилась къ нему, какъ нѣкогда къ африканскому епископу, съ мольбой спасти

сына. Августинъ ей сообщилъ, что онъ пересталъ быть манихеяниномъ, но и не сталъ каѳолическимъ христіаниномъ, и очень удивился, что она не обнаружила большой радости. Отъ Амвросія она узнала, что ея сынъ находится въ состояніи того внутренняго броженія, „которое врачи называютъ кризисомъ“, и такъ какъ она уповала, что кризисъ окончится выздоровленіемъ, то она „полюбила архіепископа, какъ ангела Божьяго“.

Тѣмъ болѣе удивительно, что мы ничего не узнаемъ о попыткахъ Амвросія содѣйствовать благополучному разрѣшенію наступившаго кризиса.

Августинъ „почиталъ“ впослѣдствіи „Амвросія какъ отца, потому что черезъ его уста главнымъ образомъ Господь избавилъ его отъ заблужденій“. Несмотря на это, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о сближеніи между ними. Даже крещеніе Августина, воспріемникомъ котораго былъ Амвросій, не содѣйствовало этому. Нѣтъ ни одного сочиненія Августина, посвященнаго Амвросію, ни одного письма къ нему, хотя отъ начала ихъ знакомства до смерти Амвросія прошло тринадцать лѣтъ.

Еще въ Римѣ Августинъ жилъ у манихеянъ, „посѣщалъ ихъ „святыхъ“ и пользовался ихъ протекціей; въ Миланѣ же сталъ удаляться отъ нихъ.

Отдѣлившись окончательно отъ манихеянъ, Августинъ начинаетъ относиться къ нимъ очень сурово. Онъ называетъ ихъ не иначе, какъ „обманутыми обманщиками“, „обманутыми и обманчивыми святошами“. Онъ видитъ въ нихъ людей безумно высокомѣрныхъ, слишкомъ одержимыхъ матеріальными представленіями и краснобаевъ. Имена Христа и Параклета не сходили у нихъ съ языка, но были только на языкѣ. Они все твердили: „истина, истина“, но вмѣсто божественной истины подносили ему лишь солнце и луну, и не могли утолить его жажды истины. Яства, которыя видишь во снѣ, похожи на тѣ, которыя бываютъ наяву, но не питаютъ спящихъ. Подобны этому были призрачныя представленія манихеянъ, не имѣвшія въ себѣ никакой реальности. „Полетъ Медеи“ и подобныя басни, восклицаетъ Августинъ, еще предпочительнѣе „пяти стихіямъ соотвѣтствующимъ пяти пещерамъ мрака“ и другимъ небылицамъ манихеянъ.

Вопросы, которыми манихеяне смущали вѣрующихъ, ему кажутся теперь ребяческими. На направленный противъ авторитета Ветхаго Завѣта вопросъ, можно ли считать праведными людей, которые жили въ многоженствѣ, убивали людей и приносили въ жертву животныхъ,— Августинъ отвѣчаетъ замѣчательнымъ разсужденіемъ, заключавшимъ въ себѣ цѣлую философію исторіи.

Онъ указываетъ своимъ бывшимъ единомышленникамъ на истинную справедливость, которая судитъ не по человѣческому обычаю, а руководясь вѣчнымъ закономъ всемогущаго Бога, согласно которому, людскіе нравы слагаются сообразно странамъ и временамъ; лишь невѣжественные люди судятъ и мѣрятъ на свою мѣрку нравы всего человѣческаго рода. „Если въ одномъ мѣстѣ дозволяютъ и даже приказываютъ дѣлать то, что въ другомъ воспрещаютъ и карaютъ,—то развѣ отсюда слѣдуетъ, что справедливость различна и измѣнчива? Не она измѣнчива, а времена, которыми она управляетъ, не однообразно протекаютъ, ибо они—*времена*“!..

Въ связи съ нападками манихеянъ на Ветхій Завѣтъ находились возраженія ихъ и противъ Новаго. Они утверждали, что книги Новаго Завѣта искажены людьми, желавшими удержать еврейскій законъ въ христіанской вѣрѣ. Манихеяне высказывали эти обвиненія лишь между собою, не рѣшаясь выступать съ ними публично, но, какъ упрекалъ ихъ Августинъ, никому даже изъ посвященныхъ не предъявляли подлиннаго, т.-е. безъ вставокъ, экземпляра Новаго Завѣта.

Съ особеннымъ негодованіемъ обрушивается Августинъ на извращеніе манихеянами этики. Исходя изъ представленія о двухъ субстанціяхъ, свѣта и мрака, они признавали въ человѣкѣ двѣ воли, добрую и злую, состоявшія въ борьбѣ между собою. Августинъ приводитъ это утвержденіе къ абсурду въ слѣдующемъ разсужденіи. Когда человѣкъ колеблется, идти ли ему въ манихейское собраніе или въ театръ, они восклицаютъ: вотъ проявленіе двухъ субстанцій, одна влечетъ сюда, другая туда; ибо, какъ иначе объяснить колебаніе, вызванное противорѣчіемъ двухъ воль? „Я—замѣчаетъ на это Августинъ—назвалъ бы и ту и другую волю злою“, и спрашиваетъ, что бы сказали манихеяне, еслибы кто-либо колебался, идти ли ему въ христіанскую церковь, или въ театръ. Имъ пришлось бы или признаться, что рѣшеніе пойти въ христіанскую церковь—проявленіе доброй воли, или же допустить, что въ одномъ и томъ же человѣкѣ могутъ бороться между собою *двѣ злыя* воли.

Подобнымъ образомъ Августинъ безпощадно обличаетъ противорѣчія и „неясности“, въ которыя впадали манихеяне въ примѣненіи принципа состраданія ко всему живому. Онъ прежде вѣрилъ имъ, что когда срываешь фигу съ дерева, то и фига, и самое дерево испускаютъ въ видѣ молочнаго сока *слёзы*, подобныя слезамъ матери и дочери при насильственной разлукѣ. Если такую фигу принести манихейскому святому, то это бу-

детъ богоугодное дѣло, такъ какъ, съѣдая ее, этотъ святой въ своихъ молитвахъ испуститъ частицы божественной субстанціи, заключавшейся въ плодѣ; если же дать фигу голодающему человѣку не изъ манихеянъ, то это будетъ достойное казни преступленіе. „И я, несчастный, также полагалъ, что слѣдуетъ относиться съ большимъ состраданіемъ къ плодамъ, чѣмъ къ людямъ, ради которыхъ они произрастаютъ“.

Когда послѣ своего обращенія Августинъ вспоминалъ о манихеянахъ, онъ „проникался жгучей болью и негодованіемъ противъ нихъ, а въ то же время и состраданіемъ“, выражая желаніе, чтобы они могли, незамѣтно для него, слышать слова псалмовъ, произносимыхъ имъ въ молитвѣ.

В. Герье.

КРЕСТЬЯНЕ

РОМАНЪ.

— *Georges Beaume*, Les Jacques. Paris, 1906.

VI. — Жандармы [1]).

Ѣхавшіе изъ города жандармы казались издали совсѣмъ маленькими на своихъ крупныхъ лошадяхъ. Они ѣхали попарно по бѣлой дорогѣ, и ихъ шашки и перевязи сверкали на солнцѣ. Выѣхавъ на проселочную, ведшую къ Незиньяну дорогу, они прибавили рыси. Жандармы неслись прямо на толпу женщинъ и дѣтей, которая все увеличивалась, собираясь между домомъ мэра и лѣскомъ.

Подъ ними дрожала земля, и трепетъ ужаса смутилъ на мигъ толпу любопытныхъ. Крѣпкія, возбужденныя воздухомъ и просторомъ, лошади звонко ударяли о землю копытами, и топотъ ихъ отдавался въ сумрачныхъ домахъ.

Мэръ, для котораго опасность какого бы то ни было риска миновала, вышелъ изъ дому.

Женщины стали его разспрашивать. Откуда явились жандармы? Кто вызвалъ ихъ? Хорошо распорядились, нечего сказать!

— Боже мой, чего же вы хотите? Меня не слушали! Пусть послушаютъ жандармовъ.

— Насъ хотятъ уморить съ голоду.

— Префектъ опасается насильственныхъ дѣйствій. Я исполняю его приказанія. Если я откажусь, меня уволятъ и назначатъ вмѣсто меня военнаго, съ которымъ шутки плохи.

[1]) См. выше: январь, стр. 194.

Скрежеща зубами отъ гнѣва, женщины присоединились къ своимъ сотоваркамъ, все время стоявшимъ въ боевой позиціи на дорогѣ. Онѣ образовали живую стѣну, преграждавшую путь жандармамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ взывали къ небесамъ, другія осыпали ругательствами жандармовъ, поднимавшихся въ гору шагомъ. Потные, запыленные, съ ремешкомъ у подбородка — всѣ жандармы походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Сердясь, что ихъ потревожили ради стачки „грязноногихъ", которую они считали вздорною, солдаты злобно кривили ротъ подъ щетинистыми усами и недовѣрчиво сверкали глазами по сторонамъ. Женщины и дѣти не трогались съ мѣстъ и дрожали отъ злобы.

Одна изъ нихъ—Большая-Бобылка, громадная, широкая какъ телѣга, съ таліей подъ мышками, громко выкрикивала, заглушая остальныхъ, слова, звучавшія гордымъ вызовомъ. Ея мужественно-круглое лицо, и безъ того всегда блѣдное, совершенно побѣлѣло подъ бѣлымъ чепцомъ, завязки котораго развѣвались за ея спиною.

— Убирайтесь, жандармы! Это васъ не касается. Мы здѣсь— у себя.

Остальныя женщины вторили ея словамъ, ругая жандармовъ, ихъ женъ и дѣтей, которыхъ онѣ разорвутъ на части въ городѣ, если солдаты нападутъ на народъ, защищающій свои права.

Изъ благоразумія жандармы принуждены были остановиться. Ихъ лошади, возбужденныя близостью незнакомой толпы, фыркали и вздымались на дыбы. Бригадиръ безуспѣшно заговорилъ о снисхожденіи.

Снисхожденіе? Милость? Никто не хотѣлъ и слышать о нихъ! Народъ—не бродяги, не тунеядцы.

Бригадиръ разсердился при мысли, что женщины могутъ остановить его въ исполненіи его долга,—это сдѣлаетъ его смѣшнымъ. Выпрямившись въ сѣдлѣ, онъ закричалъ:

— Въ послѣдній разъ приказываю вамъ пропустить насъ!

Лошади стали прокладывать себѣ дорогу среди разгоряченной, дрогнувшей толпы. Опечаленный мэръ, стоя съ заложенными въ карманы руками, ожидалъ дальнѣйшихъ событій.

— Вотъ и мы!—привѣтствовалъ его бригадиръ.—Ждемъ вашихъ приказаній.

— Что тутъ подѣлаешь? Мужчины ушли съ тѣмъ, чтобы вторгнуться въ чужія владѣнія. Надо выгнать ихъ оттуда. Таково приказаніе г. помощника префекта.

— Слушаю!

— Но, пожалуйста, постарайтесь дѣйствовать возможно мягче.

Отрядъ повернулъ и мѣрною рысью спустился подъ гору,

гдѣ онъ раздѣлился на двѣ группы. Одна направилась къ рѣкѣ, другая—къ Турбу. Опѣшившія-было женщины снова принялись клясть богачей, прятавшихся по своимъ погребамъ, и мэра, допустившаго въ ихъ округѣ такое нарушеніе свободы. Онъ попытался успокоить ихъ, уговаривая разойтись по домамъ, но онѣ еще сильнѣе напустились на него, обзывая его измѣнникомъ республикѣ, подлымъ буржуа, плохо скрывавшимъ свою трусливость. Большая-Бобылка повела ихъ въ Турбъ, куда влекла ихъ воля безстрашнаго человѣка—Красной-Головы. Дорогою онѣ видѣли, какъ жандармы ловко пробирались по тропинкамъ, извивавшимся среди полей.

На берегу рѣки крестьяне, не отрываясь, работали въ виноградникахъ. При видѣ жандармовъ они разбѣжались. Жандармы подвигались отъ виноградника къ винограднику, оттѣсняя работавшихъ, которые спѣшили присоединиться къ Красной-Головѣ. Вскорѣ это отступленіе превратилось въ сплошное бѣгство. Всѣ бѣжали въ богатое имѣніе, привлекавшее бѣдняковъ своимъ изобиліемъ; они перекликались на бѣгу и лукаво посмѣивались, гордясь тѣмъ, что произвели революцію въ своемъ Лангедокѣ.

Когда равнина была очищена, жандармы соединились и галопомъ направились къ Турбу, гдѣ добровольцы-рабочіе ожидали ихъ въ молчаніи, не выпуская изъ рукъ своихъ орудій.

Испуганныя смѣлостью мужей, женщины въ суровомъ безмолвіи остановились по-одаль. Жандармы приближались, въ рукахъ бригадира сверкала его шашка.

— Хвастуны! Ослы! Вѣдь сами они изъ крестьянъ!—ворчала Большая-Бобылка.—Они нагоняютъ страху только потому, что у нихъ есть оружіе.

Женщины подхватили ея слова, сопровождая ихъ криками и оскорбительными тѣлодвиженіями.

Вдругъ онѣ изумленно обернулись: прямо отъ деревни отважно бѣжала Жермена. Не отвѣчая на ихъ вопросы, она быстро пронеслась мимо. Избѣгая встрѣчи съ жандармами, она бѣжала черезъ виноградникъ, и онѣ вразбродъ послѣдовали за ней, умышленно топча корни.

Крестьяне, работавшіе на покосѣ, слѣдили за Красной-Головою. Что онъ предприметъ? Онъ ждалъ вопросовъ бригадира, опираясь на заступъ, съ покраснѣвшимъ, полнымъ энергіи лицомъ.

— Г. Виньяль,—обратился къ нему бригадиръ, назвавъ его по случаю такого выходящаго изъ ряду вонъ событія по фамиліи:—призываю васъ къ повиновенію закону. Вы здѣсь—не на своей землѣ. Прошу васъ удалиться. Вы ведете за собою другихъ.

— Пусть же они слушаютъ меня. Я не уйду. Земля принадлежитъ тѣмъ, кто ее обрабатываетъ.

— Старый разбойникъ!—пробормоталъ вскипѣвшій гнѣвомъ бригадиръ, который не могъ допустить оспариваніе своей власти со стороны крестьянина.

Онъ въѣхалъ на поле. Женщины подбирая юбки, мужчины собравъ инструментъ, въ безпорядкѣ отступили, готовясь удирать. Красная-Голова, оставаясь безстрашнымъ, не пошевельнулся. Онъ подпустилъ къ себѣ огромнаго коня, коснувшагося мордою плеча его.

— Уходите, г. Виньяль!—повторилъ бригадиръ.

Крестьяне поколебались, тѣснимые конями, которые, не взирая на старанія всадниковъ ихъ сдержать,—кусались, лягались, обезпокоенные незнакомою толпою оборванцевъ. Съ другой стороны, женщины, укрывшіяся по совѣту Бобылки во вспаханномъ виноградникѣ, выкрикивали ругательства по адресу жандармовъ; онѣ чувствовали себя въ безопасности, зная, что тѣ не рѣшатся пустить лошадей въ виноградникъ среди узловатыхъ корней.

— Исполните вы мое приказаніе, да или нѣтъ?—закричалъ бригадиръ, охваченный дрожью гнѣва, передававшейся и остальнымъ солдатамъ.

Красная-Голова, съ заступомъ на плечѣ, отступилъ послѣднимъ. Онъ оглянулся на товарищей и радостно улыбнулся, увидѣвъ Жермену.

Жандармы спѣшились; двое вели лошадей въ поводу, и отрядъ вступилъ въ виноградникъ; тяжелые сапоги затрудняли шаги солдатъ. Обозленные въ свою очередь, они гнали толпу, крича и грозя ей шашками въ ножнахъ. Возстаніе переходило въ панику, всѣ бѣжали къ усадьбѣ.

Когда они достигли террасы, на ней показался Корнюберъ—спокойный, съ тростью въ рукѣ. Наступила минута колебанія и тревоги.

Хозяинъ отважно шелъ къ нимъ одинъ. Онъ протянулъ руку для того, чтобы водворить спокойствіе. Его выслушали въ благоговѣйномъ молчаніи.

— Бригадиръ, прошу васъ, не прибѣгайте къ насильственнымъ мѣрамъ. Народъ мирно разойдется, я въ этомъ убѣжденъ.

— Нѣтъ, — возразилъ Красная-Голова, — желаете ли вы, г. Корнюберъ, дать намъ работу?

— Кѣмъ вы уполномочены, Красная-Голова?

— Я говорю отъ имени всѣхъ этихъ людей.

— Ну, вотъ я и обращаюсь къ нимъ, къ ихъ здравому смыслу

и совѣсти. Мое достоинство не позволяетъ мнѣ вступать въ переговоры въ виду такихъ безумныхъ манифестацій.

Толпа заревѣла, осыпая хозяина проклятіями. Женщины, обезображенныя злобою, собирались на него кинуться. Бригадиръ изъ осторожности воздерживался отъ вмѣшательства.

Корнюберъ поднялъ трость, готовясь къ защитѣ. Вожди стачки, Желѣзнякъ и Стряпчій, уже напирали на него грудью; Расшибало, крадучись какъ звѣрь, обходилъ его, потрясая тяжелымъ заступомъ, когда Жермена, опираясь одною рукою на плечо Овцы, а другою — на Бобылку, выдвинулась впередъ, и удивленный хозяинъ, узнавъ ее, впервые отступилъ.

— Г. Корнюберъ, простите этимъ людямъ, не желающимъ вамъ зла! — проговорила она, сложивъ руки. Они страдаютъ. Дайте имъ хлѣба. Можетъ произойти несчастье...

— Какъ? Это вы?

Слова Корнюбера затерялись въ шумѣ бури. Толпа рычала отъ злобы противъ него, отъ негодованія противъ Жермены, которую Расшибало оттащилъ ревнивою рукой.

— Нѣтъ,—ревѣлъ онъ, не позволяя Корнюберу прикоснуться къ ней,—не надо намъ прощенія. Мы жить хотимъ!

Жермена отбивалась, готовая кусаться, но ярость бѣдняка удесятерила силы Расшибалы, и онъ увлекъ ее, вмѣстѣ съ другими женщинами, на дорогу, ведшую въ Вальрозъ.

Опьяненные схваткою, жандармы перешли въ преслѣдованіе; они били крестьянъ кулаками, шашками плашмя и очистили отъ нихъ виноградникъ.

— Къ домамъ богачей!—крикнулъ Красная-Голова. Озлобленныя уста подхватили этотъ крикъ, и толпа понеслась въ Незиньянъ—за местью и грабежомъ.

Стоя посреди дороги, Корнюберъ съ отвращеніемъ слѣдилъ за шествіемъ „варваровъ“ по этой веселой, залитой солнечнымъ блескомъ дорогѣ. Жилетъ его былъ разорванъ, рубашка разстегнута на груди, на рукахъ онъ чувствовалъ кровь. Онъ весь еще дрожалъ въ огнѣ стыда и гнѣва. Со своимъ нахмуреннымъ лбомъ и полными, судорожно подергивавшимися отъ мстительныхъ мыслей щеками, выдѣляясь на фонѣ плодоносной долины, онъ походилъ на одного изъ своихъ предковъ-крестьянъ, блуждавшихъ въ рубищѣ по большимъ дорогамъ въ поискахъ земли, которою можно было бы завладѣть, одушевленныхъ властолюбіемъ и жадностью.

Онъ видѣлъ, какъ толпа повернула къ Незиньяну. Корнюберъ сумрачно смотрѣлъ вслѣдъ сынамъ той же расы, своимъ

братьямъ, и между тѣмъ какъ смутный страхъ закрадывался въ его гордую душу, онъ невольно искалъ глазами Жермену, которая, освободясь изъ лапъ Расшибалы и слѣдуя позади толпы, имѣла мужество послать ему рукою привѣтъ—въ знакъ надежды и ласки.

VII.—Бобылка.

Копыта коней застучали о землю, какъ барабанная дробь. Ловкіе жандармы, крадучись, выѣхали вновь на большую дорогу и рысью пустились въ Незиньянъ.

Забастовщики уже были на площади, угрожая домамъ богачей. Красная-Голова указалъ прежде всего на домъ Корнюбера, гдѣ съ двумя перепуганными слугами находилась въ это время его мать, но въ сердцахъ людей уже угасла жалость. Толпа выла отъ злобы; за время голодовки у нихъ назрѣла ярость противъ обитателей роскошныхъ жилищъ. Топотъ лошадей смутилъ ихъ, женшины въ безпорядкѣ отступили.

— Эти жандармы все еще здѣсь? — крикнулъ Красная-Голова.—Пусть убираются! Это не ихъ дѣло.

Размахивая шляпой и руками, онъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу, рискуя быть растоптаннымъ, когда его прервалъ раздавшійся сверху голосъ.

Мэръ Жозефъ Рабіоль, болѣе удрученный, чѣмъ когда-либо, снова проповѣдывалъ изъ окна мэріи о кротости, о спокойствіи. Рядомъ съ нимъ виднѣлось длинное желтое лицо и синіе очки мирового судьи, г. Пракса. Его мало знали въ мѣстечкѣ, но уважали въ виду занимаемой имъ должности, стариннаго буржуазнаго рода и безупречной репутаціи любителя-ученаго. Толпа оробѣла при его видѣ, и жандармы выстроились въ боевомъ порядкѣ: спиною къ кварталу бѣдняковъ, лицомъ—къ мэріи.

— Заклинаю васъ, граждане! — вопіялъ мэръ: — водворите порядокъ! Конечно, вы имѣете право протестовать противъ безцеремонности хозяевъ...

— Долой хозяевъ!

— Повремените одинъ денекъ. Мы придемъ къ соглашенію, увѣряю васъ. Если вы будете благоразумны...

— Нѣтъ, нѣтъ! Долой владѣльцевъ!

Тѣмъ не менѣе, чувство растерянности, утомленія—сказывалось въ толпѣ, особенно — среди женщинъ. Слезныя убѣжденія мэра были по душѣ народу, жаждавшему отдыха. Но судья замѣтилъ, что вожди стачки переходятъ отъ одного къ другому,

стараясь разжечь мужество въ сердцахъ, и онъ вздумалъ поддержать мэра, заговоривъ съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ:

— Въ свою очередь прошу васъ, граждане, не слушать зачинщиковъ смуты. Изберите делегатовъ, мы созовемъ владѣльцевъ. Мы присутствуемъ здѣсь для охраненія законовъ правосудія...

— Человѣколюбія! — отпарировалъ Красная-Голова.

Судья смутился. Женщины — изъ молодыхъ — стали подшучивать надъ старымъ холостякомъ, осуждавшимъ ихъ жизнь, не зная ея.

— Мы хотимъ, чтобы хозяева насъ выслушали, — продолжалъ Красная-Голова: — пусть они откроютъ намъ двери, или мы сами откроемъ ихъ!

— Извините, — возразилъ судья, — вы уже ворвались въ Турбъ. Это слишкомъ!

— Васъ это не касается, — зарычалъ Расшибало, — мы ничего еще не разнесли.

— Убирайтесь! — крикнулъ подзадоренный Желѣзнякъ жандармамъ. — Мы — не воры! Если другіе прячутся, значитъ — мы здѣсь хозяева.

Красная-Голова одобрилъ товарища; женщины стали грозить, что онѣ побросаютъ своихъ дѣтей подъ ноги лошадямъ.

Мэръ и судья стали умолять солдатъ — ограничиться охраною домовъ. Большая-Бобылка съ злою насмѣшкою захлопнула дверь мэріи и заперла ее на ключъ для того, чтобы помѣшать начальству выйти и оказать давленіе на народъ. Среди рукоплесканій толпы, она съ возрастающей смѣлостью кинулась къ жандармамъ, намѣреваясь ударить перваго изъ нихъ.

Тогда, по приказанію бригадира, солдаты развернулись въ линію, оцѣпили площадь и погнали передъ собою народъ по направленію къ его жилищамъ. Раздались крики ужаса и отчаянія; многіе убѣгали, укрываясь въ сараяхъ, въ закоулкахъ. Въ узкихъ улицахъ лошади кое-гдѣ поломали ставни, опрокинули и смяли стоявшія на подоконникахъ кострюльки. При видѣ этихъ убытковъ женщины освирѣпѣли, и одна изъ нихъ, схвативъ кухонный ножъ, принялась наносить лошади удары по крупу. Лошадь взвилась отъ боли на дыбы и едва не сбросила сѣдока. Это причинило въ узкой и вонючей улицѣ нѣкоторое разстройство среди жандармовъ. Дѣти голосили, мужчины бросали въ солдатъ камнями. Бригадиръ съ трудомъ водворилъ порядокъ; тѣмъ временемъ крестьяне съ удивительнымъ мужествомъ вернулись назадъ, предпочитая смерть униженію и рабству; они стали

стѣною предъ домомъ Красной-Головы. Бобылка — отчасти изъ тщеславія—предводительствовала женщинами.

— Если вы не разойдетесь спокойно по домамъ, мы станемъ стрѣлять!—заявилъ бригадиръ.

Неистовый крикъ негодованія перекинулся съ площади въ узкія улицы, гдѣ вопили дѣти и старики. Людская волна, устоявъ противъ напора жандармовъ, хлынула на нихъ; женщины смѣшались съ мужчинами, силясь ихъ защитить. Бригадиръ поднялъ шашку. Лошади медленно и тяжело подвигались впередъ. Пришлось отступить. Одна Бобылка не сдвинулась съ мѣста, какъ скала, подставляя наступающимъ свою колоссальную грудь. Она не пошевельнулась: лошадь бригадира, которую она схватила за узду, поднялась на дыбы и затѣмъ, опрокинувшись на нее всею своею тяжестью, раздавила огромную женщину, какъ собачонку.

Жандармы попрежнему подвигались въ полномъ порядкѣ, очищая улицы. Нѣсколько человѣкъ бросились на помощь къ Бобылкѣ; она лежала бездыханная, сложивъ руки крестомъ, въ лужѣ крови. Въ суровомъ молчаніи люди перенесли ее въ домъ, смежный съ домомъ Красной-Головы.

Тревога, вызванная этою катастрофою, нашла откликъ даже въ забаррикадированныхъ домахъ. Вездѣ царило устрашающее безмолвіе; теперь каждый человѣкъ могъ опасаться за свою жизнь, всѣ чувствовали, что кровь жертвы пала и на нихъ.

Жандармы, пристыженные своею побѣдою, пустились въ обратный путь. Ихъ никто не преслѣдовалъ. Крестьяне, не исключая самыхъ старыхъ и немощныхъ, спѣшили въ домъ Бобылки. Она лежала на своей широкой кровати въ низенькой комнатѣ, слабо освѣщенной рѣшетчатымъ окномъ. Женщины умыли ей лицо, заложили рану въ черепѣ корпіей. Блѣдная, съ энергичнымъ лицомъ и полуоткрытымъ ртомъ, съ сѣдѣющими волосами, осѣнявшими испещренный правильными морщинками лобъ, она въ шестьдесятъ лѣтъ сохраняла остатки красоты.

Жермена была тамъ—пораженная ужасомъ. Горе женщинъ смягчало ея сердце; сознаніе, что она принадлежитъ къ одной съ ними расѣ, надъ которою нищета тяготѣетъ какъ проклятіе,—возрождалось въ ней здѣсь, въ бѣдномъ жилищѣ работницы. При свѣтѣ этой смерти, случившейся по винѣ мѣстныхъ богачей, она впервые увидѣла ихъ чудовищный эгоизмъ и низость. Она старалась забыть Корнюбера, изъ опасенія, что ей придется проклинать его, какъ проклинали ея товарки другихъ владѣльцевъ.

Женщины, готовившіяся бодрствовать у смертнаго одра, приготовляли свѣчи, святую воду. Жермена, въ качествѣ сосѣдки, и

желая, быть можетъ, загладить свое враждебное отношеніе къ стачкѣ, помогала вмѣстѣ съ матерью—спокойною и кроткою, какъ всегда,—прибирать комнату и покойницу, которую одѣли въ ея лучшее платье.

Вслѣдъ за бурею наступило затишье. Въ теченіе двухъ дней до похоронъ Бобылки во всемъ краю царило зловѣщее молчаніе. Богачи исподтишка выходили изъ домовъ въ часы обѣда бѣдняковъ; судья больше не показывался въ Незиньянѣ, а Жозефъ Рабіоль съ напускною безпечностью исполнялъ свои служебныя обязанности. Порою изъ квартала бѣдняковъ доносился гулъ, похожій на жужжанье разсерженнаго улья. Корнюберъ не изъ трусости, но единственно изъ нежеланія раздражать своимъ присутствіемъ крестьянъ, заперся у себя въ усадьбѣ и запретилъ выходить своимъ рабочимъ.

Наоборотъ, маркизъ, мечтавшій о примиреніи, не разъ заходилъ въ деревню и въ церковь — помолиться за покойницу, за Красную-Голову, за народъ. Наканунѣ похоронъ онъ зашелъ поклониться праху Бобылки. Чувства уваженія и признательности къ бывшему „господину“—взволновали сердце бѣдняковъ. Желѣзнякъ, Расшибало, Разумникъ, шептавшіеся съ жителями окрестныхъ деревень, предложили провести его къ покойницѣ.

Маркизъ смиренно преклонилъ колѣна у гроба, женщины послѣдовали его примѣру. Помолившись, онъ вышелъ въ кухню, гдѣ, встрѣтивъ Красную-Голову, проговорилъ:

— Какое несчастье!

— Тѣмъ хуже. Это не наша вина. Тутъ была, какъ и всегда, провокація.

— Еслибы только люди пожелали быть благоразумными! Еслибы послушали меня! Но я поговорю съ моими друзьями,—обѣщаю вамъ.

— Они глухи! Мы добьемся своихъ правъ лишь съ помощью борьбы.

— Успокойтесь и успокойте вашихъ.

Маркизъ медленно удалился; онъ страдалъ какъ дворянинъ и какъ сынъ народа. Улицы опустѣли. Люди чистили свои лучшія платья, приготовляли вѣнки изъ тростника и полевыхъ цвѣтовъ, трауръ распространился на всѣ дома. Даже бродяги заходили поклониться праху умершей.

Наконецъ наступилъ день похоронъ, дозволившій пролетаріату развернуть всѣ свои силы.

Сильный, вызывавшій лихорадку вѣтеръ—дулъ съ моря. Тучи, громоздившіяся какъ города,—сталкивались и безпорядочно не-

слись надъ равниною. Площадь и улицы кишѣли одѣтымъ по праздничному народомъ, толпившимся среди грязи и пыли. Люди стекались отовсюду; новыя толпы шли изъ окрестныхъ деревень. Лангедокскіе бѣдняки несли дань уваженія и сочувствія своимъ незиньянскимъ братьямъ.

Когда показался священникъ, многіе, за исключеніемъ людей набожныхъ, отвернулись: они видѣли въ немъ хранителя могущества богачей.

Среди молодыхъ дѣвушекъ Жермена выдѣлялась своею красотой. Неужели трагическая смерть Бобылки породнила ее съ народомъ? Расшибало ощутилъ бодрящую радость. Смягченный, онъ постарался приблизиться къ ней, соблюдая свое достоинство; она пристально, но ласково взглянула на него. Мэръ и полевой сторожъ были тутъ же, не столько ради наблюденія за порядкомъ, сколько для того, чтобы польстить своимъ избирателямъ.

Наконецъ показался—покрытый чернымъ сукномъ длинный и широкій гробъ, который не безъ труда несли шесть женщинъ; мужчины обнажили головы, женщины и дѣти перекрестились. Священникъ сталъ читать заупокойную молитву, а вожди народа, въ виду того, что у Бобылки не было родныхъ, заняли мѣста за гробомъ.

Гудящая толпа двинулась впередъ, и въ то время, какъ пономарь поднялъ серебряный крестъ, подъ сумрачнымъ небомъ раздалась глухая дробь барабана, а Желѣзнякъ, къ изумленію большинства присутствующихъ, развернулъ огромное черное знамя.

Видъ этой толпы, сыновъ народа, объединенныхъ въ ихъ скорби и нищетѣ одною мыслью и надеждою, былъ ужасенъ и прекрасенъ въ одно и то же время. Они шли молча, и тяжелый топотъ ихъ ногъ отдавался подъ землею въ самой сердцевинѣ камня, потрясая устои богатыхъ домовъ.

Въ церковь вошли по преимуществу женщины; двери ея остались открытыми, и въ глубинѣ темнаго, освѣщеннаго шестью паникадилами храма, виднѣлись колѣнопреклоненныя женщины и мужчины, окружившіе гробъ, на который были возложены вѣнки. Мужчины, несшіе когда-то въ эту церковь свои молитвы и надежды, ощутили невольное благоговѣніе, хотя въ гордости своей они рѣшили не просить отнынѣ помощи у неба и надѣяться исключительно на себя, любить только свою землю и свой трудъ. Имъ опротивѣла религія богачей, выгодная для нихъ однихъ и поддерживавшая ихъ власть. Ни одинъ изъ богачей не пожелалъ принять участіе въ погребальномъ обрядѣ, на которомъ присутствовала вся деревня. Они все еще прячутся! И народъ съ от-

вращеніемъ думалъ объ этихъ молчаливыхъ, зловѣщихъ домахъ, въ которые войдетъ когда-нибудь, какъ и въ жилища бѣдняковъ — смерть, которая одна даетъ равенство людямъ.

Жермена съ матерью держались поблизости отъ главарей стачки. Расшибало стоялъ передъ Жерменою; она слышала его мужицкій запахъ и видѣла вблизи его красный мясистый затылокъ и жесткіе волосы, внушавшіе ей прежде такое отвращеніе. Покорность Жермены укрѣпляла мужество Красной-Головы, сердце котораго разгоралось дикой радостью и жаждой новой битвы.

Желѣзнякъ отважно поднялъ свое знамя, снова глухо загрохоталъ барабанъ, и шествіе тронулось.

Кладбище было далеко—у подножія лѣсистаго холма между Турбомъ и Майреналемъ. По дорогѣ къ процессіи присоединился маркизъ и, несмотря на безпокойство Красной-Головы, двинулся съ обнаженною головою за гробомъ, шепча молитвы. Крестьяне почувствовали, что этотъ бѣднякъ-аристократъ—душою съ ними. Среди дуновенія нѣжности, обвѣявшаго ихъ сердца, сильный порывъ вѣтра разорвалъ тучи, и небесная лазурь ярко блеснула надъ холмами, надъ усадьбой Корнюбера. Бѣлый, улыбающійся домъ стоялъ закрытымъ, какъ грозная крѣпость, охранявшая власть богатства.

Священникъ вступилъ въ ворота кладбища; толпа ревниво хлынула за нимъ; онъ поспѣшилъ совершеніемъ обряда, опасаясь какого-нибудь кощунства, и, произнеся послѣднюю молитву, удалился.

Люди молча столпились на краю могилы, удивленные тѣмъ, что не могутъ выразить своихъ мыслей. Барабанъ умолкъ; слышался лишь ропотъ вѣтра въ кипарисахъ, похожій на плескъ волнъ. Когда гробъ былъ опущенъ, крестьяне продолжали топтаться на мѣстѣ. Они чувствовали потребность размять руки, излить долго сдерживаемую потребность борьбы. И обернувшись къ Турбу, отъ котораго виднѣлась одна лишь красная крыша, они потрясли съ угрозою кулаками.

— Всему виною этотъ Корнюберъ!—воскликнулъ Красная-Голова.—Будь онъ проклятъ!

Желѣзнякъ прибавилъ:

— Пусть каждый изъ насъ готовится умереть какъ Большая-Бобылка. Она умерла славной смертью. Память о ней сохранится въ краю. Идемте!

— Неужели же и вы не возстанете на вашихъ богачей?—крикнулъ Разумникъ представителямъ сосѣднихъ деревень.

— Да! Да! Конечно! — отвѣтили они. — Но наши богачи боятся. Они даютъ намъ работу.

Затерявшаяся въ толпѣ женщинъ Жермена не замѣтила Расшибалы, подбиравшагося къ ней.

Оскорбительныя слова отца, угрозы бѣдняковъ—снова пробудили ея гордость. Она представляла себѣ Турбъ, въ случаѣ если онъ попадетъ въ ихъ руки, изрѣзаннымъ на мелкія участки, жалкіе, безобразные, соперничающіе другъ съ другомъ. Прости—ея мечты о богатствѣ, если Корнюберъ не будетъ побѣдителемъ въ этой борьбѣ!

Корнюберъ!—Она видѣла мысленными очами статную фигуру человѣка, предлагавшаго ей счастье, достойное ея красоты. Прикосновеніе Расшибалы, взявшаго ее за руку, заставило ее содрогнуться отъ отвращенія, но она покорилась — изъ осторожности. Ея подруги прижимались къ своимъ возлюбленнымъ, говорившимъ имъ что-то потихоньку. Она кокетливо шла рядомъ съ Расшибалою, подбирая свои юбки, какъ городская барышня.

Люди разошлись по домамъ, спѣша снять свое праздничное платье; Красная-Голова отправился къ мэру, сообщить ему о совѣщаніи съ делегатами сосѣднихъ деревень. Сумерки и холодный вѣтеръ разогнали людей, бродившихъ вокругъ заколоченнаго дома Бобылки. Вернувшись позднимъ вечеромъ отъ мэра, Красная-Голова, уже радовавшійся покорности Жермены, былъ пораженъ, увидѣвъ ее сидящею въ глубокой тоскѣ у огня.

— Что съ тобою?—спросилъ онъ.

Она подняла на него опечаленные глаза, щеки ея были влажны отъ слезъ.

— Ничего!

Онъ вопросительно перевелъ взоръ на жену, казавшуюся противъ обыкновенія сердитою.

— Что съ нашей дочерью?

— Она... Мы съ нею поссорились.

— Почему?

— Потому что... потому что я считала ее преданною намъ, какъ я предана тебѣ. Она насъ обманывала.

— Какъ, развѣ она не за народъ?

— Я—за народъ!—храбро отвѣтила Жермена:—я предана ему душою. Но сегодняшняя фарандола, эти театральныя похороны возмущаютъ меня... И я разсудила...

— А ты способна разсуждать?

— Полагаю,—разъ я въ такомъ возрастѣ, что могу выйти замужъ.

— Ты приводишь меня въ отчаяніе, Жермена.

Красная-Голова, сжимая кулаки, зашагалъ по просторной кухнѣ.

Мать, сердито покосясь на Жермену, пробормотала:

— Знаю я, за кого она собирается замужъ.

— За кого? Не за Корнюбера ли?

— За него самого.

— Громъ и молнія! Такъ это—правда?

Онъ потрясъ Жермену за плечи. Она испустила крикъ боли и гордаго негодованія. Глаза ея сверкнули, и она рѣзко вырвалась.

— Ну, да! Вы угадали. Тотъ, кого я люблю—Корнюберъ.

При этомъ смѣломъ признаніи въ неслыханномъ, по его мнѣнію, преступленіи у Красной-Головы проступила пѣна на губахъ, и въ то время какъ жена его онѣмѣла со страху, онъ продолжалъ трясти Жермену, какъ дерево, крича ей:

— Такъ это правда? Ты не говоришь мнѣ это для того, чтобы взбѣсить меня?

— Это правда. Я люблю Корнюбера, считаю его добрымъ и благоразумнымъ. Пора сознаться въ моей любви.

— Позорная любовь! Преступленіе! Онъ заразилъ тебя.

— Онъ не прикоснулся ко мнѣ.

— Но ты говорила съ нимъ обо мнѣ, о насъ? Вы обмѣнялись признаньями?

— Два раза. Онъ любитъ меня.

— Онъ тебя любитъ? Ему нужно обезчестить тебя, погубить тебя и меня въ глазахъ народа.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Жермена, если ты сейчасъ не поклянешься мнѣ, что порвешь съ этимъ подлымъ буржуа, я выселю тебя изъ дому.

— Тѣмъ хуже. Я не могу лгать. Онъ меня любитъ, я не могу отказаться отъ него.

— Тогда—иди, куда знаешь... Ты больше не дочь мнѣ. Я не хочу быть опозореннымъ.

Жермена тяжело боролась съ собой, искушаемая любовью къ Корнюберу и страхомъ потерять родной домъ.

Въ этотъ рѣшительный мигъ мать ея въ тревогѣ поднялась съ мѣста. Но у нея не хватило духу ни уговаривать Жермену быть благоразумной, ни умолять мужа о снисхожденіи, когда тотъ, взбѣшенный сопротивленіемъ Жермены, потащилъ ее за руку къ двери.

— Ступай, ступай... Ты—чужая намъ.

— Нѣтъ, но я люблю того, кто назначенъ мнѣ судьбою.

— Уходи! Меня еще обвинятъ въ сношеніяхъ съ этимъ буржуа.

Однимъ толчкомъ онъ выбросилъ ее за порогъ въ глухую ночь. И заперевъ за нею дверь, онъ проговорилъ:

— Ты больше не измѣнишь мнѣ.

VIII.—Замокъ Майреналь.

Наступила суровая зима. Замерзшая земля не поддавалась заступу, затвердѣвъ какъ скала. Люди питались картофелемъ, каштанами, горохомъ. Нѣкоторымъ пришлось продать своихъ муловъ иословъ, годами жившихъ у нихъ домашнихъ животныхъ. Бѣдняки приходили къ богачамъ просить работы; они рубили лѣсъ, чистили погреба и мусорныя ямы.

И все же, несмотря на рѣзкій холодъ, отъ котораго трескалась кора молодыхъ деревьевъ и красныя лица винодѣловъ, — Лангедокъ улыбался голубому небу. По вечерамъ крестьяне собирались въ менѣе холодныхъ домахъ и въ видѣ утѣшенія говорили объ освобожденіи. Увидятъ ли они сами воочію тотъ день, возвѣщенный апостолами соціализма, въ который земля станетъ достояніемъ всѣхъ? Любимая, сіяющая красотою земля, рождающая цвѣты и плоды, будетъ принадлежать всѣмъ! Люди упьются солнцемъ—какъ счастьемъ. Не станетъ болѣе бѣдныхъ. Вскорѣ исчезнутъ и злые люди, когда хлѣба и мяса хватитъ на всѣхъ.

Но для преобразованія земли въ садъ изобилія и мира, въ которомъ люди станутъ свободными какъ птицы, необходимо дозволеніе высшей власти, законъ. Получится ли такой законъ изъ Парижа,—Парижа, болѣе далекаго отъ Лангедока, чѣмъ тучи въ небесахъ? Бѣдняки слишкомъ долго вѣрили въ чудеса для того, чтобы не вѣрить теперь, не взирая на всѣ свои разочарованія, въ справедливость всемогущихъ вождей своей республики.

Во время долгихъ зимнихъ вечеровъ крестьяне толковали также объ исчезновеніи Жермены, непостижимомъ исчезновеніи, принимавшемъ размѣры романической драмы. Красная-Голова писалъ своимъ многочисленнымъ родственникамъ, обыскалъ окрестности. Никто не видалъ Жермены. Всѣ знали, однако, что она не настолько глупа и слабовольна, чтобы покончить съ собою. Расшибало предполагалъ, что Корнюберъ прячетъ ее у себя, но Красная-Голова долго не допускалъ возможности такого оскорбленія его чести. Когда Корнюберъ отправлялся по вечерамъ въ

клубъ или на почту, мальчишки швыряли въ него камнями, крестьяне угрожали ему во тьмѣ, и онъ никакъ не могъ распознать въ лицо своихъ оскорбителей.

Окруженный подозрѣніями и ненавистью, онъ выходилъ изъ себя, сознавая свое безсиліе и свою все возрастающую уязвимость. Поэтому за послѣднее время онъ сблизился не съ равными себѣ богатыми землевладѣльцами, которыхъ онъ презиралъ за трусость, а съ маркизомъ де-Майреналь, отвлекавшимъ его отъ злобныхъ мыслей своими рѣчами о терпѣніи и милосердіи.

Однажды, въ туманный день, когда холмы исчезали за дымкою и потому долина казалась обширнѣе, маркизъ пригласилъ его къ себѣ въ замокъ. Среди этихъ величавыхъ стѣнъ маркизъ былъ у себя и не безъ торжества показывалъ богатому буржуа громадный каменный остовъ, подавлявшій современнаго человѣка. Онъ провелъ его по холоднымъ корридорамъ, свѣтлымъ и темнымъ закоулкамъ, по высокимъ покоямъ, смотрѣвшимъ въ небо громадными окнами и ожидавшимъ лишь оттуда своего возрожденія.

Голосъ маркиза побѣдоносно звучалъ подъ сводами, когда онъ вызывалъ въ памяти толпы слугъ и вопновъ, защищавшихъ, подъ предводительствомъ храбрыхъ вождей, свой плодоносный край, сдѣлавшійся послѣ революціи добычею нѣсколькихъ алчныхъ спекуляторовъ.

Въ томъ крылѣ замка, гдѣ жилъ онъ самъ, и гдѣ были собраны благоговѣйною рукою старинное оружіе, утварь, произведенія искусства, вышивки и драгоцѣнности, которыхъ нельзя пріобрѣсти за деньги, маркизъ весь трепеталъ отъ горделиваго чувства, и Корнюберъ, созерцая эти реликвіи славнаго прошлаго, смиренно молчалъ: умъ и сердце его были взволнованы.

Графиня Сюзанна прислушивалась изъ своей компаты къ ихъ шагамъ. Съ нѣкотораго времени она охотно посѣщала Турбъ. Корнюберъ уже не уклонялся отъ бесѣдъ съ нею, такъ какъ образъ Жермены не преслѣдовалъ его болѣе. Присутствіе дѣвушки на похоронахъ Бобылки поразило хозяина Турба; затѣмъ, не предупредивъ его ни однимъ словомъ, она исчезла невѣдомо куда, быть можетъ измѣнивъ этимъ дальнѣйшую судьбу ихъ рода. Близъ нея онъ и въ этомъ домѣ былъ бы окруженъ атмосферою недовольства бѣдняковъ, завистью, возмущеніемъ.

Здѣсь, въ замкѣ, онъ, наоборотъ, чувствовалъ себя въ безопасности отъ угрозъ; онъ исполнялся духомъ вѣры и надежды, очищавшимъ его отъ матеріальныхъ заботъ. Вблизи аристократовъ онъ также чувствовалъ себя аристократичнѣе.

— Пойдемте къ моей дочери.

Графиня, сидя за рѣзнымъ столикомъ, читала книгу, бросая по временамъ взгляды въ окно.

Въ своемъ сѣромъ, съ небольшимъ трэномъ платьѣ, графиня граціозно поднялась навстрѣчу Корнюберу, проговоривъ:

— Милости просимъ!

— Благодарю васъ, графиня. Теперь я хорошо знакомъ съ вашимъ замкомъ.

— Ахъ, да! Вѣдь вы, дѣйствительно, впервые осматриваете его весь? Какъ этому громадному зданію недостаетъ жизни! Но, можетъ быть, она еще вернется въ него.

Корнюберъ покраснѣлъ отъ смущенія при этомъ намекѣ, приглашавшемъ его соединить силу недавняго богатства съ величіемъ и славою прошлаго. Онъ чувствовалъ также въ этихъ смѣлыхъ словахъ нетерпѣніе любви, но его крестьянская скромность, его безсознательное смиреніе не позволяли ему обольщаться черезчуръ блестящими мечтами. Онъ молча сѣлъ возлѣ нея, и она продолжала:

— Во всякомъ случаѣ мы съ отцомъ оба стараемся сохранить то, что составляетъ душу этого замка.

— Увы!—прошепталъ онъ:—народъ утратилъ свою.

— Потому что всѣ льстятъ его грубымъ инстинктамъ, и никто не указываетъ ему его долга. Всѣ его боятся.

— Только не я.

— Это правда, г. Корнюберъ, и позвольте вамъ сказать, что я восхищаюсь вашимъ мужествомъ и присущимъ вамъ сознаніемъ вашей власти. Притомъ, въ настоящее время, крестьяне, понявъ, что вы не уступите, успокоились.

— Успокоились по наружности. Когда придетъ рабочая пора, они проявятъ всю свою дерзость. Ахъ, этотъ Красная-Голова!

— Да, въ немъ все дѣло,—вздохнула графиня.

У обоихъ мелькнула мрачная, еще болѣе омраченная сумерками мысль не о зачинщикѣ стачки, но объ его дочери—этомъ молодомъ и прекрасномъ дикомъ существѣ, съ ея неподдающейся анализу, но гибкою натурой, въ которой смѣшивались крестьянская кровь и болѣе развитой умъ, управляемые непокорною волей.

Покуда они въ замѣшательствѣ молчали, маркизъ благодушно замѣтилъ, что, Богъ дастъ, все устроится: хорошій урожай поправитъ дѣло, крестьяне снова заживутъ богато.

Оптимизмъ маркиза сердилъ его дочь. Она ласкала вла-

дѣльца Турба взорами, съ тайнымъ желаніемъ быть предпочтенной, несмотря на свои года, этой крестьянкѣ, таившей подъ внѣшней привлекательностью завистливый, тревожный духъ злобы, свойственной бѣднякамъ. Корнюберъ пріятно улыбался, польщенный вниманіемъ аристократовъ. Онъ выразилъ надежду заслужить ихъ уваженіе и оправдать довѣріе.

— Не сомнѣваюсь въ этомъ, милый другъ, — сказалъ маркизъ: — въ настоящее время въ Лангедокѣ нѣтъ ничего такого, чего бы вы не могли добиться.

— Вы здѣсь — хозяинъ, — добавила Сюзанна, протягивая ему руку.

Корнюберъ поспѣшно простился для того, чтобы не выказать слишкомъ ясно своего удовольствія по поводу этого пріема, хотя обыкновенно онъ совсѣмъ не дорожилъ мнѣніемъ людей о себѣ.

Дождь прекратился. Корнюберъ ускорилъ шаги, торопясь разсказать матери о любезномъ вниманіи къ нему маркиза де-Майреналя и его дочери. Небо низко нависло надъ долиною, съ деревьевъ и камней падали крупныя капли.

Но въ его зажиточномъ буржуазномъ домѣ въ Корнюберѣ снова пробудился крестьянскій духъ, — и чувство гордости отъ союза съ замкомъ сразу отпало, какъ недозрѣлый плодъ. Среди тишины рабочаго кабинета, гдѣ столько было продумано и сдѣлано, ему предсталъ во всемъ очарованіи родныхъ небесъ и долины образъ Жермены, поцѣлуй которой былъ такъ же нѣженъ, какъ свѣтъ и тепло ихъ родины. Борясь противъ охватившаго его влеченія, онъ прошелъ въ будуаръ матери, чтобы передать ей о сдѣланномъ ему пріемѣ. Оба были польщены въ своей наивной гордости, но на слѣдующій же день Корнюберъ позабылъ о своихъ мечтахъ и вернулся сердцемъ къ Жерменѣ, уроженкѣ крестьянскаго Лангедока.

На деревнѣ скорѣе инстинктомъ, нежели умомъ, люди чувствовали необходимость ихъ брака—въ виду интересовъ бѣдняковъ и богачей. Они убѣдили себя, что Корнюберъ прячетъ Жермену въ своей усадьбѣ. Расшибало много разъ грозилъ, что явится туда за нею,—но по какому праву? Она не подавала ему ни малѣйшей надежды.

Подстрекаемый женою, Красная-Голова рѣшился наконецъ пойти вечеромъ къ владѣльцу Турба, съ которымъ онъ былъ не прочь поговорить съ глазу на глазъ.

Корнюберъ принялъ Красную-Голову вѣжливо, ощущая къ нему нѣкоторое состраданіе. Въ рабочемъ кабинетѣ царила уми-

ротворяющая тишина; бронзовая лампа освѣщала на краю стола сильныя руки Корнюбера. Красная-Голова, сидя напротивъ него въ креслѣ, приступилъ къ объясненію.

— Вамъ извѣстны здѣшніе толки и пересуды. Дочь моя исчезла. Никто не вѣритъ въ ея смерть. Мэръ, судья, мы сами всюду напрасно искали ее. Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы ее похитили.

— Я? Возможно ли, чтобы вы, умный и опытный человѣкъ, могли раздѣлять подобныя подозрѣнія? Васъ ослѣпляетъ ненависть.

— Позвольте...

— Разсудите спокойно. Для того, чтобы совершить такое дѣло, надо быть большимъ глупцомъ. Я поставилъ бы себя въ ложное положеніе передъ закономъ, какъ разъ въ такое время, когда мнѣ отовсюду угрожаютъ. Полноте! Надъ вами смѣются, васъ возбуждаютъ противъ меня.

Отвѣты Корнюбера, исполненные достоинства и правдивости, еще болѣе подстрекнули гнѣвъ Красной-Головы. Онъ кусалъ губы и вдругъ проговорилъ:

— Вы не станете, однако, отрицать, что любите Жермену?

Корнюберъ, пораженный, пристально посмотрѣлъ на него, колеблясь между желаніемъ сказать правду, сознаться въ своей любви, и нежеланіемъ и боязнью выдать Жермену передъ ея отцомъ, которому ихъ любовь должна казаться преступленіемъ.

— Я люблю ее?

— Вы.

— Я самъ себѣ господинъ и никому не отдаю отчета.

— Но вы не отрицаете того, что она васъ любитъ?

— Ну, что же изъ того? Я не отвѣтственъ за это.

— Неотвѣтственны? Это—одни слова. Еслибы вы не хотѣли, она не искала бы съ вами встрѣчъ.

— Вы пришли сюда для того, чтобы вызвать меня на ссору?

— Нѣтъ, я настолько воспитанъ, чтобы знать, какъ надо держать себя въ чужомъ домѣ. Но я требую объясненія.

— Вы съ ума сошли!

— Я желаю, чтобы дочь моя не приросла къ вамъ душою, какъ кора — къ дереву. Еслибы это случилось, я убилъ бы ее. Но покуда я замѣтилъ, что ваше богатство вскружило ей голову, что она питаетъ какое-то благоговѣніе къ вашей землѣ, частью которой я прежде владѣлъ.

— Я купилъ ее у васъ.

— Конечно. Только того недоставало, чтобы вы силою за-

владѣли ею! Я пришелъ васъ просить, ради насъ обоихъ, чтобы вы не пускали ее сюда.

— Я никогда не заманивалъ ее къ себѣ.

— Тѣмъ лучше. Видъ вашего богатства смущаетъ ее. Велика власть богатства надъ бѣдными людьми! Когда же у насъ не будетъ богачей, а слѣдовательно и бѣдныхъ?!..

Красная-Голова, забывая преступную страсть Жермены, принялся развивать со всею искренностью, шедшею прямо изъ сердца, свои коммунистическія теоріи и рисовать картину будущаго общества, въ которомъ люди, одинаково облагороженные трудомъ, поровну подѣлятъ между собою дары солнца и земли. Корнюберъ, скрестивъ руки, терпѣливо слушалъ его, но Красная-Голова такъ кричалъ и стучалъ кулаками по столу, что на шумъ явилась старая г-жа Корнюберъ.

Передъ этою почтенною, съ кроткимъ лицомъ и сѣдыми волосами дамою, Красная-Голова утихъ и приготовился почтительно выслушать ея упреки.

— Не понимаю, г. Красная-Голова, почему вы такъ ненавидите насъ. Развѣ богатые люди виноваты въ плохомъ положеніи дѣлъ?

— Сударыня, вопросъ теперь не въ этомъ. Я пришелъ изъ-за моей дочери, враждебность которой по отношенію къ моимъ взглядамъ приводитъ меня въ отчаяніе.

— Что же тутъ сдѣлать, если она благоразумнѣе большинства крестьянъ и не ненавидитъ тѣхъ, кому Господь поручилъ— часто не на радость имъ—быть хранителями земныхъ благъ?

— Я не хочу сближенія между нею и вашимъ сыномъ. Вотъ и все.

— Разумѣется, онъ не можетъ жениться на Жерменѣ.

— Не опозоритъ ли онъ себя бракомъ этимъ? Онъ страшно богатъ, и все же я самъ не хочу его въ зятья.

— Не безпокойтесь. Не онъ станетъ добиваться ея руки. Притомъ вы слишкомъ щепетильны. Другіе менѣе щепетильны, да еще такіе, которые имѣютъ за собою славное прошлое...

— Знаю, сударыня. Эти другіе были бы не прочь позолотить свой гербъ.

— Слѣдовательно, мой сынъ не имѣетъ никакихъ притязаній на вашу дочь.

Богатая буржуазка такъ рѣзко отчеканивала свои реплики, что Красная-Голова опѣшилъ. Корнюберъ, раздраженный этими пререканіями, поднялся съ кресла.

— Мама, прошу тебя! Не будемъ говорить объ отсутствующихъ и посвящать постороннихъ въ наши семейныя дѣла.

— Это правда, сынъ мой.

Она сѣла, удивляясь своему раздраженію. Красная-Голова направился къ двери; на порогѣ онъ обернулся, выпрямился, глаза его гордо блестѣли, лицо подергивалось.

— Я честно васъ предупредилъ. Не видайтесь съ моей дочерью. Иначе вамъ обоимъ нагоритъ!

Корнюберъ отвѣтилъ пренебрежительнымъ поклономъ.

Красная-Голова непочтительно нахлобучилъ себѣ шляпу на голову. По дорогѣ онъ разсказывалъ всѣмъ, что буржуа изъ Турба намѣренъ жениться на красавицѣ изъ замка.

Вечеромъ въ домахъ только и было разговору, что о свиданіи двоихъ вождей. Всѣ восхищались мужествомъ и рѣшимостью Красной-Головы среди его испытаній, и похвалы снова опьянили его.

На слѣдующій день, сѣрымъ утромъ, онъ везъ домой хворостъ со своей земли, когда ему встрѣтился Азэма съ такимъ же возомъ.

Дорога была узкая, огороженная высокими заборами. Не сворачивая въ сторону, двѣ телѣги не могли разъѣхаться, и обыкновенно возницы предупреждали другъ друга щелканьемъ бича, но теперь ни одинъ не желалъ, изъ озорства, уступить дорогу другому. Даже сами лошади налѣзали другъ на друга.

Азэма, задыхаясь отъ толщины, заговорилъ первый.

— Твоя лошадь поворотливѣе. Почему ты не сворачиваешь?

— Передъ тобою? Низачто!

— Ты хочешь меня оскорбить?

— Отъѣзжай, или я тебя расшибу!

Красная-Голова хлестнулъ его кнутомъ, но Азэма увернулся, откинувшись назадъ, и въ свою очередь ударилъ Красную-Голову бичомъ. Ударъ пришелся по плечу и возбудилъ въ немъ воинскій пылъ. Соперники принялись хлестать другъ друга почемъ попало, ругаясь, утирая по временамъ кровь съ лица и подстрекая лошадей, вцѣпившихся другъ въ друга зубами. Крикъ, щелканье бичей и ржаніе—стояли въ морозномъ воздухѣ. Лошадь Красной-Головы, большая, худая, одержала верхъ; турбская лошадка, болѣе чувствительная къ боли, подалась назадъ. Телѣга свернула въ канаву.

— Не стоило связываться съ тобою, съ дикаремъ!—проворчалъ сконфуженный пораженіемъ Азэма.

— Дикари управятся съ тобой и со всей твоею шайкою!—съ торжествомъ проговорилъ Красная-Голова, скрывая жгучую боль отъ ударовъ подъ напускною ироніей. На этомъ они разъѣхались.

IX.—Возвращеніе Жермены.

Жермена нашла убѣжище въ домѣ своей кормилицы Виржини въ Севеннѣ. Въ сущности, отецъ съ матерью лишь потому не особенно тревожились ея исчезновеніемъ, что они подозрѣвали правду. Она находилась въ безопасности въ мирной деревнѣ, чуждой всякихъ земныхъ заботъ. Среди неурядицы склоннаго къ подозрительности Незиньяна, они радовались тому, что имъ не приходится слѣдить за ея словами и поступками.

Она провела два мѣсяца среди скалъ и сосенъ, у бѣдняковъ, даже не сознававшихъ въ простотѣ души своей бѣдности. Картофель и каштаны, приправленные хорошимъ настроеніемъ духа, казались ей вкусными. Черный цвѣтъ ея глазъ и яркій цвѣтъ губъ еще болѣе выдѣлялись на ея посвѣжѣвшей смуглой кожѣ.

Но тоска по дому и влеченіе къ Турбу, владѣлецъ котораго обмѣнялся съ нею въ оливковой рощѣ словами и поцѣлуемъ, похожимъ на поцѣлуй жениха,—все это мало-по-малу захватило ее, и она рѣшила, во что бы то ни стало, спуститься въ долину. Согласится ли отецъ принять ее? Виржини возлагала большія надежды на свои просьбы. Жермена разсказала кормилицѣ, что принуждена была покинуть домъ вслѣдствіе размолвки, вызванной ея отказомъ присоединиться къ забастовщикамъ. Виржини, заподозрившая любовную исторію, какой-нибудь грѣшокъ, быть можетъ,—стала тревожиться тѣмъ, что такъ долго укрываетъ дѣвушку въ своей бѣдной хижинѣ. Поэтому она не безъ удовольствія отправилась съ нею въ плодоносную долину, гдѣ когда-то она знавала однѣ радости. Женщины совершили часть пути на крѣпкой рабочей лошади; частью онѣ шли пѣшкомъ по извилистой, весело спускающейся къ рѣкѣ дорогѣ.

День былъ тихій, горизонтъ золотился отъ солнца, какъ стеклянный куполъ. Деревья и кусты уже опушались нѣжной зеленью. Равнины, дороги, отгороженныя изгородями, осѣненныя платанами, кишѣли стадами, телѣгами и телѣжками, землепашцами съ заступомъ на плечѣ.

Стояла весна, пора усиленной работы, очистки садовъ и огородовъ. Сердце Жермены было также, какъ и земля, полно счастья. Она снова видѣла свой родной край, край своихъ мечтаній—такимъ же улыбающимся въ его немного суровой чистотѣ.

Виржини—чтобы не упасть съ сѣдла—придерживалась руками

за плечи Жермены. Она тоже глядѣла съ нѣжностью на тщательно воздѣланную долину, гдѣ могло бы прокормиться все населеніе горъ. Мѣрный шагъ лошади убаюкивалъ ихъ, но и та, почуявъ запахъ конюшни, насторожила уши.

Любопытныя женщины выбѣгали за порогъ; Расшибало, шедшій съ толпою мужчинъ, кинулся-было къ Жерменѣ, съ крикомъ удивленія и радости, но та, не глядя на него, повернула къ площади. Никто не узналъ Виржини, хотя она мало измѣнилась, — развѣ только потолстѣла и подурнѣла, — но въ своей бѣдной юбкѣ, въ запыленномъ платьѣ — она, дѣйствительно, мало напоминала прежнюю толстощекую, веселую, съ лукавыми глазами кормилицу.

Крестьяне сбѣгались со всѣхъ концовъ деревни, чтобы поглядѣть, приметъ ли Красная-Голова свою дочь? Не разыграется ли какая-нибудь драма, которая все перевернетъ въ домѣ вождя стачки и помѣшаетъ народу въ его борьбѣ за право?

Жермена сошла съ лошади у самаго дома и съ наружнымъ спокойствіемъ помогла сойти кормилицѣ. Привязавъ лошадь къ кольцу, вбитому въ стѣну, она направилась въ комнату къ отцу, словно только-что вернулась съ прогулки, когда тотъ, разъяренный, наскочилъ на нее.

— Пожаловала, наконецъ! Ты куда, разбойница?

— Я возвращаюсь домой. Гдѣ мать?

— Здѣсь, дочка! — простонала хозяйка, выглядывая изъ-за плеча мужа.

— Убирайся! Убирайся вонъ! Ты недостойна моего дома.

— Куда же я пойду?

— Туда, откуда пришла.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась въ горы? Кормилица не откажется взять меня къ себѣ.

— Конечно, не откажусь. Но все нужно дѣлать честь-честью, а потому я и привезла ее къ вамъ, Красная-Голова.

— Очень радъ видѣть тебя, Виржини. А Жермену — нѣтъ. Она опять меня обманетъ.

Между тѣмъ женщины и зѣваки, осмѣлѣвъ, подходили ближе, движимые чувствомъ состраданія къ дѣвушкѣ, уставшей съ дороги и трогательно молившей у порога дома о томъ, чтобы ее впустили.

— Я не знаю, отецъ, имѣешь ли ты право меня выгонять? Я не сдѣлала ничего дурного. За что ты ненавидишь меня?

— Ненавижу? Я долженъ былъ бы тебя ненавидѣть. Богачи будутъ довольны вызваннымъ тобою скандаломъ. Входи, что-ли!

Онъ слегка посторонился; первою — не безъ труда — вошла кормилица, второю проскользнула Жермена, бросившаяся на шею матери. Красная-Голова заперъ дверь передъ носомъ любопытныхъ.

Нѣсколько дней Жермена, изъ чувства неловкости или осторожности, не выходила изъ дому. Виржини побывала, наоборотъ, всюду, радуясь встрѣчѣ съ постарѣвшими и впавшими въ бѣдность пріятельницами, и возможности поговорить съ ними о прежнемъ хорошемъ житьѣ-бытьѣ въ урожайные годы. Она осталась у Красной-Головы на нѣсколько недѣль, чтобы наверстать все потраченное ею на содержаніе Жермены. Притомъ стачка винодѣловъ заинтересовала ее. Будучи уроженкою горъ, она не безъ затаенной радости видѣла нищету, въ которую впала эта богатая страна, и отсутствіе вѣры въ наиболѣе уважаемыхъ семьяхъ. Жители Незиньяна перестали бывать въ церкви и оскорбляли мѣстныхъ святыхъ: св. Блэза, св. Рока, св. Афродиза, не сумѣвшихъ поддержать въ нихъ вѣру въ Провидѣніе.

Трагизмъ предстоящей стачки захватывалъ и Виржини. Она чувствовала, какъ въ жилахъ этихъ рожденныхъ въ солнечномъ краю людей зрѣла плодотворная ненависть, подобно тому, какъ растенія наливаются сокомъ, и хотя идея будущаго обновленнаго міра лишь смутно обрисовывалась для нея въ запутанныхъ рѣчахъ крестьянъ, она вся трепетала отъ сочувствія къ бѣднѣйшимъ въ ихъ жалобахъ на жадность богачей. Лихорадка ненависти разросталась вокругъ Незиньяна, охватывая понемногу весь чуткій Лангедокъ.

Въ кофейняхъ, въ виноградникахъ происходили совѣщанія представителей общинъ. Въ мартѣ предстояло начать дѣйствія; въ эту пору землѣ нужны рабочія руки. Она уже пробуждалась во всей своей мощи, готовая къ творчеству; обильные дожди и удобренія размягчили ее, а солнце ласкало теплыми лучами сердцевину растеній, отъ чего древесный сокъ приливалъ къ молодой корѣ деревьевъ.

Хозяева, предчувствуя, что имъ будутъ предъявлены высокія требованія, уже послали за старшими изъ рабочихъ, но старшіе, до полученія инструкцій отъ своихъ, всѣ отказались отъ обсужденія работъ.

Въ первое мартовское воскресенье главари стачки, подъ предсѣдательствомъ мэра, собрались въ лавкѣ Разигада. Рабіоль, стремясь сохранить свою популярность, искренно обѣщалъ имъ, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, содѣйствіе. Помѣщавшійся съ

нимъ рядомъ Красная-Голова имѣлъ видъ почти диктатора. Онъ предложилъ на обсужденіе ту же программу: пріемъ всѣхъ безработныхъ и половины женщинъ, восьмичасовой рабочій день, два литра вина—мужчинамъ, одинъ литръ—женщинамъ, три франка въ день — мужчинамъ, два — женщинамъ, и увольненіе Азэма.

Стряпчій и Странникъ принялись критиковать эти условія, какъ черезчуръ умѣренныя.

— Долой жандармовъ! — сказалъ Стряпчій: — отъ нихъ — всѣ безпорядки.

— Не я вызвалъ ихъ изъ казармъ. Это префектъ.

— Плевать мнѣ на твоего префекта! Скажи ему, что мы сами разберемся въ своихъ дѣлахъ. Но ты не смѣешь пикнуть.

Встревоженный мэръ энергически защищался.

— Я самъ крестьянинъ. Вы знаете, что въ высшихъ сферахъ не очень-то обращаютъ вниманіе на крестьянъ.

Желѣзнякъ проворчалъ, подпирая подбородокъ кулаками:

— Вамъ стоитъ только, г. мэръ, посылать префекту успокоительныя телеграммы, и мы будемъ хозяевами положенія.

— Браво! Браво! — оралъ Расшибало, колотя по сваѣ.

Они пьянѣли отъ рѣчей; толпа за стѣнами лавки росла. При выходѣ, главари стачки объявили о принятыхъ на завтра рѣшеніяхъ.

— Завтра! Завтра! — повторила жадная до волненій толпа.

Расшибало своимъ громовымъ голосомъ, заглушавшимъ гулъ криковъ и смѣха, затянулъ „карманьолу“, и пѣсня нищеты разнеслась далеко по дорогамъ. Возвращавшіеся съ закупками купцы удивленно прислушивались къ ней; почтмейстеръ испугался и затушилъ свой фонарь. Даже Красная-Голова, предписывавшій спокойствіе, горланилъ вмѣстѣ съ прочими.

Расшибало упорно шагалъ рядомъ съ нимъ, надѣясь такимъ образомъ добраться до Жермены, которой онъ еще не видалъ. Онъ выпячивалъ грудь, поглаживалъ свои усищи; все его громадное лицо, съ котораго онъ не думалъ стереть потъ, сіяло торжествомъ.

Жермена, сидя у огня, съ ужасомъ прислушивалась къ шуму; никогда не испытывала она подобнаго страха. Ей казалось, что оскорбленія, сыпавшіяся на голову Корнюбера, относятся къ ней самой. Толпа въ безпорядкѣ бродила по улицамъ и закоулкамъ; дѣти лаяли по-собачьи, мяукали по-кошачьи; женщины приплясывали, безстыдно поднимая юбки; мужчины, чтобы сорвать злобу, опрокидывали телѣжки, выворачивали жернова старыхъ, забро-

шенныхъ мельницъ. Никогда народъ не проявлялъ подобной жажды разрушенія.

Жермена, съёжившись на стулѣ, смотрѣла потемнѣвшими отъ ненависти глазами на дверь, которую горланы, быть можетъ, выломаютъ для того, чтобы объясниться ей въ любви.

Красная-Голова загородилъ собою дверь, крича:—До завтра!

Мужчины съ восторгомъ подхватили его крикъ. Расшибало попытался пролѣзть за его спиною, но Красная-Голова его остановилъ.

— Не сейчасъ. Потерпи. Дочь моя сдастся, когда мы побѣдимъ.

— Вы неправы. Заставьте ее васъ слушаться.

— Ты, первый, меня послушай. Она боится, вѣдь она—мнѣ дочь, я люблю ее.

— Не такъ, какъ я.

Расшибало сжалъ кулаки и ушелъ.

Вскорѣ все въ деревнѣ затихло. Лишь кое-гдѣ слышался дѣтскій плачъ или отголосокъ супружеской ссоры. Огни уже погасли въ окнахъ, когда Жермена осторожно выскользнула на улицу. Отецъ ея—утомленный событіями дня, мать—безучастная, какъ всегда, оба спали. Она скользила вдоль стѣнъ, проворная какъ кошка, ищущая добычи. Въ головѣ у нея еще шумѣло отъ криковъ, и теперь ее пугало мертвое молчаніе. Но желаніе жить какъ хочется, повинуясь влеченіямъ молодости, жить вдали отъ бѣдности—уносило ее, какъ на крыльяхъ, въ сумракѣ ночи.

Корнюберъ! Корнюберъ!—Это проклинаемое толпою имя стало ей еще дороже. Она хотѣла видѣть своего повелителя, выразить ему свой ужасъ по поводу этихъ воплей и оскорбленій, убѣдиться въ томъ, что онъ, какъ и она, вѣритъ въ свою землю, въ свое могущество. Она чувствовала, что окруженный народною ненавистью образъ его растетъ въ ея сердцѣ.

А онъ, быть можетъ, смѣшиваетъ ее съ этими варварами, проклинаетъ ее? На ряду съ тревогою Жермену все сильнѣе охватывала жажда самопожертвованія. Несмотря ни на что, она вѣрила ему потому, что любила его. Ей казалось, что она навѣки побѣдила его своею красотою, своей невинностью, своею гордостью бывшей буржуазки. Она надѣялась на него, на слабость мужчины, котораго любимая женщина волнуетъ очарованіемъ своего голоса, выразительнымъ блескомъ глазъ, благоуханіемъ своего присутствія.

Жермена бѣжала вдоль стѣнъ — невидимая во мракѣ. На площади она замедлила шаги. Домъ его казался необитаемымъ.

Она приложила ухо къ мѣдной замочной скважинѣ, заглянула въ щели ставень.

Ничего. Никого. Ни малѣйшаго свѣта. Онъ, вѣроятно, былъ въ клубѣ.

Посреди этого безграничнаго безмолвія она была единственной живою душой—такою ничтожною! Не сводя глазъ съ оконъ, она сложила руки для молитвы. Все ея сильное, жизнерадостное существо трепетало въ огнѣ любви и тревоги. Чувствуя свое безсиліе, она тихо заплакала.

На улицѣ показались группы людей, шедшихъ изъ предосторожности молча. Это были богачи и скупцы, товарищи Корнюбера, возвращавшіеся изъ клуба. Самъ онъ спалъ у себя въ домѣ, беззаботный, какъ король.

Снова среди глубокой ночи воцарилось молчаніе. Утомленная мыслями и волненіями, Жермена встала. Боясь, чтобы отецъ не заглянулъ въ ея комнату,—что онъ дѣлалъ иногда,—она вернулась домой.

X.—Соперницы.

Въ теченіе двухъ дней хозяева обсуждали предложенія рабочихъ. Сегодня истекалъ послѣдній срокъ. Если они не согласятся, начнется стачка. Крестьяне сидѣли по домамъ въ ожиданіи. Окрестныя сёла тревожно слѣдили за этой небывалою борьбою бѣдныхъ противъ богатыхъ. Послѣ первой побѣды поднялся бы весь Лангедокъ, гордо требуя для всѣхъ равныхъ подъ солнцемъ людей справедливости и жизни.

Солнце попрежнему сіяло во всей своей красѣ. Земля любовно ждала работы сыновъ своихъ. Они точили заступы, лопаты, плуги, чинили рабочее платье.

Вокругъ клуба царила особая тишина. Собственники, собравшись на подобіе совѣта министровъ вокругъ большого стола, толковали битыхъ два часа все о томъ же. Съ перваго же слова Корнюберъ проявилъ свое превосходство: при каждомъ недоразумѣніи всѣ обращались къ нему.

Тамъ были: богачъ Лантиссу—въ старой соломенной шляпѣ, милліонеръ Гаспиль-Жиго, скупецъ, таившій подъ своею толщиной очень малую дозу великодушія, Латрюффъ—жестокій человѣкъ съ цвѣтущею наружностью весельчака и кутилы, Балатье, Лагренель — аристократы отъ бакалеи. Характеры ихъ сразу обрисовались въ минуту опасности: гуманисты, скупцы, трусы.

Всѣ они склонялись къ нѣкоторымъ уступкамъ, которыя могли бы

обмануть бѣдняковъ на время рабочей поры. Почти всѣ они, въ своей инстинктивной ненависти къ аристократамъ изъ замка Майреналь, рѣшили, что Корнюберъ долженъ жениться на дочери Красной-Головы, который, не взирая на свои протесты, будетъ гордиться тѣмъ, что войдетъ черезъ свою дочь въ усадьбу Турбъ.

— Пусть Корнюберъ рѣшаетъ: хочетъ онъ насъ спасти или нѣтъ?—объявилъ Латрюффъ послѣ шестого стакана.

— Какимъ это образомъ?

— Не сердитесь. Всѣ говорятъ, что красивѣйшая дѣвушка въ краю, притомъ изъ буржуазной семьи, нѣжно поглядываетъ на васъ, и что, будучи дѣвушкою честной, она ждетъ, что вы на ней женитесь. Если вы дѣйствительно подавали ей надежды, почему бы вамъ не осуществить ихъ? М-lle Жермена — не надо этого забывать—дочь предводителя стачки.

Корнюберъ вздрогнулъ отъ гордой радости при мысли, что равные его поощряютъ его любовь. Но онъ, ничего не боявшійся, смутился въ присутствіи маркиза и отвѣтилъ, опуская глаза:

— Вы, безъ сомнѣнія, шутите?

— Ничуть. Это кажется мнѣ вполнѣ естественнымъ.

— Разумѣется, — добродушно поддержалъ его Лантиссу:— m-lle Жермена не была бы чужою среди насъ. Наши дамы находятъ ее прелестной.

— Притомъ видно, что она не якшается съ народомъ,— прибавилъ одинъ изъ говорившихъ.

Корнюберъ оглядѣлъ ихъ съ полу-недовѣрчивой, полу-довольною улыбкой.

— Въ настоящее время не въ этомъ дѣло, — проговорилъ онъ тихо.

— Наоборотъ,—настаивалъ Латрюффъ:—если вы женитесь на этой дѣвушкѣ, васъ перестанутъ ненавидѣть. А ненавидятъ именно васъ, и эта ненависть переносится на всѣхъ насъ.

— Пустяки! Не васъ самихъ—ненавидятъ деньги и власть, которыя вы олицетворяете! — воскликнулъ маркизъ, то нервно теребя свою бородку, то поглаживая рукою мраморъ стола.

Въ своемъ униженіи бѣдняка онъ молча выслушивалъ низкія заигрыванія этихъ буржуа съ Корнюберомъ. Его терзало чувство презрѣнія къ этимъ сыновьямъ лакеевъ и страхъ, чтобы Корнюберъ не уступилъ, поступившись своею совѣстью. Надменный, какъ всегда, съ этими людьми, преклонявшимися передъ властью и богатствомъ, маркизъ воскликнулъ:

— Да! Всѣ вы ошибаетесь. Что такое для народа возвы-

шеніе дѣвушки, которую онъ не любитъ, и униженіе перваго человѣка среди насъ? Если глава стачечниковъ переступитъ порогъ одного изъ богачей,—мы погибли.

— Ба! Глупости!

Буржуа прервали гнѣвную рѣчь маркиза. Будучи эгоистами, они понимали его эгоистическія побужденія: онъ заботился объ интересахъ своей дочери.

Корнюберъ остановилъ ихъ.

— Простите. Это—частное дѣло, касающееся меня одного. Вы знаете, въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ нужно принять рѣшеніе, я не нуждаюсь ни въ чьихъ совѣтахъ.

Они продолжали безсовѣстно льстить ему, восхищаясь его могуществомъ, удивительной красотою дѣвушки, предназначавшейся ему въ жены. Маркизъ досадливо пожималъ тощими плечами и барабанилъ по столу. Вспыльчивый, съ горячимъ темпераментомъ, Корнюберъ краснѣлъ отъ гнѣва и боли. Онъ пригрозилъ союзникамъ порвать съ ними и внезапно согласился на всѣ предложенныя ими уступки—въ смыслѣ прибавки заработной платы и гарантій, даваемыхъ рабочимъ.

Лантису, Латрюффъ—самые скупые, и тѣ должны были преклониться предъ волею болѣе молодого, чѣмъ они, владѣльца Турба, котораго они еще считали неотесаннымъ мужланомъ. Маркизъ вздохнулъ свободно, и къ нему вернулось его обычное доброе расположеніе духа.

При выходѣ изъ клуба, онъ взялъ Корнюбера подъ-руку и проговорилъ отеческимъ тономъ:

— Народъ будетъ доволенъ вами. Надо подавать ему примѣръ доброты.

— Гм! Онъ потребуетъ большаго.

— Нѣтъ, не думайте этого. Онъ понимаетъ вашу мудрость, вашу гуманность. Если вы станете дѣйствовать въ этомъ духѣ, я ручаюсь, что у насъ скоро будетъ миръ.

Буржуа разошлись по домамъ; одинъ лишь Корнюберъ, жаждавшій воздуха и простора, отправился провожать маркиза.

Вечеръ уже окутывалъ долину и холмы, затушевывалъ зелень лѣсовъ. Бѣдняки потихоньку вышли изъ домовъ, спѣша узнать о рѣшеніи хозяевъ; они собрались въ большомъ количествѣ на площади. Жермена, подъ покровомъ тьмы, также проскользнула въ толпу мужчинъ, которою руководилъ ея отецъ, взобравшійся на камень.

Черезъ четверть часа, неизвѣстно какими путями, люди узнали объ уступкахъ, сдѣланныхъ хозяевами. Сначала они были пора-

жены, затѣмъ ощутили гнѣвъ и стыдъ. Имъ давали ничтожную милостыню.

Жермена узнала, что среди споровъ богачи упомянули о ней, о ея мечтѣ выйти замужъ за Корнюбера, и что Корнюберъ пошелъ провожать маркиза. Сердце ея сжалось отъ ревности, въ глазахъ потемнѣло. Неужели онъ измѣнилъ ей? Неужели онъ изъ тщеславія готовъ жениться на этой „наслѣдницѣ“ Майреналей, не имѣющей ни красоты, ни состоянія, ничего кромѣ истрепаннаго въ теченіе вѣковъ древняго имени?

Она грустно проходила мимо запертыхъ наглухо господскихъ домовъ, когда тяжелая рука опустилась ей на плечо.

Расшибало, нѣжный и серьезный, заговорилъ съ нею тономъ мольбы:

— Наконецъ-то я вижу тебя, Жермена! Неужели ты ничего не хочешь мнѣ сказать? Богачи хотятъ отдать тебя Корнюберу, какъ продажную вещь, какъ скотину. Развѣ ты согласна на это?

— А ты любишь меня?

— Сама знаешь.

— Для меня или для себя?

— Для тебя.

Онъ отважно обнялъ ее, прижалъ къ себѣ; надежда до того опьянила его, что слезы выступили у него на глазахъ. Она рѣзко отстранилась, но въ свою очередь схватила его за обѣ руки.

— Кого изъ нихъ ты сильнѣе всего ненавидишь, Расшибало?

— Корнюбера, конечно.

— Нѣтъ, не его надо ненавидѣть, а тѣхъ—благородныхъ.

— Почему? Корнюберъ всѣхъ сильнѣе, и онъ хочетъ завладѣть тобою. Скажешь,—неправда?

— Не знаю. Если онъ гоняется за мною, то онъ понапрасну тратитъ время. А ненавидѣть надо аристократовъ.

Расшибало, въ припадкѣ непонятной слабости, прислонился къ стѣнѣ. Въ сумеркахъ онъ могъ замѣтить волненіе и тревогу Жермены; его охватилъ страхъ, и онъ спросилъ:

— Ты ревнуешь его къ графинѣ? Она зарится на Турбъ и его хозяина.

Жермена тоже вздрогнула отъ страха и, приблизивъ лицо свое къ лицу Расшибалы, отвѣтила:

— Никто изъ господъ не женится на мнѣ, а я слишкомъ горда для того, чтобы позволить ему натѣшиться надъ собою. Нѣтъ! Но я ненавижу аристократовъ, а графиню—больше всѣхъ.

— Почему?

— Потому что она сѣетъ въ богатыхъ семьяхъ ненависть къ народу. Она—виною того, что зло царитъ въ нашемъ краю, что въ домахъ у насъ—неурядица. Изъ-за нея отецъ мой утратилъ свою доброту, свою разсудительность, и я сама страдаю.

— Я знаю, что она считаетъ насъ негодяями, и думаетъ, что намъ подѣломъ. Но надо истребить прежде всего богачей, владѣльцевъ усадьбъ.

— Ну, что съ тобою спорить! Я думаю, что надо начать съ замка Майреналь.

— Скажи отцу.

— Онъ меня не послушаетъ. Я говорю тебѣ, потому что ты кричишь громче другихъ и сумѣешь повести ихъ на замокъ.

— Я не отказываюсь, но кто мнѣ поручится, что у тебя нѣтъ задней мысли? Ты не хочешь пойти за меня?

— Покуда ни за кого не хочу.

— Но ты меня не отталкиваешь?

— Нѣтъ, если ты послушаешь меня.

— А можно тебя поцѣловать?

Онъ отвелъ ее въ тѣнь. Она послѣдовала за нимъ, пылая гнѣвомъ, опустивъ голову.

Она подставила ему щеки, и онъ, трепеща отъ торжествующей радости, приложился дрожащими губами къ ея щекамъ—плотнымъ и болѣе свѣжимъ, чѣмъ озаренныя солнцемъ растенія.

— Какъ я люблю тебя!—шепнулъ онъ.

— Не забудь же поднять товарищей противъ замка.

— Все сдѣлаю, все, что хочешь. Идемъ!

— Нѣтъ, пусти меня!

— До скораго свиданія.

Онъ присоединился къ толпѣ, которая, утомясь напраснымъ ожиданіемъ, медленно расходилась. Жермена продолжала стоять на мѣстѣ, наблюдая за домомъ Корнюбера, въ окнахъ котораго блестѣлъ огонекъ, но безмолвіе и мракъ, словно таящіе въ себѣ подозрѣніе, въ концѣ концовъ напугали ее,—она пошла къ дорогѣ.

Вдругъ она увидѣла ѣхавшее къ ней навстрѣчу легкое тильбюри изъ Турба. Въ немъ сидѣлъ одинъ Азэма. Дрожа отъ холода и волненія, Жермена спряталась за фонтанъ. Экипажъ остановился у двери Корнюбера, которая, въ отвѣтъ на ударъ мѣднымъ молоткомъ, быстро отворилась. Азэма обмѣнялся съ Корнюберомъ нѣсколькими словами, изъ которыхъ Жермена поняла, что хозяинъ ночуетъ сегодня въ Турбѣ.

Тогда, сгорая гнѣвомъ, Жермена задумала отчаянный посту-

покъ, рѣшивъ пожертвовать своею молодостью и красотою для того, чтобы завладѣть своимъ властелиномъ въ этотъ часъ величайшей опасности. Покуда онъ садился въ экипажъ, она побѣжала по дорогѣ, шедшей на Вальрозъ, затѣмъ тропинкою черезъ виноградникъ—прямо къ усадьбѣ.

Въ безуміи своемъ она гнала мысль о томъ, что ея отсутствіе можетъ быть замѣчено дома. Въ случаѣ открытія она можетъ сказать, что слѣдила за замкомъ Майреналь, и завлеченный ею Расшибало подтвердитъ ея слова.

Она радостно бѣжала по знакомой землѣ; въ полѣ, гдѣ отецъ ея выдержалъ натискъ жандармовъ, она прислонилась къ изгороди; грудь ея трепетала, какъ волна подъ дождемъ.

Вдругъ по дорогѣ раздался стукъ колесъ. Лошадь потряхивала время отъ времени бубенчиками, и красные фонари казались глазами чудовища, глядѣвшими на Жермену, какъ на добычу.

Подъемъ былъ крутой. Жалѣя лошадь, Корнюберъ пустилъ ее шагомъ и, чувствуя себя хозяиномъ, весело пощелкивалъ бичомъ.

Жермена выскочила ему навстрѣчу. Испуганная лошадь попятилась.

— Это я! Я!

Онъ стегнулъ лошадь, заржавшую отъ боли, но Жермена схватила ее за узду.

— Остановитесь! Выслушайте меня...

— Нѣтъ!

— Если вы не пустите меня сѣсть въ экипажъ, я дамъ себя раздавить. Я не пропущу васъ.

Она цѣплялась за фонарь, стараясь вскочить на подножку.

— Остановитесь, умоляю васъ!

— Хорошо. Садитесь.

Она быстро сѣла, прижимаясь къ нему, и между тѣмъ какъ лошадь рысью понесла ихъ къ дому, она обвила его руками съ тою страстью, противъ которой чувствовала себя безсильною.

— Я васъ люблю,—говорила она,—и мнѣ страшно.

— Вамъ?

— Да. Въ первый разъ въ жизни я боюсь. Народъ возбужденъ противъ васъ и уже не только на словахъ.

— Ба! Онъ не съѣстъ меня, какъ не съѣстъ и мою землю.

— Если онъ не можетъ забрать землю, то легко можетъ уничтожить ненавистнаго человѣка. Но я васъ люблю. Я не хочу, чтобы случилось несчастье.

— Жермена!

Лошадь медленно подвигалась по песчаной дорогѣ при свѣтѣ мѣсяца, игра котораго, должно быть, забавляла ее; она сворачивала въ борозды, гдѣ спали ласточки. Надъ дикими изгородями изъ кустарника вверху тамъ и сямъ поблескивали звѣзды.

Поднялся вѣтеръ; онъ гналъ съ горъ злыя тучи, и по долинѣ, которая сильнѣе благоухала въ этотъ часъ, пробѣгала лихорадочная дрожь. Холмы становились похожими на смутныя движущіяся тѣни. Мѣстечко также приняло видъ громадной скалы, съ которою собиралась сразиться туча.

По мѣрѣ приближенія къ усадьбѣ, въ виду надвигающейся печальной и грозной тѣни, Корнюберъ заговорилъ болѣе серьезнымъ тономъ:

— Сойдите, Жермена. Будьте благоразумной.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу. И я очень благоразумна.

— Смотрите! Вы знаете, что покуда вы были въ горахъ, меня обвиняли въ томъ, что я прячу васъ у себя, какъ сокровище.

— Я знаю. Мнѣ все равно. Я хочу быть вашимъ сокровищемъ, которое вы дѣйствительно спрятали бы у себя отъ всѣхъ и... навсегда.

— Прятать васъ у себя? Это было бы обманомъ и безумствомъ. Я этого не сдѣлаю.

— Тѣмъ хуже. Я остаюсь у васъ.

— За вами придутъ сюда.

— Вы не выдадите меня никому—вотъ и все.

— Послушайте, это невозможно. Если вы не боитесь себя скомпрометировать, неужели вы хотите возбудить противъ себя общую ненависть?

— Тѣмъ хуже, если я васъ скомпрометирую. Я не могу, не должна болѣе васъ оставлять. Нѣчто сильнѣйшее меня велитъ мнѣ охранять васъ, наблюдать, въ моихъ собственныхъ интересахъ, за вашими словами и поступками...

— Чего же вы боитесь?

— Всего! Всего! Пусть я лучше умру, чѣмъ потеряю васъ.

— Ну, если вы отказываетесь сойти, я поверну лошадь и отвезу васъ въ деревню.

Корнюберъ потянулъ за поводья, но она остановила его—растерянная, умоляющая.

— Нѣтъ, нѣтъ, не въ деревню... Я должна что-то сказать вамъ.

Утомленный борьбою съ дѣвушкою, которая, не взирая на

свое безуміе, нравилась ему, онъ уступилъ. Притомъ онъ опасался, чтобы, въ случаѣ сопротивленія, она не надѣлала какихънибудь глупостей, которыя еще сильнѣе возбудили бы людей противъ него. Эти любовныя и денежныя битвы, которыми судьба удручала его потому, что онъ былъ богатымъ человѣкомъ, порою вызывали въ немъ отвращеніе.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—вы войдете съ тѣмъ, чтобы довѣрить мнѣ ваши тайны, но будьте благоразумны.

— Не бойтесь. Я знаю, чего хочу.

Они остановились у террасы. Корнюберъ, плѣняя Жермену своею любезностью, сошелъ первый для того, чтобы подать ей руку.

— Подождите меня одну минуту, Жермена.

— Пожалуйста. Я не боюсь остаться здѣсь одна. У васъ я никогда не стану бояться.

— Дитя!

Держа лошадь за уздечку, онъ отвелъ ее съ экипажемъ на ферму и, вернувшись назадъ, однимъ прыжкомъ очутился на террасѣ. Жермена съ прежнею рѣшимостью схватила его за руку.

— Мы будемъ одни?

— Да. Но Азэма́ скоро вернется изъ деревни.

Тучи неслись съ горъ—густыя, разбросанныя, подобныя кустамъ; онѣ отбрасывали черныя тѣни на долину, на деревни, лѣпившіяся по склонамъ холмовъ. Шумѣли оливковыя, еще сѣроватыя деревца, наклоняемыя порывами вѣтра.

Усадьба, расположенная на горѣ, въ центрѣ обширныхъ владѣній, блистала мертвенною бѣлизной. Луна струила лучи свѣта на дорожки, извивавшіяся подобно ручейкамъ.

Корнюберъ отворилъ массивную дверь. Жермена, держась позади него, вошла съ чувствомъ почтенія и благоговѣнія въ этотъ домъ, котораго она не видѣла съ дней своего дѣтства и который облагородило богатство.

Они молчали. При свѣтѣ фонаря, она шла покорно и застѣнчиво. Глаза ея были опущены, и сердце въ ея сильной груди трепетало, какъ птица.

Наконецъ, они вошли въ рабочій кабинетъ, теплый, убранный зеленѣющими растеніями и картинами, съ мебелью, обитою бархатомъ и пурпуровою тканью, въ кабинетъ, устланный коврами,—настоящій домашній рай, о существованіи котораго она не имѣла до сихъ поръ понятія.

Корнюберъ, не взирая на свое мужество, дрожалъ отъ страха.

Чего хотѣла отъ него взбалмошная дочь Красной-Головы? Удастся ли ему отдѣлаться безъ скандала отъ ея приставаній? Онъ не безъ труда зажегъ лампу, хрупкую и красивую какъ роза.

Усѣвшись въ кресло, онъ принялъ улыбающійся, беззаботный видъ.

— Ну, въ чемъ дѣло, Жермена? Говорите прямо.

Она взглянула на него своими прекрасными удивленными глазами, не рѣшаясь высказать то, что было у нея на душѣ. Въ этихъ массивныхъ стѣнахъ она чувствовала себя маленькою и безсильною, какъ залетѣвшая стрекоза, и покраснѣла отъ смущенія.

— Ну, что же вы молчите, Жермена,—въ чемъ дѣло?

— Вотъ въ чемъ,—воскликнула она рѣзко,—не угадываете, что-ли? Вы должны мнѣ сказать: да или нѣтъ. Любите вы меня или не любите?

— Какъ? Ради того, чтобы привести меня къ исповѣди, вы такъ стремились видѣть меня поздней ночью?

— Не смѣйтесь, прошу васъ, не насмѣхайтесь надо мною! Говорятъ, что на собраніи хозяевъ вы отвергли меня, когда одинъ изъ вашихъ упомянулъ обо мнѣ. Говорятъ, что вы пошли съ маркизомъ въ замокъ для того, чтобы ухаживать за его дурою-дочерью.

— Кто это говоритъ?

— Всѣ. А вы всего себя обѣщали мнѣ. Я ревнива. Вы должны оставить меня здѣсь.

— Бѣдная моя Жермена, не волнуйтесь!..

— Любите ли вы меня?

— Да. Вы это знаете. Но въ такое тревожное время нужно быть осторожнымъ. Если я вожу компанію съ аристократами изъ замка, чего же вамъ тревожиться? Это отвлекаетъ подозрѣнія. Народъ возненавидѣлъ бы меня еще сильнѣе, еслибы онъ зналъ, что я хочу овладѣть вами. Зная, что въ этомъ мое счастье, онъ всякою цѣною постарался бы помѣшать этому счастью.

Корнюберъ говорилъ нѣжно и ласково, приближая свое лицо, которое онъ подпиралъ руками, къ Жерменѣ, и глубокій, искренній тонъ его обѣщаній взволновалъ ее до глубины души.

Онъ отважно лгалъ, увѣренный, что дѣлаетъ это ради доброй цѣли. Жермена, очевидно, страдала, чувствуя себя, въ качествѣ дочери бывшаго буржуа, униженной въ своемъ теперешнемъ положеніи, среди обнищавшаго, раздраженнаго народа. Тоска по богатству доводитъ ее до отчаянія. Ощущая къ ней истинную жалость, Корнюберъ готовъ былъ на всевозможныя клятвы, на

всякія обѣщанія, какихъ бы ей ни вздумалось потребовать отъ него.

По мѣрѣ того какъ она успокаивалась, онъ все ласковѣе улыбался, и она тоже улыбалась. Она была счастлива, что видитъ и слышитъ его въ этотъ поздній часъ, въ этой царственной усадьбѣ, куда съ каждою новою зарей неслись ея надежды.

— Такъ это правда? Вы любите меня одну? Значитъ, вы можете оставить меня у себя.

— Это было бы безуміемъ. Что я стану дѣлать съ вами? За вами придутъ. Вашъ ужасный отецъ подастъ на меня въ судъ, и вы будете навѣки потеряны для меня.

— Боже мой!—простонала она:—какое несчастье быть бѣдняками!

И, закрывъ лицо руками, она заплакала.

— Полноте, полноте... Вы—дитя, Жермена.

Онъ не зналъ, что сказать, тронутый ея горемъ — такимъ искреннимъ и наивнымъ. Наступило долгое молчаніе.

Вѣтеръ все быстрѣе кружилъ вокругъ усадьбы. Говоръ рѣки, разлившейся весною, звучалъ все тревожнѣе и взволнованнѣе. Это земля молила горы о грозѣ, которая освѣжила бы поля, виноградники, запыленныя изгороди.

Корнюберъ, подойдя къ Жерменѣ, отвелъ ея руки отъ ея лица и проговорилъ съ добротою:

— Вы неблагоразумны. Ради вашего блага и моего—уходите скорѣе!

Она взглянула на него, сіяя нѣжностью, и повторила:

— Вы любите меня?

— Да, Жермена.

— Значитъ, я могу уйти?

— Да, Жермена. Вѣрьте мнѣ, такъ будетъ лучше,—особенно для васъ. Ступайте!

Она устало поднялась, взволнованная его утѣшеніями, и постаралась сквозь слезы улыбнуться ему.

— Я ухожу. Когда же я вернусь сюда?

Онъ держалъ ея руку и, боясь ее огорчить, не проронилъ ни слова.

На порогѣ террасы они вздрогнули отъ ночного холода и рѣзкаго горнаго вѣтра.

— Гроза!

— Ничего не значитъ. Я добѣгу домой до дождя.

Она слегка нагнулась къ нему. Онъ робко поцѣловалъ ее въ щеки.

— Прощайте!—проговорила Жермена съ рыданіемъ.

Она бѣгомъ побѣжала по дорогѣ.

А Корнюберъ, неподвижно стоя на террасѣ, словно удерживаемый смутною тревогою и угрызеніемъ совѣсти, долго слѣдилъ за ней глазами въ темнотѣ.

Въ деревнѣ всѣ спали, не слыша учащавшихся порывовъ вѣтра, несшихся съ горъ.

Съ франц. О. Ч.

ЛЮСИ

ПОЭМА.

Изъ Альфреда де Мюссэ.

Когда я умру, на могилѣ моей
Вы иву, друзья, посадите...
Пусть блещетъ печальной красою своей...
Лелѣйте ее и ростите...
Люблю ея блѣдный жемчужный нарядъ,
Онъ тихо ласкаетъ и радуетъ взглядъ...
Онъ дѣвственно-юнъ и прекрасенъ...
Пусть такъ же мой сонъ будетъ ясенъ...

* * *

Былъ вечеръ... Мы тихо сидѣли вдвоемъ...
Она наклонилась къ рояли
И нѣжно, чуть слышно играла на немъ
Мотивы любви и печали...
И были тѣ звуки истомой полны,
Какъ лѣсъ передъ близкой грозою,
Несмѣлы, неясны и еле слышны,
Какъ вѣтеръ весенней порою...
А лѣтняя ночь свой душистый покровъ
На насъ надвигала пугливо...
И былъ онъ пропитанъ дыханьемъ цвѣтовъ,
Пестрѣвшихъ въ саду молчаливо...

Зеленые кедры въ старинномъ саду,
И дубъ, и каштанъ, и чинара
Неслышно качались, какъ будто въ чаду,
Какъ будто въ похмельи угара...
Мы замерли... Въ нишу большого окна
Врывалось дыханіе ночи...
А ночь? Та была и темна, и ясна,
Какъ южной красавицы очи...
Задорная юность въ насъ била ключомъ...
Люси, весела и игрива,
Была моимъ свѣтлымъ, желаннымъ лучомъ,
Какъ утро нѣжна и красива...
Волна золотистыхъ прекрасныхъ кудрей
Спадала на станъ ея стройный...
И ясенъ былъ блескъ ея синихъ очей,
Какъ небо невинно-спокойный...
Ея красота опьяняла меня...
Такъ моря лазурныя волны
Пьянятъ и ласкаютъ, зовя и маня,
Задумчивой прелести полны...
Мы долго молчали... Горячей рукой
Касаясь руки ея нѣжной,
Я жадно ловилъ ея взоръ голубой
И обликъ лица бѣлоснѣжный...
И поняли мы въ тотъ божественный мигъ,
Что сердце въ порывахъ не властно...
Не властны и люди въ восторгахъ своихъ,
А юность сильна и прекрасна...
Съ далекихъ небесъ золотая луна
На насъ равнодушно глядѣла...
И нѣгой, и тихою грезой полна,
Люси, словно ангелъ, запѣла...

. . . . . .

. . . . . .

О ты, гармонія, дитя печали!
Языкъ любви, тебя создалъ Зевесъ!
Изъ странъ прекрасныхъ къ намъ тебя прислали,
А въ эти страны ты сошла съ небесъ!..
Языкъ любви, загадочный и сладкій,
Ты полонъ тайнъ, но ясенъ и безъ словъ!
Ты—дѣвушка, которая украдкой
Стыдливо прячетъ первую любовь...

Ея слеза, упавшая случайно
Изъ голубыхъ полузакрытыхъ глазъ,
Такая же божественная тайна,
Какой весь міръ является для насъ...
Романсъ Люси въ душѣ моей влюбленной,
Какъ эха звукъ, въ пространствѣ угасалъ...
И полонъ былъ торжественности сонной
Уже дремавшій и пустынный залъ...
Люси ко мнѣ чело свое склонила,
Невинное, усталое чело...
Оно уже печать тоски носило,
Когда, какъ роза майская, цвѣло...
Ты плакала, а я въ порывѣ нѣжномъ
Къ устамъ твоимъ взволнованно припалъ
И грустный взоръ, и вздохъ твой безнадежный
Душой своей тревожной постигалъ...
И понялъ я, что ты, какъ Дездемона,
Была тогда во власти новыхъ чувствъ...
Я понялъ смыслъ сорвавшагося стона
Съ твоихъ печальныхъ и прелестныхъ устъ...
Прошло, какъ сонъ, сіяющее лѣто...
Ушла и ты въ надзвѣздные края...
Тяжелъ былъ мигъ послѣдняго привѣта,
Когда на вѣкъ съ тобой прощался я...
Я цѣловалъ чело твое нѣмое
И блѣдное, какъ въ тотъ вечерній часъ..
Ты—лилія, не вынесшая зноя
И навсегда покинувшая насъ...
Печаль моя была неутолима:
Съ тобой ушла души моей весна...
Какъ нѣжная улыбка серафима,
Была и смерть, и жизнь твоя ясна...

* * *

О, милая юность! Надежды, мечты!..
Наивнаго сердца признанья!..
Таятся въ васъ перлы святой чистоты
И дивный огонь обаянья!..
Вамъ чужды притворство, измѣна и ложь!..
Вы гордо надъ міромъ царите!

Самъ Фаустъ испытывалъ трепетъ и дрожь,
Когда онъ входилъ къ Маргаритѣ...
А ты, дорогая, прости навсегда...
Миръ праху уснувшей навѣки!..
Ничто не пробудитъ уже никогда
Твои неподвижныя вѣки...
Ничто... никогда! Какъ мучительно жаль,
Что пальчики рукъ этихъ тонкихъ
Уже не заставятъ заплакать рояль
Напѣвомъ задумчиво-звонкимъ!..
. . . . . .
Когда я умру, на могилѣ моей
Вы иву, друзья, посадите...
Пусть блещетъ печальной красою своей!..
Лелѣйте ее и ростите...
Люблю ея блѣдный жемчужный нарядъ,
Онъ тихо ласкаетъ и радуетъ взглядъ...
Онъ дѣвственно-юнъ и прекрасенъ...
Пусть такъ же мой сонъ будетъ ясенъ...

Зинаида Ц.

ЧЛЕНЪ ПАРЛАМЕНТА

РОМАНЪ.

Catherine Cecil Thurston. John Chilcote, M. P.—London, 1906.

VIII *).

Въ жизни каждаго человѣка бываютъ моменты тяжкихъ предчувствій, полнаго отчаянія, а также моменты побѣднаго чувства. Лодеру были знакомы всѣ эти настроенія. Но ничто не могло сравниться съ хаосомъ чувствъ въ ту минуту, когда онъ, одѣтый въ платье другого человѣка, впервые открылъ карманнымъ ключомъ дверь въ домъ другого человѣка.

Онъ продѣлалъ это съ величайшимъ спокойствіемъ. Ключъ безшумно вошелъ въ замокъ; Лодеръ увѣреннымъ движеніемъ повернулъ его, хотя сердце его сильнѣе забилось на минуту. Передняя съ ея тяжеловѣсной, строгой мебелью произвела на него нѣсколько жуткое впечатлѣніе, несмотря на яркій электрическій свѣтъ. Вся отдѣлка была выдержана въ черныхъ и коричневыхъ тонахъ. Стѣны были украшены бронзовыми павлинами съ распущенными хвостами. Перила лѣстницы были чугунныя, также какъ огромный чугунный каминъ.

Лодеръ быстро оглянулся вокругъ себя и пошелъ впередъ. Онъ опять сталъ волноваться, поднимаясь по лѣстницѣ и касаясь рукой холодныхъ перилъ; но съ каждымъ шагомъ его увѣренность возрастала. Наверху лѣстницы сердце у него забилось опять сильнѣе, точно уличая его рѣшимость во лжи. Издали, въ концѣ ярко освѣщеннаго корридора онъ замѣтилъ горничную,

*) См. выше: январь, стр. 281.

которая направлялась какъ разъ ему навстрѣчу. У него закружилась голова. Онъ пересталъ соображать, увѣренный, что теперь сейчасъ все раскроется. Онъ такъ твердо сознавалъ, что онъ именно Джонъ Лодеръ, а не кто другой—несмотря на свою одежду и несмотря на свою смѣлость,—что всѣ другія соображенія теряли силу. Достаточно было одного слова, одной подробности, которая бы его выдала,—и все зыбкое зданіе сразу разрушится. Но ожиданіе катастрофы было такъ мучительно, что онъ почти желалъ скорѣйшей развязки.

Дѣвушка, однако, молча подходила къ нему; молчаніе ея казалось ему такимъ невѣроятнымъ, что онъ невольно тоже пошелъ впередъ. Онъ уже былъ на разстояніи не болѣе аршина отъ нея, а она все еще ничего не говорила. Когда же онъ прошелъ мимо нея, она почтительно отошла къ стѣнѣ. Все это произошло въ нѣсколько секундъ, но это время показалось ему нескончаемо длиннымъ. Страхъ передъ раскрытіемъ тайны перешелъ у него вдругъ въ вызывающее отношеніе къ судьбѣ. Онъ остановился, обернулся и позвалъ дѣвушку. Тамъ, гдѣ онъ стоялъ, было очень свѣтло; лампа висѣла какъ разъ надъ его головой. Когда дѣвушка подошла, онъ рѣшительно поднялъ лицо и подождалъ съ секунду. Она смотрѣла на него безъ удивленія и безъ любопытства.—Что прикажете, сэръ?—спросила она.

— Миссисъ дома?—спросилъ онъ. Другой вопросъ ему не пришелъ въ голову, но и этотъ годился для перваго опыта.

Дѣвушка все еще не выказывала ни малѣйшаго удивленія.—Нѣтъ,—отвѣтила она.—Но она вернется черезъ полчаса.

— Черезъ полчаса? Хорошо.

Онъ твердо пошелъ назадъ, по направленію къ лѣстницѣ, потомъ повернулъ направо и открылъ дверь въ комнаты Чилькота. Дверь открывалась въ короткій широкій корридоръ. Съ одной стороны былъ рабочій кабинетъ, съ другой—ванная и уборная. Все это устройство онъ хорошо зналъ по частымъ и подробнымъ описаніямъ Чилькота, но все-таки чувствовалъ полную неосвоенность; съ этимъ смѣшаннымъ чувствомъ онъ подошелъ къ двери кабинета и открылъ ее.

Въ кабинетѣ былъ зажженъ свѣтъ и топился каминъ. Чувствовалась мирная рабочая атмосфера. Это впечатлѣніе было первымъ, и Лодеръ на секунду подумалъ о томъ, дѣйствительно ли Чилькотъ совершенно добровольно отказался отъ всего этого. Потомъ его вниманіе отвлечено было другими, болѣе важными дѣлами. Въ ту минуту, какъ онъ входилъ, новый секретарь какъ разъ ставилъ какую-то книгу на полку. Увидавъ Лодера, онъ обернулся къ нему.

— Я собираю кое-какія свѣдѣнія о политическомъ положеніи Хорасана,—сказалъ секретарь, взглянувъ на Лодера нѣсколько тревожнымъ взглядомъ.

Это былъ маленькій, робкій человѣкъ безъ всякаго положенія въ обществѣ, но необыкновенно ученый—полная противоположность ловкаго Блесингтона, мѣсто котораго онъ занялъ. Лодеръ выдержалъ его испытующій взоръ, не моргнувъ. Ему стало ясно, что каждая встрѣча съ взглядомъ новаго человѣка будетъ для него источникомъ напряженнаго интереса и даже волненія. Съ этой мыслью онъ подошелъ къ письменному столу.

— Благодарю васъ, Гринингъ,—сказалъ онъ.—Ваша работа очень пригодится намъ.

Секретарь взглянулъ на него нѣсколько удивленно. За двѣ недѣли службы терпѣніе его часто подвергалось тяжелымъ испытаніямъ.

— Я очень радъ, что вы такого мнѣнія,—сказалъ онъ рѣшительно.—А вѣдь сегодня утромъ, если вы помните, вамъ это казалось пустымъ дѣломъ.

Лодеръ снималъ пальто, но остановился на минуту.—Сегодня утромъ?—спросилъ онъ.—Вы говорите, что сегодня утромъ мнѣ это казалось пустымъ дѣломъ?—Онъ хотѣлъ воспользоваться этими словами для своихъ цѣлей. Онъ обернулся къ секретарю.

— Вы еще не знаете меня, Гринингъ,—сказалъ онъ,—и вамъ слѣдуетъ освоиться съ моимъ характеромъ и моими привычками. Дѣло въ томъ, что у меня часто мѣняются настроенія. До сихъ поръ вы меня знали безвольнымъ и непостояннымъ; но я могу, если нужно, быть совсѣмъ другимъ.—Онъ засмѣялся, и Гринингъ присоединился къ его смѣху несовсѣмъ увѣренно. Очевидно, до сихъ поръ Чилькотъ не допускалъ никакой фамильярности въ обращеніи съ секретаремъ. Лодеръ взглянулъ на Гринингъ, и сразу понялъ, что этотъ испуганный, подобострастный человѣкъ очень одинокъ и совершенно не знаетъ жизни и людей.

— Вы устали,—сказалъ онъ ласковымъ тономъ.—Идите спать. Мнѣ еще хочется подумать кое о чемъ. Спокойной ночи!—Онъ протянулъ ему руку.

Гринингъ пожалъ ее, все еще не зная, какъ отнестись къ этому новому проявленію столь сложнаго характера.

— Спокойной ночи, мистеръ Чилькотъ,—сказалъ онъ.—Если желаете, я завтра соберу еще дальнѣйшія свѣдѣнія. Надѣюсь, что сегодняшнюю ночь вы проспите спокойно.

Лодеръ съ удивленіемъ взглянулъ на него, но тотчасъ же вспомнилъ, къ кому эти слова относятся.

— Благодарю васъ, Гринингъ,—сказалъ онъ.—Ваше пожеланіе, кажется, исполнится.

Онъ поглядѣлъ вслѣдъ маленькому секретарю, который тихо, точно извиняясь въ своемъ существованіи, направился къ двери. Потомъ онъ подошелъ къ камину, оперся на него обоими локтями и опустилъ голову на руки. Такъ онъ простоялъ недвижимо нѣсколько минутъ; потомъ руки его опустились и онъ медленно обернулся. За это короткое время онъ все обдумалъ и рѣшилъ, какъ ему дѣйствовать. Легкая нервность, которая сказывалась въ его обрывистой рѣчи и чрезмѣрной ласковости, исчезла, и онъ твердо глядѣлъ въ лицо дѣйствительности.

Успокоившись, онъ сталъ внимательно оглядывать комнату. Все ему здѣсь нравилось: великолѣпная библіотека, яркій свѣтъ лампъ, столъ и стулья, приспособленные какъ нельзя лучше для чтенія, писанія и размышленія. Все это было когда-то и у него, и объ этомъ онъ съ тѣхъ поръ только мечталъ, а тутъ опять его окружилъ прежній комфортъ—только при еще большей роскоши. А роскошь доставляетъ особенно большое наслажденіе, когда человѣку долго недоставало ея. Лодеръ жилъ очень просто и воздержно, и еще три недѣли тому назадъ считалъ себя застрахованнымъ отъ всякаго искушенія,—но вдругъ раздался голосъ жизни, и что-то откликнулось на этотъ голосъ въ его душѣ убѣдительно и громко, заглушая скептицизмъ и тѣмъ самымъ завоевывая себѣ право на существованіе. Это былъ голосъ затаеннаго честолюбія. Но теперь, когда Лодеръ очутился въ новой сферѣ, еще другой, новый голосъ зазвучалъ въ его душѣ. Проснулась любовь къ предметамъ и заглушила послѣдній остатокъ мудрости. Онъ увидѣлъ въ новомъ свѣтѣ все окружавшее его въ кабинетѣ Чилькота; мягкіе ковры, нѣжный свѣтъ, безчисленные предметы роскоши, безполезные, но составляющіе радость жизни своей красотой. Онъ увидѣлъ теперь во всемъ этомъ воплощеніе силы. Прекрасные переплеты книгъ, тихая гармонія обстановки, льстивость и услужливость подчиненныхъ—все это были въ его глазахъ внѣшніе знаки силы. А онъ-то думалъ, что давно забылъ обо всемъ этомъ.

Лодеръ медленно прошелъ по комнатѣ, потомъ взялъ лежавшія на столѣ бумаги и сталъ ихъ разсматривать. Въ нихъ было что-то внушительное; онѣ заключали въ себѣ нѣчто цѣнное и реальное; Лодеру казалось, что въ нихъ—ключъ ко многимъ мучительнымъ вопросамъ. Рядомъ съ бумагами лежала кучка писемъ, аккуратно сложенныхъ одно на другое и еще не открытыхъ. Онъ сталъ ихъ разглядывать. Всѣ они были толстыя и ка-

зались интересными. Онъ внутренно разсмѣялся, вспомнивъ свою собственную скудную корреспонденцію — очень тонкіе конверты или толстые пакеты: возвращенныя рукописи, или же чеки. Разсортировавъ письма, онъ на минуту остановился. Нужно было приняться за чтеніе ихъ, а онъ еще никогда въ жизни не открывалъ письма, адресованнаго другому человѣку.

Онъ все еще колебался и держалъ письма въ рукѣ. Вдругъ на лицѣ его отразилось удивленіе и выжиданіе; онъ поднялъ голову: кто-то стоялъ передъ дверью, которую Гринингъ не плотно прикрылъ. Черезъ секунду Лодеръ услышалъ шелестъ женскихъ юбокъ, нетвердый стукъ въ дверь—и въ комнату вошла молодая женщина.

Она постояла нѣсколько секундъ на порогѣ, потомъ, когда Лодеръ всталъ, не говоря ни слова,—вошла въ комнату. Она видимо пріѣхала съ вечера; перчатки она уже сняла, но на ней было еще длинное манто, отдѣланное кружевами и мѣхомъ.

Въ ту же секунду, какъ она вошла въ комнату, Лодеръ понялъ, что это—жена Чилькота, и неожиданно для себя очень растерялся. Онъ молча продолжалъ стоять у письменнаго стола, потомъ наконецъ повернулся и взглянулъ ей прямо въ лицо.

Она сняла манто и стояла у огня. Ей приходилось проходить черезъ жизнь одной, безъ поддержки, и это отражалось въ самоувѣренности и твердости ея движеній. Но когда она стояла въ своемъ свѣтло-синемъ платьѣ на темномъ фонѣ кабинетной обстановки, то прежде всего поражала своей моложавостью, противорѣчившей первому впечатлѣнію. Лодеръ съ удивленіемъ вспоминалъ слова Чилькота о женѣ, о томъ, что она—холодная и не симпатичная. Напротивъ того, ея появленіе не испугало его, какъ видъ служанки. И все же въ ея чертахъ было нѣчто, еще болѣе тревожившее его, чѣмъ боязнь быть узнаннымъ и уличеннымъ; онъ видѣлъ въ ея глазахъ ласковость, за которой навѣрное скрывалось другое чувство. Но онъ никакъ не могъ сказать, что это за чувство: недовѣріе, сомнѣніе или дѣйствительное отвращеніе.

Лодеръ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ подошелъ снова къ письменному столу и продолжалъ сортировать письма Чилькота. Онъ ждалъ, чтобы жена Чилькота заговорила первая.

Она обернулась къ нему, какъ бы угадывая его мысли.

— Я, можетъ быть, мѣшаю,—сказала она. — Если ты занятъ...

Въ Лодерѣ заговорила вѣжливость. Онъ былъ всегда учтивъ съ женщинами, и теперь опять вспомнилъ старину.

— Ничуть,—отвѣтилъ онъ. — Я только просматриваю мои письма. А ты важнѣе писемъ.

Онъ чувствовалъ, что говоритъ торопливо отъ волненія, но Ева, въ противоположность секретарю, не придала этому значенія. Она достаточно знала Чилькота за шесть лѣтъ замужества.

— Я обѣдала у Фрэдовъ, — сказала она. — И Фрэдъ поручилъ мнѣ поговорить съ тобой.

Лодеръ невольно улыбнулся. Ему казалось невообразимо комичнымъ, что Фрэдъ, знаменитый государственный дѣятель Фрэдъ, состоитъ въ сношеніяхъ съ нимъ. Чтобы скрыть свою улыбку, онъ сталъ пододвигать большое кресло къ камину.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ.—Не присядешь ли ты?

Онъ теперь подошелъ къ ней совсѣмъ близко, и могъ ясно разглядѣть ея черты. Изумленіе его было огромное. Чилькотъ говорилъ объ ея успѣхахъ въ обществѣ, объ ея умѣ, но никогда не упоминалъ объ ея красотѣ; а между тѣмъ красота эта была чрезвычайно оригинальная. Волосы у нея были черные—не блестящаго, а матово-чернаго цвѣта; глаза были большіе и поразительно чистаго синяго цвѣта, рѣсницы очень черныя и густыя. Лодеръ самъ себя поймалъ на изученіи всѣхъ этихъ подробностей.

— Не хочешь ли сѣсть? — повторилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, отрываясь отъ своихъ мыслей.

— Благодарю...—Она съ серьезнымъ видомъ направилась къ креслу, но, проходя мимо Лодера, безсознательно придержала платье рукой, чтобы не коснуться его. Это движеніе ему почему-то было непріятно.

— Что-же Фрэдъ поручилъ мнѣ сказать?—холодно спросилъ онъ.

Вѣрный своей привычкѣ, онъ подошелъ къ камину, оперся на него и пытливо глядѣлъ на нее. Онъ уже не старался закрывать лицо. Ея равнодушіе и безучастіе дѣйствовали на него вызывающимъ образомъ. Онъ помнилъ, что относился самъ съ полнымъ презрѣніемъ къ Чилькоту, но въ первый разъ въ немъ проснулось желаніе проявить свою собственную индивидуальность. Нѣсколько взволнованный этими противорѣчивыми чувствами, онъ сталъ искать портсигаръ въ карманахъ Чилькота.

— Вотъ вѣдь твои папиросы, — сказала Ева, замѣтивъ его движеніе, и протянула ему лежавшій подлѣ нея на столикѣ маленькій кожаный портсигаръ.

— Благодарю. — Онъ протянулъ руку за портсигаромъ, и замѣтилъ, что она взглянула на его кольца. Губы ея полуоткрылись, точно она хотѣла громко удивиться или спросить его, но

она не произнесла ни слова. Этотъ инцидентъ показалъ Лодеру лучше всякихъ словъ, какая пропасть раздѣляетъ мужа и жену.

— Ну, такъ что же съ Фрэдомъ?—спросилъ онъ.

Она выпрямилась и взглянула ему прямо въ лицо, какъ бы собираясь съ силами для труднаго дѣла:

— Мистеръ Фрэдъ, какъ всегда, принимаетъ близкое участіе въ тебѣ,—начала она.

— Или, вѣрнѣе, въ тебѣ?—Лодеръ сказалъ это совершенно тономъ Чилькота, и сразу пожалѣлъ объ этихъ словахъ. Ева сильно покраснѣла. На секунду опять промелькнуло въ ея глазахъ неописуемо-странное выраженіе, удивившее Лодера съ самаго начала, потомъ она снова опустилась въ кресло.

— Почему ты всегда насмѣхаешься надъ моими друзьями?—спокойно спросила она.—Я не обращаю на это вниманія, когда у тебя нервы не въ порядкѣ.—Она слегка запнулась на этихъ словахъ.—Но сегодня ты, кажется, не въ нервномъ состояніи.

Лодеръ почувствовалъ, что краснѣетъ. За исключеніемъ рѣдкихъ вспышекъ м-ссъ Робинъ, смотрѣвшей за его хозяйствомъ, онъ никогда еще не навлекалъ на себя неудовольствія женщинъ.

— Прости, это я не нарочно,—сказалъ онъ.—Я не хотѣлъ обидѣть тебя моими словами.

Ева впервые оживилась. Она взглянула на него съ удивленіемъ.—Если ты искренно извиняешься,—сказала она съ легкимъ недовѣріемъ,—то я съ удовольствіемъ принимаю твое извиненіе. Но...—она остановилась.

Лодеръ не зналъ, какъ ему отнестись къ ея словамъ, и подошелъ опять къ столу, держа въ рукѣ незажженную папиросу. Наступила минутная пауза; наконецъ, чувствуя неловкость молчанія, Ева поднялась. Она взглянула на Лодера, опершись рукой на спинку стула.

— Мистеру Фрэду очень жалко,—она остановилась, подыскивая слова,—что ты становишься безучастнымъ ко всему, что дѣлаешь. Онъ много думалъ о тебѣ за послѣднія три недѣли, съ того дня, какъ тебѣ сдѣлалось дурно въ парламентѣ; и ему кажется,—она опять прервала себя, глядя на Лодера, который отвернулъ голову,—ему кажется, что если ты теперь сдѣлаешь усиліе надъ собой, то и здоровье твое поправится. Онъ увѣренъ, что теперешній политическій кризисъ можетъ сильно выдвинуть тебя. Тотъ фактъ, что твои торговые интересы связаны съ Персіей, придаетъ двойное значеніе каждому твоему слову.—Она все болѣе оживлялась, и голосъ ея становился теплымъ.—Мистеръ Фрэдъ говоритъ, что ты подавалъ большія

надежды въ началѣ твоей карьеры. Онъ сказалъ, что еслибы ты опять сталъ такимъ же, какимъ былъ тогда, то въ успѣхѣ нельзя сомнѣваться.—Она говорила торопливо, точно боясь, что Лодеръ прервете ее насмѣшкой.—Онъ просилъ меня употребить мое вліяніе. Я знаю, что никакого вліянія у меня нѣтъ, но я обѣщала ему поговорить съ тобой, и должна сдержать обѣщаніе.

Слова и голосъ Евы произвели сильное впечатлѣніе на Лодера. Онъ чувствовалъ, какое огромное усиліе она дѣлаетъ надъ собой, и его презрѣніе къ Чилькоту еще усилилось.

— Я рѣшилъ... — началъ было онъ, обращаясь къ ней. Но ему показалось нелѣпымъ давать какія-либо неопредѣленныя обѣщанія.—Я подумаю о твоихъ словахъ,—сказалъ онъ помолчавъ.—Только это я и могу обѣщать.

Ихъ глаза встрѣтились, и она слабо улыбнулась.

— Я и этого не ожидала,—сказала она.—Теперь я пойду. Ты такъ терпѣливо выслушалъ меня,—я очень поражена.—Она опять улыбнулась и протянула руку.

Движеніе ея было привѣтливое, но Лодеру показалось, что въ немъ сказывалось облегченіе, а не привязанность, и онъ замѣтилъ, что ея пальцы только слегка коснулись его руки. Онъ взялъ ея манто, понесъ его къ дверямъ, открылъ дверь Евѣ и передалъ ей манто.

— Я подумаю о твоихъ словахъ,—повторилъ онъ.

Опять она взглянула на него, какъ бы опасаясь насмѣшки; затѣмъ, слегка успокоенная, остановилась у дверей.

— Ты будешь всегда упускать благопріятные случаи въ жизни,—сказала она,—а я буду всегда завидовать тебѣ въ томъ, что судьба тебѣ ихъ даетъ. Обычная разница между мужчинами и женщинами. Спокойной ночи!—Она улыбнулась ему и вышла въ корридоръ.

Лодеръ обождалъ, пока закрылась наружная дверь, затѣмъ прошелъ задумчиво черезъ комнату и опустился въ кресло, на которомъ она сидѣла. Онъ глядѣлъ долго на свою руку, которой касались ея пальцы; затѣмъ онъ поднялъ голову рѣзкимъ движеніемъ.

— Чортъ возьми,—сказалъ онъ, — какъ искренно она его ненавидитъ!

IX.

Лодеръ отлично проспалъ ночь въ постели Чилькота подъ высокимъ балдахиномъ. Строгая пышность обстановки не произ-

водила на него удручающаго впечатлѣнія, какъ на хозяина комнаты. Тяжелая мебель, высокій потолокъ, пышныя драпировки—все такое же, какъ при дѣдѣ Чилькота,—свидѣтельствовали о давно накопленномъ богатствѣ. Это поднимало духъ Лодера. Правда, владѣніе всѣмъ этимъ было для него миражемъ, но онъ радъ былъ и миражу, который могъ заполнить жизнь хоть на одинъ день.

Въ такомъ настроеніи онъ проснулся на слѣдующее утро и лежалъ нѣкоторое время, наслаждаясь удобствомъ постели и радуясь свѣту, струившемуся сквозь оконныя занавѣски. Здоровому человѣку все кажется возможнымъ въ ясный солнечный день. Онъ съ наслажденіемъ вытянулъ руки, съ удовольствіемъ ощущая прикосновеніе мягкаго и тонкаго постельнаго бѣлья. Что говорилъ Чилькотъ?—что лучше жить одинъ день, чѣмъ прозябать всю жизнь. Это вѣрно. Для Лодера жизнь началась только теперь. Онъ улыбнулся безъ всякой ироніи. Въ тридцать-шесть лѣтъ человѣкъ еще въ полнотѣ своихъ силъ; онъ свободенъ отъ крайнихъ увлеченій юности, знаетъ, что слѣдуетъ брать отъ жизни и что оставлять безъ вниманія, знаетъ, что кубокъ нужно пить не до дна, чтобы не чувствовать горечь осадка. Онъ закрылъ глаза и опять вытянулся всѣмъ тѣломъ. Нравственное довольство сопровождалось у него чувствомъ физической пріятности. Сѣвъ на постели, онъ надавилъ кнопку электрическаго звонка, и на зовъ его явился новый слуга.

— Отдерните занавѣси, Ренвикъ,—сказалъ онъ.—Который часъ?

Слуга медленно и аккуратно отдернулъ занавѣси и взглянулъ на маленькіе часы, стоявшіе на туалетѣ.

— Восемь часовъ, сэръ. Я не ожидалъ, что вы такъ рано позвоните.

Лодеръ почувствовалъ упрекъ въ этихъ словахъ; наступила короткая пауза.

— Прикажете подать чашку чаю, сэръ?

— Нѣтъ, я раньше возьму ванну.

На лицѣ Ренвика отразилась нерѣшимость.

— Теплую, сэръ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, холодную.

Онъ ушелъ явно озадаченный. Лодеръ улыбнулся про себя. Онъ не боялся изобличенія со стороны слуги. Чилькотъ, очевидно, ужъ слишкомъ опустился въ своихъ жизненныхъ привычкахъ, и нѣтъ надобности подражать ему. Лодеръ позавтракалъ одинъ, по привычкѣ Чилькота, и затѣмъ прошелъ въ кабинетъ.

Гринингъ поднялся ему навстрѣчу съ такой же поспѣшностью, какъ и наканунѣ.

— Такъ рано за работой?—привѣтливо спросилъ Лодеръ, здороваясь съ нимъ.

Маленькій человѣчекъ просіялъ отъ удовольствія.

— Съ добрымъ утромъ, сэръ,—сказалъ онъ;—вы тоже сегодня рано поднялись. А я было опасался, что у васъ опять разыгрались нервы послѣ моего ухода. Письма ваши я засталъ сегодня утромъ неоткрытыми. Но теперь у васъ уже совершенно свѣжій видъ.

Лодеръ быстро повернулся спиной къ свѣту.

— Письма я дѣйствительно забылъ прочесть вчера,—сказалъ онъ.—Дѣло въ томъ,—онъ слегка замялся,—что ко мнѣ зашла жена, и мы заболтались.

Онъ улыбнулся, подошелъ къ столу и взялъ въ руки пачку писемъ. Гринингъ смотрѣлъ на него, и всякое колебаніе было бы неосторожнымъ въ этотъ моментъ; поэтому онъ сталъ спокойно открывать письма одно за другимъ. Ничего значительнаго въ нихъ не было, и онъ передавалъ ихъ секретарю, чувствуя при этомъ легкое наслажденіе властью. Опять онъ думалъ о томъ, что власть ощущается именно въ мелочахъ.

— Дайте мнѣ записную книжку, Гринингъ,—сказалъ онъ, когда они покончили съ письмами.

При видѣ кожаной книжки съ золотой монограммой „Д. Ч.“ Лодеръ снова почувствовалъ комизмъ своего положенія. Ему вдругъ захотѣлось отказаться отъ своей роли; но онъ опомнился, сдѣлалъ усиліе надъ собой, открылъ книжку и сталъ дѣловито перелистывать ее. Страница, посвященная текущему дню, была вся исписана. Почти на каждой строчкѣ были помѣтки неправильнымъ почеркомъ Чилькота. У двухъ записей сдѣланы были кресты синимъ карандашомъ. Лодеръ обратилъ на нихъ особое вниманіе. Было условлено, что онъ будетъ выполнять во время отсутствія Чилькота только его общественныя обязательства—и, во избѣжаніе недоразумѣній, Чилькотъ и обозначилъ ихъ синимъ карандашомъ. Все остальное—большей частью свѣтскія обязанности—Лодеръ могъ исполнять или не исполнять по своему усмотрѣнію. Всѣ привыкли къ разсѣянности Чилькота, и не удивлялись бы его забывчивости въ мелочахъ.

Но Лодеръ чувствовалъ приливъ энергіи. Онъ быстро прочелъ подчеркнутыя записи. Въ первой значилось свиданіе съ Крэшемомъ, однимъ изъ вліятельныхъ избирателей Чилькота въ Варкѣ, а во второй отмѣчено было условіе завтракать съ Фрэ-

домъ. Свиданіе съ Крэшемомъ возбуждало въ Лодерѣ интересъ, но мысль о завтракѣ съ Фрэдомъ его пугала. Онъ бы меньше боялся предстать передъ королемъ, чѣмъ передъ этимъ знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ. На минуту его самоувѣренность покинула его. Потомъ, по ассоціаціи мыслей, онъ вспомнилъ разговоръ съ Евой наканунѣ, и въ немъ заговорило совершенно новое чувство.

Изъ-за Чилькота его презирала теперь жена Чилькота. Онъ не могъ не сознаться, что это обстоятельство накладывало тѣнь на все остальное. Лодеръ не могъ забыть объ этомъ, и ясно вспоминалъ непріязненное прикосновеніе ея пальцевъ, едва скрываемую враждебность ея взгляда. Это были пустяки, — но гордость его страдала. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ объяснялъ это себѣ. Онъ не придавалъ, конечно, большой цѣны мнѣнію этой женщины, и всякой женщины вообще; но тутъ задѣта была его гордость. Онъ опять подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на улицу, продолжая держать въ рукахъ записную книжку. Что, если онъ заставитъ ее относиться къ нему съ уваженіемъ? Что, если онъ—подъ маской Чилькота—заставитъ ее признать свою силу? Конечно, это вопросъ гордости—и даже не гордости, а чувства собственнаго достоинства. Этимъ объясненіемъ онъ удовлетворился и снова отошелъ отъ окна.

— Отправьте корреспонденцію, Гриннигъ,—сказалъ онъ,—а потомъ продолжайте наводить справки о Хорасанѣ. Намъ, кажется, скоро понадобятся всѣ свѣдѣнія, какія мы только сможемъ раздобыть. До свиданія, я еще зайду сюда потомъ.—Онъ кивнулъ головой секретарю и вышелъ изъ комнаты.

Онъ позавтракалъ съ Фрэдомъ въ его клубѣ, и потомъ они вмѣстѣ направились въ Вестминстеръ. Завтракъ и прогулка были очень знаменательны. За этотъ часъ Лодеръ извѣдалъ многое, о чемъ до того не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Онъ вкусилъ первые моменты истиннаго упоенія,—но испилъ также первую каплю истинной горечи. Онъ видѣлъ въ первый разъ, какъ крупный человѣкъ можетъ проявлять снисходительность къ ничтожному человѣку, въ совершенствѣ сочетая тактъ и доброту. Его это восхищало, и въ то же время онъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ. Двойственное чувство жгло его душу. Онъ ясно сознавалъ, что онъ—Джонъ Лодеръ, человѣкъ, не имѣющій ни гроша денегъ, безъ друзей, безъ настоящаго и будущаго,—и вотъ онъ идетъ по Уайтголю, среди яркаго дня, съ однимъ изъ величайшихъ государственныхъ людей въ Англіи.

Когда онъ и Фрэдъ вошли въ парламентъ, дверь на террасу

была открыта. Туда повели нѣсколькихъ иностранцевъ, чтобы показать имъ видъ на Тэмзу. Старикъ Фрэдъ остановился при видѣ открытой двери.

— Хотите, выйдемте подышать свѣжимъ воздухомъ, прежде чѣмъ сѣсть на мѣста,—предложилъ онъ Лодеру, и, взявъ его подъ руку, увлекъ за собой. По дорогѣ онъ крѣпко пожалъ его руку.

— Сегодняшній день я запомню, какъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ, Чилькотъ, — сказалъ онъ серьезнымъ тономъ. — Не знаю, какъ вамъ это объяснить, но у меня такое чувство, точно я сегодня впервые увидѣлъ въ настоящемъ свѣтѣ мужа Евы. Это для меня большая радость. — Онъ поднялъ на него глаза, которые сохранили свой юношескій блескъ, несмотря на столько лѣтъ отвѣтственнаго труда.

Но Лодеръ вдругъ поблѣднѣлъ, и взоръ его обратился на Тэмзу —широкую, таинственную, молчаливую. Фрэдъ, самъ того не зная, разбилъ его иллюзію. Здѣсь, по парламентской террасѣ, ходилъ не Джонъ Лодеръ, а Чилькотъ, Чилькотъ съ его общественнымъ положеніемъ, его избирателями, его женой. Онъ попытался высвободить руку, но Фрэдъ не отпускалъ его.

— Нѣтъ, —сказалъ онъ. —Не спасайтесь отъ меня бѣгствомъ, какъ всегда. Не часто мнѣ случается говорить вамъ пріятную правду. И я не хочу лишиться этого удовольствія.

Онъ улыбнулся.

— Развѣ правда можетъ быть пріятна?—возразилъ Лодеръ, невольно подражая манерѣ Чилькота.

Фрэдъ поднялъ глаза. Онъ былъ на полъ-головы ниже Лодера, но его внушительный видъ скрывалъ это.

— Чилькотъ,—сказалъ онъ серьезно.—Оставьте циничный тонъ. Это—орудіе неудачниковъ, и мнѣ непріятна эта черта въ близкихъ людяхъ.

Лодеръ ничего не отвѣтилъ; его тронула звучавшая въ тонѣ старика доброта. Въ эту минуту онъ ясно видѣлъ передъ собой рельсы, по которымъ онъ пустилъ маленькій возокъ своего существованія, и отъ этого вида у него кружилась голова. Дорога была болѣе крутая, путь гораздо болѣе узкій, чѣмъ онъ предполагалъ; были повороты и крутизны, на которые онъ не разсчитывалъ. Онъ повернулъ голову и встрѣтилъ взглядъ Фрэда.

— Не слѣдуетъ очень ужъ полагаться на меня,—медленно сказалъ онъ.—Вы, пожалуй, опять обманетесь.—Голосъ его оборвался на этихъ словахъ; съ террасы донесся до нихъ звукъ голосовъ и смѣха; въ открытую дверь вошла группа изъ двухъ женщинъ и трехъ мужчинъ. Лодеръ взглянулъ въ ихъ сторону,

и сейчасъ же увидѣлъ, что болѣе тонкая изъ двухъ женщинъ была Ева. Увидавъ Фрэда и Лодера, она быстро отдѣлилась отъ своихъ провожатыхъ и направилась къ нимъ. Лодеръ замѣтилъ, какъ она вся вспыхнула и какъ глаза ея засверкали отъ удовольствія при видѣ Фрэда; но онъ замѣтилъ также, что на него она едва только взглянула и уже избѣгала обращаться въ его сторону.

При ея приближеніи Фрэдъ освободилъ руку и протянулъ ее навстрѣчу Евѣ.

— Вотъ и моя крестница,—сказалъ онъ, и когда она подошла, онъ отвѣтилъ теплымъ взглядомъ на ея улыбку.—Что это?—сказалъ онъ.—Нашу террасу вы превращаете въ сады Эдема въ январѣ мѣсяцѣ? Мы это положительно должны запретить!

Ева засмѣялась.

— Это вина лэди Сары,—сказала она.—Мы встрѣтились за завтракомъ, и она увезла меня;—я уже, конечно, и не спрашивала, куда.

Они оба разсмѣялись, и Лодеръ съ нѣкоторымъ колебаніемъ присоединился къ нимъ. Онъ еще не зналъ, что дружба Фрэда и его жены была обычнымъ предметомъ шутокъ въ ихъ кругу. Услышавъ его запоздавшій смѣхъ, Ева обернулась къ нему.

— Надѣюсь,—сказала она,—что я вчера не причинила тебѣ безсонницы. Я поймала его въ его берлогѣ,—объяснила она Фрэду,—и храбро ворвалась къ нему. Мы, кажется, проболтали до двухъ часовъ.

— Я отлично спалъ,—сказалъ Лодеръ.—Развѣ у меня невыспавшійся видъ?

Ева повернула къ нему голову съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

— Нѣтъ, видъ у тебя очень хорошій,—сказала она, и въ тонѣ ея прозвучало удивленіе. Лодеру казалось, что это первое искреннее чувство, которое она проявила относительно него.—У тебя давно не было такого свѣжаго вида.—Тонъ, которымъ она это сказала, показался Лодеру очаровательнымъ. Онъ обратилъ также вниманіе на то, что цвѣтъ ея волосъ и ея глазъ выигрывалъ при дневномъ освѣщеніи—казался еще болѣе блестящимъ на фонѣ темной рѣки и темныхъ зданій.

Фрэдъ дружески улыбнулся ей, а потомъ взглянулъ на Лодера.

— Нервы у него видимо поправились, Ева,—спокойно сказалъ онъ.—Кажется, у меня теперь нашелся новый помощникъ. Но простите,—жена зоветъ меня. Я долженъ сказать ей нѣсколько словъ, прежде чѣмъ она уѣдетъ.

Онъ поклонился и отошелъ къ женѣ. Ева поглядѣла ему вслѣдъ.

— Еслибы съ Фрэдами случилось что-нибудь недоброе, я бы, кажется, этого не пережила, — сказала она тихо, но потомъ громко разсмѣялась, какъ бы раскаиваясь въ невольномъ порывѣ чувства.—Я слышала, что онъ сказалъ,—прибавила она другимъ тономъ.—Такъ это правда? Могу я поздравить тебя?

Перемѣна тона непріятно подѣйствовала на Лодера.

— Неужели ты никогда не перестанешь не довѣрять мнѣ?— сказалъ онъ.

Ничего не отвѣчая, она медленно прошла по опустѣвшей терасѣ и, остановившись у перилъ, положила руку на каменную балюстраду. Продолжая молчать, она стала глядѣть на рѣку,— легкій вѣтеръ развѣвалъ ея волосы. Лодеръ послѣдовалъ за ней. Ея молчаніе казалось ему вызовомъ.

— Неужели ты никогда не перестанешь не довѣрять мнѣ?— повторилъ онъ.

Она, наконецъ, медленно и нѣсколько удивленно взглянула ему въ лицо.

— А ты давалъ мнѣ какое-нибудь основаніе вѣрить тебѣ?— спокойно сказала она.

На это онъ ничего не могъ отвѣтить, хотя ея сдерживаемое недовѣріе все болѣе раздражало его. Онъ сдѣлалъ новую попытку примирить ее съ собой.

— Нужно терпѣніе относительно всѣхъ людей, — сказалъ онъ.—Подожди... тогда увидишь.

Она не опустила взора при его словахъ, и ясность ея синихъ глазъ опять смутила его. Какъ бы боясь того, что она скажетъ еще что нибудь тяжелое, онъ подошелъ къ ней и положилъ руку рядомъ съ ея рукой.

— Нужно терпѣливо относиться къ людямъ,—сказалъ онъ.— Иногда человѣкъ—точно обломокъ корабля, разбитаго бурей; онъ носится безцѣльно,—пока на его пути не попадется сила, которая его остановитъ.—Онъ опять взглянулъ ей въ лицо, самъ едва сознавая, что говоритъ. Онъ только чувствовалъ, что очутился въ ложномъ положеніи, и пытался какъ-нибудь выпутаться изъ него.—Ты развѣ не вѣришь, что погибающій можетъ иногда приплыть къ берегу?—спросилъ онъ.

Надъ ними раздался бой большихъ башенныхъ часовъ Вестминстера. Ева подняла голову. Лодеру казалось, что на губахъ ея дрожатъ отвѣтныя слова. Но въ эту минуту за ними раздался веселый голосъ лэди Сары Фрэдъ.

— Ева!—позвала она.—Ева! Намъ пора ѣхать. Уже три часа—кто бы это подумалъ!

X.

Въ слѣдующіе дни послѣ явнаго сближенія съ нимъ Фрэда Лодеръ велъ себя удивительно тактично и сдержанно. Это дѣлало честь его уму. Многіе другіе, очутившись въ такомъ отвѣтственномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ странно неотвѣтственномъ положеніи, дали бы волю всякаго рода инстинктивнымъ желаніямъ. Но Лодеръ не поддавался соблазнамъ.

Какъ во всѣхъ рискованныхъ предпріятіяхъ, и въ его новой жизни явилось много неожиданныхъ обстоятельствъ. Ожидаемыя трудности исчезали, но появлялись другія, самыя непредвидѣнныя. То, что̀ казалось наиболѣе рискованнымъ—вопросъ о физическомъ сходствѣ—разрѣшалось безъ малѣйшей трудности. Лодеръ былъ пораженъ легкостію, съ которой всѣ вѣрили въ его тождественность съ Чилькотомъ. Люди, знавшіе Чилькота съ дѣтства, слуги, жившіе годами въ домѣ Чилькота, безъ малѣйшаго колебанія принимали за него Лодера. Иногда онъ терялся, пораженный легкостью обмана. Ему даже казалось, что еслибы правда случайно открылась, въ нее бы не повѣрили:—люди довѣряютъ своимъ глазамъ болѣе, чѣмъ всякому свидѣтельству другихъ людей. Въ виду такого неожиданно блестящаго успѣха, онъ рѣшилъ неуклонно слѣдовать по намѣченному пути. Въ первую минуту упоенія дружбой Фрэда и зародившимся довѣріемъ Евы, онъ готовъ былъ ринуться въ водоворотъ дѣйствія—въ какомъ бы то ни было направленіи. Но, къ счастью для него самого, для Чилькота и для ихъ общаго дѣла, онъ привыкъ разсуждать о своихъ поступкахъ. Сидя въ парламентѣ послѣ разговора съ Евой на террасѣ, онъ сталъ медленно и трезво обдумывать всѣ обстоятельства. Воспринимая очень чутко атмосферу залы,—несмотря на вялость обыкновеннаго дѣлового засѣданія, на ничтожность рѣчи, раздавшейся съ трибуны, онъ въ то же время устанавливалъ самый благоразумный образъ дѣйствія для себя. И къ вечеру перваго же дня онъ установилъ свою программу: онъ не будетъ торопиться, не допуститъ въ дальнѣйшемъ никакихъ опрометчивыхъ увлеченій,—такъ онъ рѣшилъ. Все должно развиваться естественно и гладко. Онъ теперь впервые вступалъ въ новый для него міръ; а не будетъ ли первый разъ также и послѣднимъ—это ужъ зависѣло отъ судьбы.

Онъ откинулся на своемъ сидѣньи, устремивъ взоръ на сидѣвшихъ съ другой стороны залы министровъ, скрестилъ руки,

какъ это всегда дѣлалъ Чилькотъ, и стиснулъ губы; лицо его сдѣлалось жесткимъ и холоднымъ. Некрасиво, когда человѣкъ хочетъ извлечь выгоду изъ слабости другого, и когда такая мысль возникаетъ въ человѣкѣ, это отражается на его лицѣ. Лодеръ безпокойно задвигался на своемъ мѣстѣ, потомъ опять закусилъ губы. Онъ былъ очень упорнымъ человѣкомъ и не поддавался слабости. Въ первую минуту ему показалось отвратительнымъ воспользоваться паденіями Чилькота для себя, но мало-по-малу онъ освоивался съ этой мыслью.

Черезъ недѣлю—или, можетъ быть, черезъ двѣ недѣли—Чилькотъ снова вернется на свое мѣсто, и тогда опять начнется старое. Послѣ отдыха и свободы общественныя обязанности покажутся Чилькоту вдвое болѣе тягостными; онъ нѣсколько времени будетъ бороться съ собой, а тогда...

На губахъ Лодера скользнула мимолетная улыбка. — Тогда, конечно, Чилькотъ вторично позоветъ его, Лодера, на свое мѣсто, и онъ сможетъ серьезно проявить себя. Онъ никогда не предавался пустымъ мечтаніямъ, но въ эту минуту передъ его взоромъ промелькнуло нѣчто вродѣ видѣнія. Онъ увидѣлъ себя стоящимъ тутъ, въ зданіи парламента, увидѣлъ лица—сначала скучающія при взглядѣ на него, потомъ постепенно преображающіяся подъ властью его личности, подъ обаяніемъ его краснорѣчія: онъ зналъ, что обладаетъ ораторскимъ талантомъ. Яркость этого видѣнія причиняла ему почти физическую боль. Люди, привыкшіе долго сдерживать себя, поддаются иногда опасному наплыву чувствъ. Довѣряя себѣ, они смѣло идутъ впередъ и часто попадаютъ въ пропасти.

Таковъ былъ нѣсколько несвязный ходъ мыслей Лодера въ первый день его новой жизни. На девятый день, около четырехъ часовъ дня, онъ спокойно и увѣренно расхаживалъ по кабинету Чилькота. Онъ курилъ сигару и спокойно обдумывалъ занимавшую его мысль; но вдругъ онъ остановился и нахмурилъ брови: въ комнату вошелъ слуга и помѣшалъ ему. Слуга прошелъ на другой конецъ комнаты, придвинулъ маленькій столикъ къ камину и сталъ накрывать его тонкой изящной скатертью. Лодеръ смотрѣлъ на него молча, убѣдившись, что въ его положеніи лучше всего молчать, когда онъ чего-нибудь не понимаетъ. Но онъ все-таки былъ очень удивленъ. Чаю онъ не заказывалъ, и во всякомъ случаѣ ему бы подали только одинъ стаканъ на подносѣ. Онъ съ возрастающимъ удивленіемъ слѣдилъ за движеніями слуги, который вышелъ и снова вернулся, внося съ торжественнымъ видомъ на большомъ подносѣ чайникъ, двѣ чашки

и разныя печенья. Онъ поставилъ все это на столъ, затѣмъ обратился къ Лодеру и сказалъ:

— М-ссъ Чилькотъ пожалуетъ сюда черезъ пять минутъ, сэръ.

Лодеръ опять промолчалъ, не зная, что̀ ему собственно сказать. Слуга вышелъ. Лодеръ еще разъ оглянулъ парадно сервированный столикъ. Потомъ онъ вдругъ обернулся и вышелъ на средину комнаты.

Послѣ разговора на террасѣ онъ не видалъ Еву наединѣ. Въ его комнату она не входила, и онъ теперь спрашивалъ себя, что̀ означаетъ эта новая попытка сближенія. За послѣдніе дни онъ меньше думалъ о ней, отчасти потому, что наложилъ на себя обѣтъ сдержанности, но главнымъ образомъ потому, что постепенно захваченъ былъ водоворотомъ новыхъ дѣлъ и интересовъ. Случилось такъ, что столь знаменательный для него лично моментъ жизни былъ въ то же время крайне важнымъ въ политическомъ отношеніи для всей страны; по странному совпаденію, положеніе Чилькота было таково, что оно заставляло его принять живое участіе въ политическихъ осложненіяхъ. Лодеру становилось все яснѣе, что торговые интересы Чилькота, въ случаѣ, если разгорится пожаръ въ Персіи, — заставятъ его примкнуть къ оппозиціи противъ правительства.

Видъ изящно накрытаго столика какъ-то наглядно показывалъ ему, что онъ попалъ въ цѣлый міръ новыхъ общественныхъ и свѣтскихъ отношеній и интересовъ. Онъ сознавалъ, что эти интересы все болѣе и болѣе его поглощаютъ, укрѣпляя его умъ и способности. Онъ чувствовалъ, что несомнѣнно нашелъ теперь единственно подходящую для себя сферу дѣйствія, что не можетъ быть больше и рѣчи о незаконномъ захватѣ власти съ его стороны, и что теперь мало-по-малу работа его пріобрѣтаетъ отпечатокъ его собственной индивидуальности. Очевидно и Ева замѣтила то, что̀ бросалось всѣмъ въ глаза, — т.-е., что Чилькотъ никогда не проявлялъ такой активности, какъ теперь; вотъ почему она, вѣроятно, вздумала придти къ нему въ кабинетъ. Сможетъ ли онъ благополучно провести до конца маленькую комедію, которая должна будетъ разыграться?—спрашивалъ онъ себя.

Раздался легкій шелестъ женской одежды, и въ комнату вошла Ева. Она спокойно протянула ему руку, и онъ отвѣтилъ ей столь же спокойнымъ рукопожатіемъ.—Чѣмъ я обязанъ такой чести?—спросилъ онъ.

Она смущенно улыбнулась и взглянула въ окно. — Обычная мужская манера!—сказала она.—Прежде всего вы освѣдомляетесь о причинахъ. По-моему, давай лучше выпьемъ сначала чай, а

потомъ поговоримъ.—Она направилась къ столику, и онъ послѣдовалъ за ней. При этомъ онъ замѣтилъ, что туалетъ ея удивительно подходилъ къ комнатѣ и къ погодѣ, хотя никакихъ подробностей онъ и не замѣчалъ. Она сѣла и стала разливать чай. Онъ подумалъ, что давно уже ему не наливала чай женщина въ семейной обстановкѣ. Онъ сталъ съ любопытствомъ наблюдать за ловкостью ея движеній, и не замѣтилъ, что она протягивала ему чашку.

— Ты что же, не будешь пить чай? — спросила она съ улыбкой.

Онъ вздрогнулъ, въ досадѣ на свою неучтивость.—Я ужасно разсѣянъ,—сказалъ онъ:—я...

— Переутомился отъ работы за послѣднюю недѣлю,—добавила она за него.

Онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, но потомъ опять наступило тягостное молчаніе. Онъ пилъ чай и съѣлъ кусокъ пирожнаго, ловя себя на желаній обладать хоть нѣкоторымъ свѣтскимъ лоскомъ, хоть нѣкоторымъ умѣньемъ легко болтать о пустякахъ. Онъ чувствовалъ, что становится комичнымъ. Взглянувъ исподлобья на Еву, отвернувшую лицо, онъ поставилъ пустую чашку на столъ. Въ эту минуту она обернулась, и глаза ихъ встрѣтились.

— Джонъ,—сказала она,—знаешь, почему я зашла къ тебѣ выпить чашку чая? У меня былъ сегодня разговоръ съ Фрэдомъ, очень длинный разговоръ. Фрэдъ говоритъ о тебѣ такъ много хорошаго, что еслибы не онъ это сказалъ, я бы не повѣрила.—Она задвигалась на стулѣ, потомъ быстро взглянула на Лодера и опять стала глядѣть въ огонь.

Онъ приблизился къ ней на шагъ. — Что же онъ говоритъ? — спросилъ онъ, внутренно стыдясь, что слова эти ему пріятны.

— Собственно говоря, мнѣ не слѣдовало тебѣ объ этомъ говорить, — сказала она, улыбаясь. — Ты его удивилъ, вотъ что онъ говоритъ...—Она на минуту замолчала, выпила чай и потомъ снова поглядѣла на него. — Джонъ, — сказала она серьезно, — вопросъ только въ одномъ: будетъ ли длиться эта перемѣна?

Голосъ ея звучалъ необычайно искренно, и Лодеръ чувствовалъ все сильнѣе, что за ея большимъ внѣшнимъ очарованіемъ скрывается къ тому же необычайно привлекательный характеръ. Объ этомъ онъ даже никогда прежде не думалъ, и поэтому вторично пытливо взглянулъ на нее. Въ этомъ новомъ свѣтѣ красота ея казалась ему иной и по иному его привлекала. Прежде

онъ думалъ, что женщина можетъ быть кумиромъ или забавой—или тяжкимъ бременемъ. А теперь вдругъ ему пришла мысль, что женщина можетъ стать подругой, вѣрной спутницей жизни.

— Очень ты недовѣрчива,—сказалъ онъ, глядя ей прямо въ лицо. Она не отвѣтила на его взглядъ.

— Кажется, меня пріучили къ недовѣрію, — отвѣтила она, разглядывая очень усердно узоръ на столѣ.

При этихъ словахъ Лодеръ вдругъ вспомнилъ о Чилькотѣ, о его раздражительности, порочности и непостоянствѣ. Его охватила безграничная жалость къ женщинѣ, связанной съ нимъ неразрывной цѣпью. Ева не могла, конечно, и подозрѣвать о томъ, что происходило въ душѣ Лодера, и продолжала говорить:

— Выходя за тебя замужъ,—говорила она,—я ко всему относилась съ большимъ интересомъ и вѣрила въ жизнь. Политика мнѣ была близка, я выросла среди нея и знала, что мой мужъ — будущее свѣтило въ политическомъ мірѣ. Такъ о тебѣ говорили. Мнѣ даже не приходило въ голову желать еще большаго. Страстной любви ты вѣдь никогда не обнаруживалъ,—прибавила она, улыбаясь. — Да я бы забыла о любви и радостяхъ семейной жизни. Я хотѣла бы быть только — тѣмъ, что̀ лэди Сара—женой великаго человѣка.—Она остановилась.—Сначала все шло благополучно. Потомъ постепенно началось худое. Ты началъ... страдать нервами... Я не хочу сказать тебѣ ничего непріятнаго,—быстро сказала она, замѣтивъ неспокойныя движенія Лодера.—Ничуть; я только объясняю тебѣ, почему я мало-помалу упала духомъ.

— Я знаю, знаю,—перебилъ ее Лодеръ.—Становилось все хуже и хуже. Твое вмѣшательство было бы безполезно, и въ концѣ концовъ ты совсѣмъ утратила мужа.

— Но недѣлю тому назадъ...—Она быстро взглянула на него, но, поглощенная своими мыслями, не замѣтила ничего страннаго въ его словахъ. Лодеръ сильно покраснѣлъ при ея послѣднихъ словахъ.

— Въ сущности произошло нѣчто невѣроятное, — сказала она.—Этому нельзя повѣрить, но все же я не могу отрицать: наперекоръ разуму, наперекоръ опыту и даже собственной волѣ, я вдругъ за послѣднюю недѣлю начинаю чувствовать то, что̀ чувствовала когда-то, вначалѣ.—Она остановилась со смущенной улыбкой.—У меня такое чувство, точно моя жизнь какимъ-то чудомъ снова начинается съ того мѣста, на которомъ оборвалась шесть лѣтъ тому назадъ.—Она опять остановилась и улыбнулась.

Лодеръ чувствовалъ себя очень неловко, но совершенно не могъ придумать, что сказать.

— Это началось въ день обѣда у Фрэдовъ,—продолжала она.—Фрэдъ тогда говорилъ такъ ласково и такъ умно. Онъ вспоминалъ, какія надежды всѣ возлагали на тебя, упрекалъ меня и говорилъ, что, сдѣлавъ послѣднюю попытку, нужно послѣ того сдѣлать еще самую послѣднюю. Онъ обѣщалъ взять все остальное на себя, если мнѣ только удастся возбудить въ тебѣ снова интересъ къ работѣ. Я слушала его съ отчаяніемъ, зная, какъ безполезны его слова. На прощанье я обѣщала ему сдѣлать все, что могу. Но я знала про себя, что и самая послѣдняя попытка будетъ безполезной: въ такомъ настроеніи я вошла къ тебѣ.—Она остановилась и украдкой взглянула на Лодера.

— Я вошла къ тебѣ... И тогда... тогда мнѣ показалось, что я завоевала право на награду побѣдой надъ собой. Мнѣ, дѣйствительно, кажется, что ты сталъ другимъ человѣкомъ. Я знаю, что мои слова смѣшны,—сказала она полу-шутливо, какъ бы извиняя себя.—Дѣло даже не въ томъ, что лицо твое измѣнилось... впрочемъ, я сразу увидѣла, что ты... не страдаешь нервами.—Она каждый разъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ произносила слово „нервы“.—Перемѣна была въ тебѣ самомъ—въ содержаніи твоихъ словъ, а не въ томъ, какъ ты ихъ говорилъ.

Лодеръ чувствовалъ все бо́льшую неловкость.

— Тогда, вначалѣ, впечатлѣніе было еще мимолетное.—Она заговорила медленнѣе.—Я сама себѣ не сознавалась. И на слѣдующій день, во время бесѣды на террасѣ, я еще тоже боялась сознаться самой себѣ,—хотя это и становилось еще болѣе яснымъ. Но съ того дня я зорко слѣдила за тобой, и теперь увѣрена въ томъ, что произошла перемѣна. Фрэдъ говоритъ то же самое,—а онъ никогда не ошибается. Конечно, пока прошло только девять—десять дней. Но за послѣдніе три года ты и десяти часовъ не бывалъ въ одинаковомъ состояніи.

Она остановилась, какъ бы ожидая подтвержденія своихъ догадокъ, но Лодеръ молчалъ, не зная, что отвѣтить. Она подождала съ минуту, потомъ нагнулась впередъ, сидя въ креслѣ, и пристально посмотрѣла на него.

— Джонъ,—спросила она,—будетъ ли это длиться? Вотъ о чемъ я пришла спросить тебя... Я боюсь вѣрить. Новое разочарованіе было бы слишкомъ большимъ ударомъ.

Лодеръ чувствовалъ на себѣ ея глубокій взглядъ, хотя и не рѣшался поднять на нее глаза.

— Недѣлю тому назадъ, я бы не могла предложить тебѣ

этотъ вопросъ,—а теперь могу. Я сама не знаю, какъ это случилось, но такое у меня теперь чувство. Понимаешь ты меня? Можешь ты отвѣтить мнѣ?

Лодеръ все еще молчалъ, не зная, что онъ можетъ сказать, что имѣетъ право сказать. Еву смутило его молчаніе, и она подпялась.

— Если это только мимолетно, то не скрывай отъ меня,— сказала она.—Но если это можетъ длиться,—если есть малѣйшая возможность, чтобъ это длилось, тогда...—Она остановилась и пытливо взглянула на него. Онъ не могъ не поддаться обаянію ея близости. Соблазнъ минуты былъ слишкомъ великъ. Онъ самъ, его собственное „я“, его энергія, его намѣренія и планы— все это было такъ осязательно и близко, — а Чилькотъ съ его притязаніями исчезалъ вдали, внѣ реальной дѣйствительности. Въ концѣ концовъ, его жизнь, его честолюбіе и его рѣшенія были его собственностью. Онъ поднялъ глаза и медленнымъ, испытующимъ взглядомъ взглянулъ на Еву.

— А ты была бы рада, еслибы я могъ обѣщать тебѣ, что это будетъ длиться?—спросилъ онъ.

Она вся просіяла и подошла еще на шагъ ближе.—Да,— отвѣтила она.—Я желаю этого сильнѣе всего на свѣтѣ.

Послѣдовала минута напряженнаго ожиданія. Обѣщаніе, которое бы осчастливило ее, срывалось съ устъ Лодера, но онъ все еще не рѣшался произнести его. Это промедленіе было роковымъ. Въ то время, какъ онъ стоялъ молча, открылась дверь и вошелъ слуга, подававшій чай. Онъ подошелъ къ Лодеру и передалъ ему телеграмму.

— Будетъ отвѣтъ, сэръ?—спросилъ онъ.

Ева отошла къ креслу, на которомъ сидѣла. Щеки ея горѣли и глаза сіяли радостнымъ блескомъ. Лодеръ открылъ телеграмму, прочелъ ее и бросилъ въ огонь.—Отвѣта не будетъ,— коротко сказалъ онъ.

Суровый тонъ его голоса испугалъ Еву.—Непріятныя вѣсти?— спросила она, когда слуга вышелъ. Лодеръ не поднялъ глазъ. Онъ глядѣлъ на телеграмму, которая истлѣвала въ каминѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ наконецъ принужденнымъ тономъ.— Нѣтъ. Это только напоминаніе о чемъ-то, что я забылъ.

XI.

Послѣ словъ Лодера наступило тяжелое молчаніе. Поданная телеграмма, вопросъ Евы и его отвѣтъ казались чѣмъ-то совершенно обыденнымъ, а между тѣмъ оба они знали, что во время наступившей минуты молчанія что-то порвалось между ними. Почему—это зналъ только Лодеръ, но не могла понять Ева. У Лодера было такое чувство, точно явился призракъ, сталъ между ними, началъ расти, сдѣлался прозрачнымъ и потомъ разсѣялся. Когда видѣніе исчезло, онъ обернулся къ Евѣ.—Я чуть-чуть не пообѣщалъ слишкомъ много,—сказалъ онъ. Голосъ его звучалъ непріятно именно потому, что онъ хотѣлъ скрыть свои чувства. Онъ даже не посмотрѣлъ на Еву. Его осилило тупое чувство катастрофы, безконечная горечь, заглушавшая все остальное. Самое прекрасное въ его жизни, быть можетъ, самое высокое благо жизни, исчезало у него промежъ пальцевъ въ тотъ моментъ, когда онъ могъ бы проявить себя. Почва ускользала изъ-подъ его ногъ. Вопреки своему обычному чувству логичности и справедливости, онъ далъ волю инстинктивному бѣшенству противъ Чилькота. Ева замѣтила, какъ омрачились его черты, и спокойно поднялась съ мѣста.

— Я обѣдаю сегодня у лэди Сары и потомъ у нея спектакль. Обѣдъ будетъ ранній, и мнѣ пора заняться туалетомъ. Пожалуйста, не думай, что я хотѣла вынудить у тебя обѣщаніе. Если тебѣ это кажется, то, значитъ, я не хорошо выразилась.—Она улыбнулась, чтобы скрыть легкую неловкость, которую выдавали ея слова, и медленно направилась къ двери.

Лодеръ еще былъ оглушенъ ударомъ, разрушившимъ всѣ его планы. Внезапность призыва Чилькота его взволновала,—но еще больше его тревожило то, что онъ не ждалъ этого призыва. Онъ поэтому не обратилъ вниманія ни на слова Евы, ни на ея движенія. Потомъ вдругъ все это дошло до его сознанія, пробивъ его эгоизмъ, и онъ почувствовалъ рѣзкую боль, какъ отъ удара ножомъ. Онъ обернулся, взглянулъ въ полутьму комнаты, но Ева уже въ эту минуту затворила дверь за собой. Онъ почувствовалъ острое чувство тяжкой утраты.

— Подожди!—крикнулъ онъ, устремляясь ей вслѣдъ, но тотчасъ же остановился: пустота комнаты ужаснула его.

Ударъ обрушился. Неминуемое наступило, и ему оставалось только съ достоинствомъ отнестись къ факту. Телеграмма Чиль-

кота вызывала его къ семи часамъ въ Клифордсъ-Иннъ, а теперь было уже около шести. Онъ вынулъ часы—часы Чилькота, отмѣчая про себя этотъ фактъ съ злобнымъ смѣхомъ. Потомъ его напускная веселость уступила мѣсто другимъ чувствамъ. Онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и повернулъ кнопку отъ электричества; комната сразу вся озарилась. Изящно сервированный чайный столикъ казался неумѣстнымъ рядомъ съ книжными шкапами и столомъ, загроможденнымъ бумагами, — такимъ же неумѣстнымъ, какъ онъ, Лодеръ, среди всѣхъ этихъ предметовъ. Эта мысль была ему непріятна, и онъ отвернулся отъ столика. При этомъ движеніи онъ увидѣлъ портсигаръ Чилькота съ его золотой монограммой, и у него явилось странное чувство, что предметы чувствуютъ въ немъ самозванца, въ то время, какъ человѣческій глазъ считаетъ его законнымъ собственникомъ всей этой обстановки. Онъ невольно улыбнулся при этой мысли, потомъ вторично прошелъ черезъ всю комнату и вошелъ въ спальню Чилькота.

Тяжелое убранство и нѣсколько мрачная атмосфера спальни болѣе подходили къ его настроенію, чѣмъ видъ кабинета, будившій въ немъ жажду активнаго дѣла. Онъ подошелъ къ кровати, сѣлъ на нее и нѣсколько минутъ глядѣлъ въ пространство, ничего не видя; потомъ апатія оставила его, и его гнѣвъ противъ Чилькота улегся. Онъ медленно поднялся, выпрямился, снова прошелъ черезъ обѣ комнаты, затѣмъ черезъ корридоръ въ переднюю, и черезъ пять минутъ былъ уже на улицѣ. Онъ застегнулъ пальто до верху и, наклонивъ голову, пошелъ своей дорогой. Онъ шелъ быстро, не оставляя себѣ времени для раздумья. Только на Трафальгаръ-Сквэрѣ, выжидая, пока можно будетъ перейти дорогу, онъ вспоминалъ свою встрѣчу съ Чилькотомъ въ туманѣ.

Потомъ онъ опять ускорилъ шаги, пока не дошелъ до площади Клифордсъ-Инна, и остановился на минуту. Тишина площади успокаивала ее. Неизмѣнность предметовъ представляла такой глубокій контрастъ съ человѣческой душой, мѣняющейся подъ вліяніемъ всякаго новаго впечатлѣнія, и это дѣйствовало умиротворяющимъ образомъ. Постоявъ съ минуту на мѣстѣ, Лодеръ твердо прошелъ черезъ площадь и поднялся по знакомой лѣстницѣ въ свою квартиру. Остановившись у двери, онъ услышалъ шумъ въ комнатѣ. Не ожидая отвѣта на свой стукъ, онъ прямо вошелъ, и сравнительно съ темнотой корридора комната показалась ему ярко освѣщенной; кромѣ лампы подъ зеленымъ абажуромъ, въ каминѣ трещалъ еще весело огонь.

При его появленіи Чилькотъ поднялся и пошелъ ему на-

встрѣчу. Черты его лица вырисовывались очень рѣзко при двойномъ освѣщеніи. На немъ былъ надѣтъ потертый костюмъ. Лицо было блѣдное и серьезное. Кромѣ усилившагося безпокойства въ глазахъ, не замѣтно было, однако, никакой перемѣны. Подойдя къ Лодеру, онъ протянулъ ему руку.

— Ну, что?—спросилъ онъ.—Все шло благополучно?

— Вполнѣ, — сухо отвѣтилъ Лодеръ. Избѣгая встрѣчи съ тревожно-любопытнымъ взглядомъ Чилькота, онъ вышелъ на середину комнаты и сталъ снимать пальто. Потомъ онъ подумалъ о неучтивости своего поведенія, и обернулся снова къ Чилькоту.—Все сошло, какъ нельзя лучше,—сказалъ онъ.—Даже до смѣшного. Бываютъ прямо-таки непостижимыя вещи на свѣтѣ, Чилькотъ, и это—одна изъ таковыхъ.

Чилькотъ облегченно вздохнулъ.

— Ну, слава Богу,—сказалъ онъ. — Какъ я радъ! Разскажите же мнѣ все подробно.

Но Лодеръ былъ очень сдержанъ. Ему казалось, что теперь не подходящій моментъ для изліяній. Онъ былъ въ положеніи голоднаго человѣка, который увидѣлъ во снѣ роскошный пиръ и проснулся съ прежнимъ голодомъ. Онъ поэтому предпочиталъ не говорить о своемъ голодѣ, о своихъ безумныхъ мечтахъ.

— Мнѣ нечего разсказывать,—сказалъ онъ.—Все, что вамъ нужно знать, записано вотъ здѣсь. Это полный дѣловой отчетъ—вы наврядъ-ли найдете малѣйшее упущеніе.—Онъ вынулъ толстую записную книжку изъ кармана и положилъ ее открытой на столъ. Въ ней сдѣланъ былъ точный подсчетъ всему, что онъ выполнилъ отъ имени Чилькота.

— Всѣ дѣла налажены, всѣ текущія обязательства выполнены,—сказалъ онъ, перелистывая страницы.—Я все время думалъ о васъ и о вашемъ положеніи.—Онъ остановился и поднялъ глаза.—Вы занимаете положеніе, которое требуетъ очень сосредоточенной и обдуманной работы.

При этихъ словахъ Чилькотъ взглянулъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Пожалуйста, безъ морали, — сказалъ онъ съ нервнымъ смѣхомъ.—Я хотѣлъ знать, тянули ли вы мою лямку, и вы меня теперь успокоили. Сегодня на меня напалъ смертельный страхъ. Мнѣ захотѣлось непремѣнно узнать, какъ обстоятъ дѣла,—это былъ какой-то припадокъ безсмысленнаго страха. Но теперь, когда я вижу васъ здѣсь передъ собой...—Онъ прервалъ себя и снова засмѣялся.—Теперь—при видѣ васъ—мнѣ чертовски хочется, чтобы... чтобы вы продлили ангажементъ.

Лодеръ взглянулъ на него, и сейчасъ же отвернулся. Онъ устыдился жадной радости, которая охватила его при этихъ словахъ, и онъ почувствовалъ глубокое презрѣніе къ себѣ самому за свою быструю готовность извлечь личную пользу изъ слабости другого человѣка. Такъ же быстро, какъ онъ отвернулся, онъ снова взглянулъ на него.

— Да вы съ ума сошли!—крикнулъ онъ прежнимъ своимъ развязнымъ тономъ.—Ишь, чего захотѣли! У васъ были каникулы, а теперь пожалуйте снова въ школу. Не забудьте, что вы сегодня обѣдаете у Чарингтоновъ. Тамъ празднуютъ совершеннолѣтіе молодого Чарингтона—будетъ очень парадный обѣдъ. Пойдемте скорѣе переодѣться.—Онъ засмѣялся, подошелъ къ Чилькоту и хлопнулъ его по плечу.

Чилькотъ вздрогнулъ.

— Да, да, вы правы! — воскликнулъ онъ. — Нужно иногда стоять на собственныхъ ногахъ.—Онъ началъ снимать галстукъ.

Лодеръ остановилъ его движеніемъ руки.

— Ваша чековая книжка лежитъ на обычномъ мѣстѣ въ ящикѣ стола,—сказалъ онъ.—Я взялъ сто фунтовъ—жалованье за первую недѣлю. Остальное пусть уже, когда...—Онъ не кончилъ фразы.

Чилькотъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Не говорите объ этомъ,—быстро сказалъ онъ.—Въ будущемъ я это буду своевременно устраивать. Я вѣдь могу завтра же выставить чекъ—на имя Джона Лодера.

— Нѣтъ. Я могу подождать. Лучше, чтобы въ чековой книжкѣ не было имени Лодера. Нужна крайняя осторожность.—Онъ говорилъ очень взволнованно. Въ немъ уже закипала ни на чемъ не основанная зависть. Мысль, что Чилькотъ будетъ сейчасъ рыться своими нервными руками въ ящикахъ, разсматривать и сортировать бумаги, которыя въ теченіе двухъ волшебныхъ недѣль были несомнѣнной собственностью его, Лодера, невыносимо мучила его. Онъ отвернулся и оборвалъ разговоръ.—Идемте въ спальню,—сказалъ онъ.—Уже около половины восьмого, а у Чарингтоновъ нужно быть въ девять.—Не ожидая отвѣта, онъ подошелъ къ двери спальни и открылъ ее. Пока оба они переодѣвались, Лодеръ продолжалъ неустанно говорить, то отрывистыми фразами, то очень пространно, съ приливомъ ѣдкаго юмора. Онъ говорилъ такъ много и такъ краснорѣчиво, что Чилькотъ совершенно поддался его вліянію; воображеніе его стало усиленно работать. Когда онъ, наконецъ, надѣлъ свое платье и вышелъ въ кабинетъ, Лодеръ послѣдовалъ за нимъ, подошелъ къ

письменному столу и взялъ еще лежавшую на немъ записную книжку.

— Я не собираюсь читать вамъ проповѣди,—началъ онъ,—и потому нечего останавливать меня. Я только долженъ сказать вамъ одно: подумайте о своей отвѣтственности и возьмите себя въ руки.

Онъ сказалъ это очень энергично, глядя Чилькоту прямо въ глаза. Самъ того не сознавая, онъ отстаивалъ свои собственные интересы. Чилькотъ нѣсколько поблѣднѣлъ, пугаясь, какъ всегда, надвигающейся на него дѣйствительности; потомъ онъ протянулъ руку Лодеру.

— Милый мой,—сказалъ онъ съ оттѣнкомъ надменности,—въ общемъ, вѣдь можно человѣку повѣрить, что онъ будетъ соблюдать свои интересы.

Лодеръ быстро пожалъ протянутую ему руку. Чилькотъ направился къ двери, вышелъ, не сказавъ ни слова на прощанье, на лѣстницу, и Лодеръ остался одинъ въ своей комнатѣ.

XII.

Въ тотъ вечеръ, когда Чилькотъ снова вернулся въ свою обычную среду, Лодеръ впервые испыталъ всю горечь осадка жизни. До того, какъ онъ заключилъ странную сдѣлку съ Чилькотомъ, онъ хотя и не былъ счастливъ, но во всякомъ случаѣ былъ спокоенъ. Теперь, когда у него явилась призрачная возможность проявить себя, его покою наступилъ конецъ. Онъ съ мучительной ясностью понялъ, что прежнее состояніе духа исчезло навсегда. Входя впервые въ домъ Чилькота, онъ не чувствовалъ себя тамъ чужимъ. Напротивъ того, ему казалось, что онъ точно возвращается домой послѣ долгаго изгнанія. Здѣсь же, въ атмосферѣ, въ которой онъ жилъ столько лѣтъ, ему было теперь не по себѣ. Оставшись одинъ послѣ ухода Чилькота, онъ почувствовалъ прежде всего физическую отчужденность отъ своей прежней обстановки. Старое, удобное платье было ему скорѣе непріятно. Перспектива полнаго отдыха не привлекала его, и платье, располагавшее къ лѣни, было ему ненавистно. Духъ его бодрила только одежда, которая была какъ бы символомъ дѣятельности и отвѣтственности. И такое же чувство возбуждала въ немъ обстановка его комнатъ. Въ домѣ Чилькота онъ попалъ точно къ себѣ—до того все соотвѣтствовало его настроеніямъ и внутреннему міру, а вернувшись домой, онъ почувствовалъ какъ-

разъ обратное. Эти впечатлѣнія взволновали его, и онъ сталъ размышлять, закуривъ трубку для возстановленія внутренняго равновѣсія. Такъ онъ провелъ первую ночь послѣ того какъ вернулся къ нормальной дѣйствительности. На слѣдующій день онъ уже успокоился, и ему не пришлось прибѣгать къ внѣшнимъ успокоительнымъ средствамъ. Но все-таки дѣйствительность утратила для него прежнюю свою опредѣленность. Ему уже не нужно было искать заработка для пропитанія. Денегъ, полученныхъ отъ Чилькота, ему было достаточно на долгое время, такъ какъ ему не на что было тратить ихъ. Онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, когда у него въ карманѣ очутилось сто фунтовъ, что онъ разучился расходовать деньги. Расточительность, какъ и другія искусственно привитыя страсти, требуетъ навыка.

Это становилось съ каждымъ днемъ все болѣе яснымъ Лодеру, и, кромѣ того, онъ страдалъ отъ полнаго отсутствія близкихъ людей, отъ невозможности раздѣлить съ кѣмъ-нибудь свой случайный достатокъ. Онъ впалъ въ унынie, усугубляемое бездѣйствіемъ. Такъ прошло три недѣли, въ теченіе которыхъ онъ не имѣлъ никакихъ вѣстей отъ Чилькота. Душевное состояніе его было очень странное. Настоящее не представляло для него никакого интереса, а съ другой стороны онъ не рѣшался строить надежды на будущее. Онъ разбилъ цѣпи, дѣлавшія его жизнь невыносимой, но теперь, когда онѣ были разбиты, онъ не находилъ никакой замѣны для нихъ.

Въ такомъ настроеніи онъ былъ въ послѣдній вечеръ этихъ трехъ недѣль, съ такими и подобными мыслями онъ переходилъ, одѣтый въ плотное пальто, по Флитъ-Стриту, направляясь изъ Клифордсъ-Инна въ Мидль-Тэмпль-Лэнъ. Было около семи часовъ, и уже спускались сумерки; ѣзда стихла, и свѣтъ уличныхъ фонарей отражался на сухой, гладкой мостовой, отполированной какъ зеркало колесами и копытами. По троттуарамъ еще сновали торопливо люди, уходя изъ Сити, но уже наступала ночная тишина. Лодеръ остановился на минуту, перейдя черезъ улицу, и сталъ разсѣянно смотрѣть на проходящую толпу, на высокія зданія, казавшіяся тяжелыми вереницами облаковъ на темномъ небѣ. Въ это время пробило семь часовъ на башенныхъ часахъ, и бой повторился цѣлымъ хоромъ другихъ часовъ. Лодеръ обыкновенно не обращалъ вниманія на перезвонъ колоколовъ, но въ этотъ вечеръ звуки, выходившіе изъ темноты, казались ему человѣческими голосами и возбудили въ немъ какое-то странное возмущеніе противъ жизни, противъ самого себя. Онъ медленно пошелъ дальше, по направленію къ берегу Тэмзы, и

какъ-то безсознательно пошелъ по набережной до Вестминстеръ-Бриджа. На мосту онъ остановился, оперся руками на перила и устремилъ глаза на зданіе парламента.

Въ темнотѣ, среди полной тишины, зданіе парламента производило величественное впечатлѣніе. Терраса, лежавшая въ глубокой тѣни, спокойное теченіе рѣки, освѣщенные ряды оконъ—все это получало какое-то особое значеніе. Онъ медленно переводилъ взоръ отъ одного окна къ другому. Лодеръ не былъ мечтателемъ, но его инстинктивно влекло ко всему, что было связано съ отнятымъ у него любимымъ дѣломъ. Его пытливый взоръ былъ почти безстрастенъ. Онъ долго и задумчиво смотрѣлъ, потомъ тихо повернулъ назадъ.

Погруженный въ мысли, онъ медленно прошелъ обратно по Флитъ-Стриту и направился домой. У самыхъ дверей дома онъ невольно остановился: кто-то стоялъ у стѣны. Въ первую минуту онъ подумалъ, что это—галлюцинація, но сейчасъ же убѣдился, что передъ нимъ живой человѣкъ, и отступилъ въ ужасѣ.

— Это вы, Чилькотъ?—спросилъ онъ тихо. Его голосъ звучалъ спокойно, но у него кружилась голова.

Чилькотъ обернулся къ нему.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ быстро.—А я думалъ, что вы—духъ кого-нибудь изъ здѣшнихъ жильцовъ. Я, кажется, явился нѣсколько неожиданно?

Лодеръ взялъ протянутую руку и безсознательно пожалъ ее. Появленіе Чилькота произвело на него такое впечатлѣніе, точно среди песчаной степи онъ вдругъ попалъ въ оазисъ.

— Да, вы пришли... нѣсколько неожиданно,—сказалъ онъ.

Чилькотъ посмотрѣлъ на него и затѣмъ устремилъ глаза въ пространство.

— Кончено!—сказалъ онъ.—Пружина лопнула.

Онъ разсмѣялся при этихъ словахъ. При слабомъ освѣщеніи въ сѣняхъ, лицо его показалось Лодеру болѣзненнымъ и вялымъ, хотя онъ и былъ слегка возбужденъ ихъ свиданіемъ. Лодеръ взялъ его подъ-руку и повлекъ за собой къ лѣстницѣ.

— Да неужели же лопнула?—спросилъ онъ, подражая тону Чилькота.

Подъ внѣшнимъ спокойствіемъ его нервы были страшно возбуждены. Его охватило сознаніе власти надъ жизнью; онъ точно стоялъ на пьедесталѣ, съ высоты котораго глядѣлъ на міръ. Ему казалось, что судьба намѣренно подала ему знакъ въ минуту мрачнаго унынія.

Они стали молча подниматься по лѣстницѣ, причемъ Чиль-

котъ торопливо шелъ впереди, а Лодеръ медленно слѣдовалъ за нимъ. Онъ ясно чувствовалъ теперь, что для его спутника та комната, куда они направлялись—единственное вѣрное убѣжище въ жизни. Остановившись на первомъ поворотѣ, Чилькотъ сталъ разсказывать о своихъ переживаніяхъ:

— Вначалѣ все шло хорошо—очень хорошо; я около недѣли слѣдовалъ вашему примѣру. Я былъ до нѣкоторой степени на высотѣ положенія и очень энергично держался. Но въ послѣдніе десять дней—силы измѣнили мнѣ.

— Почему?—Лодеръ избѣгалъ глядѣть ему въ лицо.

— Почему?—повторилъ Чилькотъ.—Вы знаете вѣдь старую пѣсню: потому что слабость сильнѣе силы... Простите, что я опять такъ внезапно обрушиваюсь на васъ. Но, знаете ли,—свѣтскія обязанности сваливаютъ меня съ ногъ. Я не могу справиться съ ними.

— Свѣтскія? А я думалъ...

— Не думайте. Я тоже никогда не думаю. Мысли опрокидываютъ всякіе принципы и теоріи. Нашъ договоръ относился, собственно говоря, только къ свѣтской сторонѣ моей жизни,—но очень трудно установить точныя границы. Свѣтскія обязательства влекутъ за собой въ большинствѣ случаевъ и дѣловыя. Для того, чтобы ѣздить въ театры и на обѣды, вы мнѣ не нужны. Совсѣмъ другое дѣло—большіе пріемы или политическіе вечера. На нихъ необходимо показываться. Нѣтъ надобности говорить, съ чѣмъ-либо выступать, но совершенно не появляться на нихъ немыслимо.

Лодеръ посмотрѣлъ на него.—Объяснитесь точнѣе,—сказалъ онъ сухо. Чилькотъ вздрогнулъ отъ его рѣзкаго тона.

— Я, дѣйствительно, кажется, напрасно останавливаюсь на ненужныхъ подробностяхъ,—быстро отвѣтилъ онъ.—Такъ вотъ въ чемъ дѣло: у Брамфелей сегодня большой пріемъ. Вы вѣдь знаете Бланшъ Брамфель,—виконтессу Брамфель,—сестру Лиліанъ Аструпъ?

Эти имена ничего не говорили Лодеру, но это ему было все равно. Онъ вообще не любилъ никакихъ объясненій и старался какъ можно скорѣе узнать только самую суть.

— Вы должны присутствовать на этомъ вечерѣ—изъ партійныхъ интересовъ?

Чилькотъ облегченно вздохнулъ.—Ну да, ну да. Старикъ Фрэдъ настаиваетъ на этомъ, и Ева тоже.

Послѣднія слова онъ сказалъ совершенно равнодушно, но потомъ выраженіе лица его измѣнилось, точно его же собствен-

ныя слова ему что-то напомнили. Саркастическая улыбка показалась на его губахъ, и онъ засмѣялся.

— Представьте, Лодеръ, — сказалъ онъ: — девять-десять дней послѣ моего возвращенія, жена моя была очень мила со мной. Я, конечно, увѣренъ, что вы вполнѣ безлично играли мою роль, — я не ревнивъ, — сказалъ онъ со смѣхомъ, — совершенно не ревнивъ, но — кто разъ обжегся...

При этихъ словахъ и его смѣхѣ у Лодера вскипѣла кровь. Онъ инстинктивно ухватился за перила, и когда онъ взглянулъ въ лицо Чилькота, то ему показалось, что онъ видитъ свое собственное лицо — только съ нѣсколько насмѣшливымъ выраженіемъ. Странное чувство овладѣло имъ. Онъ медленно снялъ руку съ перилъ, потомъ, перегнавъ Чилькота, поспѣшилъ вверхъ по лѣстницѣ. Чилькотъ нагналъ его уже у самой двери.

— Лодеръ, — сказалъ онъ, — вѣдь это я въ шутку... Прошу васъ, — продолжалъ онъ съ ужасомъ, когда Лодеръ ему ничего не отвѣтилъ, — не покидайте меня! Я не могу вернуться сегодня, я не могу. Ради Бога, не оставляйте меня! — Онъ судорожно схватилъ его за руку. Съ чувствомъ внезапнаго отвращенія Лодеръ оттолкнулъ его. Потомъ онъ къ нему обернулся.

— Оба мы глупы, — сказалъ онъ. — Разница только въ степени глупости. Пойдемъ переодѣться.

XIII.

Самые прекрасные моменты въ жизни — тѣ, когда человѣкъ чувствуетъ, что весь міръ открытъ его силамъ. Удовлетворенное честолюбіе подобно лѣту, ожиданіе же — весна. Это чувствовалъ Лодеръ, отправляясь въ этотъ вечеръ съ Флитъ-Стрита на Гровноръ-Сквэръ. Ему было ясно, что онъ опять вступилъ на твердую почву, что онъ опять очутился тамъ, откуда одинъ шагъ можетъ поднять его изъ глубины на высоту.

Теперь онъ не думалъ ни о прошломъ, ни о будущемъ. Ему достаточно было настоящаго. Можетъ быть, его ждетъ много труднаго, но трудное на то и существуетъ, чтобы закалять силы человѣка. Впервые давъ волю личнымъ чувствамъ, онъ испытывалъ почти радость отъ слабости Чилькота. Чѣмъ больше этотъ человѣкъ спутывалъ нить его жизни, тѣмъ сильнѣе должны были быть пальцы, которые размотаютъ клубокъ. Его охватило нетерпѣніе. Жажда дѣйствія кипѣла въ его крови.

Онъ вышелъ изъ коляски, съ увѣренностью подошелъ къ

двери и всунулъ въ нее ключъ. Даже это пустяшное дѣйствіе доставило ему внутреннее удовлетвореніе. Онъ спокойно открылъ дверь и прошелъ черезъ переднюю. При его входѣ слуга поправлялъ огонь въ огромномъ каминѣ.

— Миссисъ дома?—спросилъ Лодеръ, сознательно повторяя тотъ же вопросъ, съ которымъ онъ вступилъ въ первый разъ въ этотъ домъ.

Лакей поднялъ глаза.—Миссисъ только-что кончила обѣдъ у себя въ комнатѣ. Къ обѣду никого постороннихъ не было.

Онъ посмотрѣлъ на Лодера быстрымъ, неувѣреннымъ взглядомъ, какимъ вся прислуга въ этомъ домѣ смотрѣла на хозяина. Лодеръ это подмѣтилъ и былъ пораженъ настойчивымъ любопытствомъ, которое отражалось въ глазахъ лакея. Слабость Чилькота не была, очевидно, тайной для домашнихъ. Въ немъ поднялось опять бѣшенство противъ Чилькота, но онъ съ неудовольствіемъ подавилъ его въ себѣ и, не говоря ни слова, поднялся по лѣстницѣ. Наверху онъ не отправился, какъ обыкновенно, въ комнаты Чилькота, а прошелъ по корридору на половину Евы. Онъ медленно подошелъ къ двери, затѣмъ остановился и поднялъ руку. Онъ подождалъ съ минуту, ухватившись за ручку, потомъ наступила какая-то странная минута колебанія; онъ опустилъ руку и ушелъ. Вернувшись въ спальню Чилькота, онъ позвонилъ—и тотчасъ же явился Ренвикъ. При его видѣ, Лодеръ опять почувствовалъ удовольствіе, какъ и въ первый разъ, когда входилъ въ строго убранную спальню Чилькота.

Ренвикъ не подошелъ къ нему, какъ Лодеръ этого ожидалъ, а остановился у двери съ странной нерѣшительностью. Лодеръ подумалъ, что навѣрное глупость этого слуги выводила изъ-себя Чилькота, и что тотъ, по всей вѣроятности, не постарался бы сдержать своего гнѣва. Онъ невольно улыбнулся при этой мысли.

— Подойдите поближе, Ренвикъ,—сказалъ онъ.—Почему вы остановились у дверей? Я желаю знать, не передавала ли мнѣ миссисъ чего-нибудь относительно сегодняшняго вечера.

Ренвикъ украдкой взглянулъ на него, подходя ближе. — Да, сэръ,—сказалъ онъ: — камеристка м-ссъ Чилькотъ сказала, что карета заказана къ четверти одиннадцатаго. М-ссъ Чилькотъ надѣется, что это время удобно для васъ, сэръ.

Онъ говорилъ нерѣшительно, точно опасаясь, что его будутъ бранить. Когда онъ кончилъ, Лодеръ, который отвернулся, когда онъ началъ говорить, повернулъ къ нему лицо и посмотрѣлъ на него своими проницательными глазами.

— Послушайте, — сказалъ онъ, — мнѣ непріятно, когда вы

говорите со мной такимъ испуганнымъ тономъ. Возможно, что я бываю иногда слишкомъ строгъ съ вами,—это случается, когда у меня нервы не въ порядкѣ. Но когда я здоровъ, то обращаюсь съ вами... во всякомъ случаѣ вѣжливо. Вы должны отличать, въ какомъ я когда состояніи. Вотъ, взгляните на меня теперь.—Лодеръ подошелъ къ слугѣ съ чувствомъ задора.—Поглядите—такой ли я теперь, какъ вчера и сегодня утромъ?—Ну, скажите!—настаивалъ онъ.

— Да какъ сказать?—отвѣтилъ Ренвикъ съ нѣкоторой сдержанностью.—Вы совсѣмъ такой же и какъ будто не такой. Точно свѣжѣе лицомъ, сэръ, и глаза яснѣе.—Онъ становился довѣрчивѣе подъ веселымъ и въ то же время проницательнымъ взглядомъ Лодера.—А впрочемъ, какъ погляжу поближе...

Лодеръ засмѣялся.—Вотъ въ томъ-то и дѣло. Нужно умѣть глядѣть. Наблюдательность—отличное качество для слуги. Вотъ какъ будете теперь входить въ комнату, такъ прежде всего посмотрите и съ этимъ и сообразуйтесь. Служить господину, у котораго нервы не въ порядкѣ, значитъ собственно служить двумъ господамъ. Ну, вотъ теперь можете идти и скажите камеристкѣ, что я буду готовъ къ четверти одиннадцатаго.

— Слушаюсь, сэръ. Что еще прикажете?

— Ничего. Вы мнѣ сегодня больше не нужны.

Онъ повернулся и подошелъ къ огромному пылающему камину. Комнаты Чилькота были всегда жарко натоплены. Слуга уже выходилъ, но Лодеръ еще разъ окликнулъ его.

— Послушайте, Ренвикъ,—остановилъ онъ его.—Принесите мнѣ еще нѣсколько сэндвичей и стаканчикъ виски.

Онъ вспомнилъ, что ничего не ѣлъ съ утра.

Сейчасъ послѣ десяти часовъ Лодеръ вышелъ изъ комнатъ Чилькота, рѣшительными шагами спустился съ лѣстницы и сталъ ждать Еву внизу. Рѣшительность, быть можетъ, слишкомъ сильное слово для такого незначительнаго дѣйствія, но все-таки во всемъ его существѣ, въ томъ, какъ онъ держалъ голову и плечи, чувствовалась именно рѣшимость. Черезъ нѣсколько минутъ къ дому подъѣхала карета, и въ ту же минуту наверху лѣстницы показалась Ева. Она остановилась и посмотрѣла внизъ. Камеристка несла за ней ея манто. Видъ Евы въ эту минуту былъ новымъ откровеніемъ для Лодера. При первой встрѣчѣ съ нею его поразила странная смѣсь моложавости и самосознанія въ ней,—она казалась дѣвушкой съ установившимися понятіями женщины, знающей жизнь. Потомъ онъ смотрѣлъ на нее по иному. А теперь онъ впервые увидѣлъ въ ней воплощеніе власти, жен-

ской власти, передъ которой долженъ преклониться всякій. На разстояніи, въ которомъ она стояла отъ него, она казалась больше, чѣмъ была въ дѣйствительности, и ея гордая осанка усиливала еще это впечатлѣніе. Черное платье мягко обхватывало ея фигуру, надъ головой блистала брильянтовая діадема, и ожерелье изъ тѣхъ же камней обхватывало ея шею. Лодеръ подумалъ, что только очень красивыя женщины могутъ носить такія драгоцѣнныя украшенія безъ ущерба для своей красоты. Нѣсколько подавленный ея величіемъ, онъ медленно пошелъ ей навстрѣчу, когда она спускалась внизъ.

— Дай, я подержу тебѣ манто,—сказалъ онъ, изумляясь самъ робости, которая слышалась въ его голосѣ.

Ева на минуту остановила на немъ взглядъ. Выраженіе лица оставалось совершенно равнодушнымъ, но когда она опустила вѣки, въ глазахъ ея блеснуло странное выраженіе. Но она отвѣтила вѣжливо:

— Благодарю. Мнѣ Мери поможетъ одѣться.

Лодеръ быстро взглянулъ на нее и потомъ отвелъ глаза. Ея сдержанность не произвела на него непріятнаго впечатлѣнія;— напротивъ того, она возбуждала скорѣе пріятныя мысли. Онъ восхищался ея гордостью, которая отвергала услужливость *Чилькота*, и самообладаніе, съ которымъ она вѣжливо отклонила его услуги, тоже понравилось ему.

— Коляска подана,—доложилъ Крапгэмъ.

Ева обратилась къ своей камеристкѣ:

— Благодарю,—сказала она, когда та укутала ее.—Я вернусь къ часу. Приготовьте мнѣ чашку шоколада.—Она направилась къ двери, потомъ остановилась и обернулась къ Лодеру.—Кажется, пора ѣхать?—спокойно спросила она.

Лодеръ былъ погруженъ въ созерцаніе ея лица, и опомнился только при ея словахъ.

— Ѣдемъ, ѣдемъ,—сказалъ онъ съ необычайной предупредительностью.

Онъ послѣдовалъ за ней, но ужъ не дѣлалъ дальнѣйшихъ попытокъ помочь ей сѣсть въ карету, а подождалъ, пока она сядетъ, и спокойно сѣлъ рядомъ съ ней. Когда лошади тронулись, онъ еще разъ посмотрѣлъ на широко открытую дверь, на Крапгэма въ его торжественной темной ливреѣ и камеристку въ черномъ платьѣ; эти двѣ фигуры рѣзко выдѣлялись на фонѣ ярко освѣщенной передней. Когда коляска мягко покатилась, онъ откинулся въ каретѣ и закрылъ глаза. Первыя минуты прошли въ глубокомъ молчаніи. У Лодера было своеобразное

ощущеніе близости и въ то же время безконечной отдаленности отъ Евы. Онъ сидѣлъ такъ близко къ ней, что ясно чувствовалъ запахъ ея духовъ. Это его смущало и вмѣстѣ съ тѣмъ было пріятно. Послѣ очень долгихъ лѣтъ онъ впервые былъ въ такой близости отъ женщины своего круга. Онъ невольно обернулся и поглядѣлъ на Еву.

Она сидѣла совершенно прямо; ея тонкій профиль ясно вырисовывался на фонѣ каретнаго окна. Брильянты ея сверкали, когда они проѣзжали мимо уличныхъ фонарей. Опять его охватило ощущеніе нереальности всего происходящаго. Потомъ въ немъ проснулось другое, болѣе властное чувство и вытѣснило первое. Онъ почти невольно спросилъ:

— Ты позволишь сказать тебѣ кое-что?

Ева не двинулась и даже не повернула головы,—какъ сдѣлали бы на ея мѣстѣ большинство женщинъ.

— Говори все, что̀ хочешь,—серьезно отвѣтила она.

— Все, что̀ хочу?—Онъ наклонился къ ней; имъ овладѣло безумное желаніе проявить свою власть.

— Конечно.

Въ голосѣ ея звучала нотка скуки. Онъ взглянулъ въ окно на мелькающіе огни, потомъ взглядъ его медленно обратился снова къ ней.

— Ты очень красива сегодня, — сказалъ онъ. Голосъ его звучалъ тихо и почти холодно. И все-таки эти слова вызвали то дѣйствіе, котораго онъ хотѣлъ. Она повернулась къ нему и взглянула на него удивленно и съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Эта побѣда—хотя и незначительная—доставила ему наслажденіе. Онъ вспомнилъ сцену съ лакеемъ Чилькота. Онъ опять загорѣлся желаніемъ дѣйствовать смѣло на свой страхъ. Онъ наклонился и слегка коснулся ея руки.

— Ева,—сказалъ онъ быстро,—Ева, ты помнишь...—Онъ замялся и отдернулъ руку. Лошади пошли шагомъ и остановились въ ряду экипажей, подъѣзжавшихъ къ дому лорда Брамфеля.

XIV.

Когда Лодеръ входилъ въ домъ лорда Брамфеля, ему казалось, что онъ актеръ, исполняющій роль на сценѣ, а не обыкновенный человѣкъ, попавшій въ необычное положеніе. Въ первый разъ ему пришлось изображать Чилькота въ свѣтскомъ обществѣ. Слѣдуя за Евой по корридору, который велъ къ пріемныя ком-

наты, онъ все время спрашивалъ себя, происходитъ ли это наяву или во снѣ. Въ тотъ моментъ, когда онъ былъ почти увѣренъ, что все это сонъ, его окликнулъ чей-то веселый голосъ. Обернувшись, онъ увидѣлъ угловатыя плечи, свѣтлые глаза и острую бородку Лэкли, собственника „St. George's Gazette". При его видѣ всѣ сомнѣнія улетучились. Дѣйствительность вступала въ свои права, какъ за три недѣли до того, въ тотъ краткій, но утомительный промежутокъ времени, когда его спавшія способности проснулись отъ толчка, и когда онъ понялъ самого себя.

Онъ невольно поднялъ голову. Легкій налетъ недовѣрія, поколебавшій его вѣру въ себя, разсѣялся, и онъ весело улыбнулся въ отвѣтъ Лэкли; это измѣнило все выраженіе его лица.

Какъ разъ въ эту минуту Ева обернулась къ нему. Выраженіе его лица невольно влекло ее къ нему. Никогда, даже до свадьбы, когда Чилькотъ ухаживалъ за ней, она не видала его такимъ. Ее охватило теплое чувство къ нему, и когда оно ослабѣло—такъ же быстро, какъ явилось,—ей сдѣлалось грустно. Но вниманіе ея было отвлечено въ эту минуту другой встрѣчей. Къ ней пробирался черезъ толпу, наполнявшую корридоръ, стройный юноша съ свѣтлыми волосами.

— М-ссъ Чилькотъ! — воскликнулъ онъ.—Вѣрить ли мнѣ такому счастью? Вы одна?

Ева засмѣялась съ видимымъ облегченіемъ.

— Какой вы смѣшной, Бобби!—сказала она ласково.—Но все-таки не вѣрьте своему счастью. Со мной пріѣхалъ мой мужъ; я его поджидаю.

Блесингтонъ раскрылъ ротъ отъ удивленія.

— Да неужели?—сказалъ онъ и замолчалъ. Онъ былъ добрякъ, но всѣ знали, что онъ былъ сильно огорченъ, когда Чилькотъ взялъ другого секретаря. Ева это тоже знала, и ей хотѣлось пролить бальзамъ на его раны.

— Разскажите что-нибудь о себѣ,—сказала она.—Что вы подѣлывали все это время?

Блесингтонъ оправился, взглянулъ на нее и улыбнулся.

— Что я дѣлалъ? — переспросилъ онъ. — Ходилъ каждый день на Гровноръ-Сквэръ съ визитомъ—и ни разу не заставалъ дома одну знакомую даму.

Ева засмѣялась. Милый, добросердечный юноша часто развлекалъ ее въ тяжелые часы ея жизни, и она очень жалѣла о немъ, когда его мѣсто занялъ Гринингъ.

— Я васъ серьезно спрашиваю, Бобби. Удалось вамъ хорошо пристроиться?

Лицо Блесингтона приняло лукавое выраженіе.

— Кое-что, кажется, налаживается,—отвѣтилъ онъ:—сегодня я тутъ по дѣламъ службы. Старикъ Брамфель и мой родитель что-то устраиваютъ. Если лэди Брамфель или лэди Аструпъ уронятъ сегодня вѣеръ или платокъ, то я долженъ быть тутъ какъ тутъ, чтобы поднять его. Поняли?

— Такъ же, какъ вы поднимали мой вѣеръ и мой платокъ — въ прошломъ и позапрошломъ году?—улыбаясь, спросила Ева.

Блесингтонъ измѣнился въ лицѣ.

— Какъ вы могли это сказать!—воскликнулъ онъ.

Потомъ онъ вдругъ замолчалъ. Изъ общаго шума голосовъ выдѣлился совершенно явственно чей-то смѣхъ. Смѣхъ былъ не громкій, но такой, какой рѣдко можно услышать въ лондонскихъ салонахъ. Въ немъ звучала и бодрость и веселость, а также сила и твердость воли. Ева и Блесингтонъ невольно обернулись.

— Однако!—сказалъ Блесингтонъ. Ева ничего не сказала.

Лэкли въ эту минуту какъ разъ отошелъ отъ Лодера, смѣхъ котораго и привлекъ вниманіе Евы и Блесингтона. На лицѣ Лодера ясно было видно, что только-что законченная бесѣда очень его интересовала, и онъ шелъ по направленію къ нимъ, оживленный и улыбающійся.

— Однако! — сказалъ еще разъ Блесингтонъ. — Я какъ-то не замѣчалъ прежде, что Чилькотъ такой высокій.

Ева все еще не произнесла ни слова, но внутренно она совершенно соглашалась съ нимъ. Лодеръ, повидимому, не видѣлъ ее, пока не подошелъ совсѣмъ близко. Онъ остановился.

— Я только-что говорилъ съ Лэкли, — сказалъ онъ. — Я обѣщалъ ему пріѣхать обѣдать на Кадоганъ-Сквэръ.

Ева продолжала молчать; она ждала, чтобы онъ заговорилъ съ Блесингтономъ, и быстро поглядѣла на него; но онъ, повидимому, не понялъ ея взгляда. Наступила томительная минута ожиданія. Ева знала, что онъ бываетъ непростительно разсѣянъ, но это случалось, когда у него „разстроены“ нервы, какъ онъ выражался. А въ этотъ вечеръ онъ несомнѣнно былъ вполнѣ здоровъ.

Она слегка покраснѣла и искоса взглянула на Блесингтона, чтобы посмотрѣть, смущенъ ли онъ невниманіемъ ея мужа. Но онъ разсматривалъ съ необычайнымъ вниманіемъ коллекцію китайскаго оружія, развѣшанную въ нишѣ около нихъ.

— Пока ты разговаривалъ съ Лэкли, меня занималъ Бобби,— сказала она, чтобы обратить его вниманіе на Блесингтона.

Послѣ этихъ словъ Лодеръ взглянулъ на Блесингтона.

— Какъ вы поживаете?—спросилъ онъ вѣжливо, но холодно. Имя „Бобби“ ему ничего не говорило. Къ величайшему его удивленію, у Евы сдѣлалось недовольное лицо, а Блесингтонъ видимо удивился. Лодеръ смутился; онъ понялъ, что поступилъ не такъ, какъ слѣдовало. Наступило неловкое молчаніе. Блесингтонъ увидѣлъ, или вѣрнѣе почувствовалъ, что Ева посмотрѣла съ укоромъ на Лодера, и поспѣшилъ спасти положеніе своимъ тактомъ.

— А какъ вы поживаете, м-ръ Чилькотъ? — спросилъ онъ съ улыбкой.—У васъ удивительно свѣжій видъ. Я говорилъ какъ разъ м-ссъ Чилькотъ, что сегодня состою на службѣ у лэди Аструпъ, и мнѣ поручено разузнать кое-что.

Онъ говорилъ быстро, не задумываясь о смыслѣ своихъ словъ, но его непринужденный тонъ разсѣялъ неловкость. Ева улыбнулась ему въ знакъ благодарности.

— Мы не станемъ удерживать васъ отъ исполненія вашихъ обязанностей, — сказала она. — Къ тому же мы тоже должны нести свою службу.

Она опять улыбнулась, коснулась руки Лодера и указала на пріемную комнату.

Когда они вошли въ большую изъ двухъ гостиныхъ, они застали тамъ лэди Брамфель, которая принимала входившихъ гостей. Она была высокаго роста, очень худощава и только по голосу напоминала свою сестру Лиліанъ. Когда Лодеръ и Ева подошли къ ней, она говорила съ нѣсколькими гостями, и первые звуки ея мягкаго, пѣвучаго голоса произвели странное впечатлѣніе на Лодера, — смутно напоминая ему о чемъ-то давно знакомомъ. Но это впечатлѣніе сейчасъ же разсѣялось. Лэди Брамфэль очень сердечно и тепло поздоровалась съ Евой, потомъ обернулась къ нему.

— Благодарю васъ, что вы пріѣхали. Но я ужасно боюсь, какъ бы вы у насъ не соскучились.

Онъ обратилъ вниманіе на то, что лэди Брамфель была гораздо холоднѣе съ нимъ, чѣмъ съ Евой, и рѣшилъ быть на сторожѣ.

— Ваше предположеніе очень нелестно для меня,—отвѣтилъ онъ.—Скучаютъ въ сущности только пустые люди.

Лэди Брамфель громко расхохоталась.

— Это что значитъ? — воскликнула она.—Вы, кажется, начинаете заботиться о мнѣніи общества?

Лодеръ счелъ нужнымъ тоже засмѣяться.

— Чѣмъ хуже моя репутація, тѣмъ болѣе она нуждается въ защитѣ,—сказалъ онъ.

Тѣмъ временемъ подошли новые гости. Ева улыбнулась хозяйкѣ, и они прошли дальше. На минуту онъ остался наединѣ съ Евой. Она, повидимому, хотѣла что-то сказать ему, но не рѣшалась: она открывала и закрывала свой вѣеръ, и наконецъ рѣшительно повернулась къ нему и посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Почему ты былъ такъ непривѣтливъ съ Бобби Блесингтономъ?—спросила она, говоря это тономъ выговора провинившемуся ребенку. Лодеру стало очень непріятно, что онъ сдѣлалъ ей непріятность, — но какъ бы онъ могъ знать, что это былъ Блесингтонъ?! Они прошли дальше, и въ слѣдующей комнатѣ попали въ густую толпу гостей, что было крайне непріятно Лодеру. Къ Евѣ всѣ подходили и улыбались ей; одна дама наклонилась къ ней, и стала говорить что-то на ухо. Онъ все яснѣе чувствовалъ, что она играетъ видную роль въ обществѣ, а самъ онъ казался здѣсь совершенно лишнимъ. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ заговорить съ нею, изъ группы гостей отдѣлился маленькаго роста господинъ съ круглымъ, блѣднымъ лицомъ, и Лодеръ узналъ въ немъ съ досадой хозяина дома. Въ то время какъ лордъ Брамфель подходилъ къ нимъ, Лодеръ еще яснѣе почувствовалъ, что Ева—общая любимица. Ожидая, что она черезъ минуту исчезнетъ для него въ потокѣ чужихъ людей, онъ захотѣлъ удержать ее.

— Ева!—тихо окликнулъ онъ ее.

Она обернулась къ нему.

— Что?—спросила она, и въ звукѣ ея голоса ему послышалась теплая нота.

— Я хотѣлъ сказать тебѣ относительно Блесингтона...

Но въ эту минуту маленькій лордъ Брамфель подошелъ къ нимъ, протягивая руки и радостно улыбаясь.

— Можно разлучить мужа и жену? За это по закону не полагается наказанія,—какъ вы думаете, м-ссъ Чилькотъ? А вы какъ поживаете, Чилькотъ?— Онъ быстро и негромко обращался по своему обыкновенію то къ ней, то къ нему. Лодеръ отошелъ, чтобы скрыть свою досаду, а Ева съ улыбкой поздоровалась съ Брамфелемъ.—Сегодня вы можете дѣлать все безнаказанно,—сказала она и отошла къ другимъ знакомымъ.

Въ то время какъ она уходила, Брамфель взглянулъ на Лодера.—Ну, что же, Чилькотъ? Вы уже вопрошали судьбу о своемъ будущемъ?—со смѣхомъ спросилъ онъ.

Лодеръ тоже засмѣялся, но ничего не отвѣтилъ. Не понимая смысла вопроса, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ своему испы-

танному средству — молчанію. Но Брамфель поднялъ брови съ удивленіемъ.

— Не представляйтесь, пожалуйста,—сказалъ онъ,—что вы еще не попались въ жертвы моей belle-soeur.—Онъ обратился затѣмъ къ Евѣ.—Вы, навѣрное, знаете о нашемъ новомъ пріобрѣтеніи, м-ссъ Чилькотъ?—спросилъ онъ.

— Вы говорите о Лиліанъ и ея хрустальномъ шарѣ? Конечно. Она, навѣрное, прелестна въ роли прорицательницы. Это страшно интересно.

Брамфель принялъ таинственный видъ.

— У нея устроенъ очаровательный шатеръ въ концѣ оранжереи. Пять человѣкъ работали пять дней, чтобы установить этотъ шатеръ. Стукъ былъ такой, что не слышно было собственныхъ словъ. Моя жена говорила, что она стала чувствовать себя въ роли дамы-патронессы—до того это напомнило ей благотворительные базары.

Всѣ сочли долгомъ разсмѣяться. Въ эту минуту къ собравшимся въ кучку гостямъ торопливо подошелъ Блесингтонъ.

— Не знаете ли, гдѣ Вичестонъ? Теперь его очередь узнавать судьбу по хрустальному шару.

Всѣ опять расхохотались. Брамфель взялъ Блесингтона за рукавъ и сталъ подшучивать надъ нимъ, говоря торжественнымъ тономъ:

— Вичестонъ—человѣкъ благоразумный,—сказалъ онъ,—и потому играетъ въ бриджъ. Оставьте его въ покоѣ за карточнымъ столомъ, Бобби.

Блесингтонъ изобразилъ на лицѣ комическое отчаяніе.

— Не шутите,—сказалъ онъ.—Я все это продѣлываю дѣловымъ образомъ. Я составляю списокъ съ точнымъ обозначеніемъ именъ и времени, и лэди Аструпъ остается въ блаженномъ невѣдѣніи относительно того, кто ея жертвы. Ея прорицанія прямо-таки волшебны,—и мои статистическія записи...

— Перестаньте, Бобби, умоляю васъ!—Круглые глаза Брамфеля заморгали отъ удовольствія.

— Нѣтъ, не говорите. Моя система...

— Какъ, даже система? Ну, что вы, Бобби!—сказала Ева.—Оставьте лорда Вичестона въ покоѣ. Замѣните его кѣмъ-нибудь другимъ. Не все ли равно—разъ Лиліанъ не знаетъ.

Блесингтонъ колебался. Онъ обвелъ глазами присутствующихъ, и взглядъ его остановился на Брамфелѣ.

— Только не меня, Бобби, молю васъ!—запротестовалъ хозяинъ дома.—Подумайте, вѣдь за послѣднія недѣли я ни о чемъ

другомъ не слышу разговоровъ, какъ о хрустальныхъ шарахъ. Довольно съ меня хрустальныхъ шаровъ. А вы лучше поведите туда Чилькота.—Онъ опять заморгалъ глазами.

Всѣ обратили взгляды на Чилькота,—а нѣкоторые поглядывали украдкой и на Еву. Чтобы не вышло замѣшательства, она первая засмѣялась.

— Чудесная мысль, — сказала она. — Политикамъ важнѣе всего знать будущее. Проявите свою власть, Бобби, и поведите его туда. А когда вы его запрете въ шатеръ, то приходите ко мнѣ. Мы давно не говорили по душѣ съ вами..—Она дружески кивнула ему и сейчасъ же обратилась къ лорду Брамфелю съ какимъ-то безразличнымъ замѣчаніемъ.

Лодеръ колебался съ минуту, потомъ покорно взялъ Блесингтона за руку.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ. — Если судьба моя окажется злополучной, то вы свидѣтель, что меня толкнула въ ея объятія моя жена.—Онъ сдѣлалъ легкое удареніе на словѣ „жена“; ему было пріятно говорить при другихъ о своей „женѣ“. Первое непріятное впечатлѣніе отъ невниманія къ нему общества сгладилось. Онъ теперь твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду. Дружески взявъ подъ руку Блесингтона, онъ прошелъ съ нимъ черезъ пріемныя комнаты, по длинному корридору и широкой лѣстницѣ, которая вела въ оранжерею. Это была одна изъ достопримѣчательностей дома Брамфелей. Сплетеніе зеленыхъ вѣтвей, легкій, проникающій всю атмосферу ароматъ показались Лодеру чѣмъ-то волшебнымъ, никогда невиданнымъ. Вокругъ него была ароматная мгла, среди которой раздавались кое-гдѣ тихіе голоса. Ему казалось, что онъ здѣсь въ полномъ одиночествѣ, представлявшемъ отрадный контрастъ съ шумомъ и свѣтомъ залы. Непріятна была ему только при этомъ мысль о прорицательницѣ. Ему казалось непростительной глупостью нарушать торжественный покой такимъ дурачествомъ. Онъ обратился къ Блесингтону:

— Что я долженъ дѣлать?—спросилъ онъ.

Блесингтонъ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Какъ! я думалъ...—Онъ не докончилъ фразы и сейчасъ же перемѣнилъ тонъ. — Вы только вдумайтесь немного въ то, что вамъ предстоитъ. Лэди Аструпъ не требуетъ вовсе непоколебимой вѣры, но проситъ относиться серьезно къ ея искусству.—При этихъ словахъ онъ разсмѣялся такъ заразительно, что Лодеръ засмѣялся вслѣдъ за нимъ.

— Что же я собственно долженъ дѣлать?—повторилъ онъ свой вопросъ.

— Ровно ничего, м-ръ Чилькотъ. Такъ какъ она жрица, то ей, конечно, нужны аколиты. Шатеръ поставленъ такъ, что она ничего не можетъ видѣть, кромѣ вашихъ рукъ: этимъ исключается всякое предположеніе о какомъ-нибудь обманѣ.—Онъ засмѣялся. Послѣ того онъ замедлилъ шаги и вдругъ произнесъ тихо, съ напускнымъ благоговѣніемъ:—Мы пришли.

Они стояли въ концѣ узкой аллеи. Слабый свѣтъ усиливалъ впечатлѣніе безграничной дали. Слѣва раздавался плескъ воды, справа можно было смутно различить шатеръ.

Шатеръ былъ красиво устроенъ изъ мягкихъ шолковыхъ тканей и освѣщался отблескомъ восточнаго фонаря, повѣшеннаго надъ входомъ. Когда Лодеръ и Блесингтонъ подходили туда, изъ шатра какъ разъ выходилъ кто-то. Онъ остановился съ минуту въ нерѣшительности, и потомъ только подошелъ къ нимъ.

— Ну и темно же тамъ, чортъ возьми!—сказалъ онъ.—Я даже васъ не разглядѣлъ. Знаете, Блесингтонъ,—въ сущности это возмутительно, что прорицательница, закутанная въ дымъ и облака, скрыта отъ нашихъ глазъ. Она-то смотритъ въ хрустальный шаръ,—а нужно бы, чтобы и намъ было, на что смотрѣть.

Блесингтонъ засмѣялся.—Вы многаго сразу хотите, Гольтри,—сказалъ онъ.—Лэди Аструпъ знаетъ, какъ цѣнно недосягаемое. Намъ пора войти,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Лодеру и энергично уводя его за собой.

Слѣдуя за нимъ, Лодеръ сталъ интересоваться всей этой таинственной процедурой. Ему захотѣлось узнать, кто эта женщина, о которой такъ много говорятъ. И въ эту минуту онъ вспомнилъ, какъ увѣрялъ Чилькота, что въ одномъ пунктѣ онъ совершенно неуязвимъ. Тогда онъ говорилъ на основаніи опыта минувшихъ дней; но теперь прошлое казалось ему столь далекимъ, что онъ сталъ сомнѣваться, представляетъ ли оно такую полную гарантію на будущее время, какъ онъ думалъ. Способность человѣка совершенно забывать о минувшемъ безгранична. То, что когда-то произошло въ горахъ Италіи, абсолютно изгладилось изъ памяти Лодера, стерлось, какъ рисунокъ мѣломъ на грифельной доскѣ.

Блесингтонъ подошелъ къ шатру и поднялъ занавѣсь, скрывавшую входъ.

— Пожалуйте!—сказалъ онъ Лодеру, увлекая его за собой.

Лодеръ взглянулъ на его веселое лицо, освѣщенное сверху фонаремъ, и улыбнулся. Потомъ онъ пожалъ плечами и вошелъ въ шатеръ. Портьера опустилась.

XV.

Первое, что̀ почувствовалъ Лодеръ, было непріятное ощущеніе полнаго мрака. Когда глазъ его привыкъ къ темнотѣ, это ощущеніе разсѣялось, и онъ почувствовалъ всю нелѣпость положенія, въ которомъ онъ очутился.

Шатеръ былъ маленькій, весь задрапированный шолковыми тканями, и воздухъ пропитанъ былъ мускусомъ. Внутри онъ былъ раздѣленъ неподвижной занавѣсью, которая спускалась съ потолка и не доходила на нѣсколько дюймовъ отъ пола. На той сторонѣ, гдѣ былъ Лодеръ, стоялъ только низенькій стулъ, и все пространство было освѣщено слабымъ отблескомъ свѣта, проникавшаго изъ невидимой части шатра изъ-подъ неподвижной занавѣси. Нѣсколько времени Лодеръ стоялъ въ выжидательной позѣ. Вдругъ раздался глубокій, мягкій голосъ.

— Будьте любезны сѣсть,—пригласилъ его кто-то.

Онъ продолжалъ стоять въ нерѣшимости. Голосъ звучалъ откуда-то по близости и производилъ странное впечатлѣніе среди тишины и мрака,—онъ казался Лодеру почти знакомымъ. Наконецъ онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Его, очевидно, поразило сходство этого голоса съ мягкимъ голосомъ лэди Брамфель. Съ нѣкоторымъ чувствомъ успокоенія онъ пододвинулъ стулъ и сѣлъ на него.

Тогда только онъ замѣтилъ, что по другую сторону занавѣси—маленькій столикъ изъ лакированнаго дерева; на немъ лежали раскрытая книга, хрустальный шаръ и золотая мисочка, наполненная чернилами. Все это стояло по той сторонѣ столика, которая была ближе къ нему; другая же половина оставалась невидимой для него. Все это начинало интересовать его, и онъ сѣлъ удобнѣе на стулѣ. Кто бы ни была эта женщина, во всякомъ случаѣ она умѣла эффектно обставлять свои затѣи. Онъ сталъ ждать съ любопытствомъ дальнѣйшихъ указаній изъ-за занавѣси.

— Искусство читать судьбу въ хрустальномъ шарѣ—раздался голосъ послѣ короткой паузы—очень старинное.

Лодеръ нагнулся впередъ. Мысль о лэди Брамфель смѣшивалась съ воспоминаніемъ о чемъ-то очень далекомъ и совершенно неопредѣленномъ.

— Для того, чтобы достигнуть наилучшихъ результатовъ, вопрошающій долженъ положить руки на гладкую поверхность.

Невидимая жрица, очевидно, читала изъ открытой передъ нею книги. При словѣ „поверхность“ наступила маленькая пауза, во время которой она, очевидно, перемѣнила положеніе на стулѣ. Затѣмъ снова раздался ея голосъ, но уже нѣсколько измѣнившійся:

— Пожалуйста, положите руки на столъ, ладонями внизъ.

Лодеръ улыбнулся. Онъ представлялъ себѣ на своемъ мѣстѣ Чилькота. Какъ бы вся эта таинственность раздражала его! Затѣмъ онъ наклонился и выполнилъ приказаніе прорицательницы. Онъ положилъ руки на столъ въ кругъ свѣта отъ невидимой лампы. Прорицательница хранила глубокое молчаніе втеченіе нѣсколькихъ минутъ. Затѣмъ она какъ будто подняла голову.

— Нужно снять кольца,—сказала она мягко.—Всякій металлъ мѣшаетъ дѣйствію симпатическаго тока.

При другихъ обстоятельствахъ Лодеръ бы, вѣроятно, разсмѣялся. Но требованіе снять кольца, хотя и случайное и предложенное въ любезной формѣ, было очень неудобнымъ для Лодера. Онъ сейчасъ же подумалъ о Чилькотѣ и объ единственномъ изъянѣ ихъ непогрѣшимаго во всѣхъ другихъ пунктахъ плана. Онъ инстинктивно отдернулъ руку.

— Между кѣмъ долженъ установиться симпатическій токъ?— спокойно спросилъ онъ.

Говоря это, онъ думалъ про себя, что не лучше ли обратиться въ бѣгство.

— Между вами и мною, конечно,—отвѣтилъ мягкій голосъ. Онъ звучалъ спокойно, но властно.

Но мысль о бѣгствѣ показалась Лодеру слишкомъ театральной. Въ этомъ мірѣ говорящихъ шопотомъ голосовъ и смягченнаго свѣта всякія рѣзкія рѣшенія были непонятны. Не было никакой видимой причины для рѣзкаго отступленія. Онъ медленно откинулся на стулѣ, обдумывая свое положеніе. Если эта женщина случайно знаетъ, что Чилькотъ сталъ носить кольца въ послѣднее время и знаетъ форму его колецъ, то видъ шрама на пальцѣ Лодера можетъ вызвать вопросы и предположенія. Но если, съ другой стороны, онъ вдругъ уйдетъ изъ шатра безъ объясненій, или рѣшительно откажется снять кольца, то это возбудитъ общее любопытство,—что очень опасно. Все это онъ быстро сообразилъ, понимая, что необходимо тотчасъ же рѣшиться на что-нибудь. Онъ оглянулся въ шатрѣ и невольно выпрямился. Конечно, положеніе его было очень затруднительное, но все-таки не было основанія приходить въ отчаяніе. Въ это время раздались опять звуки мягкаго, вкрадчиваго голоса.

— Я буду водить свою руку надъ вашей и смотрѣть при этомъ въ хрустальный шаръ. Это и установитъ симпатическій токъ. — Лодеръ увидалъ въ полусвѣтѣ нѣжную руку, которая взяла шаръ.—Тогда я смогу читать ваши мысли. Будьте же любезны снять кольца.

Простота, съ которой къ нему обращено было это требованіе, окончательно обезоружила его. Положеніе было въ высшей степени опасное. Но—онъ самъ это не разъ говорилъ себѣ—опасность—соль жизни.

— Простите, что я такъ утруждаю васъ,—сказала невидимая жрица вкрадчиво и нѣжно.

Лодеръ быстро подумалъ о томъ, хорошо ли знаетъ лэди Аструпъ Чилькота. Но онъ не имѣлъ никакихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, и потому пересталъ думать объ этомъ. Чилькотъ никогда не говорилъ ему о ней, и на этотъ разъ тоже назвалъ ее только вскользь, какъ сестру лэди Брамфель. Неужели же онъ сталъ такимъ трусомъ, что не рѣшается бросить вызовъ судьбѣ? Переставъ колебаться, Лодеръ снялъ кольца, опустилъ ихъ въ карманъ и положилъ руки на столъ.

Въ эту минуту случилось нѣчто неожиданное. За занавѣской раздался шелестъ платья, потомъ легкій стукъ стула, который подвинули впередъ или назадъ. Потомъ наступила тишина.

Лодеръ почувствовалъ, что произошла какая-то перемѣна; онъ былъ въ этомъ увѣренъ, также какъ въ томъ, что вокругъ него была темнота, и что изъ-подъ занавѣси проникала на полъ полоса свѣта. Онъ вытянулъ руки на столѣ и чувствовалъ съ какимъ-то мучительнымъ ощущеніемъ, что ихъ разсматриваютъ чьи-то невидимые пытливые глаза. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что возникло какое-то новое осложненіе. Но если причиной этого осложненія было то, что онъ показалъ свои руки, то всякое вмѣшательство съ его стороны можетъ только внести еще большую запутанность. Поэтому онъ продолжалъ сидѣть молча и неподвижно.

Оказала ли его пассивность какое-нибудь вліяніе, онъ не могъ судить; во всякомъ случаѣ, за занавѣсью стало тихо. Что бы ни вызвало шелестъ юбокъ и внезапное передвиженіе стула, теперь все это очевидно вытѣснено было другими чувствами.

Черезъ нѣсколько времени за занавѣсью положили на столъ хрустальный шаръ. Рѣзкій, отрывистый звукъ, съ которымъ шаръ коснулся стола, указывалъ на то, что прорицательница приняла какое-то твердое рѣшеніе. Въ ту же самую минуту снова раздался ея голосъ. Онъ звучалъ еще болѣе тихо, но въ немъ не

было прежней непринужденности, а сказывалось что-то новое—волненіе ли, изумленіе или любопытство,—этого Лодеръ не могъ рѣшить.

— Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ...—начала она.—Вамъ...—Она остановилась. Наступила опять пауза. Она точно ждала какой-нибудь помощи. Но Лодеръ продолжалъ молчать. Въ затруднительныхъ случаяхъ молчаніе и хладнокровіе—лучшія орудія борьбы.

Его молчаніе, видимо, смущало ее. Лодеръ слышалъ, какъ она задвигалась на стулѣ.

— Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ...—начала она опять, видимо оправившись. — Простите, — сказала она вдругъ совершенно измѣнившимся голосомъ. — Прорицаніе при помощи хрустальнаго шара иногда не удается. Уже въ тотъ моментъ, когда вы положили руки на столъ, я почувствовала, что ничего не выйдетъ. Но мнѣ не хотѣлось сдаться сразу.—Она тихо разсмѣялась.

При этомъ смѣхѣ, Лодеръ впервые самъ безпокойно задвигался на стулѣ. Что-то смущало и волновало его. Ему хотѣлось выбѣжать скорѣе изъ шатра, но онъ все-таки не двигался съ мѣста. Что женщина за занавѣской сказала неправду по какой-то невѣдомой причинѣ—это онъ ясно почувствовалъ по всему тону ея словъ, по перемѣнѣ голоса. Въ первую минуту ему хотѣлось заговорить съ незнакомкой, но онъ счелъ это неосторожностью и пропустилъ удобный для начала разговора моментъ. Какая-то загадка чувствовалась во всемъ окружающемъ, а онъ ненавидѣлъ загадки.

Лэди Аструпъ была, видимо, всецѣло занята собой. Она опять пересѣла по иному. Лодеру казалось, что она все ближе нагибается къ его рукамъ и разсматриваетъ ихъ. Ощущеніе это было такое ясное, что онъ невольно отдернулъ руки. Опять зашелестѣли юбки, хрустальный шаръ скатился со стола, и прорицательница весело разсмѣялась. Лодеръ вскочилъ съ мѣста. Онъ не могъ сразу рѣшить, какъ ему поступить. Онъ только зналъ, что не можетъ дольше оставаться въ шатрѣ изъ шолковыхъ тканей, пропитанномъ мускусомъ, и что вся эта таинственность ему нестерпима. Онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Онъ вытянулся, расправилъ члены, повернулся и вышелъ изъ шатра, отодвинувъ портьеру у входа.

Послѣ мрака, изъ котораго онъ вышелъ, ему показалось, что въ оранжереѣ сравнительно свѣтло. Не дожидаясь, чтобы глаза его пріучились къ свѣту, онъ поспѣшно пошелъ по направленію

къ дому. Длинныя аллеи изъ растеній уже не привлекали его своей сочной зеленью и своей свѣжестью. Поднимаясь по лѣстницѣ въ залу, онъ вынулъ кольца изъ кармана, надѣлъ ихъ, и тогда только вошелъ въ свѣтлыя залы, переполненныя толпой гостей.

Когда онъ проходилъ, расчищая себѣ дорогу въ толпѣ, кто-то заговорилъ съ нимъ; но онъ принялъ разсѣянный, какъ у Чилькота, видъ и поспѣшилъ впередъ. На порогѣ въ столовую стояли Блесингтонъ и Ева. Выраженіе лица у Лодера измѣнилось, и онъ прямо подошелъ къ нимъ.

— Прости, Ева, — сказалъ онъ. — Мнѣ нужно сказать пару словъ Блесингтону.

Она удивленно взглянула на него, потомъ улыбнулась съ спокойнымъ видомъ.

— Поговори съ нимъ, — отвѣтила она. — Мнѣ тоже давно хочется поговорить съ Милицентой Гоуэръ, но Бобби мнѣ все мѣшалъ. — Она улыбнулась Блесингтону и затѣмъ подошла къ стройной блѣдной молодой дѣвушкѣ въ зеленомъ платьѣ. Она стояла совершенно одна.

Едва она отвернулась, какъ Лодеръ взялъ Блесингтона подъ руку.

— Я знаю, что вы страшно заняты, — началъ онъ, въ совершенствѣ подражая торопливой манерѣ говорить Чилькота. — Я знаю, до чего вы заняты. Но я очутился въ очень затруднительномъ положеніи. — Быстрый взглядъ на здоровое, наивное лицо Блесингтона убѣдилъ его, что самое цѣлесообразное въ данномъ случаѣ просто сказать всю правду.

— Неужели? — Блесингтонъ превратился весь въ слухъ и зрѣніе.

— Да, и я — нуждаюсь въ вашей помощи.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ. То, что Чилькотъ обратился къ нему, возбудило его гордость и въ то же время смутило его.

Лодеръ понялъ свое превосходство и воспользовался имъ.

— Это въ связи съ хрустальнымъ шаромъ, — сказалъ онъ. — Я, кажется, не совсѣмъ хорошо исполнилъ свою роль, — вѣроятно, даже велъ себя очень глупо. Не могу я какъ-то принимать все это въ серьезъ, а лэди Аструпъ... — онъ остановился и зорко поглядѣлъ на Блесингтона. — Ну, да вѣдь вы знаете, милый другъ, что за народъ эти женщины.

Блесингтону было всего двадцать-три года. Онъ снова покраснѣлъ, и лицо его стало необыкновенно серьезнымъ. — Да, да, я знаю, — отвѣтилъ онъ очень важно.

Лодеръ чувствовалъ весь комизмъ положенія, но сохранялъ

серьезное выраженіе лица.—Я зналъ, что вы поймете меня съ первыхъ же словъ,—сказалъ онъ. Когда лэди Аструпъ спроситъ васъ, кто былъ десять минутъ тому назадъ въ шатрѣ, то я хотѣлъ бы...—Онъ остановился, чтобы вглядѣться въ лицо молодого человѣка.

— Что вы хотѣли бы?

— Я бы желалъ, чтобы вы ради меня... даже сказали маленькую ложь.

Блесингтонъ съ удивленіемъ взглянулъ на него и принужденно разсмѣялся.

— Какъ же такъ, м-ръ Чилькотъ,—она...

— ...Узнала меня, вы хотите сказать?—Глаза Лодера сдѣлались острыми, какъ сталь.

— Да.

— Вы ошибаетесь. Она не узнала меня.

Блесингтонъ поднялъ брови. Лодеръ оглянулся въ комнатѣ. Ева отошла отъ дѣвушки въ зеленомъ платьѣ и подошла къ нимъ. По дорогѣ она кланялась и улыбалась знакомымъ, подходившимъ къ ней со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ идетъ моя жена,—сказалъ Лодеръ.—Сдѣлайте это для меня, Блесингтонъ. Это... все упроститъ.—Онъ говорилъ быстро и при этомъ внимательно смотрѣлъ на Еву. Блесингтонъ, какъ онъ и предполагалъ, посмотрѣлъ въ томъ же направленіи.—Это все упроститъ,—повторилъ онъ.—Это упроститъ все.., въ виду... какъ бы это сказать?.. семейныхъ отношеній.

Блесингтонъ „все понялъ“ и оглянулся.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Я такъ и устрою. И прежде чѣмъ Лодеръ смогъ сказать хоть слово, онъ уже исчезъ въ толпѣ.

Съ англ. З. В.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

На закатѣ.

Еще не палъ покровъ туманный
На заалѣвшіе снѣга...
О, свѣтъ вечерній, необманный,
Залившій жизни берега!

Ночная мгла еще покуда
Не охватила небеса,
И я туда гляжу, откуда
Сіяетъ вѣчная краса!

Плывутъ видѣнья: башни, замки—
Въ пурпурномъ блескѣ облака,
И даль, раздвинувшая рамки,
Такъ безконечно широка!

Все потонуло въ блескѣ аломъ,
И говорятъ душѣ они
О незакатномъ, небываломъ—
Заката яркіе огни!

II.

Путникамъ.

Съ тяжкой въ сердцѣ ношею
Трудно вамъ идти,
Замело порошею
Въ полѣ всѣ пути.

Зыбкими туманами
Все заволокло,
И на васъ обманами
Ополчилось зло.

Вамъ грозитъ засадою
Каждый смѣлый шагъ:
Не знакомъ съ пощадою
Бодрствующій врагъ.

Но во мглѣ идущаго
Ждетъ заря побѣдъ:
Онъ борцамъ грядущаго
Пролагаетъ слѣдъ.

О. Чюмина.

РАЗЛОЖЕНІЕ ПАРТІЙ

И

НОЯБРЬСКІЕ ВЫБОРЫ ВЪ АМЕРИКѢ.

Американская политическая жизнь была всегда полна разными неожиданностями; импульсивность и впечатлительность народнаго характера часто внезапно выносили наверхъ новые вопросы и новыхъ людей, быстро вытѣснявшихъ и прежнихъ дѣятелей, и прежнія несогласія. Въ Америкѣ „злоба дня“ всегда играла громадную роль, несмотря на ея дѣйствительное значеніе, нерѣдко оказывавшееся чисто воображаемымъ. Примѣръ Брайяна и „серебрянаго вопроса“, радикальнѣйшимъ образомъ перетасовавшихъ и составъ политическихъ партій, и традиціонныя политическія аффиліаціи народныхъ массъ, и выдвинувшихъ цѣлый рядъ новыхъ политическихъ вожаковъ,—достаточно свидѣтельствуетъ о калейдоскопичности американской политики вообще. Такой же характерной неожиданностью явился и лихорадочный интересъ, который всколыхнулъ эту политику до основанія, благодаря именно прошедшимъ ноябрьскимъ выборамъ. Такой страстной политической кампаніи Союзъ не переживалъ съ 1896 года, и эта страстность была особенно освѣжающей послѣ полной апатіи кампаній 1902 и, въ особенности, 1904 годовъ. Въ свое время я отмѣтилъ и принципіальную безсодержательность этихъ конфликтовъ, и полное отсутствіе какого-либо къ нимъ интереса со стороны народныхъ массъ [1]). Повидимому, общее положеніе измѣнилось съ тѣхъ поръ только очень мало,—а тѣмъ не менѣе кампанія 1906 г. перешла въ исторію политики Союза, какъ одна изъ самыхъ страстныхъ и интересныхъ. Этотъ-то странный на первый взглядъ фактъ, въ связи съ современнымъ положеніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ въ Союзѣ я и попытаюсь выяснить въ настоящей статьѣ.

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“—ноябрь 1903 и іюль 1905 г.

I.

Благодаря отчасти „имперіализму“, отчасти англофильству современной американской внѣшней политики, за послѣднее время въ ней было немало разныхъ осложненій. Китайскій бойкотъ, о которомъ мнѣ пришлось уже подробно писать прежде [1]), все еще продолжается; онъ урѣзалъ экспортъ Союза въ Китай за прошлый отчетный годъ на цѣлые 20 милліоновъ долларовъ; а „открытыя двери“ японскаго фасона въ Манчжуріи и Кореѣ уменьшили экспортъ въ эти страны и въ Японію еще на 19 милл. Послѣ войны, японцы совсѣмъ заполонили наше тихоокеанское побережье, эмигрируя сюда десятками тысячъ, и весьма быстро возстановили противъ себя все населеніе—дѣловые классы своими надменностью и дѣловой недобросовѣстностью, а рабочіе—систематическимъ спускомъ заработной платы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ насильно поголовно выгоняли, въ другихъ—бойкотировали; въ годичномъ собраніи американской федераціи труда представители всего побережья единогласно приняли резолюцію—требовать отъ конгресса примѣненія и къ японцамъ закона Гири о невпускѣ въ союзъ китайцевъ, а въ городѣ Санъ-Франциско, которымъ управляютъ безраздѣльно ремесленные союзы, совѣтъ народнаго образованія отказалъ японцамъ въ правѣ посѣщать народныя школы для бѣлыхъ, и сконцентрировалъ ихъ въ спеціально для нихъ открытыхъ школахъ. Это раздѣленіе страшно обозлило Японію и немедленно же послѣдовали самыя энергичныя представленія японскаго правительства вашингтонскому. Рузевельтъ былъ вынужденъ прислать въ Санъ-Франциско министра торговли Меткафа, калифорнійца, съ большимъ личнымъ вліяніемъ въ этомъ городѣ, для разслѣдованія обстоятельствъ дѣла, но и онъ, повидимому, не могъ ничего подѣлать съ городскими властями, и дѣло, вѣроятно, перейдетъ въ судъ, для рѣшенія вопроса—обязателенъ ли для города трактатъ федеральнаго правительства съ иностраннымъ государствомъ, дарующій его жителямъ права „favoured nation“, если народъ штата или города найдетъ нужнымъ установить нѣкоторыя ограниченія, въ родѣ настоящаго? Вопросъ интересный, сложный и спорный, какъ въ виду особенностей американскаго федеральнаго устройства, такъ и благодаря абсолютной практической независимости нашихъ отдѣльныхъ самоуправляющихся единицъ. Японія, повидимому, ополчилась не на шутку противъ города Санъ-Франциско, и грозитъ всей Америкѣ всяческими напастями; американскій генераль-

[1]) См. мою статью: „Американская злоба дня“—„Вѣстникъ Европы“, апрѣль 1906.

ный консулъ въ Японіи весьма поспѣшно нарочно прибылъ въ городъ, чтобы лично удостовѣрить серьезность японскаго возбужденія и повліять на тамошнія власти. Чѣмъ бы ни кончился этотъ эпизодъ, онъ уже несомнѣнно и существенно натянулъ американско-японскія отношенія, и едва-ли можетъ остаться безъ серьезныхъ послѣдствій. Надо думать, что даже всесильный „коммерсіализмъ“ не сможетъ вѣроятно преодолѣть калифорнскихъ предубѣжденій противъ желтой расы вообще.

Кубанскій вопросъ, былъ, повидимому, не совсѣмъ вѣрно понятъ русской прессой, введенной, вѣроятно, умышленно въ заблужденіе односторонне окрашенными телеграммами. Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ. Первымъ президентомъ республики Кубы былъ выбранъ нѣкто Пальма, хотя и ея уроженецъ, но совершенно американизированный, такъ какъ онъ прожилъ безвыѣздно въ Штатахъ, какъ изгнанникъ, свыше тридцати лѣтъ, предшествовавшихъ освобожденію острова. Онъ, повидимому, человѣкъ честный и искренно желавшій добра своей родинѣ,—но не особенно даровитый, и, главное, оказавшійся слишкомъ оторваннымъ отъ современныхъ кубанскихъ жизненныхъ условій и мѣстныхъ дѣятелей; онъ примкнулъ къ партіи умѣренныхъ и окружилъ себя и непопулярными, и неспособными, и очень неразборчивыми на средства помощниками. Первый срокъ его службы прошелъ болѣе или менѣе благополучно,—но въ теченіе этого срока образовалась значительная оппозиція, раздѣленная на нѣсколько фракцій — либераловъ, цвѣтныхъ, старую испанскую и т. д. На выборахъ прошлаго лѣта Пальма былъ выбранъ вторично и оставилъ у власти весь прежній персоналъ, но оппозиція утверждала, что выборы были подтасованы его приверженцами, и что „умѣренные“ остались въ силѣ наперекоръ значительному недовольному народному большинству. Надо думать, что это была правда. Было немедленно организовано въ разныхъ мѣстностяхъ вооруженное возстаніе, всюду завелись революціонныя скопища, и очень скоро всякая работа и всякая торговая и промышленная дѣятельность совершенно прекратились. Сначала Пальма пытался организовать военную силу и бороться съ революціей оружіемъ,—но дѣйствовалъ вообще крайне нерѣшительно, неумѣло и вяло. Въ сущности весь островъ, кромѣ столицы, города Гаванны, оказался, повидимому, на сторонѣ революціи, немногіе вожди которой дѣйствовали и быстро, и энергично, — да и въ столицѣ лойяльность половины населенія была больше чѣмъ сомнительна. Хотя у революціи не было ни центральной организаціи, ни общаго вождя, уже послѣ первыхъ же весьма незначительныхъ стычекъ въ самыхъ окрестностяхъ Гаванны, Пальма совершенно растерялся и потребовалъ американскаго вмѣшательства въ силу доба-

влепія Платта къ основному трактату Союза съ Кубой, и когда въ Гаванну прибыли американскіе флотъ, и войска и уполномоченный президента Рузевельта, военный министръ Тафтъ, Пальма отказался отъ президентства и покинулъ островъ. Всѣ эти событія слѣдовали одно за другимъ съ поразительной быстротой: отъ начала революціи до полнаго занятія острова американскими войсками не прошло и двухъ мѣсяцевъ. Многочисленные главари возстанія, крупные и мелкіе, немедленно осадили Тафта требованіями мѣстъ и окладовъ; въ виду полнаго успѣха, они ожидали смѣны всѣхъ „умѣренныхъ“ и замѣщенія ихъ именно ими. Хотя по поводу тайныхъ пружинъ всей этой картонной революціи и ходитъ у насъ въ прессѣ цѣлая масса басенъ, сплетенъ и догадокъ разнаго рода, тѣмъ не менѣе едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что единственной ея причиной былъ тотъ фактъ, что мѣстъ и окладовъ въ распоряженіи правительства Пальмы далеко не хватило для удовлетворенія всѣхъ считавшихъ ихъ своею собственностью „патріотовъ“, и что проистекавшія отсюда жадность и зависть массы разныхъ проходимцевъ не могли оставить Кубу въ покоѣ. Словомъ, повторилась въ точности исторія всѣхъ остальныхъ освободившихся въ разное время отъ испанскаго ига странъ Центральной и Южной Америки. У такъ называемыхъ разныхъ кубанскихъ политическихъ партій и фракцій нѣтъ какихъ-либо принципіальныхъ несогласій — все основано на притязаніяхъ разныхъ лицъ на власть и на числѣ приверженцевъ у того или другого „генерала“. Теперь уже выяснилось, что всѣ солидные землевладѣльческіе, торговые и промышленные интересы видятъ возможность умиротворенія только въ продолжительномъ и осязательномъ американскомъ занятіи острова— въ твердой власти, поддерживаемой значительною военною силой. Иначе революціямъ не будетъ счета и конца, пока не появится суровый, рѣшительный солдатъ-диктаторъ, въ родѣ мексиканскаго Діаца или венецуэльскаго Кастро. Я лично твердо убѣжденъ, что американскій имперіализмъ во всемъ кубанскомъ дѣлѣ совершенно нипричемъ, что многіе могучіе общественные и промышленные элементы Союза, въ особенности сахарные и табачные трѣсты, воспротивились бы самымъ рѣшительнымъ образомъ идеѣ присоединенія Кубы, и что администрація Рузевельта приложитъ всевозможныя усилія, чтобы какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ этого несвоевременнаго и непріятнаго инцидента. Тѣмъ не менѣе, кубанская революція и занятіе острова немало способствовали оппозиціи республиканской партіи въ прошлой выборной кампаніи и снабдили эту оппозицію многими сенсаціонными доводами, едва-ли имѣвшими какое-либо реальное значеніе.

Зато весьма существеннымъ козыремъ въ рукахъ этой партіи ока-

зался несомнѣнный успѣхъ путешествія министра иностранныхъ дѣлъ Рута по всей прибрежной къ обоимъ океанамъ Южной Америкѣ.

Рутъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ собиравшагося, въ прошломъ іюлѣ, въ городѣ Ріо-ди-Жанейро, третьяго панъ-американскаго конгресса, и, по всѣмъ видимостямъ, успѣлъ въ значительной степени разсѣять традиціонныя предубѣжденія громаднаго большинства южноамериканцевъ противъ Союза. Рутъ—человѣкъ чрезвычайно даровитый и широко-образованный, а въ то же время энергичный, первоклассный дипломатъ и ораторъ. Его серьезнѣйшій недостатокъ—излишнее партизанство. Онъ посѣтилъ Бразилію, Уругвай, Аргентину, Чили, Перу, Боливію, Колумбію и Панаму, и всюду завоевалъ народныя симпатіи и вызвалъ шумныя, блестящія овація въ честь Союза и себя. Эта поѣздка, которая, конечно, отзовется въ ближайшемъ будущемъ существенными политическими и коммерческими перемѣнами въ отношеніяхъ Сѣверной и Южной Америки, была мастерскимъ, превосходно задуманнымъ и выполненнымъ coup d'état, чреватымъ всевозможными послѣдствіями.

II.

Въ общественной внутренней жизни Союза за послѣдніе два года главными элементами были, съ одной стороны, постоянныя разоблаченія всевозможныхъ беззаконій и взяточничества какъ въ разныхъ федеральныхъ, штатныхъ и муниципальныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ управленіяхъ частныхъ акціонерныхъ компаній, въ родѣ страховыхъ, банковыхъ, промышленныхъ, а съ другой—преслѣдованія федеральнымъ и штатными правительствами трёстовъ и вообще комбинацій капитала въ разныхъ формахъ. Хотя и тѣ и другія усилія достигли покуда только очень незначительныхъ конкретныхъ результатовъ, хотя многочисленные и несомнѣнные преступники обоихъ сортовъ все еще обыкновенно успѣваютъ ускользать отъ тюрьмы, тѣмъ не менѣе, агитація противъ нихъ постоянно ростетъ, захватывая собою все болѣе и болѣе широкіе круги, и обѣщаетъ настолько сконцентрироваться въ ближайшемъ будущемъ, что выработаетъ-таки болѣе или менѣе эффективныя новыя орудія для болѣе успѣшной борьбы съ этими новыми формами преступности противъ общественнаго благосостоянія, вызванными новыми жизненными условіями послѣдняго времени. Бѣшеная политико-экономическая эволюція успѣла оставить политическую власть страны далеко за флагомъ, и финансовые, торговые и промышленные вожаки управляютъ страной, вмѣсто ея обезсиленнаго ихъ несоразмѣрнымъ возвышеніемъ правительства. Государство посте-

пѣнно утрачиваетъ контроль надъ нѣкоторыми составляющими его ингредіентами, въ ущербъ остальнымъ изъ нихъ. Агитація послѣднихъ двухъ лѣтъ чрезвычайно способствовала выясненію этого въ сознаніи народныхъ массъ, и я отнюдь не сомнѣваюсь, что, разъ это сознаніе сдѣлается достояніемъ большинства, созидательныя способности этихъ массъ найдутъ практическій выходъ изъ все обостряющагося положенія. Вопросъ въ томъ, возможенъ ли такой выходъ съ измѣненіемъ только методовъ, или же необходимы коренныя реформы въ организаціи правительственной власти, какъ законодательной, такъ и исполнительной, и, въ особенности, судебной. Вожаки республиканской партіи, господствующей безраздѣльно въ федеральномъ управленіи Союза съ 1896 г., цѣлое десятилѣтіе, успѣли за это время создать чрезвычайно компактную и могучую организацію, цѣлое государство въ государствѣ, съ успѣхомъ подавлявшую до сихъ поръ всякія попытки къ оппозиціи предначертываемымъ ими основамъ въ средѣ самой партіи, — другими словами, ввели систему управленія партіей—комбинаціей вожаковъ, а не ея массами, мало-по-малу лишенными всякихъ способовъ и къ проявленію самодѣятельности, и къ здоровой, эффективной критикѣ дѣятельности партіи. Система эта извѣстна въ политической исторіи Союза подъ именемъ „боссизма“ — отъ слова boss—хозяинъ, мастеръ—и не разъ достигала той же силы, что и теперь, находясь всегда въ своемъ апогеѣ, когда прибѣгавшая къ ней партія въ принципіальномъ смыслѣ теряла свой raison d'être, и въ ея средѣ начиналъ происходить процессъ внутренняго разложенія. Преобладаніе боссизма означаетъ, что партія держится не комбинаціей идей, не умственной и нравственной связью, а чисто личными интересами ея предводителей, успѣвшихъ временно подчинить своимъ вліяніямъ необходимое большинство помимо его дѣйствительныхъ симпатій. Начало настоящему царству боссизма въ республиканской партіи было положено еще національной конвенціей этой партіи въ президентскую кампанію 1900 года [1]), но онъ былъ непомѣрно развитъ съ тѣхъ поръ, благодаря всей политикѣ и въ особенности личному характеру президента Рузевельта. Неукротимый enfant terrible именно для своей партійной организаціи, какъ губернаторъ штата Нью-Іорка въ 1898—1900 годахъ, онъ съ теченіемъ времени сдѣлался сильнѣйшимъ организаторомъ своей партіи въ національныхъ дѣлахъ, и только потому, что постоянно нуждается во всемъ престижѣ ея лояльной поддержки въ своихъ безчисленныхъ экскурсіяхъ въ самыя разнообразныя сферы народной жизни. Со свойственными ему энергіей, страстностью

[1]) См. мою статью: „Президентская кампанія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ“ въ „Вѣстникѣ Европы“, іюнь 1901 г.

и искренностью онъ то агитируетъ за увеличеніе числа дѣтей въ семьяхъ, то реформируетъ игру въ футъ-боллъ въ университетахъ, то предпринимаетъ измѣненіе орѳографіи англійскаго языка, то радикально мѣняетъ форму войскъ Союза, то вмѣшивается въ штатныя политическія кампаніи, то улаживаетъ промышленную стачку или умиротворяетъ Россію съ Японіей, то устраиваетъ центрально-американскую революцію и ѣздитъ торопить постройку Панамскаго канала, то подсиживаетъ не особенно чистыми путями какой-нибудь особенно подлый трёстъ,—именно подсиживаетъ, что трёстъ этотъ и успѣваетъ обыкновенно доказать публикѣ и чѣмъ удается ему избѣжать послѣдствій благожелательнаго, но по своимъ результатамъ чисто донъ-кихотскаго нападенія. Совершенно неизвѣстно, на чемъ остановится вниманіе Рузевельта завтра или послѣ-завтра и на что обрушится его энергія черезъ недѣлю или черезъ мѣсяцъ, но во всѣхъ этихъ лихорадочныхъ экспромтахъ ему нужна поддержка партійныхъ боссовъ, національныхъ и мѣстныхъ—ему некогда возиться съ массами и доказывать имъ свою точку зрѣнія—и за эту поддержку онъ и отдалъ имъ всю партію въ крѣпостную зависимость. Въ широкомъ принципіальномъ смыслѣ совершенно неважно, что ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ удалось смѣнить немногихъ особенно скверныхъ мѣстныхъ боссовъ болѣе чистыми людьми,—сама система такъ вредна и деморализующа, что немногія личныя перемѣны не имѣютъ въ дѣйствительности никакого значенія, тѣмъ болѣе, что нерѣдки случаи, когда онъ, не будучи въ силахъ одолѣть такихъ боссовъ, вступалъ въ соглашеніе и съ завѣдомыми негодяями.

Вотъ эти то вожаки-боссы, совершенно овладѣвшіе формальной организаціей республиканской партіи, еще въ кампанію 1902 г. ввели въ ея платформу принципъ „stand pat“, т.-е. довольство настоящимъ и требованіе народной поддержки на выборахъ въ свою пользу на основаніи того, что партія уже совершила, на основаніи осязательной и рѣзкой перемѣны отъ общаго разоренія 1893 — 1896 годовъ къ современному блестящему благосостоянію, начавшемуся именно со времени захвата ею власти, перемѣны, которую она приписала всецѣло своей политикѣ. Принципъ „stand pat“ всего лучше передается на русскій языкъ пословицей — отъ добра добра не ищутъ. Хотя національная платформа партіи въ слѣдовавшую за выборами 1902 г. президентскую кампанію 1904 г. и была весьма многословна, тѣмъ не менѣе сущность ея заключалась въ томъ же stand pat, а въ ноябрьскіе выборы 1906 г. республиканская партія не сочла нужнымъ даже и разговаривать, а оперлась всецѣло и исключительно на тотъ же принципъ. Ея вожаки совсѣмъ застыли въ своемъ самопоклоненіи и безусловно отказались замѣтить и какъ-либо отозваться на тѣ много-

численные симптомы, которые доказывали усиливающіяся броженія и недовольство культомъ партійнаго самообожанія. Они полагали, что страна безусловно благоденствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ, а что для ея развлеченія должно быть совершенно достаточно тѣхъ постоянныхъ сенсацій, на которыя такъ щедръ президентъ Рузевельтъ, и что это развлеченіе можетъ служить достаточнымъ предохранительнымъ клапаномъ отъ какихъ-либо нежелательныхъ взрывовъ. Но на этотъ разъ въ массахъ партіи уже успѣла кристаллизоваться во многихъ мѣстностяхъ серьезная оппозиція такому себялюбивому оптимизму, и эта-то оппозиція въ средѣ самой господствующей партіи, организованная въ многочисленныя независимыя фракціи подъ разными названіями, въ связи съ оппозиціей регулярныхъ ея противниковъ, на этотъ разъ гораздо болѣе живой, чѣмъ въ обѣ предшествовавшія кампаніи, и сдѣлала ноябрьскіе выборы и особенно страстными, и очень поучительными.

Нельзя не признать, что, съ точки зрѣнія исключительно долларовъ и центовъ, оптимизмъ stand pat'еровъ имѣетъ за собою солидное реальное основаніе. Благосостояніе Союза, насколько оно измѣряется финансовой и торгово-промышленной статистикой и всѣми другими современными критеріями для его опредѣленія, никогда еще не стояло такъ высоко, и его громадные естественные рессурсы никогда еще не исчерпывались такъ быстро и съ такими очевидными барышами. Урожаи всѣхъ главныхъ земледѣльческихъ продуктовъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, стояли очень хорошіе, спросъ на нихъ былъ большой и постоянный, и всемірный рынокъ потреблялъ ихъ быстро и по высокимъ цѣнамъ. Экспортъ мануфактуръ все увеличивается, и торговые балансы въ нашу пользу опять исчисляются сотнями милліоновъ долларовъ. Единственнымъ предѣломъ дальнѣйшему лихорадочному расширенію всѣхъ производительныхъ силъ страны являются крайній недостатокъ рабочихъ рукъ и быстрый ростъ заработной платы. За послѣдніе года не было серьезныхъ стачекъ; напротивъ, всѣ желѣзныя дороги и многія крупныя промышленныя дѣла, какъ, напр., Standard Oil Company, стальной трестъ, рудокопное дѣло, экспрессныя компаніи, сами поднимали заработную плату своихъ рабочихъ—благодаря хорошимъ временамъ. Никогда не было въ странѣ такой крупной и лихорадочной постройки новыхъ желѣзно-дорожныхъ линій: высчитываютъ, что въ настоящій моментъ въ Союзѣ и Канадѣ строится до 25.000 миль. Финансовые обороты за десять лѣтъ увеличились въ десять разъ; число банкротствъ упало до небывалаго минимума. И количество золота въ странѣ, и сумма денежныхъ знаковъ per capita быстро росли съ каждымъ годомъ. Бумажныя цѣнности разныхъ родовъ, въ среднемъ, поднялись въ нѣсколько разъ; долгіе успѣхи довели спекуляцію до прямого бѣшенства, до превращенія и финансо-

ваго, и промышленнаго, и, главное, даже поземельнаго рынка въ достояніе азартной игры. Стоимость поземельной собственности съ 1900 г. поднялась на 33%, довольно равномѣрно по всему Союзу. Рекорды разныхъ производствъ — каменноугольнаго, стальнаго, лѣсного, хлопчатобумажнаго, и т. д., постоянно побиваются, и производства эти завалены заказами на полгода и даже на годъ впередъ. Отовсюду слышится одинъ и тотъ же крикъ: дайте намъ больше рабочихъ рукъ, мы не можемъ справиться съ предлагаемой намъ работой! Въ однихъ трехъ штатахъ тихоокеанскаго побережья не хватаетъ въ настоящій моментъ свыше 30.000 рабочихъ; одному городу Чикаго нужно столько же; на Югѣ пропала часть хлопковаго урожая, на Сѣверѣ—пшеницы, въ штатѣ Орегонѣ — хмеля, въ Калифорніи—фруктовъ и винограда, за недостаткомъ рабочихъ рукъ во-время. По вычисленіямъ постояннаго бюро народныхъ переписей—„U. S. Census Bureau“—народное богатство за послѣднее время росло гигантскими шагами; за четыре года, 1900—1904, оно поднялось на $ 18.353.067.211^{00}, т.-е. слишкомъ на 2 милліарда больше, чѣмъ вся та сумма, въ которую оно исчислялось во всей странѣ въ 1860 г.—$ 16.159.616.068^{00}. Въ 1900 г. оно было исчислено въ $ 88.528.348.798^{00}; въ 1904 г. въ $ 106.881.415.000^{00}. Если настоящее отношеніе увеличенія удержится въ теченіе всего десятилѣтія,—богатство это увеличится за этотъ срокъ больше чѣмъ на 50%.

Нельзя не признать, что первоначальный толчокъ этому дѣйствительно феноменальному расширенію, начавшемуся десять лѣтъ тому назадъ, дала перемѣна политическаго режима и большее довѣріе народныхъ массъ къ созидательнымъ способностямъ республиканской партіи. Но ея современные боссы, какъ уже было выяснено выше, утверждаютъ, что и замѣчательная жизненность, и сила этого расширенія есть только прямой и исключительный результатъ ихъ же политической мудрости, и недостаточно интеллигентное и односторонне освѣдомленное народное большинство до сихъ поръ вѣрило имъ, и, вѣроятно, будетъ поддерживать ихъ и въ будущемъ, пока не придетъ неизбѣжный періодическій крахъ и не принесетъ съ собою новый торгово-промышленный кризисъ. Дальновидные же люди думаютъ, что торговое и промышленное процвѣтаніе поддерживается такъ долго и крахъ этотъ задержанъ другими причинами, въ особенности же огромнымъ современнымъ перепроизводствомъ золота и его постепеннымъ обезцѣненіемъ [1]). Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ золота добывается ежегодно свыше 300 м. долларовъ, и количество это медленно,

[1]) См. мою статью „О золотѣ“—„Вѣстникъ Европы“, май 1906 г. Настоящій моментъ былъ ею вполнѣ предусмотрѣнъ.

но вѣрно поднимается съ каждымъ годомъ. Союзъ поглощаетъ львиную долю этого ежегоднаго прироста, вынужденный пускать его въ ходъ желѣзной необходимостью процентнаго закона, и этотъ-то обильный денежный притокъ и питаетъ теперь всю эту анормальную гигантскую торговую и промышленную дѣятельность. Я лично нисколько не сомнѣваюсь, что Союзъ уже испытываетъ вліяніе этого новаго могучаго фактора — перепроизводства золота, — и что хотя его воздѣйствіе временно и благопріятно, онъ тѣмъ не менѣе грозитъ и ему, и всему цивилизованному міру новыми, чрезвычайно сложными и важными экономическими явленіями, дѣйствительное значеніе и конечные результаты которыхъ въ настоящій моментъ еще не достаточно выяснились, дабы дѣлать какіе-либо опредѣленные выводы. Всей денежной и монетной системѣ міра грозитъ близкій и неизбѣжный радикальный пересмотръ.

Оппозиція вышеочерченному „stand pat'изму“ республиканской партіи была очень разнообразна, а потому и крайне разъединена; на выборахъ произошло неизбѣжное при такихъ условіяхъ „своя своихъ не познаша“, и потому ихъ результаты далеко не достигли желательной въ такихъ случаяхъ опредѣленности. Сущность всей этой оппозиціи состояла въ томъ, что, не отрицая наружнаго благосостоянія страны, она утверждала, что распредѣленіе народнаго богатства становится все болѣе и болѣе неравномѣрнымъ, и что настоящая политическая система чрезвычайно благопріятствуетъ усиленію этой неравномѣрности. Для излеченія этого наростающаго зла предлагались ею разные методы, обусловившіе ея дробленіе. Такъ, оппозиція въ средѣ самихъ республиканцевъ выразилась главнымъ образомъ въ требованіяхъ пересмотра и пониженія состоящаго въ силѣ тарифа Динглэя. Въ нѣкоторыхъ штатахъ она расколола республиканскія организаціи, но только въ штатѣ Эйоуэ удалось ей одержать верхъ и провести свою платформу и кандидатовъ. Фермеры, всегда составлявшіе главную силу республиканской партіи, никогда не относились съ энтузіазмомъ къ ея крайнимъ протекціоннымъ идеямъ, и теперь, повидимому, начался между ними сознательный и все разростающійся протестъ противъ нихъ,—протестъ, въ прежнія кампаніи выражавшійся только спорадически. Успѣвъ наконецъ захватить цѣлый и такой значительный штатъ, какъ Эйоуэ, онъ можетъ развиться въ будущемъ весьма быстро и послужить тѣмъ видимымъ оружіемъ, которое разложитъ эту партію окончательно.

III.

Въ принципіальномъ смыслѣ всего интереснѣе былъ походъ, организованный президентомъ „Американской Федераціи Труда“ Гомперсомъ противъ спикера федеральной палаты представителей, республиканца Каннона, и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся ея членовъ, принадлежащихъ къ той же партіи, въ особенности Литльфильда отъ штата Мэна. „Союзный трудъ“, органъ профессіональныхъ союзовъ, уже много лѣтъ поддерживаетъ въ Вашингтонѣ энергичную lobby, т.-е. спеціальную делегацію, агитирующую въ конгрессѣ всяческими средствами въ пользу разныхъ проектированныхъ „Союзнымъ трудомъ“ законодательныхъ мѣръ. Самыми важными изъ этихъ мѣръ считаются законопроекты — объ ограниченіи судебной юрисдикціи при стачкахъ, извѣстный подъ именемъ anti-injunction bill, и — о введеніи обязательнаго восьми-часового рабочаго дня. Оставляя совершенно въ сторонѣ ихъ цѣлесообразность и внутренніе достоинства и недостатки, нужно сказать, что нѣкоторыя ихъ основы безусловно противоконституціонны, представляя собою или несомнѣнное классовое законодательство, или ограниченіе свободы соглашенія. Не только возможно, но и вѣроятно, что эта противоконституціонность не соотвѣтствуетъ ни духу времени, ни дѣйствительнымъ современнымъ народнымъ интересамъ, то-есть, что конституція устарѣла;—тѣмъ не менѣе, она представляетъ собою дѣйствующій уставъ страны, и, при правовомъ, закономѣрномъ теченіи дѣлъ въ ней, всякая попытка завѣдомо обойти ее, хотя бы и при посредствѣ легальныхъ способовъ, была бы, конечно, революціоннымъ актомъ. Кромѣ того, она не могла бы имѣть никакого практическаго значенія, такъ какъ еслибы конгрессъ и принялъ эти законопроекты, при первомъ же ихъ приложеніи въ жизни всякій судья призналъ бы ихъ противоконституціонными, и потому недѣйствительными. Въ виду этого, упорное стремленіе рабочихъ союзовъ провести ихъ и періодически, съ каждымъ новымъ конгрессомъ, привлекать къ нимъ вниманіе страны—можно объяснить только какъ агитаціонный пріемъ въ пользу извѣстныхъ принциповъ, а не какъ дѣйствительное желаніе достичь извѣстной опредѣленной цѣли. Конгрессъ, конечно, оцѣнилъ въ свое время сущность всей этой процедуры, и неизмѣнно отклонялъ эти и имъ подобные законопроекты, но такъ какъ господствующая въ немъ за послѣднее десятилѣтіе республиканская партія не желала возстановлять противъ себя „Союзный трудъ“,—дѣлалъ это безъ спеціальной мотивировки, а пользуясь безчисленными уловками современнаго парламентаризма—сдавать безо-

бидно въ архивъ нежелательныя для большинства мѣры. Тѣмъ не менѣе, уловки эти требуютъ всякій разъ времени, дѣлающагося все болѣе и болѣе драгоцѣннымъ въ американскомъ конгрессѣ, заваленномъ обязательной работой всякаго рода,—и въ прошлую сессію спикеръ Каннонъ и нѣкоторые другіе члены, особенно Литльфильдъ, активно и открыто возмутились противъ такой тактики. Президентъ „Федераціи труда", Гомперсъ, признаваемый однимъ изъ самыхъ изворотливыхъ и искусныхъ современныхъ американскихъ политикановъ на всѣхъ поприщахъ, полагаясь на свое вліяніе и популярность между союзными рабочими массами [1]), объявилъ ихъ врагами „Союзнаго труда" и обратился къ нему съ требованіемъ забаллотировать ихъ при ихъ переизбраніи въ члены палаты на ноябрьскихъ выборахъ. Онъ организовалъ очень агрессивную имъ оппозицію въ ихъ округахъ, произнесъ лично многія рѣчи, вообще работалъ противъ нихъ съ большой энергіей. До сихъ поръ рабочіе союзы почти безъ всякихъ исключеній уклонялись отъ политики, особенно открытой и активной—и понесли тяжелое пораженіе и въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ всѣ объявленные ими своими противниками кандидаты были избраны,—Каннонъ даже увеличеннымъ противъ прежняго большинствомъ. Хорошо освѣдомленные люди полагаютъ, что эта агрессивная, но плохо обоснованная, торопливая и очевидно толкавшая „Союзный трудъ" на революціонный путь экскурсія Гомперса въ политику была навѣяна, главнымъ образомъ, событіями послѣднихъ трехъ лѣтъ въ Германіи, гдѣ соціалистическія вліянія пытались сдѣлать то же самое съ тамошними рабочими союзами, и что здѣшнія союзно-рабочія массы рѣшительно отказались слѣдовать за Гомперсомъ. И наши соціалисты упорно добиваются признанія ихъ американскимъ „Союзнымъ трудомъ"—и ихъ работа въ этомъ направленіи всецѣло отражаетъ собою дѣятельность нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ и ихъ отношеніе къ нѣмецкимъ профессіональнымъ рабочимъ союзамъ. Дабы читатель могъ вполнѣ уяснить себѣ вышеизложенную попытку Гомперса и ея общее значеніе, я долженъ напомнить ему нѣкоторыя фазы отношеній соціалистовъ къ рабочимъ союзамъ въ Германіи за послѣднее время.

Послѣдній конгрессъ соціалистовъ въ Мангеймѣ, повидимому, если не совсѣмъ уничтожилъ, то существенно уменьшилъ духъ революціоннаго романтизма, который за послѣдніе года преобладалъ въ совѣтахъ этой партіи. Три года тому назадъ, ветеранъ Бебель разбудилъ этотъ безпокойный духъ страстной пропагандой ортодоксальнаго марксизма противъ силъ политическаго оппортунизма. Изъ выборной борьбы того времени партія вышла изумительно сильной по числу голосовъ,

[1]) Въ текущемъ году онъ былъ выбранъ въ 25-ый разъ подъ-рядъ на свое мѣсто.

но съ расшатанными и неопредѣленными принципами. Къ такому заключенію, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ придти Бебель, когда, знакомясь съ составомъ вновь избранныхъ депутатовъ соціалъ-демократовъ, онъ открылъ, что старая гвардія неизмѣнныхъ „непримиримыхъ“ подавлялась бойкой группой интеллигентовъ, писателей и адвокатовъ, привычки и образъ жизни которыхъ не имѣли ничего общаго съ рабочими классами, и взгляды которыхъ сильно склонялись къ компромиссу и кооперації съ радикальной буржуазіей. Эти интеллигенты, соціалисты-парламентаристы, или совсѣмъ пренебрегали тактическими совѣтами вождя, слово котораго было дотолѣ закономъ для массъ партіи, или оспаривали ихъ; и они настаивали на пересмотрѣ марксистскихъ догматовъ въ приложеніи къ практической политикѣ. Бебель объявилъ имъ непримиримую войну. Съ трибуны конгресса въ Дрезденѣ онъ предалъ анаѳемѣ ихъ „разлагающія“ попытки лишить движеніе революціонной жизненности. Конгрессъ, какъ онъ всегда поступалъ и прежде, отозвался на чарующую силу ораторскаго искусства Бебеля, и попытался устранить идею пересмотра резолюціей, смиренно преклоняющейся передъ катаклизмической теоріей Маркса и призывающей всѣхъ товарищей направить свои силы не къ реформѣ, а къ уничтоженію существующаго капиталистическаго строя и къ замѣнѣ его соціалистической республикой. Интеллигенты, почувствовавъ себя внезапно вожаками безъ послѣдователей, доказали свой оппортунизмъ, голосуя за резолюцію, имѣвшую въ виду ихъ собственное уничтоженіе. Бебель торжествовалъ; эти пренія возстановили его, какъ диктатора массъ, и онъ предрекъ, что это послужитъ „неизсякаемымъ источникомъ юности“ для будущаго прогресса движенія. Легкость этой побѣды надъ „пересмотрщиками“ возбудила въ немъ желаніе подчинить своему политическому диктаторству и рабочіе союзы, — и онъ занялся этимъ на конгрессахъ въ Бременѣ и Іенѣ. Между тѣмъ, въ средѣ нѣмецкихъ соціалистовъ организовалось анархистско-соціалистическое крыло, которое пропагандировало всеобщую стачку, какъ наиболѣе эффективное орудіе въ рукахъ пролетаріата для достиженія соціалистическаго милленіума. На конгрессѣ въ Іенѣ это крыло стремилось вызвать нѣмецкое изданіе русской борьбы, и Бебель поддержалъ его, произнеся зажигательную рѣчь, которую онъ закончилъ предложеніемъ резолюціи, что массовая стачка признается конгрессомъ наиболѣе дѣйствительнымъ орудіемъ противъ политическихъ преступленій, направленныхъ противъ народа, или когда этотъ народъ борется за одно изъ своихъ основныхъ правъ. Резолюція была принята, съ добавленіемъ, что всеобщее право голоса признается однимъ изъ такихъ правъ. Возбудивъ опасенія въ германскомъ правительствѣ, она въ то же время

сильно встревожила и рабочіе союзы. Теоретически, германскіе рабочіе союзы, какъ и американскіе, нейтральны относительно политики, и, въ дѣйствительности, огромное большинство ихъ членовъ и вожаковъ прежде всего подчиняются своимъ организаціямъ. Къ этимъ вожакамъ, также какъ и къ интеллигентамъ въ своей собственной средѣ, главари соціалъ-демократизма отнеслись съ серьезными подозрѣніями, особенно Бебель, который не одобряетъ ни ихъ консервативный и осторожный духъ, ни ихъ очевидное нежеланіе рисковать съ большимъ трудомъ и терпѣніемъ собранными союзными фондами на службѣ соціалистическимъ идеаламъ. Рабочіе союзы признали идею всеобщей стачки абсурдомъ, и на своемъ конгрессѣ въ Кельнѣ, собиравшемся незадолго до соціалистскаго въ Іенѣ, издали общее предостереженіе своимъ членамъ воздерживаться отъ участія въ пропагандѣ, ведомой „анархистами и людьми, не имѣющими никакого практическаго опыта въ борьбѣ капитала съ трудомъ“ въ пользу организаціи всеобщей стачки. Всѣ дѣйствія Бебеля на конгрессѣ въ Іенѣ были преднамѣренной попыткой подорвать авторитетъ вожаковъ „Союзнаго труда“ относительно его массъ и подчинить ихъ исполнительной власти соціалъ-демократической партіи. Но въ этомъ случаѣ онъ оказался плохимъ судьей человѣческой натуры, потому что хотя его идеалы и были одобрены соціалистскимъ конгрессомъ, они встрѣтили упорную оппозицію со стороны вождей рабочихъ союзовъ, которые, будучи людьми совершенно иного калибра, чѣмъ вышеупомянутые „интеллигенты“, отказались влѣзть въ соціалистскій хомутъ и предоставить ввѣренные имъ съ спеціальными цѣлями фонды на чисто политическую пропаганду. Результатомъ было смятеніе, грозившее формальнымъ разрывомъ въ рядахъ пролетаріата. За кѣмъ должны слѣдовать массы рабочихъ союзовъ — за политическими агитаторами или за собственными своими выборными чинами? Немедленно же появились очевидныя послѣдствія этой распри. Успѣхи соціалъ-демократовъ на выборахъ сразу пошли на убыль. На дополнительныхъ выборахъ ихъ большинства были или урѣзаны, или обратились въ меньшинства. Эти несомнѣнно опасные признаки испугали исполнительную власть партіи. Бебель и его помощники пошли на компромиссъ. Они сдѣлали центральной коммиссіи рабочихъ союзовъ успокоительныя заявленія, и явились на конгрессъ въ Мангеймъ уже открытыми противниками анархистско-соціалистическаго крыла. По обыкновенію, рѣчи Бебеля составили суть и этого конгресса, но на этотъ разъ онѣ существенно отличались отъ его фанфаронадъ въ Іенѣ; онъ, правда, пытался объяснить и оправдать свою непослѣдовательность, но долженъ былъ признать, что, вмѣсто того, чтобы находиться наканунѣ революціи, какъ онъ это провозгласилъ еще только годъ тому назадъ, Германія все еще со-

стоитъ въ рукахъ нисколько не потрясеннаго капиталистическаго строя. Онъ утверждалъ, что идея „провокаціи революціи“ чужда духу соціалъ-демократической партіи; что безполезно ожидать, чтобъ южногерманскій пролетаріатъ поставилъ на карту самое свое существованіе, чтобы добыть всеобщее право голоса своимъ сѣверо-германскимъ сотоварищамъ; что всеобщая стачка потерпѣла пораженіе въ Россіи, и при настоящихъ условіяхъ оказалась бы еще горшей неудачей въ Германіи. „Германія—воскликнулъ онъ съ замѣчательной откровенностью—не имѣетъ себѣ параллели въ остальномъ цивилизованномъ мірѣ. Какъ ни выросла въ ней сила пролетаріата, сила установленныхъ властей также выросла чрезвычайно,—и мы должны постоянно имѣть это въ виду и дѣйствовать соотвѣтственно“. Другими словами, человѣкъ, который, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, рѣшился публично предсказать, что великій переворотъ — катаклизмъ марксизма — произойдетъ въ Германіи въ 1896 г., сознается въ 1906, что силы соціалъ-демократовъ будутъ безнадежно побиты въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ государствомъ, и что было бы преступленіемъ для ихъ вожаковъ одобрить такой экспериментъ. Это признаніе Бебеля послужило прелюдіей къ провозглашенію мира съ рабочими союзами, рѣшившими про себя, что всеобщая стачка была бы орудіемъ, которое вызвало бы уличныя сраженія и революціонную борьбу. Бебель сознался, что политическая партія, число формально зарегистрованныхъ членовъ которой не превышаетъ четырехъ-сотъ тысячъ, не можетъ надѣяться организовать пассивную всеобщую стачку, безъ содѣйствія рабочихъ союзовъ, число членовъ которыхъ достигаетъ полутора милліона. Послѣдствіемъ этого сознанія была формальная резолюція, утверждающая, съ хладнокровнѣйшимъ игнорированіемъ дѣйствительности, что между конгрессомъ союзнаго труда въ Кёльнѣ и конгрессомъ соціалистовъ въ Іенѣ не было разногласій, и что исполнительная власть соціалистской партіи должна снестись съ „Союзнымъ трудомъ“, если она признаетъ всеобщую стачку необходимой. Рабочимъ союзамъ было оказано всяческое уваженіе. Бебель, а за нимъ и конгрессъ, отреклись отъ оффиціальнаго теоретика партіи и верховнаго жреца марксизма, Каутскаго, который требовалъ принятія резолюціи, опредѣлявшей соціалъ-демократію какъ „наивысшую и наиболѣе совершенную форму для классовой борьбы пролетаріата“ и провозглашавшей, что „никакое движеніе пролетаріата—подразумѣвая профессіонально-союзное—не можетъ цѣлесообразно исполнить свои функціи, не будучи проникнуто духомъ соціалъ-демократіи“. Эта резолюція, равно какъ и предложеніе, что рабочіе союзы должны подчинить всѣ основные вопросы авторитету соціалистическихъ конгрессовъ, были отвергнуты даже безъ голосованій, а вмѣсто нихъ была при-

нята дипломатическая декларація, что „рабочіе союзы необходимы для улучшенія благосостоянія рабочаго въ средѣ капиталистическаго общества“, и что они въ дѣйствительности „не менѣе необходимы, чѣмъ соціалъ-демократическая партія, задача которой—бороться за возвышеніе рабочаго и добываніе ему равныхъ правъ съ остальными классами общества въ политической сферѣ“. Принятіемъ этихъ резолюцій съ сопровождающими ихъ объясненіями конгрессъ, повидимому, окончательно раздѣлался съ крайними элементами, которые, съ помощью Бебеля, успѣли было заразить совѣты партіи стремленіемъ къ болѣе агрессивной борьбѣ, чѣмъ та, которую представляютъ собою выборы и парламентарная арена. Выборъ 80 соціалистовъ депутатовъ въ рейхстагъ 1903 года и 3 милліона поданныхъ за нихъ голосовъ, въ связи съ послѣдовавшими въ Россіи событіями, вдохнули мысль, что партія не пользуется соотвѣтствующей ея силѣ политическою властью, и что дальнѣйшая пропаганда, дабы достичь существенныхъ результатовъ, нуждается въ революціонной угрозѣ существующему порядку вещей. Бебель, однако, вскорѣ понялъ, что такой оптимизмъ не имѣлъ за собой никакихъ серьезныхъ основаній, и только грозилъ партіи большими опасностями. Несмотря на очевидную непослѣдовательность и рискуя всѣмъ своимъ престижемъ, онъ энергично перевернулъ всю политику своей партіи: между постановленіями конгрессовъ въ Іенѣ и Мангеймѣ нѣтъ ничего общаго. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ агрессивная революціонная партія, соціалъ-демократы въ Германіи не могутъ разсчитывать даже на поддержку всего рабочаго класса, не говоря уже о тѣхъ буржуазныхъ избирателяхъ, которые, голосуя за соціалистическихъ кандидатовъ на выборахъ, дѣлаютъ это не потому, что вѣрятъ въ экономическую теорію Маркса, а потому, что желаютъ постращать правительство и направить его на болѣе либеральный путь.

Въ Америкѣ Гомперсъ провозгласилъ свой походъ противъ Каннона, Литльфильда и К° еще задолго до мангеймскаго конгресса, когда неизвѣстно было, кто одолѣетъ въ Германіи—соціалъ-демократы іенскаго или вожаки рабочихъ союзовъ кёльнскаго конгресса,—и, поторопившись, потерпѣлъ такое же пораженіе, какъ и Бебель. Формы, конечно, различны, но сущность одна и та же. Оба главаря сдѣлали ошибку въ опредѣленіи настроенія массъ своихъ организацій. За послѣдніе года въ американской „Федераціи труда“ открылась разнообразная оппозиція Гомперсу: возможно, что онъ желалъ отвлечь вниманіе массъ отъ этой оппозиціи новымъ радикальнымъ пріемомъ привлеченія союзовъ къ политической борьбѣ. Какъ бы то ни было, его разсчеты и надежды совсѣмъ не оправдались, и союзныя массы

въ Америкѣ, какъ и въ Германіи, не рискнули уже добытыми ими долгой тяжелой борьбой съ капиталомъ правами и преимуществами изъ-за платоническаго сочувствія къ политическимъ успѣхамъ. Въ этихъ столкновеніяхъ теоретики потерпѣли въ обоихъ случаяхъ рѣшительныя пораженія,—трезвые рабочіе союзы предпочли преслѣдовать свои собственныя спеціальныя цѣли и отказались отъ революціонныхъ методовъ, очевидно предполагая, что постепенное преобразованіе существующаго строя предпочтительнѣе его уничтоженія.

П. А. Тверской.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1907.

Можетъ ли Россія считаться конституціоннымъ государствомъ?—Бюджетное право Думы.—Отвѣтственность министровъ.—Конституціонализмъ и парламентаризмъ.—Государственный Совѣтъ.—Недостатки основныхъ законовъ.—Министерская декларація.—„Истинно-русскіе люди“ и Дума.—Странные совѣты.—Начало выборовъ въ Государственную Думу.

Приближается время открытія второй Государственной Думы. Въ какомъ положеніи она застанетъ страну — это слишкомъ хорошо извѣстно. Почти нигдѣ не дѣйствуетъ нормальный порядокъ, общій законъ; господствуютъ различные виды „охраны“, въ неравной, но всегда значительной мѣрѣ парализующіе или урѣзывающіе существеннѣйшія права гражданъ. Столь дорогою цѣною не покупается даже наружное спокойствіе. Настроеніе общества и народа становится все болѣе и болѣе возбужденнымъ. Невыясненными остаются основные вопросы нашего новаго государственнаго права. Задача народнаго представительства является теперь, такимъ образомъ, еще болѣе трудной, еще болѣе сложной, чѣмъ годъ тому назадъ.

Къ какой категоріи государствъ принадлежитъ, въ настоящую минуту, Россія? Слѣдуетъ ли считать ее монархіей ограниченной или неограниченной? Существуетъ ли у насъ конституція, въ смыслѣ обязательнаго *для всѣхъ* акта? Странными, съ перваго взгляда, могутъ показаться эти вопросы, въ виду манифестовъ 17-го октября и 20-го февраля, въ виду новой редакціи основныхъ законовъ; но не случайна ихъ постановка, не случайно различное ихъ разрѣшеніе. Слишкомъ велика противоположность между идеей и дѣйствительностью, между представленіемъ о конституціонномъ строѣ и событіями послѣдняго времени. „Незыблемымъ правиломъ“ манифестъ 17-го октября провозгласилъ необходимость одобренія Государственной Думой всякаго

новаго закона—но какъ до созыва первой Думы, такъ и послѣ роспуска ея, издается, въ старомъ порядкѣ или въ порядкѣ еще менѣе совершенномъ, длинный рядъ постановленій законодательнаго свойства. Обѣщанныя тѣмъ же манифестомъ „незыблемыя основы гражданской свободы“ уступаютъ мѣсто худшему, чѣмъ прежде, произволу. Вмѣсто „дальнѣйшаго развитія начала общаго избирательнаго права“ принимаются мѣры къ существенному его ограниченію. Болѣе семи мѣсяцевъ страна остается безъ Государственной Думы, вслѣдствіе чего новый финансовый годъ начинается безъ нормально утвержденной смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ. Отсюда возможность утверждать, что никакой конституціи у насъ нѣтъ: но въ различныхъ устахъ это утвержденіе имѣетъ совершенно различный смыслъ. Для однихъ оно равносильно радостному признанію, что самодержавіе не претерпѣло никакихъ ограниченій; для другихъ оно служитъ основаніемъ и оправданіемъ призыва къ открытой борьбѣ противъ дѣйствующаго порядка. Далеко не согласны между собою и тѣ, кто признаетъ существованіе русской конституціи. Одни изъ нихъ находятъ, что уже теперь есть на лицо всѣ данныя для правильнаго теченія конституціонной жизни; другіе отвѣчаютъ на это напоминаніемъ о преградахъ, которыми загроможденъ путь впередъ, къ всестороннему обновленію Россіи.

Наше мнѣніе не измѣнилось: мы продолжаемъ думать, что Россія безповоротно вступила, de jure, въ число конституціонныхъ государствъ, но оставалась и остается до сихъ поръ лишенной, de facto, всѣхъ благъ, обусловливаемыхъ конституціей. Причинъ этому много, но одна изъ нихъ несомнѣнно заключается въ неполнотѣ и несовершенствѣ законовъ, знаменующихъ собою переходъ къ новымъ политическимъ формамъ. Манифестъ 17-го октября только намѣтилъ, въ общихъ чертахъ, сущность этихъ формъ; манифестъ 20-го февраля, не считаясь съ одною изъ нихъ, измѣнилъ составъ и значеніе Государственнаго Совѣта и ограничилъ законодательную инціативу Государственной Думы; торопливо составленная, новая редакція основныхъ законовъ вошла въ силу лишь за четыре дня до открытія первой Думы. Получилось, такимъ образомъ, нѣчто нестройное, половинчатое, настоятельно требующее пересмотра. Недостатки закона могутъ быть смягчены его примѣненіемъ; въ настоящемъ случаѣ они были имъ до крайности обострены. Нужна большая доля оптимизма, чтобы утверждать, что въ нашемъ конституціонномъ строѣ все обстоитъ благополучно. Меньше всего пригоденъ для насъ, въ настоящее время, девизъ, когда-то рекомендованный англійскому обществу: „rest and be thankful“ (будьте спокойны и благодарны).

Къ такому оптимистическому девизу приближается брошюра про-

фессора В. И. Герье: „О конституціи и парламентаризмѣ въ Россіи“. Признавая, что „симптомами и основами конституціонной монархіи служатъ два права народнаго представительства: право на участіе въ законодательствѣ и право на участіе въ установленіи бюджета“, почтенный авторъ находитъ, что оба эти права обезпечены за представителями русскаго народа основными законами имперіи. Да, по ст. 86-ой осн. зак. никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственной Думы; но во что̀ обращается эта гарантія при томъ толкованіи, которое получила на практикѣ слѣдующая статья, 87-ая? Многія ли изъ мѣръ, оправдываемыхъ ссылкою на ст. 87-ую, были приняты въ виду дѣйствительно „чрезвычайныхъ обстоятельствъ“, устранявшихъ возможность промедленія? Не бо̀льшая ли ихъ часть вызвана исключительно желаніемъ законодательствовать безъ Думы—и даже безъ Государственнаго Совѣта,—съ цѣлью оказать предвыборное воздѣйствіе на тѣ или другія группы населенія? Совмѣстимо ли такое „законодательствованіе внѣ законодательныхъ нормъ“ съ основными требованіями конституціоннаго строя?.. Для В. И. Герье какъ бы не существуетъ ни статья 87-ая, ни способъ пользованія ею, усвоенный министерствомъ. Онъ не спрашиваетъ себя, какимъ образомъ экстраординарный порядокъ сталъ обыденнымъ; какимъ образомъ могло случиться, что на *одинъ* настоящій законъ, прошедшій черезъ Государственную Думу, приходится теперь нѣсколько десятковъ quasi-законовъ, изданныхъ безъ ея участія? А между тѣмъ, однимъ этимъ фактомъ опровергается успокоительное заключеніе о полнотѣ правъ, принадлежащихъ русскому народному представительству.

Столь же неполнымъ оказывается, на почвѣ современной русской дѣйствительности, и другое право законодательнаго собранія: право участія въ установленіи бюджета. По словамъ В. И. Герье, „даже на родинѣ парламентаризма, въ Англіи, вовсе не существуетъ полнаго утвержденія бюджета: государственные доходы и расходы, основанные на законѣ, не нуждаются тамъ въ согласіи парламента. Это согласіе требуется лишь для повышенія существующихъ и для возобновленія назначенныхъ на срокъ налоговъ, а также для уполномоченія правительства производить расходы“. Какъ велики, однако, срочные налоги, ежегодно требующіе возобновленія? Они составляютъ *почти половину* всей доходной смѣты (въ 1903 г.—73 милліона изъ 152 милл. ф. ст.). Постоянныхъ расходовъ, не нуждающихся въ спеціальномъ утвержденіи, всего до 30 милл., т.-е. менѣе одной пятой [1]). Еще важнѣе

[1]) См. въ № 297 „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1906 г. статью проф. С. Фортунатова: „Бюджетное право англійскаго парламента“, основанную на новѣйшей книгѣ по этому предмету (Redlich, „Recht und Technik des englischen Parlamentarismus“).

указываемая самимъ В. И. Герье необходимость парламентскаго полномочія на производство расходовъ (и на взиманіе доходовъ) — полномочія, при отказѣ въ которомъ должно было бы остановиться все государственное хозяйство. Сравненіе съ Англіей приводитъ, такимъ образомъ, къ результату весьма далекому отъ того, котораго хотѣлъ достигнуть В. И. Герье: оно обнаруживаетъ всю недостаточность бюджетнаго права, предоставленнаго нашей Государственной Думѣ. Главнымъ ограниченіемъ этого права служитъ ст. 116 основн. зак., на основаніи которой, въ случаѣ неутвержденія государственной росписи къ началу смѣтнаго періода, остается въ силѣ предъидущая, установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись. При существованіи этой статьи безбюджетное управленіе можетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ неотложная, вопіющая нужда въ повышеніи налоговъ; возможны, также, продолжительные промежутки между законодательными сессіями. Учрежденіемъ Думы не опредѣлено, въ какой срокъ, послѣ ея распущенія, должны быть произведены выборы и созвана новая Дума. Этотъ пробѣлъ былъ бы не особенно опасенъ, еслибы безъ участія Думы не могла получить силу новая государственная роспись: тогда, въ случаѣ распущенія Думы до разсмотрѣнія росписи, новую Думу пришлось бы созвать настолько заблаговременно, чтобы роспись могла быть утверждена до наступленія слѣдующаго бюджетнаго періода или, по крайней мѣрѣ, въ самомъ его началѣ. Теперь открытіе Думы было назначено черезъ семь слишкомъ мѣсяцевъ послѣ ея распущенія, черезъ два почти мѣсяца послѣ начала новаго бюджетнаго года. Въ сосѣднемъ съ нами государствѣ рейхстагъ былъ распущенъ въ декабрѣ—а уже въ январѣ закончены новые выборы, закончены въ то время, когда у насъ, оставшихся безъ Думы въ іюлѣ, только-что открывалась избирательная процедура.

Въ безгранично-широкомъ пользованіи ст. 87-ою осн. зак. — или, лучше сказать, въ многократномъ и рѣзкомъ ея нарушеніи,—какъ и въ крайнемъ замедленіи созыва Государственной Думы, отражается съ поразительною ясностью одна характерная черта нашего политическаго строя: безотвѣтственность министровъ. Только благодаря ей стало возможнымъ все то, что мы видѣли въ послѣднее время и продолжаемъ видѣть до сихъ поръ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ могъ бы быть такъ радикально извращенъ, на практикѣ, смыслъ ст. 87-ой, еслибы въ ней были хотя бы повторены слова, встрѣчающіяся въ соотвѣтственныхъ статьяхъ конституцій австрійской (ст. 14-ая) и прусской (ст. 63-я): „подъ коллективной отвѣтственностью всего министерства“ или „подъ отвѣтственностью всего государственнаго министерства“? Развѣ въ Австріи или Пруссіи издавались когда-либо, подъ предлогомъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, постановленія, направленныя противъ

одной изъ самыхъ распространенныхъ формъ землевладѣнія или противъ одного изъ существеннѣйшихъ ограниченій свободы распоряженія землею?.. У насъ для принятія мѣры, подходящей подъ дѣйствіе ст. 87-ой, не требуется даже единогласія въ средѣ совѣта министровъ и вовсе не предусмотрѣны послѣдствія злоупотребленія экстраординарнымъ правомъ. Значеніе этого пробѣла мы отмѣтили еще годъ тому назадъ, говоря о манифестѣ 20-го февраля, изъ котораго заимствовано содержаніе ст. 87-ой: мы указали, что хотя настоящей отвѣтственности министровъ нѣтъ ни въ Австріи, ни въ Пруссіи, но нѣкоторую реальность она тамъ все же имѣетъ, благодаря навыкамъ и взглядамъ, выработаннымъ свободною политическою жизнью. Не то мы видимъ у насъ, гдѣ все, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, укрѣпляло мысль о безотвѣтственности и всесиліи представителей власти. Чего нѣтъ въ нравахъ, то могло бы быть, хотя отчасти, создано закономъ, еслибы онъ устранилъ возможность произвольнаго принятія чрезвычайныхъ мѣръ или обставилъ его точными, опредѣленными условіями, напр. требованіемъ единогласнаго рѣшенія совѣта министровъ и провозглашеніемъ солидарной ихъ отвѣтственности за мѣру, явно идущую въ разрѣзъ съ закономъ. При такой отвѣтственности нелегко было бы рѣшиться и на такое распущеніе Думы, которое устраняло бы возможность своевременнаго установленія государственной росписи.

Оставляя безъ вниманія способъ толкованія и примѣненія ст. 87-ой, оправдывая, неубѣдительною ссылкою на примѣръ Англіи, недостаточность бюджетнаго права, предоставленнаго Государственной Думѣ, В. И. Герье расчистилъ себѣ путь къ отрицательному разрѣшенію вопроса объ отвѣтственности министровъ — т.-е. объ отвѣтственности ихъ передъ народнымъ представительствомъ. Такая отвѣтственность, съ точки зрѣнія В. И. Герье, возможна и естественна только при парламентаризмѣ, существенно отличномъ отъ конституціонализма. Въ конституціонныхъ монархіяхъ верховная власть и правительство находятся въ рукахъ государя, въ парламентарныхъ—въ рукахъ парламента. Парламентарныя монархіи ведутъ свое начало отъ революцій, конституціонныя монархіи—отъ законной традиціонной власти [1]). Въ конституціонной монархіи правительство стоитъ надъ партіями; въ парламентарной монархіи владычествуютъ партіи. Въ конституціонной монархіи министры могутъ и должны быть отвѣтственны только передъ монархомъ; это тѣмъ болѣе неизбѣжно, что, при конституціонализмѣ партій, обыкновенно бываетъ не двѣ, а нѣсколько, и состоящее изъ

[1]) Съ этимъ положеніемъ нельзя согласиться безусловно. Истинно-парламентарной монархіей Англія стала не тотчасъ послѣ паденія Стюартовъ — а въ конституціонной Пруссіи установленіе новаго строя было послѣдствіемъ мартовской революціи 1848-го года.

нихъ представительство не въ силахъ управлять государствомъ. Настоящаго парламентаризма въ континентальныхъ европейскихъ монархіяхъ нѣтъ вовсе; не можетъ его быть и въ Россіи. Государственная Дума должна довольствоваться принадлежащимъ ей правомъ запроса по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій, обезпечивающимъ за нею контроль надъ администраціей.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, разсужденія В. И. Герье. Они страдаютъ, прежде всего, нѣкоторою отвлеченностью. Въ теоріи можно, конечно, противопоставлять парламентаризмъ конституціонализму, проводить между ними рѣзкую демаркаціонную черту; но на самомъ дѣлѣ и въ томъ, и въ другомъ немало оттѣнковъ, промежуточныхъ ступеней, сглаживающихъ, стушевывающихъ различіе между обоими понятіями. Въ парламентарной монархіи возможны случаи отвѣтственности министра передъ монархомъ (отставка лорда Пальмерстона, слишкомъ поспѣшившаго, въ декабрѣ 1851-го года, признать совершившійся во Франціи государственный переворотъ), возможно даже прямое вмѣшательство монарха въ ходъ управленія (смѣна министерства Мельбурна въ 1834-мъ году, удержаніе его во власти въ 1839-мъ году, вслѣдствіе такъ называемаго вопроса о спальной комнатѣ королевы). Въ конституціонныхъ монархіяхъ еще болѣе обыкновенны перемѣны въ составѣ министерства, вызываемыя рѣшеніями палаты. Не говоримъ уже объ Италіи и Испаніи, стоящихъ на рубежѣ между парламентарными и конституціонными монархіями; возьмемъ Пруссію, на которую особенно любятъ ссылаться поклонники чистаго конституціонализма. Развѣ не сложилъ съ себя должность министра народнаго просвѣщенія графъ Цедлицъ (въ 1892 г.), когда внесенный имъ школьный законъ возбудилъ сильнѣйшее противодѣйствіе среди либераловъ въ палатѣ и внѣ палаты? Развѣ графъ Каприви не оставилъ тогда же постъ прусскаго министра-президента? Если подобные случаи рѣдки, то это объясняется, въ значительной степени, составомъ прусской палаты депутатовъ: оппозиція въ ней давно уже не сильна, и большинство живетъ обыкновенно въ мирѣ съ министерствомъ. То же самое можно сказать и о германскомъ рейхстагѣ, гдѣ ни одна оппозиціонная партія не располагала и не располагаетъ большинствомъ, образующимся, смотря по очереднымъ вопросамъ, то изъ однихъ группосочетаній, то изъ другихъ. Усилія правительства всегда направлены къ тому, чтобы имѣть на своей сторонѣ такое сборное большинство—и если это не удается, то выходомъ изъ затруднительнаго положенія служитъ распущеніе рейхстага.

Съ тѣхъ поръ, какъ вышли изъ употребленія уголовныя преслѣдованія министровъ за политическія преступленія, отвѣтственность ихъ—какъ въ парламентарныхъ, такъ и въ конституціонныхъ монархіяхъ—

сводится, въ сущности, къ удаленію—добровольному или вынужденному, постоянному или временному,—съ политическаго поприща. Чѣмъ серьезнѣе и глубже разногласіе между министерствомъ и народнымъ представительствомъ, тѣмъ неизбѣжнѣе отставка министерства—если только нельзя прибѣгнуть къ досрочному распущенію палаты. Въ самомъ дѣлѣ, нормальная конституціонная жизнь возможна только при отсутствіи непримиримой вражды между палатой и министерствомъ. Непрерывность столкновеній влечетъ за собою прекращеніе или крайнее замедленіе законодательной работы, отражающееся на всѣхъ областяхъ народнаго быта. До крайности затруднительнымъ становится и положеніе администраціи, не встрѣчающей сочувствія и поддержки въ населеніи и слишкомъ часто вынужденной искать точку опоры исключительно въ грубой силѣ. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ лучшемъ случаѣ—немногихъ лѣтъ достаточно для того, чтобы привести страну въ полнѣйшее разстройство или даже на край гибели. Спокойствіе государства, благосостояніе народа важнѣе, чѣмъ авторитетъ нѣсколькихъ министровъ. Перемѣну министерства, когда нѣтъ надежды на соглашеніе, даже его приверженцы должны признать зломъ меньшимъ, чѣмъ продолженіе безплодной борьбы. Обращеніе къ народу не можетъ быть повторяемо безконечное число разъ: если второй отвѣтъ избирателей совпадаетъ съ первымъ, уступить должна, очевидно, не страна. Такимъ образомъ понимаемая, отвѣтственность министровъ устанавливается сама собою, и доводы, приводимые противъ нея В. И. Герье, теряютъ всякое значеніе.

Находя, что для отвѣтственности министровъ передъ палатой нѣтъ мѣста въ конституціонной монархіи, В. И. Герье считаетъ возможнымъ и желательнымъ постоянный и бдительный контроль Государственной Думы надъ всей администраціей. Статья 108-ая осн. зак., въ силу которой Дума въ правѣ обращаться къ министрамъ съ запросами по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій, совершенныхъ ими самими или подвѣдомственными имъ лицами и установленіями, можетъ, по словамъ почтеннаго профессора, произвести переворотъ въ странѣ, устранить не только произволъ въ администраціи, но внушить и обывателю чувство законности". Не преувеличенна ли эта надежда? Не говоримъ уже о томъ, что запросъ, сдѣланный министру, можетъ остаться безъ отвѣта (учр. Госуд. Думы ст. 59): значительно стѣснена самая сфера запросовъ, предметомъ которыхъ могутъ служить только дѣйствія *незакономѣрныя*, т.-е. *формально* неправильныя. Въ какой бы мѣрѣ распоряженіе министра ни расходилось съ интересами населенія, какъ бы ни была очевидна его безцѣльность или нецѣлесообразность, какимъ бы вредомъ, какою бы опасностью оно ни грозило,—оно не подлежитъ критикѣ народнаго представительства, если только не идетъ прямо и непосредственно

въ разрѣзъ съ закономъ. Представимъ себѣ, напримѣръ, что при дѣйствіи усиленной или чрезвычайной охраны администрація предпринимаетъ рядъ высылокъ или арестовъ, не выходя при этомъ за предѣлы своей власти. Запросу, относящемуся къ такимъ мѣрамъ, можетъ быть противопоставлена буква ст. 108-ой—и контроль Думы будетъ остановленъ на порогѣ той области, гдѣ онъ особенно необходимъ. Допустимъ, однако, что такихъ формальныхъ „отводовъ" министерство предъявлять не станетъ, или же запросы будутъ направляемы преимущественно противъ дѣйствій, несогласныхъ съ закономъ: къ чему же приведутъ, въ концѣ концовъ, всѣ усилія Думы, если за объясненіями министровъ будетъ стоять прямо выраженная или подразумѣваемая ссылка на ихъ безотвѣтственность? Во что̀ обратится тогда контроль народнаго представительства? Что̀ получится въ результатѣ преній о запросахъ, кромѣ взаимнаго ожесточенія и недовѣрія?

Стараясь внушить своимъ читателямъ успокоеніе, испытываемое имъ самимъ, В. И. Герье оправдываетъ возведеніе Государственнаго Совѣта на степень второй законодательной инстанціи—оправдываетъ его, главнымъ образомъ, общими разсужденіями о пользѣ двухъ палатъ. Спеціально Государственному Совѣту посвящены слѣдующія немногія строки: „составъ Совѣта вполнѣ соотвѣтствуетъ историческому ходу вещей и характеру русской конституціи. Онъ является вполнѣ посредникомъ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, связующимъ звеномъ обоихъ. Его ядро составляетъ прежній Государственный Совѣтъ, въ теченіе ста лѣтъ игравшій роль законодательнаго о̀ргана имперіи—и въ него вошли въ такомъ же количествѣ избранные члены, представляющіе собой не числовыя группы избирателей, а области или группы со спеціальными интересами". Мы думаемъ, наоборотъ, что новое призваніе Государственнаго Совѣта прямо противорѣчитъ его исторіи. Въ теченіе ста лѣтъ онъ служилъ о̀рганомъ не законодательнымъ, а законосовѣщательнымъ, т.-е. не постановлялъ никакихъ рѣшеній, не несъ никакой отвѣтственности, состоялъ въ чисто служебномъ отношеніи къ чужой волѣ. Представляя собою высшую ступень бюрократической лѣстницы, онъ пополнялся преимущественно людьми пожилыми, утомленными, слишкомъ долго дышавшими воздухомъ канцелярій, мало знакомыми съ разнообразіемъ народной жизни. Эпоха великихъ реформъ завѣщала Государственному Совѣту нѣсколькихъ выдающихся государственныхъ людей, оставшихся вѣрными преданіямъ своей молодости или зрѣлаго возраста; но бо̀льшая ихъ часть теперь уже сошла со сцены, а въ послѣдніе годы мѣста въ Государственномъ Совѣтѣ доставались, сплошь и рядомъ, на долю лицъ, освободительнымъ движеніемъ удаленныхъ съ активной политической

сцены. И теперь, конечно, въ спискахъ назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта есть имена, которыя могли бы служить украшеніемъ всякаго собранія; но мы говоримъ не объ исключеніяхъ, а объ общемъ правилѣ. „Характеру русской конституціи"—именно потому, что она является на смѣну абсолютизму,—соотвѣтствовала бы лишь такая верхняя палата, надъ которой не тяготѣла бы память о недавнемъ подчиненіи, корни которой проникали бы далеко въ глубь народа. Нигдѣ, если мы не ошибаемся, въ основаніе верхней палаты не было положено раньше существовавшее бюрократическое установленіе; нигдѣ привычная задача не была внезапно замѣнена другою, во многомъ противоположною. Путемъ назначенія формируются, вполнѣ или отчасти, многія западно-европейскія верхнія палаты; но ни въ одну изъ нихъ не была вдвинута цѣликомъ, при самомъ ея образованіи, коллегія, служившая однимъ изъ органовъ стараго режима... Что касается до выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, то главныя изъ числа группъ, ими представляемыхъ — дворянство и земство—опережены жизнью: дворянство—уже давно, земство—съ тѣхъ поръ какъ лучшая страница его исторіи пробудила, par contre-coup, дремавшіе въ его средѣ элементы инерціи и регресса... Въ необходимости двухъ палатъ мы убѣждены такъ же твердо, какъ и В. И. Герье; но для успѣха совмѣстной ихъ работы нужна ихъ близость къ одному источнику—къ народу.

Мы остановились такъ долго на брошюрѣ В. И. Герье, потому что въ ней сведены, въ сжатой и корректной формѣ, всѣ главные доводы въ пользу „конституціоннаго квіетизма". Позволяемъ себѣ назвать этимъ именемъ настроеніе, готовое удовольствоваться тѣмъ, что есть, и отказаться отъ всякой мысли о дальнѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ. Необходимость пользоваться, для творческой государственной работы, наличными данными признаемъ и мы, но думаемъ, что ни на минуту не слѣдуетъ упускать изъ виду крайнюю ихъ недостаточность, крайнее ихъ несовершенство. Преградой на пути впередъ представляются, прежде всего, ст. 8-я и 107 основн. зак., по которымъ основные законы могутъ подлежать пересмотру единственно по почину Государя. На самомъ дѣлѣ, однако, эти статьи не лишаютъ Государственную Думу права указать — напримѣръ въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь—тѣ поправки, которыя желательно было бы внести въ текстъ основныхъ законовъ; нельзя только облечь ихъ въ форму законопроекта, установленную для случаевъ законодательнаго почина Государственной Думы (учр. Гос. Думы ст. 34, 55, 56, 57). Другія перемѣны, и весьма существенныя, могутъ быть произведены путемъ пересмотра учрежденій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, изъ которыхъ

далеко не все вошло въ составъ основныхъ законовъ. Многое, наконецъ, можетъ получить новый смыслъ и новую силу безъ всякихъ измѣненій въ текстѣ законовъ, путемъ практики, вездѣ и всегда игравшей важную роль въ конституціонной жизни. Не перечисляя всѣхъ слабыхъ сторонъ государственныхъ актовъ, лежащихъ въ основаніи новаго политическаго строя, подчеркнемъ еще разъ тѣ изъ нихъ, которые уже освѣщены сказаннымъ у насъ выше.

Несомнѣнно требуетъ переработки статья 87-ая основн. зак. Правда, многія изъ чрезвычайныхъ мѣръ, обоснованныхъ ссылкою на эту статью, составляютъ, въ сущности, явное ея нарушеніе—а противъ нарушеній закона не служитъ гарантіей даже самая точная и ясная его редакція. Кое-что, однако, можетъ быть достигнуто болѣе подробнымъ формулированіемъ условій, при которыхъ допустимо изданіе временныхъ, съ силою закона, правилъ. Весьма важно, напримѣръ, было бы выразить опредѣленно, что такія правила могутъ быть издаваемы только тогда, когда чрезвычайныя, *непредвидѣнныя* обстоятельства вызовутъ *неотложную* въ томъ необходимость. Подъ понятіе о неотложности слишкомъ трудно было бы подвести, напр., указъ, направленный противъ общиннаго землевладѣнія, подъ понятіе о непредвидѣнности—указъ о военно-полевыхъ судахъ. Болѣе осторожнымъ, далѣе, сдѣлалось бы пользованіе чрезвычайнымъ правомъ, еслибы отвѣтственность за него была возложена солидарно на весь совѣтъ министровъ. Нѣтъ, наконецъ, никакой надобности установлять двухмѣсячный срокъ для внесенія законопроекта, соотвѣтствующаго чрезвычайной мѣрѣ. Чѣмъ дольше будетъ дѣйствовать временное правило, идущее въ разрѣзъ со взглядами Думы, тѣмъ больше будетъ расти раздраженіе ея противъ министерства—а послѣднему ничто не мѣшаетъ представить Думѣ принятую имъ мѣру хотя бы въ самый день открытія сессіи.

Опытъ прошлаго года обнаружилъ всю важность пробѣла, оставленнаго въ ст. 3 учр. Госуд. Думы и перешедшаго оттуда въ ст. 105 зак. основн. На основаніи этихъ статей, въ указѣ о досрочномъ роспускѣ Думы должны быть назначены новые выборы въ Думу и время ея созыва. Какой можетъ быть максимальный промежутокъ времени между роспускомъ прежней Думы и открытіемъ новой—объ этомъ въ законѣ не сказано ни слова. Отсюда возможность отдалять созывъ Думы на неопредѣленно-долгое время, къ явному вреду для государственной и народной жизни. Семь мѣсяцевъ съ половиной—это, при лихорадочно-возбужденномъ общественномъ настроеніи, цѣлая вѣчность. Многое изъ того тяжелаго и печальнаго, что̀ пережито Россіей послѣ 9-го іюля 1906-го года, было бы немыслимо, еслибы новые выборы состоялись мѣсяца черезъ два, много—три, и новая Дума собралась бы не позже октября... Редакція вышеприведенныхъ статей тре-

буетъ еще одной поправки. Слова: „назначаются новые выборы въ Думу“ слѣдовало бы замѣнить словами: „назначается *время* новыхъ выборовъ въ Думу“. Недостаточная опредѣленность нынѣшняго текста привела къ тому, что почти полгода оставался неизвѣстнымъ срокъ производства выборовъ... Въ связи съ сокращеніемъ междудумья могла бы быть измѣнена статья основныхъ законовъ (116-ая), предусматривающая случаи неутвержденія государственной росписи къ началу смѣтнаго періода. Такіе случаи должны быть совершенно исключительными: между тѣмъ, въ прошломъ году государственная роспись не могла быть своевременно разсмотрѣна Думой единственно потому, что слишкомъ великъ былъ перерывъ въ думской работѣ.

Никакихъ трудностей не представило бы освобожденіе Государственной Думы (и Государственнаго Совѣта) отъ стѣснительныхъ условій, которыми обставлены право запроса и право законодательнаго почина. Въ послѣднемъ случаѣ заявленіе, подписанное по крайней мѣрѣ тридцатью членами, можетъ быть заслушано Думой не раньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ; затѣмъ Дума должна ожидать (сколько времени — неизвѣстно) выработки соотвѣтствующаго законопроекта подлежащимъ министромъ, и только въ случаѣ его отказа (для котораго опять-таки не назначено никакого срока) можетъ образовать для этой цѣли коммиссію изъ своей среды. Къ чему всѣ эти формальности, усложняемыя еще тѣмъ, что къ первоначальному заявленію долженъ быть приложенъ проектъ основныхъ положеній, съ объяснительною къ нему запиской? Практика первой Думы нѣсколько упростила явно нецѣлесообразный порядокъ, но радикальное его улучшеніе требуетъ передѣлки самаго закона. Что касается до права запроса, то оно должно быть пріурочено не къ однимъ только незакономѣрнымъ дѣйствіямъ администраціи, срокъ отвѣта долженъ быть сокращенъ (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда приходится ожидать полученія свѣдѣній изъ отдаленныхъ мѣстностей) и право отказывать въ отвѣтѣ должно быть обусловлено единственно необходимостью охраны дипломатической или военной тайны.

Основными законами мало стѣсненъ пересмотръ учрежденія Государственнаго Совѣта. За силою ст. 100-й, Государственный Совѣтъ образуется изъ членовъ по Высочайшему назначенію и членовъ по выборамъ, при чемъ число первыхъ не должно превышать число послѣднихъ. Ничто не мѣшаетъ, слѣдовательно, *уменьшить* число назначенныхъ членовъ, присутствующихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, установить условія, которымъ должны удовлетворять вновь назначаемые члены, создать новыя категоріи выборныхъ членовъ, упразднить нѣкоторыя другія и измѣнить взаимное отношеніе между ними. Пока въ Государственномъ Совѣтѣ присутствуютъ столько же членовъ по

назначенію, сколько членовъ по выборамъ, пока значительно бо́льшая часть первыхъ принадлежитъ къ числу активныхъ дѣятелей стараго режима, пока между выборными членами преобладаютъ избранники дворянства и нынѣшняго земства, до тѣхъ поръ слишкомъ трудно ожидать прочнаго согласія между Совѣтомъ и Думой... Въ концѣ концовъ, по всей вѣроятности, мѣсто верхней палаты займетъ учрежденіе, всецѣло, по источнику своихъ полномочій, близкое къ народу, а Государственный Совѣтъ обратится въ правительственную коллегію, раздѣляющую съ министерствомъ трудъ подготовки законопроектовъ и указовъ; но, въ ожиданіи этого момента, существенно важнымъ шагомъ впередъ была бы и частичная перестройка нынѣшняго Государственнаго Совѣта, одновременно съ кореннымъ преобразованіемъ земскаго и городского самоуправленія.

Иллюстраціей къ сказанному нами о Государственномъ Совѣтѣ могутъ служить слѣдующія цифры. Между 97-ью назначенными членами Совѣта, призванными къ присутствованію въ немъ въ теченіе 1907-го года, мы насчитали 47 министровъ и товарищей министра (бывшихъ и настоящихъ; сюда же мы относимъ занимавшихъ или занимающихъ должности равныя по значенію — напр. государственнаго секретаря, управляющаго дѣлами комитета министровъ и т. п.), одного бывшаго посла, 4 высшихъ придворныхъ чиновъ, 20 бывшихъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, 13 лицъ, занимавшихъ разныя высокія административныя должности, одного бывшаго губернскаго предводителя дворянства, 9 сенаторовъ и 2 бывшихъ профессоровъ. Именъ, пользующихся широкою извѣстностью, весьма немного, и эта извѣстность пріобрѣтена, бо́льшею частью, не на служебномъ поприщѣ, а въ области науки, литературы или ораторскаго искусства.

Въ самомъ началѣ выборнаго періода, предсѣдатель совѣта министровъ обратился къ генералъ-губернаторамъ съ телеграммой, заключающей въ себѣ нѣчто въ родѣ предвыборной программы министерства. Особенно интересенъ въ ней взглядъ на Государственную Думу, „призванную служить основою законодательнаго строя имперіи, важнѣйшимъ факторомъ возсозданія крѣпкихъ государственныхъ устоевъ и порядка“. Государственная Дума—читаемъ мы дальше—„встрѣтитъ въ правительствѣ живѣйшее и искреннѣйшее стремленіе къ согласованной плодотворной творческой работѣ. При настоящемъ бурномъ теченіи общественной жизни, правительство сознаетъ громадную трудность безошибочной постановки и рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ измѣненіемъ правовыхъ и соціальныхъ нормъ. Въ критикѣ своихъ предположеній, такъ же какъ въ детальномъ и практическомъ обсужденіи

предположеній Думы, оно видитъ залогъ успѣха въ дѣлѣ преобразованія государства. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ правамъ Государственной Думы въ области законодательства, бюджета и запросовъ, правительство будетъ неуклонно держаться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ существующихъ законовъ, такъ какъ лишь строгимъ выполненіемъ и подчиненіемъ законамъ, какъ правительство, такъ и Дума могутъ сохранить Монаршее довѣріе, наличность котораго одна обезпечиваетъ возможность ихъ совмѣстной работы". Итакъ, министерство сознаетъ важность роли, принадлежащей Государственной Думѣ въ нашемъ новомъ политическомъ строѣ, сознаетъ необходимость согласія между правительствомъ и представителями народа. Какъ же, однако, достигнуть этого согласія, если результатъ выборовъ окажется равносильнымъ полному осужденію всего сдѣланнаго послѣ роспуска Думы? Для общей дѣятельности нужна общая почва, нужны общія исходныя точки и общія цѣли. Ни о чемъ подобномъ не можетъ быть и рѣчи, если новая Дума усвоитъ себѣ хотя бы отчасти принципы и стремленія своей предшественницы. Опять начнется изнурительная борьба, напрасная трата силъ—и начнется, на этотъ разъ, при условіяхъ еще болѣе неблагопріятныхъ, чѣмъ въ прошломъ году, потому что еще больше переполнилась чаша народныхъ страданій. Выходъ возможенъ только двоякій: или роспускъ Думы, или отставка кабинета. Рѣшиться на первое, значило бы опять начать съ начала все пережитое послѣ 9-го іюля, безъ всякой увѣренности въ успѣхѣ. Гораздо легче и проще—перемѣна министерства, въ смыслѣ сближенія его съ большинствомъ Думы. Всего лучше было бы, конечно, еслибы она произошла еще до открытія Думы: иначе слѣдуетъ опасаться столкновеній, могущихъ отразиться на всей послѣдующей дѣятельности Думы. Если Дума составляетъ „основу законодательнаго строя", то нельзя не считаться съ ея желаніями и взглядами; если она является „важнѣйшимъ факторомъ государственнаго порядка", то нельзя возводить устои этого порядка по неодобренному или прямо отвергнутому ею плану. Практическій выводъ изъ предпосылокъ министерской деклараціи—отвѣтственность министровъ, понимаемая какъ невозможность сохранять за собою власть вопреки ясно выраженной волѣ народнаго представительства.

„Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ правамъ Государственной Думы въ области законодательства, бюджета и запросовъ, правительство"—говорится въ телеграммѣ П. А. Столыпина—„будетъ неуклонно держаться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ существующихъ законовъ... Оно будетъ стоять на стражѣ спокойствія страны, примѣняя до полнаго ея успокоенія всѣ находящіяся въ его распоряженіи законныя средства". Въ категорію „существующихъ законовъ" министерство вклю-

чаетъ, какъ видно изъ лѣтописи текущихъ событій, положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ; въ категорію „законныхъ средствъ“—пріостановку, безъ суда, органовъ печати, административные аресты, высылки и штрафы, преданія военному и военно-полевому суду. Всѣ эти мѣры пускаются въ ходъ на основаніи актовъ, формально приравниваемыхъ къ законамъ, но въ сущности имѣющихъ съ ними весьма мало общаго. Съ словомъ *законъ* связывается понятіе о чемъ-то постоянномъ, нормальномъ, приспособленномъ къ обычнымъ условіямъ жизни. Законными средствами дѣйствія признаются тѣ, которыми не нарушаются произвольно права личности, не ограничивается свыше мѣры ея свобода. Декларація министерства страдаетъ, такимъ образомъ, внутреннимъ противорѣчіемъ: провозглашая законность, она въ то же самое время ее отрицаетъ. Меньше чѣмъ гдѣ-либо такая сомнительная законность достаточна въ правовомъ государствѣ, какимъ, послѣ 17-го октября 1905-го года, должна быть Россія. Значительная часть испытанныхъ и испытываемыхъ ею бѣдствій зависитъ именно отъ амальгамы конституціонныхъ началъ съ остатками абсолютизма. Нормальная жизнь сдѣлается у насъ возможной только тогда, когда элементарными благами свободы будутъ пользоваться не одни лишь народные представители, а, наравнѣ съ ними, весь народъ.

Иначе, чѣмъ министерство, относятся къ Думѣ тѣ его недисциплинированные союзники, которые, пользуясь его благосклонностью и даже его поддержкой, изо всей силы тянутъ его назадъ, въ потерянное Эльдорадо. Министерство считаетъ возможнымъ одновременно возстановлять спокойствіе и возобновлять правильную законодательную работу; „истинно-русскіе люди“ желали бы отложить избраніе Думы до полнаго успокоенія страны, а еще лучше—на неопредѣленное время. Сравнивая Россію съ больнымъ, мятущимся въ злокачественной лихорадкѣ, они совѣтуютъ подождать ея выздоровленія и тогда только созвать Думу, *если въ ней представится надобность* [1])—и во всякомъ случаѣ на основаніи существенно измѣненнаго избирательнаго закона. На сторонниковъ этого взгляда министерство П. А. Столыпина разсчитывать, очевидно, не можетъ; ихъ побѣда знаменовала бы собою его паденіе, еще болѣе быстрое, нежели при торжествѣ оппозиціи. Болѣе крѣпка, повидимому, связь между министерствомъ и союзомъ 17-го октября—но послѣдній больше нуждается въ опорѣ, чѣмъ самъ можетъ служить ею... Меньше всего вліянія на избирателей окажетъ программа министерства, не дающая отвѣта на самые жгучіе вопросы или заставляющая ожидать рѣшеній, мало благопріятныхъ для народной массы.

---

[1]) См. передовую статью въ № 5 „Московскихъ Вѣдомостей“.

Среди всего печальнаго и трагическаго, придающаго столь мрачный колоритъ современной русской жизни, попадаются иногда черты комическаго, почти водевильнаго свойства. Сюда относятся, напримѣръ, совѣты, преподаваемые избирателямъ и самой Думѣ, „съ серьезнымъ видомъ знатока“, однимъ изъ наименѣе серьезныхъ либерально-консервативныхъ или консервативно-либеральныхъ публицистовъ. Избирателямъ рекомендуется не выбирать молодыхъ людей, не слишкомъ гнаться за образованностью и вовсе не подавать голосъ за инородцевъ. Предѣломъ молодости предлагается признать 35 или даже 40 лѣтъ, основываясь на томъ, что „даръ ораторскаго слова доходитъ до высшей силы къ 45 годамъ“, а „житейскій опытъ и инстинктъ мѣры“ слагаются, вѣроятно, еще позднѣе, послѣ достиженія пятидесятилѣтняго возраста. Чтобы оцѣнить по достоинству эту практическую мудрость, стоитъ только обратиться къ исторіи англійскаго парламента. Большинство знаменитыхъ его ораторовъ вступали въ его среду молодыми, даже весьма молодыми, и сразу или очень быстро выдвигались въ первые ряды. Питтъ старшій, напримѣръ, былъ выбранъ въ палату общинъ 27 лѣтъ отъ роду, его сынъ—22 лѣтъ (два года спустя онъ былъ уже первымъ министромъ), Робертъ Пиль и лордъ Дж. Россель—21 года, Пальмерстонъ, Гладстонъ, Салисбери—23 лѣтъ, Бальфуръ—26 лѣтъ. Сравнительно поздно начали свою политическую карьеру Маколей, Дизраэли, Брайтъ—но и они при вступленіи въ палату общинъ не достигли еще тридцатипятилѣтняго возраста. Во Франціи молодыми были почти всѣ выдающіеся ораторы революціоннаго времени; молодыми пріобрѣли громкую извѣстность Тьеръ, Гарнье-Пажесъ, Ледрю-Ролленъ, Гамбетта. Въ Германіи политическая дѣятельность начинается, вообще говоря, нѣсколько позднѣе; и здѣсь, однако, Евг. Рихтеръ, Бебель, Фолльмаръ выбраны въ рейхстагъ до достиженія или вслѣдъ за достиженіемъ тридцати лѣтъ. Въ оцѣнкѣ кандидатуръ возрастъ, очевидно, не можетъ и не долженъ играть рѣшающей роли.

Не слишкомъ гнаться за образованностью! Трудно повѣрить, что этотъ совѣтъ дается у насъ въ Россіи, гдѣ избирательный законъ предоставляетъ значительное число мѣстъ крестьянамъ и уже тѣмъ самымъ обезпечиваетъ большую долю вліянія за простымъ здравымъ смысломъ и житейскимъ опытомъ. Чтобы быть плодотворнымъ, это вліяніе должно идти рука объ руку съ другимъ, источникомъ котораго служитъ знаніе—знаніе прошедшаго, своего и чужого, знаніе настоящаго, во всемъ его безконечномъ разнообразіи. Такое знаніе дается образованіемъ, которое именно у насъ болѣе чѣмъ странно считать чѣмъ-то въ родѣ quantité négligeable. Непрошеннаго совѣтчика пугаетъ тотъ фактъ, что изъ 448 членовъ первой Думы 189 по-

лучили высшее образованіе, 62—среднее, т.-е. больше половины депутатовъ были такъ-называемые интеллигентные люди. Лучше было бы, значитъ, еслибы большинство Думы состояло изъ людей, нигдѣ не учившихся или недоучившихся? А чѣмъ такое большинство было бы ограждено отъ давленія меньшинства, на сторонѣ котораго оказалось бы громадное преимущество умственнаго развитія?.. При извѣстныхъ условіяхъ избиратели могутъ, конечно, предпочесть менѣе образованнаго кандидата болѣе образованному; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы меньшая степень образованія сама по себѣ увеличивала, большая степень—уменьшала право на избраніе.

Предостереженіе противъ людей молодыхъ и образованныхъ—только смѣшно; но что̀ сказать о совѣтѣ не избирать инородцевъ? Обращенный къ инородцамъ, онъ не имѣетъ, очевидно, никакого смысла; предоставленные самимъ себѣ, инородцы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, безъ сомнѣнія остановятъ свой выборъ на комъ-либо изъ собственной своей среды. Адресатомъ совѣта является, такимъ образомъ, правительство. „Парламентъ“—говорятъ намъ—„есть власть; власть должна быть національной; парламентъ долженъ быть русскій“. Одно изъ двухъ, слѣдовательно: или мѣстности, населенныя инородцами, вовсе не должны посылать депутатовъ въ Государственную Думу—или условіемъ избранія должна быть признана повсемѣстно принадлежность избираемаго къ господствующему племени (и къ господствующей религіи?)... Одинаково хороши обѣ половины дилеммы!

Въ область комизма возвращаетъ насъ другая серія совѣтовъ, предлагаемыхъ тѣмъ же неутомимымъ писателемъ. Рѣчь идетъ теперь уже не о выборахъ въ Думу, а о самой Думѣ. Оплакивая подражательность, выразившуюся въ думскихъ порядкахъ, сотрудникъ „Новаго Времени“ также рекомендуетъ нѣкоторыя заимствованія, но непремѣнно изъ англійскаго источника: чтеніе молитвы передъ началомъ засѣданія, неназываніе депутатовъ по фамиліямъ, произнесеніе рѣчей не съ каѳедры, а съ мѣста. Что̀ понятно какъ обычай, установившійся самъ собою и освященный временемъ, то могло бы оказаться совершенно неумѣстнымъ при другой обстановкѣ и по предписанію свыше. Дѣловое настроеніе нелегко совмѣстить съ молитвеннымъ, и послѣднее едва-ли появляется ежедневно въ средѣ англійскихъ коммоперовъ; но они привыкли соблюдать внѣшній декорумъ, и этого достаточно для сохраненія порядка, унаслѣдованнаго отъ предковъ. Ничего подобнаго не было у насъ, и всего меньше обязательное чтеніе молитвы удовлетворило бы именно тѣхъ членовъ Думы, которые отнеслись бы къ нему наиболѣе серьезно... Неназываніе депутатовъ по фамиліямъ лишено всякаго значенія, потому что всѣмъ извѣстенъ избирательный округъ, отъ котораго засѣдаетъ въ палатѣ данное лицо—и указаніе

округа вполнѣ замѣняетъ собою указаніе имени. Что касается, наконецъ, вопроса о томъ, откуда произносить рѣчь, то для однихъ удобнѣе говорить съ каѳедры, для другихъ—съ мѣста: это должно быть предоставленно усмотрѣнію каждаго отдѣльнаго депутата. *Требовать* восхожденія на каѳедру, хотя бы предстояло сказать лишь нѣсколько словъ, нѣтъ никакого основанія; но точно также нѣтъ причины стѣснять желающихъ воспользоваться каѳедрой—хотя бы для того, чтобы ихъ лучше было слышно,—или вовсе уничтожать каѳедру, какъ это было сдѣлано Наполеономъ III-мъ при образованіи Законодательнаго Корпуса. Ошибочно было бы думать, что каѳедра располагаетъ къ театральности или къ многорѣчію: стремленіе къ эффектамъ зависитъ отъ національныхъ или личныхъ особенностей оратора, многословіе вполнѣ возможно и при отсутствіи каѳедры. Длинныя, иногда безъ надобности длинныя рѣчи—далеко не рѣдкость и въ англійской палатѣ общинъ.

Перестаютъ быть комичными наставленія, преподаваемыя Думѣ, когда къ нимъ присоединяется совѣтъ воспользоваться временемъ, остающимся до открытія Думы, и „еще разъ провѣрить складъ нашей парламентской процедуры, обсудить церемоніи и распорядки". Все касающееся парламентской процедуры входитъ въ область наказа Думы, составленіе котораго предоставлено исключительно ей самой (Учр. Госуд. Думы ст. 62).

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, нельзя еще даже догадываться о результатѣ выборовъ. Телеграфныя извѣстія, насколько они касаются партійной окраски выборныхъ лицъ (уполномоченныхъ отъ волостей, отъ рабочихъ и отъ мелкихъ землевладѣльцевъ), сбивчивы и мало надежны: слишкомъ уже много оказывается „правыхъ", слишкомъ неопредѣленно понятіе о еще болѣе многочисленныхъ „умѣренныхъ". Весьма возможно, впрочемъ, что сенатскія разъясненія не остались безъ вліянія на составъ избирателей, а слѣдовательно и на ходъ выборовъ. Не вездѣ, притомъ, были приняты достаточно энергичныя мѣры къ оповѣщенію избирателей о мѣстѣ и времени выборовъ; не вездѣ съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ были назначены съ такимъ разсчетомъ, чтобы облегчить какъ можно больше ихъ посѣщеніе. Намъ извѣстенъ, напримѣръ, одинъ большой уѣздъ, простирающійся съ сѣвера на югъ верстъ на 130, съ запада на востокъ—верстъ на 75: въ прошломъ году тамъ было назначено пять съѣздовъ, въ нынѣшнемъ году—только три, и притомъ два—въ уѣздномъ городѣ, находящемся далеко не въ центрѣ уѣзда. Понятно, что это не можетъ способствовать исправной явкѣ избирателей. Едва ли остались безъ

вліянія и такія мѣры, какъ требованіе отъ полиціи *подробныхъ свѣдѣній* о лицахъ, избранныхъ въ уполномоченные. У насъ, по старой памяти, не очень-то любятъ обращать на себя усиленное вниманіе администраціи—и одно опасеніе попасть подъ надзоръ могло удержать многихъ отъ поѣздки на выборы... Присоединясь къ прошлогоднему, нынѣшній избирательный опытъ дастъ много цѣнныхъ матеріаловъ для пересмотра положенія о выборахъ—пересмотра, которымъ неизбѣжно должна будетъ заняться Государственная Дума, если ей будетъ дано необходимое для того время.

Не вполнѣ выяснена, покамѣстъ, судьба попытокъ, направленныхъ къ заключенію предвыборныхъ союзовъ. Удается, повидимому, соглашеніе между партіями, мало чѣмъ отличающимися другъ отъ друга—напр. между различными группами крайнихъ лѣвыхъ и крайнихъ правыхъ; большія затрудненія встрѣчаетъ, наоборотъ, образованіе болѣе обширныхъ „блоковъ“, напр. такой коалиціи, которая обнимала бы собою всѣхъ или почти всѣхъ рѣшительныхъ противниковъ стараго порядка. Нелегко, въ самомъ дѣлѣ, слить въ одно русло, хотя бы на короткое время, теченія эволюціонныя и революціонныя: слишкомъ велика разница не только послѣднихъ, но и ближайшихъ цѣлей—и вмѣстѣ съ тѣмъ разница настроеній. Мы продолжаемъ думать, что для конституціоннаго центра, идущаго отъ партіи мирнаго обновленія до партіи народной свободы, осуществимымъ и цѣлесообразнымъ былъ бы только предвыборный союзъ съ сравнительно умѣренными изъ числа лѣвыхъ (меньшевики, народные соціалисты). Немалымъ препятствіемъ къ составленію подобныхъ союзовъ служитъ одна особенность нашей избирательной системы. Гдѣ первоначальные выборы считаются состоявшимися лишь при абсолютномъ большинствѣ голосовъ, тамъ незачѣмъ спѣшить съ соглашеніемъ: оно можетъ быть заключено въ промежутокъ между первой и второй подачей голосовъ, когда уже обрисовалась сравнительная сила партій и сдѣлалось яснымъ, которой изъ нихъ и въ какую сторону слѣдуетъ уступить. У насъ, наоборотъ, выборщики могутъ быть избраны сразу относительнымъ большинствомъ, послѣ чего вступать въ соглашеніе уже поздно—а до тѣхъ поръ совершенно гадательными представляются шансы различныхъ группъ, и каждая изъ нихъ, преувеличивая свои шансы на успѣхъ, можетъ уклоняться отъ невыгодныхъ, по ея предположенію, соглашеній. Къ переоцѣнкѣ своихъ силъ склонна всякая партія, вѣрящая въ правоту своихъ стремленій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1907.

I.

— Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки. Съ музыкальными приложеніями и иллюстраціями. — Труды Музыкально-Этнографической Коммиссіи. Т. I. М. 1906.—530 + 77 стр. in 4°. Ц. 5 р.

Новый обширный томъ матеріаловъ и изслѣдованій изъ области, которая съ давнихъ поръ привлекала къ себѣ вниманіе ученаго міра, свидѣтельствуетъ о той неослабѣвающей энергіи, которая отличаетъ послѣднюю четверть вѣка въ дѣятельности этнографическаго отдѣла московскаго „Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи". Обладая крайне ограниченными средствами, благодаря исключительной любви къ дѣлу его руководителей, особенно проф. В. Ѳ. Миллера, отдѣлъ развилъ обширную и многостороннюю дѣятельность, направленную на изученіе племенъ и народовъ, преимущественно обитающихъ въ Россіи, и на собираніе матеріала для построенія русской этнографіи, какъ самостоятельной науки. Отдѣлъ снаряжалъ экспедиціи, самостоятельно изыскивая на нихъ нерѣдко средства, привлекалъ молодыя силы, поощрялъ изданіемъ ихъ трудовъ, издавалъ и продолжаетъ издавать свой періодическій органъ — „Этнографическое Обозрѣніе", научное значеніе котораго не разъ отмѣчалось въ нашемъ журналѣ. Между прочимъ, одною изъ задачъ этнографическаго отдѣла явилось собираніе свѣдѣній о положеніи народной пѣсни и музыки въ ихъ исторіи и современномъ быту; при отдѣлѣ образовалась особая музыкальная коммиссія, которая занялась спеціально вопросами народнаго пѣснотворчества и объединеніемъ трудовъ и усилій, направляемыхъ въ эту область. Въ виду особо важнаго значенія трудовъ этой коммиссіи, нельзя не остановиться на

„вступительной запискѣ“ одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ этнографическо-музыкальнаго кружка, Н. А. Янчука, въ которой г. Янчукъ, съ одной стороны, выясняетъ культурную важность изученія музыкальнаго творчества—русскаго и инородческаго населенія Россіи. Указавъ на право науки требовать отъ господствующей націи самаго заботливаго вниманія къ подчиненнымъ ея власти народамъ—хотя бы въ цѣляхъ научнаго изученія, г. Янчукъ аргументируетъ свою мысль указаніемъ на западные народы. При всей своей жестокости, съ какою они утверждаютъ свое политическое и экономическое господство среди дикарей, напримѣръ Новаго Свѣта, народы эти, тѣмъ не менѣе, какъ бы понимаютъ свою отвѣтственность передъ будущими вѣками и не останавливаются ни передъ какими затратами на изученіе вымирающихъ племенъ. Даже приводя завоеванныя племена къ ассимиляціи или полному уничтоженію, завоеватели дѣлаютъ все, что̀ могутъ, чтобы сохранить ихъ культуру и жизнь въ общей сокровищницѣ человѣческаго знанія. Разсчетливые американцы, англичане, не говоря уже о французахъ и нѣмцахъ, затрачиваютъ огромныя суммы на этнографическія и антропологическія изслѣдованія дикарей, устраиваютъ музеи, вызываютъ капитальныя работы, вносящія нерѣдко переворотъ въ сферу соціальныхъ и политическихъ наукъ. Изученіе первобытнаго искусства, въ томъ числѣ и музыкальнаго творчества, ведетъ все болѣе и болѣе къ выясненію вопроса о происхожденіи искусства вообще и музыки въ частности, и попутно возникаютъ любопытнѣйшія проблемы о вѣковыхъ междуплеменныхъ вліяніяхъ, формахъ и пріемахъ музыкальнаго творчества.

Дѣятельность московской музыкальной коммиссіи характеризуется г. Янчукомъ слѣдующимъ образомъ: „Не довольствуясь этими случайными поступленіями, московская коммиссія задалась было цѣлью болѣе систематическаго изслѣдованія народной музыки путемъ командировки своихъ членовъ въ опредѣленные районы съ заранѣе намѣченной цѣлью. Но подобныя поѣздки всегда сопряжены съ немалыми затратами, и въ данномъ случаѣ коммиссія оказалась связанною по рукамъ недостаткомъ матеріальныхъ средствъ. Озабоченная пріисканіемъ средствъ на научныя командировки и имѣя въ виду свои популяризаторскія задачи, коммиссія рѣшила продолжить опытъ устройства этнографическихъ концертовъ для широкой публики съ небольшою входною платою. Всего было устроено при содѣйствіи отдѣла шесть концертовъ, въ которыхъ демонстрировались наиболѣе характерные образцы вокальной и отчасти инструментальной народной музыки. Такимъ образомъ коммиссіи удалось ознакомить публику съ пѣснями и инструментальными мелодіями великоруссовъ, бѣлоруссовъ, малоруссовъ, поляковъ, болгаръ, сербовъ, чеховъ, литовцевъ, латышей, евреевъ, молдаванъ, грековъ,

финляндцевъ, вотяковъ, мордвы, черемисъ, чувашей, башкиръ, киргизовъ, сартовъ, таранчей, татаръ, калмыковъ, армянъ, осетинъ, грузинъ, лезгинъ, кумыковъ, черкесовъ и другихъ кавказскихъ народностей. Мелодіи перечисленныхъ народовъ исполнялись большею частью въ неприкосновенномъ видѣ, безъ всякаго сопровожденія, съ подлиннымъ текстомъ, иногда даже на подлинныхъ народныхъ инструментахъ; иныя же предлагались публикѣ въ гармонизаціи гг. членовъ коммиссіи съ сопровожденіемъ фортепіано или въ хоровомъ переложеніи. Для хорового исполненія коммиссіи пришлось озаботиться организаціей любительскаго хора подъ руководствомъ и при участіи нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи. Концертному исполненію иногда предшествовало чтеніе о народной музыкѣ. Устройство этихъ концертовъ и лекцій, можно сказать, оправдало свою идейную цѣль — возбудить въ обществѣ интересъ къ народной пѣснѣ и музыкѣ, при чемъ инородцы едва-ли не впервые предстали предъ московской публикой въ серьезно-научной обстановкѣ съ концертной эстрады. Печать и публика встрѣчали это предпріятіе съ большимъ сочувствіемъ. Правда, сторона практическая отошла при этомъ на второй планъ, и сборы съ этихъ публичныхъ собраній, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по ихъ устройству, при дешевыхъ цѣнахъ, дали самый незначительный результатъ. Коммиссія, однако, нисколько не сожалѣла объ этомъ, довольствуясь достигнутымъ научнымъ и художественнымъ успѣхомъ, и если бы устройство подобныхъ публичныхъ собраній не было сопряжено съ такими большими затрудненіями, то желательно было бы продолжать это дѣло съ большею систематичностью и на болѣе широкихъ началахъ. Какъ бы то ни было, вопросъ о научныхъ командировкахъ и объ изданіи собранныхъ матеріаловъ оставался неразрѣшеннымъ".

Вопросъ дальнѣйшей дѣятельности коммиссіи—вопросъ средствъ... Но было бы чрезвычайно жаль, еслибъ дѣятельность эта прекратилась вслѣдъ за изданіемъ перваго (даже второго) тома ея трудовъ, и мы надѣемся, что научныя учрежденія, если не министерство народнаго просвѣщенія, и частныя лица, сочувствующія изученію народной музыки въ Россіи, не дадутъ заглохнуть полезному и важному научному дѣлу. Настоящій томъ напечатанъ на средства казны, добытыя, при поддержкѣ Имп. Академіи Наукъ. Въ заключительныхъ строкахъ своей замѣтки г. Янчукъ указываетъ на серьезность спеціальнаго изученія народной пѣсни съ ея музыкой именно въ Россіи. „Наше отечество, вслѣдствіе его обширности и разнообразія состава его населенія, представляетъ неисчерпаемое богатство народно-музыкальнаго творчества, серьезное изслѣдованіе котораго только-что начинается и требуетъ большого количества соединен-

ныхъ силъ, направленныхъ къ одной цѣли. Въ то время какъ русская народная музыка уже обратила на себя вниманіе спеціалистовъ, музыка нашихъ инородцевъ остается еще почти совершенно незатронутой изслѣдователями. Энергичное изученіе той и другой является крайне неотложнымъ, такъ какъ старинная русская пѣсня исчезаетъ и обезличивается подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, а инородцы русѣютъ и вымираютъ".

Содержаніе настоящаго тома составляютъ главнымъ образомъ результаты музыкально-этнографическихъ экскурсій въ различныя мѣстности Россіи. Таковы матеріалы, собранные въ архангельской губерніи лѣтомъ 1901 г. А. В. Марковымъ, А. Л. Масловымъ и Б. А. Богословскимъ, съ приложеніемъ 47-ми напѣвовъ; „Народная казачья пѣсня на Дону" (экспедиція 1902—1903 г.), съ приложеніемъ 14-ти пѣсенъ — А. М. Листопадова; „Опытъ записи фонографомъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ (поѣздка въ полтавскую губернію 1903 г.), съ приложеніемъ 18-ти пѣсенъ,— Е. Э. Линевой; „Поѣздка въ пермскую губернію съ музыкально-этнографическою цѣлью въ 1901 г., съ приложеніемъ 14-ти напѣвовъ, — И. С. Тезавровскаго; „Пѣснь съ Поволжья" съ напѣвами, — А. Л. Маслова; „Русскія народныя пѣсни и свадебный обрядъ въ дер. Жуково, Никольскаго уѣзда, Вологодской губ." съ напѣвами — Ан. Попова; „Выкрики разносчиковъ" въ записяхъ различныхъ лицъ. Обстоятельныя работы Д. И. Аракчіева посвящены очерку развитія грузинской (караталино-кахетинской) народной пѣсни, съ нотными примѣрами и пѣснями въ народной гармонизаціи, затѣмъ очерку грузинской духовной народной музыки. За выдержками изъ посмертныхъ бумагъ Ю. Н. Мельгунова „о ритмѣ и гармоніи русскихъ пѣсенъ" и его же „запиской о русской церковной музыкѣ" слѣдуетъ очеркъ Н. А. Янчука — „князь В. Ѳ. Одоевскій и его значеніе въ исторіи русской церковной и народной музыкѣ"; затѣмъ идутъ замѣтки В. В. Пасхалова, Юрія Арнольда (посмертныя) и др. Во второмъ отдѣлѣ книги помѣщенъ рядъ отзывовъ о новыхъ музыкально-этнографическихъ изданіяхъ и работы библіографическаго характера гг. Аракчіева, Пасхалова и Маслова. Въ приложеніяхъ къ 3-му отдѣлу (протоколы засѣданія) помѣщены, между прочимъ: „записка о введеніи преподаванія народной музыки въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ" и „программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и вообще музыкально-этнографическихъ матеріаловъ". Уже изъ этого краткаго обзора можно видѣть, какимъ живымъ и разнообразнымъ интересомъ отличается первый томъ трудовъ музыкально-этнографической коммиссіи. Въ статьяхъ и вступительныхъ замѣткахъ авторовъ заключенъ обширный и чрезвычайно любопытный матеріалъ, характеризующій положеніе народной пѣсни

въ народномъ быту въ настоящее время. Этотъ матеріалъ указываетъ, въ то же время, насколько важно именно теперь обратиться къ серьезному изученію народно-музыкальнаго творчества. „Внимательное изученіе пѣсеннаго вопроса,—говоритъ г. Листопадовъ въ названной выше статьѣ своей,—необходимо должно привести къ убѣжденію, что наше время для народной пѣсни—время критическое. Непосредственное народное творчество давно прекратилось. Старинная пѣсня сохранилась только въ нѣкоторыхъ глухихъ, удаленныхъ отъ центровъ, уголкахъ нашего обширнаго отечества. Да и здѣсь она, какъ видимъ, не свободна бываетъ отъ пагубнаго воздѣйствія на нее постороннихъ элементовъ, искажающихъ или же совсѣмъ изгоняющихъ ее изъ народнаго обихода. Утрата народомъ своихъ старинныхъ напѣвовъ есть явленіе естественное. Оно однородно съ забвеніемъ мѣстныхъ нарѣчій, съ замѣной національной одежды общеевропейскимъ костюмомъ, съ исчезновеніемъ языческихъ обрядовъ и преданій. Успѣхи промышленности, развитіе путей сообщенія, распространеніе грамотности и знанія вообще медленно, но неотразимо подтачиваютъ своеобразность народнаго быта; обезцвѣченіе этого быта есть необходимая жертва, приносимая цивилизаціи. Каждый новый успѣхъ нашъ на поприщѣ культуры матеріальной или духовной будетъ сопровождаться новой утратой для нашего пѣсеннаго богатства, новымъ вторженіемъ заимствованій изъ музыки буржуазной и иностранной".

Многія статьи снабжены снимками, портретами, нотными иллюстраціями и т. д. Съ внѣшней стороны изданіе производитъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе.

II.

— Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ I. М. 1906.—243 стр. in 8°. Ц. 1 р. 50 к.

Семнадцать характеристикъ—отъ Батюшкова до Чехова. „Силуэты"—однотонные, одноцвѣтные, какъ имъ и слѣдуетъ быть, самыхъ разнообразныхъ писателей: Крыловъ, Рылѣевъ, Пушкинъ, Тютчевъ, Сергѣй Аксаковъ, Гончаровъ, Глѣбъ Успенскій—цѣлая портретная галлерея, безъ диссонансовъ, безъ золотыхъ рамъ и яркихъ красокъ... Все озарено мягкими лучами чуткаго къ поэтическимъ чарамъ автора, болѣе искавшаго ихъ отраженій въ своей душѣ, чѣмъ подлинныхъ чертъ „реальной правды". Отъ этого со страницъ книги вѣетъ на читателя теплотой и непосредственностью настроенія, окутывающаго милые авторскому сердцу образы легкой дымкой поэтической идеализаціи; но зато имъ недостаетъ того, что составляетъ самую важную

и необходимую черту силуэтовъ — рѣзкой опредѣленности очертаній, тѣхъ, какъ бы неуловимо-случайныхъ, какъ бы непроизвольныхъ штриховъ, которые даютъ жизнь и движеніе всей фигурѣ и служатъ ключомъ къ разгадкѣ всего однотоннаго темнаго пятна.

Тонкій созерцатель поэтическихъ мыслей и художественныхъ образовъ, г. Айхенвальдъ переводитъ ихъ по преимуществу на языкъ своихъ ощущеній, и критика его состоитъ прежде всего въ любовномъ слѣдованіи мечтой и чувствомъ за душой художника или поэта. Но и на высотахъ поэзіи, и въ тѣхъ глубинахъ духа, куда вслѣдъ за своимъ любимцемъ спускается авторъ, онъ ищетъ главнымъ образомъ того, что отвѣчаетъ его личному духовному міру, міру спокойныхъ созерцательныхъ настроеній, безмятежныхъ исканій, раздумья, не отравленнаго ни разочарованіемъ, ни отрицаньемъ. Отъ этого—говоритъ ли онъ о Крыловѣ, этой, по его прекрасному выраженію, „живой пословицѣ русской литературы“, онъ говоритъ о немъ безъ добродушія, безъ улыбки; цитируетъ ли Рылѣева, Лермонтова, Помяловскаго, въ тонѣ его иллюстрацій нѣтъ и тѣни личнаго возмущенія и протеста. Тамъ, гдѣ тревога, буря, борьба, авторъ признаетъ ихъ, констатируетъ, иногда преклоняется передъ могучими порывами духа, но не отдаетъ имъ своихъ задушевныхъ симпатій. Онѣ—въ мирной области тонко-уловимыхъ, иногда глубокихъ, душевныхъ созерцаній и эстетическихъ впечатлѣній. Въ этомъ кроется объясненіе, почему такъ блѣдны силуэты Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова и почему такъ прекрасны очерки о Тютчевѣ, о Сергѣѣ Аксаковѣ и особенно о Гончаровѣ и Чеховѣ. Изъ слишкомъ ужъ трезвой оцѣнки Грибоѣдова испарилась ѣдкая острота его прозрѣнія въ жизнь; въ этюдѣ о Пушкинѣ почти не прорывается кипучее, страстное начало его поэзіи; бурный и мятежный Лермонтовъ слишкомъ скоро смиряется у автора, подчеркивающаго въ немъ „завершающую успокоенность“, готовность склониться ницъ передъ тѣмъ гармоничнымъ и спокойнымъ міросозерцаніемъ, которое геніальный поэтъ олицетворилъ въ Максимѣ Максимовичѣ. Для г. Айхенвальда является, повидимому, несомнѣннымъ, что Лермонтовъ, оставшись наединѣ съ собою, глубоко войдя въ себя, „позналъ смиреніе“. „Въ теченіе всей своей короткой жизни онъ тяготѣлъ къ этой духовной тишинѣ, къ „дивной простотѣ“, и много усилій долженъ былъ онъ сдѣлать надъ собою, чтобы найти красоту и глубину простого. И онъ его въ концѣ своей внутренней жизни нашелъ“... Каждый имѣетъ право искать въ Лермонтовѣ *своего* поэта, и спорить съ г. Айхенвальдомъ, особенно при методѣ его изысканія, конечно, не приходится. Но чрезвычайно характерно для критика, что онъ не хочетъ замѣтить у Фамусова, въ области гражданскихъ воззрѣній послѣдняго, его великаго смущенія, его тревоги передъ

тѣмъ, что творилось вокругъ него въ молодой жизни, противъ чего онъ вооружался и протестовалъ. Фамусовъ—враждующее начало, онъ—воюющая и, въ свое время, сильнѣйшая сторона въ непримиримой борьбѣ съ свободной и просвѣщенной мыслью. Онъ самоувѣренъ, но далеко уже не „эпически"; жизнь кругомъ подтачиваетъ то міросозерцаніе, въ которое онъ такъ слѣпо вѣритъ, и ему приходится постоянно ополчаться за него. Среда Фамусовская представляется г. Айхенвальду слишкомъ ужъ спокойнымъ стоячимъ болотомъ. „Какъ гражданинъ, онъ (Фамусовъ) видитъ предъ собою наивно-цѣльное міровоззрѣніе, какое-то эпическое спокойствіе оцѣнокъ и понятій. Здѣсь не сомнѣваются. Здѣсь неподвижно, въ этой лѣнивой, огромной, тяжелой массѣ, которая повинуется только закону инерціи. Въ средѣ Фамусова всѣ взгляды на жизнь давно уже выработаны, и эта жизнь мирно и мѣрно катится по ровной дорогѣ традиціи". Стоячее болото дрогнуло, Грибоѣдовъ подмѣтилъ тревожную зыбь его первыхъ вздрагиваній—и въ этомъ глубокій историческій смыслъ его комедіи. А г. Айхенвальдъ на первый планъ выдвигаетъ въ извѣстномъ психологическомъ моментѣ его статику, и стремленіе къ „эпическому" далеко не является у него случайнымъ. Вѣчное, абсолютно-прекрасное болѣе всего привлекаетъ его даже у пѣвцовъ и художниковъ гражданской скорби. А вѣчное всегда сродни спокойному, ясному, но и холодному. Если Лермонтовъ, безъ своего демонизма, безъ огня, все же выходитъ чарующимъ въ очеркѣ г. Айхенвальда, то вдумчивый, философическій Баратынскій находитъ у автора мастерское, можно сказать художественное истолкованіе... авторъ такъ привлекательно изобразилъ, какъ „отъ жизни пестрой и блещущей, отъ ея безпокойнаго и рѣзкаго полудня хочется иногда уйти къ этому печальнику и мудрецу, въ прохладу и сумракъ его поэтическаго лѣса, чтобы, въ тишинѣ навѣваемой думы, слушать тамъ величавое эхо—прекрасную риѳму его (Баратынскаго) стиховъ"... Но зато и безъ того не горячій Плещеевъ выходитъ у автора, особенно въ сопоставленіи съ Помяловскимъ, чуть-чуть тепленькимъ, почти холоднымъ, при всей „кроткой тишинѣ и сердечности" его поэзіи, при всей отмѣчаемой авторомъ благонастроенности его элегическаго и яснаго міровоззрѣнія. Какъ ни трудно оторвать Глѣба Успенскаго отъ русской жизни извѣстнаго періода, г. Айхенвальду удалось сдѣлать это, и въ сочиненіяхъ Успенскаго критика занимаютъ главнымъ образомъ общечеловѣческіе мотивы его сочиненій. „Въ центрѣ его (Успенскаго) произведеній лежитъ, какъ онъ самъ выражается, „большое горе людей, живущихъ въ маленькихъ избушкахъ"... „Его занимаетъ разореніе не только экономическое, но и нравственное"... „Глубокій идеализмъ"... „Луврская богиня лучами своей неумирающей красоты достигаетъ Растеряевой улицы"... Тоска по цѣль-

ности... Власть земли... Эти отдѣльные штрихи, искусно брошенные въ общую характеристику Успенскаго, напоминаютъ вамъ его, если вы любите и только забыли его, но далеко не вызываютъ представленія ни о его духовной мощи, ни, если можно говорить о стихійныхъ началахъ русской жизни, о его полномъ инстинктивномъ сліяніи съ русской жизнью во всѣхъ благо- и безобразіяхъ ея проявленій. Но, съ другой стороны, какъ любовно-внимательно отнесся г. Айхенвальдъ къ Гончарову, подмѣтивъ много любопытныхъ и не сразу замѣтныхъ чертъ и уловивъ надъ сонной атмосферой его изображеній „благородный строй души и помысловъ Гончарова“, возвышенную, задумчивую печаль, его любовь къ жизни, во всѣхъ ея мелочахъ и подробностяхъ, и его грусть надъ нею, проистекавшую изъ конечной неудовлетворенности прозаическимъ ходомъ существованія... Ближе чѣмъ Гончарова, какъ оно и естественно, г. Айхенвальдъ знаетъ и чувствуетъ Чехова. „Затаенная, застѣнчивая радость жизни переливается въ его произведеніяхъ, и никто тоньше его не понималъ и не чувствовалъ всего, что̀ есть на землѣ поэтичнаго и отраднаго. Въ лунномъ свѣтѣ меланхоліи, въ ея задумчивомъ колоритѣ изобразилъ онъ міръ, но міръ пріобрѣлъ отъ этого только новую красоту“... Красоты, простоты и добраго, хорошаго чувства—прежде всего требуетъ г. Айхенвальдъ отъ художественныхъ изображеній, и Чеховъ особенно дорогъ автору, какъ „писатель идеала“, тосковавшій въ порывахъ своихъ „по красотѣ и вѣчности, по свѣтлой радости духа“.

Въ итогѣ, съ появленіемъ „Силуэтовъ“ г. Айхенвальда—въ нашей критической литературѣ одной хорошей книгой стало больше.

III.

— Львовъ-Рогачевскій, В.—Борьба за жизнь. Сборникъ статей. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1907.—245 стр. in 8°. Ц. 1 р.

Прогрессивныя теченія общественной жизни послѣднихъ лѣтъ и ихъ отраженія въ творчествѣ — таково основное содержаніе книги г. Львова-Рогачевскаго. Литература служитъ обществу въ его исканіяхъ свободы, свѣта и правды—такова та исходная точка зрѣнія, съ которой онъ характеризуетъ людей извѣстной эпохи, ихъ чувства и настроенія, ихъ стремленія и идеалы. Въ первой изъ своихъ статей—о Чеховѣ—авторъ даетъ сжатый очеркъ различныхъ формъ освободительнаго движенія и испытанныхъ имъ разочарованій и неудачъ, создавшихъ ту удушливую атмосферу восьмидесятыхъ годовъ, которая вобрала въ себя „весь мракъ, весь ужасъ, всю ложь предшествовавшихъ десятилѣтій“. Творчество А. П. Чехова, по словамъ автора,

одѣло въ плоть и кровь „это послѣднее слово“ (отупляющей и омертвляющей атмосферы), выставило на всенародныя очи этотъ страшный итогъ и вырвало изъ сердца всѣхъ, кто имѣетъ уши, чтобы слышать, мучительный крикъ: „такъ жить нельзя!“ Авторъ искусно проводитъ параллель между личными переживаніями художника и его изображеніями, болѣе всего типичными для восьмидесятыхъ годовъ, этой эпохи бездорожья, въ которомъ оказались борцы за народное благо. Творчество Чехова явилось краснорѣчивымъ выраженіемъ этого бездорожья. А заслуга его опредѣлилась тѣмъ, что онъ явился „великимъ отрицателемъ отрицательныхъ сторонъ русской дѣйствительности“. Чеховъ далъ картину духовнаго рабства, духовнаго изнуренія нашей родины. Въ одной изъ главъ г. Львовъ-Рогачевскій анализируетъ творчество Чехова съ этой стороны и уясняетъ его общественный смыслъ. Съ другой стороны, на рядѣ удачно сопоставленныхъ цитатъ многое уясняется и въ творчествѣ Чехова. Указавъ на связь Чехова именно съ 80-ми годами, авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о положеніи Чехова въ слѣдующее десятилѣтіе. Упомянувъ о чередованіи общественныхъ настроеній, когда умы то пробуждаются, видя впереди отчетливые идеалы, то мятутся, не зная, куда идти и что дѣлать, когда и мыслители знаютъ только, чего *не надо* дѣлать, и живутъ предчувствіями, ощупью, напомнивъ стихъ поэта—„горе проснувшимся въ ночь безысходную—имъ не сомкнуть своихъ глазъ“,—авторъ говоритъ: „А. П. Чеховъ попалъ какъ разъ въ такую полосу и до конца дней своихъ не могъ изъ нея выйти. Девяностые годы остались впѣ поля его зрѣнія, онъ оказался тѣмъ русскимъ человѣкомъ, который, по его же словамъ, „любитъ вспоминать, но не любитъ жить“... Вокругъ него „жизнь новая творилась“, зрѣлъ и ширился протестъ не только отдѣльныхъ лицъ, а громадныхъ общественныхъ слоевъ, назрѣвали и развивались новыя силы, новыя слова, а Чеховъ не замѣчалъ протеста и не отмѣчалъ въ своемъ творчествѣ новыхъ силъ.

„Онъ жилъ воспоминаніями. Онъ отвергалъ старыхъ боговъ, старыя доктрины, и критика его была безпощадна, онъ кончалъ со старымъ міровоззрѣніемъ и не имѣлъ силъ или не хотѣлъ перейти къ новому слову. Толстовцы, абрамовцы, народники проходятъ передъ нами, какъ отряды, потерпѣвшіе рѣшительное пораженіе. Тѣ великія слова „народъ“, долгъ народу и т. д... въ творчествѣ А. П. Чехова подвергаются той же переоцѣнкѣ. Подвергается изученію и та самая интеллигенція, которая еще въ семидесятыхъ годахъ такъ вѣрила въ свою историческую миссію.

„Что же получилось въ результатѣ этой переоцѣнки?

„На этотъ вопросъ пусть отвѣтятъ намъ образы А. П. Чехова, разрушившіе старый храмъ, но не построившіе новаго“.

Слѣдующій этюдъ автора—„Мертвое царство“—посвященъ характеристикѣ творчества Леонида Андреева. Но еще раньше, въ статьѣ о Чеховѣ, г. Львовъ проводитъ параллель, наглядно обрисовывающую его взглядъ на обоихъ писателей. Оба они любятъ посѣщать кладбище русской жизни, оба подошли къ стѣнѣ, оба видятъ, что „міръ гибнетъ“, оба изображаютъ безуміе и ужасъ окружающей дѣйствительности, оба тысячу разъ повторяютъ: „такъ жить нельзя“. И все же между обоими писателями громадная разница. „Одинъ говоритъ это простыми, безыскусственными, душу потрясающими словами, другой—стеня и вопя, потрясая кулаками и въ какомъ-то бреду. Но Леонидъ Андреевъ отъ формулы „такъ жить нельзя“ переходитъ къ другой—„остается умереть“, отъ погибающаго міра переходитъ въ міръ призраковъ, отъ стѣны—къ безднѣ, а А. П. Чеховъ отъ безумія и ужаса жизни переходитъ къ пророчеству, которое такъ прекрасно выразилъ въ нѣсколькихъ словахъ поэтъ-восьмидесятникъ:

„Вѣрь, настанетъ пора —
И погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь“.

Съ другой стороны, взглядъ автора на Леонида Андреева виденъ изъ сопоставленія этого писателя съ Гаршинымъ. Леонидъ Андреевъ—художникъ мертваго царства, художникъ безумія и ужаса, „краснаго смѣха“ и „призраковъ“, господствующихъ надъ дѣйствительностью (въ обзоръ автора не вошли послѣднія произведенія Андреева, статья его помѣчена 1904 г.). „И странное дѣло: Леонидъ Андреевъ пишетъ свой разсказъ о человѣчествѣ, у котораго мутится разумъ, а читатель холодѣетъ и чуждъ этому абстрактному человѣчеству, но вотъ другой художникъ нарисовалъ одного человѣка, который пролежалъ четыре дня подлѣ убитаго имъ непріятеля на полѣ сраженія, этотъ одинъ человѣкъ заговорилъ о томъ, что онъ пережилъ и перечувствовалъ; онъ ни слова не сказалъ о человѣчествѣ, и что же? Каждое его простое, изъ свѣта и пламени сотканное слово потрясаетъ сердце, каждое его слово гремитъ великимъ „я обвиняю“ надъ неправдой и насиліемъ озвѣрѣвшихъ людей; за рядовымъ Ивановымъ встаетъ все изстрадавшееся человѣчество, за отвратительнымъ распухшимъ, разложившимся трупомъ убитаго турка съ оскаленными зубами встаетъ во всемъ своемъ ужасѣ отвратительный призракъ войны.

„Леонидъ Андреевъ повторяетъ несчетное число разъ слова ужаса и безумія, онъ говоритъ то о холодномъ ужасѣ, то о тихомъ, то о голомъ, отупѣломъ, кровавомъ ужасѣ, но слово Леонида Андреева остается словомъ, остается кимваломъ бряцающимъ и мѣдью звенящей, и наше сердце молчитъ.

„В. Гаршинъ ни слова не говоритъ объ ужасѣ и безуміи, но они глядятъ на насъ во всѣ глаза изъ каждой строки произведенія Гаршина и заставляютъ во имя правды, во имя человѣчности ненавидѣть всякую войну, хотя бы въ этой войнѣ люди думали, что они „подставляютъ свою грудь“ за братьевъ-славянъ“.

Проводя далѣе параллель между „наблюдателемъ“ Гаршинымъ и „символистомъ-мыслителемъ“ Андреевымъ, авторъ представляетъ послѣдняго пишущимъ свои разсказы у окна съ разноцвѣтными стеклами. Когда онъ пишетъ „Призраки“, онъ смотритъ въ желтое стекло; когда пишетъ „красный смѣхъ“—смотритъ въ красное стекло, и образы, проносящіеся передъ читателемъ, полны намековъ на что-то непонятное. „Наша мысль расплывается въ какомъ-то туманѣ, а жизнь съ ея печалью и радостью, съ ея борьбой и страданіями, уходитъ куда-то въ сторону“... Въ концѣ авторъ находитъ лучъ свѣта и въ мертвомъ царствѣ Андреева—голосъ изъ чуднаго міра, гдѣ радостно и свѣтло. Этотъ лучъ дорогъ автору: онъ уже видитъ тріумфальное шествіе возрожденнаго жизнерадостнаго человѣчества. Пусть этой жизнерадостности нѣтъ у современнаго одинокаго человѣка, она явится, она должна стать основной чертой будущаго.

Точка зрѣнія на Л. Андреева, при всей своей односторонности, любопытна. Въ ней видна попытка самостоятельно отнестись къ писателю, въ которомъ, вообще говоря, не легко разобраться.

Съ интересомъ читаются и остальныя статьи автора, посвященныя творчеству новѣйшихъ писателей (Арцыбашевъ, Купринъ, авторы „Знанія“).

IV.

— Герценъ, А. И. Проблемы культуры. Движенія общественной мысли въ Россіи. Съ приложеніемъ портрета А. И. Герцена и статьи „О сельской общинѣ въ Россіи“. Переводъ съ французскаго. М. 1907.—181 стр. in 8°. Ц. 50 к.

„Наше время ужасно; все вокругъ насъ рушится, все мечется какъ въ лихорадкѣ. Самыя черныя предчувствія сбываются съ головокружительной быстротой...“ Это писалъ Герценъ „съ того берега“. Этими же словами онъ начинаетъ рядъ своихъ статей, изъ которыхъ составилась настоящая книжечка. Она распадается на нѣсколько краткихъ этюдовъ, разсчитанныхъ на иностраннаго читателя. Герценъ изображаетъ вкратцѣ ходъ русской исторіи до Петра и послѣ Петра, представлявшаго собою „типъ деспота изъ комитета общественнаго спасенія, деспота по природѣ и во имя великой идеи, что̀ твердо ставило его высоко надъ головами окружающихъ“. Петръ первый, по мнѣнію Герцена, создалъ между крестьянами и дворянствомъ тотъ анта-

гонизмъ, который рано или поздно долженъ завершиться соціальной революціей. Дальнѣйшее теченіе русской исторіи Герценъ разсматриваетъ именно съ точки зрѣнія развитія тѣхъ элементовъ, столкновеніе которыхъ должно указать выходъ назрѣвшему перевороту. Такъ, четырнадцатое декабря открыло новую фазу нашего политическаго развитія. Гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ всѣ пропаганды и теоріи, имѣлъ самый фактъ возстанія, героическое поведеніе заговорщиковъ, сначала на площади, затѣмъ во время суда и позже въ рудникахъ Сибири. Такъ казалось Герцену, и онъ настаивалъ на томъ, что русскимъ не хватало не либеральнаго направленія, не сознанія злоупотребленій, но иниціаторовъ, смѣльчаковъ. Декабристы и были таковыми. Проведя чрезвычайно любопытную параллель между литературой и жизнью, Герценъ крупными штрихами характеризуетъ ту атмосферу, въ которой воспитывалась русская общественная мысль. „Цивилизація и рабство!—восклицаетъ онъ.—И ничего между этими двумя насильно соединенными крайностями, что̀ помѣшало бы истолочь насъ! Намъ даютъ широкое воспитаніе, прививаютъ желанія и стремленія, насъ знакомятъ съ печалями современнаго общества, а затѣмъ кричатъ: „оставайтесь нѣмыми, пассивными рабами, или вы погибли“. Въ награду насъ надѣляютъ правомъ обирать крестьянина и расточать въ кабакахъ, за зеленымъ столомъ, слезами и кровью орошенный оброкъ, который мы съ него собираемъ“.

Читая страницы, посвященныя московскому панславизму и русскому западничеству, необходимо помнить, что статьи Герцена были написаны въ періодъ между 1848 годомъ и крымской войной. Съ одной стороны ему кажется, что со дня на день можетъ обрушиться дряхлое зданіе Европы, а съ другой стороны его преслѣдуетъ призракъ военной мощи Россіи, и онъ ужасается при одной мысли, что̀ будетъ, если царское правительство станетъ насаждать свои порядки и въ Европѣ. Предвидя будущій союзъ между революціонной Россіей и революціонной Европой, Герценъ считаетъ, что, стараясь слить Польшу съ Россіей, правительство перекинуло громадный мостъ для торжественнаго перехода революціонныхъ идей изъ Европы въ Россію.

Разсматриваемое изданіе представляетъ собой переводъ французскихъ статей Герцена, объединенныхъ въ 1851 году въ книгѣ, подъ заглавіемъ „Du développement des idées révolutionnaires en Russie“, съ посвященіемъ „à notre ami Michel Bakounine“, дважды повторенной, съ небольшими измѣненіями, въ 1853 и 1858 гг. Русскій переводъ въ изданіи г. Сытина исполненъ въ общемъ грамотно, но безцвѣтно. Нѣтъ никакого предисловія, указывающаго значеніе этой книги Герцена въ ряду его остальныхъ сочиненій, нѣтъ и тѣхъ вступительныхъ строкъ Герцена, которыми онъ сопроводилъ лондонское изданіе

1853 г., а между тѣмъ эти строки прекрасно опредѣляютъ цѣль, которую онъ, между прочимъ, преслѣдовалъ въ своей книгѣ. Говоря о желаніи своихъ друзей поляковъ—повторенія изданія его книги, Герценъ прибавляетъ: „Я придаю совершенно особое значеніе этому факту. Это (второе) изданіе послужитъ новымъ свидѣтельствомъ братскаго союза революціонной Польши съ русскими революціонерами.

Нѣтъ и эпиграфа къ Герценовскому предисловію ко второму изданію:

Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit,
Unnützes erinnern
Und vergeblicher Streit.

Статья „О сельской общинѣ въ Россіи“ была помѣщена, въ качествѣ приложенія, уже въ упомянутыхъ французскихъ книгахъ и не является какимъ-либо дополненіемъ со стороны русскихъ издателей, какъ о томъ можно было бы предположить по заглавной страницѣ. Заглавіе вообще слѣдуетъ признать неудачнымъ, слишкомъ разсчитаннымъ на рекламную цѣль.

Гораздо внимательнѣе выполнено изданіе того же сочиненія Герцена, сдѣланное В. М. Саблинымъ („Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи“, М. 1906) со второго, лондонскаго, изданія 1853 г.

V.

— Генри Джорджъ. Общественныя задачи. Переводъ съ англійскаго С. Д. Николаева. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Изд. книгоиздательства „Посредникъ“. М. 1907.—278 стр. in p. 8°. Ц. 50 к.

Въ своемъ предисловіи Л. Н. Толстой указываетъ на громадное значеніе книги Генри Джорджа, которое все еще не понято и не оцѣнено людьми. Толстому кажется, что этому причиной является то, что мысль американскаго писателя или извращается, или замалчивается. Эту мысль разсматриваютъ иные какъ одну изъ системъ измѣненія закона земельной собственности, измѣненія, понимаемаго часто въ видѣ націонализаціи земли въ смыслѣ соціалистовъ. У другихъ же, людей обезпеченныхъ и землевладѣльцевъ, съ именемъ Генри Джорджа связывается представленіе о теоретикѣ, который распространяетъ идеи объ отобраніи земли у теперешнихъ собственниковъ, и они относятся враждебно къ нему изъ чувства естественнаго самоохраненія. А истинная, основная мысль, проповѣдуемая Джорджемъ, несмотря на то, что со времени ея всесторонняго и основательнаго изложенія прошло тридцать лѣтъ, остается совершенно невоспринятой огромнымъ большинствомъ людей.

Но живую, плодотворную мысль нельзя заглушить и уничтожить. Рано или поздно она „прожжетъ скрывающіе ее покровы и засвѣтитъ всему міру“.

И Толстому думается, что именно теперь и именно въ Россіи наступаетъ время для ея торжества. „Именно теперь,—говоритъ Толстой,—потому что теперь совершается въ Россіи революція, серьезная основа которой одна: отрицаніе всѣмъ народомъ, настоящимъ народомъ, земельной собственности. Именно въ Россіи потому, что въ огромномъ большинствѣ русскаго народа всегда жила и живетъ до сихъ поръ основная идея Генри Джорджа, состоящая въ томъ, что земля есть общее достояніе всѣхъ людей и что обкладываться налогами можетъ только земля, а не трудъ людей.

„Генри Джорджъ говоритъ въ этой же книгѣ, что переведеніе всѣхъ налоговъ на ренту есть ничто иное, какъ сообразованіе самыхъ важныхъ общественныхъ мѣропріятій съ естественными законами (a conforming of the most important adjustments to natural laws). Онъ говоритъ, что мысль о томъ, что цѣнность земли (рента) должна быть употребляема на пользу всего общества, такъ же естественна для общества, какъ естественно для людей ходить на ногахъ, а не на рукахъ.

„И эту-то мысль не только всегда раздѣлялъ весь русскій земледѣльческій народъ, но и всегда приводилъ въ исполненіе, пока не мѣшало ему правительственное насиліе“.

Толстой считаетъ книгу Джорджа прекраснѣйшимъ изъ всего написаннаго имъ по строгой логичности, неотразимости научныхъ доводовъ, по красотѣ языка и по искреннему, глубокому чувству любви къ истинѣ, добру и людямъ, которыми проникнуто все изложеніе. Исходя изъ идей о правѣ естественномъ каждаго человѣка на свободный трудъ и счастье и руководствуясь въ своихъ построеніяхъ вѣрой въ духовное совершенствованіе человѣчества на началахъ, указанныхъ Христомъ, Генри Джорджъ доказываетъ свою основную мысль отъ противнаго, обнаруживая тѣ уродливости, съ его точки зрѣнія, которыя существуютъ во всемъ мірѣ, благодаря неправильному распредѣленію богатствъ. Критическая сторона—вообще сильнѣйшая въ его книгѣ; слабѣйшая—способы осуществленія поставленнаго имъ идеала. Его задача—философская и моральная; его дѣло—*убѣдить* людей, и прежде всего своихъ соотечественниковъ, что источникъ главныхъ соціальныхъ бѣдъ—въ неестественномъ неравенствѣ распредѣленія богатства и прежде всего въ признаніи права на земельную собственность. „Все, что намъ нужно сдѣлать для достиженія справедливости въ распредѣленіи богатства, сводится къ тому, что всѣ теоріи согласно признаютъ основной функціей правительства—обезпечить за каждымъ

свободу пользованія своими силами, ограниченную лишь равной свободой другихъ людей; обезпечить за каждымъ пользованіе всѣми произведеніями своего труда, ограниченное лишь такими изъятіями, которыя можно по справедливости изъ него дѣлать для цѣлей общаго блага".

Сообразно съ этимъ складываются и общественныя задачи. Современная жизнь стала чрезвычайно сложной и для раціональнаго управленія общественными дѣлами требуетъ все бо̀льшаго и бо̀льшаго пониманія со стороны не меньшинства, а большинства. „Мы не можемъ безъ опасенія предоставить политику политиканамъ или политическую экономію университетскимъ профессорамъ. Народъ самъ долженъ думать, ибо только одинъ народъ можетъ дѣйствовать". Однако, пониманіе, которое требуется для участія въ общественныхъ дѣлахъ, не является просто дѣломъ разсудка. Подчеркивая съ одной стороны, что долгъ гражданина вовсе не простъ и легокъ, Джорджъ настаиваетъ на томъ, что это гражданское пониманіе должно быть согрѣто религіознымъ чувствомъ и горячей любовью къ страждущему человѣчеству: это сообщитъ ему силу неуклоннаго и самоотверженнаго исканія справедливости,—„ибо въ корнѣ каждаго общественнаго вопроса мы всегда найдемъ какую-нибудь общественную неправду".

Книга Джорджа заключаетъ въ себѣ 22 главы, изъ нихъ нѣкоторыя отвѣчаютъ на слѣдующія темы: „политическія опасности", „неправда въ существующихъ общественныхъ условіяхъ", „есть ли нашъ міръ наилучшій изъ всѣхъ міровъ?", „государственные займы и косвенные налоги", „обязанности правительства", „что̀ намъ дѣлать?" и др. Примѣры, которыми иллюстрируетъ Джорджъ свои положенія, берутся имъ преимущественно изъ американской и англійской жизни, но они даются въ такомъ обобщеніи, что аналогіи и противоположенія рождаются сами собой. Въ его ученіи, между прочимъ, много общаго съ ученіемъ Толстого по аналогичнымъ вопросамъ, особенно характерна вѣра въ силу моральнаго убѣжденія и голосъ человѣческой совѣсти, просвѣтленной разумомъ. Но сочиненіе Джорджа болѣе основывается на фактахъ, чѣмъ на ихъ раціонализаціи, и вообще отличается болѣе конкретнымъ характеромъ. Переводъ г. Николаева читается легко, и издана книга, особенно принимая во вниманіе цѣну въ 40 коп. (278 стр.), вполнѣ добросовѣстно.

VI.

— Мультатули. Повѣсти, сказки, легенды. Переводъ Александры Чеботаревской. Книгоиздательство „Дѣло". Спб. 1907.—208 стр. in 8°. Ц. 1 р.

Мультатули—„многострадальный"—голландскій писатель Эдуардъ Деккеръ. Это—одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей недавняго про-

шлаго, съ біографіей и отрывками сочиненій котораго, въ русскомъ переводѣ, знакомитъ настоящая книжка. Основная черта его облика — порывъ къ свободѣ во имя любви и протестъ противъ гнета, въ какой бы формѣ онъ ни выражался. Жизнь Деккера была полна кипучей дѣятельности и борьбы. Прослуживъ въ колоніяхъ (на Суматрѣ, потомъ—Явѣ) семнадцать лѣтъ на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, до ассистента-резидента включительно, Деккеръ отдавалъ себя всего интересамъ и благу подчиненныхъ ему темнокожихъ, проявилъ чудеса храбрости, краснорѣчія, самоотверженія—и достигъ громаднаго вліянія на туземцевъ. Довѣрчивый и прямой, онъ принималъ сторону слабыхъ и угнетенныхъ, нажилъ много враговъ и—обыкновенная исторія—былъ удаленъ со службы, не совладавъ съ эксплуатаціей туземцевъ, отлившейся въ цѣлую бюрократическую систему. Однако онъ продолжаетъ добиваться справедливости, ѣдетъ въ Батавію искать правосудія у генералъ-губернатора. Но здѣсь онъ встрѣчается съ явленіемъ, характернымъ не для однѣхъ голландскихъ колоній. Ему не даютъ аудіенціи. „Его превосходительство боленъ. Хавелааръ (= Деккеръ) дожидается его выздоровленія. Его превосходительство черезчуръ занятъ. Онъ ждетъ еще. На новую просьбу ему отвѣчаютъ, что его превосходительство сдаетъ дѣла передъ отъѣздомъ въ Голландію“...

И для Деккера наступаютъ годы бореній и нужды. „Теперь я, Мультатули, берусь за перо“, — пишетъ онъ въ своемъ знаменитомъ романѣ („Максъ Хавелааръ, или торговля кофе Голландскаго Торговаго Общества“), гдѣ разсказана исторія его борьбы. Онъ вывелъ въ своей книгѣ, въ лицѣ Дрогстоппеля, олицетвореніе грубаго мѣщанства, филистерства и ханжества, типичнаго поработителя-капиталиста. Деккеръ протестуетъ противъ „геройскихъ“ подвиговъ безсердечія и корысти надъ несчастными, измученными людьми, доходящими въ отчаяніи до кровавыхъ возстаній. „Я хочу, чтобы меня читали,—говоритъ Деккеръ,—чтобы меня читали государственные дѣятели... литераторы... торговцы кофе, заинтересованные въ его сбытѣ... служанки, одолжающія мнѣ свои трудовые гроши... генералъ-губернаторы на покоѣ... министры на дѣйствительной службѣ... лакеи ихъ превосходительствъ... благочестивые пасторы, которые говорятъ, что я посягаю на Всевышняго, когда я возстаю противъ божка, созданнаго ими по своему подобію... тысячи и десятки тысячъ Дрогстоппелей, которые, сохраняя свое прежнее отношеніе къ окружающему, будутъ всѣхъ громче кричать о красотѣ моего произведенія... члены народнаго представительства, которые обязаны знать, что происходитъ за океаномъ, въ огромномъ государствѣ, принадлежащемъ Голландіи...

„Да, меня будутъ читать!“

Критика? Деккеръ не боится ея. „Книга пестра... въ ней нѣтъ соразмѣрности частей... погони за эффектомъ... слогъ неровенъ... мало таланта... нѣтъ системы.

„Хорошо, хорошо, все хорошо! *Но яванцевъ истязаютъ!*

„А поэтому опроверженіе главной идеи моего произведенія невозможно".

Русское изданіе предлагаетъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ названной книги и другихъ сочиненій Мултатули. Это небольшіе разсказы, продиктованные вдохновеніемъ желчи, сила которыхъ направлена на все, чѣмъ держится буржуазная идеологія правящихъ классовъ. Въ цѣломъ рядѣ аѳористическихъ притчъ раскрываетъ Деккеръ жалкія и смѣшныя заблужденія, на которыхъ покоится современная общественная мораль. Общественная мораль — что̀ это такое, напримѣръ?

„Говорятъ, вы произвели на свѣтъ незаконнаго ребенка.

„Незаконный ребенокъ? Что̀ это значитъ? Развѣ такой ребенокъ не можетъ говорить, думать, любить, быть добрымъ... единственное назначеніе истиннаго человѣка? Развѣ онъ—чудовище?

...Вамъ будутъ говорить о нравственности, христіанствѣ. О скромности, о цѣломудріи. О предкахъ, которые никогда не грѣшили, о прабабушкахъ въ накрахмаленныхъ воротничкахъ и съ такими же взглядами на жизнь. Въ тюрьмѣ вашей вамъ будутъ говорить о благости Божіей!.. Въ вашемъ угнетеніи вамъ будутъ говорить о его всемогуществѣ! Объ обязанностяхъ къ обществу, и объ обязанностяхъ, налагаемыхъ религіей. О высокихъ и низкихъ, о крупныхъ и мелкихъ обязанностяхъ, словомъ... о всевозможныхъ обязанностяхъ. Будутъ вамъ говорить пошлыя вещи, облекая ихъ въ звонкія фразы. Будутъ вамъ говорить о вѣрѣ, о святости, о Божьемъ гнѣвѣ, о сокрушеніи, о грѣхѣ, о проклятіи, о приличіи...

„А я, сударыня, буду говорить вамъ о любви..."

Нравы—это модели, съ которыхъ сняты узоры добродѣтелей дня, это—мѣдныя клише сердца. Кто идетъ противъ нравовъ, тотъ слыветъ развращеннымъ и „рожденнымъ навыворотъ". А вѣра, предписывающая всевозможныя добродѣтели,—это добровольная одиночная тюрьма для разума.

Цѣлый рядъ притчъ написанъ Деккеромъ на темы: — о доброй волѣ, о мудрости, о юриспруденціи, о томъ, что *знать* еще не значитъ дѣлать, о силѣ и хитрости, о безнравственности, объ ограниченности. „Нѣтъ человѣка, — говоритъ Деккеръ въ притчѣ объ изученіи источниковъ,—душевная исторія котораго не была бы значительнѣе, чѣмъ самый длинный и занимательно написанный романъ". Этотъ аѳоризмъ особенно примѣнимъ къ Деккеру, вся литературная дѣя-

тельность котораго пріобрѣтаетъ значеніе только въ связи съ эпизодами его тревожной и самоотверженной жизни.

Въ русской книгѣ его сочиненіямъ предпослано введеніе переводчицы г-жи А. Чеботаревской. „Ему (Деккеру),—говоритъ г-жа Чеботаревская въ концѣ своей статьи, — выпали на долю всѣ униженія мелочной нищеты, вплоть до просьбы о кускѣ хлѣба. Но этою бѣдностью онъ обогатилъ свой народъ. У ногъ этого нищаго былъ весь міръ, и изгнанникъ и скиталецъ—онъ съ бо̀льшею увѣренностью велъ за собою толпы народа и указывалъ имъ путь, чѣмъ властитель Голландіи“...

VII.

— Eranos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи. Кіевъ. 1906.—435 стр. in 8°. Ц. 2 р.

Рядомъ со статьями узко-спеціальнаго характера, въ Сборникѣ находимъ нѣсколько работъ, представляющихъ болѣе или менѣе общій историко-литературный интересъ. Такова прежде всего замѣтка Н. Ѳ. Сумцова о „Джиннахъ“ В. Гюго и переводѣ ихъ, сдѣланномъ г. Тхоржевскимъ. Начавъ съ указанія, что названное стихотвореніе Гюго (въ „Les Orientales“) перевести трудно, почти невозможно, г. Сумцовъ детально останавливается на переводѣ-подражаніи г. Тхоржевскаго и анализируетъ его достоинства и недостатки. О французскомъ подлинникѣ г. Сумцовъ говоритъ: „немного найдется стихотвореній, въ которыхъ на небольшомъ пространствѣ было разсѣяно такъ много художественныхъ образовъ и чрезвычайно смѣлой и мастерской игры синонимами и созвучіями.

Mer grise,
Où brise
La brise...

...Déjà s'éteint ma lampe
Et l'ombre de la rampe,
Qui le long du mur rampe...

Необыкновенная гибкость языка обнаруживается въ этихъ созвучныхъ окончаніяхъ глаголовъ и именъ существительныхъ. Поэтъ даетъ возможность чувствовать звукъ въ самомъ сочетаніи словъ. Нужны были столѣтія словесной работы, чтобы выковать изъ языка такое мѣткое и послушное орудіе для чувства и мысли, какое даетъ В. Гюго въ „Джиннахъ“.

Г. Клингеръ далъ интересный этюдъ на тему „Амброзія и живая вода“. Разсмотрѣвъ роль нектара и амброзіи въ миѳологіи грековъ и

позднѣйшія объяснительныя теоріи, критика которыхъ дала автору право заключить, что нектаръ и амброзія не имѣютъ ничего общаго ни съ водой Леты или Стикса, ни съ медомъ, какъ это доказывали нѣкоторые ученые. Задавая вопросъ, чѣмъ же въ сущности является этотъ загадочный образъ, авторъ устанавливаетъ его непосредственную связь съ „живой водой“ (fons vivus, aqua viva) нашихъ сказокъ. Какъ въ нашихъ сказкахъ, живая вода древнихъ имѣетъ способность лечить раны, уничтожать физическую боль, обновлять все дряхлое, старое, оживлять мертвое, давать безсмертіе. Какъ въ нашихъ сказкахъ, она обыкновенно связана съ чудеснымъ деревомъ, чаще всего яблоней („молодильныя яблоки“). Дальнѣйшую судьбу миѳа г. Клингеръ представляетъ слѣдующимъ образомъ. Нектаръ и амброзія представляютъ собой образы, стоящіе въ связи съ идеализаціей земного существованія. И нектару и амброзіи, каждому порознь и взятымъ вмѣстѣ, приписывались чудесныя свойства, превращавшія человѣка въ бога, и богамъ дававшія безсмертіе. Каждое изъ этихъ двухъ представленій — нектаръ и амброзія,—нѣкогда составлявшихъ одно цѣлое, имѣло свою особую, полную превратностей исторію. Одно изъ нихъ явилось пищей боговъ и въ области „низшей миѳологіи“ породило нѣкоторыя суевѣрія народной медицины, давъ начало сказкѣ объ оживляющемъ зельѣ, сказкѣ, сохранившейся въ народномъ творчествѣ и до сихъ поръ. Также и священныя сказанія о чудесномъ источникѣ перешли въ народное творчество въ сказкахъ о „живой водѣ“, перенеся область дѣйствія съ неба на землю. „Затѣмъ, когда съ измѣненіемъ представленій грековъ о загробной жизни „страна блаженства“ перенесена была въ подземный міръ, чудесный источникъ очутился тамъ же, и въ противоположность Летѣ, одной изъ традиціонныхъ рѣкъ страны тѣней,—водѣ забвенія,—получилъ краснорѣчивое названіе Мнемозины, т. е. воспоминанія, а въ связи съ представленіемъ о жаждѣ покинувшихъ тѣло душъ—названіе „холодной“ воды, отчего самое мѣсто загробнаго блаженства было названо „мѣстомъ прохлады“ (locus refrigerii). Въ послѣдней формѣ наше представленіе также оказалось весьма живучимъ. Оно удержалось до самаго конца древности и, наконецъ, оставило замѣтные слѣды въ христіанской „эпиграфикѣ и даже въ литургическихъ текстахъ“.

Г. Якубанисъ остановился на вопросѣ объ отзвукахъ платонизма въ лирикѣ Шиллера. Въ этомъ очеркѣ, нѣсколько расплывчатомъ, авторъ подмѣчаетъ нѣкоторыя черты сходства между Шиллеромъ и Платономъ, какъ въ отвлеченныхъ понятіяхъ и идеяхъ, такъ и въ характерѣ самыхъ выраженій, въ конкретныхъ образахъ мышленія. Этимъ сходствомъ далеко, однако, не исчерпывается ихъ духовное сродство. Это сродство обнаруживается не только въ созданіяхъ поэ-

тической и философской мысли обоихъ геніевъ, но и въ ихъ внѣшней дѣятельности, въ ихъ личной жизни. Въ числѣ прочихъ авторъ отмѣчаетъ такія черты духовнаго сродства: „Оба они были идеалистами въ теоріи и на практикѣ; оба начали свою литературную дѣятельность съ протеста противъ современнаго имъ общества; оба задавались возвышенными цѣлями — перевоспитать человѣчество ради его собственнаго блага; оба, несмотря на неудачи и временныя разочарованія, до конца оставались вѣрны идеаламъ, которымъ служили".

Г. Лукъяненко разсмотрѣлъ изображенія эпохи смутнаго времени на Руси у Шиллера, Пушкина и Островскаго. Характеристикѣ и сопоставленію „Demetrius"'а, незаконченнаго произведенія Шиллера (въ періодъ созданія котораго онъ умеръ), Пушкинскаго „Бориса Годунова" и драматическихъ хроникъ Островскаго посвящена работа автора. Можно пожалѣть только, что авторъ не ввелъ въ кругъ своего изслѣдованія и Алексѣя Толстого. М. Н. Сперанскій далъ статью на тему „Н. В. Гоголь — переводчикъ". Разсмотрѣвъ отношеніе Гоголя къ иностраннымъ писателямъ, авторъ приходитъ къ выводу, что Гоголь не только зналъ, но и сумѣлъ глубоко оцѣнить иностранную литературу въ лицѣ ея крупнѣйшихъ представителей. „Этимъ устраняется подозрѣніе,— говоритъ авторъ,—въ довольно поверхностномъ знакомствѣ съ нею у писателя: онъ не только зналъ эту литературу, не только умѣлъ цѣнить, но умѣлъ и выбирать изъ нея для русской литературы, дѣйствительно, лучшее, соотвѣтствовавшее ея потребностямъ. И внѣшній поводъ къ скептицизму въ этомъ отношеніи — якобы плохое знаніе иноземныхъ языковъ—падаетъ: если можно относиться, въ виду общаго характера дѣтскихъ и школьныхъ писемъ Гоголя, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ къ его заявленію о чтеніи имъ Шиллера, то сомнѣваться въ знаніи, и основательномъ, Гоголемъ языка французскаго невозможно... Наконецъ, знаніе итальянскаго языка, и опять-таки основательное, не только подтверждается свѣдѣніями объ изученіи этого языка Гоголемъ, но и письмами Гоголя на итальянскомъ языкѣ..."

Изъ другихъ произведеній Сборника отмѣтимъ статьи гг. Флоринскаго „Славянофильство Т. Г. Шевченко" и А. И. Сонни—„Горе и доля въ народной сказкѣ". Въ небольшой замѣткѣ—„Новѣйшія сужденія о Шопенгауэрѣ"—г. Бокодоровъ подводитъ итоги тому, что внесъ Шопенгауэръ въ философское самосознаніе эпохи съ критико-исторической точки зрѣнія. „Слѣдуя за Нитче, критика ясно установила на Шопенгауэра тотъ взглядъ, по которому этотъ философъ при всѣхъ своихъ діалектическихъ и личныхъ недостаткахъ внесъ въ метафизику царство правды. Послѣ Шопенгауэра даже самая стройная, самая великолѣпная система мыслителя разсматривается какъ

индивидуальная его мечта, какъ игра характера и воли мыслителя, роковымъ образомъ подчиняющей себѣ его разумъ. При этомъ Шопенгауэръ совершенно справедливо въ тайныхъ и явныхъ мотивахъ воли мыслителя указалъ истинныя пружины всѣхъ субъективныхъ особенностей философскихъ системъ. Метафизика упала съ небесъ на землю и стала разсматриваться, какъ благородная прихоть или художественный капризъ философскихъ системъ. Шопенгауэръ предлагаетъ людямъ повнимательнѣе относиться къ себѣ, вмѣсто объективной истины онъ рекомендовалъ человѣку тщательный контроль за самимъ собою, при которомъ человѣкъ скорѣе пойметъ смыслъ своей жизни. Царство правды и искренности—девизъ философіи Шопенгауэра".

Сборникъ изданъ въ честь извѣстнаго изслѣдователя русской и всеобщей литературы Н. П. Дашкевича и открывается спискомъ его ученыхъ трудовъ.—Евг. Л.

VIII.

— Петръ Вейнбергъ. Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ. Спб. 1907 г. Стр. 368.—Ц. 1 р. 50 к.

Обиліе фактическаго матеріала, живое и интересное изложеніе—основныя свойства книги г. Вейнберга. Знакомя съ цѣлыми литературными теченіями Запада, книги г. Вейнберга привлекательны, кромѣ того, его живымъ отношеніемъ къ общественнымъ вопросамъ. Литература тѣсно связана у автора съ жизнью; его вниманіе сосредоточено по преимуществу на такихъ моментахъ литературной жизни, когда она является непосредственной выразительницей освободительныхъ идей, опредѣляющихъ всѣ сферы общественной дѣятельности.

Книга г. Вейнберга составилась изъ его статей, помѣщавшихся въ разныхъ журналахъ, а также изъ нѣсколькихъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ разное время. Самые интересные очерки въ ней относятся къ той эпохѣ, которая составляетъ главный предметъ изученія автора къ нѣмецкой литературѣ, періода „бури и натиска", а также къ нѣмецкой литературѣ начала XIX вѣка, къ такъ назыв. движенію „Молодой Германіи".

Особый интересъ представляетъ для настоящаго момента первый очеркъ въ книгѣ, посвященный политическому поэту Фрейлиграту. Все, что г. Вейнбергъ разсказываетъ о знаменитомъ пѣвцѣ революціи 1848 года, кажется чрезвычайно близкимъ къ переживаемому у насъ теперь моменту. Любопытно, напримѣръ, описаніе внутренней эволюціи въ „пѣвцѣ свободы". Еще въ 1842 году онъ полемизировалъ съ Гервегомъ, осуждалъ его чрезмѣрную партійность, написалъ знамени-

тые стихи о томъ, что „поэтъ долженъ стоять на болѣе высокой башнѣ, чѣмъ на крѣпостныхъ стѣнахъ партіи“ (Der Dichter steht auf einer höhern Warte, als auf den Zinnen der Partei),—а уже въ 1844 году его охватываетъ духъ протеста, онъ перестаетъ пользоваться пенсіей и становится знаменитымъ поэтомъ революціонной Германіи, подвергается гоненіямъ, испытываетъ изгнаніе и т. д. Любопытный и поучительный примѣръ для нашего времени, когда удивляются мятежнымъ настроеніямъ поэтовъ, заявившихъ себя прежде эстетами и философами. Много любопытнаго — тоже по примѣненію къ нашему моменту — читатель найдетъ въ очеркѣ о „Молодой Германіи“, гдѣ подробно излагается исторія преслѣдованій, которымъ подвергались писатели того времени. Впрочемъ, этихъ писателей авторъ очерка вовсе не изображаетъ героями, и ему приходится отмѣчать много фактовъ, не говорящихъ въ пользу гражданскаго мужества иныхъ оппозиціонныхъ поэтовъ; но повѣсть о преслѣдованіи свободной мысли не становится отъ этого менѣе трагической и читается теперь съ волненіемъ, какъ доказательство вѣчной борьбы между духомъ и силой въ человѣческомъ обществѣ.

Кромѣ этихъ очерковъ, въ книгѣ г. Вейнберга есть нѣсколько другихъ, не менѣе содержательныхъ этюдовъ о Бёрнсѣ, о Шелли, о Ленау—и во всѣхъ нихъ живо сказывается интересъ къ тѣмъ сторонамъ ихъ творчества, въ которыхъ они близки къ общественнымъ запросамъ, къ борьбѣ за свободу — въ самомъ широкомъ пониманіи этого слова.—З. В.

IX.

— Н. Карѣевъ. Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Очеркъ развитія соціальнаго строя и политическихъ учрежденій въ Западной Европѣ. Спб., 1906. Стр. 376 + LXVI.

Н. И. Карѣевъ задался интересной задачей охватить всю исторію культурныхъ государствъ съ древнѣйшихъ временъ, выдѣлить главные и наиболѣе характерные типы государственныхъ формъ и политическихъ учрежденій, ихъ основныя черты и исторію ихъ развитія и распаденія и подвести подъ эти типы все многообразіе ихъ видовыхъ измѣненій въ конкретной исторіи различныхъ государствъ и эпохъ. Авторъ видитъ во всемірной исторіи слѣдующіе основные типы государственнаго устройства: государство-городъ, т.-е. городскую республику, гдѣ верховная власть принадлежала самому гражданству (греческія государства въ античной исторіи; многочисленные города въ средніе вѣка); затѣмъ абсолютную монархію—деспотію древняго міра (съ разными измѣненіями существующую и въ средніе вѣка, и въ

новое время, преимущественно въ XVI—XVIII вв.; римская имперія представляетъ соединеніе первой и второй формы); „варварское“ государство на зарѣ исторіи народовъ, когда государство только начинаетъ еще складываться (напр. германскія государства въ раннее средневѣковье, еврейскій народъ во время судей, ранніе періоды славянскихъ княжествъ); помѣстье-государство, т.-е. государство въ эпоху феодализма; сословно-представительную монархію (во вторую половину среднихъ вѣковъ и отчасти въ новое время), составляющую промежуточную ступень между помѣстьемъ-государствомъ и абсолютной монархіей новаго времени; и наконецъ—современное правовое государство, въ понятіи котораго обобщается и конституціонная монархія, и представительныя республики нашего времени. Настоящая книга является третьей въ общемъ трудѣ: уже прежде вышли „Государство-городъ античнаго міра“ и „Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра“. Въ „Помѣстьѣ-государствѣ“ авторъ желаетъ прослѣдить эволюцію двухъ политическихъ формъ, наполняющихъ собою исторію средневѣкового Запада. Первая форма—это тѣ безформенные, на первый взглядъ не подходящіе ни подъ какія государственныя рамки, безчисленные политическіе организмы, на которые распались государства Западной Европы въ эпоху феодализма. Авторъ подробно разсматриваетъ конструкцію государственной власти и соціальный строй за тотъ періодъ X—XI и слѣд. вѣковъ во Франціи, Германіи, Италіи, Испаніи и отчасти Англіи, когда центральная государственная власть существовала почти только по имени, а на дѣлѣ распалась и перешла къ владѣльцамъ отдѣльныхъ маленькихъ территорій, когда каждый помѣщикъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и государемъ, когда „государственная власть была лишь аттрибутомъ землевладѣнія“. Эту государственную форму, называемую въ наукѣ феодальной сеньёріей, авторъ по аналогіи съ „государствомъ-городомъ“ античнаго міра удачно опредѣляетъ терминомъ „помѣстье-государство“. При этомъ авторъ подробно разбираетъ строй „помѣстья-государства“, знакомится съ внутреннимъ строемъ феодальнаго помѣстья, съ составомъ и положеніемъ его населенія, съ судьбою городовъ въ эпоху развитія феодализма, съ выдѣленіемъ города изъ помѣстья-государства; при этомъ онъ особенно останавливается на положеніи безправной крестьянской массы въ условіяхъ крѣпостного права.

Такимъ образомъ, еслибы ничто и нигдѣ не задерживало процесса „раскрѣпощенія“ государствъ, то европейскія страны покрылись бы массою совершенно обособленныхъ одна отъ другой соціальныхъ группъ съ замкнутымъ хозяйствомъ, и Европа вернулась бы почти къ догосударственному быту варварскихъ народовъ. Но до этого дѣло не дошло. Проф. Карѣевъ разсматриваетъ подробно ту „надстройку надъ

помѣстьями-государствами", которая называется феодальной монархіей: онъ изслѣдуетъ всѣ оставшіяся старыя связи между отдѣльными территоріями, подробно изображаетъ нарожденіе новыхъ; онъ воспроизводитъ постепенный процессъ подчиненія всѣхъ земельныхъ собственниковъ подъ власть болѣе сильныхъ и крупныхъ владѣльцевъ и созданіе „лѣстницы" феодальныхъ сеньёровъ, стоящихъ въ вассальной зависимости одинъ отъ другого (князей, графовъ, епископовъ, бароновъ, рыцарей и др. свободныхъ землевладѣльцевъ) съ королемъ, какъ гласнымъ земельнымъ собственникомъ и „всеобщимъ сеньёромъ", во главѣ. Этотъ процессъ созданія феодальной монархіи начинается съ XII в. въ трехъ главныхъ странахъ, на которыя въ свое время распалась монархія Карла Великаго — во Франціи, Германіи и отчасти Италіи. Въ Англіи политическій феодализмъ (распаденіе государства) никогда не достигалъ такихъ размѣровъ; но въ соціальной и экономической области она тоже имѣла свой феодальный періодъ.

Далѣе авторъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ два высшихъ привилегированныхъ сословія (дворянство и духовенство), вмѣстѣ съ постепенно присоединяющимися къ нимъ горожанами, въ силу своей соціальной и экономической мощи не позволяютъ еще королю сдѣлаться абсолютнымъ монархомъ, и государи должны въ той или иной мѣрѣ дѣлиться властью съ представительными собраніями, состоящими изъ членовъ двухъ, а затѣмъ и трехъ высшихъ сословій. Такимъ образомъ, въ исторіи Запада мы между эпохой феодальной монархіи и эпохой королевскаго абсолютизма должны помѣстить цѣлую эпоху *сословной* или сословно-представительной *монархіи*. Изученію этой новой государственной формы посвящена вторая половина книги. Н. И. Карѣевъ подробно останавливается на исторіи этой государственной формы, разсматриваетъ сословно-представительныя собранія всѣхъ европейскихъ государствъ, ихъ различный составъ и компетенцію, тяжелый кризисъ, который пришлось имъ перенести повсемѣстно, основныя причины постепеннаго упадка многихъ изъ нихъ, причины ихъ безсилія противъ растущаго королевскаго абсолютизма. Съ особеннымъ вниманіемъ авторъ изображаетъ исторію двухъ средневѣковыхъ представительствъ—французскихъ генеральныхъ штатовъ и англійскаго парламента, такъ какъ „въ исторіи сословной монархіи они представляются какъ бы двумя полярными явленіями, образчиками двухъ разныхъ типовъ эволюціи сословной монархіи—къ абсолютизму, съ одной стороны, и къ конституціонализму—съ другой" (стр. 225). И дѣйствительно, результаты этихъ историческихъ процессовъ въ обѣихъ странахъ были противоположны: въ Англіи изъ борьбы съ абсолютизмомъ (высшая точка борьбы—эпоха обѣихъ англійскихъ революцій въ XVII ст.) побѣдителемъ вышелъ парламентъ, „и это случилось

какъ разъ въ то самое время, когда во Франціи, наоборотъ, царствовалъ самый типичный представитель абсолютизма"—Людовикъ XIV (стр. 281).

Сословная монархія почти вездѣ уступила мѣсто монархіи абсолютной (во Франціи, Испаніи, германскихъ и итальянскихъ княжествахъ и т. д.). Феодализмъ, какъ *политическое* явленіе, понемногу былъ замѣненъ абсолютной формой власти. Но феодализмъ соціальный, юридическій и экономическій (привилегіи двухъ высшихъ сословій, безправіе крестьянской массы, связь королевской власти съ интересами аристократіи) еще долго не исчезалъ съ арены исторіи, и въ этомъ отношеніи элементы сословной монархіи среднихъ вѣковъ вошли и въ абсолютную монархію и дошли даже до нашихъ дней, правда, почти окончательно потерпѣвъ крушеніе во Франціи въ эпоху революціи 1789 г. и въ остальной Европѣ въ революцію 1848 г. Постепенному уничтоженію этихъ феодальныхъ пережитковъ въ нашъ вѣкъ посвящены послѣднія страницы разсматриваемаго нами труда.

Въ приложеніяхъ, помимо указанія литературы по основнымъ вопросамъ, затронутымъ въ книгѣ, даны еще два сводныхъ очерка по интереснымъ для русскаго читателя темамъ: 1) вопросъ о феодализмѣ въ древней Руси и 2) вопросъ о сходствѣ русскихъ земскихъ соборовъ съ сословными сеймами Запада. Авторъ сопоставляетъ существующую, правда—скудную, литературу по этимъ вопросамъ, и изъ различныхъ мнѣній (П. Н. Милюкова, проф. В. О. Ключевскаго, г.г. Рожкова, Тарановскаго, В. И. Сергѣевича, Латкина, Павлова-Сильванскаго) можно придти къ слѣдующимъ выводамъ. Несомнѣнно, въ удѣльный періодъ (и отчасти позднѣе) наблюдается въ условіяхъ политическаго, соціальнаго и экономическаго быта много элементовъ сходства съ западно-европейскимъ феодализмомъ (главное—фактъ соединенія правительственной власти съ крупнымъ землевладѣніемъ и смѣшеніе политическаго и частнаго господства сильнаго надъ слабымъ); но рядъ видовыхъ отличій, различные результаты процесса и особенный характеръ русскаго вассалитета—боярской службы—не позволяютъ безъ оговорокъ примѣнять въ русской исторіи термина „феодализмъ". Лишь въ одной мѣстности Россіи—въ литовско-русскомъ государствѣ мы видимъ типичный феодальный строй. Что касается вопроса о земскихъ соборахъ, то важно отмѣтить извѣстное мнѣніе проф. Ключевскаго, что наши соборы XVI в. были собраніями не выборныхъ представителей, а лишь правительственныхъ агентовъ; но „составъ собора съ каждымъ созывомъ становился сложнѣе, все шире захватывалъ общество", „уяснялась самая идея народнаго представительства", и въ XVII в. соборъ развился въ „настоящее представительное собраніе". Эта эволюція позволяетъ Н. И. Карѣеву срав-

нить наши соборы съ французскими генеральными штатами, которые тоже были первоначально собраніями властей и лишь постепенно превратились въ собранія выборныхъ представителей общества.

Интересны въ книгѣ и главы-экскурсы, посвященныя нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ, важнымъ для общей темы: опредѣленіе слова „феодализмъ", глава о средневѣковомъ городѣ и др. Читателю можетъ показаться запутаннымъ изображеніе экономическихъ и соціальныхъ условій феодальнаго строя; но это какъ разъ вѣрно показываетъ то, дѣйствительно, обширное разнообразіе элементовъ, условій, законовъ, обычаевъ, быта, которое едва позволяетъ выдѣлить въ феодализмѣ разныхъ эпохъ, мѣстностей и странъ его основныя общія черты.—П. Ш-ій.

X.

— Д. Менделѣевъ. Къ познанію Россіи. Спб. 1906, стр. 157. Ц. 1 р.

Нашъ всемірно-знаменитый химикъ и вмѣстѣ весьма извѣстный писатель по экономическимъ вопросамъ Россіи, Дм. Ив. Менделѣевъ, выпустилъ недавно новое литературное произведеніе, которое не должно пройти неотмѣченнымъ въ литературной хроникѣ. Мы говоримъ о книжкѣ, названной въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Книжка эта представляетъ интересъ не въ основной, такъ сказать, своей части, посвященной нѣкоторымъ сторонамъ жизни Россіи, очереднымъ ея задачамъ и средствамъ ихъ осуществленія. Личныя мнѣнія автора о послѣднихъ вопросахъ, обильно разсѣянныя въ книжкѣ, вопреки обѣщанію ограничиваться тѣмъ, „что представляетъ признаки объективности и такой точности, какая доступна нашему времени", — достаточно извѣстны изъ прежнихъ его произведеній. Но пробѣлы экономическихъ и статистическихъ познаній автора все-таки даютъ достаточно о себѣ знать для того, чтобы объективная характеристика хозяйственнаго положенія Россіи—насколько она выходитъ изъ границъ всѣмъ извѣстнаго — могла представлять особый научный интересъ. Такъ, Д. И. Менделѣевъ отзывается съ похвалою о достоинствахъ изданія, заключающаго сводъ данныхъ первой всероссійской переписи населенія, между тѣмъ какъ по всему, что извѣстно на этотъ счетъ изъ компетентныхъ источниковъ, слѣдуетъ полагать, что пріемами разработки данныхъ этой переписи послѣдняя была въ значительной степени испорчена. Будучи приверженцемъ покровительственной политики, авторъ одобряетъ покойнаго министра финансовъ, Вышнеградскаго, за политику „разумнаго", будто бы, протекціонизма, несмотря на то, что этотъ министръ повышалъ таможенныя пошлины,

сообразуясь не съ интересами внутренней промышленности (и часто даже нарушая эти интересы), а съ поставленной имъ себѣ задачей удержанія золота въ странѣ, ради осуществленія задуманной имъ реформы денежнаго обращенія. „Покровительственная“ политика Вышнеградскаго настолько мало сообразовалась съ интересами русской промышленности, что когда его преемникъ вступилъ на путь дѣйствительнаго поощренія новыхъ промышленныхъ предпріятій—онъ началъ съ пониженія пошлинъ на иностранные продукты, безъ которыхъ нельзя было цѣлесообразно оборудовать многіе наши заводы и фабрики.

Если указанными фактами рисуется недостатокъ освѣдомленности автора въ области экономическихъ явленій вообще, то нижеслѣдующій фактъ неполнаго знакомства его съ нашей статистической литературой отразился непосредственно на краскахъ нарисованной имъ общей картины національнаго хозяйства Россіи. Авторъ не обратилъ вниманія на общеизвѣстный и указанный въ самомъ изданіи „Переписи“ дефектъ этого источника статистическихъ матеріаловъ, заключающійся въ томъ, что въ графахъ о „самостоятельномъ“ (прилагающемъ силу къ производству, службѣ и т. д.) населеніи показаны не всѣ дѣйствующіе въ области сельскаго хозяйства работники, а лишь домохозяева или распорядители земельныхъ надѣловъ. Если же вы пожелаете опредѣлить, на основаніи различныхъ соображеній, все число взрослыхъ лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, то вамъ придется чуть не удвоить цифру переписи. Упустивъ изъ виду это обстоятельство и подведя на основаніи переписи итогъ рабочимъ силамъ, затрачиваемымъ у насъ на производство, Д. И. Менделѣевъ получилъ, конечно, число, далеко отстающее отъ дѣйствительности. Это неточное число онъ затѣмъ сопоставлялъ съ аналогичными данными переписей иностранныхъ государствъ и пришелъ къ не совсѣмъ правильному заключенію, что, сравнительно съ другими странами, „у насъ трудятся, въ среднемъ, очень немного“, и что именно здѣсь „надо искать корень всѣхъ нашихъ бѣдъ и всей нашей бѣдности“ (стр. 122).

Повторимъ еще разъ: книжка „Къ познанію Россіи“ весьма интересна, но не обобщеніями и взглядами автора въ вопросахъ экономическаго развитія Россіи, и не тѣми ея отдѣлами, гдѣ онъ выступаетъ въ роли соціолога. Она обращаетъ на себя особенное вниманіе тѣми двумя главами, гдѣ автору приходилось оперировать надъ данными скорѣе естественно-историческаго, чѣмъ соціальнаго характера. Мы говоримъ здѣсь о попыткахъ нашего знаменитаго естествовѣда и химика составить болѣе отвѣчающую своему назначенію географическую карту Россійской имперіи и опредѣлить центры населенности всей Россіи и отдѣльныхъ ея областей. То и другое пред-

пріятіе потребовали массы труда, и Д. И. Менделѣевъ оказался въ состояніи выполнить ихъ какъ нельзя лучше.

Опредѣленіе центра населенности страны производится послѣ каждой переписи населенія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, повторяющейся, какъ извѣстно, черезъ каждыя 10 лѣтъ. Первая перепись была здѣсь произведена въ 1790 г., а послѣдняя—въ 1900 году. Въ 1790 г. центръ населенности Соединенныхъ Штатовъ находился около 39° сѣверной широты близъ береговъ Атлантическаго океана; къ 1900 г. онъ перемѣстился по этой параллели почти на 11° или на 786 верстъ къ западу. Д. И. Менделѣевъ задался цѣлью опредѣлить такой центръ и для Россіи. Пріемы для подобнаго опредѣленія онъ заимствовалъ изъ ученія о центрѣ тяжести и центрѣ поверхности. Центръ тяжести тѣла, составленнаго изъ неравномѣрно плотныхъ частей, можно опредѣлить вычисленіемъ, если извѣстны центры тяжести всѣхъ этихъ частей. Тѣ же пріемы можно примѣнить и къ опредѣленію центра населенности страны съ неодинаковою во всѣхъ ея частяхъ плотностью населенія. Для этого нужно предварительно раздѣлить страну (карту ея) на районы съ равномѣрнымъ въ каждомъ изъ нихъ разселеніемъ жителей и опредѣлить общеизвѣстными способами центръ поверхности (или тяжести) каждаго района, который будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и центромъ его населенности. Такими элементарными районами при опредѣленіи центра населенности Россіи Д. И. Менделѣевъ принималъ уѣзды (выдѣляя города въ самостоятельные районы) и предполагалъ, что плотность населенія во всѣхъ частяхъ послѣдняго одинакова. Если преслѣдовать цѣль возможно точнаго опредѣленія центра населенности, то нѣкоторые большіе уѣзды пришлось бы разбить на части. Но такая работа подъ силу уже не отдѣльному лицу, а цѣлому учрежденію. Описанными пріемами авторъ совершенно точно могъ опредѣлить центръ поверхности и населенности каждой губерніи и всей Россійской имперіи. Вслѣдствіе неравномѣрной плотности населенія, оба эти центра для всей Россіи находятся на очень далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Центръ поверхности нашей страны лежитъ южнѣе г. Туруханска, енисейской губ., вблизи отъ сѣвернаго полярнаго круга; а центръ населенности въ 1897 г. приходился на тамбовскую губ., между г.г. Козловомъ и Моршанскомъ. Центръ населенности въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки перемѣщается, какъ мы видѣли, на западъ; врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ Россіи онъ будетъ подвигаться въ направленіи рѣдко населеннаго въ данный моментъ востока.

Другое высоко интересное предпріятіе, выполненное Д. И. Менделѣевымъ, это—составленіе географической карты Россіи. Мысль о новой картѣ Россіи явилась у почтеннаго ученаго потому, что на обычной

картѣ Россійской имперіи въ центрѣ, прямо передъ глазами читателя, находятся полупустынныя азіатскія степи, а Европейская Россія оказывается гдѣ-то на отлетѣ, отчего „получается впечатлѣніе о Россіи, какъ странѣ по преимуществу азіатской". Такъ какъ географическая карта употребляется не для того лишь, чтобы судить о пространствѣ и другихъ естественныхъ фактахъ, а должна облегчать наглядное представленіе о странѣ, какъ о нѣкоей культурно-государственной единицѣ, то удовлетворяющая своему назначенію карта Россійской имперіи должна выдвинуть на первый планъ наиболѣе населенную, промышленную и культурную ея часть—европейскую Россію. Составленіемъ такой карты и задался Д. И. Менделѣевъ; и это казалось ему тѣмъ болѣе желательнымъ, что удовлетворительная географическая карта составлена (покойнымъ Чебышевымъ) лишь для европейской Россіи. Дѣло спеціалистовъ высказаться относительно того, насколько удовлетворительно выполнено это предпріятіе нашего ученаго; мы же не можемъ не выразить удивленія той энергіи, какую на склонѣ лѣтъ проявляетъ нашъ маститый естествовѣдъ. Эта энергія, правда, не всегда направляется по линіи наибольшей полезности; но какъ бы мы ни относились къ чисто экономическимъ трудамъ г. Менделѣева, нельзя забывать, что въ своихъ работахъ онъ руководится горячимъ желаніемъ добра своему отечеству, и что за нимъ числятся громадныя заслуги по изслѣдованію и своевременной, хотя бы иногда и нѣсколько преувеличенной оцѣнкѣ экономическаго значенія нашихъ подземныхъ богатствъ, вродѣ кавказскихъ нефтяныхъ источниковъ, донецкихъ минеральныхъ залежей и т. п.

XI.

— Статистическія свѣдѣнія по земельному вопросу въ европейской Россіи. Спб. 1906.

Оживленіе книжнаго рынка въ послѣдніе два года выразилось, между прочимъ, обиліемъ книгъ и брошюръ, наполненныхъ болѣе или менѣе обработанными цифровыми данными относительно аграрныхъ отношеній въ Россіи. Въ числѣ этихъ книгъ и брошюръ имѣются и изданія, представляющія болѣе или менѣе удобно сведенный основной цифровой матеріалъ, для разныхъ соображеній по аграрному вопросу. Такое вниманіе къ сухому языку цифръ очень характерно для переживаемаго момента. Всѣ сознаютъ, что наступило время окончательнаго рѣшенія жгучаго аграрнаго вопроса; что это рѣшеніе будетъ дѣломъ не однѣхъ чиновничьихъ канцелярій, а всего общества; и всѣ заинтересовались тѣми матеріалами, помощью коихъ можно освѣтить современное состояніе этого вопроса. При такихъ обстоятельствахъ общая

литература не можетъ уклоняться отъ отзывовъ о сборникахъ самихъ сухихъ статистическихъ матеріаловъ. Новѣйшимъ изданіемъ этого рода является книга, названная въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Этотъ сводъ статистическихъ свѣдѣній составленъ отдѣломъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Книга заключаетъ рядъ таблицъ, касающихся населенія и землевладѣнія 50-ти губерній европейской Россіи. Свѣдѣнія по этимъ предметамъ (почерпнутыя главнымъ образомъ изъ всероссійской переписи населенія въ 1897 г. и изъ поземельной статистики центральнаго статистическаго комитета) сгруппированы въ таблицахъ двоякаго рода. Таблицы, названныя основными, имѣютъ видъ обыкновенныхъ таблицъ этого рода, въ коихъ наименованія губерній слѣдуютъ одно за другимъ въ вертикальномъ порядкѣ; соотвѣтствующія имъ данныя помѣщаются по горизонтальной линіи въ прочихъ вертикальныхъ графахъ. Основное дѣленіе этихъ таблицъ есть, слѣдовательно, дѣленіе по предметамъ (населеніе, надѣльное землевладѣніе, частное и т. д.), и данныя, касающіяся одной какой-либо губерніи, размѣщены въ разныхъ мѣстахъ, въ разныхъ отдѣлахъ или таблицахъ. Но кромѣ этого, въ изданіи имѣются еще таблицы погубернскія, въ коихъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся одной губерніи, помѣщены вмѣстѣ на четырехъ большихъ страницахъ мелкой печати и гдѣ кромѣ свѣдѣній, перенесенныхъ изъ основныхъ таблицъ, находятся и нѣкоторыя новыя (сборъ хлѣбовъ, численность скота, свѣдѣнія о почвахъ и т. п.). Назначеніе этого отдѣла—облегчить пользованіе цифровымъ матеріаломъ въ случаяхъ работы надъ данными, касающимися отдѣльныхъ губерній. Нельзя не оцѣнить такой заботливости объ удобствѣ пользованія изданіемъ. Но если принять во вниманіе, что изъ 250 страницъ книги только 50 страницъ отведены основнымъ таблицамъ, а 200 — погубернскимъ; что изъ послѣднихъ двухсотъ страницъ 50 заключаютъ новыя свѣдѣнія, а 150 наполнены цифрами, уже помѣщенными въ основныхъ таблицахъ, т.-е., что большая половина ($^3/_5$) книги, не заключая новыхъ данныхъ, назначена исключительно для облегченія нѣкоторыхъ читателей разсматриваемаго изданія; если принять во вниманіе такую расточительность издателей ради второстепенныхъ, такъ сказать, потребностей читателя, то мы совершенно въ правѣ надѣяться, что не будетъ соблюдаться ничтожная экономія мѣста, если нужно удовлетворить важнѣйшія его требованія. Въ данномъ же случаѣ мы не видимъ соблюденія этого условія, и въ новомъ изданіи отдѣла сельской экономіи повторенъ тотъ же недостатокъ, на который было указано при выпускѣ имъ нѣсколько лѣтъ назадъ, „Свода стат. свѣд. по сельск. хоз. Россіи къ концу XIX вѣка“.

Разсматриваемое нами изданіе имѣетъ цѣлью устранить по воз-

можности для читателя необходимость обращаться за разнаго рода справками ко множеству мало доступныхъ сборниковъ и облегчить ему разработку сырого цифрового матеріала, путемъ удобнаго сопоставленія въ таблицахъ разныхъ цифръ и дополненія абсолютныхъ данныхъ средними величинами и процентными отношеніями. Но такъ какъ издатели не могутъ претендовать на то, чтобы совсѣмъ освободить читателя отъ необходимости производить самому различныя комбинаціи чиселъ, то они прежде всего должны позаботиться о томъ, чтобы составляемыя ими таблицы допускали производство такихъ комбинацій по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые они сочли нужнымъ включить въ свое изданіе. А для этого необходимо помѣстить въ таблицы абсолютныя данныя по этимъ предметамъ. Это требованіе въ разсматриваемомъ изданіи—очевидно изъ экономіи мѣста—не получило полнаго удовлетворенія; и въ то время какъ затратилось 150 страницъ ради облегченія пользованія данными, уже находящимися въ таблицахъ, пожалѣли десятка страницъ для пополненія послѣднихъ новыми цифрами. Вслѣдствіе этого обстоятельства мы находимъ въ книгѣ лишь среднія или процентныя, но не абсолютныя данныя по такимъ важнымъ предметамъ, какъ распредѣленіе крестьянскаго населенія по разрядамъ (бывшіе государственные и т. д.); надѣльной земли—по тѣмъ же разрядамъ крестьянъ, — по формѣ пользованія (общинно и подворно) и по размѣрамъ душевыхъ надѣловъ; частновладѣльческой земли—по размѣрамъ отдѣльныхъ владѣній; крестьянскихъ дворовъ—по числу имѣющихся у нихъ лошадей и т. п. Для полученія всѣхъ этихъ свѣдѣній читателю придется обращаться къ различнымъ, не вездѣ легкодоступнымъ изданіямъ.

Другое критическое замѣчаніе, само собой напрашивающееся при знакомствѣ съ изданіемъ отдѣла сельской экономіи, вызывается недостаточной, повидимому, освѣдомленостью составителей объ источникахъ статистическихъ данныхъ по аграрному вопросу. Такъ, площадь купчаго крестьянскаго землевладѣнія къ 1904 г. опредѣляется ими путемъ прибавленія къ площади его, въ 1887 г., покупокъ черезъ крестьянскій банкъ, между тѣмъ какъ издаваемые министерствомъ финансовъ „Матеріалы по движенію землевладѣнія Россіи“ для періода 1888—1897 гг. допускаютъ учетъ всѣхъ крестьянскихъ земельныхъ покупокъ. Въ отдѣлѣ II основныхъ таблицъ дается выраженіе обезпеченности крестьянскаго населенія надѣльной землей, путемъ дѣленія площади надѣла на число домохозяевъ. Но за дѣлимое взята при этомъ не вся надѣльная земля, площадь которой извѣстна точно, а площадь пахотнаго угодья по изслѣдованію 1893 г., несмотря на разъясненія этого изслѣдованія, что во многихъ случаяхъ доставленныя волостными правленіями свѣдѣнія относились не къ пахотной, а ко всей

надѣльной землѣ. Площадь пахотнаго или какого-либо другого угодья мало пригодна для такихъ разсчетовъ по той причинѣ, что точнаго учета распредѣленія крестьянской земли по угодьямъ никѣмъ не производится. Въ отдѣлѣ I даются свѣдѣнія о числѣ такъ называемыхъ самостоятельныхъ областей сельскаго хозяйства, т.-е. о числѣ лицъ, дѣйствительно работающихъ въ этой сферѣ; между тѣмъ какъ въ „Общемъ сводѣ“ данныхъ переписи 1897 г., откуда заимствованы эти свѣдѣнія, разъясняется, что перепись регистрировала лишь хозяевъ земельныхъ участковъ, а не всѣхъ лицъ, принимающихъ участіе въ сельскихъ работахъ. Упустивъ изъ виду это обстоятельство, составители таблицъ неправильно оцѣнили и данныя переписи о побочныхъ занятіяхъ земледѣльцевъ и представили эти занятія въ уменьшенномъ, сравнительно съ дѣйствительностью, размѣрѣ.

Можно было бы указать еще нѣсколько болѣе мелкихъ промаховъ разсматриваемаго изданія, но въ краткой журнальной замѣткѣ мы считаемъ достаточнымъ ограничиться и высказаннымъ выше.

XII.

— В. І. Храневичъ. Очерки экономическаго быта крестьянства въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 1906. Ц. 80 к.

— Бр. П. и П. Лопатины. Очерки исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ. Варшава. 1906. Ц. 15 к.

Возбужденіе въ нашемъ обществѣ вопроса о коренныхъ преобразованіяхъ въ области общественно-экономическаго быта вызвало въ немъ интересъ къ такимъ предметамъ, которые ранѣе почти не останавливали на себѣ его вниманія. Къ числу этихъ предметовъ относятся крестьянскій и аграрный вопросы нашихъ окраинъ, а указанныя въ заголовкѣ этой замѣтки изданія идутъ какъ бы навстрѣчу выраженному общественному интересу. Книжка г. Храневича даетъ, впрочемъ, гораздо меньше, чѣмъ обѣщаетъ своимъ заглавіемъ. Кромѣ поверхностнаго очерка исторіи крестьянской реформы, она заключаетъ еще статью о заграничныхъ заработкахъ польскихъ крестьянъ (составленную главнымъ образомъ по даннымъ мѣстнаго статистическаго комитета) и три статьи о гминныхъ кассахъ, перепечатанныя изъ „Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли“. Во избѣжаніе повтореній, эти три статьи, какъ трактующія объ одномъ предметѣ, для отдѣльнаго изданія не дурно бы соединить въ одну. Кромѣ указанныхъ статей, въ книжкѣ г. Храневича помѣщены замѣтки завѣдывающаго переписнымъ участкомъ въ одной польской губерніи, рисующія тѣ затрудненія и недоразумѣнія, какія возникали при производ-

ствѣ всероссійской переписи 1897 г., и источникомъ коихъ служили неприспособленная къ мѣстнымъ условіямъ инструкція о переписи и противорѣчивыя, иногда вызываемыя совсѣмъ неотносящимися къ дѣлу мотивами, разъясненія и распоряженія власти. Такъ, почти наканунѣ переписи дано было распоряженіе не дѣлать отмѣтки „безземельный" противъ имени крестьянъ, не владѣющихъ землею. Это требованіе—поясняетъ авторъ—„очевидно, было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы предупредить толки о надѣленіи землею безземельныхъ крестьянъ".

Брошюра гг. Лопатиныхъ какъ бы дополняетъ книжку г. Храневича, обнимая свѣдѣнія о современномъ состояніи мелкаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ. Изъ 11.297 тыс. дес. земельной собственности въ краѣ крупнымъ владѣльцамъ принадлежитъ менѣе 4 милл. дес., или 35% общей площади, мелкой шляхтѣ—652 тыс. дес., или 6%, а крестьянамъ—болѣе 5,5 милл. дес., или почти около половины земельной собственности Царства Польскаго; 4,590 тыс. дес. крестьяне унаслѣдовали отъ крѣпостныхъ временъ, а 918 тыс. дес. пріобрѣтено послѣ крестьянской реформы. Польскій крестьянинъ вообще очень энергично стремится къ землѣ и, будучи очень экономенъ, успѣваетъ пріобрѣсти нѣкоторую сумму, которую и затрачиваетъ на землю. „Круглый годъ онъ питается картофелемъ,—пишетъ г. Храневичъ,—позволяя себѣ роскошь въ пищѣ только во время лѣтнихъ работъ, но даже и тогда пища его состоитъ изъ того же картофеля, сдобреннаго лишь молочными продуктами или свинымъ жиромъ. Исключеніе дѣлается для большихъ праздниковъ и семейныхъ торжествъ, когда на столѣ крестьянина появляется мясо. Въ остальное время даже ржаной хлѣбъ считается лакомствомъ". Оттого-то видную роль въ крестьянскихъ покупкахъ земли играетъ безземельная часть населенія, и 917 тыс. десятинъ, пріобрѣтенныхъ польскими крестьянами, распредѣляются почти поровну между надѣльными и безземельными крестьянами.

Крестьянскіе дворы и прочіе мелкіе владѣльцы распредѣлены въ книжкѣ гг. Лопатиныхъ на 18 группъ, владѣющихъ участками отъ части десятины до 25 десятинъ и болѣе. Тѣ же группы приняты и при распредѣленіи купленной крестьянами земли. Если соединить нѣсколько группъ въ одну, то окажется, что изъ 4.160 тыс. дес., находящихся въ единственномъ владѣніи домохозяевъ, 10% относятся на долю владѣній до 3 дес., 30%—на долю участковъ отъ 3 до 6 дес., 40%—участкамъ въ 6—15 дес. и 18%—болѣе крупнымъ владѣніямъ; при этомъ владѣнія выше 25 дес. обнимаютъ менѣе 6% площади крестьянской земли. Въ землевладѣніи мелкой шляхты площадь такихъ участковъ составляетъ около 40%. Приведенныя свѣдѣнія относятся къ 778 тыс. крестьянскихъ надѣльныхъ и 53 тыс. мелко-шля-

хетскихъ владѣній. Но крестьяне, въ числѣ 179 тыс. лицъ, пріобрѣли еще покупкой 917 тыс. дес. Пріобрѣтенная крестьянами земля распредѣляется между крупными группами единичныхъ участковъ почти въ томъ же отношеніи, что и надѣльная. Авторы ничего не говорятъ о количествѣ безземельнаго сельскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ; согласно же изслѣдованію мѣстнаго статистическаго комитета, число ихъ превышаетъ 200 тыс. семей, обнимающихъ около 900 тыс. человѣкъ. Нѣкоторыя мѣста брошюры гг. Лопатиныхъ вызываютъ недоумѣнія. Такъ, на стр. 19 значится, что реформа 1864 г. не коснулась безземельныхъ крестьянъ; между тѣмъ какъ, по утвержденію извѣстнаго изслѣдователя польскаго края, покойнаго проф. Симоненко, болѣе 200 тыс. безземельныхъ получили мелкіе надѣлы изъ монастырскихъ и казенныхъ земель. На стр. 14 поземельный налогъ, возложенный на польскихъ крестьянъ взамѣнъ упраздненныхъ въ пользу помѣщика повинностей, опредѣленъ въ „0,75% прежняго чинша". Это, очевидно, ошибка.

XIII.

— Какъ устраиваются городскія общественныя работы. (Опытъ германскихъ городовъ). Переводъ съ нѣмецкаго и предисловіе В. А. Гагена. Спб. 1906. Ц. 70 к.

Вопросъ о помощи безработнымъ составляетъ тяжелую злобу нынѣшняго дня въ Петербургѣ, Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ нашего обширнаго отечества. Въ числѣ мѣръ такой помощи фигурируетъ организація за счетъ города разныхъ общественныхъ работъ. Мѣра эта врядъ-ли, однако, отразится существенно на положеніи безработныхъ, какъ потому, что по своему составу наши городскія управленія не склонны относиться особенно сочувственно къ нуждамъ рабочаго населенія, такъ и по причинѣ того обстоятельства, что нельзя въ краткій срокъ организовать въ городѣ такія общественныя работы, которыя дали бы занятіе десяткамъ тысячъ рабочихъ, выброшенныхъ на улицу вслѣдствіе исключительныхъ условій переживаемаго нами бурнаго времени. Но производимые нынѣ опыты организаціи общественныхъ работъ, помимо ихъ непосредственной цѣли, будутъ, вѣроятно, имѣть и другое значеніе. Позволительно надѣяться, что, остановившись на общественныхъ работахъ, какъ средствѣ помощи нуждающемуся населенію въ исключительныхъ условіяхъ настоящаго времени, наши городскія управленія не забудутъ этого средства и по минованіи послѣднихъ, и станутъ примѣнять его при обычныхъ условіяхъ жизни, потому что зимой въ городахъ предъявляется, говоря вообще, меньшій спросъ на трудъ, нежели лѣтомъ, и довольно зна-

чительная часть городского населенія часто остается безъ работы. Это явленіе наблюдается въ Западной Европѣ, и во многихъ городахъ организація общественныхъ работъ для помощи нуждающемуся населенію обратилась какъ бы въ постоянное учрежденіе. Въ виду сказаннаго, появленіе въ переводѣ г. Гагена указаннаго въ заголовкѣ настоящей замѣтки оффиціальнаго изслѣдованія относительно общественныхъ работъ въ нѣмецкихъ городахъ представляетъ живой практическій общественный интересъ. Изъ 57 городовъ, къ которымъ обратилось съ запросомъ имперское статистическое бюро, 46 дали положительный отвѣтъ относительно существованія общественныхъ работъ, какъ мѣры помощи безработнымъ. Эту помощь города не считаютъ, однако, для себя юридически обязательной и высказываютъ опасеніе, что организація ея можетъ служить лишнимъ стимуломъ для привлеченія въ города неимущаго населенія, въ ущербъ плательщикамъ городскихъ налоговъ, на которыхъ лежитъ покрытіе дефицита по организаціи общественныхъ работъ. Большая часть городовъ не принимаетъ мѣръ для ослабленія той нормальной безработицы, которая является результатомъ сезоннаго характера многихъ профессій, и организуетъ общественныя работы лишь при чрезмѣрномъ развитіи такой безработицы. Не устанавливаются общественныя работы и при стачкахъ или массовыхъ увольненіяхъ рабочихъ. Опасеніе лишнихъ расходовъ и укрѣпленія, такъ сказать, въ сознаніи рабочаго идеи права на трудъ побуждаютъ городскія управленія принимать рядъ особыхъ мѣръ при допущеніи на общественныя работы. Отъ кандидата требуется, чтобы онъ лишился работы не по собственной винѣ, а въ нѣкоторыхъ городахъ, кромѣ того, и регулярной работы въ теченіе предшествовавшаго года; чтобы онъ былъ постояннымъ жителемъ даннаго города; чтобы онъ находился въ данное время въ нуждѣ и—въ большомъ числѣ городовъ—чтобы на его иждивеніи находились лица, нуждающіяся въ пропитаніи.

Общественныя работы для помощи нуждающемуся населенію устраиваются зимою, въ періодъ самаго сильнаго затишья въ дѣлахъ; продолжительность ихъ колеблется между 8-ю и 26-ю недѣлями, а характеръ работъ опредѣляется стремленіемъ по возможности щадить средства плательщиковъ налоговъ; соображеніемъ о томъ, что общественныя работы не должны увеличивать предложеніе на рынкѣ товаровъ, такъ какъ это вело бы къ усиленію безработицы; и, наконецъ, потребностью самого города въ тѣхъ или другихъ работахъ. Въ силу сказаннаго, почти всѣ общественныя работы нѣмецкихъ муниципалитетовъ сводятся къ выполненію операціи по устройству, ремонту и очисткѣ улицъ, канализаціи, и т. п., и къ разбивкѣ камня. Предвидя зимнюю безработицу, многіе города нарочно откладываютъ до этого времени

выполненіе работъ, намѣчаемыхъ согласно общему ходу муниципальныхъ дѣлъ.

Вознагражденіе участниковъ въ общественныхъ работахъ обыкновенно назначается съ такимъ разсчетомъ, чтобы имъ покрывались расходы, необходимые лишь для поддержанія жизни семьи рабочаго, и чтобы эти работы не отвлекали, поэтому, трудящихся отъ занятій въ частныхъ предпріятіяхъ. Масштабомъ для того обыкновенно берется обычная плата заурядnаго поденщика. Во многихъ случаяхъ семейнымъ рабочимъ назначается болѣе высокая плата, чѣмъ одиночкамъ. Средній заработокъ на общественныхъ работахъ опредѣляется приблизительно около 2 марокъ въ день; исчисляется онъ для земляныхъ работъ обыкновенно по времени, при разбивкѣ камня—сдѣльно. Продолжительность рабочаго дня,—отчасти въ зависимости отъ дневного свѣта, т.-е. отъ мѣсяца, когда производятся работы,—колеблется отъ 8 до 12 часовъ, а дѣйствительное рабочее время—отъ 7 до 10 часовъ. Расходъ разныхъ городовъ на общественныя работы колеблется въ данномъ году между нѣсколькими тысячами и 80-ю тыс. марокъ. Для громаднаго большинства нѣмецкихъ городовъ устройство общественныхъ работъ вело къ перерасходу сравнительно съ пормальной, такъ сказать, стоимостью выполненія соотвѣтствующихъ операцій. Въ среднемъ, этотъ перерасходъ опредѣляется приблизительно въ 35% общей суммы расхода. Причины указаннаго явленія заключаются, главнымъ образомъ, въ двухъ обстоятельствахъ: въ томъ, что работы производятся въ менѣе благопріятное для нихъ время (строительныя работы зимою, а не лѣтомъ), и что значительная часть работающихъ занимается непривычнымъ, а быть можетъ и превышающимъ ихъ силы трудомъ. — В. В.

Въ январѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Аловъ, А. А.—О травматическихъ поврежденіяхъ рабочихъ при работахъ на сельскохозяйственныхъ машинахъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Арнольдъ, Эдвинъ.—Свѣтъ Азіи. (Изложеніе въ поэтической формѣ буддизма). Переводъ А. М. Ѳедорова. Съ предисл. и примѣч. академика С. Ѳ. Ольденбурга, 2-ое иллюстрир. изданіе. Съ иллюстраціями. (Библіотека „Свѣточа“, подъ ред. С. А. Венгерова). Стр. XXVI+188. Спб. 1906.

Афанасьева-Уральская, М.—Сказка о Свободной. Спб. 907. Ц. 40 к.

Бакунинъ, М.—Богъ и Государство. Спб. 906. Ц. 12 к.

——— Федерализмъ, соціализмъ и антитеологизмъ. Съ франц. Съ портр. и біогр. автора. Спб. 906. Ц. 40 к.

Битовтъ, Юр.—Книга о книгахъ. Толковый указатель книгъ для самообразованія по всѣмъ отраслямъ знанія. М. 907. Ц. 80 к.

Богдановичъ, К. И.—Система Дибрара въ юго-восточномъ Кавказѣ. Труды Геологическаго Комитета, вып. 26. Спб. 906. Ц. 5 р.

Борисякъ, А.—Пелециподы юрскихъ отложеній европейской Россіи. Труды Геологическаго Комитета, вып. 29. Спб. 906. Ц. 1 р.

Брянчаниновъ, А.—Роспускъ Государственной Думы. Причины и послѣдствія. Псковъ, 906. Ц. 60 к.

Бѣляевъ, А.—Самодержавіе и народовластіе. Сергіевъ Посадъ. 906. Ц. 20 к.

В., В.—Отъ семидесятыхъ годовъ къ восьмидесятымъ. Сборникъ статей. Спб. 907. Ц. 1 р. 30 к.

Вейтлингъ, В.—Евангеліе бѣднаго грѣшника. Съ портр. и біографіей автора. Съ нѣм. Спб. 907. Ц. 30 к.

Гаммеджъ, Р.—Исторія чартизма. Съ англ. А. В. Погожева. Спб. 907. Ц. 2 р.

Гончаренко, Юр.—Вечерніе огни. Стихи. Кн. 1. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. VII: Начала русскаго государственнаго права. Ч. I: О государственномъ устройствѣ. 2-е изд. Спб. 907. Ц. 2 р.

Градовскій, Г. К.—Двѣ драмы: I. Старый либералъ; II. Во имя любви. Кіевъ, 907. Ц. 1 р.

Деверъ, Д.—Выборная кампанія. I: Блокъ.—1. Блокъ лѣвыхъ. 2. Блокъ правыхъ. Спб. 907. Ц. 20 к.

Деворъ, А.—Слѣпое поклоненіе—безуміе. Трагикомедія въ 3-хъ д. Спб. 907. Ц. 20 к.

Достоевская, А.—Библіографическій указатель сочиненій и произведеній искусства, относящихся къ жизни и дѣятельности Ѳ. М. Достоевскаго, собранныхъ въ Музеѣ памяти Ѳ. М. Д." въ Московск. Историч. Музеѣ имени Имп. Александра III. 1846—1903. Спб. 906. Ц. 3 р.

Засуличъ, В. И.—Сборникъ статей. Т. I. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Звягинцевъ, Е.—Какъ нужно преобразовать наши городскія думы и управы. М. 907. Ц. 10 к.

Зомбартъ, В.—Пролетаріатъ. Очерки и этюды. Съ нѣм. В. Н. К. Спб. 907. Ц. 40 к.

Зѣлинскій, Ѳ., проф.—Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Т. III: Соперники христіанства, статьи по исторіи античныхъ религій. Спб. 907. Ц. 1 р. 80 к.

Ивановъ, Е. И.—Военно-походныя впечатлѣнія отъ Владивостока до Вафангоу и отъ Вафангоу до Ляояна, командира роты 4-го Военно-Сибирск. стрѣлк. Е. В. полка.

——— Вафангоу—Койджу—Дагету—Тамичао—Ляоянъ. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 коп.

Кальверъ, Р.—Соціализмъ и массовая забастовка. Перев. съ рукописи. Спб. 907.

Корниловъ, А. А.—Изъ исторіи вопроса объ избирательномъ правѣ въ земствѣ. Спб. 907. Ц. 20 к.

Крюковъ, Ѳ.—Казацкіе мотивы. Очерки и разсказы. Спб. 907. Ц. 1 р.

Кудрявцевъ, П.—По вопросамъ церковно-общественной жизни. Вып. 1. Кіевъ. 906. Ц. 75 к.

Купринъ, А.—Томъ 3. Спб. 907. Ц. 1 р.

Левицкая-Пащенко (Левѣшко), Юл.—Букетъ белладонны. Кіевъ, 903. Ц. 55 к.

Лозинскій, Евг.—Что же такое, наконецъ, интеллигенція? Спб. 907. Ц. 1 р.

Любарская-Письменная, М.—Клевета. Мой процессъ съ бар. Н. Ѳ. Тизенгаузеномъ. М. 906.

Львовъ-Рогачевскій, В.—Борьба за жизнь. Сборникъ статей. Спб. 907. Ц. 1 р.

Мацубара-Иваторо.—На днѣ Токіо. Перев. С. Сыромятникова. Спб. 907. Ц. 50 к.

Мезіеръ, А.—Турція. Спб. 907. Ц. 20 к.

Менгеръ, Ант.—Народная политика. Съ нѣм. М. Кадишъ. Съ предисл. В. Устинова. М. 907. Ц. 35 к.

Мижуевъ, П.—Документальная исторія одной стачки. Спб. 907. Ц. 80 к.

Мультатули (Эд. Деккеръ).—Повѣсти, сказки и легенды. Перев. А. Чеботаревской. Спб. 907. Ц. 1 р.

М-чн-скій, П.—Тревожныя страницы. Отрывки изъ современнаго дневника. Харьк., 906. Ц. 10 к.

Никитинъ, А.—Разсказы изъ жизни маленькихъ людей. М. 907. Ц. 60 к.

Павловъ, Е., лейбъ-хирургъ.—На Дальнемъ Востокѣ въ 1905 году. Изъ наблюденій во время войны съ Японіею. Съ автотипіями въ текстѣ. Спб. 907.

Паршинъ, А.—Научный фундаментъ соціологіи. Ч. I. М. 907. Ц. 2 р.

Пауль Віола.—Прелюдіи творчества. Стихотворенія. Кіевъ, 907. Ц. 1 р. 05 к.

Пиленко, Ал., ред.—Государственная Дума.—Указатель къ стенограф. отчетамъ: поименный и предметный. 1906-й годъ. Сессія первая. Спб. 907. Ц. 40 к.

Пирлингъ, П.—Новые матеріалы о жизни и дѣятельности Як. Рейтенфельса. Тексты документовъ, перев. А. Станкевичъ. М. 906. Ц. 30 к.

Поярковъ, Ник.—Поэты нашихъ дней. Критическіе этюды. М. 907. Ц. 1 р.

Пушкинъ.—Полное собраніе сочиненій. Вып. I. (Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова). Съ иллюстраціями. Изданіе Брокгауза-Ефрона. Стр. VII+160. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 коп.

Рашковъ, С. А.—Чтеніе по средневѣковой исторіи. Четыре представителя духовной жизни XII-го вѣка: Норбертъ Премонстратенскій—Петръ Клюнійскій—Арнольдъ Брешіанскій—Папа Адріанъ IV. М. 907. Ц. 75 к.

Розенбергъ, А.—Исторія искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Перев. О. Павловской. Съ краткимъ очеркомъ исторіи русскаго искусства проф. А. Павловскаго: Выпускъ I. Спб. 906.

Сахаровъ, Ив.—Ненормальное состояніе современной церковно-народной школы и попытка учащихъ раскрѣпоститься. М. 906. Ц. 30 к.

Сендерлендъ, І.—Библія, или священныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта. Ихъ происхожденіе, развитіе и характеръ. Съ англ. Въ приложеніи: Библейская легенда о всемірномъ потопѣ. Спб. 907. Ц. 60 к.

Синклеръ, Антонъ.—Дебри. (The Jungle). Съ англ., съ предисл. Э. Риттера. Кіевъ, 907. Ц. 1 р. 25 к.

Спарскій, А. Т.—Автономія или федерація? Спб. 907. Ц. 25 к.

Сомовъ, С. И.—Профессіональные союзы и соціалъ-демократическая партія. Спб. 907. Ц. 20 к.

Таккель, П.—Курсъ французскаго языка. 3-й годъ. Спб. 907. Ц. 80 к.

Тезяковъ, И.—Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. Съ рис. Спб. 907.

Тиховъ, Пл.—О госпитальныхъ клиникахъ Имп. Томскаго университета. Томскъ, 906.

Торгашевъ, П.—Авантюры на Дальнемъ Востокѣ. М. 907. Ц. 10 к.

Успенскій, М. И.—Юный гражданинъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Спб. 907. Ц. 25 к.

Устиновъ, С. М.—Ладинъ. Герой послѣдняго времени. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 907. Ц. 2 р.

Федоренко.—Годъ у нѣмцевъ. Замѣтки офицеровъ. Вильна. 907. Ц. 50 к

Хлапонинъ, А.—Геологическая карта Амурско-Приморскаго золотоноснаго района. Спб. 907.

Чарнолусскій, В.—Соціализмъ и народное образованіе. Спб. 907. Ц. 20 к.

Шулятиковъ, В.—Изъ теоріи и практики классовой борьбы. М. 907. Ц. 30 к.

Шурцъ, К.—Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера. Съ нѣм. А. Аннепская. Спб. 907. Ц. 30 к.

Якубовичъ (Мельшинъ).—С. Я. Надсонъ. М. 907. Ц. 12 к.

Ѳедоровъ, А.—Камни, ром. Спб. Ц. 1 р.

Draganoff.—La Macédoine et les Réformes. Par. 906.

— Акушерка п. р. П. Амброжевича, въ 12 кн. въ годъ. Кн. 1: январь 1907 г. Од. Ц. 3 р. въ годъ.

— Возникновеніе партійной организаціи германской соціалъ-демократіи. Рѣчи Бебеля, Либкнехта, Зингера, Ауэра, Фольмара и друг. на партійномъ съѣздѣ, въ Галле, въ 1870 г. Съ нѣм. Н. Дьяконовъ. М. 907. Ц. 25 к.

— Земельное дѣло безъ Думы. Сборникъ статей: Н. Каблукова, А. Мануилова, А. Посникова, В. Розенберга, В. Якушкина и др. М. 906. Ц. 5 к.

— Изданія Товарищества „Знаніе“: 1) Евгеній Чирковъ, Разсказы, т. VI, ц. 1 р.—2) Начало нѣмецкой соціалъ-демократіи. Юбилейный сборникъ лейпцигскихъ рабочихъ къ 23 мая 1903 г. Съ нѣм. В. Величкина, ц. 20 к.—3) Сборникъ, книга XIV, ц. 1 р.—4) К. Каутскій, Нейтрализація профессіональныхъ союзовъ, съ нѣм., ц. 10 к.—5) Клейнбартъ, Подоходный налогъ, ц. 10 к.—6) Атлантикусъ, Государство будущаго. Вступительная лекція К. Каутскаго, ц. 35 к.—7) Геперъ, Ад., Пкарійцы въ Сѣв. Америкѣ, съ нѣм., ц. 10 к.—8) Т. Шевченко, Кобзарь, въ перев. русскихъ писателей, ц. 1 р.—9) К. Каутскій, Карлъ Марксъ, съ нѣм., ц. 5 к.—10) Серафимовичъ, Разсказы, т. II, ц. 1 р.—11) Юшкевичъ, Сем., Очерки дѣтства, т. IV, ц. 1 р.—12) Бебель, Авг., Шарль Фурье, его жизнь и ученіе, съ нѣм., ц. 50 к.—13) Вандервельде, Э., Промышленное развитіе и коллективизмъ, съ франц., ц. 30 к. Спб. 906.

— Изданіе фирмы „Мысль и Жизнь“: 1) А. Пѣшехоновъ, Программные вопросы. Вып. 1: Основныя положенія. Спб. 907. Ц. 10 к.—2) Приложеніе. Вып. 2: Историческія предпосылки. Спб. 907. Ц. 10 к.

— Календарь для всѣхъ. Сост. А. Зоновъ, п. р. И. Горбунова-Посадова. 1907-й годъ. Ц. 30 к.

— Книгоиздательство „Посредникъ“: 1) Л. Н. Толстой: Единственное возможное рѣшеніе земельнаго вопроса.—О Шекспирѣ и о драмѣ.—Земля и Трудъ—Голодъ. 2) Гартманъ, Ткачи, драма, перев. Э. Маттерна. 3) Г. Джорджъ, Что такое единый налогъ и почему мы его добиваемся.—Программа лиги единаго налога. Съ англ. С. Николаевъ. М. 907.

— Книгоиздательство „Скорпіонъ“: 1) Вал. Брюсовъ, Земная ось. Разсказы и драматическія сцены. Ц. 1 р. 50 к. 2) А. Блокъ, Нечаянная радость, второй сборникъ стиховъ, ц. 1 р. 50 к. 3) Кнутъ Гамсунъ, драма жизни. Съ норвеж. Ц. 50 к. 4) Стан. Пшибышевскій, Вѣчная сказка, драматич. поэма, съ польск. Ц. 1 р. М. 906.

— Матеріалы для подворной переписи Полтавской губерніи въ 1900 году. Полтавскій уѣздъ. Полт. 906.

— Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи, по сообщеніямъ корреспондентовъ за 1905 г. Годъ XX. Полт. 906.

——— Кобелякскій уѣздъ. Полт. 906.

——— Константиноградскій уѣздъ. Полт. 906.

— Сеймовый уставъ Великаго Княжества Финляндскаго 7 (20) іюля 1906 г. Спб. 907. Ц. 50 к.

— Статистическія свѣдѣнія по земельному вопросу въ европейской Россіи. Спб. 906.

— Темы жизни: № 18. Л. Кульчицкій, Анархизмъ въ Россіи. Съ польск С. Штернъ, съ предисл. Н. Іорданскаго. Спб. 907. Ц. 20 к.—№ 19. З. Бѣлосельскій, Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ. Спб. 907. Ц. 10 к.

— Уставъ дисциплинарный. Кн. XXIII Свода Военныхъ Постановленій 1869 г. Спб. 907.

— Учебныя заведенія вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Краткій очеркъ. Спб. 906.

ЗАМѢТКА

По поводу „книги“ Чамберлэна.

Недавно появилась, въ „переводѣ съ нѣмецкаго“, книга Гаустона Стюарта Чамберлэна, подъ заглавіемъ: „Евреи, ихъ происхожденіе и причины ихъ вліянія въ Европѣ“ (изданіе А. С. Суворина). Ни издатель, ни переводчикъ не считали своимъ долгомъ указать, гдѣ и подъ какимъ названіемъ напечатано подлинное сочиненіе автора. Это указаніе было бы тѣмъ болѣе необходимо, что въ дѣйствительности ни на нѣмецкомъ, ни на англійскомъ языкѣ не существуетъ книги Чамберлэна съ подобнымъ заглавіемъ. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ какой-то сознательной мистификаціей.

Кому и зачѣмъ понадобилась эта мистификація? Почему отъ русскихъ читателей скрытъ источникъ „книги“ Чамберлэна? Не всякій догадается, что эта мнимая книга составляетъ лишь одну изъ главъ большого сочиненія, которое, по словамъ самого автора, имѣетъ чисто дилетантскій характеръ. Гаустонъ Стюартъ Чамберлэнъ живетъ постоянно въ Вѣнѣ и пишетъ большею частью по-нѣмецки; онъ выступаетъ горячимъ сторонникомъ идей „пангерманской партіи“, для которой превосходство германской расы выражается почему-то въ неискоренимой враждѣ къ семитамъ. Онъ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность обширнымъ біографическимъ трудомъ о Рихардѣ Вагнерѣ; въ 1899 году вышло въ свѣтъ его двухтомное сочиненіе объ „основахъ девятнадцатаго столѣтія“ („Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts“), изданное затѣмъ вторично въ дополненномъ видѣ въ октябрѣ прошлаго 1906 года. Эта книга написана по заказу мюнхенской фирмы Брукманна и должна была заключать въ себѣ обзоръ главныхъ научно-культурныхъ завоеваній, пріобрѣтеній и задачъ XIX-го вѣка; но авторъ занялся предварительно обзоромъ предшествовавшихъ восемнадцати столѣтій, начиная съ Греціи и Рима, и довелъ свою работу только до 1800 года, отложивъ исторію и оцѣнку девятнадцатаго вѣка на будущее время. По мнѣнію Чамберлэна, всѣ вопросы и задачи современной эпохи уясняются изслѣдованіемъ отдаленнаго прошлаго; поэтому въ первой части своей книги онъ изучаетъ „наслѣдіе древняго міра“, говоритъ подробно объ эллинскомъ искусствѣ и философіи, о римской юриспруденціи, о явленіи Христа, о наслѣдникахъ и продолжателяхъ древности, о средневѣковомъ хаосѣ народовъ, о „вступленіи евреевъ въ западно-европейскую исторію“, о по-

явленіи германцевъ на всемірно-исторической сценѣ и о борьбѣ изъ-за религіи и государства; затѣмъ вторая часть посвящена „зарожденію новаго міра“ съ 1200 года: здѣсь рѣчь идетъ о „германцахъ, какъ творцахъ новой культуры“, о географическихъ и научныхъ открытіяхъ, о промышленныхъ и экономическихъ успѣхахъ, о политикѣ и о церковныхъ распряхъ, о міросозерцаніи и религіи, и наконецъ объ искусствѣ и литературѣ. Пятая глава—о „вступленіи евреевъ въ западно-европейскую исторію“,—вырванная изъ остального изложенія безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, составила именно ту „книгу“, которая издана г. А. Суворинымъ въ видѣ самостоятельнаго цѣлаго. Наивные люди приняли этотъ отрывочный популярный этюдъ за научное изслѣдованіе и отнеслись съ довѣріемъ къ его выводамъ, хотя послѣдніе совершенно не совпадали съ заключеніями, вытекающими изъ другихъ частей подлинной нѣмецкой книги.

„Характеръ этого сочиненія—говоритъ Чамберлэнъ въ предисловіи къ первому изданію своихъ „Grundlagen“—опредѣляется тѣмъ, что авторъ—не ученый человѣкъ“. Онъ дѣлаетъ много литературныхъ ссылокъ и цитатъ для подкрѣпленія своихъ взглядовъ, а также для пользы такихъ же неученыхъ читателей, какъ онъ, но вовсе не для того, чтобы хвастать своей ученостью; такое хвастовство, по его словамъ, „было бы нелѣпо со стороны человѣка, знаніе котораго не доходитъ до источниковъ и который всегда стремился читать не какъ можно больше, а какъ можно меньше и только самое лучшее“. Во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ и выводахъ онъ руководился тою оригинальною мыслью, что „жизнь важнѣе и выше всякаго знанія“. „Что здѣсь написано,—замѣчаетъ онъ,—то пережито. Иное фактическое указаніе можетъ быть ошибочно, нѣкоторыя сужденія могутъ оказаться предразсудками, иныя заключенія окажутся построенными на погрѣшностяхъ мышленія, но вполнѣ неправильными признать ихъ нельзя, ибо разумъ самъ по себѣ часто лжетъ, а настоящая жизнь—никогда: то, что создается только мыслью, можетъ быть пустымъ продуктомъ фантазіи, увлеченіемъ одинокой личности, тогда какъ глубоко прочувствованное коренится въ сверхъ-индивидуальномъ и внѣ-личномъ, и каковы бы ни были толкованія, вызываемыя предразсудкомъ и невѣжествомъ, въ нихъ *должно* заключаться ядро живой правды“. Девизъ автора—„надежда и вѣрность“: „пока еще существуютъ на свѣтѣ истинные германцы, до тѣхъ поръ мы можемъ и желаемъ надѣяться и вѣрить“.

Такова основная точка зрѣнія, которой придерживается Чамберлэнъ. Онъ откровенно заявляетъ, что слѣдуетъ въ своемъ трактатѣ внушеніямъ чувства, а не научнаго знанія,—причемъ высказываетъ идеи, поражающія своею странностью. Жизнь, пережитое и прочув-

ствованное, противопоставляется имъ положительному знанію, какъ нѣчто высшее и болѣе авторитетное; но что̀ такое знаніе, какъ не результатъ изученія жизни, и какимъ образомъ жизнь сама по себѣ, не освѣщаемая наукою, можетъ служить источникомъ истины? Авторъ разсуждаетъ въ своей книгѣ о самыхъ сложныхъ отвлеченныхъ вопросахъ и спеціально занимается крайне спорными проблемами, касающимися происхожденія, исторической роли и качествъ различныхъ человѣческихъ расъ;—что̀ можетъ въ этой области дать жизнь сама по себѣ, безъ знанія и анализа фактовъ, или простое чувство, не провѣренное наукою? Между тѣмъ Чамберлэнъ дѣйствительно рѣшаетъ всѣ вопросы не умомъ, а чувствомъ; свои личныя впечатлѣнія и желанія онъ выдаетъ за несомнѣнные плоды человѣческой жизни, пережитые и прочувствованные имъ, и потому заслуживающіе будто бы предпочтенія предъ результатами объективныхъ изслѣдованій. Онъ чувствуетъ, что человѣчество выработало одну только великую царственную расу — германскую, и онъ рѣшаетъ, что всѣ европейскіе народы, въ томъ числѣ и славянскіе, принадлежатъ къ той же германской расѣ; онъ видитъ, что расовые и племенные вопросы представляются безнадежно темными и не даютъ фактическаго матеріала для какихъ бы то ни было обобщеній, и тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно дѣлаетъ свои обобщенія на основаніи чисто-личнаго чувства или инстинкта. При помощи такого своеобразнаго метода онъ разрѣшаетъ по-своему цѣлый рядъ труднѣйшихъ историческихъ и философскихъ вопросовъ, не останавливаясь ни предъ логикою фактовъ, ни предъ авторитетомъ существующей положительной науки. Правда, онъ настойчиво предупреждаетъ читателей, что нисколько не претендуетъ на научную основательность своихъ идей: „никто не долженъ,—говоритъ онъ,—разсматривать мои замѣчанія о греческомъ искусствѣ и философіи, о римской исторіи и римскомъ правѣ, объ ученіи Христа, или о германцахъ и іудеяхъ и т. п., какъ самостоятельныя академическія разсужденія, и прилагать къ нимъ соотвѣтственную мѣрку, ибо не какъ ученый приступилъ я къ этимъ предметамъ, а какъ дитя современности, желающее научиться понять эту живую современность, съ точки зрѣнія германца“ и т. д. (стр. 17—18); но это „дитя современности“ третируетъ свысока настоящихъ ученыхъ, смѣется надъ знаменитымъ Ранке и надъ „бѣднымъ Вирховомъ“ и судитъ о событіяхъ исторіи съ ребяческою самоувѣренностью: такъ, онъ серьезно утверждаетъ, что разрушеніе Карѳагена римлянами было благодѣяніемъ для человѣчества и что Европа никогда не дожила бы до успѣховъ XIX вѣка, еслибы финикійскій народъ не былъ истребленъ и еслибы столица его не была уничтожена (стр. 140 и 162); такимъ же благодѣяніемъ было и разрушеніе Іерусалима, ибо безъ этого рим-

скаго подвига міръ находился бы теперь подъ властью еврейства (стр. 145 и 167). Авторъ приписываетъ „семитической крови“ какія-то исключительныя волшебныя качества, опредѣляющія мораль и философію семитовъ; въ силу этихъ качествъ евреи будто бы неспособны вырабатывать идеи и положенія права, что̀ доказывается двумя примѣрами: во-первыхъ, величайшій еврейскій мыслитель Спиноза находитъ, что „всякій имѣетъ столько права, сколько имѣетъ власти“, и что основой права служитъ сознаніе личной пользы,—въ чемъ, какъ извѣстно, взгляды его раздѣляются очень многими выразителями истинно-германскаго правосознанія; и во-вторыхъ, авторъ имѣлъ разговоръ съ однимъ образованнымъ евреемъ, владѣльцемъ нефтяныхъ источниковъ и членомъ извѣстнаго керосиноваго трёста; „этотъ честный человѣкъ, неспособный убить муху, никакъ не могъ убѣдиться въ безнравственности подобнаго трёста и на всѣ приводимые аргументы повторялъ одно: „я это могу, слѣдовательно имѣю право“,—точь въ точь, какъ Спиноза“,—т.-е. въ сущности онъ обнаруживалъ упорную солидарность съ истинно-германскими дѣльцами Англіи и Сѣверной Америки и стоялъ на точкѣ зрѣнія стараго истинно-германскаго кулачнаго права. Изъ этихъ двухъ примѣровъ дѣлается выводъ, что въ германскихъ странахъ не слѣдуетъ допускать лицъ еврейскаго племени къ исполненію судейскихъ функцій (стр. 171 и 199, 172 и 200, примѣч.), такъ какъ „только на основѣ изобрѣтеннаго индо-европейцами и тщательно разработаннаго ими права могли евреи проявить свои изумительныя юридическія способности“ и притомъ „едва ли въ состояніи были вполнѣ усвоить, понять и прочувствовать правосознаніе, столь глубоко противорѣчащее ихъ прирожденнымъ качествамъ“. По этому способу разсужденій можно было бы доказывать, что ни одинъ народъ не обладаетъ истиннымъ правосознаніемъ и не годится для исполненія судейскихъ функцій, ибо вездѣ признавалось и господствовало право силы, а участники промышленныхъ предпріятій и трёстовъ повсюду проникнуты корыстными цѣлями и даже открыто исповѣдуютъ безнравственный принципъ: „не обманешь—не продашь“. Чамберлэнъ упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ о древнемъ обычаѣ германцевъ убивать своихъ старыхъ и слабыхъ родителей (стр. 178 и 207, примѣч.), и однако не выводитъ изъ этого факта никакого общаго заключенія о природныхъ свойствахъ и наклонностяхъ германской расы: германцы остаются для него воплощеніями высшей морали.

Въ главѣ о явленіи Христа, также переведенной на русскій языкъ и изданной г. Суворинымъ въ видѣ отдѣльной книжки, авторъ заранѣе оговаривается, что берется за тему, для которой не имѣетъ, къ сожалѣнію, спеціальныхъ знаній (стр. 210 и 246); онъ пытается доказать, что хотя Христосъ по религіи и воспитанію былъ несомнѣнно

іудеемъ, но по расѣ, въ болѣе тѣсномъ и собственномъ смыслѣ слова „іудей", не былъ имъ „*по всей вѣроятности*", такъ какъ родина его, Галилея, имѣла очень смѣшанное населеніе (стр. 211 и 247); черезъ нѣсколько страницъ говорится уже, что „нѣтъ ни малѣйшаго основанія предположить, что родители Іисуса Христа были по расѣ евреи"; немного далѣе признается уже „почти достовѣрнымъ", что Христосъ „не имѣлъ въ своихъ жилахъ ни одной капли чисто-еврейской крови", а ученые спеціалисты, придерживающіеся противоположнаго взгляда, какъ Альберъ Ревилль и Эрнестъ Ренанъ, обвиняются въ легкомысліи и чуть ли не въ продажности; относительно Ренана прямо ставится вопросъ, не повліяли ли на него усердныя близкія сношенія съ „Alliance Israélite" за послѣдніе годы его жизни (стр. 256, примѣч.),—хотя трудно понять, для чего понадобилось бы правовѣрнымъ евреямъ категорическое утвержденіе, что отвергнутый ими Мессія былъ непремѣнно чистокровнымъ іудеемъ. Настойчиво повторяя въ разныхъ сочетаніяхъ одни и тѣ же пустые софизмы, для которыхъ, по его собственнымъ словамъ, нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ, Чамберлэнъ наконецъ убѣждаетъ себя, что вполнѣ доказалъ свою мысль и достигъ опредѣленнаго, хотя и отрицательнаго результата; затѣмъ онъ распространяется уже о „непосредственномъ отношеніи Христа къ еврейству" и о „великомъ существенномъ вліяніи іудейства на происхожденіе и исторію христіанства" (стр. 258).

Въ отдѣльныхъ мѣстахъ своей книги Чамберлэнъ сознается, что наука не даетъ и не можетъ дать точнаго отвѣта на вопросы о происхожденіи и существованіи тѣхъ или другихъ расъ: семиты—далеко не то же самое, что евреи, и послѣдніе безспорно составляютъ продуктъ скрещиванія разныхъ древнихъ племенъ; что касается арійцевъ, то предполагаемое расовое единство ихъ и подлинный племенной составъ служатъ лишь предметомъ болѣе или менѣе произвольныхъ гипотезъ; но—неожиданно заключаетъ авторъ,—„еслибы даже было доказано, что въ прошломъ никогда не существовало арійской расы, мы хотимъ все-таки, чтобы она существовала въ будущемъ, а для людей дѣла это именно и есть рѣшающая точка зрѣнія" (стр. 317, примѣч.). Въ то же время все положительное содержаніе книги построено на незыблемыхъ расовыхъ перегородкахъ и различіяхъ, едва ли существующихъ въ природѣ, и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой возможности относиться серьезно къ тѣмъ смѣлымъ парадоксамъ, противорѣчіямъ и несообразностямъ, которыми переполнено сочиненіе объ „основахъ девятнадцатаго столѣтія". Объ отрывкахъ же, изданныхъ въ русскомъ и притомъ довольно плохомъ переводѣ, не стоитъ и говорить.

Л. Слонимскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1907 г.

Парламентскіе выборы въ Германіи.—Особенности нѣмецкой политической жизни.—Прусскіе порядки и либерализмъ. — Избирательныя заявленія князя Бюлова. — Упадокъ старыхъ либеральныхъ партій. — Вопросъ о личномъ режимѣ.—Общіе результаты выборовъ.—Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи. — Перемѣна царствованія въ Персіи.

Парламентскіе выборы 25 (12) января въ Германіи прошли вполнѣ нормально и дали такіе результаты, какіе возможны только при существованіи честнаго и добросовѣстнаго правительства, пользующагося довѣріемъ и уваженіемъ даже со стороны оппозиціи.

Политическая жизнь нѣмецкаго народа представлялась бы намъ совершенно непонятною, еслибы мы не имѣли въ виду особыхъ качествъ прусско-германской администраціи и особыхъ отношеній ея къ населенію. Государственный строй германской имперіи и ея отдѣльныхъ составныхъ частей сохраняетъ еще многія средневѣковыя черты: старинныя владѣльческія династіи и феодальныя аристократическія фамиліи дѣлятъ между собою власть надъ различными областями страны; мѣстные законодательные сеймы носятъ строго-сословный характеръ; дворянство и военный классъ находятся въ привилегированномъ положеніи, позволяющемъ имъ свысока смотрѣть на массу обывателей-бюргеровъ. Въ Пруссіи народное представительство организовано такимъ образомъ, что крупные землевладѣльцы и промышленники даютъ тонъ всему законодательству и налагаютъ тяжелую дань на все остальное населеніе, поддерживая искусственную дороговизну на необходимые предметы потребленія, и въ частности на хлѣбъ и мясо, при помощи высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Прусскіе министры, опираясь на значительное консервативное большинство палаты депутатовъ, дѣйствуютъ въ старомъ бюрократическомъ духѣ и мало обращаютъ вниманія на общественное мнѣніе; очень часто, какъ, напр., въ школьномъ вопросѣ, они идутъ въ разрѣзъ съ требованіями общества и навлекаютъ на себя обвиненіе въ религіозномъ ханжествѣ и въ реакціонныхъ замыслахъ. И однако, просвѣщенные и свободолюбивые нѣмцы, повидимому, мирятся съ этими устарѣлыми порядками! Они не протестуютъ противъ несправедливыхъ сословныхъ привилегій, не требуютъ коренного преобразованія

государственнаго быта, не возстаютъ противъ бюрократіи, а довольствуются маленькими уступками въ текущей политикѣ, внѣшними признаками благорасположенія власти, обѣщаніями болѣе либеральнаго примѣненія существующей правительственной системы. Эта необыкновенная скромность и долготерпѣніе нѣмецкаго либерализма объясняются именно тѣмъ, что органы государственнаго управленія отлично исполняютъ свои законныя функціи, не допускаютъ въ своей средѣ никакихъ злоупотребленій, крайне разсчетливо обращаются съ казенными средствами и въ высшей степени внимательно относятся къ законнымъ правамъ и интересамъ обывателей; точно такъ же высшія сословія проникнуты чувствомъ долга и отвѣтственности предъ государствомъ, остаются вѣрными традиціямъ національнаго служенія и отличаются культурностью своихъ нравовъ, интересовъ и способовъ дѣйствія. Привилегіи не приводятъ къ произволу и насилію, не сопровождаются безправіемъ низшихъ классовъ, не вызываютъ ихъ раздраженія и негодованія; знатныя нѣмецкія фамиліи дѣйствительно имѣютъ свою самостоятельную исторію, а не обязаны своимъ возвышеніемъ случайному фаворитизму и казнокрадству; оттого и бюргеры привыкли уважать аристократію, хотя иногда и недовольны ея представителями. Какъ бы то ни было, плохой или устарѣлый политическій строй не мѣшаетъ безспорному процвѣтанію и прогрессивному культурному росту Пруссіи и Германіи; экономическое состояніе страны и положеніе государственныхъ финансовъ не оставляютъ желать ничего лучшаго; внѣшняя политика ведется умѣлой и твердой рукой, и нѣмецкіе патріоты не имѣютъ повода жаловаться на свое правительство. Никто не можетъ отрицать, что германскій государственный механизмъ, при всѣхъ его недостаткахъ, превосходно дѣйствуетъ на практикѣ, и поэтому-то населеніе не чувствуетъ потребности въ ломкѣ установленнаго режима. Вопросъ о коренной политической реформѣ не выдвигается жизнью на первый планъ и неспособенъ волновать умы при данныхъ условіяхъ, а передовые либералы и прогрессисты не обнаруживаютъ смѣлаго творчества, необходимаго для постановки подобныхъ крупныхъ задачъ. Въ отношеніяхъ между властью и народомъ нѣтъ вообще антагонизма, такъ какъ власть не выходитъ изъ своей обязательной роли служебнаго органа и не приписываетъ себѣ правъ и интересовъ, противорѣчащихъ государственной пользѣ. Политическія партіи борются между собою и несомнѣнно облегчаютъ положеніе правительства своими взаимными счетами, и если, напр., во внутренней политикѣ Пруссіи замѣчается застой, то это зависитъ прежде всего отъ настроенія и характера господствующихъ парламентскихъ группъ. Изъ 433 мѣстъ въ прусской палатѣ депутатовъ 206 принадлежатъ консерваторамъ разныхъ оттѣнковъ;

затѣмъ партія центра и національ-либералы во многомъ слѣдуютъ консервативному теченію, а ничтожныя фракціи прогрессистовъ обречены на безсиліе. Какъ же не быть консервативнымъ и прусскому правительству?

При открытіи засѣданій прусскаго сейма 8 января (нов. ст.) газеты отмѣчали отсутствіе какихъ бы то ни было признаковъ оживленія въ предстоящей парламентской дѣятельности; „это спокойствіе—поясняетъ „Berliner Tageblatt"—есть спокойствіе застоя, налагающаго свою печать на всю политическую жизнь въ Пруссіи: въ массахъ—полное, глухое безучастіе къ политическимъ дѣламъ; въ парламентахъ—нѣсколько умныхъ спеціалистовъ и скромныхъ ораторовъ; на министерскихъ скамьяхъ—нѣсколько порядочныхъ и прилежныхъ, но не слишкомъ геніальныхъ людей". Во главѣ правительства — князь Бюловъ, любезнѣйшій дипломатъ, лишенный всякой оригинальности въ идеяхъ и рѣшеніяхъ; министръ финансовъ, баронъ фонъ-Рейнбабенъ,—„прототипъ дѣловитаго, всегда корректнаго столоначальника"; министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Бетманъ-Гольвегъ, — „философъ, готовый оправдывать все существующее ссылками на Канта и его категорическіе императивы"; наконецъ, министръ народнаго просвѣщенія, фонъ-Штудтъ,—воплощеніе узко-канцелярскаго формализма. Но гдѣ та либеральная оппозиція, которая громила бы этотъ слабый кабинетъ и авторитетно требовала бы его обновленія свѣжими силами? Такой оппозиціи не существуетъ, и о ней вовсе не упоминаетъ „Berliner Tageblatt" въ своей характеристикѣ прусскаго политическаго застоя; газета возлагаетъ свои надежды только на добровольную перемѣну въ политикѣ и намѣреніяхъ правительства.

Этотъ же странный взглядъ на будущее высказывался въ нѣмецкой либеральной печати и по поводу выборовъ въ имперскій сеймъ. Либералы надѣялись почему-то на признательность правительства за поддержку противъ партіи центра; князь Бюловъ долженъ будто бы сдѣлать нѣкоторый поворотъ въ сторону либерализма, чтобы доставить справедливое удовлетвореніе своимъ случайнымъ либеральнымъ союзникамъ, выступившимъ на защиту его колоніальной политики. Въ разсужденіяхъ многихъ газетъ повторялись эти намеки на желательный поворотъ въ чувствахъ канцлера относительно либераловъ, и газетные публицисты не замѣчали всей унизительности этой точки зрѣнія для либеральной партіи. Что это за либеральная партія, которая даже не осмѣливается быть независимою и робко мечтаетъ о благосклонности завѣдомо-консервативнаго правительства! „Вотъ мы дѣйствуемъ въ пользу правительства, противъ непокорной партіи центра,—какъ будто говорили либералы,—и мы разсчитываемъ, что наше поведеніе будетъ замѣчено и оцѣнено по заслугамъ". Не естественнѣе

ли было бы думать о завоеваніи широкихъ народныхъ симпатій и о привлеченіи избирателей въ пользу своихъ программъ? Но для самостоятельной политической пропаганды не хватало идей, и либеральные призывы къ избирателямъ поражали скудостью и безцвѣтностью своего содержанія. Политическое положеніе опредѣлялось тѣмъ обстоятельствомъ, что могущественнѣйшая изъ парламентскихъ партій—католическая партія центра — разошлась съ правительствомъ по вопросу о колоніальномъ бюджетѣ и отклонила проектъ увеличенія численности войскъ въ колоніяхъ до предположенной цифры; лозунгомъ правительства при послѣдовавшемъ затѣмъ роспускѣ имперскаго сейма была защита германскихъ колоній: вопросъ былъ поставленъ на почву общепонятнаго и обязательнаго для всѣхъ патріотизма, и на этой почвѣ канцлеръ имѣлъ за себя не только средняго нѣмецкаго обывателя, но и парламентскихъ либераловъ и прогрессистовъ, которые были рады случаю дѣйствовать противъ ненавистной имъ партіи центра заодно съ правительствомъ. Названная партія, состоящая главнымъ образомъ изъ католиковъ и находящаяся подъ сильнымъ вліяніемъ римской церкви, всегда служила оплотомъ реакціи, и потому нѣмецкіе либералы выступали на выборахъ съ девизомъ: „противъ реакціи, — за національную свободу и культуру!“. Центръ съ своей стороны рѣшительно и рѣзко поднялъ борьбу во имя парламентскихъ правъ противъ колоніальныхъ увлеченій и злоупотребленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на опасность, угрожающую будто бы католической религіи; соціалъ-демократы по обыкновенію нападали одинаково на всѣ буржуазныя партіи, отвергали въ принципѣ колоніальныя завоеванія и не стѣснялись дѣйствовать солидарно съ реакціонной партіей центра. Слабѣе всего была позиція либераловъ, очутившихся въ роли временныхъ союзниковъ правительства, которое вообще относилось къ нимъ съ полнымъ и отчасти заслуженнымъ пренебреженіемъ. Либеральная печать постоянно критиковала и высмѣивала князя Бюлова, какъ и его сотрудниковъ, и мысль о томъ, что канцлеръ внезапно проникнется сочувствіемъ къ либераламъ, могла бы осуществиться только въ одномъ случаѣ,—еслибы они имѣли основаніе разсчитывать на побѣду при выборахъ; но они сами не предвидѣли для себя никакихъ шансовъ успѣха и откровенно признавались въ этомъ заранѣе.

Имперскій канцлеръ принялъ на этотъ разъ дѣятельное участіе въ избирательной агитаціи, но участіе его выражалось не въ попыткахъ стѣсненія враждебныхъ или оппозиціонныхъ партій и не въ усиліяхъ оказать какое бы то ни было давленіе на избирателей, а въ самостоятельныхъ публичныхъ заявленіяхъ, имѣющихъ программный характеръ; въ то же время помощникъ его, директоръ департамента

колоній, Бернгардъ Дернбургъ, читалъ подробные доклады и говорилъ рѣчи о колоніальной политикѣ, для подтвержденія и выясненія правительственныхъ взглядовъ по этому важному вопросу. Въ открытомъ письмѣ къ комитету „имперскаго союза противъ соціалъ-демократіи", въ концѣ декабря, канцлеръ весьма обстоятельно изложилъ свою избирательную „платформу"; газеты нашли въ ней благодарный матеріалъ для различныхъ комментаріевъ, разсужденій и выводовъ, но не могли противопоставить ей ничего болѣе опредѣленнаго и положительнаго. Князь Бюловъ даетъ вполнѣ вѣрную характеристику разыгравшагося парламентскаго кризиса. Еще при своемъ вступленіи въ должность онъ засталъ въ имперскомъ сеймѣ почти такую же группировку партій, какая существовала въ послѣднее время. „Буржуазная лѣвая, раздѣленная на три-четыре группы; правая — болѣе сплоченная, но по численности столь же слабая, какъ всѣ либеральныя группы вмѣстѣ; въ серединѣ — сильнѣйшая партія, центръ, которая уже тогда была въ состояніи, соединившись или съ соціалъ-демократами вмѣстѣ съ поляками, ганноверцами и прочими, или же съ консерваторами и правымъ крыломъ либераловъ, образовать большинство. Другого выбора, какъ работать съ центромъ, не было для правительства, особенно со времени выборовъ 1903 года". Канцлеру пришлось поневолѣ имѣть въ виду сотрудничество этой партіи; онъ пытался пріобрѣсть ея согласіе на важнѣйшія правительственныя предложенія, и дѣйствительно только съ помощью центра могъ провести такіе проекты, какъ усиленіе флота, торговые договоры, финансовая реформа. „Эта зависимость парламентскихъ результатовъ отъ доброй воли одной партіи, среди многообразныхъ нѣмецкихъ партійныхъ организацій, казалась довольно рискованною; но не было повода мѣнять положеніе, пока центръ обнаруживалъ готовность отдаться положительной работѣ совмѣстно съ союзными правительствами, не соблазняясь возможностью злоупотреблять своимъ преобладаніемъ въ парламентѣ. Однако весной прошлаго года нѣкоторые серьезные проекты правительства были отвергнуты соединенною оппозиціею центра и соціалъ-демократіи: канцлеръ, бывшій тогда больнымъ, не принялъ съ своей стороны никакихъ мѣръ, но рѣшилъ энергически противодѣйствовать такимъ комбинаціямъ, при первой новой попыткѣ центра провалить какое-нибудь важное правительственное предложеніе. Въ то же время онъ начиналъ питать надежду на перемѣну парламентской обстановки при помощи самого народа, въ виду замѣчавшагося поворота въ доктринерскихъ воззрѣніяхъ представителей либеральной буржуазіи и обостряющейся борьбы ея противъ соціалъ-демократіи. Въ Германіи нѣтъ единой либеральной партіи, которая проявляла бы ясное желаніе и способность вести положительную политику. Внутренняя рознь, отрицательное доктри-

нерство, преувеличеніе общихъ принциповъ и невниманіе къ практически-достижимому не позволило либерализму пріобрѣсть вліяніе на дѣла управленія; только въ послѣднее десятилѣтіе измѣнилось кое-что въ этомъ отношеніи: на это указывали систематическія нападки покойнаго Евгенія Рихтера на соціалъ-демократію, постепенное отреченіе отъ манчестерской доктрины, все большее пониманіе и чутье въ области великихъ національныхъ задачъ. Многое остается еще усвоить либераламъ: умѣнье соблюдать мѣру, трезвый взглядъ на вещи, рѣшимость предпочесть ближайшее и возможное отдаленному и неосуществимому. Нельзя и думать, чтобы изъ настоящихъ выборовъ выросла единая либеральная партія, способная занять мѣсто центра. Но партіи правой, націоналъ-либеральная партія и стоящія лѣвѣе свободомыслящія группы могли бы при сознательныхъ цѣлесообразныхъ усиліяхъ въ избирательной борьбѣ настолько увеличить свою численность, чтобы составить большинство для отдѣльныхъ случаевъ. Рѣзкая противоположность, раздѣлявшая до сихъ поръ правыя партіи отъ буржуазныхъ лѣвыхъ въ хозяйственныхъ вопросахъ, отчасти потеряла значеніе, такъ какъ необходимая таможенная охрана интересовъ земледѣлія обезпечена на десять лѣтъ впередъ. Съ другой стороны, консервативныя партіи и націоналъ-либералы твердо стояли заодно, когда дѣло шло объ общемъ благѣ націи, объ ея единствѣ и могуществѣ. Нація была для нихъ выше партіи; въ этомъ ихъ слава и заслуга. Чѣмъ болѣе будетъ усиливаться въ группахъ лѣвой готовность къ удовлетворенію великихъ національныхъ потребностей въ области колоніальныхъ владѣній, въ дѣлахъ арміи и флота, тѣмъ шире и прочнѣе окажется мостъ, соединяющій ихъ съ консервативными и умѣренно-либеральными партіями. Въ средѣ самого центра національно-настроенные элементы могутъ легче соединяться съ другими умѣренными партіями, когда устранится опасность черно-краснаго большинства, какъ оружія противъ правительства". Канцлеръ видитъ угрозу для будущаго въ этой возможности образованія подавляющей парламентской оппозиціи при участіи соціалъ-демократіи;—послѣдняя пріобрѣтаетъ такимъ образомъ разрушительное вліяніе на общій ходъ государственныхъ дѣлъ, и противъ этого должны единодушно бороться нѣмецкіе патріоты безъ различія направленій. Опасность реакціи, по мнѣнію князя Бюлова, „грозитъ имперіи не справа, какъ полагаютъ нѣкоторые либералы, а напротивъ, только со стороны соціалъ-демократовъ съ ихъ проповѣдью насилія и принужденія, съ ихъ отрицаніемъ понятій начальства, собственности, религіи и отечества. За одичавшимъ гражданиномъ и опьяненнымъ фразами уравнителемъ Робеспьеромъ слѣдовалъ мечъ Бонапарта: онъ долженъ былъ появиться, чтобы избавить французскій народъ отъ террора яко-

бинцевъ и коммунистовъ". „Я работаю съ каждою партіей—говоритъ далѣе канцлеръ,—которая уважаетъ великія національныя точки зрѣнія. Гдѣ эти взгляды не признаются, тамъ прекращается дружба. Никто въ Германіи не желаетъ личнаго управленія. Но значительное большинство нѣмецкаго народа тѣмъ болѣе не желаетъ партійнаго управленія". Сильнѣйшая партія имперскаго сейма состоитъ исключительно изъ католиковъ. Въ программѣ центра значится: „за истину, свободу и право"; въ воззваніи прирейнской группы сказано, что въ основѣ подготовляется новая „культурная борьба" противъ католичества. Канцлеръ рѣшительно протестуетъ противъ такого утвержденія. „Въ равноправной Германіи католическая церковь находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ иныхъ католическихъ странахъ, и ни одинъ изъ представителей союзныхъ правительствъ не думаетъ о томъ, чтобы отмѣнить равноправіе, нарушить свободу совѣсти и стѣснить католическую церковь. Въ приведенныхъ подозрѣніяхъ религія служитъ средствомъ для охраны партійныхъ политическихъ интересовъ". Въ заключеніе канцлеръ обращается противъ соціалъ-демократіи и совѣтуетъ всѣмъ добрымъ нѣмцамъ сплотиться для „борьбы за честь и благо націи противъ соціалъ-демократовъ, поляковъ, вельфовъ (сторонниковъ ганноверской династіи) и центра".

Изъ этихъ заявленій князя Бюлова можно видѣть, что разрывъ его съ партіей центра не имѣетъ принципіальнаго характера и что возстановленіе прежняго „сотрудничества" зависитъ только отъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ парламентской тактикѣ этой партіи; за то относительно либераловъ дѣло доходитъ до явной насмѣшки: имъ предлагается проникнуться общими національными идеями консерваторовъ и дѣйствовать заодно съ послѣдними, „отъ случая до случая", во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики. Другими словами, либеральныя группы должны отказаться отъ самостоятельнаго политическаго существованія и отречься отъ своихъ руководящихъ принциповъ, изъ-за которыхъ они въ теченіе многихъ лѣтъ вели упорную и нерѣдко успѣшную борьбу съ самимъ Бисмаркомъ; и за это политическое самоубійство канцлеръ даже ничего не обѣщаетъ взамѣнъ — ни смягченія таможеннаго покровительства, ни измѣненія реакціоннаго духа въ сферѣ народнаго образованія, ни какихъ бы то ни было уступокъ въ общемъ бюрократическомъ режимѣ. Канцлеръ просто отрицаетъ всякое реальное значеніе нѣмецкаго либерализма и не признаетъ никакого принципіальнаго различія между передовыми прогрессистами и умѣренными консерваторами; это отрицаніе обидѣло даже смиренныхъ либеральныхъ патріотовъ и заставило ихъ съ горечью отказаться отъ суетныхъ надеждъ на правительство. „Прежній курсъ остается неизмѣннымъ", заключаетъ весьма резонно

„Berliner Tageblatt“; но почему онъ долженъ былъ измѣниться? Развѣ нѣмецкіе либералы перестали быть разрозненными и слабыми, и развѣ они проявили въ чемъ-нибудь способность и рѣшимость образовать сильную, крѣпко сплоченную партію? Либеральные публицисты заранѣе предупреждали публику, что нечего и думать о какомъ-либо успѣхѣ либераловъ на выборахъ. „Избирательная борьба — говорилось въ томъ же „Berliner Tageblatt“ въ самый день выборовъ — не представляетъ особенно значительныхъ шансовъ для либерализма. Было бы безразсудно обманывать себя въ этомъ отношеніи. Было бы вдвойнѣ ошибочно ожидать, что эта избирательная борьба дастъ побѣду либераламъ и доставитъ намъ либеральное большинство. Безъ сомнѣнія, либерализмъ будетъ имѣть въ народномъ представительствѣ только меньшинство депутатовъ. Это ожиданіе, несомнѣнно раздѣляемое съ нами сегодня тысячами либеральныхъ людей, не должно, однако, никого удерживать отъ исполненія своего долга“. Съ какимъ чувствомъ могли либералы идти къ избирательнымъ урнамъ при подобныхъ условіяхъ? Люди, заранѣе ожидающіе пораженія, не станутъ бодро стремиться въ бой; они сами готовятъ себѣ неудачу своимъ малодушіемъ, отсутствіемъ вѣры въ свое дѣло и въ возможность его успѣха. Политическая партія, дошедшая до такого нравственнаго состоянія, дѣйствительно теряетъ право на самостоятельное существованіе и должна поневолѣ уступить мѣсто болѣе жизненнымъ и энергическимъ организаціямъ. Сознательные и настойчивые прогрессисты имѣютъ предъ собою очень много работы въ Германіи, и было бы слишкомъ легкомысленно предполагать, что упадокъ старыхъ либеральныхъ партій зависитъ отъ слабости прогрессивныхъ идей и стремленій въ нѣмецкомъ обществѣ. Нѣтъ только талантливыхъ и авторитетныхъ вождей, способныхъ сплотить воедино разрозненные прогрессивные элементы; многіе передовые дѣятели ушли въ соціалъ-демократію, и великія соціальныя задачи оттѣснили на задній планъ вопросы о политическихъ реформахъ.

Въ застольной рѣчи, произнесенной 19-го января (нов. ст.) на банкетѣ колоніальнаго комитета, князь Бюловъ дополнилъ и развилъ нѣкоторыя мысли своего перваго избирательнаго „манифеста“, и между прочимъ остановился на щекотливомъ вопросѣ о правительственной роли императора. „Говорятъ, что нужно бороться противъ личнаго режима и предотвратить опасность абсолютизма. Такой опасности на дѣлѣ не существуетъ, — категорически заявляетъ канцлеръ, — и она не можетъ существовать при союзной имперской конституціи. Нашъ императоръ не думаетъ присвоивать себѣ права, не принадлежащія ему по имперскимъ конституціоннымъ законамъ. И при роспускѣ имперскаго сейма онъ ничего другого не сдѣлалъ, какъ только одобрилъ

совѣтъ имперскаго канцлера и предложеніе союзнаго совѣта примѣнить въ данномъ случаѣ установленное конституціею право. Мы не живемъ уже во времена великаго курфюрста и великаго короля, которые изъ своего кабинета распоряжались дѣлами монархіи. Князь Бисмаркъ назвалъ однажды актомъ самой подлой трусости (niedrigster Feigheit), если министръ старается свою отвѣтственность прикрыть отвѣтственностью короля. Съ перваго дня моего вступленія въ должность эти слова постоянно находились у меня въ умѣ. Интересы короны, такъ же какъ и интересы страны, требуютъ поддержанія полной отвѣтственности и вмѣстѣ съ тѣмъ авторитета имперскаго канцлера, а въ Пруссіи—министровъ, которые, правда, служатъ органами короны, но тѣмъ не менѣе одинаково уполномочены, какъ и обязаны руководствоваться своею собственною иниціативою". Полезно имѣть въ виду эти замѣчанія князя Бюлова тѣмъ изъ нашихъ публицистовъ, которые возстаютъ противъ отвѣтственности министровъ, какъ неразрывно связанной будто бы съ одностороннимъ господствомъ парламентаризма, и ссылаются, въ подтвержденіе своего взгляда, на Пруссію. Въ словахъ германскаго канцлера поучительна и другая черта—совершенное отсутствіе какого бы то ни было оттѣнка льстивой угодливости при упоминаніи о правахъ и обязанностяхъ монарха. Князь Бюловъ разсуждаетъ въ этомъ случаѣ не какъ „слуга" и царедворецъ, а какъ государственный человѣкъ,—въ отличіе отъ обычнаго унизительнаго холопскаго тона, считаемаго почему-то обязательнымъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Общіе результаты выборовъ 25-го января далеко не оправдали предположеній германскаго канцлера и оказались совершенно неожиданными для отдѣльныхъ партій: центръ сохранилъ почти всѣ свои позиціи и имѣлъ шансы еще увеличить свою прежнюю численность во время предстоявшихъ перебаллотировокъ; „свободомыслящіе" либералы, предвидѣвшіе полную неудачу, были озадачены неожиданнымъ успѣхомъ, причемъ сразу пріобрѣли пять новыхъ депутатскихъ мѣстъ; консерваторы выиграли также пять мѣстъ, поляки—два, вельфы или ганноверцы, имѣвшіе еще трехъ представителей въ послѣднемъ имперскомъ сеймѣ, совсѣмъ исчезли изъ парламента, а главный ударъ нанесенъ былъ соціалъ-демократамъ, потерявшимъ сразу девятнадцать мѣстъ. Правительству не удалось достигнуть ослабленія партіи центра; напротивъ, партія выйдетъ изъ выборовъ окрѣпшею, съ обновленными, свѣжими силами, и князю Бюлову придется по прежнему серьезно считаться съ нею и даже искать въ ней опору въ извѣстныхъ случаяхъ; зато пораженіе соціалъ-демократіи составляетъ крупное торжество для канцлера, а приростъ числа прогрессивныхъ депутатовъ уменьшаетъ исключительную зависимость отъ католиче-

скаго центра, позволяя разсчитывать на двойное большинство, смотря по обстоятельствамъ,—консервативно-либеральное противъ центра и соціалъ-демократіи, и консервативно-клерикальное противъ либераловъ и соціалистовъ. Въ высшей степени пріятно для правительства исчезновеніе вельфовъ, но поляки останутся, вѣроятно, въ прежнемъ числѣ.

Особенно поразилъ нѣмецкую публику видимый разгромъ соціалъ-демократіи, такъ какъ всѣ привыкли считать послѣдовательное увеличеніе ея состава чѣмъ-то стихійнымъ, неминуемымъ при каждыхъ выборахъ. Въ послѣднемъ нашемъ обозрѣніи мы также высказали увѣренность, что соціалисты не потерпятъ ущерба въ избирательной борьбѣ; мы ошиблись вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ самихъ нѣмцевъ, и эта ошибка объясняется прежде всего невозможностью предвидѣть грубые тактическіе пріемы и странныя увлеченія соціалъ-демократіи во время предвыборной агитаціи. Партія обнаружила политическую безпринципность уже въ томъ, что дѣйствовала заодно съ реакціоннымъ клерикальнымъ центромъ противъ либераловъ и прогрессистовъ; она допускала отдѣльныя мѣстныя соглашенія съ врагами либерализма, подъ предлогомъ борьбы съ буржуазіею, и этимъ смущала и отталкивала людей, примкнувшихъ къ соціализму безъ слѣпой сектантской вѣры, но съ искреннимъ убѣжденіемъ въ его благотворной реформаторской миссіи. Такихъ послѣдователей соціалъ-демократіи, свободныхъ отъ узкаго догматизма, появилось очень много послѣ публичнаго раскола между марксистами, подъ вліяніемъ свободной критики Бернштейна и его единомышленниковъ; успѣхи этого ревизіонистскаго теченія отчасти и выразились въ увеличеніи числа избирателей-соціалистовъ на выборахъ 1903 года. Позднѣе, однако, возстановлено было въ партійной организаціи одностороннее господство правовѣрнаго марксизма, за которымъ не могли слѣдовать массы вновь присоединившихся приверженцевъ „бернштейніанства“; отпаденію многихъ категорій рабочихъ способствовалъ и недавній разладъ между партіею и профессіональными рабочими союзами. Необыкновенная самоувѣренность, крайняя нетерпимость, раздражающій полемическій тонъ и прямолинейное сектантское доктринерство руководителей соціалъ-демократіи, очевидно, перестали привлекать къ ней народныя симпатіи, а безплодная многолѣтняя словесная борьба противъ буржуазіи и капитализма вызывала сомнѣнія не только въ цѣлесообразности партійной тактики, но и въ основательности соціалъ-демократическихъ принциповъ. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ соціалъ-демократы, сдѣлавшись уже сильною парламентскою партіею, не предпринимали ни одного серьезнаго шага для пользы трудящагося населенія, не выработали никакой системы положительныхъ соціальныхъ

реформъ для рабочаго класса, а продолжали упорно толковать о будущемъ золотомъ вѣкѣ пролетарскаго владычества, который яко-бы наступитъ самъ собою въ силу непреложныхъ законовъ историческаго развитія. Для такого неопредѣленнаго ожиданія будущаго господства казалась излишнею творческая законодательная работа въ настоящемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ теряло практическій смыслъ существованіе многочисленной парламентской партіи, стоящей въ сторонѣ отъ текущихъ задачъ и вопросовъ. Въ рабочемъ классѣ могло постепенно возникнуть охлажденіе къ проповѣдникамъ подобнаго пассивнаго выжидающаго соціализма, а безцеремонные способы дѣйствій вождей подрывали самыя основы популярности партіи въ народѣ. Искренніе соціалъ-демократы изъ рабочихъ никакъ не поймутъ, почему ихъ парламентскіе представители являются солидарными съ худшими дѣятелями реакціи, и никогда не повѣрятъ, что это нужно для успѣха борьбы съ либеральною буржуазіею или для подрыва авторитета правительства. Рабочіе не могутъ не сознавать, что буржуазія и капитализмъ процвѣтаютъ и что это процвѣтаніе ростетъ и усиливается съ каждымъ годомъ, вопреки всѣмъ неустаннымъ нападкамъ соціалъ-демократической печати, и каждый невольно ставитъ себѣ вопросъ: какую реальную пользу приноситъ рабочимъ могущественная партійная организація соціалъ-демократіи при настоящемъ характерѣ ея программы и дѣятельности? Эти и подобныя имъ сомнѣнія и разочарованія, вѣроятно, побудили многихъ рабочихъ отдать свои голоса болѣе активнымъ передовымъ прогрессистамъ, которые главнымъ образомъ и выиграли отъ неудачи соціалъ-демократовъ. Впрочемъ, о дѣйствительномъ размѣрѣ этихъ неудачъ судить пока еще трудно: въ Берлинѣ партія сохранила еще прежнее преобладающее положеніе; въ пяти столичныхъ избирательныхъ округахъ избраны соціалисты, точно такъ же какъ и въ Шарлоттенбургѣ; только въ одномъ округѣ предстоитъ перебаллотировка между прогрессистомъ Кемпфомъ и соціалистомъ Аронсомъ. Окончательный результатъ выяснится лишь послѣ всѣхъ перебаллотировокъ, которыхъ осталось еще около 160.

Въ Австріи доведена до благополучнаго конца весьма важная конституціонная реформа: 21-го января (нов. ст.) австрійская палата господъ приняла въ третьемъ чтеніи, безъ всякихъ перемѣнъ, новый избирательный законъ для выборовъ въ парламентъ. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ усилій и пререканій, принципъ всеобщаго избирательнаго права дѣлается основой политической жизни въ странѣ, гдѣ до сихъ поръ господствовали крайне сложныя и запутанныя отношенія между различными разрядами привилегированныхъ и непри-

вилегированныхъ избирателей. Палата господъ въ свою очередь обезпечила себя отъ произвольнаго увеличенія ея состава со стороны короны, которая отнынѣ лишается права назначать новыхъ членовъ сверхъ установленнаго комплекта; только послѣ этой уступки, возвышающей авторитетъ и самостоятельность верхней палаты, послѣдняя выразила свое формальное согласіе на предложенное преобразованіе системы выборовъ въ нижнюю палату. Компромиссъ, достигнутый министерствомъ барона Бека, приведетъ, безъ сомнѣнія, къ обновленію австрійскаго политическаго быта и положитъ конецъ тѣмъ хроническимъ неурядицамъ и кризисамъ, которые исключали возможность правильнаго дѣйствія парламентаризма въ Австріи.

Устарѣлыя особенности политическаго строя австрійской монархіи, въ связи съ традиціонною первенствующею ролью вѣнскаго двора, получили очень яркое и своеобразное освѣщеніе въ недавнемъ инцидентѣ съ венгерскимъ министромъ юстиціи Полоньи. Оказывается, что правительственный кризисъ, тяготѣвшій надъ Венгріею до образованія нынѣшняго министерства Векерле-Кошута, былъ улаженъ при закулисномъ содѣйствіи нѣкоей вѣнской баронессы съ сомнительнымъ прошлымъ, поддерживающей близкія связи съ высокими особами вѣнскаго двора; эта баронесса легко достигла того, что̀ представлялось недоступнымъ для политическихъ дѣятелей Венгріи, и благодаря участію одного изъ дружественныхъ съ нею эрцгерцоговъ могъ состояться пріемъ Франца Кошута императоромъ Францемъ-Іосифомъ. Дѣло обнаружилось теперь только потому, что баронесса обратилась къ венгерскому правительству съ требованіемъ вознагражденія въ пятьдесятъ тысячъ кронъ, которое будто бы было обѣщано ей нынѣшнимъ министромъ юстиціи, Полоньи. Министръ сознался, что дѣйствительно пользовался услугами баронессы для скорѣйшаго достиженія нужнаго результата и что объ этомъ зналъ также его коллега, графъ Аппоньи. По поводу этого непріятнаго разоблаченія произошелъ даже частичный министерскій кризисъ, вслѣдствіе выхода въ отставку министра Полоньи. Такимъ образомъ исключительныя прерогативы монарха, которымъ придаютъ такое важное принципіальное значеніе приверженцы самодержавія, могутъ служить орудіемъ или игрушкою въ рукахъ не только придворныхъ сановниковъ, но и случайныхъ сомнительныхъ личностей, — даже въ такомъ высоко-культурномъ государствѣ, какъ Австрія.

Персидскій шахъ Музаффереддинъ скончался 8-го января (нов. ст.) въ Тегеранѣ, оставивъ въ наслѣдство своему сыну и преемнику не только персидскій тронъ, но и персидскую конституцію.

Говорятъ, что мысль о крупныхъ политическихъ реформахъ возникла у него впервые послѣ катастрофы, постигшей его отца, шаха Насреддина, въ 1896 году. Но это предположеніе не соотвѣтствуетъ дальнѣйшимъ его дѣйствіямъ, возбуждавшимъ сильное неудовольствіе даже среди покорныхъ обывателей Персіи. Довѣренные его фавориты, по обыкновенію, разоряли народъ и по-своему распоряжались государствомъ отъ имени всемогущаго „царя царей"; наконецъ, лѣтомъ прошлаго года безпорядки и волненія дошли до того, что шахъ рѣшилъ смѣнить визиря и созвать почетныхъ жителей для совѣщанія о нуждахъ страны. Обнародована была конституція, и въ сентябрѣ произведены были выборы въ первый персидскій парламентъ, который открылъ свои засѣданія 12-го октября, въ присутствіи самого шаха, при восторженныхъ привѣтствіяхъ населенія. Новый шахъ, Мохамедъ Али-Мирза, подтвердилъ новые конституціонные законы, и насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, наиболѣе вліятельная часть персидскаго народа очень дорожитъ пріобрѣтенными правами и относится къ нимъ вполнѣ сознательно.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Hermann Bahr. Ringelspiel, in drei Akten. Berlin, 1907. (S. Fischer, Verlag).

Германъ Баръ имѣетъ особенное свойство, которому онъ главнымъ образомъ обязанъ успѣхомъ у публики. При отсутствіи оригинальнаго и глубокаго мышленія, онъ умѣетъ однако популяризировать идеи, которыя въ данный моментъ интересуютъ утонченно-культурныхъ людей. Благодаря этому, онъ внѣшнимъ образомъ примыкаетъ къ передовой литературѣ, къ искателямъ философскаго смысла жизни,—между тѣмъ какъ по существу онъ только ищетъ эффектныхъ сюжетовъ и старается использовать для этого разнаго рода „новыя идеи". Его драмы и комедіи очень разнообразны по замыслу; онѣ или превозносятъ законъ личной свободы превыше старыхъ принциповъ нравственности, или же пессимистически развѣнчиваютъ пустоту легкомысленныхъ женщинъ, играющихъ чувствомъ любви. Это разнообразіе дѣлаетъ Бара не идеологомъ новой нравственности, — какимъ онъ, очевидно, хотѣлъ бы быть,—а только виртуозомъ, разыгрывающимъ, иногда очень искусно, варіаціи на темы о новой и старой нравственности.

Наиболѣе виртуозна его драма о свободѣ духа, уничтожающей даже такое исконное чувство, какъ ревность, и дѣлающей человѣка необыкновенно сильнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безконечно одинокимъ. Эта его драма—„Мастеръ" („Der Meister"), имѣвшая очень большой успѣхъ въ Германіи, а также и на русскихъ сценахъ. По-русски она шла въ нѣсколькихъ переводахъ на столичныхъ и провинціальныхъ сценахъ: при существующемъ у насъ интересѣ къ вопросамъ совѣсти, къ индивидуальному внутреннему разрѣшенію душевныхъ драмъ, этотъ успѣхъ вполнѣ понятенъ. Такой же апологіей свободной совѣсти была другая драма Бара на общественную тему—его „Министръ", въ которой онъ противополагаетъ и въ общественной дѣятельности чуткую совѣсть партійнымъ интересамъ.

Съ тѣхъ поръ Баръ обратился къ другимъ темамъ, болѣе пессимистическимъ. Вмѣсто смѣлыхъ и свободныхъ созидателей новой нравственности, онъ сталъ выводить на сцену разочарованныхъ резонеровъ, которые видятъ въ жизни только игру, въ которой равны всѣ побужденія и всѣ желанія, добрыя и злыя. Нравственный судъ от-

вергается въ этихъ пьесахъ даже по отношенію къ явно уродливымъ явленіямъ жизни, но творческую свободу замѣняетъ почти циничное равнодушіе. Такая метаморфоза міросозерцанія въ данномъ случаѣ объясняется тѣмъ, что Баръ только виртуозъ, и всѣ современныя темы для него одинаковы.

Пессимистически задумана одна изъ его послѣднихъ пьесъ, „Занна", въ которой рисуется нравственное разложеніе большого общественнаго круга. Въ томъ же духѣ и его новая пьеса „Хороводъ" (Ringelspiel). Она принадлежитъ къ разряду идейныхъ пьесъ, такъ какъ въ ней проповѣдуется опредѣленная философія жизни. Глубокаго захвата въ этой пьесѣ нѣтъ; основная идея состоитъ въ пессимистическомъ равнодушіи ко всѣмъ устоямъ нравственности,—а это достаточно использованный въ литературѣ мотивъ. Но, какъ варіація на старую тему, пьеса представляетъ интересъ—въ ней есть своеобразные оттѣнки пессимизма, красиво воплощенные въ нѣсколькихъ любопытныхъ фигурахъ, и самое дѣйствіе изобилуетъ сценическими эффектами.

Идейный герой пьесы „Ringelspiel"—старикъ Кингъ, шестидесятилѣтній милліонеръ, нажившій свое состояніе изобрѣтеніемъ газовой горѣлки. Это—прежде всего человѣкъ съ огромной энергіей и жадностью къ жизни. Жить значило для него преодолѣвать трудности, ощущать свою силу. Когда онъ заболѣлъ, и ему пришлось долго лежать въ постели, онъ за это время изучилъ русскій языкъ — только потому, что онъ — самый трудный. И вотъ, когда онъ нажилъ милліоны только своей личной иниціативой, и передъ нимъ открылась возможность владѣть всѣми благами жизни, онъ опасно заболѣлъ. Ему сдѣлали трудную операцію, „всего распороли", какъ онъ саркастически выражается, говоря объ этомъ; доктора были увѣрены, что онъ долженъ умереть,—и все-таки онъ выздоровѣлъ. Но послѣ этого кризиса его отношеніе къ жизни перемѣнилось, и онъ выработалъ себѣ философію, отъ которой уже не отступаетъ. Онъ понялъ—для себя, что единственно важное—смерть. „Мы принадлежимъ смерти, исходимъ изъ смерти, возвращаемся въ смерть. Тамъ мы дома", говоритъ онъ. Жизнь кажется ему только „антрактомъ", только „временнымъ отпускомъ" въ чуждую страну жизни. Когда люди пожили, набрались силъ, ихъ опять призываютъ обратно, „къ истинному дѣлу, къ смерти". Укрѣпившись на этой позиціи, старикъ Кингъ смотритъ на жизнь какъ на хороводъ, въ которомъ люди кружатся „пока". Правъ тотъ, кто въ жизни только играетъ, кто этимъ самымъ вѣренъ назначенію жизни. Смѣшны тѣ, которые ищутъ правды и смысла въ самой жизни. „Смысла жизни нѣтъ",—возражаетъ Кингъ глупому и мнящему себя глубокомысленнымъ человѣку, котораго онъ вышучи-

ваетъ за его серьезное отношеніе къ жизни, къ любви, вѣрности и т. д.—„Смысла жизни нѣтъ, почтеннѣйшій. Кое-что вы контрабандой перетаскиваете черезъ границу, приносите съ собой изъ смерти. Но это все—глупости. Здѣсь все это не имѣетъ цѣны. Истина... и все такое... все это для васъ лишнее. Тамъ все узнаете. Зачѣмъ спѣшить?“

Конечно, эта теорія „жизни сквозь призму смерти“ ничего оригинальнаго не представляетъ; это только варіантъ прежнихъ пессимистическихъ ученій, а также отголосокъ нео-буддизма, очень моднаго теперь въ западной Европѣ. Но Баръ умѣетъ очень нарядно и убѣдительно воплощать модныя теоріи: его Кингъ во всякомъ случаѣ изображенъ любопытно и искусно поднятъ на высоту: при свѣтѣ его циничнаго равнодушія къ жизни, его презрѣнія къ добродѣтельнымъ и порочнымъ, къ легкомысленнымъ и серьезно живущимъ людямъ, всѣ другіе съ ихъ мнимыми душевными драмами кажутся мелкими и слѣпыми существами. Въ жизненной философіи Кинга есть еще одинъ существенный мотивъ. Онъ не судитъ людей, потому что не вѣритъ въ цѣлостность человѣческой индивидуальности. Человѣкъ въ жизни постоянно мѣняется, а нѣкоторые люди постоянно „въ стиркѣ“, какъ онъ выражается на своемъ намѣренно-циничномъ языкѣ. Они представляютъ собой вѣчно двигающуюся процессію множества людей, т.-е. всѣхъ своихъ предковъ, изъ которыхъ нужно хоть быстро раздѣлаться съ каждымъ въ отдѣльности, прежде чѣмъ, наконецъ, придешь къ самому себѣ. Человѣкъ не отвѣтственъ въ каждую данную минуту за свои прежніе поступки и мысли. Въ немъ говоритъ его дѣдъ, или еще прадѣдъ“. Кингъ поэтому не споритъ съ людьми: можетъ быть, человѣкъ, который съ нимъ споритъ, еще не „завершилъ маршъ“, не пришелъ къ себѣ; зачѣмъ же спорить съ его предками?

Эти взгляды опредѣляютъ всѣ отношенія Кинга въ жизни. Когда люди, любящіе жизнь, стараются опровергнуть его, чтобы спасти для себя радость ея, онъ цинично объясняетъ имъ превосходство своихъ убѣжденій, пріобрѣтенныхъ близкимъ соприкосновеніемъ со смертью. „Я ничего не боюсь“, говоритъ онъ когда его предостерегаютъ отъ искренности молодой женщины, которая можетъ наговорить ему непріятностей. „Мертвые ничего не боятся. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, три профессора медицинскаго факультета, присяжные эксперты по вопросу о смерти, объявили, что мнѣ осталось жить не болѣе семи мѣсяцевъ. Уже одиннадцать лѣтъ я по законамъ науки умеръ. Только по какой-то ошибкѣ, по халатности природы, меня еще не прибрали... я знаю, что науку должно чтить: я позволяю себѣ поэтому жить на свѣтѣ только инкогнито, неоффиціально“.

Передъ этимъ старикомъ, познавшимъ жизнь изъ близости смерти, развертывается „хороводъ жизни“ — не безъ его участія. Онъ одо-

бряетъ только вѣтренныхъ, веселыхъ людей и смѣется надъ глубокомысленными. И тѣ, и другіе участвуютъ въ событіяхъ, которыя разыгрываются на глазахъ Кинга. Дѣйствующія лица этихъ событій—сорокалѣтній Юліусъ Эггерсъ, его жена, хорошенькая вѣнка Францль, и его подруга Руна. Юліусъ давно разошелся съ женой, предоставляетъ ей вести легкомысленный образъ жизни, вѣчно увлекаться, влюбляться; но онъ связанъ съ нею какимъ-то сложнымъ чувствомъ дружбы, и въ то же время не можетъ не считать себя до нѣкоторой степени хозяиномъ ея жизни: каждый серьезный претендентъ на сердце и руку Францль встрѣчаетъ въ немъ непобѣдимаго врага. Юліусъ даже возмущается притязаніями постороннихъ по отношенію къ женщинѣ, которой онъ, однако, предоставилъ полную свободу,—взявъ эту свободу для себя. Онъ горячо любитъ Руну, они всегда вмѣстѣ, объ ихъ связи Францль знаетъ и относится вполнѣ доброжелательно къ подругѣ своего мужа. При этомъ она требуетъ, чтобы Юліусъ ей ежедневно писалъ письма,—что онъ свято исполняетъ. Въ ихъ отношеніяхъ перепутываются самые противорѣчивые мотивы, и добровольно предоставленная ими другъ другу свобода сочетается все-таки съ совершенно противоположными чувствами. Этого не понимаетъ Руна. Она любитъ Юліуса нераздѣльной страстью, не понимаетъ его отношеній къ женѣ, иногда слѣпо страдаетъ отъ нихъ, но покоряется объясненіямъ своего друга, увѣренная въ его любви къ себѣ. Пока Францль вдали, эти сложныя отношенія улаживаются безъ всякихъ треній. Но вдругъ взбалмошная Францль пріѣзжаетъ къ мужу и Рунѣ, и все запутываетъ въ капризную игру своихъ чувствъ и настроеній. Она пріѣзжаетъ для важнаго дѣла. Одинъ изъ ея поклонниковъ, глубокомысленно-глупый авторъ вздорной философской книги, принялъ въ серьезъ ея легкомысленный флиртъ, „повѣрилъ въ ея любовь“ и серьезно хочетъ на ней жениться. Съ этой цѣлью онъ, „какъ честный человѣкъ“, является къ Юліусу и, объявляя ему о своихъ намѣреніяхъ, говоритъ о разводѣ. Юліусъ прежде всего возмущенъ, взбѣшенъ — къ изумленію Руны, которая ничего не понимаетъ, и очень страдаетъ, принимая его возмущеніе за ревность. Вслѣдъ за Гаральдомъ является и Францль — неожиданно, раньше, чѣмъ ее ждутъ по ея же телеграммѣ, и тутъ начинается полный бредъ. Она вполнѣ признаетъ права Руны, прежде всего обращаетъ свою неистовую—всегда искреннюю и всегда капризную—любовь на нее, восхищается ея красотой, благодаритъ мужа за хорошій выборъ подруги, за то, что онъ не оскорбилъ жену дурнымъ вкусомъ въ выборѣ ея преемницы,—благодаритъ Руну за то, что она, повидимому, даетъ счастье ея мужу, и все-таки относится къ Юліусу, какъ къ своей неотъемлемой собственности. Она спѣшитъ успокоить

его, объясняетъ, что и не думала выходить замужъ за Гаральда. При этомъ она восторгается Гаральдомъ, говоритъ, что сильно влюблена въ него,—хотя и не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться. Чувствуется, что всѣ ея противорѣчивыя чувства искренни и всѣ ничего не стоятъ. Для Руны это все мучительная драма; Юліусъ тоже страдаетъ отъ противорѣчій и въ себѣ, и въ женѣ;—все ясно только для одного Кинга. Въ жизни нѣтъ смысла, есть только „хороводъ", нужно провести время, „пока". Изъ всѣхъ окружающихъ онъ одобряетъ только Франціь, которая вѣрна этому назначенію людей. Развязка психологическаго узла, запутаннаго Франціь,—такая же капризная и неожиданная, какъ все, что она дѣлаетъ. Среди препирательствъ о томъ, какъ поступить съ Гаральдомъ, Франціь вдругъ видитъ красавца Джигіо, гондольера (дѣйствіе происходитъ въ Венеціи), увлекающаго дамъ своимъ пѣніемъ, забываетъ и про Гаральда, и про мужа, и объявляетъ, что это увлеченіе наконецъ настоящее. Она оставляетъ всѣхъ и ѣдетъ кататься съ нимъ въ гондолѣ. Юліусъ и Руна остаются со своей любовью, со всей сложностью своихъ чувствъ (Юліусъ все-таки радъ, что Франціь не досталась Гаральду, а увлеченія гондольеромъ онъ не боится), т.-е., по философіи Кинга, кружатся въ безсмысленномъ хороводѣ жизни. Самъ Кингъ старается сдѣлать для себя этотъ хороводъ жизни какъ можно болѣе пріятнымъ, чего и достигаетъ, освободившись въ своей жизни отъ всякихъ серьезныхъ чувствъ. У него тоже есть подруга, молоденькая красавица Доменика. Онъ ее балуетъ, исполняетъ всѣ ея капризы, даетъ ей всѣ наряды, которые ее прельщаютъ,—но запрещаетъ ей даже говорить, что она его любитъ. Любовь—это въ серьезъ, этого онъ не хочетъ, этому онъ не вѣритъ. А Доменика его любитъ, и долго страдаетъ, пока наконецъ не проникается его мрачной теоріей радости жизни. Кингъ сидитъ на берегу моря, окружая себя дѣтьми, и наблюдая въ нихъ всѣ человѣческія слабости въ зародышѣ;—потомъ онъ остается смотрѣть на балъ, устроенный на берегу, и любуется красивыми дѣвушками, которыя ведутъ хороводъ. Самой красивой, сестрѣ красавца Джигіо, онъ шлетъ воздушный поцѣлуй. Доменика, внѣ себя отъ ревности, бросается на Сильвію съ кинжаломъ, но Кингъ удерживаетъ ее, и только спокойно-поучительнымъ тономъ говоритъ ей, что „такъ не принято". Несчастная Сильвія покоряется, наконецъ, его „философіи", простоявъ нѣсколько времени неподвижно; она оживаетъ при звукахъ музыки, когда хороводъ танцующихъ дѣвушекъ снова приближается къ ней, и со смѣхомъ вступаетъ въ него.

Такъ заканчивается пьеса, выводящая радость изъ познанія закона смерти.

II.

Emile Zola, von Michael-Georg Conrad. 1906.

Монографія о жизни и произведеніяхъ Зола написана однимъ изъ наиболѣе близко знавшихъ его въ Германіи, какъ писателя, и знавшихъ лично, а именно—Михаиломъ-Георгомъ Конрадомъ, который въ свое время былъ пылкимъ и воинственнымъ апостоломъ натурализма въ Германіи. Натурализмъ теперь уже отошелъ въ прошлое,—въ исторію литературы, исполнивъ свою миссію, и въ настоящее время трудно найти такого горячаго апологета натурализма и его главы, Зола, какимъ выступаетъ Конрадъ въ своемъ очеркѣ. Его книга читается съ большимъ интересомъ,—какъ все, написанное съ искреннимъ увлеченіемъ. Пора отбросить устарѣлое представленіе о критикѣ, какъ о строгомъ судѣ. „Критиковать“ въ жизненномъ значеніи этого слова—значитъ находить ошибки, осуждать, но въ литературѣ наиболѣе цѣнно разъясненіе, проникновеніе критика въ литературныя явленія, освѣщеніе ихъ. А если критикъ и нападаетъ, то въ сущности только для того, чтобы опять-таки освѣтить, показать значеніе, красоту или глубину какой-нибудь высшей идеи, противъ которой погрѣшилъ разбираемый имъ писатель. Чистое отрицаніе не можетъ быть плодотворнымъ,—и настоящее литературное значеніе имѣютъ тѣ критическія произведенія, въ которыхъ разъяснено крупное художественное явленіе.

Въ силу этого принципа маленькая книжка Конрада о Зола имѣетъ, можетъ быть больше значенія, чѣмъ добросовѣстное изслѣдованіе всѣхъ—столь очевидныхъ уже теперь слабостей и недостатковъ автора „Ругонъ Макаровъ“. Въ настоящее время натурализмъ—пройденная ступень, исчерпанный принципъ искусства. Онъ вошелъ во всѣ дальнѣйшія начинанія въ художественномъ творчествѣ, и возвращаться къ нему нечего. Но если изучать его, какъ цѣнное прошлое, какъ источникъ дальнѣйшаго, то нужно воспринимать его въ его атмосферѣ,—и это дѣлаетъ Конрадъ. Поэтому его очеркъ необыкновенно живой и ярко передаетъ индивидуальность Зола.

Книжка Конрада въ значительной степени составлена изъ личныхъ воспоминаній о бесѣдахъ съ Зола и только дополнена краткой передачей позднѣйшихъ фактовъ его литературной жизни. Въ краткомъ предисловіи Конрадъ именно указываетъ на историческую роль натурализма: „Всякій здоровый идеализмъ исходитъ изъ натурализма“,—говоритъ онъ, указывая на необходимость связи всего духовнаго съ

живой природой, съ дѣйствительностью. Не пройдя черезъ школу натурализма, современный идеализмъ впалъ бы въ отвлеченность средневѣковья, утверждаетъ Конрадъ,—и съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться. Въ Золà онъ прославляетъ его мощную индивидуальность, его разрушительную силу въ борьбѣ съ толпой, т.-е. со всѣми традиціонными устоями. Сильная индивидуальность, дѣйствительно, составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ Золà, но едва-ли это качество можно поставить въ активъ натурализму. Напротивъ того, натурализмъ скорѣе требуетъ отъ писателя объективности, исчезновенія своего „я“ въ творчествѣ, и въ этомъ смыслѣ уже Мопассанъ—болѣе послѣдовательный натуралистъ, чѣмъ Золà. Но Конрадъ менѣе всего занятъ въ своей книгѣ теоретическими разсужденіями. Онъ хочетъ возсоздать личность писателя со всѣмъ тѣмъ обаяніемъ, какое эта личность имѣла на него. И онъ отмѣчаетъ прежде всего въ Золà то, что̀ его дѣлало романтикомъ, а не натуралистомъ, его сильную индивидуальность.

Конрадъ разсказываетъ о своихъ бесѣдахъ съ Золà. Первая встрѣча съ нимъ относится къ 1878 году. Конрадъ жилъ въ Парижѣ до 1882 и часто бесѣдовалъ съ Золà на литературныя темы. Любопытно, что первый разговоръ, который приводитъ Конрадъ, относится къ тому, что̀ составляетъ основную черту творчества Золя, его пафосъ. Золà сейчасъ же заговорилъ со своимъ гостемъ о ненависти, и сталъ читать ему отдѣльныя страницы изъ своей любимой книги. Въ приведенныхъ имъ отрывкахъ говорилось, что ненавидѣть значитъ любить, значитъ отвергать все низкое и уродливое, уединяться, избѣгая прикосновеній со всѣмъ, что̀ оскорбляетъ справедливость и истину. „Если я чего-нибудь стою,—читалъ онъ,—то только потому, что я одинокъ, и потому, что во мнѣ горитъ ненависть... Я ненавижу людей, замыкающихся въ мелкихъ личныхъ интересахъ, боящихся свѣта, воздвигающихъ кумиры на алтарѣ, на которомъ приносится въ жертву истина... Я ненавижу филистеровъ, педантовъ и глупцовъ, которые отвергаютъ радость жизни, которые живутъ въ настоящемъ съ законами прошлаго, и хотятъ выдать правду вчерашняго дня за правду сегодняшнюю“.

Конрадъ разсказываетъ, что онъ остановилъ дальнѣйшее чтеніе отрывковъ, назвавъ книгу, изъ которой Золà все это вычитывалъ, т.-е. „Mes haines“. Онъ тутъ же сказалъ Золà, что знаетъ каждую написанную имъ строчку и высоко цѣнитъ художественное и идейное значеніе его произведеній. Этотъ разговоръ очень характеренъ. Золà заговорилъ сейчасъ о томъ, что̀ его больше всего волновало—о своемъ гнѣвѣ. Тогда гнѣвъ этотъ имѣлъ помимо всего личный характеръ—Золà былъ обозленъ критикой, и по словамъ, которыя приводитъ

Конрадъ, его даже не утѣшалъ успѣхъ на книжномъ рынкѣ. Онъ былъ поглощенъ своей полемикой противъ защитниковъ традицій, и въ вопросахъ искусства, и въ пониманіи нравственности. Тогда его возмущала политика; онъ горѣлъ чистыми интересами искусства. Но эта нота, такъ сильно прозвучавшая въ бесѣдѣ съ нѣмецкимъ его поклонникомъ, все усиливалась и въ его творчествѣ, и въ его позднѣйшей общественной дѣятельности. Всѣ его романы были воодушевлены гнѣвомъ, ненавистью противъ разлагающагося буржуазнаго общества, — и какимъ органическимъ завершеніемъ этой воинственной писательской дѣятельности явилось его пламенное „J'accuse", брошенное въ лицо оффиціальной Франціи! Именно писатели его поколѣнія, и его предшественникъ Флоберъ, и Гонкуры, и Мопассанъ брезгливо чуждались общественныхъ интересовъ, замыкались въ своемъ творческомъ уединеніи. Но Зола съ его темпераментомъ бойца вышелъ изъ рамокъ литературной школы, и—наперекоръ столь прославляемому имъ научному натурализму—отдалъ „темпераменту", живому отношенію къ жизни, большую дань, чѣмъ полагалось по его теоріямъ.

Конрадъ излагаетъ въ своей книгѣ до нѣкоторой степени исторію литературной славы Зола, указываетъ на разные этапы его ростущей популярности. Онъ являлся къ Зола съ разсказами о нападкахъ на него въ Германіи, говорилъ ему и о борьбѣ за натурализмъ молодой школы, къ которой принадлежалъ онъ самъ, и обрадовалъ его однажды, принеся отчетъ о лекціи профессора Франческо де Санктисъ въ Неаполѣ. Лекція заключалась въ подробномъ разборѣ „Assomoir", поставленномъ на сценѣ въ то время въ Неаполѣ. Профессоръ разъяснялъ значеніе реалистическаго изображенія порока и грязи, объясняя, что такое изображеніе преслѣдуетъ вѣрнѣе нравственныя цѣли, чѣмъ лживая идеализація. Онъ очень искусно доказывалъ правоту Зола, указывая на условія жизни народныхъ массъ въ Неаполѣ. Зола внимательно прослушалъ точное изложеніе лекціи—въ переводѣ Конрада на французскій,—и она, видимо, произвела на него бодрящее впечатлѣніе. Когда чтеніе кончилось, Зола сидѣлъ еще нѣсколько минутъ въ креслѣ, погруженный въ раздумье, потомъ поднялся и сказалъ: „Allons travailler". Конрадъ приводитъ затѣмъ выписки изъ „Дневника" Гонкуровъ, въ которыхъ говорится о трудоспособности Зола и его бодромъ отношеніи къ жизни, и затѣмъ, по личнымъ воспоминаніямъ и общеизвѣстнымъ фактамъ, дополняетъ біографію Зола. Говоря о его творчествѣ, ему приходится—какъ и всѣмъ изучающимъ Зола—указать на непослѣдовательность его въ примѣненіи его собственныхъ теорій научнаго натурализма. Другими словами, и онъ, хорошо знавшій Зола, находитъ, что творческая личность Зола была гораздо глубже и шире, чѣмъ его надуманная теорія, и что онъ оста-

нется въ литературѣ какъ яркая индивидуальность съ пламеннымъ темпераментомъ и сильной волей, которою онъ умѣлъ вліять на другихъ.

Въ настоящее время взглядъ на личность Зола, какъ на романтика по своему писательскому темпераменту, все болѣе устанавливается въ литературѣ. Интересна въ этомъ отношеніи недавно появившаяся статья Жоржа Пелисье въ „La Revue“ (15 января 1907). Статья озаглавлена: „Emile Zola, romantique“. Авторъ доказываетъ, что Зола, создавшій натурализмъ, былъ послѣднимъ изъ романтиковъ. Пелисье говоритъ, что Зола былъ рѣзко выраженнымъ индивидуалистомъ—и что иначе быть не могло: „Натурализмъ, который не придаетъ значенія „я“, смѣшиваетъ литературу съ наукой“. Зола считаетъ, что романистъ долженъ обладать двумя свойствами: понимать дѣйствительность и индивидуально ее воспроизводить. Но второе качество не мирится съ первымъ—и въ своемъ творчествѣ Зола только теоретически говоритъ о сліяніи того и другого, а въ дѣйствительности самымъ широкимъ образомъ отдается своей артистической индивидуальности. Художественный талантъ заключается не въ точности, а въ силѣ, съ которой писатель перевоплощаетъ дѣйствительность. Пелисье напоминаетъ слова Флобера, обращенныя къ Зола: „Вы истинный романтикъ,—писалъ Зола, прочтя его „Documents littéraires“,—и вотъ почему вы мнѣ такъ нравитесь“. „Но все-таки,—говоритъ Пелисье,—я не считаю, что, какъ художникъ, Зола опровергаетъ себя какъ теоретика“. Если Зола былъ романтикомъ, то не только въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, но и въ своей теоріи экспериментальнаго романа.

III.

Georges Darien et Marcel Lauras, „Biribi“. Drame en trois actes. Paris, 1906.

Во Франціи существуетъ довольно обширная литература, направленная на борьбу съ темными сторонами милитаризма. Наиболѣе извѣстна книга Люсьена Декава, „Les sous off's“, очень мѣтко обличающая нравы, созданные злоупотребленіемъ властей, непосредственно соприкасающихся съ солдатомъ. Послѣ Декава, и въ особенности со времени дрейфусіады, обличительная литература этого рода получила широкое развитіе, причемъ, однако, хорошія намѣренія авторовъ не всегда совпадаютъ съ ихъ художественнымъ выраженіемъ. Удачными можно назвать разсказы изъ солдатской жизни Жоржа Куртэлина, одного изъ самыхъ талантливыхъ французскихъ юмористовъ. Онъ оста-

навливается на жестокихъ сторонахъ солдатской жизни, но описанія его не тенденціозны, и солдатская жизнь представлена въ нихъ довольно полно, съ ея тяжелыми и свѣтлыми моментами.

Новѣйшимъ произведеніемъ антимилитаристской литературы является драма, шедшая въ концѣ минувшаго года въ бывшемъ театрѣ Антуана, подъ заглавіемъ „Biribi“, Жоржа Дарьена и Марселя Лора. Драма эта вышла теперь отдѣльнымъ изданіемъ. Художественнаго интереса она не представляетъ почти никакого. Тенденціозность убиваетъ въ ней всякую объективность изображенія, фабула до крайности наивна, ужасы нагромождены чисто внѣшнимъ образомъ. Но драма представляетъ все-таки общественный интересъ, какъ изображенія по истинѣ страшнаго явленія французской военной жизни. Названіе драмы, „Бириби“, заимствовано изъ солдатскаго жаргона. Оно обозначаетъ исправительные батальоны въ Африкѣ,—и задача авторовъ изобразить нечеловѣческія мытарства отправляемыхъ туда солдатъ, дикій произволъ начальства надъ своими жертвами, а также возмутительную жестокость военныхъ судовъ, посылающихъ въ „Бириби“ за малѣйшую дисциплинарную провинность—безъ точнаго и безпристрастнаго слѣдствія.

Дѣйствительно, серьезность изображенныхъ въ ней фактовъ настолько велика, что документальная сторона заставляетъ забыть о несостоятельности пьесы, какъ художественнаго произведенія. Въ пьесѣ есть и благородная жертва, и настоящій мелодраматическій злодѣй, причемъ дьявольская сила, управляющая его дѣйствіями, не злоба и ненависть, а чрезмѣрная преданность духу военной дисциплины. Этотъ „злодѣй“—полковникъ французской арміи, для котораго существуетъ одинъ законъ—повиновеніе: „всѣ должны повиноваться; въ этомъ истинное равенство“, говоритъ онъ. Высшій идеалъ для него твердое исполненіе военнаго долга; величайшій грѣхъ — нарушеніе военной дисциплины. Полковникъ этотъ скроенъ по шаблону, и скорѣе представляетъ собой отвлеченное воплощеніе узко понимаемаго долга, чѣмъ живого человѣка. Но для авторовъ главное—представить принципъ зла, пагубную сторону военной дисциплины, и они приносятъ въ жертву этой цѣли индивидуальную психологію. У полковника есть сынъ Жанъ, и онъ заставляетъ его вопреки его склонностямъ, только въ силу семейныхъ традицій, вступить въ военную службу. Отношенія между отцомъ и сыномъ—очень тяжелыя. Жанъ не уживается со своимъ начальствомъ, не можетъ перенести грубаго издѣвательства надъ собой, и постоянно подвергается карамъ за нарушеніе дисциплины. Несчастіе его начинается съ того дня, какъ онъ вырывается тайкомъ изъ казармы, вопреки наложенному ему въ наказаніе запрету, и ѣдетъ домой,—куда его привлекаетъ не отецъ, а кузина, воспитанница отца.

Но отецъ, „вѣрный только военному долгу, выдаетъ его начальству. Его проступокъ вмѣняется ему въ тяжкую вину, какъ серьезное нарушеніе дисциплины;—всѣ противъ него за его строптивость и рады случаю упечь его подъ военный судъ. Въ виду накопившихся прежнихъ взысканій онъ подлежитъ военному суду,—и его отправляютъ въ дисциплинарный батальонъ — въ страшное „Бириби“. Въ первомъ дѣйствіи—одинъ изъ лучшихъ представителей арміи, лейтенантъ Ленуаръ. Онъ служитъ въ Африкѣ и находится въ отпуску. Зная положеніе дѣлъ въ африканскихъ батальонахъ, онъ разъясняетъ ихъ обществу, собравшемуся у полковника. Послѣдній сочувствуетъ всѣмъ строгостямъ дисциплины и убѣжденъ, что всѣ сосланные въ Африку — изверги, заслуженно несущіе наказаніе. Ленуаръ изумляется невѣдѣнію, господствующему во Франціи относительно того, что происходитъ въ Африкѣ. Разсказывая о дѣйствительномъ положеніи, онъ всѣми силами вступается за тѣхъ, которые ссылаются въ дисциплинарные батальоны, въ „Бириби“. Это такъ называемые „camisards“,—и то, что онъ говоритъ о нихъ, производитъ крайне тяжелое впечатлѣніе. А такъ какъ „Бириби“ составляетъ постоянный предметъ возмущеній въ лучшей части французской печати, то можно довѣрять и обстоятельнымъ даннымъ, изложеннымъ въ пьесѣ Даріена.—„За какую вину ссылаютъ въ Бириби?“—спрашиваетъ Ленуара одна изъ присутствующихъ дамъ,— и онъ твердо отвѣчаетъ:—„Туда ссылаютъ совершенно безъ вины, только за проступки противъ дисциплины, и часто за совершенно пустяшные“. Оказывается, что для ссылки въ „Бириби“ не требуется даже приговора военнаго суда. „Камизаровъ“ судитъ и осуждаетъ „корпусный совѣтъ“, т.-е. нѣсколько офицеровъ полка, въ которомъ служатъ виновные, — часто тѣ же самые офицеры, которые подвергли ихъ наказаніямъ, доведшимъ ихъ до суда. Другими словами, корпусные совѣты наказываютъ солдата за то, что онъ уже подвергался наказаніямъ до того. Человѣка могутъ сослать въ „Бириби“ за то, что онъ былъ приговоренъ—въ разные сроки—къ ста двадцати днямъ ареста, А каждый приговоръ могъ быть вызванъ самой незначительной причиной, жестомъ, выражающимъ возмущеніе, потерей щетки въ четыре су, тѣмъ, что солдатъ сказался больнымъ, а полковой врачъ не удостовѣрилъ его болѣзни и т. д.

Всѣ злоключенія и несчастья приговоренныхъ къ дисциплинарному батальону изображены въ пьесѣ на примѣрѣ сына полковника Жана. Онъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ офицеромъ, которому, вспыливъ, сказалъ, что онъ образованнѣе его и быстрѣе поднимется въ рангѣ, чѣмъ тотъ. За это офицеръ его преслѣдуетъ, постоянно наказываетъ его за пустяки, накопляя число дней ареста; онъ поклялся, что подведетъ его подъ военный судъ. Дѣйствительно, такъ какъ Жану не удается

сбѣжать изъ полка, отецъ арестуетъ его, какъ дезертира. Угроза отца, такимъ образомъ, осуществляется, и слѣдующіе два акта происходятъ въ Африкѣ, въ дисциплинарномъ батальонѣ, куда сосланъ Жанъ по приговору военнаго суда.

Картины „Бириби“ въ драмѣ напоминаютъ худшее изъ всего, что когда-либо писали объ обращеніи рабовладѣльцевъ съ неграми, — и если, дѣйствительно, фактическая сторона этихъ картинъ вѣрна, то трудно себѣ представить, что во Франціи терпятъ до сихъ поръ подобное варварство. „Камизары“, въ томъ числѣ интеллигентные люди, какъ Жанъ, отданы всецѣло на произволъ грубыхъ сержантовъ, потѣшающихся надъ ними. Ихъ заставляютъ работать подъ жгучими лучами солнца, таскать непосильныя тяжести, совершенно не обращая вниманія на болѣзнь и слабость. А малѣйшее ослушаніе, рѣзкій отвѣтъ сержанту, вызываетъ жесточайшія наказанія: провинившагося кладутъ въ нарочно-устроенныя „могилы“, т.-е. палатки, въ которыхъ они лежатъ неподвижно подъ солнцемъ, закованные въ кандалы. Имъ не даютъ воды сверхъ положеннаго литра въ день. Сержанты вымещаютъ на нихъ свое раздраженіе, мстятъ за малѣйшій протестъ. Когда сержантамъ скучно торчать въ дисциплинарной колоніи, развлекаясь только жестокими измывательствами надъ своими жертвами, — они устраиваютъ себѣ командировки въ Тунисъ. Для этого стоитъ только вывести изъ терпѣнія кого-нибудь изъ „камизаровъ“, заставить его ослушаться при свидѣтелѣ — эту услугу сержанты охотно оказываютъ другъ другу, — и онъ подвергается военному суду. Нужно отвести его въ Тунисъ и пробыть съ нимъ тамъ, пока состоится судъ. Это и составляетъ цѣль соскучившагося въ колоніи сержанта. Ему при этомъ совершенно не жаль солдата, который послѣ суда переводится въ разрядъ „телячьихъ головъ“. Образчикъ такой процедуры изображенъ въ пьесѣ, причемъ жертвой избирается несчастный Жанъ, котораго сержанты ненавидятъ за его явное превосходство и строптивость. Сержантъ придирается къ нему, и только счастливый случай освобождаетъ Жана отъ суда.

Въ пьесѣ, которая первоначально должна была закончиться благополучнымъ бѣгствомъ Жана, есть придѣланный конецъ. Жанъ — въ Лондонѣ; къ нему пріѣхала кузина, которую онъ любитъ, потомъ отецъ, котораго онъ прощаетъ. Но конецъ этотъ не имѣетъ никакого интереса,—интересны только картины „Бириби“. Возможность такихъ сценъ, хотя бы въ далекихъ колоніяхъ культурной страны, заставляетъ скептически относиться къ завоеваніямъ культуры. Въ пьесѣ Дарьена постоянно раздается возмущенный крикъ несчастныхъ жертвъ: „A bas Biribi!“. Но „Бириби“ еще существуетъ... не нарушая покоя французскаго общества.

Въ прошлой книжкѣ „Вѣстника Европы“ мы разбирали новѣйшее произведеніе Гуго фонъ-Гофмансталя. Можемъ отмѣтить существующій стихотворный русскій переводъ лучшихъ драмъ Гофмансталя, составляющихъ его сборникъ „Theater in Versen“ (въ перев. Сергѣя Орловскаго, 1906 г.). Въ сборникъ этотъ входятъ: „Смерть Тиціана“, „Безумецъ и смерть“, „Женщина въ окнѣ“, „Свадьба Зобеиды“, „Авантюристъ и пѣвица“. Русскіе читатели могутъ прочесть въ этой книгѣ философскія драмы Гофмансталя. По переводамъ г. Сергѣя Орловскаго русскіе читатели, однако, ознакомятся болѣе съ содержаніемъ, нежели съ поэтичной формой стиховъ Гофмансталя. Переводы драмъ сдѣланы безъ замѣтныхъ погрѣшностей, но очень сухимъ, негибкимъ языкомъ, безъ воодушевленія. Стихотворные переводы должны прежде всего быть тѣмъ, что нѣмцы называютъ „Nachdichtungen“—передачей лиризма оригинала. Этого нѣтъ въ переводахъ г. С. Орловскаго. Гофмансталь находитъ теперь у насъ много цѣнителей, его ставятъ на сцену, и, можно думать, попытки переводить его не ограничатся указанной книгой г. Орловскаго.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1907.

Политическое настроеніе момента и начавшіеся выборы. — Откуда можетъ явиться опасность для второй Государственной Думы. — Черносотенныя организаціи и администрація. — Дѣло священника о. Григорія Петрова. — Д. И. Менделѣевъ и Н. А. Меншуткинъ †.

Въ какомъ политическомъ настроеніи наше общество приступило ко вторымъ выборамъ въ Государственную Думу? Вся совокупность впечатлѣній и наблюденій подсказываетъ, что это настроеніе—рѣзко оппозиціонное по отношенію къ правительству. Какіе показатели такого настроенія и гдѣ лежатъ его причины?

На первый взглядъ можетъ, пожалуй, казаться страннымъ, но, въ сущности, главными показателями общественнаго настроенія въ каждый данный переживаемый моментъ служатъ не столько объективные факты, сколько субъективныя ощущенія. Соціальныя явленія вообще безконечно сложны и не поддаются исчерпывающему разложенію на составные элементы. А настроеніе общества есть даже не явленіе. Оно — обобщенное отраженіе на психикѣ массъ множества самыхъ разнообразныхъ явленій. Поэтому оно болѣе чувствуется, чѣмъ познается разсудкомъ. И раскрываютъ тайну общественнаго настроенія нерѣдко самые мелочные факты, изъ которыхъ холоднымъ анализомъ иной разъ ничего нельзя вывести, но которые создаютъ совершенно опредѣленное ощущеніе.

На предвыборныхъ собраніяхъ шумный успѣхъ имѣютъ рѣшительно повсюду ораторы, наиболѣе рѣзко осуждающіе правительство. Еще недавніе монополисты по устройству собраній и по пропагандѣ своихъ политическихъ идеаловъ — октябристы — куда-то вдругъ исчезли. И если кое-гдѣ они еще пытаются говорить, то уже совсѣмъ другимъ тономъ. Они гораздо менѣе нападаютъ, нежели оправдываются—и, что особенно характерно, оправдываются категорическимъ отказомъ отъ солидарности съ правительствомъ. Давно ли А. И. Гучковъ писалъ, что задача общества слиться съ правительствомъ и изолировать революцію. А теперь даже г. Бобрищевъ-Пушкинъ и Ю. Н. Милютинъ въ каждой публичной рѣчи подчеркиваютъ отсутствіе связи своей партіи съ министерствомъ П. А. Столыпина. Въ половинѣ декабря партіей мирнаго обновленія было устроено въ Петербургѣ публичное собраніе. Докладчикомъ выступалъ кн. Е. Н. Трубецкой,

пользующійся широкой извѣстностью и популярностью. Его слушали внимательно и послѣ доклада ему апплодировали, но сдержанно. Справа ему оппонировалъ октябристъ, въ отвѣтъ на энергичное заявленіе котораго: „мы побѣдимъ!"—въ залѣ раздался не свистъ, не протестъ, а хуже того—уничтожающій смѣхъ. Представитель партіи народной свободы, хотя его рѣчь была крайне неудачна по формѣ и уклончива по содержанію, имѣлъ успѣхъ не меньшій, чѣмъ кн. Трубецкой. Слова же представителя народно-соціалистической партіи, чрезвычайно рѣзко осуждавшаго, какъ дѣйствія правительства, такъ равно тактику мирнообновленцевъ и кадетовъ, были неоднократно покрываемы громомъ единодушныхъ апплодисментовъ. Между тѣмъ, надо помнить, что все это происходило не на общедоступномъ митингѣ, а на собраніи, куда имѣли право входа только лица, получившія билеты отъ комитета партіи мирнаго обновленія. Слѣдовательно, если и былъ искусственный подборъ публики, то, во всякомъ случаѣ, не въ пользу крайнихъ лѣвыхъ элементовъ. Въ январѣ, то же самое многократно повторялось на кадетскихъ собраніяхъ. Побѣдителями съ нихъ зачастую уходили соціалъ-демократы, трудовики и соціалисты-революціонеры.

Общій тонъ прогрессивной печати увѣренный, а реакціонной—шумно-тревожный. Реакціонная печать, пока что, не сдается. „Новое Время" еще твердитъ о повсемѣстномъ успѣхѣ на выборахъ октябристовъ, но въ каждой статьѣ и замѣткѣ о пораженіи оппозиціи чувствуется, что газета старается убѣдить своихъ читателей въ томъ, въ чемъ сама не убѣждена. Прогрессивная печать видимо нашла вѣрную ноту, встрѣчающую живой откликъ въ обществѣ—ноту протеста,—и твердо на ней держится. Реакціонная же—какъ будто все нащупываетъ почву: то обрушивается на г. Гурко, то доказываетъ, что по обстоятельствамъ, при которыхъ производилась сдача поставки г. Лидвалю, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ не могъ поступить иначе, чѣмъ онъ поступилъ,—то защищаетъ законъ о собраніяхъ и пріемы его примѣненія на практикѣ,—то вдругъ критикуетъ ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ,—то намекаетъ, что вторую Думу „разгонятъ",—то утверждаетъ, что надъ режимомъ бюрократическаго произвола и самовластія поставленъ крестъ безповоротно.

Приведенные показатели, не споримъ, очень и очень условны. Также точно мы не считаемъ безусловнымъ показателемъ общественнаго настроенія извѣстія о результатахъ избранія выборщиковъ, хотя практическое значеніе оцѣнки настроенія въ настоящій моментъ въ томъ и заключается, чтобы предопредѣлить составъ народныхъ представителей. Но если сопоставить извѣстія о выборахъ, доходящія неоффиціальнымъ путемъ, съ явно тенденціозными, чтобы не сказать

болѣе, сообщеніями петербургскаго телеграфнаго агентства, то становится очевиднымъ, что ходъ выборовъ обнаружилъ нѣчто, не ожидавшееся министерствомъ, для противодѣйствія чему понадобились оффиціозныя измышленія. Это „нѣчто"—протестъ противъ правительства.

По оффиціальнымъ толкованіямъ протестъ вызванъ искусственно, кознями оппозиціонныхъ партій. „Съ наступленіемъ начала выборовъ—значится въ телеграммѣ предсѣдателя совѣта министровъ, распубликованной 18 января,—нѣкоторыя политическія партіи, съ цѣлью склонить на свою сторону избирателей, не ограничиваются распространеніемъ среди населенія своихъ взглядовъ и убѣжденій путемъ печати и собраній, но силятся представить въ искаженномъ свѣтѣ дѣйствія и намѣренія правительства, для проведенія на выборахъ лицъ, враждебно къ нему настроенныхъ". Такъ ли это въ дѣйствительности? Нужно ли представлять въ искаженномъ свѣтѣ дѣйствія и намѣренія правительства, дабы обезпечить успѣхъ оппозиціонныхъ кандидатовъ? Зачѣмъ искажать законъ о военно-полевыхъ судахъ, когда жизнь уже безспорно доказала всю безцѣльность тысячи казней? Зачѣмъ искажать сенатскія разъясненія, когда они вполнѣ достаточно краснорѣчивы въ буквальномъ воспроизведеніи ихъ текста? Развѣ нужно что-либо прибавлять къ циркуляру о чиновникахъ или о воспрещеніи кадетамъ разсылать избирательные бюллетени? Развѣ слѣдствія упраздненія общины не понятны крестьянамъ безъ комментаріевъ? Развѣ мало голаго факта сдачи поставки хлѣба для голодающихъ г. Лидвалю только потому, что онъ показался товарищу министра „человѣкомъ американской складки"?...

Нѣтъ, шесть мѣсяцевъ, протекшихъ со времени роспуска первой Думы, такъ систематично питали оппозиціонное настроеніе, что теперь относить его естественныя проявленія на счетъ козней „нѣкоторыхъ политическихъ партій"—болѣе, чѣмъ странно. Но что ждетъ, въ такомъ случаѣ, вторую Думу?

Передъ созывомъ первой Думы тоже нелегко было на душѣ. Надеждѣ на мирное и безотлагательное разрѣшеніе кризиса, черезъ посредство конституціоннаго строя и органической законодательной работы представителей народа, тогда тоже угрожала опасность съ двухъ сторонъ. Опасность „разгона"—со стороны правительства, а съ другой стороны, опасность, что Дума сама откажется отъ органической работы и ограничится требованіями учредительнаго характера. Эта вторая опасность тогда казалась болѣе близкой. Въ „разгонъ" Думы тогда не вѣрилось. Теоретическія же требованія всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права, къ тому же безъ различія пола, ставили во главу партійной программы даже кадеты, не говоря уже о бойкотировавшихъ выборы изъ-за несовершенства избирательной

системы соціалъ-демократахъ. Первые шаги Думы показали противное. Дума оказалась на высотѣ пониманія своего значенія и сразу приступила къ аграрному и другимъ жгучимъ очереднымъ вопросамъ практической важности. Теперь теоретическіе програмные тезисы ни одной партіей не выдвигаются съ прежней страстностью и никто выборовъ не бойкотируетъ. Но—что для спокойной въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени работы и второй Думы можетъ возникнуть опасность внутри ея самой—этого нельзя отвергать.

Недостатки системы выборовъ создаютъ лишь проблематическія предположенія объ искусственномъ устраненіи отъ возможности быть членами Думы тѣхъ или иныхъ лицъ. Привлеченіе же по 129 ст. уголовнаго уложенія ста-восьмидесяти членовъ первой Думы, подписавшихъ выборгское воззваніе, создало не предположеніе, а реальный фактъ устраненія такихъ лицъ, которыя имѣли всѣ шансы быть снова выбранными. Какъ ни какъ, но должно же дѣло о нихъ когда-нибудь дойти до конца — или до прекращенія, за отсутствіемъ въ дѣяніи состава преступленія, или до судебнаго приговора. Допустимъ второе. Допустимъ даже осужденіе не по 132 ст. (за составленіе возбуждающаго сочиненія), а по ст. 129 (за участіе въ распространеніи такого сочиненія). И все-таки осужденные выйдутъ изъ залы суда политически-полноправными гражданами, ибо нельзя ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что не найдется судей, которые бы всѣмъ ста-восьмидесяти привлеченнымъ къ отвѣтственности членамъ первой Думы назначили высшее изъ предоставленныхъ усмотрѣнію суда наказаній. Примирится ли вторая Дума съ устраненіемъ отъ активной политической дѣятельности на цѣлыхъ пять лѣтъ ста-восьмидесяти первыхъ избранниковъ народа, которые были лишены правъ только на время выборовъ? Нельзя сейчасъ утверждать съ положительностью, что большинство второй Думы будетъ состоять изъ лицъ, единомышленныхъ съ подписавшими выборгское воззваніе. Но что такихъ лицъ будетъ въ Думѣ значительное число — это уже выяснилось. Передъ ними неизбѣжно, роковымъ образомъ, самъ собою выдвинется поставленный вопросъ въ тотъ же день, когда судъ вынесетъ приговоръ по дѣлу о выборгскомъ воззваніи.

Какъ бы въ предупрежденіе этого вопроса, петербургской губернской, по дѣламъ о выборахъ, коммиссіей уже пущено въ ходъ такое толкованіе ст. 7 положенія о выборахъ, по которому лицо, разъ оно привлекалось къ суду по обвиненію въ дѣяніи, за каковое можетъ быть назначено наказаніе, влекущее лишеніе правъ, — оказывается пожизненно лишеннымъ избирательныхъ правъ, независимо отъ назначеннаго наказанія, если только оно не было вовсе судомъ оправдано. Толкованіе состоялось по дѣлу редактора прекращенной газеты

дательства. Во второмъ раздѣлѣ первой части тома перваго, въ „учрежденіи о Императорской фамиліи", оказалась ст. 222: „Царствующій Императоръ, *яко неограниченный Самодержецъ*, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ власть отрѣшать неповинующагося отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ и поступать съ нимъ, яко преслушнымъ волѣ Монаршей". Хотя основные законы были изданы въ составѣ перваго тома свода законовъ еще въ маѣ, но юристы реакціоннаго лагеря обнаружили ст. 222 лишь недавно и, на основаніи ея текста, теперь утверждаютъ, что прежніе порядки, въ отличіе отъ новыхъ,—все, что угодно, но отнюдь не неограниченность царской власти. Чтобы показать всю формальную, даже, несостоятельность подобнаго утвержденія, достаточно напомнить, что весь раздѣлъ, посвященный „учрежденію о Императорской фамиліи", отсутствовалъ въ основныхъ законахъ 23 апрѣля, и что въ томъ первый изданія 1906 г. онъ перенесенъ изъ одноименнаго тома изданія 1892 г. кодификаціоннымъ порядкомъ. А потому, при очевидномъ противорѣчіи между ст. 4 и 222, послѣдняя ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить основаніемъ для пониманія смысла первой. Слова ст. 222: „яко неограниченный самодержецъ"—составляютъ плодъ простого кодификаціоннаго недосмотра. Но что они создаютъ большой соблазнъ для тѣхъ, чей лозунгъ: „долой подлую конституцію", равно для тѣхъ, кто твердо стоитъ на афоризмѣ: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое"—этого отвергать, къ сожалѣнію, невозможно.

Архаическія духовныя консисторіи нѣтъ-нѣтъ и напомнятъ о своемъ забытомъ существованіи и о той власти карательныхъ воздѣйствій, которая имъ принадлежитъ. Передъ нами любопытнѣйшій документъ: указъ петербургской духовной консисторіи, отъ 9 января 1907 г., по дѣлу о „заштатномъ священникѣ с.-петербургской епархіи Григоріѣ Петровѣ, обвиняемомъ во вредной публицистической и литературной дѣятельности и самовольномъ, безъ законнаго разрѣшенія, проживаніи въ Москвѣ". Нѣсколько лѣтъ назадъ священникъ Григорій Петровъ пользовался широкой извѣстностью, какъ лекторъ богословія и какъ проповѣдникъ. Его публичныя бесѣды въ аудиторіяхъ Михайловской артиллерійской академіи, настоятелемъ церкви которой онъ состоялъ, привлекали громадныя массы слушателей изъ самыхъ разнообразныхъ классовъ общества. Затѣмъ, въ 1903 г., когда „столичное епархіальное начальство получило свѣдѣнія о неправославномъ характерѣ его учебныхъ и публичныхъ лекцій", онъ вынужденъ былъ оставить этого рода дѣятельность и отдался публицистикѣ. Какъ публицистъ, священникъ Петровъ тоже пріобрѣлъ въ короткое время не менѣе ши-

рокую извѣстность. Онъ работалъ преимущественно въ „Русскомъ Словѣ“, а съ января прошлаго года сталъ издавать въ Москвѣ народную газету „Правда Божія“. Газета, умѣло и искренно поставленная, быстро стала пользоваться заслуженнымъ успѣхомъ. Въ результатѣ на ея издателя-редактора посыпался рядъ политическихъ доносовъ. А такъ какъ онъ, хотя и „безмѣстный“, но священникъ, то разсмотрѣніемъ ихъ занялось не главное управленіе по дѣламъ печати, а духовная консисторія.

Въ указѣ приведенъ подробный перечень этихъ доносовъ, съ изложеніемъ сущности каждаго изъ нихъ. Пастырское собраніе въ Москвѣ первое возбудило ходатайство: „а) просить, гдѣ слѣдуетъ, если не о совершенномъ прекращеніи изданія „Правды Божіей“, то о немедленномъ измѣненіи сего кощунственнаго названія; б) просить о воспрещеніи священнику Петрову дальнѣйшаго пребыванія въ Москвѣ и ея окрестностяхъ; в) просить св. синодъ войти въ разсмотрѣніе того, не благовременно ли привлечь священника Петрова къ отвѣтственности передъ церковью за искаженіе православнаго ученія и распространеніе ложныхъ противообщественныхъ и противохристіанскихъ ученій“. Въ мотивахъ пастырское собраніе, между прочимъ, указывало, „что священникъ Петровъ посредствомъ своей газеты вноситъ великій соблазнъ въ душу простого народа, возбуждаетъ въ массахъ недовольство существующими порядками и политическое броженіе, медленно отравляя ихъ ядомъ соціализма и презрѣнія къ святой православной церкви“. Два слѣдующихъ доноса представилъ „всенародный русскій союзъ“ въ лицѣ князя А. Щербатова, Грингмута, Шмакова, Шарапова и друг. Союзъ „почтительнѣйше просилъ“ „обратить вниманіе на дѣятельность іерея петербургской епархіи Григорія Петрова, дѣйствующаго въ Москвѣ безъ разрѣшенія мѣстной епархіальной власти, иначе верховный градъ Москва обратится въ разсадникъ церковной смуты и духовнаго разврата всего православнаго русскаго народа“. Въ другомъ доносѣ союзъ писалъ, что газета „Правда Божія“ направлена „не только противъ коренныхъ основъ русскаго государства и, главнымъ образомъ, противъ частной собственности и властей предержащихъ, но даже противъ церкви“. Далѣе доносилъ предсѣдатель всесословнаго народнаго союза въ Екатеринбургѣ. Наконецъ, консисторія приняла во вниманіе письмо на имя московскаго митрополита отъ лица, „подпись котораго не разобрана“. Въ этомъ письмѣ—значится въ указѣ — „указывается на то, что въ № 5 газеты „Правда Божія“, которую, по словамъ автора письма, скорѣе можно назвать „клевета на правительство и государевыхъ слугъ“, священникъ Петровъ исказилъ третье прошеніе молитвы Господней, причемъ цѣль всей статьи та, чтобы натравить народъ на законныя власти, усми-

рившія мятежъ и ограждающія свободу мирныхъ жителей, и прославить тупыхъ убійцъ изъ-за угла, сѣющихъ всякое зло въ народѣ".

Мы позволили себѣ привести столь подробныя выписки изъ указа консисторіи потому, что онѣ весьма, по нашему мнѣнію, характерны во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онѣ ясно показываютъ, что преслѣдованіе священника Петрова возникло на почвѣ политики. „Искаженіе третьяго прошенія молитвы Господней" или „презрѣніе къ святой православной церкви" и т. п.—не больше какъ поводы для обращенія къ духовной власти. Главное—„колебаніе основъ государства", подрывъ неприкосновенности „частной собственности" и „прославленіе тупыхъ убійцъ изъ-за угла". Во-вторыхъ, съ общественной точки зрѣнія онѣ характерны, какъ показатели пріемовъ борьбы съ политическими противниками всякаго наименованія „истинно-русскихъ людей". Въ-третьихъ, сопоставленіе ихъ съ рѣшеніемъ консисторіи краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ органахъ церковнаго управленія, какъ о чемъ-то среднемъ между свѣтскимъ судомъ и охраннымъ отдѣленіемъ.

Консисторія опредѣлила: „1) послать священника Григорія Петрова въ Черменецкій монастырь, съ запрещеніемъ священнослуженія, въ клиросное послушаніе на три мѣсяца; 2) воспретить священнику Петрову его вредную публицистическую дѣятельность съ обязательствомъ не предпринимать впредь никакихъ литературныхъ занятій безъ особливаго разрѣшенія епархіальнаго начальства и съ отобраніемъ отъ него соотвѣтственной на сей предметъ подписки.

Это рѣшеніе вызвало осужденіе даже на страницахъ „Церковнаго Вѣстника". „Религіозная или нравственная недоброкачественность словъ и статей оо. Михаила и Григорія — читаемъ въ этой газетѣ— не доказаны, да и не могутъ быть доказаны, судя по обвинительному приговору надъ о. Петровымъ, но вниманіе къ нимъ, и именно къ нимъ, громадной, чуткой къ христіанскимъ идеямъ аудиторіи показываетъ, что они затронули тѣ струны сердца, которыя были беззвучны для нашихъ обычныхъ проповѣдниковъ. Ихъ осужденіе — симптомъ крайней маложизненности церковнаго организма, который неизмѣримо далеко отстоитъ отъ идеала... Не уподобляемся ли мы тѣмъ, которые, желая исторгнуть плевелы, вырываютъ и пшеницу?"... Осуждаетъ консисторію и г. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени", но, какъ „ошибку, чтобы не сказать: скандалъ, что было бы точнѣе", — пишетъ онъ, и продолжаетъ: „Конечно, духовное начальство не подумало о послѣдствіяхъ своего осужденія. Оно проявило строгость, оно поступило согласно установившейся вѣками практикѣ... Но посмотрите, какъ затрубили, засвистали, забили въ барабаны по этому пустому (!) поводу еврейскія газеты! Съ какой трогательной поспѣшностью они

взяли русскаго священника и монаха подъ свою защиту! Передъ выборами въ Думу развернулась серія политическихъ скандаловъ, и въ числѣ ихъ такой интересный—въ самыхъ чувствительныхъ нѣдрахъ"...

Въ теченіе какихъ-нибудь трехъ дней истекшаго мѣсяца смерть похитила двухъ выдающихся, первоклассныхъ дѣятелей въ одной и той же научной области: 20-го января скончался Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ, а вслѣдъ за нимъ, 23-го, — Николай Александровичъ Меншуткинъ. Первый родился въ Тобольскѣ въ 1834 году и умеръ, такимъ образомъ, достигнувъ 73-хъ лѣтъ, а второй — въ Петербургѣ въ 1842 году, едва 65-ти лѣтъ отъ роду.

Д. И. Менделѣевъ, лишившись въ дѣтствѣ отца, бывшаго директоромъ тобольской гимназіи, переселился, по окончаніи гимназическаго курса, сначала въ Москву, а затѣмъ—въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ педагогическій институтъ, который тогда помѣщался въ одномъ зданіи съ университетомъ и состоялъ потому съ нимъ въ близкой связи, имѣя притомъ однихъ и тѣхъ же лучшихъ профессоровъ того времени, какъ Воскресенскій—по химіи, Степанъ Куторга—по физикѣ, Савичъ—по астрономіи. Окончивъ курсъ въ 1852 году, онъ, по слабости здоровья, получилъ мѣсто учителя гимназіи на югѣ, сначала въ Симферополѣ, а потомъ—въ Одессѣ; начавъ службу, онъ готовился вмѣстѣ съ тѣмъ къ экзамену на степень магистра по химіи и физикѣ, и въ 1856 г. возвратился въ Петербургъ. По полученіи ученой степени, онъ поступилъ приватъ-доцентомъ и началъ читать лекціи по органической химіи; но для пріобрѣтенія каѳедры профессора необходима была степень доктора, для приготовленія къ которой Менделѣевъ и былъ командированъ въ 1859 году за-границу на три года. По возвращеніи изъ-за-границы, въ 1861 году, онъ, въ званіи доцента, открылъ чтеніе курса химіи, а въ 1866 году, защитивъ диссертацію на степень доктора, получилъ каѳедру профессора химіи, которую и сохранялъ за собою до 1890 года. Съ 1866 года началась обширная и многосторонняя дѣятельность Менделѣева, доставившая ему скоро громкую и далекую извѣстность первокласснаго химика, а его замѣчательные труды тотчасъ же пріобрѣтали извѣстность во всемъ ученомъ мірѣ; одно перечисленіе этихъ трудовъ составило бы обширный каталогъ. Не ограничиваясь областью чистой науки, Менделѣевъ выступалъ и въ области примѣненія выводовъ ея на практикѣ. Оставивъ каѳедру въ университетѣ въ 1890 году, онъ вскорѣ затѣмъ сталъ во главѣ только-что открытой тогда палаты мѣръ и вѣсовъ, гдѣ и оставался до самой смерти. Экономическія богатства Россіи много обязаны ему указаніемъ ихъ источниковъ и лучшихъ мѣръ

для ихъ эксплуатаціи. Въ послѣднее время онъ предпринялъ особое изданіе цѣлаго ряда книжекъ подъ общимъ заглавіемъ: „Къ познанію Россіи“, гдѣ онъ думалъ въ популярной формѣ познакомить общество съ неисчерпаемыми богатствами Россіи и тѣмъ самымъ возбудить энергію къ использованію ихъ. Еще до полученія вѣсти о смерти Д. И. Менделѣева, у насъ былъ уже напечатанъ выше, въ „Литературномъ Обозрѣніи“, рефератъ объ этомъ послѣднемъ, оказавшемся предсмертнымъ трудомъ покойнаго, гдѣ его изслѣдованія должны были уже зависѣть отъ мало удовлетворительнаго положенія отечественной статистики, что, конечно, должно было отразиться невыгодно и на результатѣ предпринятой имъ работы.

Въ 1861 году, какъ мы видѣли, Д. И. Менделѣевъ возвратился изъ-за-границы и открылъ чтеніе курса въ петербургскомъ университетѣ, а въ 1862 году Н. А. Меншуткинъ еще только окончилъ курсъ кандидатомъ на физико-математическомъ факультетѣ, по отдѣленію естественныхъ наукъ, и вслѣдъ затѣмъ, въ 1863 г., отправился на три года за-границу, для работъ въ лучшихъ лабораторіяхъ и приготовленія диссертаціи на магистра. По возвращеніи изъ-за-границы и по защитѣ магистерской диссертаціи въ 1866 году, Н. А. Меншуткинъ получилъ первую ученую степень и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ допущенъ къ чтенію лекцій по химіи, въ званіи приватъ-доцента, когда въ этомъ же году Д. И. Менделѣевъ, какъ мы видѣли, получилъ каѳедру профессора химіи. Оба они оставили университетъ другъ за другомъ: Д. И. Менделѣевъ — въ 1890 г., а Н. А. Меншуткинъ, будучи утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора въ 1891 г., состоялъ съ 1893 г. заштатнымъ профессоромъ. Но онъ не прерывалъ профессорской дѣятельности до конца жизни и умеръ профессоромъ въ новомъ, не такъ еще давно открытомъ политехническомъ институтѣ въ мѣстности Лѣсного. Изъ своей спеціальной и строго научной дѣятельности Н. А. Меншуткинъ также выходилъ, но совсѣмъ въ другую область практики: въ качествѣ землевладѣльца въ лужскомъ уѣздѣ, онъ состоялъ гласнымъ сначала лужскаго уѣзднаго, а затѣмъ и губернскаго земскаго собранія, что открыло ему дѣятельность члена губернскаго училищнаго совѣта и возбудило въ немъ большой интересъ къ вопросамъ народнаго образованія: въ совѣтѣ онъ былъ всегда сторонникомъ и ревностнымъ защитникомъ училищнаго дѣла отъ притязаній администраціи министерства народнаго просвѣщенія того времени.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ „Попечительства Трудовой Помощи".

Попечительство о трудовой помощи, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, не успѣло еще закончить всѣхъ предпринятыхъ имъ общественныхъ работъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1905 г., какъ новое бѣдствіе потребовало вновь самой напряженной дѣятельности всѣхъ учрежденій и благотворительныхъ обществъ, призванныхъ къ оказанію помощи при неурожаяхъ.

Нѣкоторые наши сотрудники по оказанію трудовой помощи (въ бузулукскомъ, вольскомъ, хвалынскомъ и камышинскомъ уѣздахъ), оставшись на мѣстахъ, немедленно же съ половины сентября, насколько позволяли средства, имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи, приступили къ организаціи работъ въ наиболѣе пострадавшихъ селеніяхъ. При этомъ, совершенно исключая даровую помощь, имѣется въ виду доставленіе населенію заработка производствомъ разнообразныхъ работъ по водоснабженію, улучшенію сельскихъ дорогъ, укрѣпленію овраговъ, облѣсенію песковъ и т. п.; такимъ образомъ оказывается помощь вдвойнѣ, такъ какъ независимо заработка весь трудъ крестьянъ обращается на благоустройство ихъ же родного селенія или на улучшеніе ихъ же угодій.

Широко организованныя послѣ неурожая 1905 г. подобныя работы, а также оказанная помощь различнымъ кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ орловской, рязанской, самарской, саратовской, тамбовской и тульской—встрѣтили повсемѣстно большое сочувствіе со стороны крестьянъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также постановленія и горячія ходатайства мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній о продолженіи работъ. Къ сожалѣнію средства, которыми располагаетъ нынѣ Попечительство, чрезвычайно ограничены. Запасный капиталъ, образованный для организаціи помощи при народныхъ бѣдствіяхъ, исчерпанъ и въ распоряженіи моемъ имѣется всего 700.000 р., предоставленныхъ Попечительству изъ суммъ, ассигнуемыхъ правительствомъ для борьбы съ послѣдствіями неурожая. Поступившія же непосредственно въ Попечительство ходатайства во много разъ превышаютъ эту сумму. Предстоитъ такимъ образомъ ограничить дѣятельность немногими лишь уѣздами, постоянно въ то же время отказывая нуждающимся въ просьбахъ дать заработокъ и возможность поддержать упадающее хозяйство. Понятно, до чего невыразимо трудно отказывать въ подобныхъ случаяхъ при видѣ дѣйствительной нужды...

Отправляясь въ объѣздъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерній, чтобы на мѣстахъ обсудить и выяснить возможность наиболѣе цѣлесообразно использовать тѣ небольшія средства, которыми

мы располагаемъ и изъ которыхъ уже часть израсходована на производство осеннихъ работъ, обращаемся ко всѣмъ, кто пожелаетъ внести свою лепту для облегченія крестьянской нужды и кому по сердцу *трудовая помощь*, съ просьбою теперь же поспѣшить съ посильными пожертвованіями, не стѣсняясь ихъ размѣрами, какъ бы скромны они ни были. Всѣ указанія относительно направленія пожертвованій въ тѣ или иныя мѣстности, или на тѣ или иныя работы, будутъ въ точности исполнены.

Пожертвованія можно направлять непосредственно къ Главноуполномоченному Общества (С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 27) и въ Канцелярію Комитета Попечительства о трудовой помощи (Надеждинская, 41).

О пожертвованіяхъ печатается въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" и въ журналѣ „Трудовая Помощь", а также въ тѣхъ изданіяхъ, въ коихъ будетъ открытъ пріемъ пожертвованій.

Главноуполномоченный Попечительства, статсъ-секретарь *Галкинъ-Враской*.

II. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность организаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ:* предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ“ (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ“ (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями“ (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ“ (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи“ (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ“ (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ“ (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ“ (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ“ (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей“ (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей“ (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ“ (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей“ (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ“ (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли“ (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей“ (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ“ (Англійскій пр., 45).

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА

Январь—Февраль, 1907.

Книга первая.—Январь.

	стр.
Константинъ Карловичъ Гротъ.—А. Ѳ. КОНИ.	5
Между свѣтомъ и тьмой.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая.—ВАЛЕР. СВѢТЛОВА	14
Эстетика Вл. Соловьева.—Э. РАДЛОВА	84
Два стихотворенія.—I. Въ туманѣ.—II. Бурной ночью.—О. ЧЮМИНОЙ.	118
Зиновій Голубъ.—Разсказъ.—С. КАРАСКЕВИЧЪ-ЮЩЕНКО	120
Довольно!..—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.	169
Манчжурскіе очерки.—Личныя наблюденія и замѣтки.—I-VI.—АЛЕКС. РОТШТЕЙНА	171
Крестьяне.—Романъ.—Georges Beaume, Les Jacques.—I-V.—Съ франц. О. Ч.	194
„Дневникъ“ графа П. А. Валуева.—1880-ый годъ.—Январь—апрѣль	232
Членъ парламента.—Романъ.—Catherine Cecil Thurston, John Chilcote, M. P.—I-VII.—Съ англ. З. В.	281
Хроника.—Наканунѣ новой Думы.—Очеркъ.—Л. З. СЛОНИМСКАГО.	334
Внутреннее Обозрѣніе. — Положеніе дѣлъ на рубежѣ новаго года. —Историческія параллели. — Вопросъ о чрезвычайной охранѣ. — „Легализація“ партій и ея результаты. — Допустимо ли оставленіе „внѣ закона“ хотя бы самыхъ крайнихъ лѣвыхъ партій?—Новая инструкція о выборахъ.—Новое сенатское „разъясненіе“.—Выборы и духовенство.	346
Литературное Обозрѣніе. — I. „Очерки и разсказы“, М. П. Чехова.—II. „Повѣсти и разсказы“, Б. Лазаревскаго.—А. К.—III. Агафоновъ, В. К., Наука и жизнь. — IV. Котляревскій, Н., Декабристы. — V. Лемке, Мих., Политическіе процессы.—ЕВГ. Л.—VI. И. И. Янжулъ, Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва.—VII. А. Скворцовъ, Аграрный вопросъ и Государственная Дума. — В. В.—Новыя книги и брошюры.	361
Иностранное Обозрѣніе.—Международное положеніе въ Европѣ за истекшій годъ.—Марокканская конференція и ея результаты.—Колоніальные вопросы въ германскомъ парламентѣ. — Роспускъ имперскаго сейма и внутренняя политика.—Политическія дѣла во Франціи, въ Англіи и Австро-Венгріи.—Русско-японскіе переговоры.	399
Новости Иностранной Литературы. — I. Hugo von Hofmannsthal. Kleine Dramen.—II. Jules Sageret. Les grands convertis.—З. В.	415
Изъ Общественной Хроники.—За мѣсяцъ до выборовъ.—„Октябристы“ и „кадеты“.—Чрезвычайная охрана.—Отношеніе „деревни“ къ оказаннымъ ей благодѣяніямъ.—Еврейскій вопросъ и „патріотизмъ“ реакціонной печати.—Петербургское юридическое общество.	429
Извѣщенія.—I. Отъ „Попечительства Трудовой Помощи“.—II. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.—III. Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра	445
Библіографическій Листокъ. — Переписка Пушкина, изд. Академіи Наукъ, подъ редакціей В. Саитова, т. I. — Пушкинъ и его современники, вып. IV.—Церковь и государство въ Россіи, С. Мельгунова.—Князь Серебряный, пов. гр. А. К. Толстого, 40-ое изданіе.	

Книга вторая.—Февраль. стр.

„Дневникъ“ графа П. А. Валуева.—1880-ый годъ.—Май—Сентябрь. 449
Манчжурскіе очерки.—Личныя наблюденія и замѣтки.—VII-XIII.—Окончаніе.—
АЛЕКС. РОТШТЕЙНА 477
Между свѣтомъ и тьмой.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая.—I-XIV.—
Окончаніе.—ВАЛЕР. СВѢТЛОВА. 510
Иванъ Александровичъ Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи.—
„Лѣтописецъ“ — „Автобіографія“ — Переписка.—М. СУПЕРАНСКАГО. 567
Золотое дно.—Повѣсть.—I-VIII.—Юл. БЕЗРОДНОЙ. 591
Обращеніе вл. Августина.—Очеркъ.—I-IV.—В. И. ГЕРЬЕ. 651
Крестьяне.—Georges Beaume, Les Jacques.—VI-X.—Съ франц. О. Ч. . . 688
Люси.—Поэма.—Изъ Альфреда де Мюссэ.—ЗИНАИДЫ Ц. 724
Членъ парламента. — Романъ. — Catherine Cecil, John Chilcote, M. P.—
VIII-XV.—Съ англ. З. В. 728
Стихотворенія.—I. На закатѣ.—II. Путникамъ.—О. ЧЮМИНОЙ. . . . 775
Хроника.—Разложеніе партій и ноябрьскіе выборы въ Америкѣ.—
I-III.—II. А. ТВЕРСКОГО. 777
Внутреннее Обозрѣніе.—Можетъ ли Россія считаться конституціоннымъ государствомъ?—Бюджетное право Думы.—Отвѣтственность министровъ.—Конституціонализмъ и парламентаризмъ.—Государственный Совѣтъ.—Недостатки основныхъ законовъ.—Министерская декларація.—„Истинно-русскіе люди“ и Дума.—Странные совѣты.—Начало выборовъ въ Государственную Думу. 794
Литературное Обозрѣніе.—I. Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки.—II. Айхенвальдъ, Ю., Силуэты русскихъ писателей, вып. I.—III. Львовъ-Рогачевскій, В., Борьба за жизнь. Сборникъ статей.—IV. Герценъ, А. И., Проблемы культуры, съ франц.—V. Г. Джорджъ, Общественныя задачи. Переводъ съ англ. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого.—VI. Мультатули, Повѣсти, сказки и легенды.—VII. Egnos, Сборникъ статей по литературѣ и исторіи.—ЕВГ. Л.—VIII. Петръ Вейнбергъ, Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ.—З. В.—IX. Н. Карѣевъ, Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ.—П. Ш-ій.—X. Д. Менделѣевъ, Къ познанію Россіи.—XI. Статистическія свѣдѣнія по земельному вопросу въ европейской Россіи.—XII. Храневичъ, В., Очерки экономическаго быта въ Царствѣ Польскомъ.—Бр. И. и П. Лопатины, Очерки исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ.—XIII. Какъ устраиваются городскія общественныя работы. (Опытъ германскихъ городовъ). Переводъ съ нѣмецкаго и предисловіе В. А. Гагена.—В. В.—Новыя книги и брошюры. 812
Замѣтка.—По поводу „книги“ Чамберлена.—Л. З. СЛОНИМСКАГО. . 852
Иностранное Обозрѣніе.—Парламентскіе выборы въ Германіи.—Особенности нѣмецкой политической жизни.—Прусскіе порядки и либерализмъ.—Избирательныя заявленія князя Бюлова.—Упадокъ старыхъ либеральныхъ партій.—Вопросъ о личномъ режимѣ.—Общіе результаты выборовъ.—Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи.—Перемѣна царствованія въ Персіи 857
Новости Иностранной Литературы.—I. H. Bahr, Ringelspiel, in drei Akten.—II. Emile Zola, von Michael-Georg Conrad.—III. G. Darien et M. Lauras, „Biribi“, drame en trois actes.—З. В. 870
Изъ Общественной Хроники.—Политическое настроеніе момента и начавшіеся выборы.—Откуда можетъ явиться опасность для второй Государственной Думы.—Черносотенная организація и администрація.—Дѣло священника о. Григорія Петрова.—Д. И. Менделѣевъ и Н. А. Меншуткинъ †. 883
Извѣщенія.—I. Отъ „Попечительства Трудовой Помощи“.—II. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія 896
Библіографическій Листокъ.—Русскіе портреты XVIII и XIX стт. Изд. В. Кн. Николая Михаиловича. Т. II, вып. 4.—А. Брикнеръ, Смерть Павла I.—М. Сервантесъ, Донъ-Кихотъ Ламанчскій; съ испанскаго М. В. Ватсонъ, ч. I.—Зѣлинскій, Ѳ., Соперники христіанства.—Павловъ, Е., На Дальнемъ Востокѣ въ 1905 году.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки